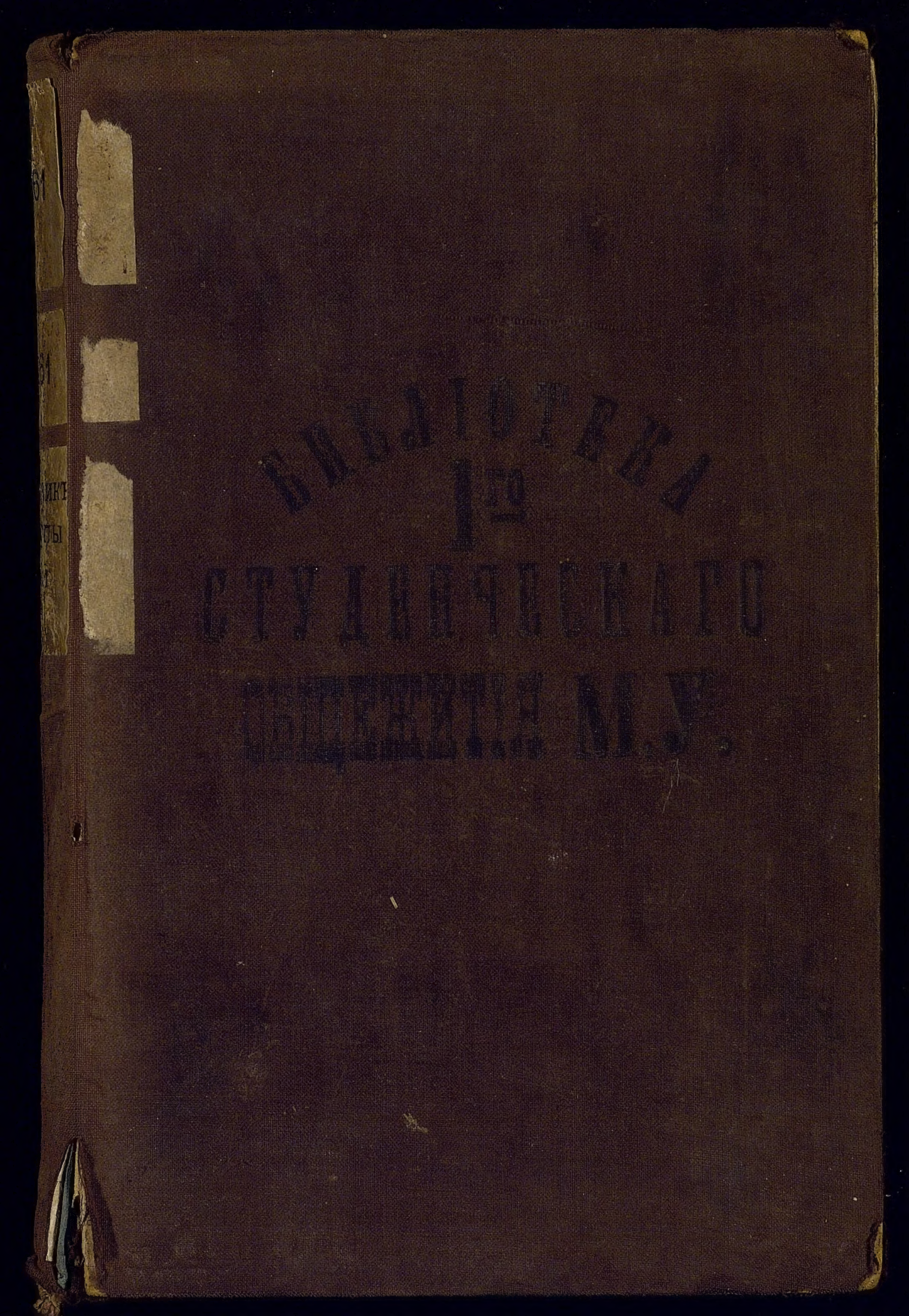
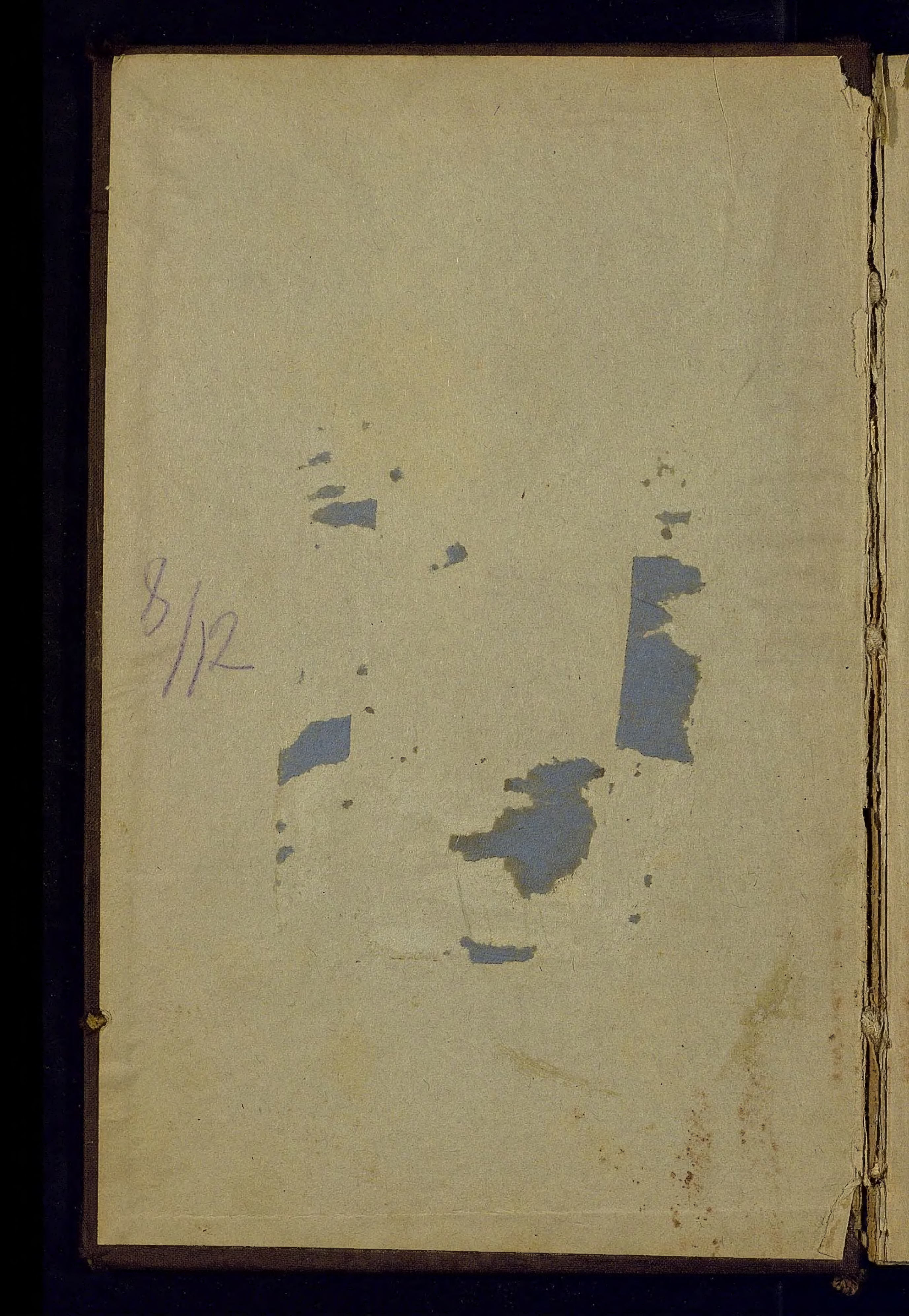
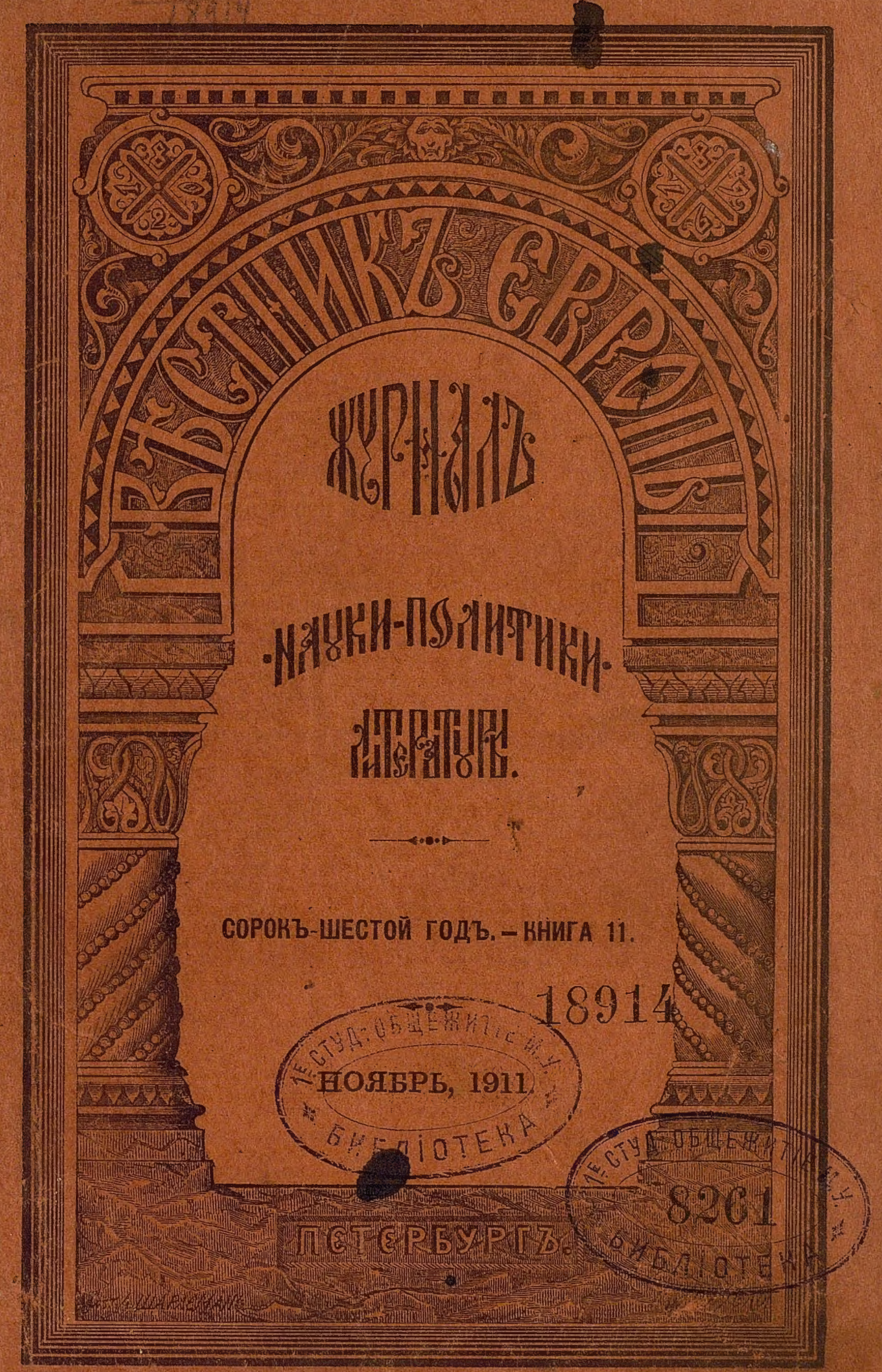

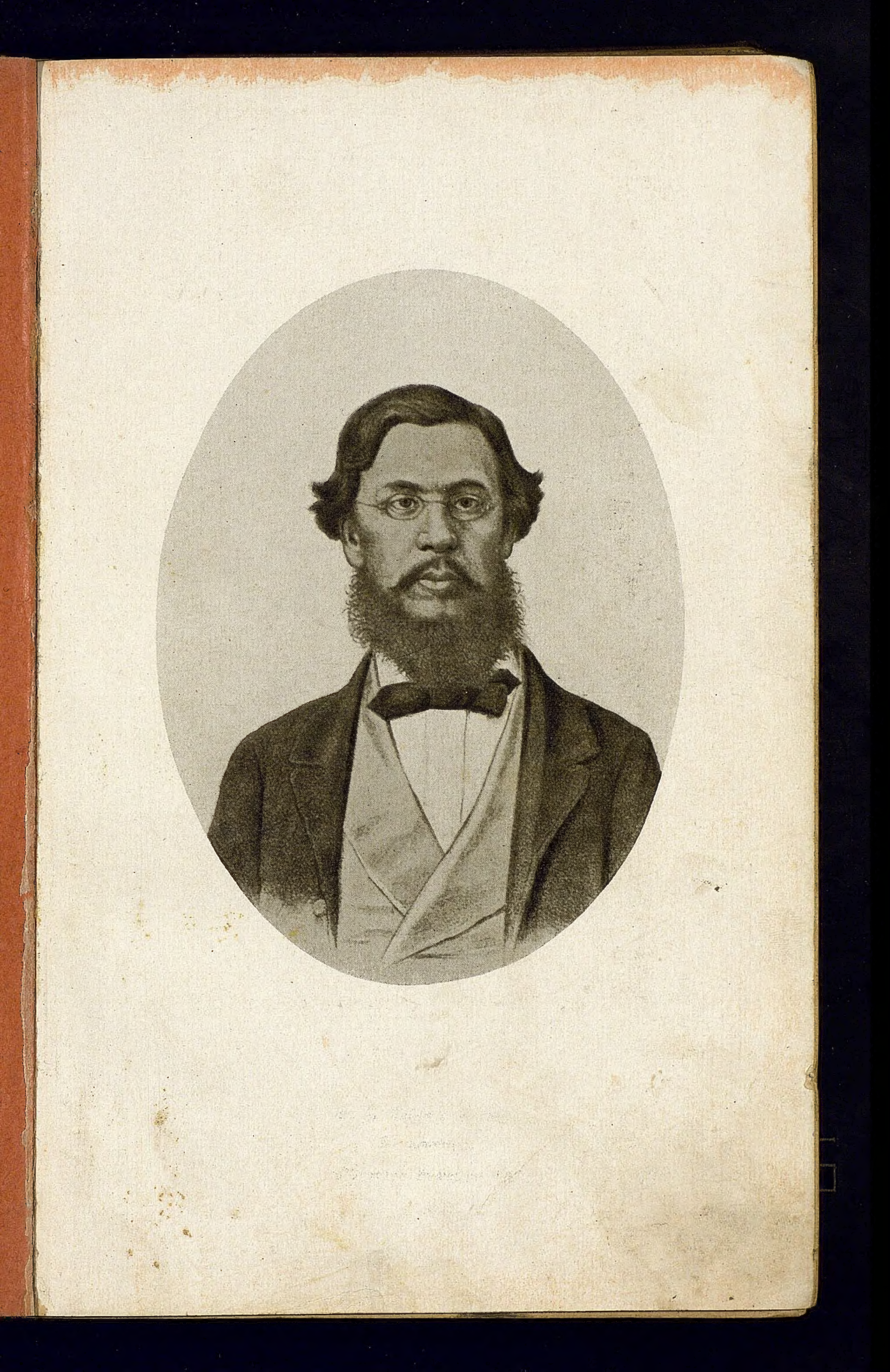
БИБЛІОТЕКА
1-го
СТУДЕНЧЕСКАГО
ОБЩЕЖИТІЯ М. У.

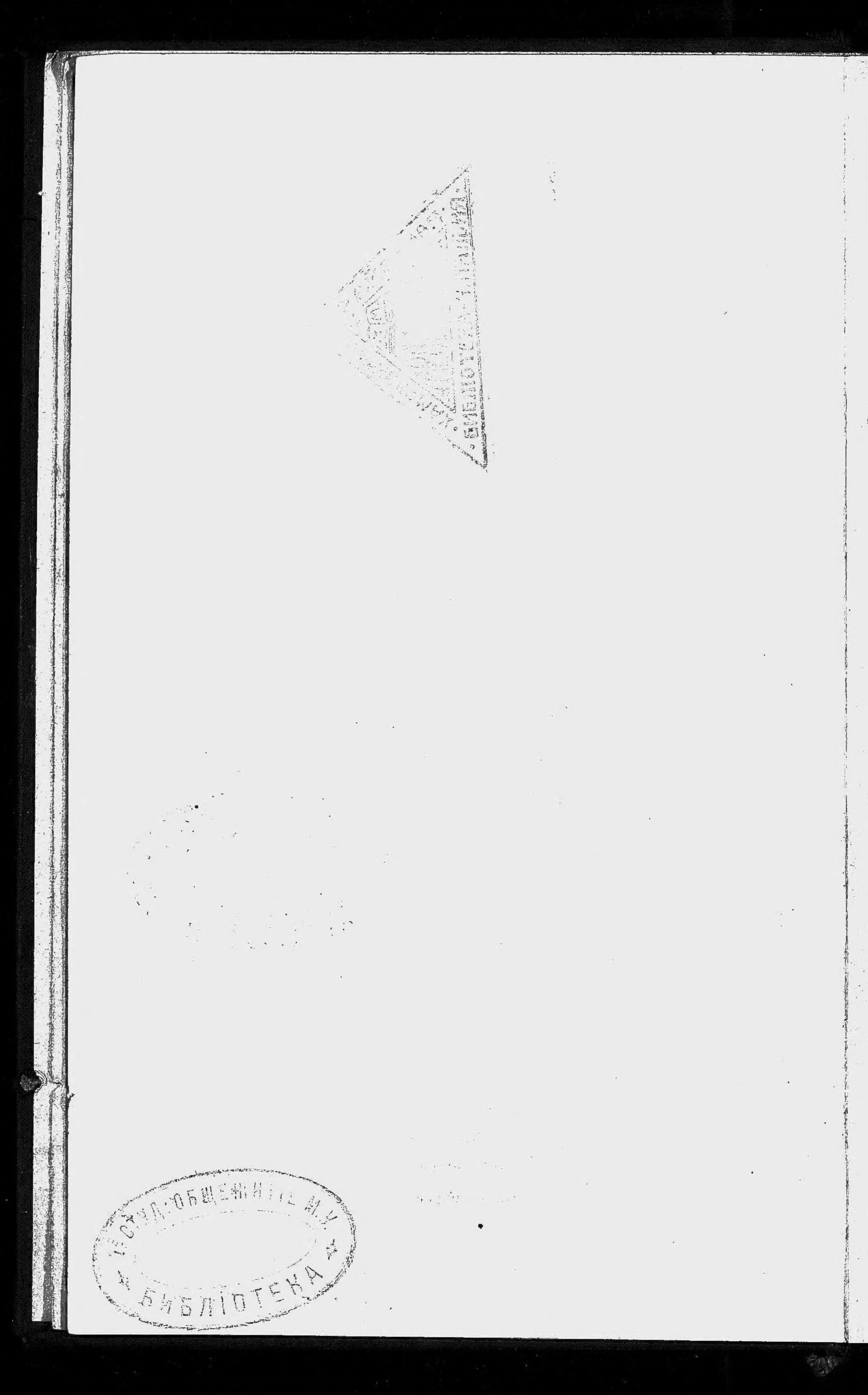

8/12

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1911.

СТУД. ОБЩЕЖИТІЕ М.У.
БИБЛІОТЕКА

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

4263

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА
КЪ
М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ [1]

С. Спасское-Лутовиново. Воскресенье, или, по настоящему, понедѣльникъ 21-го іюня, $3^1/4$ ч. утра [1876].

Любезнѣйшій М. М., въ отвѣтъ на полученное отъ васъ письмо, могу указать только на оголовокъ: до сей минуты съ 8 часовъ вечера работалъ, не разгибаясь, надъ романомъ — и надѣюсь, что скоро могу закричать: „берегъ! берегъ"!—Дѣйствительно, — если ничего не случится Катковавиднаго, — я теперь увѣренъ, что вывезу мой романъ отсюда оконченнымъ. Но ни надъ чѣмъ другимъ я работать положительно не въ состояніи, какъ я уже вамъ писалъ дней 5 тому назадъ!

Въ Петербургъ я попаду не раньше 8-го или 10-го іюля— а потому уже, конечно, васъ тамъ не застану—и проѣду перпендикулярно въ Буживаль, гдѣ, если вы меня посѣтите, вы меня застанете уже надъ перепиской моего продукта.

Жму вамъ крѣпко руку... Спинная кость ноетъ ужасно—да это ничего—пройдетъ со сномъ—я здѣсь сплю хорошо.

С. Спасское (Орловской губ., въ гор. Мценскъ). Вторникъ, 22 іюня, 1876.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ, вы, чай, думаете—экъ его прорвало! То не пишетъ — а то вдругъ письмо за письмомъ. Дѣло въ томъ, что я получилъ, наконецъ, „signe de vie"—отъ дочери Пушкина. — En somme—она на ваше предложеніе со-

[1]) См. октябрь, стр. 152.

гласна—но желала бы, непремѣнно, чтобы я окончательно просмотрѣлъ и рѣшилъ: какія мѣста исключить должно.—Мнѣ-молъ, она довѣряетъ „aveuglement". Можно будетъ это сдѣлать? То-есть можно-ли будетъ послать переписанную рукопись (съ выключенными мѣстами) въ Парижъ? Я бы, конечно, не задержалъ одной минуты. Если вы не успѣете написать мнѣ сюда, будучи гонимы Боткинымъ за-границу—то оставьте *инструкцію*, что мнѣ сказать ей, при проѣздѣ черезъ Висбаденъ.

Работа кипитъ—какъ у Гоголевскаго повара. Что выйдетъ—неизвѣстно—а горячо.

P. S. Зола мнѣ пишетъ, что ему, окончательно, дѣлаютъ предложеніе отъ „Отечественныхъ Записокъ" на 4 статьи въ годъ. Онъ полагаетъ, что приметъ, но проситъ меня сообщить вамъ, чтобы вы этимъ не смущались, что онъ будетъ также старательно работать для васъ—и вообще, что онъ вамъ останется вѣренъ, какъ сказано у Мицкевича—„до конца свѣта и послѣ конца свѣта".

Буживаль. Bougival (près Paris) 16, Rue de Mesmes (Les Frênes).
Понедѣльникъ, 7-го августа, 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, то я извѣщалъ васъ объ окончаніи моего романа—а теперь приходится извѣстить васъ о прибытіи сюда, которое совершилось благополучно третьяго дня.—Сегодня куплена почтенная масса „papier à manuscrit", и начиная съ завтрашняго дня, начнется усиленное переписываніе, которое, по моему разсчету, не продолжится менѣе 6 недѣль!—Эти 6 недѣль я проведу здѣсь безвыходно въ моемъ очень убогомъ châlet (въ которомъ надѣюсь васъ увидѣть)—и къ 20-му октября, нов. ст., все будетъ готово.

Я только потому еще секретничаю насчетъ заглавія, что боюсь, кто-нибудь другой наскочитъ на тоже слово;—но если вы бы захотѣли объявить объ этомъ въ „В. Е."—назвавъ романъ по имени—то пріоритетъ остался бы за мною. Впрочемъ, теперь уже поздно для августовской книжки.

Что же касается до содержанія—то могу васъ увѣрить въ одномъ: *плугъ* въ моемъ эпиграфѣ не значитъ революція—а просвѣщеніе;—и самая мысль романа самая благонамѣренная—хотя *глупой* цензурѣ можетъ показаться, что я потакаю молодежи;—но цензура у насъ теперь не глупа.

Bougival, Les Frênes, Châlet (Seine et Oise). Пятница, 18 авг. 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я, кромѣ А. В. Топорова—никому не сообщилъ названія своего романа; слѣд. разболталъ онъ.—Бѣда, впрочемъ, не велика.

Буду ждать васъ къ 24-му, т. е. черезъ 6 дней—только вы, пожалуйста, предупредите заранѣе—хотя я никуда не выѣзжаю—но все лучше.—Переписываю съ остервененіемъ свой романъ—и уже одолѣлъ 5-ую часть онаго; оказывается, что всѣхъ будетъ 290 листовъ, — т. е. около 270 стр. „Вѣстника Европы". — Страшно сказать—но всю эту уйму надо, непремѣнно, запихать въ одинъ №!

Что же касается до вашего любезнаго предложенія, то вотъ какая вышла штука. Положительнаго обѣщанія я Салаеву не далъ—но нравственно почти къ тому обязанъ—вотъ по какой причинѣ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что мой управитель меня почти окончательно раззорилъ. Я его прогналъ; но долженъ былъ выѣхать изъ деревни безъ гроша—и если бы Салаевъ въ Москвѣ не выдалъ мнѣ *въ іюлѣ* деньги, которыя по контракту обязанъ былъ мнѣ выдать только *въ декабрѣ* — я не знаю, съ чѣмъ бы я доѣхалъ!—Изъ сего слѣдуетъ и т. д.—Впрочемъ, мы обо всемъ этомъ переговоримъ при личномъ свиданіи.—Такъ же о письмахъ Пушкина—и еще кое о чемъ.

Bougival, Les Frênes, Châlet (Seine et Oise). Воскресенье, 7 октября (25 сент.), 1876 [1]).

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я третьяго дня кончилъ переписку „Нови"—(вышло 298 листовъ—по 37 строкъ въ каждомъ листѣ)—а сегодня перечелъ всю эту махину. Сегодня же я напишу П. В. Анненкову—и попрошу его прибыть сюда для произнесенія суда; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что черезъ *двѣ* недѣли—или *три* (крайній срокъ)—рукопись отправится къ вамъ—и вы будете ее имѣть задолго до 1 ноября стар. ст. Я видѣлъ третьяго дня вашу супругу—и уговорился съ нею; рукопись возьметъ она—или Дюлу. Такимъ образомъ, все будетъ въ исправности.

То, что вы говорите мнѣ объ ожиданіяхъ, возбужденныхъ „Новью"—пугаетъ меня значительно. Кáкъ оправдать ихъ?!! Но, какъ говорятъ французы, le vin est tiré—il faut le boire, а по русски:—назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

Поклонитесь всѣмъ пріятелямъ (не забывая Кавелиныхъ)—и примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

Bougival. Les Frênes, Châlet. Четвергъ, 2 ноября (21 октября) 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ. Вотъ—l'état des choses: Завтра мой человѣкъ отправляется вмѣстѣ съ рукописью къ

[1]) Это письмо, а также нѣкоторыя изъ послѣдующихъ, до письма отъ 13 (25) января 1877 г., были напечатаны въ „Сборникѣ общества любителей русской словес-

Анненкову въ Базель—остается тамъ 3 дня и возвращается съ рукописью же сюда; а съ 9 до 12 числа я отыскиваю въ Парижѣ случая отправить ее вамъ либо съ Дюлу — либо съ курьеромъ отъ Орлова; если уже ничего не найду — то нечего дѣлать—отправлю страховымъ по почтѣ. Я вамъ во всякомъ случаѣ пошлю телеграмму объ ея отправленіи, — а вы, пожалуйста, извѣстите меня тѣмъ же путемъ объ ея прибытіи.

Я вамъ отправилъ вчера небольшой разсказъ, подписанный буквами Л. А. Авторъ его—нѣкто д-ца Елена Бларамбергъ. Я нахожу, что эта небольшая вещь не лишена таланта—и могла бы быть помѣщена въ декабрьской книжкѣ В. Е. Если вы того же мнѣнія, будьте такъ любезны—извѣстите меня. Этотъ разсказъ—первый опытъ молодого пера.

Черезъ недѣлю я переѣзжаю въ Парижъ, 50, Rue de Douai— и, конечно, увижу Зола. Я ему тогда сообщу ваше замѣчаніе насчетъ его послѣднихъ фельетоновъ, которое я, впрочемъ, слышалъ не отъ однихъ васъ.

Очень безпокоютъ насъ здѣсь послѣднія извѣстія съ Востока. Что Сербія не могла не быть раздавлена въ концѣ концовъ, Tchernaïvo regnante—не составляло сомнѣнія; но Россія теперь не можетъ отступить—столько ея крови пролилось—и мнѣ кажется, не избѣгнетъ войны.

Ноябрь, 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, спѣшу васъ извѣстить о слѣдующемъ:

1) Мы переѣхали сюда третьяго дня и остаемся здѣсь.

2) Я послалъ рукопись „Нови“ съ нарочнымъ въ Баденъ-Баденъ Анненкову, и она вернулась вчера съ письмомъ и указаніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ поправокъ и исключеній, которыя будутъ исполнены въ теченіи 2-хъ, 3-хъ дней. Романомъ вообще А. остался доволенъ.

3) Гюнцбурга я еще не видалъ и Орлова такъ же;—Дюлу отложилъ свою поѣздку;—но у меня есть вѣрный случай: извѣстный вамъ В. И. Лихачевъ здѣсь и отправляется въ Петербургъ черезъ *недѣлю*; онъ съ охотой берется доставить рукопись.— Впрочемъ, если бы предстала возможность отправить ее раньше черезъ Гюнцбурга или Орловскаго курьера — я это сдѣлаю — и немедленно извѣщу васъ телеграммой. Во всякомъ случаѣ 10 ноября ст. ст.—самый поздній срокъ, въ который вы получите романъ въ ваши руки.

ности“, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1891-мъ году, съ примѣчаніемъ М. М. Стасюлевича, что рукопись „Нови“ передана имъ въ Спб. Публичную Библіотеку.—*Ред.*

4) Я буду васъ просить прислать мнѣ *два экз.* корректуры—такъ какъ одинъ будетъ вамъ возвращенъ поправленнымъ—а другой останется у меня въ рукахъ для перевода съ него на французскій языкъ; я сдѣлалъ столько перемѣнъ противъ черновой рукописи, что переводить съ нея немыслимо.

5) И самый важный пунктъ! — Анненковъ изъявляетъ свое неизмѣнное мнѣніе, что вся штука должна быть абсолютно напечатана въ *одномъ* номерѣ, на подобіе „Отцовъ и Дѣтей". Иначе могутъ выдти самыя непріятныя недоразумѣнія. Вы знаете, что это было всегда и мое убѣжденіе. Мнѣ извѣстно, что противъ этого говорятъ многія важныя соображенія и, главное, величина романа. Но въ немъ будетъ 16, много $16^1/_2$ листовъ: въ „Отцахъ и Дѣтяхъ"—было 12 листовъ. Стало-быть разница не такъ уже велика. Объявивъ напередъ, что это формальное желаніе автора—вы можете пустить февральскую книжку 5-ю листами тоньше, а январьскую 5-ю толще.—Я долженъ вамъ сказать, что мнѣ предлагали за мой романъ 500 руб. за листъ;—мнѣ бы предложили 5000 р. — это было бы одинаково индифферентно: я далъ слово — и оно мнѣ самому дороже всякихъ денегъ;—но отдавая его за 400 р. (наша обыкновенная цѣна) я имѣлъ въ виду, что въ случаѣ надобности — мнѣ будетъ возможно не дробить моего произведенія. Повергая на ваше благоусмотрѣніе все сказанное мною, я надѣюсь, что вы согласитесь исполнить мое желаніе, которое вы, можетъ быть, раздѣлите сами, по прочтеніи романа.

6) Я послалъ вамъ небольшой разсказъ одной дамы;—получили ли вы его и нашли ли вы его достойнымъ помѣщенія въ „Вѣстникѣ Европы"?

7) Въ Орлѣ издается маленькій журналецъ подъ заглавіемъ: „Орловскій Вѣстникъ" (вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Орелъ мой родной городъ). Редакція просила меня, не соглашусь ли я дать ей небольшой отрывокъ въ видѣ „primeur'а"; я отвѣтилъ, что спрошусь сперва у васъ. Полагаю, что вы не найдете въ этомъ ничего предосудительнаго — попрошу васъ изъявить свое согласіе письменно.

Вы, можетъ быть, замѣтили нѣкоторую странность въ моемъ почеркѣ: у меня, вотъ уже недѣля, подагра въ *мизинцѣ* правой руки и я принужденъ писать словно на лету, одними первыми двумя пальцами.

P. S. Я еще не отправилъ вамъ переводъ Флоберовской легенды, такъ какъ я ея еще не кончилъ; ему я сказалъ, что она кончена — но что она не можетъ появиться съ моимъ именемъ

(какъ переводчика)—прежде моего романа и что слѣдовательно она отложена до февраля; въ случаѣ вопроса, ne me démentez pas.

50, Rue de Douai. Paris. Вторникъ, 21 (9) нояб. 1876.

Любезный Михаилъ Матвѣевичъ, сегодня утромъ я вручилъ мою рукопись Горацію Гюнцбургу—а сегодня вечеромъ, по его словамъ, братъ его отправляется въ Петербургъ, не останавливаясь, такъ что вы, можетъ быть, настоящее письмо получите уже послѣ рукописи. Въ пакетѣ вы найдете (или уже нашли) письмецо на ваше имя, въ которомъ я излагалъ вамъ свои желанія—или, говоря правильнѣе, свое желаніе—а именно: чтобы „Новь" была напечатана въ одномъ №. Надѣюсь, что прочтя романъ, вы убѣдитесь, что это необходимо—хотя я и не скрываю отъ себя, что это довольно отяготительно для журнала. Но было бы хуже, еслибы по поводу разсѣченія романа на двѣ части—вышли бы недоразумѣнія или затрудненія. Впрочемъ, мы еще спишемся. Такъ какъ рукопись будетъ у васъ въ рукахъ въ пятницу вечеромъ—если ничего съ ней не случится на дорогѣ—то, вѣроятно, вы начнете печатаніе съ субботы—и потому, я надѣюсь, времени будетъ достаточно для отправленія ко мнѣ корректурныхъ листовъ, которые не будутъ задерживаться ни одной лишней секунды.

Вы мнѣ не отвѣтили на мой запросъ о разрѣшеніи „Орловскому Вѣстнику" напечатать маленькій отрывокъ.

Третьяго дня Зола пришелъ ко мнѣ весьма растревоженный, принесъ свою рукопись и просилъ сравнить её съ переводомъ, появившимся въ ноябрьскомъ № „В. Е.". Оказалось, что вы не однѣ цитаты повыкинули, но и захватили порядочную частицу его текста. Съ первымъ фактомъ онъ бы могъ помириться (такъ какъ онъ созналъ, что пустилъ уже слишкомъ много цитатъ)—но второй фактъ былъ ему весьма чувствителенъ. Изъ его словъ, а также и изъ статьи, написанной имъ для „Bien Public"—въ качествѣ театральнаго рецензента—нельзя было замѣтить, чтобы онъ отрицательно отнесся къ „Rome Vaincue"—напротивъ, онъ остался ею въ общности доволенъ—и во всякомъ случаѣ не для того только привелъ эти цитаты, чтобы его текстъ разбухъ. Впередъ этого, конечно, не повторится—ваше письмо къ нему его также немножечко поцарапало — и вы останетесь друзьями по прежнему.

Если это окажется нужнымъ — я вамъ напишу маленькое объяснительное предисловіе къ „Нови" (не для печати), которое вы будете въ состояніи показать предержащимъ властямъ.

За симъ жду отъ васъ сперва увѣдомленія о прибытіи рукописи—а тамъ и первыхъ корректуръ.

50, Rue de Douai. Paris. Пятница, 24 (12-го) ноября. 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, Гюнцбургъ выѣхалъ, какъ обѣщалъ, во вторникъ—и такъ какъ онъ нигдѣ не остановился, то вѣроятно сегодня вечеромъ или завтра рано рукопись будетъ въ вашихъ рукахъ. Я сейчасъ получилъ ваше письмо и имѣю вамъ отвѣтить только то, что, настаивая на публикаціи романа въ одномъ №, я никакихъ другихъ соображеній не имѣлъ, кромѣ страха передъ цензурой и возможности недоразумѣній и *затрудненій* къ печатанію *второй* части. Я воображалъ, что напечатавши разомъ, нечего было бояться урѣзокъ; а что мы будемъ дѣлать, если по напечатаніи первой части, будутъ требоваться сокращенія во второй? Положеніе будетъ некрасивое. И эти опасенія не фантастическія; И. П. Арапетовъ, которому я читалъ двѣ, три сцены (неизвѣстныя вамъ—сцену въ кабакѣ, между прочимъ) боялся за нихъ—если дать время цензурѣ вдуматься и оглядѣться—и въ сущности сдѣлать глупость—потому что все направленіе романа—цензурное въ высокой степени; но вѣдь цензура у насъ на томъ стоитъ, чтобы дѣлать глупости—и не одна она. Вотъ единственно, что побуждало меня въ этомъ вопросѣ. Если, по прочтеніи романа, вы найдете, что это все неосновательно, дѣлите его съ Богомъ на двѣ части; и только я въ такомъ случаѣ просилъ бы довести первую часть до конца XXII-й главы, т.-е. до свиданія (включительно) Нежданова съ Маріанной въ березовой рощѣ, послѣ поѣздки къ Маркелову. Это будетъ около половины романа — и тутъ находится естественный перерывъ.

Я, должно быть, неточно выразился на счетъ „Орловскаго Вѣстника"; онъ никогда больше не требовалъ какъ только одного небольшого отрывка (да и я бы на что другое не согласился), который можетъ быть помѣщенъ въ самомъ концѣ декабря. Я вамъ дамъ знать, какой именно отрывокъ.

Жду телеграммы о прибытіи, а также и вашего мнѣнія о всемъ произведеніи, котораго вы знаете только самую первую часть. Корректурные листы будутъ возвращаться съ молніеносной быстротой.

50, Rue de Douai. Paris. Середа, 6 дек. (25 нояб.) 1876.

Я полагаю, „Орловскому Вѣстнику" можно выслать первую главу или, еще лучше, *третью*, гдѣ описанъ визитъ Сипягина у Нежданова.

Очень вы меня порадовали тѣмъ, что̀ сказали о Соломинѣ— значитъ я попалъ въ точку. Я вамъ когда-нибудь покажу формулярный списокъ этого Соломина (у меня, прежде чѣмъ я примусь писать самую вещь — всегда составляются формулярные списки всѣхъ дѣйствующихъ лицъ)—и главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ Соломина, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый*. Вотъ какъ вы угадали!

Парижъ, 50. Rue de Douai. Четвергъ, 14 (2) дек. 1876.

Сегодня, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, толстая пачка послѣднихъ январьскихъ корректуръ пришла только въ 3¼;— теперь 4 часа—и о выправкѣ, и объ обратной отсылкѣ сегодня не можетъ быть и рѣчи: завтра она пойдетъ рано—и слѣдовательно къ 18 (6) дек. будетъ въ Петербургѣ, чего вы желаете. Продолжаю душевно радоваться добрымъ отзывамъ о „Нови", и надѣюсь, что, прочтя весь романъ, Кавелинъ сдержитъ свое обѣщиніе и напишетъ мнѣ письмо.

Жаль мнѣ Некрасова—по человѣчеству и по старымъ товарищескимъ воспоминаніямъ. Хотя я и думаю, что онъ уже давно сдѣлалъ все, что могъ. Авось доктора обманулись (не въ первый это будетъ разъ!) и онъ справится!

50, Rue de Douai. Paris. Середа, 27 (15) дек. 1876 г. 11 часовъ веч.

Вотъ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ—вы хвалили, хвалили мою „соломинскую" аккуратность, а я на радости, взялъ да цѣлыхъ пять дней не писалъ. Ну теперь разомъ все наверстаю:

Деньги 500 р. (1495 фр.) я получилъ—и такъ же получилъ телеграмму съ обѣщаніемъ высылки другихъ 500—за что благодарю искренне.

Получилъ письмо отъ васъ, въ которомъ вы сообщаете о безобразіи, совершенномъ передъ Казанскимъ соборомъ. Вотъ уже точно можно сказать: всему можно назначить предѣлъ—за исключеніемъ глупости нѣкоторыхъ россіянъ: она безпредѣльна! Хотя вы и прибавляете, что въ высшихъ сферахъ не придаютъ этой чепухѣ слишкомъ важнаго значенія, однако, объяснительное (для моего романа) письмо я вамъ напишу завтра же или послѣзавтра, которое, въ случаѣ нужды, вы можете показать гдѣ и кому слѣдуетъ.

Я также получилъ письмо отъ Кавелина. Не обинуясь, скажу: во всей моей литературной карьерѣ я не испыталъ ничего, что̀ бы доставило мнѣ бо̀льшее удовольствіе! Я ему отвѣчу по-

дробно; пока попросите его принять отъ меня самое душевное спасибо! Поневолѣ приходятъ въ голову эти стихи:

Wer für die Besten seiner Zeit gelebt
Der hat gelebt für alle Zeiten.

Такъ какъ война, кажется, опять становится неизбѣжной, то не слѣдуетъ ли теперь же прислать хотя тѣ деньги, которыя придутся за первую часть „Нови"? Курсъ, правда, теперь—какъ вы говорите—паршивый; но тогда онъ можетъ стать паршивѣйшимъ! Изъ двухъ банкировъ, съ которыми я совѣтовался здѣсь, одинъ мнѣ сказалъ: „Ждите! Хуже не можетъ сдѣлаться!" Другой, напротивъ, увѣрялъ, что деньги надо сейчасъ выписать, пока все еще не провалилось. Оба люди авторитетные... Кого послушаться?! Посовѣтуйтесь-ка вы съ компетентными людьми въ Петербургѣ.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Суббота, 30 (18) дек. 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ я вчера послѣдніе листы первой части—и, разумѣется, никакихъ опечатокъ въ ней не нашелъ. Теперь буду ждать возобновленія присылки корректуръ.

„Объяснительное" письмо я все-таки вамъ пошлю завтра или послѣ завтра—такъ что, еслибы предстала надобность—вы, передъ появленіемъ первой части—будете въ состояніи его показать. Хотя я и думаю, что этой „надобности" не представиться, однако, осторожность все-таки не мѣшаетъ.

Я написалъ Кавелину отвѣтъ на его прекрасное письмо—и вчера его отправилъ.

Здѣсь ходятъ самые страшные слухи о положеніи нашего войска въ Бессарабіи; говорятъ болѣе *трети* всего комплекта лежитъ въ госпиталяхъ, подвоза нѣтъ, вооруженіе самое плохое... Несомнѣнно то, что все это преувеличено; однако, если вы знаете что-нибудь *вѣрное*, напишите. Мое патріотическое чувство очень безпокоится.

Я вѣроятно сегодня или завтра получу вторые 500 р. Гюнцбургъ, котораго я вчера видѣлъ, совѣтуетъ *часть* денегъ выслать теперь же. Такъ какъ, по его мнѣнію, курсъ долженъ снова сильно понизиться. Предоставляю это вашему благоусмотрѣнію.

Парижъ, 50, Rue de Douai. 3 янв. 1877 (22 дек.) 1876.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я все это время размышлялъ о безобразно-нелѣпомъ происшествіи 6-го дек. передъ

Казанскимъ соборомъ—и мнѣ пришло въ голову: не можетъ ли это происшествіе имѣть какое-либо отраженіе на мой романъ, тѣмъ болѣе, что въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана будетъ только первая часть—и слѣд. онъ не можетъ произвести того цѣлостнаго впечатлѣнія, въ которомъ бы ясно опредѣлились намѣренія автора? Вы мнѣ скажете, что та уличная нелѣпость—есть не болѣе какъ грязная пѣна, отъ времени до времени всплывающая на поверхность всякаго общества; согласенъ;—однако все-таки не считаю лишнимъ напомнить вамъ въ немногихъ словахъ тѣ соображенія, которыя руководили мною при сочиненіи „Нови“—и которыя, вы помните, я вамъ изустно излагалъ при нашемъ свиданіи прошлой осенью въ Буживалѣ. Молодое поколѣніе было до сихъ поръ представлено въ нашей литературѣ либо какъ сбродъ жуликовъ и мошенниковъ—что во-первыхъ, несправедливо, а во-вторыхъ, могло только оскорбить читателей-юношей, какъ клевета и ложь; либо это поколѣніе было, по мѣрѣ возможности, возведено въ идеалъ, что опять несправедливо—и сверхъ того—вредно. Я рѣшился выбрать среднюю дорогу—стать ближе къ правдѣ, взять молодыхъ людей, большей частью хорошихъ и чистыхъ—и показать, что несмотря на ихъ честность самое дѣло ихъ такъ ложно и нежизненно, что не можетъ не привести ихъ къ полному фіаско. Насколько мнѣ это удалось—не мнѣ судить, но вотъ моя мысль—и вы можете видѣть, какъ она въ сущности—*цензурна* и благонамѣренна. Во всякомъ случаѣ молодые люди не могутъ сказать, что за изображеніе ихъ взялся врагъ; они, напротивъ, должны чувствовать ту симпатію, которая живетъ во мнѣ, если не къ ихъ цѣлямъ, то къ ихъ личностямъ. И только такимъ образомъ можетъ романъ, написанный для нихъ и о нихъ—принести имъ пользу.

Я предвижу, что на меня посыплются упреки изъ обоихъ лагерей, но вѣдь то же самое случилось и съ „Отцами и дѣтьми“, а между тѣмъ изо всего моего литературнаго прошлаго я имѣю причины быть довольнымъ именно этой повѣстью и скорѣе согласился бы похерить „Записки Охотника“, чѣмъ ее. Буду надѣяться, что и „Новь“ ожидаетъ та же участь, и что она не будетъ предметомъ или предлогомъ никакихъ недоразумѣній.

Однако—sapienti sat; а мнѣ остается только пожать вамъ руку и увѣрить васъ въ чувствахъ моей дружеской преданности.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Вторникъ, 9 янв. 1877 (28 дек.) 1876.

Вотъ, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, 4 формы; завтра пойдетъ столько же; а послѣ завтра остальныя 3. И дѣло бу-

детъ покончено. Я и сегодня прибавилъ два штриха: и оба въ письмѣ Нежданова—одинъ въ серединѣ, другой въ концѣ; считаю ихъ нужными.

P. S. Читалъ я въ „Голосѣ“ похоронную мнѣ рѣчь Евг. Маркова. Какимъ же онъ меня представляетъ *слабосерей!* Такъ, что даже непонятно, какъ могъ я, при такой дряблости, имѣть какое-либо вліяніе? И вотъ что удивительно: онъ сравниваетъ мои картины съ Грёзомъ, Ангеликой Кауфманъ, Деларошемъ и Ари Шефферомъ... Какъ нарочно подобралъ именно тѣхъ живописцевъ, которыхъ я ненавижу всѣми силами души. Вотъ прозорливецъ!

50, Rue de Douai. Paris. Суббота, 20 (8) янв. 1877.

Получилъ я сегодня, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, еще два бѣлыхъ листа второй части „Нови“ (безъ единой опечатки!), а такъ же и ваше письмо, съ приложеніемъ весьма для меня лестнаго письмеца отъ Головнина (онъ уже писалъ мнѣ самъ и я ему непремѣнно отвѣчу) и столь же пріятнаго свѣдѣнія объ увеличеніи числа подписчиковъ, съ чѣмъ поздравляю васъ и себя. Отзывы Пыпина, Е. Утина и др. доставили мнѣ также величайшее удовольствіе. Мы, стало быть, еще поживемъ и ложиться въ гробъ еще рано.

Благодарю за аккуратное внесеніе „штриховъ“; да изъ послѣдняго моего письма усмотрите, что выбрали ту самую „кабацкую“ варіанту, на которую я окончательно указывалъ.

Ну, а теперь—важный весьма вопросъ: что̀ у насъ будетъ—война или миръ? Если, какъ я полагаю, война неизбѣжна, то не слѣдуетъ ли теперь послать деньги, пока курсъ еще не слишкомъ скверенъ и, какъ вы предлагали, небольшими векселями? Прошу положить рѣшеніе—и такъ и поступить.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Понедѣльникъ, 22 (10) янв. 1877.

Вмѣстѣ съ листами „Нови“ пришелъ № „Голоса“, въ которомъ мнѣ доказываютъ, что моя „Новь“ ни что иное какъ „старье“; что будешь дѣлать? На всѣхъ не угодишь. И въ „Новомъ Времени“ отзывъ тоже неблагосклонный; воображаю, что скажутъ „Московскія Вѣдомости!“ Нужно запастись терпѣніемъ.

Ожидаю результата вашего совѣщанія съ банкиромъ и крѣпко жму вашу руку.

50, Rue de Douai. Paris. Четвергъ, 25 (13) янв. 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ! Такъ какъ мнѣ имѣется много вамъ сказать, то буду говорить по пунктамъ.

Финансовый вопросъ. Я получилъ конторскій разсчетъ и вексель въ 9.680 фр. Начну съ того, что я никогда не вѣрилъ ни въ великодушіе Артаксеркса, сдѣлавшаго какъ-то громадный подарокъ какому-то греческому мудрецу, ни въ безкорыстіе сего послѣдняго, который будто бы отказался принять этотъ подарокъ, но теперь приходится вѣрить Артаксерксу, потому что вы, любезнѣйшій другъ, proprio motu возвысили плату за листъ съ 400 на 500; слѣдовательно, такіе поступки возможны; но въ безкорыстіе мудреца продолжаю не вѣрить, ибо я принимаю эту прибавку съ благодарностью и только крѣпко жму вамъ руку. А теперь прошу васъ покорно изъ имѣющихся у васъ въ кассѣ 3.000 рублей выслать 1.350 р. (тысячу триста пятьдесятъ)—брату моему, Николаю Сергѣевичу Тургеневу—въ Москву, на Пречистенкѣ, собственный домъ. Я ему эти деньги долженъ и предувѣдомилъ его, что попрошу васъ ихъ ему переслать.

Вопросъ литературный. Рольстонъ, извѣстный англійскій знатокъ русскаго языка, пишетъ мнѣ, чтобы онъ весьма желалъ получать „Вѣстникъ Европы“, для того, чтобы распространять о немъ свѣдѣнія (о содержаніи каждой книжки и т. д.) въ англійской публикѣ. Онъ предлагаетъ съ своей стороны писать *несрочныя* (отъ срочныхъ, вы помните, онъ отказался) корреспонденціи изъ Лондона о литературномъ, научномъ и пр. движеніи; и говоритъ, что вы могли бы вычесть то, что будетъ стоить экземпляръ „Вѣстника“ изъ того, что вы ему дадите за корреспонденцію. Я полагаю, что предложеніе Рольстона слѣдуетъ принять, такъ какъ онъ можетъ быть полезенъ „Вѣстнику“.

Критическій вопросъ. Нападки г-дъ критиковъ меня не удивили, все это въ порядкѣ вещей. Лишь бы только онѣ не повліяли на публику и на ходъ подписки. Въ „Голосѣ“ г-нъ Маркевичъ (я знаю, что это онъ пишетъ подъ псевдонимомъ: „Волна“) упрекаетъ меня въ старческомъ зудѣ популярничанья; я бы могъ ему отвѣтить, что какъ никакъ, мнѣ объ этомъ хлопотать нечего, но онъ мститъ за „Ladislas'a“. Господь съ нимъ! А вотъ въ „Новомъ Времени“, которое за нѣсколько дней помѣстило мой „Сонъ“—не совсѣмъ добросовѣстно со стороны г-на Буренина (Тора) говорить, что характеръ Соломина не вытанцовался, такъ какъ онъ едва является въ 1-й части. Но все это неважно.

Надняхъ вы—наконецъ-то! скажете вы — получите переведенную мною легенду Флобера. Хорошо бы еслибъ она успѣла попасть въ мартовскую книжку. Рекомендую вамъ дѣвицу Бларамбергъ, взгляните на нее не строгимъ окомъ.

Ну, а теперь довольно, еще разъ искренне благодарю васъ, кланяюсь всѣмъ вашимъ.

P. S. Я получаю переводъ „Нови“ въ „S.-Petersburger Zeitung“; кажется—недуренъ. Третьяго дня появился первый фельетонъ французскаго перевода въ „Temps“.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Вторникъ, 30 (18) янв. 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ я ваше письмо отъ 25 (13). Вамъ уже извѣстно, что я всѣ деньги здѣсь получилъ, а остальныя за симъ (за исключеніемъ тѣхъ, которыя я просилъ васъ выслать брату) просилъ оставить у себя до моего пріѣзда, *который будетъ имѣть мѣсто*, если я только останусь живъ, но только нѣсколько позднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Благодарю васъ за предувѣдомленіе о намѣреніи М. Одно изъ двухъ—либо онъ просто напишетъ ругательное письмо, тогда я его брошу въ печку; либо онъ пришлетъ мнѣ вызовъ, тогда я ему отвѣчу, что порядочному человѣку съ г. М. драться не приходится, но что если онъ найдетъ какую-нибудь личность съ незапятнаннымъ именемъ, которая согласится за него вступиться, то я, собравши о ней предварительно свѣдѣнія, пожалуй, и не откажусь.

Я получилъ отъ Ѳ. И. Салаева изъ Москвы запросъ, не хочу ли я продать ему отдѣльное изданіе „Нови“,—я ему отвѣтилъ, что долженъ сперва узнать отъ васъ, сколько времени должно пройти между появленіемъ романа въ „Вѣстникѣ Европы“—и отдѣльнымъ его изданіемъ; и прошу васъ немедля дать мнѣ на это отвѣтъ.

Парижъ. 50 Rue de Douai. Суббота 3-го февр. (22 янв.) 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я былъ три дня въ отсутствіи и вернувшись, нашелъ ваше письмо—и присланные №№ „Недѣли“ и „Стрекозы“.—Очень благодарю васъ: въ статьѣ „Недѣли“ — есть слова, которыя меня тронули (отъ Алексѣя Жемчужникова я получилъ тоже очень теплое письмо). Насчетъ „Нови“, какъ и вообще насчетъ всего, что я писалъ — мнѣ всегда приходятъ въ голову два изрѣченія Гете.—

„Sind's Rosen—nun, sie werden blüh'n“

и еще:

„Mit keiner Arbeit hab' ich geprahlt,
Und was ich gemalt hab', hab' ich gemalt“.

Вотъ какъ выйдетъ вторая часть, общее мнѣніе окончательно установится.

Мистерія „Ладисласа“ разрѣшилась; я получилъ отъ него большой пакетъ, содержащій копію съ письма, написаннаго ему мною въ 1863 году, когда меня вытребовали въ Россію, яко бы заговорщика вмѣстѣ съ Ничипоренко и т. д. Все это, разумѣется, разлетѣлось дымомъ;—но Маркевичъ въ то время (вмѣстѣ съ А. Толстымъ) хлопоталъ обо мнѣ—и я ему послалъ письмо, въ которомъ благодарилъ его за сочувствіе. Посылая мнѣ копію, онъ какъ бы желаетъ упрекнуть меня въ перемѣнѣ моихъ отношеній къ нему.

Не я виноватъ, что онъ впослѣдствіи оказался такимъ „клевретомъ“. Все это довольно невинно; хорошо то, что онъ самъ подписывается: „Ladislas“.

50, Rue de Douai. Paris. Вторникъ, 13 (1) февр. 1877.

Прежде всего, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, благодарю васъ за полученную вчера вечеромъ телеграмму.—Въ ней есть и горькое, и сладкое;—но я, какъ эгоистъ, больше порадовался сладкому (тому, что „Новь“ проскочила)—чѣмъ опечалился горькимъ.—Впрочемъ послѣднія слова: „Livraison paraîtra demain—все таки успокоительны.

Сегодня меня въ Петербургѣ иные кушаютъ — другіе терзаютъ зубами... На здоровье тѣмъ и другимъ! Гете правъ: какъ тамъ ни хитри—

Man bleibt am Ende—was man ist.

Тоже будетъ и съ моимъ романомъ.

Я получилъ отъ Салаева письмо; онъ на все согласенъ—и желаетъ только узнать срокъ выхода отдѣльнаго изданія, намекая, что не худо бы въ маѣ... Соображаясь съ вашимъ письмомъ, я ему назначилъ *1-ое іюля*. Мнѣ жаль, что Салтыковъ тоже ругаетъ меня;—но вѣдь тутъ ничего не подѣлаешь!

Вы посмѣиваетесь надо мной насчетъ неопредѣленности моего пріѣзда въ Петербургъ;—я самъ смѣюсь надъ собою—но все таки пріѣду—непремѣнно, хоть и не могу назначить дня—*но раньше 15 апр.*—навѣрное: это послѣдній срокъ.—Вы въ правѣ также потрунить надъ легендой Флобера, которая ѣдетъ, ѣдетъ и никакъ доѣхать не можетъ (во всякомъ случаѣ въ мартовскую книгу она уже не угодитъ);—но вотъ что еще вышло: Флоберъ вернулся на-дняхъ изъ Руана (гдѣ у него домъ)—въ Парижъ и привезъ другую легенду—„Иродіаду“, которую онъ мнѣ прочелъ — и которая меня поразила какъ совершенный chef d'oeuvre! Я непремѣнно хочу перевести и ее (въ каждой

изъ нихъ не болѣе *одного* печатнаго листа „В. Е.“—что еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ выставляетъ мою дряблость)—а тогда обѣ будутъ помѣщены въ апрѣльской книжкѣ—въ чемъ вы навѣрное мнѣ не откажете.—Но будетъ кричать: волки! волки!—Надобно волка дѣйствительно дать въ руку.

Ретроспективно сочувствую вашимъ тревогамъ—и крѣпко жму вашу руку.

50, Rue de Douai. Paris. Воскресеніе, 18 (6) февр. 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ я ваше письмо—и февральскій № и все и вся.—Душевно благодарю васъ за сообщенныя свѣдѣнія и подробности: такимъ образомъ, я до нѣкоторой степени переживалъ вмѣстѣ съ вами всѣ ваши редакторскія треволненія и тревоги.—А вѣдь—пожалуй, точно,—появленіе второй части въ нетронутомъ видѣ есть вещь необычайная. — Тутъ помогъ счастливый случай: слишкомъ много было шансовъ противъ.—Можно такъ же сказать спасибо Тимашеву. Теперь остается воскликнуть: „I, parve liber“—и сдѣлай свое дѣло.

Въ послѣднемъ № Англійскаго „Атенэума“ есть большой разборъ „Нови“—написанный весьма благосклонно—съ ультрарадикальной точки зрѣнія.—Я имѣю причины предполагать, что авторъ этой статьи — Антонъ Дилькъ (братъ сэра Чарльза Дилька)—и имѣлъ въ рукахъ корректурные листы *обѣихъ* частей!

Пришлите, пожалуйста, обѣщанныя вырѣзки.—Очень любопытно!—Когда я еще знавался съ Катковымъ—я раза два встрѣтилъ у него этого мерзавца—Л.—Сладко-приниженная, нагло-лакейская и подлипальная рожа. — Вся эта исторія позорна до нѣльзя.—Вотъ типъ для романиста.

Д-ца Бларамбергъ проситъ меня увѣдомить васъ, что она бы желала получить свою рукопись (объ Аполлонѣ) обратно. Будьте такъ любезны, препроводите ее сюда на мое имя.

Раны въ февральской книжкѣ можно открыть только по нумераціи страницъ — да еще потому, что *оглавленіе* не сдерживаетъ своихъ обѣщаній.—Но книга кажется отлично составленной.—Прочту непремѣнно статью Брюлловой. Стихотвореніе Полонскаго замѣчательно красиво. У г. Минскаго (настоящее имя?) есть несомнѣнныя искры таланта, но надо ему еще потрудиться надъ формой. Что такое: „*мелкое* зерно?“. И какъ могутъ въ *кораблѣ* „кипѣть гордыя души“? Но въ каждомъ стихотвореніи есть *зерно*; что главное... И есть общая звучность, хотя еще нѣтъ отдѣльныхъ красивыхъ звуковъ — нѣтъ истинно-поэтическихъ эпитетовъ. Но все это можетъ придти.

50, Rue de Douai. Paris. Четвергъ 1 марта (17 февр.) 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, имѣю благодарить васъ за присланные курьезы: отрывокъ изъ „Гражданина", вырѣзки изъ февральскаго № „В. Е." — описаніе бесѣды о „Нови" на литературномъ вечерѣ и т. п.—Что касается до „Нови"—то я вамъ когда-нибудь покажу, что я, начиная ее писать, поставилъ въ родѣ эпиграфа на первомъ мѣстѣ первой тетради—а именно:

„Сочиненія Пушкина (изданіе Исакова 1859 г.)—т. I, стр. 441, строка 7 снизу".

Чтобы избавить васъ отъ труда справляться — скажу вамъ, что этотъ цитатъ изображаетъ извѣстный стихъ:

„Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной".

А впрочемъ говорить больше о моемъ романѣ не буду. Отзвонилъ—и съ колокольни долой.—Пусть прокладываетъ собою путь, коли можетъ!

Знаменательны вырѣзки о Любимовѣ! Теперь о Флоберѣ.

Вы знаете, что онъ написалъ собственно три легенды: La légende de S-t Julien;—Un coeur simple;—Herodiade. Вторую перевести невозможно (да она же и менѣе удачна); тамъ одна глуповатая, забитая служанка кончаетъ тѣмъ, что сосредоточиваетъ свою любовь на попугаѣ, котораго она смѣшиваетъ съ голубемъ, изображающимъ Святой Духъ... Вы можете себѣ представить крикъ цензуры!!.—Остальныя двѣ (каждая въ листъ печатный) красоты *необычайной*. Сегодня, въ 4 часа утра, я кончилъ перепиской переводъ Св. Юліана; завтра утромъ перечту и завтра же отправлю къ вамъ—такъ что вы будете имѣть ее въ рукахъ около 22 февраля нашего стиля. „Иродіаду" я началъ переводить—и надѣюсь доставить вамъ ее черезъ 10 дней—положимъ двѣ недѣли (это послѣдній срокъ!) — т.-е. около 8-го марта. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы обѣ эти легенды появились въ *апрѣльской* книжкѣ, съ небольшимъ предисловіемъ отъ моего лица.—Я увѣряю васъ, что это прелесть—хотя конечно не во вкусѣ Буренина и К°. Я бы попросилъ васъ написать мнѣ тотчасъ ваше мнѣніе, какъ только вы получите первую—т.-е. Юліана.

Пересланное черезъ вашу контору ко мнѣ письмо принадлежитъ нѣкоему Василію Бѣлинскому—жителю Харькова.—Сюжетомъ оно имѣетъ „Новь", которою этотъ Б. весьма доволенъ.—И представьте странность: почеркъ его до того похожъ на почеркъ Виссаріона Б.—что у меня даже сердце забилось, какъ только я увидалъ подпись!

Въ Петербургъ я прибуду *непремѣнно* до 15-го апрѣля—въ этомъ прошу не сомнѣваться.—Развѣ что со мной случится!

Говорятъ, бѣдный Полонскій очень боленъ. Пишу ему. Его стихотвореніе въ февральскомъ № прекрасно.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Воскресеніе, 11 марта (27 февр.), 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, не получая въ теченіи двухъ дней настоящаго письма, вы, можетъ быть, усомнились въ моей аккуратности, которую величали „Соломинской"; но дѣло въ томъ, что я былъ боленъ, страдалъ невыносимой головной невралгіей—и теперь еще не выхожу изъ комнаты; но впрочемъ мнѣ лучше.—Отвѣчаю по пунктамъ.

Всѣ сообщенныя вами свѣдѣнія о моемъ романѣ очень интересны; и я вамъ говорю большое спасибо за доставленіе ихъ. Буду ждать мартовскаго №. Но для меня теперь—это, какъ говорится—дѣло отпѣтое, abgethane Sache—и я только радуюсь и вѣрю вамъ, что высиженныя мнѣнія г-дъ критиковъ не представляютъ общаго мнѣнія публики.—Дѣйствительно, странно: одинъ Аристархъ, напр., увѣрялъ, что Маріаннъ нѣтъ, что я ихъ выдумалъ—а тутъ вдругъ я прочелъ, что изъ 52-хъ революціонеровъ—18 женщинъ; дѣло небывалое и неслыханное въ Европѣ—ни въ какое время!

Прилагаю при семъ небольшое предисловіе къ Флоберовскимъ легендамъ. Какъ я ни хлопоталъ, „Иродіада" не поспѣетъ къ апрѣльской книжкѣ;—придется ее тиснуть въ майской.—Надѣюсь, что эти штуки вамъ понравятся: я стараюсь изо всѣхъ силъ—и, полагаю, какъ стилистъ, не ударю лицомъ въ грязь.—Напишите мнѣ, сколько вы дадите за печатный листъ—и посовѣтуйтесь—хотя и благоразумно — съ вашимъ великодушіемъ—ибо я копейки себѣ не возьму — и все пойдетъ Флоберу, которому деньги нужны. Сама книга явится въ Парижѣ въ половинѣ апрѣля (нашего)—слѣдов. первая легенда явится у насъ comme une primeur. Да и когда вторая явится, книга къ намъ еще не проникнетъ.—Вы можете еще прислать мнѣ, по образу и подобію „Нови", корректурные листы „Юліана".

Я буду прямо отвѣчать священнику и бывшимъ своимъ крестьянамъ, а такъ же и управляющему своему напишу вторично.—Дѣло очень просто, состоитъ въ слѣдующемъ. У меня въ Жиздринскомъ уѣздѣ было имѣніе, которое никогда не приносило никакого дохода, а часто я долженъ былъ приплачивать за него въ казну;—наконецъ, разверставшись съ крестьянами, я остался съ 800 дес. свезеннаго лѣсу, которыя точно также оставались без-

плодными—ибо мои крестьяне ихъ *не нанимали* и *не хотѣли нанимать*—а пользовались *такъ*; мнѣ это надоѣло—я продалъ всю эту землю купцамъ, которые, находясь на мѣстѣ, извлекутъ изъ нея какую-либо пользу. Теперь крестьяне подняли гвалтъ!—Но что же я могъ сдѣлать? Впрочемъ, я написалъ уже управляющему, что если крестьяне согласятся заплатить мнѣ столько же, сколько купцы—да отступнаго купцамъ—то онъ можетъ совершить купчую съ крестьянами, хотя на вѣрность платежа разсчитывать не приходится.

А всетаки,—delenda est Carthago; я въ Петербургъ прибуду непремѣнно до мая.

„Иродіада"—ровно, строка въ строку, одной длины съ Юліаномъ;—и потому вы можете, въ отвѣтѣ на это письмо, сообщить мнѣ, какую вы можете положить за нихъ цѣну.

50, Rue de Douai. Paris. Понедѣльникъ, 19 (7 марта) 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, получилъ я ваши два письма, получилъ и мартовскій №... Долженъ сознаться, что тотчасъ же почувствовалъ, за что и откуда падетъ ударъ... Ужъ очень сюжетъ опасливъ!—Остается мнѣ выразить сожалѣніе за матеріальный убытокъ, — а впрочемъ — маленькая буря не въ счетъ—и ладья всетаки плыветъ подъ полными парусами.

Одинъ отъѣзжающій отсюда пріятель взялся доставить вамъ романъ той же дѣвицы — первая часть которой вамъ понравилась;—вторую она настолько передѣлала и исправила, что, кажется, теперь онъ не посрамитъ лѣтнихъ мѣсяцевъ „Вѣстника".—Во всякомъ случаѣ, будьте такъ любезны, потрудитесь прочесть этотъ романъ—для того, чтобы рѣшить, принимаете ли вы его окончательно—или нѣтъ?—и такъ и сказать самой д-цѣ Бларамбергъ, которая не далѣе какъ черезъ 6 недѣль прибудетъ въ Петербургъ—и явится къ вамъ, чтобы узнать судьбу своего дѣтища.—Пожалуйста, сдѣлайте это.

Вы уже, вѣроятно, успѣли прочесть теперь Флоберовскую легенду—и, надѣюсь, остались довольны и текстомъ, и переводомъ.—(Вторую, „Иродіаду"—вы получите *непремѣнно* черезъ двѣ недѣли). Если найдете возможнымъ, пришлите корректуру, такъ же какъ вы сдѣлали съ „Новью"; и такъ какъ въ легендѣ едва ли окажется болѣе одного листа—то вы, быть можетъ, найдете удобнымъ прислать все разомъ.

Что же касается до цѣны за листъ—которую вы предоставляете моему благоусмотрѣнію—то я, не желая снова воспользоваться вашимъ великодушіемъ съ одной стороны—а съ другой

желая добра Флоберу — (такъ какъ всѣ деньги пойдутъ ему)— предлагаю назначить за легенду—по 200 р. сер. Коли можете натянуть немножко больше—и то добре.—Но сдѣлайте милость— отвѣчайте на этотъ счетъ *немедленно*.

Теперь остается одинъ довольно щекотливый пунктъ, о которомъ я бы и не заикнулся, еслибъ не имѣлъ дѣло съ вами— т.-е. съ человѣкомъ, которому довѣряю и котораго уважаю вполнѣ.—Мнѣ было не совсѣмъ пріятно—и даже жутко — что вы напечатали это воспоминаніе о Ревизорѣ по поводу „Нови".— Нѣтъ, любезный М. М.—между этими двумя вещами, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего общаго!—Странно это писать автору—и писать къ редактору журнала, въ которомъ онъ помѣстилъ свое произведеніе, но у меня на счетъ „Нови" раскрылись глаза;— это вещь *неудавшаяся*. Не говорю уже объ единогласномъ осужденіи всѣхъ органовъ печати, которыхъ впрочемъ нельзя же подозрѣвать въ заговорѣ противъ меня: но во мнѣ самомъ проснулся голосъ—и не умолкаетъ.—Нѣтъ! нельзя пытаться вытащить самую суть Россіи наружу, живя почти постоянно вдали отъ нея.—Я взялъ на себя работу не по силамъ. Вы пишете въ „Вѣстникѣ", что серьезная критика еще не сказала своего слова; нѣтъ—она сказала.—Я прочелъ обѣ статьи—„Отечественныхъ Записокъ" и „Русскаго Вѣстника"—и не могу не сознаться, что въ душѣ согласенъ съ ними. Въ судьбѣ каждаго изъ русскихъ нѣсколько выдающихся писателей—была трагическая сторона; моя — абсентеизмъ, причины котораго было бы долго разыскивать—но вліяніе котораго неотразимо высказалось въ этомъ послѣднемъ — именно, послѣднемъ произведеніи.—Все это между нами, дорогой М. М.; я никогда не доказывалъ сильнѣе своего довѣрія къ вамъ. А въ Петербургъ я всетаки пріѣду— до 1-го мая.—Будьте такъ добры, отвѣтьте на сдѣланные мною запросы—и вѣрьте въ искренность моей дружбы.

50, Rue de Douai. Paris. Вторникъ, 27 (15) марта 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 24 (12 марта), съ вырѣзкой изъ „Нашего Вѣка" и отрывкомъ письма (который препровождаю обратно). — И за то и за другое благодарю искренне.—Вы изъ предыдущихъ моихъ писемъ могли усмотрѣть, что единодушное осужденіе критики моего романа порядкомъ меня смутило и возбудило во мнѣ сомнѣнія; слѣдовательно, нѣкоторая поддержка мнѣ очень была полезна.—Вы, можетъ быть, упрекнете меня въ малодушіи; но мнѣ кажется, тутъ дѣйствительно другое чувство... Впрочемъ объ

этомъ не для чего распространяться. Повторяю вамъ мою благодарность.

Теперь позвольте выяснить нѣсколько пунктовъ.

Вы теперь уже навѣрное получили отъ нашего общаго пріятеля А. Стифена — романъ д-цы Бларамбергъ. Повторяю свою просьбу—прочесть эту вещь—и рѣшить, годится ли она или нѣтъ? — Такъ же напоминаю вамъ о высылкѣ сюда разсказа: „Аполлонъ Марковичъ“.

Вы мнѣ ничего не пишете о флоберовской легендѣ.—Знаю только, что вы ее получили.—Я полагаю, что вы со мной секретничать не будете: быть можетъ, эта вещь вамъ кажется неподходящей для „Вѣстника“. Во всякомъ случаѣ, убѣдительно прошу васъ дать мнѣ скорѣй отвѣтъ—и если вы принимаете „Юліана“—(„Иродіада“ не сегодня, завтра поѣдетъ къ вамъ)—то дайте знать, согласны вы на цѣну, назначенную мною—или какую вы дадите? Пожалуйста, отвѣчайте—по возможности скоро.

Мѣсяца не пройдетъ, какъ я уже предстану предъ ваши очи; будьте въ томъ увѣрены.

Здоровье мое—такъ себѣ: ни шатко, ни валко.—Надѣюсь, что исторія съ мартовской книжкой не слишкомъ васъ разстроила.

Зола былъ въ нѣкоторомъ „сумлѣніи“ на счетъ вырѣзокъ изъ послѣдней его корреспонденціи и просилъ меня узнать отъ васъ — cur, quomodo, quando?—Я ему сказалъ—нѣсколько наобумъ—что вѣроятно онъ слишкомъ горячо нападалъ на классицизмъ.

50, Rue de Douai. Paris. Пятница, 30 (18) марта 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, „за все, за все тебя благодарю я“, какъ сказано у Лермонтова.

Во-1-хъ за дружеское распеканіе по поводу моего малодушія на счетъ „Нови“; во-2-хъ за присылку Аполлона; въ-3-хъ за гонораріи Флобера и т. п.

Но такъ какъ я человѣкъ благодарный и „чувствую“—то съ своей стороны я дѣлаю вотъ что:—вмѣстѣ со второй легендой Ф.—съ Иродіадой—вы получите небольшой, тоже легендообразный разсказъ мой, который я прошу позволенія безвозмездно повергнуть на алтарь дружбы и „Вѣстника Европы“.—Боюсь я одного—какъ бы цензура не нашла затрудненій... Эта штука озаглавлена: „Разсказъ священника“ и въ ней совершенно набожнымъ языкомъ передается (дѣйствительно сообщенный мнѣ) разсказъ одного сельскаго попа о томъ, какъ сынъ его подвергся наущенію дьявола (галлюцинаціи)—и погибъ. Колоритъ, кажется, сохраненъ вѣрно—но тамъ есть святотатство... впрочемъ вы увидите сами.

Поручая себя вашей корректурѣ (въ книгопечатальномъ и другомъ смыслѣ), дружески жму вашу руку.

P. S. О чудо! Въ послѣднемъ своемъ фельетонѣ Суворинъ объявляетъ, что „Новь“—что тамъ ни говори—хорошая вещь! Что сей сонъ значитъ??

50, Rue de Douai. Paris. Пятница, 6 апрѣля (25 марта) 1877.

Любезнѣйшій и надежнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ!! Имѣю сказать вамъ многое и потому en avant пункты!

Во 1-хъ). Остальныя деньги за „Новь“ получилъ вчера отъ Гинцбурга:—спасибо!

Во 2-хъ). Иродіада (переводъ которой представилъ такія трудности, что, безъ хвастовства скажу—не знаю, кто бы лучше меня это сдѣлалъ) переписывается по ночамъ и приближается къ концу. А такъ какъ я въ одно время съ нею непремѣнно хочу вамъ послать: „Разсказъ отца Алексѣя“, въ надеждѣ, что авось цензура пропуститъ и въ знакъ моей благодарности — то колѣнопреклоненно *прошу васъ дать мнѣ сроку* до 17 (5) апрѣля; т. е. вы должны получить обѣ вещи въ этотъ день; и если не получите, то можете назвать меня словесно и письменно „ручнымъ кабаномъ“. Но этого не будетъ—я сохраню свою амбицію.

Въ 3-хъ). Всѣ мѣры приняты мною къ тому, чтобы 25 (13) апрѣля меня уже здѣсь не будетъ; если я не умру или не занемогу смертельно, я выѣду въ этотъ день. Вспомните: на счетъ „Нови“ какъ долго я васъ обманывалъ! Однако кончилось тѣмъ, что доставилъ вамъ. Точно тоже совершится и въ этотъ разъ.

Въ 4-хъ). Кстати о „Нови“; вы знаете, что я писалъ Ѳ. И. Салаеву, что въ виду единодушнаго осужденія и т. д. — я возвращаю ему его слово на счетъ отдѣльнаго печатанія.—Но онъ отвѣчалъ мнѣ прямо ругательнымъ письмомъ, въ которомъ, распекши меня за мое малодушіе, предлагаетъ даже увеличить число экземпляровъ.

Въ 5-хъ). Такъ какъ я уже заговорилъ объ этомъ предметѣ, то могу сообщить вамъ, что переводъ „Нови“ здѣсь понравился.

Въ 6-хъ). Я сличилъ оригиналъ Зола съ переводомъ и убѣдился, что онъ—то, что французы называютъ un paquet d'épines. Я завтра съ нимъ обѣдаю и скажу ему это весьма откровенно. Что касается до его статьи о В. Гюго—то знайте, что всѣ литераторы здѣсь — всѣ безъ исключенія, раздѣляютъ мнѣніе З. на счетъ послѣднихъ двухъ томовъ „Легендъ“; но, разумѣется, сказать этого не смѣютъ — pour ne pas attenter à une gloire nationale и, лежа ничкомъ, поютъ (печатно) хвалебные гимны;

но на словахъ не стѣсняются. Не такой же онъ идолъ у насъ, да и нѣтъ причинъ такъ трепетно благоговѣть! Во всякомъ случаѣ шуму статья З. надѣлаетъ.

А засимъ говорю вамъ „trotz alledem": до свиданія и жму вамъ крѣпко руку, какъ человѣку, котораго я чувствую своимъ другомъ.

50, Rue de Douai. Paris. Суббота, 21 (9) апрѣля 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я еще не получилъ отъ васъ отзыва на мои двѣ посылки, какъ уже со мной случился, говоря словами Гоголя—неожиданный репримандъ. А именно—въ фельетонѣ прибывшаго сюда № „Новаго Времени" я нашелъ переводъ моего разсказа изъ „République des Lettres" подъ заглавіемъ: „Сынъ попа". Въ третій разъ, въ теченіи моей литературной карьеры — со мной случается такая штука. Но тогда подвизался Краевскій; а нынѣ я получилъ подобный сюрпризъ отъ г. Суворина. Видно на деликатность гг. редакторовъ разсчитывать нечего! Если вы сочтете это нужнымъ, то можете объявить отъ моего имени въ какой-нибудь газетѣ, что я достаточно смущенъ подобной безцеремонностью; право за этими господами — но порядочные люди этакими правами не пользуются. Можете прибавить, что въ оригинальной статьѣ, присланной для „Вѣстника Европы", я прибавилъ немало штриховъ, въ чемъ вы можете удостовѣриться сличеніемъ текстовъ. Да и тонъ священническаго разсказа совсѣмъ пропалъ. Редакцію этой замѣтки, конечно, предоставляю вамъ. Я все это говорю въ томъ соображеніи, что вы получили „Разсказъ отца Алексѣя", также какъ „Иродіаду". Черкните словечко объ этомъ.

Такъ какъ д-ца Бларамбергъ выѣзжаетъ отсюда черезъ 3 дня, а въ Петербургѣ пробудетъ недолго — то вы были бы очень любезны, еслибъ къ ея пріѣзду приготовили категорическій отвѣтъ на счетъ помѣщенія ея романа — который (т.-е. отвѣтъ, а не романъ), надѣюсь, окажется благосклоннымъ.

А я все-таки выѣзжаю отсюда черезъ 10 дней и пріѣду, вѣроятно, къ вамъ въ самый разгаръ войны.

Охъ, какъ меня мутитъ и тревожитъ мысль объ этой войнѣ!

Парижъ. Вторникъ. 10 апрѣля (29 марта) 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, вы получите настоящее письмо 1-го нашего апрѣля и „Разсказъ отца Алексѣя" можетъ вамъ показаться мистификаціей въ ту силу, что цензура его не пропуститъ; но ежели, однако, это опасеніе не оправдается—то я вамъ скажу, почему я вамъ высылаю эту штуку за три дня

до Иродіады; я бы желалъ, чтобы эти двѣ вещи не были помѣщены рядомъ (хотя „Иродіада“ непремѣнно должна явиться въ майской книжкѣ). „Отецъ Алексѣй“ очень бы проигралъ отъ *непосредственнаго* сосѣдства. — Вы его помѣстите въ началѣ книжки, а „Иродіаду“ въ серединѣ и поставьте подъ именемъ Г. Флоберъ: переведено И. Тургеневымъ. Долженъ прибавить, что французскій переводъ „Алексѣя“ появился съ мѣсяцъ тому назадъ въ небольшомъ журнальчикѣ, именуемомъ „La République des Lettres“; но этотъ журнальчикъ даже здѣсь не читаютъ, а въ Россіи онъ, чай, совершенно безвѣстенъ; впрочемъ я прибавилъ кое-какіе штришки въ оригиналѣ.

О возмездіи за „Алексѣя“—умоляю не упоминать болѣе; а то мы разсоримся—если только это возможно.

Восхитительную по краскамъ „Иродіаду“ вы получите черезъ 3 дня послѣ 1-го апрѣля—т.-е. 4-го или 5-го числа. Времени для печатанія будетъ за глаза.

Сейчасъ получилъ я экземпляръ „Юліана“ — за что очень благодарю. Всего одна опечатка — незначительная (слѣдуетъ ея указаніе). Въ другомъ мѣстѣ (но ужъ это моя вина) надо будетъ поставить вмѣсто „украшенныхъ“ — „разубранныхъ“, потому что въ предыдущей строкѣ стоитъ слово „украшенія“. Я такъ старательно отчеканилъ эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка. Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры—я ни на что не гляжу съ большей гордостью какъ на этотъ переводъ. Это былъ tour de force заставить русскій языкъ схватиться съ французскимъ и не остаться побѣжденнымъ. Что бы ни сказали читатели--я самъ собой доволенъ и глажу себя по головкѣ.

А вѣдь у насъ все-таки будетъ война!—Я здѣсь пари держалъ, что втеченіи апрѣля войска наши перейдутъ Прутъ. — И это пари я держалъ мѣсяцъ тому назадъ, когда все пахло миромъ.

Напишите мнѣ ваше мнѣніе о моемъ бѣдномъ попѣ.

Зола мною былъ пристыженъ, какъ слѣдуетъ.

50, Rue de Douai, Paris. Середа, 25 (13) апрѣля 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, я уже начиналъ чувствовать недоумѣніе. Вы меня избаловали вашей аккуратностью, а тутъ вдругъ молчаніе! Ваше вчерашнее письмо разсѣяло мои сомнѣнія, подтвердивъ мнѣ однако грустный фактъ, что одно ваше письмо пропало, а именно то, гдѣ вы мнѣ писали о „Разсказѣ отца Ал—я“; ну, что дѣлать! — Въ такое тревожное,

военное время не безъ того! Вы, слѣдов., „Отца Алексѣя“ печатаете; я напрасно думалъ, что цензура испугается (на слѣдующей страницѣ вы найдете мой протестъ, противъ Суворина и его перевода; я послалъ его въ „Нашъ Вѣкъ“, — а вы изъ него возьмете что будетъ нужно для небольшого вступительнаго подстрочнаго замѣчанія, которое, мнѣ кажется, необходимо. Вторая половина моего письма въ „Нашъ Вѣкъ“ посвящена нѣкоторымъ лингвистическимъ замѣчаніямъ по поводу упрековъ г-на Тора. Это васъ не интересуетъ).

Что касается до орѳографіи именъ въ „Иродіадѣ“ и вообще, вы имѣете carte blanche. Если найдете какую-нибудь ошибку— поправьте ее.

До скораго свиданія! О войнѣ не говорю... Когда гроза надъ головой—о ней не говорятъ, а только ждутъ:—куда направляется ударъ?

P. S. Дѣвица Бларамбергъ сегодня выѣзжаетъ отсюда прямо въ Петербургъ. Окажите ей покровительство: она хорошая дѣвушка и съ талантомъ.

Отрывокъ изъ письма въ „Нашъ Вѣкъ“ къ редактору.

М. Г. Позвольте мнѣ обратиться къ посредству вашего уважаемаго журнала для указанія на нѣкоторый непріятный казусъ, уже въ другой разъ повторяющійся со мною въ теченіи моей литературной карьеры. Въ началѣ нынѣшняго года я написалъ небольшую вещь озаглавленную „Р. О. А“. Знакомый мнѣ редакторъ парижскаго еженедѣльнаго журнала „La République des Lettres“, которому я обѣщалъ свое сотрудничество, попросилъ у меня позволенія помѣстить въ своемъ изданіи переводъ этого разсказа. Я согласился, самый же оригиналъ препроводилъ въ редакцію „В. Е.“ (онъ вѣроятно будетъ помѣщенъ въ майской книжкѣ этого журнала)—и вдругъ этотъ разсказъ, переведенный съ французскаго, появляется въ фельетонѣ „Новаго Времени“ (подъ заглавіемъ: „Сынъ попа“—Fils de pope!)—да еще съ такимъ подстрочнымъ замѣчаніемъ, что читатели могутъ, пожалуй, принять этотъ переводъ за принадлежащій мнѣ русскій текстъ. Г-нъ Краевскій (въ Голосѣ) точно также поступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ одной моей повѣстью, нѣмецкій переводъ которой появился недѣли за двѣ до напечатанія русскаго оригинала. Такая безцеремонность со стороны г-на Краевскаго не удивила меня; — я не ожидалъ ничего подобнаго отъ г-на Суворина. Оказывается, что я ошибался.

Мнѣ остается замѣтить, что въ переводѣ „Новаго Времени“

совершенно пропалъ тонъ разсказа, вложеннаго мною въ уста священника; кромѣ того, я уже послѣ напечатанія французскаго текста, прибавилъ немалое число отдѣльныхъ штриховъ, а потому смѣю думать, что напечатаніе „разсказа о. Алексѣя“ въ „Вѣстникѣ Европы“ не покажется лишнимъ.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Середа. 31 (19) октября 1877.

Вслѣдствіи переѣзда нашего изъ Буживаля сюда, любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, письмо ваше съ извѣщеніемъ о кончинѣ бѣдной Сонечки [1]) и съ запросомъ только сегодня утромъ попало ко мнѣ въ руку—и я, чтобы не потерять времени, набросалъ прилагаемыя строки. — Полагаю, что кому-нибудь изъ васъ (Пыпину или кому другому) слѣдуетъ сдѣлать небольшой біографическій, некрологическій очеркъ (съ подробностями ея жизни я не знакомъ) и между прочимъ, если найдете удобнымъ, привести и мои слова въ видѣ извлеченія изъ письма къ вамъ. Очень мнѣ жаль, что я не успѣлъ написать что-нибудь побольше.

Я былъ однажды въ Hôtel Rastadt, но не засталъ вашей жены; попытаюсь еще сегодня.—Мнѣ сказывали, что она вечеромъ и уѣзжаетъ.

Грязный намекъ „Волны“ превосходитъ даже то, что мы уже привыкли читать въ его фельетонахъ; но почему вы приписываете ихъ Г.? Мнѣ совершенно досконально извѣстно, что „Волна“—Маркевичъ.

Я очень радъ, что вы приняли стихи Шумахера; у него хотя небольшой, но несомнѣнный поэтическій талантъ; жаль только, что онъ растратилъ его по мелочамъ.

Мнѣ будетъ жалко, если „Сѣверный Вѣстникъ“ провалится; журналъ недуренъ,—да и Корша мнѣ тоже жалко. Но какъ же онъ не взялъ себѣ въ администраторы какого-нибудь дѣльнаго человѣка?—Самъ онъ ужъ точно баричъ-бѣлоручка.

Антокольскій здѣсь и началъ мой бюстъ. Я ему передалъ вашу вырѣзку.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Середа, 7-го ноября (26 октября) 1877.

Любезнѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ, сегодня утромъ я вамъ писалъ и вотъ пишу снова. Вотъ причина этой учащенной переписки. Вамъ, вѣроятно, нѣсколько дней спустя послѣ нынѣшняго, А. П. Бородинъ (извѣстный музыкантъ и профессоръ пѣнія) принесетъ рукопись одной дамы, озаглавленную: „Раз-

---

[1]) С. К. Брюлловой.

сказъ старой няни"—или что-то въ этомъ родѣ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что прочтя ее, вы захотите помѣстить ее въ „Вѣстникѣ". (Въ ней всего 2 или $2^1/_2$ листа). Эта дама—нѣкая Луканина (докторъ медицины филадельфійскаго университета)—пришла ко мнѣ вчера съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Бородина, а сегодня прочла мнѣ черновую своей рукописи, отправленной къ Бородину—въ Петербургъ; если я не ошибаюсь—это неожиданный, замѣчательный талантъ (не чета д-цѣ Бларамбергъ — о которой я, впрочемъ, ничего дурнаго сказать не намѣренъ). Сюжетъ самый современный, живой—языкъ прекрасный—и на всей вещи лежитъ поэтическій, тонкій колоритъ.—Г-жа Луканина—женщина ученая, писала (и пишетъ) спеціальныя статьи въ разныхъ журналахъ — между прочимъ въ „Здоровьѣ"—и я только въ концѣ разговора узналъ, что она занимается беллетристикой.—Рекомендую ее вамъ самымъ искреннимъ образомъ—и съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ извѣстія, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ ея произведеніе.—По моему—изо всѣхъ русскихъ писательницъ она самая оригинальная и даровитая: я бы очень былъ радъ, еслибъ она начала свою карьеру у васъ.

Еслибъ бѣдная Сонечка была жива, я непремѣнно попросилъ бы васъ прочесть эту вещь съ нею... Еслибъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРШІЕ

(Посв. Л. С. Саниной).

Мнѣ семнадцатый годъ. Я жадно смотрю на жизнь и слушаю ее; хорошо-ли я слышу? Ясно-ли вижу? Не знаю. Но все мнѣ кажется удивительно занимательнымъ и новымъ, и я думаю иногда, что такъ какъ я—еще никто, никогда не чувствовалъ.

Я живу въ большомъ, старинномъ имѣньи. Но это не значитъ, чтобы я была помѣщичьей дочкой и чтобы всѣ эти лѣса, заливные луга, садъ и озеро—были свидѣтелями моихъ первыхъ шаговъ: я просто гощу у Ирины Александровны.

Здѣсь все случайно. Ирина Александровна—художница; она сняла на лѣто усадьбу Корчагиныхъ, обѣднѣвшихъ помѣщиковъ; семья оставила себѣ четыре комнаты въ пристройкѣ, а старый домъ сдаетъ на лѣто внаймы.

Ирина Александровна пригласила на все лѣто меня и мою подругу Нину. Еще съ нами живетъ Левъ Семеновичъ Ясколькій. Мы знаемъ, что онъ знаменитый художникъ, и сначала дичились его, но скоро привыкли. У него вообще такіе ласковые глаза, что его не боятся ни дѣти, ни собаки, ни птицы, кажется! И къ концу первой недѣли нашего пребыванія въ деревнѣ мы его зовемъ „дядя Лева", и не стѣсняемся выходить при немъ къ чаю въ просторныхъ блузахъ.

Ирина Александровна могла бы быть нашей матерью—по годамъ, но этого не чувствуется. Ни у меня, ни у Нины матери нѣтъ, и каждая изъ насъ—инстинктомъ лишеннаго матери существа—отгадала бы материнство, возможность материнства,—въ женщинѣ старшей, чѣмъ она: въ ея взглядѣ, въ ея ласковыхъ

рукахъ. Въ Иринѣ Александровнѣ этого нѣтъ. Глаза ея сухи и скорѣе строги. Когда она пожимаетъ руку, она беретъ вашу руку въ свою почти мужскимъ пожатіемъ, встряхиваетъ ее и вмѣстѣ какъ-то словно отстраняетъ васъ движеніемъ руки впередъ и окидываетъ васъ съ головы до ногъ критическимъ взглядомъ.

Цѣлуетъ она на воздухъ; и никогда не приласкаетъ, но часто говоритъ повелительнымъ тономъ:

— Стойте, не двигайтесь, Тавочка. Посмотрите, Ясколъскій, какъ она интересно стоитъ на фонѣ этой красной стѣны!

Или:

— Не поднимайте головы, Тавочка: я сейчасъ зарисую вашъ затылокъ.

Она вообще говоритъ повелительно, голову носитъ очень гордо, и ходитъ грудью впередъ, широкимъ шагомъ.

Пригласила она насъ потому, что, какъ сама говоритъ, любитъ вокругъ себя веселыя молодыя лица. Но она совсѣмъ не занимается нами: мы предоставлены самимъ себѣ,—даже не требуется съ насъ, чтобы мы во время приходили къ обѣду или къ ужину: это первое время прямо опьяняетъ насъ непривычнымъ ощущеніемъ свободы.

Сама она цѣлыми днями пишетъ этюды вмѣстѣ съ Ясколъскимъ, или уѣзжаетъ съ нимъ верхомъ. Вечеромъ она играетъ въ большой залѣ на заново настроенномъ роялѣ, и только чайный столъ обыкновенно собираетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ. Мы болтаемъ взапуски съ Ниной, а она разсѣянно слушаетъ насъ, и только иногда скажетъ:

— Посмотрите, Ясколъскій—какое интересное освѣщеніе на Тавочкиныхъ завитушкахъ!

А онъ глядитъ ласковыми глазами на мои бѣлокурые завитки и равнодушно соглашается. У него всегда такіе глаза; и одинаково они смотрятъ на меня, на Ирину Александровну, на самоваръ и на кошку—такъ томно и ласково.

Изъ-за самовара я смотрю на него, и думаю, что еслибы вмѣсто его синей блузы на него надѣть бархатный колетъ, бѣлую фрезу и черную шляпу съ перомъ, онъ будетъ похожъ на старый испанскій портретъ—съ его клинообразной темной бородкой, въ которой серебрится сѣдина, изжелта блѣднымъ лицомъ и темными глазами.

Отъ Ирины Александровны я научилась говорить о людяхъ не стѣсняясь, будто ихъ нѣтъ въ комнатѣ, и я съ ней дѣлюсь своимъ открытіемъ. Она киваетъ головою; въ первый разъ я

вижу какой-то живой интересъ въ ея обращенныхъ на меня глазахъ; потомъ она переводитъ ихъ на него, и выраженіе ихъ странно мѣняется. У нея большіе, сѣрые, строгіе глаза, но тутъ они вдругъ точно заливаются яркимъ свѣтомъ и дѣлаются—не умѣю иначе объяснить—изъ холодныхъ теплыми.

— Да, онъ живой Веласкецъ!—говоритъ она. А онъ довольно смѣется, похожій на кота, котораго гладятъ за ухомъ.

Иногда онъ зоветъ насъ посмотрѣть на законченную картину. Онъ пишетъ наше озеро, или сосѣдній монастырь, или проѣзжую дорогу. Все такія простыя вещи. И онѣ такія же, какъ въ жизни—и гораздо лучше.

— Хорошо, дѣвочки?—спрашиваетъ онъ, отодвигаясь отъ картины, и смотря на нее будто самъ видитъ въ первый разъ.

— Хорошо... Только грустно!—говорю я. Почему грустно—я и сама не знаю; не умѣю выразить, почему, когда я смотрю на эту дорогу, я думаю о тѣхъ усталыхъ-усталыхъ ногахъ, которыя шли по ней безнадежно за подаяніемъ; а глядя на монастырь, вспоминаю, что туда уходятъ люди, которыхъ горе выгнало изъ жизни... И никогда, ни одна его картина еще не вызвала во мнѣ улыбки и радости. Но эта грусть лучше всякой радости.

— Дядя Лева, вы, правда, великій художникъ!—Убѣжденно говоритъ Нина, а Ирина Александровна вдругъ смѣется молодымъ и счастливымъ смѣхомъ, и треплетъ Нину по смуглой щекѣ.

— Только отчего вы всегда пишете такъ грустно?—спрашиваю я.

Онъ отвѣчаетъ не то что мнѣ, а словно самъ себѣ:

— Русская природа, какъ бы ни была она красива, можетъ возбуждать только грусть въ душѣ. Грусть даромъ потраченныхъ силъ и не свершенныхъ надеждъ.

Потомъ продолжаетъ, помолчавъ:

— Мнѣ иногда хочется писать что-то другое. Вотъ—Грецію, что ли. Природу, отягощенную сладострастіемъ, какъ женщину въ часы любви.

Меня немножко коробитъ отъ его словъ, но Ирина Александровна слушаетъ его серьезно и спокойно. Что бы сдѣлалось съ нашей классной дамой, или даже съ тетей моей отъ такихъ выраженій! Но здѣсь я привыкаю слушать разныя недозволенныя слова, и чувствую, что въ нихъ нѣтъ дурного.

— Я бы хотѣлъ,—говоритъ онъ дальше,—написать жгучее солнце, ярко синее море, лужайки аркадскія такія, чтобы можно

было повѣрить, что на нихъ обнаженныя нимфы пляшутъ отъ радости бытія. Но здѣсь... не могу. Вѣдь здѣсь...—Онъ замолкаетъ.

— „Край родной долготерпѣнья"... вдругъ кстати подсказываетъ Нина. Это съ ней иногда бываетъ.

— Вотъ именно.

— Ну, бѣгите, дѣвочки!—Отпускаетъ насъ Ирина Александровна ласковѣе обыкновеннаго.

Мы на ея обращеніе съ нами не обижаемся. Хотя, конечно, мы вовсе не дѣти.. Какое же я дитя? У меня свои мечты, свои дорогія тайны... Для меня,—вѣдь для *меня!* жизнь сейчасъ раскрываетъ все, что въ ней есть прекраснаго. И для меня, мнѣ она показываетъ сказку лунныхъ ночей, ароматы цвѣтовъ, книги поэтовъ. Все это—мое, и я этимъ владѣю какъ царица! Но зачѣмъ это кому-нибудь знать? Даже Нина не все знаетъ—хоть мы съ ней такъ дружны.

А Ирина Александровна и дядя Лева настолько старше насъ! Они принадлежатъ къ тому міру „взрослыхъ и большихъ", который еще такъ недавно, въ дѣтствѣ, мѣшалъ существовать. Вѣдь для дѣтей „большіе"—это своего рода враждебная держава: она судитъ, наказуетъ, угрожаетъ; при ней не весела игра, отъ нея скрываются завѣтныя желанія; съ мыслями о ней связываются всякія непріятныя обязанности: идти спать, когда не хочется, или учить уроки, когда тянетъ въ садъ... Теперь, въ семнадцать лѣтъ, ея власть миновала—осталось только прежнее чувство легкаго стѣсненія въ ея присутствіи; но ея не боишься, даже немножко жалѣешь—какъ побѣдившій король жалѣетъ побѣжденнаго и щадитъ его. Вѣдь власть-то въ нашихъ рукахъ! Вѣдь жизнь-то—наша!

А они... ужъ даже не „большіе"—это слово замѣняется потихоньку другимъ словомъ: „старые"...

Старые люди! Конечно, не такіе старые, какъ старушка Корчагина, которой восемьдесятъ одинъ годъ. Семнадцать... и восемьдесятъ одинъ! Она намъ кажется вродѣ вѣчности. Нина у нея недавно спросила, помнитъ ли она Екатерину Великую?..

Не такіе, но всетаки старые. Яскольскому сорокъ пять лѣтъ. Онъ самъ говоритъ. А Ирина Александровна... Мы не спрашиваемъ: мы только углядѣли ея карточку молодой въ точь-въ-точь такой же прическѣ и платьѣ, какъ у моей покойной мамы на портретѣ, а мамѣ было бы теперь сорокъ три года, значитъ и ей около того. И у нея около лѣваго виска совсѣмъ бѣлая прядь!

Она не кажется намъ красивой. У нея вздернутый носъ и очень большой ротъ: развѣ можно съ этимъ быть красивой? Но иногда даже мнѣ трудно оторваться отъ ея лица—когда она что-нибудь разсказываетъ, и кажется, будто за ея блѣдными щеками внутри что-то вспыхнуло и загорѣлось...

Мы находимъ съ Ниной, что она странно одѣвается. У нея какія-то не платья, а одежды, въ родѣ греческихъ. Мы еще любимъ такіе обыкновенные цвѣта: розовый, голубой, блѣдно-зеленый. А у нея то цвѣтъ бычьей крови, то шафрана, то мальвы; и все хитоны безъ рукавовъ, только скрѣпленные на плечахъ—но руки у нея красивыя, какъ у статуи.

Когда она идетъ своею походкой, о которой дядя Лева шутя ей сказалъ: „Ступаетъ подобно богинѣ"...—въ красномъ хитонѣ, съ мольбертомъ въ одной рукѣ и большимъ парусиновымъ зонтикомъ въ другой—намъ съ Ниной всегда немножко смѣшно, и мы обнимаемся и переглядываемся. Она иногда мудритъ и надъ нами: заставляетъ свою Аннушку шить намъ такія коротенькія платьица, какъ на гравюрахъ двѣнадцатаго года, и поднимаетъ намъ волосы въ высокія прически.

Она пишетъ съ насъ, на ступеняхъ балкона: серебристыя отъ времени ступени, и рядомъ—сиреневые кусты. Пишетъ „Татьяну и Ольгу".

По наружности скорѣе Ольга—я, а Нина, съ ея широко-разставленными, задумчивыми глазами—Татьяна. Но я думаю про себя, что по душѣ—наоборотъ. Только я не могла бы быть такой, какъ Татьяна. Я бы ушла къ тому, кого люблю, и никакіе старые генералы не помѣшали бы мнѣ! Я это высказала въ своемъ гимназическомъ сочиненіи, и чуть не вылетѣла за это изъ гимназіи.

Когда Ирина Александровна не пишетъ съ насъ, мы вольны дѣлать что хотимъ. И кажется, что намъ дѣлать нечего. Но это только кажется; время летитъ, время улетаетъ съ какой-то неимовѣрной быстротой...

Всего дороже для насъ тѣ часы, которые мы проводимъ на островѣ.

Нашъ домъ стоитъ на горѣ; передъ нимъ—большое, чудесное озеро. Оно голубое утромъ, золотое въ полдень, розовое на закатѣ и серебряное при лунѣ. Оно, какъ и мы, любитъ простые и ясные цвѣта.

Посреди его—островокъ, заросшій деревьями, кустарникомъ и папоротниками, съ прогалиной, на которой ростетъ земляника.

Берега его изрѣзаны, и въ одной изъ выемокъ наша „купальня“. Словно нарочно сдѣлано такъ: густая стѣна деревьевъ и камышей окружаютъ выемку, можно тутъ купаться и никто не увидитъ, можно нѣжиться на горячемъ пескѣ.

На этотъ островокъ мы прiѣзжаемъ, или насъ привозитъ дядя Лева, въ лодкѣ; самъ онъ уѣзжаетъ далеко удить рыбу и возвращается за нами, или присылаетъ лодку часамъ къ шести.

Особенно прiятно, когда мы такъ отрѣзаны отъ всего,—однѣ посреди нашего любимаго озера. Съ нами—книги, вѣрнѣе—со мной книги, а съ Ниной работа, она не очень любитъ читать; но мы и читаемъ, и работаемъ мало. Столько есть, о чемъ поговорить и обсудить. Подумайте—жизнь, смерть, старость, богатство, бѣдность—обо всемъ вѣдь необходимо говорить и все рѣшить... А любовь! Одной любви, кажется, на все лѣто хватитъ!

— Какъ ты думаешь: можно въ тридцать лѣтъ любить такъ-же сильно, какъ въ шестнадцать?.. (О сорока мы ужъ и не говоримъ).

— Когда мнѣ будетъ сорокъ лѣтъ—я уйду въ монастырь!—Объявляю я.

— А вотъ Ирина Александровна не уходитъ?

— Я не понимаю этого... Ну, потому что она художница. Можетъ быть, еслибы я была художница или писательница, я бы тоже не ушла!—снисходительно говорю я.—Вѣдь вотъ, Джорджъ Эллiотъ пятидесяти лѣтъ замужъ вышла!—Мы хохочемъ.

Тѣмъ временемъ проходитъ положенный отъ обѣда часъ, и можно купаться. Мы съ восторгомъ думаемъ о свѣжей водѣ.—Нина раздѣвается первая.

Она стоитъ на берегу и держится лѣвой рукой за вѣтку ивы, а правую ногу спускаетъ въ воду, пробуя, холодно-ли,—вздрагивая, ежась и смѣясь. Я смотрю на нее и думаю, что въ платьѣ совсѣмъ незамѣтно, какая Нина стройная; мнѣ кажется, что такими должны были быть тѣ нимфы на Аркадскихъ полянахъ, о которыхъ говорилъ Ясскольскiй.

Отчего такъ красиво смотрѣть на линiю, которая идетъ внизъ, отъ бедра къ мизинцу ноги? Она выгнута, точно греческая амфора.

— Знаешь, Нина?—прерываю я собственныя размышленiя.—Ты ужасно красива! Какъ жаль, что дядя Лева не видитъ тебя... Онъ-бы съ тебя написалъ нимфу... такую, какъ я читала въ „Метаморфозахъ“.—Нина краснѣетъ. Краска разбѣгается отъ ушей по плечамъ, по груди; скоро кажется и мизинцы порозовѣютъ.

— Фу, глупая! Вотъ тебѣ за это!—Она зачерпываетъ воды и обдаетъ меня брызгами. А я еще не сбросила блузы.

— Вотъ ты какъ? Погоди-же!

Куда дѣвались греческія нимфы, „Метаморфозы" и амфоры? Мы обливаемъ другъ друга водой, убѣгаемъ, визжимъ и хохочемъ, точно трехлѣтнія—пока въ изнеможеніи не падаемъ на траву,—и опять приходится остывать, чтобы выкупаться.

Послѣ купанья мы сохнемъ на солнцѣ, и ведемъ нескончаемые разговоры; а въ іюнѣ, когда поспѣли ягоды, совмѣщаемъ это со сборомъ земляники. Тутъ же, лежа—стоитъ только протянуть руку, и крупныя, сочныя ягоды таютъ, душистыя, во рту. Я дѣлаю изъ этихъ красныхъ ягодъ серьги Нинѣ, и это очень идетъ къ ея темнымъ косамъ и алому рту, похожему на землянику. Иногда—рѣдко—намъ не хочется разговаривать, и мы просто лежимъ, смотря въ синее небо. На солнцѣ пахнутъ травы, дикій тминъ, мята, клеверъ—острые, пряные, сладкіе запахи всѣ вмѣстѣ, и тишина плететъ надъ нами свои ласковыя сѣти. Только въ большомъ кустѣ бѣлой бузины словно гудитъ далекій оркестръ—тамъ пчелы, осы и шмели жужжатъ весь день.

Когда за нами пріѣзжаетъ лодка, мы плывемъ домой по розовому озеру. Вода совершенно розовая, брызги отъ веселъ кажутся пригоршнями разсыпанныхъ альмандиновъ. Когда зачерпнешь воды въ ладонь, то удивляешься, что она оказывается не розовой, а обыкновенной.

Мы возвращаемся счастливыя, усталыя, съ цвѣтами въ мокрыхъ волосахъ, и всѣ блюдца заполняемъ незабудками и желтыми кувшинками, такъ что не изъ чего пить чай. Отъ насъ пахнетъ травою, мятой и тминомъ, и загаръ покрываетъ, какъ золотой налетъ, наши лица и руки. Аппетитъ, съ которымъ мы набрасываемся на простоквашу, раки и малину—неописуемъ. А Ирина Александровна смотритъ на насъ какъ-то странно, и въ глазахъ ея несомнѣнная печаль. Она съ дядей Левой продолжаетъ какіе-то свои, имъ однимъ понятные разговоры, а мы—свои...

Въ рѣдкіе дождливые дни, когда хотя тепло, но выйти нельзя, потому что льетъ, у насъ много рессурсовъ.

Одинъ изъ нихъ—это бабушка Марѳа Николаевна, мать Корчагиныхъ, та самая, которой восемьдесятъ одинъ годъ — вѣчность...

Мы забираемся къ ней въ пристройку, въ ея комнату, гдѣ у кіота съ темными иконами горитъ неугасимая лампада. Ба-

бушка сидитъ въ большихъ, старыхъ креслахъ, на которыхъ вышиты полинявшія пастушки. Она въ бѣломъ чепцѣ. Ея добрые, печальные глаза такъ странно смотрятъ: будто глядятъ въ далекое прошлое, поверхъ васъ...

Я—дитя города, и на меня вѣетъ какимъ-то особеннымъ очарованіемъ отъ аромата стараго гнѣзда: отъ выцвѣтшихъ дагерротиповъ, бисерныхъ вышивокъ, стараго фарфора, альбомовъ двадцатыхъ годовъ и разсказовъ бабушки. Мнѣ кажется, когда она говоритъ, что я перечитываю не то Аксакова, не то Лѣскова—кого-то изъ старыхъ писателей.

Семья Корчагиныхъ не велика: мать, двѣ дочери и сынъ. Сынъ, Василій Иванычъ,—мы его рѣдко видимъ,—это великанъ, съ рыжей бородой, одѣтый немногимъ лучше своихъ работниковъ, въ смазныхъ сапогахъ. Онъ трудится съ зари до зари одинъ за всѣхъ; управляющаго у него нѣтъ. Старшая сестра, Софья Ивановна, не уступаетъ ему; ходитъ въ платочкѣ, въ мужскихъ сапогахъ, руки у нея загрубѣлыя и коричневыя. Она мнѣ чѣмъ-то напоминаетъ мою няню и нравится мнѣ. Ея руки не знаютъ отдыха: она и въ молочной, она и на скотномъ дворѣ, она и въ птичникѣ, она и шьетъ, она и за матерью ухаживаетъ. А когда она мимоходомъ приласкаетъ меня, то я чувствую въ этихъ грубыхъ рукахъ ту благословенную материнскую нѣжность, которой нѣтъ въ красивыхъ длинныхъ пальцахъ Ирины Александровны.

Вторая сестра, Аглая, похожа на изваяніе изъ старинной слоновой кости. У нея мелкія точеныя черты словно ссохшагося лица; на маленькой головѣ темной короной лежатъ двѣ густыя косы съ просѣдью. Руки у нея бѣлыя и мягкія какъ шелкъ; отъ нея пахнетъ розовыми лепестками,—которые она собираетъ и сушитъ на солнцѣ въ стеклянныхъ банкахъ,—и ходитъ она въ бѣлыхъ батистовыхъ капотахъ, на старинный ладъ вышитыхъ гладью или черными „турецкими бобами"; капоты эти подкрахмаливаютъ и гладятъ тѣ-же неутомимыя руки Софьи Ивановны.

— Аглая была красавица!—говоритъ намъ иногда бабушка, и такъ тяжело-тяжело вздыхаетъ старческая грудь, что мы смолкаемъ и не разспрашиваемъ ни о чемъ.

Бабушкины разсказы вообще касаются всегда первой половины ея жизни, и кончаются тѣмъ, какъ лошадь разбила ея мужа, когда Васенькѣ не было еще двухъ лѣтъ; при этомъ она всегда плачетъ. Мы знаемъ, что Васенькѣ теперь тридцать девять лѣтъ, значитъ высчитываемъ правильно, что бабушка оплакиваетъ своего

мужа тридцать семь лѣтъ, и это переполняетъ насъ почтеніемъ къ ней.

Иногда къ намъ присоединяется Аглая. Она молчалива, но любитъ показывать намъ замысловатые пасьянсы (она раскладываетъ ихъ по цѣлымъ днямъ) или напѣваетъ романсы вродѣ: „Съ ней я зимой вечерами дѣлился"...

Разъ она показала мнѣ выцвѣтшую фотографію, съ которой глядѣло прекрасное, гордое лицо ангела.

— Кто это?

— Это я.

— Неужели это были вы?—разъахалась Нина. Аглая покрылась темными пятнами и поспѣшно вышла.

Мы ея немножко боимся. А бабушки—нѣтъ. Она намъ какъ-то ближе: такая старость понятнѣе, яснѣе намъ, чѣмъ Аглаина. Въ ней нѣтъ загадочной тревоги. И мы у бабушки какъ котята играемъ, и ластимся къ ней, и роемся въ ея ларчикахъ, и просиживаемъ долго, долго.

Еще рессурсъ, и очень дорогой для меня—это хоры. На нихъ прежде играла музыка, а теперь стоятъ старые, низкіе шкафы краснаго дерева съ просѣкшейся зеленой тафтой за узорными дверцами,—и въ нихъ книги. Цѣлый міръ!

Я читала много и безпорядочно съ пяти лѣтъ, что ни попадалось подъ руку, случайно выбирая какимъ-то чутьемъ то, что прекрасно. Когда я позже читала о тѣхъ книгахъ, что я полюбила—онѣ, оказывалось, „классическія". И здѣсь я нашла много чудесныхъ книгъ, вмѣстѣ со старыми „Сѣверными Цвѣтами", рецептами настоекъ и атласами еще до присоединенія Польши, гдѣ теперешняя граница была обведена чернильной чертой, и крючковатымъ почеркомъ указано было: „Первый раздѣлъ Польши". Тутъ я нашла и увлекшія меня „Метаморфозы" Овидія въ переводѣ Десентанжа, и „Table ronde" Трессана, изданіе XVIII-го вѣка, и зачитывалась ими такъ-же страстно, какъ въ дѣтствѣ—волшебными сказками.

Я вѣдь твердо вѣрю, что, конечно не такія, но сказки—жизнь откроетъ и мнѣ!

Въ концѣ мая у насъ объявились сосѣди. Черезъ озеро къ нимъ было переѣхать нѣсколько минутъ, кругомъ объѣхать—меньше часа. Это были тоже мѣстные помѣщики, Кривцовы. Они жили всегда въ Петербургѣ и только лѣтомъ пріѣзжали къ себѣ въ имѣнье, совсѣмъ не похожее на Корчагино. У нихъ были и оранжереи, и лаунъ-теннисъ, и крокетъ—все какъ на

дачѣ. Но намъ больше нравилось „наше" Корчагино, его столѣтнія липы, его обрывистые берега и нашъ островокъ.

Корчагиныхъ, не взирая на ихъ стѣсненное положеніе, уважала вся округа, и Кривцовы сейчасъ-же по пріѣздѣ сдѣлали имъ визитъ, даже скорѣе, чѣмъ обыкновенно: заставило ихъ поторопиться навѣрно и присутствіе знаменитаго Яскольскаго. Знакомство быстро завязалось. Это были мать и двѣ дочери; отецъ, видный петербургскій чиновникъ, наѣзжалъ изрѣдка, а жили однѣ дамы. Конечно все наше вниманіе устремилось на барышень; онѣ были въ нашихъ годахъ, звали ихъ Долли и Нэлли, но мы быстро перекрестили ихъ въ Долли и Нолли—такъ намъ казалось забавнѣе. Обѣ были очень хорошенькія; мы быстро подружились. Какъ-то сразу вырисовались предпочтенія: Долли, серьезная, съ мечтательными глазами, пришлось мнѣ больше по душѣ; Нолли—льнетъ къ Нинѣ. Но намъ весело всѣмъ вчетверомъ, и прибавилась масса новыхъ темъ. Мы совсѣмъ разныя: мы съ Ниной—москвички, онѣ—петербуржанки, барышни свѣтскія, имъ предстоитъ бывать при дворѣ, онѣ „выѣзжаютъ"; мы—живемъ просто; но здѣсь вся рознь пропадаетъ. Всѣ мы—члены тайнаго содружества, масонскаго ордена, обнимающаго міръ — „общества семнадцатилѣтнихъ", и насъ прежде всего соединяетъ общее стремленіе бѣжать отъ старшихъ.

Насъ, впрочемъ, удивляетъ Долли: „старшими" ей кажутся только ея мать и Ирина Александровна, а дядю Леву она положительно не считаетъ стѣснительнымъ. Она охотно съ нимъ разговариваетъ, краснѣетъ, проситъ ей давать уроки живописи, и все такое. Дядя Лева смотритъ на нее очень ласково, и ужъ теперь все онъ говоритъ:

— Посмотрите, Ирина Александровна, какъ барышня интересна въ этомъ зеленомъ сумракѣ...

Но Иринѣ Александровнѣ навѣрно Долли не нравится, и она-то на нее не очень-то ласково смотритъ.

Maman Долли и Нолли, по нашему, противная. Хуже гораздо Ирины Александровны, хотя лицо у нея красивѣе. Она похожа на цыганку. Вѣки у нея темно-коричневыя, словно опаленныя, а губы—яркія какъ красный перецъ. Нина божится, что сама видѣла, какъ Полина Михайловна (ее такъ зовутъ) вынимала изъ мѣшечка помадку и красила себѣ губы. Она всегда ходитъ въ бѣломъ и отъ нея пахнетъ сладко и такъ сильно, что даже чашки, изъ которыхъ она пьетъ чай, пахнутъ духами. Она ужасно любезна со всѣми, особенно съ Ириной Александровной, и все хвалитъ ея этюды; но у нея глаза злые. Не то что

строгіе, какъ у Ирины Александровны, а такъ — злые. Мнѣ всегда почему-то представляется мачиха изъ „Майской ночи“, когда я смотрю на нее. И я нахожу, что неприлично, чтобы пожилая женщина красила себѣ губы.

Между нашими двумя домами завязались постоянныя сношенія: переписка, посылки; то казачекъ прибѣжитъ, то на лодкѣ пріѣдутъ барышни за книгами — и останутся. Онѣ почти все время проводятъ у насъ. У нихъ и цвѣтники, и лаунъ-теннисъ, и все—но имъ больше нравится у насъ. Мы или бѣгаемъ въ саду, повязавшись платочками какъ крестьянки, и поемъ пѣсни,—или ѣдемъ на нашъ любимый островокъ купаться и собирать землянику. А то сидимъ на чердакѣ на старомъ кожаномъ диванѣ, который—онъ-то ужъ навѣрно—помнитъ Екатерину Великую; на чердакѣ хранятся яблоки еще отъ прошлаго года, и хорошо пахнетъ, а изъ слухового оконца, подъ которымъ живутъ и воркуютъ голуби, чудесный видъ на все озеро. Тутъ мы философствуемъ вчетверомъ. Онѣ разсказываютъ намъ про Петербургъ, балы, выѣзды, Маріинскій театръ, острова и пріемы у Полины Михайловны; мы имъ — про нашъ гимназическій кружокъ, про лекціи Герье, про Чехова и про Ермолову. Я декламирую имъ стихи, а Долли показываетъ, какъ она умѣетъ плясать. Она пляшетъ всякіе характерные танцы и зимой уже участвовала въ любительскихъ балетахъ. Мы восхищаемся ею отъ души. Нина и Нолли—всегда въ роляхъ благодарной публики.

Старшіе тоже постоянно проводятъ время вмѣстѣ—но наоборотъ, чаще тамъ, у Кривцовыхъ; только, по моему, имъ не такъ весело какъ намъ. Когда мы возвращаемся съ лодки или изъ сада къ нимъ, то всегда застаемъ Ирину Александровну какую-то недовольную, съ пылающими щеками, а дядю Леву не то соннаго, не то смущеннаго, и только Полина Михайловна любезно разговариваетъ съ нами и, улыбаясь, скалитъ бѣлые зубы.

Недавно была гроза. Страшная гроза. Началось съ того, что день былъ душный, и липы пахли такъ сильно, что казалось, будто сидишь въ серединѣ букета. У Нины болѣли виски и она лежала въ гамакѣ, а я растянулась на травѣ, уткнувшись въ книжку. Вдругъ пріѣхали Долли и Нолли, и говорятъ, что мама не совсѣмъ здорова и проситъ всѣхъ къ себѣ. Мы отказались: очень жарко. Ирина Александровна поблагодарила и сказала, что мы не поѣдемъ.

Вдругъ дядя Лева всталъ и особенно любезно ей сказалъ:

— Parlez pour vous, chère madame! Я думаю, что наоборотъ, движеніе меня подбодритъ. Барышни, я съ вами.

У Ирины Александровны побѣлѣлъ носъ; я видѣла, какъ она разсердилась, но потомъ спокойно сказала ему:

— Васъ ждать къ ужину?

— Вѣроятно...—пробормоталъ онъ, поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ съ Долли и Нолли, предложивъ Долли руку, какъ большой!

Ирина Александровна ушла къ себѣ и вышла только къ ужину.

— Мы развѣ не подождемъ дядю Леву?—спросила Нина.

— Съ какой стати?—холодно отвѣтила Ирина Александровна.

За ужиномъ она была очень весела и такъ интересно разсказывала о своей жизни въ Парижѣ, о мастерскихъ Лемана и Харламова, гдѣ она бывала, о своемъ путешествіи въ мужскомъ костюмѣ, верхомъ, по Испаніи, что мы не замѣчали, какъ время летитъ. Даже Василій Ивановичъ, который случайно забрелъ, и тотъ заслушался и остался, и только говорилъ:

— Да, вѣдь везетъ-же людямъ... А тутъ вотъ десять лѣтъ дальше Вышняго-Волочка не выберешься.

Ирина Александровна все поглядывала на часы — словно забыла, что они стоятъ, стоятъ ужъ сколько лѣтъ,—высокіе, стоячіе часы въ футлярѣ съ дверцей—какъ въ сказкѣ—черезъ которые уходишь въ сказочныя страны...

Мы отужинали, и Василій Ивановичъ ушелъ, а дяди Левы все не было. Ирина Александровна опять ушла къ себѣ, и мы поднялись наверхъ.

Ночью насъ разбудила страшная гроза. Нина вся дрожащая вскочила и прибѣжала ко мнѣ въ одной рубашенкѣ:

— Я боюсь, позволь мнѣ лечь у тебя!

Она всего боится, чего только можно бояться: грозы, мышей, гусеницъ, оборванцевъ и темныхъ комнатъ.

— Ну хорошо, только возьми свою простыню!

Я не люблю, когда до меня дотрагиваются. Нина улеглась около меня и сейчасъ-же заснула, а мнѣ стало жарко и я встала. Дверь изъ моей комнаты выходила на хоры; она была неплотно притворена, и мнѣ послышалась музыка. Мнѣ казалось, что глубокая ночь; дѣйствительно, мои часики показывали четверть третьяго. Что-же это могло быть? Я подкралась къ дверямъ. Внизу, у рояля, бѣлѣлась фигура. Мнѣ стало жутко, но потомъ я догадалась, что это Ирина Александровна... Сквозь грохотъ грома я ясно слышала, что она играетъ прелюдъ Шопена—о которомъ она разсказывала, что онъ его написалъ, когда въ бурю

ждалъ Жоржъ Зандъ,—въ этомъ прелюдѣ есть дождь и вѣтеръ. Я заслушалась. Она играла при одной свѣчѣ, но время отъ времени синяя молнія освѣщала всю огромную залу и стоявшій въ самомъ дальнемъ углу рояль, и я ясно видѣла бѣлый хитонъ Ирины Александровны и ея красивыя руки.

Гроза прошла, а она все играла.

Вдругъ она перестала играть, какимъ-то чужимъ голосомъ простонала:

— О, Господи!—и упавши лицомъ на руки, горько заплакала.

Мнѣ захотѣлось броситься къ ней внизъ и я уже шагнула къ лѣсенкѣ, но въ это время внизу хлопнула балконная дверь и въ залу вошелъ дядя Лева.

Ирина Александровна обернулась, вздрогнула, точно испугалась, и кинулась къ нему, и не повелительно какъ всегда, а какъ-то отчаянно и нѣжно вскрикнула:

— Наконецъ-то!

А онъ взялъ ее за руки и сурово — тоже какъ днемъ не говорилъ—сказалъ:

— Безумная!

Я что-то не могла больше оставаться и убѣжала къ себѣ. Мнѣ казалось, что это все во снѣ, и оба они были не такіе какъ днемъ. Я прокралась на Ниночкину постель и заснула, какъ убитая.

Утромъ мы всѣ собрались за чаемъ, и опять у Ирины Александровны былъ повелительный голосъ, а дядя Лева ласково смотрѣлъ и разсказывалъ намъ, какъ изъ-за грозы чуть было не остался ночевать у Кривцовыхъ.

Настроеніе у насъ портится...

Мы сидимъ съ Ниной въ бесѣдкѣ надъ озеромъ, сосемъ карамельки и разсуждаемъ на ту тему: отчего Иринѣ Александровнѣ непріятно, такъ очевидно непріятно общество Полины Михайловны и то, что дядѣ Левѣ съ ней весело.

Вѣдь вотъ мы же не сердимся другъ на друга, что намъ весело съ Долли и Нолли.

Одно другому не мѣшаетъ!

— Наша дружба вѣдь никогда не пройдетъ. Правда, никогда?

— Никогда!—говорю я, и мы долго сидимъ щека съ щекой,— словно въ табунахъ молодыя лошадки, прижавшись одна къ другой головами.

Слова *никогда* мы еще не понимаемъ... Намъ кажется, что его *можно* говорить, — что можно обѣщать *никогда* не разлюбить, *никогда* не измѣниться...

Да, но вѣдь намъ хорошо и вдвоемъ... А вѣдь Ирина Александровна теперь все одна. Она давно не ходила на этюды съ дядей Левой; онъ что-то бросилъ писать: все больше свищетъ свою Діанку, у которой противные бабьи глаза и которая подползаетъ къ нему на брюхѣ и лижетъ его сапоги такъ, что моя гордость возмущается; свистнетъ и уйдетъ съ ружьемъ — на охоту. Я не знаю, что̀ онъ стрѣляетъ, потому что онъ ничего не приноситъ въ ягдташѣ, — но мы иногда слышимъ его выстрѣлы, гулко прокатывающіеся надъ озеромъ,—и Ирина Александровна всегда вздрагиваетъ и блѣднѣетъ.

— Ирина Александровна, какъ хорошо! Можно Долли и Нолли остаться у насъ обѣдать?—говорю я съ восторгомъ въ одинъ изъ этихъ дней. Дяди Левы нѣтъ. Ирина Александровна чѣмъ-то озабочена и взглядываетъ на меня, будто въ первый разъ меня видитъ—у нея есть эта манера.

— А! Я очень рада, — вѣжливо говоритъ она, понявъ, чего я отъ нея хочу. — Но не обезпокоится ли Полина Михайловна?

Когда она такъ говоритъ, она похожа на царицу, и ея голова особенно высоко поднята.

— О! Мамы все равно по цѣлымъ днямъ нѣтъ, она велѣла, чтобы мы завтракали и обѣдали, когда хотимъ!—весело восклицаетъ Нолли.

Я вдругъ вижу, что Ирина Александровна и Долли точно по какому-то соглашенію быстро взглядываютъ другъ на друга. Потомъ Долли опускаетъ глаза и такъ краснѣетъ, будто въ чемъ виновата; а у Ирины Александровны, наоборотъ, лицо дѣлается какое-то сѣрое,—она точно судорожно проглатываетъ воздухъ и потомъ, улыбаясь, говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ, я очень рада.

На ночь Нина говоритъ мнѣ:

— Какая она странная! Чего она сердится? Она бы тоже съ нимъ ѣздила, если ей скучно!

— Молчи... ты ничего не понимаешь!—говорю я сердито.

Нина старше меня на цѣлый годъ, и выше, но мнѣ всегда кажется, что она моя младшая и что я больше понимаю... Гораздо больше.

Я начинаю догадываться. Но мнѣ стыдно сознаться въ томъ, что я думаю. Неужели же въ такіе годы можно... нѣтъ, мнѣ это все только кажется.

Ирина Александровна начинаетъ мнѣ становиться на дорогѣ. У меня есть свои любимыя мѣста, куда я ухожу, чтобы побыть одной; и послѣднее время я все нахожу ее тамъ. Особенно въ бесѣдкѣ надъ обрывомъ. Она все сидитъ тамъ и смотритъ на озеро. И глаза у нея не строгіе, а такіе, будто ей ужасно больно. Когда я застигну ее врасплохъ, она какъ-то сконфузится и скажетъ:

— Правда, здѣсь красиво? Я думаю начать писать этотъ уголъ озера.

Но ни красокъ, ни мольберта съ ней нѣтъ...

На дняхъ мы были приглашены обѣдать къ Кривцовымъ: рожденіе хозяйки.

Ирина Александровна рѣшила поѣхать и они все ссорились. Обѣдать—это по нашему ужинать, къ шести часамъ,—но мы-то собрались туда раньше.

Ирина Александровна вышла въ греческомъ хитонѣ цвѣта настурцій съ золотыми перехватами на плечахъ.

— Вы *такъ* хотите ѣхать? — спросилъ дядя Лева, искоса взглянувъ на нее.

Она вспыхнула.

— Вамъ перестали нравиться эти тона?

Онъ какъ-то смущенно кашлянулъ и возразилъ:

— Нѣтъ, это очень мило, но... для общества?.. Вѣдь тамъ будетъ обѣдъ, приглашено много народу...

— Вы очень au courant хозяйственныхъ распоряженій Полины Михайловны, — сказала Ирина Александровна дрожащимъ голосомъ;—но даже если тамъ будетъ весь monde—не исключая фельдшера, акушерки и становового, — я рискну не измѣнять своихъ привычекъ.

— Какъ вамъ угодно!—сказалъ онъ и всталъ.

— Куда же вы?

— Я обѣщалъ барышнямъ пріѣхать пораньше, онѣ что-то затѣваютъ...—отвѣтилъ онъ уже въ дверяхъ.

— Я думала, мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ?

Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Мы незамѣтно выскользнули изъ-за стола.

Когда мы собрались и пошли сказать Иринѣ Александровнѣ, что готовы—она сидѣла у себя въ комнатѣ и писала.

— Я не поѣду!—отрывисто сказала она.—Поѣзжайте однѣ.

Мы отправились въ лодкѣ съ Василіемъ Ивановичемъ, надѣвшимъ для торжественнаго случая сюртукъ и обливавшимся въ немъ потомъ. Когда мы пріѣхали, тамъ уже было много народу—откуда-то взялись юнкера, студенты, старики, старушки; за нѣсколькими столами играли въ карты; мы всѣ кинулись на лаунъ-теннисъ.

Полина Михайловна была въ чудномъ бѣломъ платьѣ, сплошь кружевномъ, съ темными, почти черными розами на груди и въ волосахъ. Въ ея ушахъ такъ и горѣли брилліантовыя серьги: „подарокъ отъ мужа". Мужъ, лысый и худенькій генералъ, былъ тутъ же; дѣвочки вѣшались на него и вовсе не боялись его — какъ побаивались матери.

Посреди гостинной, на мольбертѣ стояла послѣдняя картинка дяди Левы. Странно—отъ нея не грустно. Кусокъ розоваго озера, и надъ нимъ розовое небо, и узкій, блѣдный полумѣсяцъ — больше ничего, а подписано: „Озеро счастья".

— Посмотрите, какой чудный подарокъ я получила ко дню рожденія!—всѣмъ гордо показывала хозяйка. Еще бы ей не гордиться: даже мы знаемъ, что за самый маленькій этюдъ, написанный Яскольскимъ—платятъ тысячи.

Полина Михайловна вся сіяла. Сіяли ея черные глаза, сіяли ея бѣлые зубы, сіяли брилліанты въ ушахъ...

Когда мы уже собирались садиться за обѣдъ—дядя Лева рядомъ съ хозяйкой, на почетномъ мѣстѣ, мы—за „музыкантскимъ столомъ"—появилась Ирина Александровна. Она переодѣлась! На ней бѣлое платье; почти такое же бѣлое у нея лицо. Хозяйка любезно, очень любезно пошла къ ней навстрѣчу, и обѣ онѣ улыбались, привѣтствуя одна другую. Но изъ черныхъ глазъ смотрѣла злоба, а изъ сѣрыхъ—ненависть, такая ненависть, что мнѣ даже жутко стало и холодокъ пробѣжалъ по кожѣ: мнѣ казалось, что всѣ это должны видѣть. Но нѣтъ,—никто.

— Дорогая, какъ вы поздно!

— У меня страшная мигрень. Если бы не вашъ праздникъ, я ни за что бы не собралась.

Ей очистили мѣсто—на другомъ концѣ стола, рядомъ съ хозяиномъ дома. Онъ за ней ухаживалъ, угощалъ ее; она пила бокалъ за бокаломъ, и у нея было такое странное лицо! Она кокетничала съ сосѣдомъ-офицеромъ, точно молоденькая: онъ цѣловалъ ей руки, она не отнимала, вызывающе хохотала. Мнѣ

сдѣлалось неловко, но всѣ кругомъ были веселы, тоже много пили и смѣялись. Послѣ обѣда всѣ пошли на озеро: тамъ былъ фейерверкъ, въ саду подавали крюшонъ; надъ чернымъ озеромъ летали красныя и зеленыя ракеты, съ трескомъ разсыпаясь на тысячи звѣздочекъ. Въ саду рядомъ со мною какъ-то очутились дядя Лева и Ирина Александровна. Они меня не замѣчали. Она съ какой-то робостью продѣла ему руку подъ локоть, а онъ отстранился и тихимъ, но злымъ голосомъ сказалъ:

— Вы были неприличны.

— Не доводите меня до отчаянія!—отвѣтила она.

— Бросьте комедію!

Все это шопотомъ говорилось и буквально въ одну минуту. Онъ отошелъ, а она постояла какъ потерянная, и вдругъ быстро ушла.

Когда она уѣхала — никто не замѣтилъ. Мы веселились до утра, полусонныя явились домой; насъ едва могли добудиться къ обѣду.

Къ вечеру жара спала. Пришли дѣвочки; мы всѣ лѣнивыя, усталыя, валялись на травѣ и вспоминали вчерашнее.

Ирина Александровна не выходила цѣлый день, дяди Левы тоже не было — можно было подумать, что мы однѣ на свѣтѣ.

Мы мечтали, что бы мы стали дѣлать, если бы мы были царицами. Потомъ Нолли и Нина ушли рвать горохъ; а мы не могли встать съ гамака, въ которомъ покачивались, улегшись обѣ поперекъ.

Долли полузакрыла глаза и сказала:

— Если бы я была царицей, я бы позвала Яскольскаго, и велѣла писать только для меня. И я одѣла бы его въ черный бархатъ... И онъ былъ бы моимъ рабомъ. А потомъ... я бы его убила, какъ Клеопатра!

И она заломила руки и стиснула зубы.

— За что его убивать? — изумилась я. — Вѣдь онъ такой милый!

— Тавочка, какая ты глупая! Именно за то, что онъ такой... Чтобы онъ никому, кромѣ меня, не доставался!

— Долли! Что ты?—съ ужасомъ воскликнула я и поднялась на локтѣ;—вѣдь онъ же старикъ! Ему сорокъ пять лѣтъ!

— Ты ничего, ничего не понимаешь! А помнишь ты „Первую любовь" Тургенева? Вотъ, если бы онъ меня ударилъ, я бы также цѣловала эту руку...

И она закрыла лицо руками. А я лежала потрясенная.

Это все такъ странно...

— Я ненавижу ее минутами...—прошептала Долли.

— Кого?

— Никого! Ничего! — испуганно сказала она. — Молчи! Не говори никому...

Никому! Никому... Я даже Нинѣ этого разговора не разскажу ни за что.

Иногда ночью я чувствую особенную жажду одиночества. Тогда я ухожу въ садъ, пока Нина спитъ сладкимъ сномъ.

Бываютъ минуты, когда мнѣ хочется говорить не съ людьми, а съ тѣмъ, что живетъ и дышетъ ночью во тьмѣ.

Я иду къ своей любимой грядкѣ; это бѣлые табаки, мои дорогія бѣлыя звѣзды, и блѣдно-лиловые крестики маціоли; они густой стѣнкой стерегутъ одну чайную розу; я становлюсь на колѣни на влажную отъ росы траву, раздвигаю душистую преграду цвѣтовъ, ихъ влажные вѣнчики я чувствую сквозь тонкій батистъ блузы, потомъ я добираюсь до розы и потихоньку цѣлую ее.

Мнѣ кажется, что я въ ней цѣлую все сразу: эту душистую ночь, темно-лиловое небо, луну и теплый вѣтерокъ.

Потомъ я ухожу въ бесѣдку. Изъ бесѣдки, съ горки, видно все озеро, заснувшее, таинственное подъ луной. Черное у береговъ въ заводяхъ, гдѣ любятъ жить русалки, но отъ одного берега до другого—широкая серебряная дорога отъ луны. И мелькаютъ, и играютъ зеленоватыя блестки на водѣ; плеснетъ ли рыба—круги расходятся, кажется будто чудо какое-то совершилось.

Мимо луны пролетаютъ летучія мыши. Послѣ того, какъ я прочитала „Метаморфозы"—мнѣ ихъ жалко.

Иду я и сегодня въ свою бесѣдку—но натыкаюсь на Ирину Александровну. Она сидитъ тамъ и пугается, услышавъ мои шаги. Я хочу убѣжать, но поздно—она меня замѣтила. Я останавливаюсь.

— Это вы, Тавочка?—говоритъ она какимъ-то чужимъ голосомъ.—Это она глотаетъ слезы! Да, она опять плакала, какъ тогда въ залѣ.

При лунѣ ея лицо кажется мнѣ незнакомымъ. Она блѣдна какъ смерть, и я никогда не видѣла у нея такого выраженія. Она хочетъ что-то говорить, сдержаться:

— Какая красивая ночь...

— Да...—лепечу я.

Но она не въ силахъ больше притворяться спокойной и начинаетъ беззвучно рыдать, уронивъ голову на балюстраду.

Я бросаюсь передъ ней на колѣни: мнѣ ее такъ жалко, такъ жалко, мое сердце разрывается чужимъ горемъ.

— Ирина Александровна, милая, дорогая, что съ вами?

Я цѣлую ея руки, она прижимаетъ мою голову къ своей груди, я слышу какъ стучитъ ея сердце и какъ она вся дрожитъ, вздрагиваетъ отъ глухихъ рыданій.

Нѣсколько минутъ мы сидимъ такъ. Потомъ она встаетъ. Порывисто и повелительно, по прежнему, отталкиваетъ меня; потомъ также порывисто притягиваетъ и крѣпко цѣлуетъ въ лобъ.

— Не люби, Тавочка, не люби никогда!—говоритъ она и быстро уходитъ.

Я остаюсь въ своей бесѣдкѣ. Я одна, но это одиночество не радуетъ меня. Я смотрю на озеро, на лунныя пятна, на бѣлые цвѣты табаковъ, и мнѣ кажется, что всѣ они таятъ какую-то угрозу. И я сама начинаю дрожать отъ внутренняго холода. А можетъ быть, это отъ предразсвѣтной свѣжести?

Небо блѣднѣетъ. Луна уходитъ. Вдругъ все розовѣетъ, пробѣгаетъ вѣтерокъ, и рябью подернулось и озеро и самый воздухъ—мелкой, быстрой рябью, словно утро дрожитъ отъ нетерпѣнія.

И сразу защебетали камыши! Поютъ на всѣ голоса! Звонъ идетъ! Это въ нихъ живутъ такія крохотныя пичужки, что ихъ не видно; но это такъ хорошо, что всѣ мои страхи и темныя предчувствія пропадаютъ, и снова все мнѣ кажется прекраснымъ. Радуясь, я бѣгу внизъ по заросшей орѣшникомъ дорожкѣ, сбрасываю блузу и на розовой зарѣ купаюсь въ чистомъ озерѣ—первая, пока еще никто его не замутилъ. Мнѣ кажется, что и озеро и весь міръ принадлежитъ мнѣ одной и еще кому-то, кого я еще не знаю, но зову и жду и который придетъ, и тогда жизнь станетъ счастьемъ.

Дѣвочки сообщили намъ, что Полина Михайловна уѣзжаетъ за границу. Она конецъ лѣта всегда проводитъ гдѣ-нибудь въ Трувилѣ или Біарицѣ.

Онѣ разсказываютъ намъ это за чаемъ, который всѣ пьютъ подъ липами, всѣмъ сборомъ: къ удивленію, даже дядя Лева здѣсь. Онъ совершенно равнодушно принимаетъ это извѣстіе. А Ирина Александровна вся покрывается пятнами отъ волненія. Мнѣ кажется, я слышу какъ у нея стучитъ сердце подъ хол-

щевой русской рубашкой, и она кладетъ сахаръ мимо стакана, въ который наливала чай Яскольскому.

Аглая Ивановна спрашиваетъ:

— Какъ вы-то останетесь однѣ?

— Мы не однѣ, съ нами остается Амалія Густавовна, и папа будетъ ѣздить каждую недѣлю,—говоритъ Долли.

— Мы привыкли безъ мамы! — весело прибавляетъ Нолли.

— Бѣдная Полина Михайловна, какъ ей вѣрно скучно будетъ безъ васъ! — говоритъ добрая Софья Ивановна.—Но что дѣлать, если ей это необходимо для здоровья?

У Долли равнодушно-недовольное лицо.

На другой день Полина Михайловна пріѣхала къ намъ проститься, элегантная, какъ будто и не въ деревнѣ: въ бѣломъ костюмѣ, съ темно-красными розами, какъ всегда. Башмаки, перчатки, все бѣлое—только огромная черная шляпа съ перьями и изъ-подъ этой шляпы въ тѣни мерцаютъ глаза.

Она страшно любезна съ нами. Восхищается тѣмъ, какъ Ирина Александровна „какъ истинная художница устроила такой чудный уголокъ изъ этого стараго дома"; называетъ меня Грёзовской головкой; хвалитъ Ниночкины косы,—хвалитъ сливки Софьи Ивановны,—хвалитъ вышивку Аглаи Ивановны,—и зоветъ Ирину Александровну за границу.

Она мало говоритъ, только съ дядей Левой, а онъ — какой странный — будто ее и не замѣчаетъ. Когда приносятъ почту, онъ даже берется за газету, и Иринѣ Александровнѣ приходится призывать его къ вѣжливости.

У Полины Михайловны, какъ всегда, насмѣшливые и злые глаза. Мнѣ все хочется себѣ представить—бываютъ ли они другими, когда она ласкаетъ своихъ дѣтей или молится; но можетъ быть она вовсе не молится?

А у Ирины Александровны сегодня нѣтъ ненависти въ глазахъ; наоборотъ — какая-то надежда... Я знаю, она рада, что Полина Михайловна уѣзжаетъ. Ну, слава Богу, все и кончится.

Идетъ рѣчь о проводахъ; но на станцію надо уѣзжать въ девять часовъ утра, поэтому Полина Михайловна уже окончательно прощается сегодня. Прощается она со всѣми ласково, и надѣется, что всѣхъ опять увидитъ здѣсь же, въ будущемъ году; зоветъ всѣхъ къ себѣ въ Петербургъ,—а Ирина Александровна также любезно приглашаетъ ее въ Москву.

Когда она говоритъ Нинѣ:

— Надѣюсь и васъ увидѣть у себя?

Нина на эту простую вѣжливость отвѣчаетъ съ какимъ-то ужасомъ—она все принимаетъ за чистую монету.

— Я? Къ вамъ?..

Я ее щиплю и она поспѣшно бормочетъ:

— Благодарю васъ, съ удовольствіемъ!

Коляска отъѣзжаетъ, поднимая пыль, а я говорю Нинѣ:

— Какъ тебѣ не стыдно?

— Она гадкая! — упрямо отвѣчаетъ Нина. — Зачѣмъ я... Къ ней?

Софья Ивановна вступается:

— Что вы, Ниночка? Такая милая, воспитанная женщина!

Ирина Александровна не говоритъ ничего.

На утро Ирина Александровна вышла къ чаю такая, словно съ нея бремя свалилось. Легкая, помолодѣвшая, въ розовомъ хитонѣ. Она особенно ласково поздоровалась съ нами. Пріѣхали дѣвочки, проводившія мать.

У Долли были заплаканные глаза.

Дяди Левы не было; онъ съ семи часовъ утра ушелъ и велѣлъ Аннушкѣ сказать, чтобы не ждали къ обѣду—вѣрно пошелъ писать.

Ирина Александровна была разговорчива и весела, а потомъ сѣла играть „Лунную сонату“. Хотя не было луны, а былъ чудный солнечный день, но было очень хорошо. Мы сидѣли на большой террасѣ; пахло шиповникомъ и жасминомъ; на голубомъ небѣ плыли и таяли легкія облака. И плыли и таяли звуки—важные, прекрасные, благословенные—такіе, что жизнь при нихъ сама казалась важной и величавой.

— Отчего ты плакала?—спросила я Долли.—Неужели тебѣ такъ жалко, что мама твоя уѣхала?

— Неужели ты ничего не понимаешь?—отвѣтила она мнѣ вопросомъ.—Вѣдь она будетъ тамъ не одна!

— Какъ? Съ кѣмъ же?—чуть не вскрикнула я.

— Молчи! Ни съ кѣмъ! Это я такъ!—Она зажала мнѣ ротъ рукою и поцѣловала меня въ ухо.—Молчи!

Пришелъ Василій Ивановичъ, и при немъ говорить мы не могли. Онъ слушалъ сонату и вздыхалъ. Его красный затылокъ былъ такъ понуро опущенъ и плечи сгорбились, словно на нихъ лежали пуды. Онъ думалъ навѣрно объ урожаѣ, о своихъ дѣлахъ—а отъ музыки вздыхалъ.

Въ это время послышался колокольчикъ по дорогѣ и мы стали гадать, кто ѣдетъ.

— Докторъ?

— Нѣтъ, у него по другому звонокъ звенитъ.

— Братья Грачевы?

Оказалось не то и не другое: подали телеграмму — Иринѣ Александровнѣ. Я только слышала, какъ оборвалась игра; я не видѣла ее, потому что она ушла къ себѣ.

Намъ всѣмъ было почему-то грустно. Съ Долли говорить не удавалось, потому что Нина сидѣла все время, обнявъ меня и положивъ голову мнѣ на плечо, и надо было разговаривать вчетверомъ. Мы пошли къ бабушкѣ и сидѣли у нея. У бабушки никогда не бывало грустно, потому что у нея какъ будто время остановилось.

Вѣдь печаль только въ настоящемъ или въ будущемъ, а въ прошломъ ея нѣтъ, а у бабушки все было въ прошломъ.

Мы пристали къ ней съ просьбою разсказать о ея свадьбѣ, о томъ, какъ здѣсь праздновалась она въ Корчагинѣ—и тутъ она была неистощима.

Вдругъ захлопали двери, задрожали стекла, — въ домѣ забѣгали, засуетились. На дворѣ послышался крикъ Василія Ивановича:

— Сѣдлать мнѣ жеребчика! Скорѣй!—И самъ онъ пробѣжалъ въ конюшню.

Что-то ворвалось къ намъ страшное—точно бурный вѣтеръ. Задрожали всѣ, забезпокоилась бабушка.

— Что случилось, дѣвочки, узнайте, ужъ не пожаръ ли, Господи?—И она приподнималась въ креслѣ, держась трясущимися руками за ручки.

Въ дверяхъ показалась блѣдная Аглая Ивановна.

— Ничего, мамаша, не тревожьтесь—Иринѣ Александровнѣ дурно: Вася поскакалъ за докторомъ; пока тамъ Соня, она знаетъ, что дѣлать.

Я вылетѣла и помчалась къ Иринѣ Александровнѣ, но Аннушка не пустила меня дальше первой комнаты.

— Нельзя, барышня! Ступайте — молитесь за нашу голубушку... Прости его Господи!

— Что съ ней, что съ ней?—замирая лепетала я.

— Отравиться хотѣла! — шепотомъ, сквозь слезы отвѣтила Аннушка.—Ну да Богъ милостивъ... Не убивайтесь!

Она дрожащими руками зажигала лампадки у божницъ...

Ирину Александровну отходили. Весь вечеръ и всю ночь возился съ ней земскій докторъ, и теперь онъ говоритъ—опасность миновала.

Мы сидѣли всѣ вчетверомъ на чердакѣ, на диванѣ. Дѣвочки ночевали у насъ. Слишкомъ страшно было, чтобы разставаться. Словно гроза прошла надъ нами...

Мы—чужія; мы съ Ниной—сироты; Долли и Нолли... хуже. И сейчасъ мы жмемся всѣ четверо другъ къ другу, испуганныя дуновеніемъ жизни, коснувшейся насъ.

— Неужели такъ страшно—любить?—говорю я.

Неужели такъ страшно?..

И мы смотримъ съ ужасомъ впередъ.

Жизнь, жизнь, какой отвѣтъ дашь ты намъ?..

Т. Щепкина-Куперникъ.

НА ЧАРДЫМѢ

РАЗСКАЗЪ

I.

Чардымъ обмелѣлъ, змѣйкой журчитъ средь широкой равнины, вдаль убѣгаетъ бисерной ниточкой.

Говорятъ про него не чардымскіе, странніе люди:

— Въ Чардымѣ теперь воробью по колѣно!

Говорятъ и смѣются. Чардымцы—въ обиду:

— А пойди-ка ты къ мельницѣ, да на прудъ погляди!

И вправду, прудъ на Чардымѣ хорошъ. Верстъ на пять къ верхамъ распластался: полногрудый и ясный, какъ божье зеркало въ сочной зеленой рамѣ. Утромъ и вечеромъ глядятся въ него огневыя зори, пожаромъ полыщутъ. Днемъ плаваютъ тучи большія и малыя, какъ въ небѣ самомъ. Таютъ, растутъ, наряжаются, ровно-бъ на святкахъ: то людьми-великанами, то лохматымъ звѣремъ. Смѣло и плавно ходятъ онѣ слѣдомъ за солнышкомъ.

Вода въ пруду спитъ: ни морщинки на ней, ни рябиночки. Накопилась съ весны и скользитъ тихохонько къ мельницѣ, къ каузу, гдѣ круглыя сутки поставы рычатъ.

Въ этомъ мѣстѣ Чардымъ опоясанъ плотиной, сваями скованъ, хворостомъ заплетенъ и живыми талами. Отсюда по омуту онъ ужъ журчитъ, вяжется кружевомъ нѣжнымъ, узоромъ живымъ, и прячется въ поймѣ.

Пойма припала къ Чардыму неоглядная, вольная, вблизи золотистая, вдали голубая.

Блескомъ и матомъ играютъ по ней золотавыя косы наносныхъ песковъ, огоньки буроватыхъ озеръ и лукомъ, густорусыя ляды ольхи, перевитыя хмѣлемъ.

А тамъ, гдѣ просторъ — мѣста луговитыя въ цвѣту да въ шелку: лоснятся, кудрятся, маревомъ дышутъ, будто бы море вздымается, за вѣтромъ гоняяся.

Порой такъ и кажется. Смотришь, забудешься, ждешь: вотъ-вотъ заполощется—брызнетъ, пѣной игривой разсыплется, соленой прохладой обдастъ, хлынетъ на глинищу съ ревомъ сѣдымъ, затопитъ, зальетъ...

Анъ-нѣтъ: это лишь знойныя струи, волны воздушныя.

Лѣтомъ на поймѣ тихо, дремотно. И просторъ ея кажется лишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ Чардыму, маленькой серебряной струйкѣ?

— Для весны!—свистятъ веселые кулички.

— Для весны, для весны!—безпокойно мечутся чибисы. И то же стрекозы жужжатъ, шмели, богомолы—всякая живность, густо и весело населившая пойму.

— Для весны, для весны, для ранней весны! Да. Весной, въ полую воду, когда правитъ Чардымъ свои имянины, не спросишь небойсь: для чего ему пойма? Весь сѣдой тогда, жадный, кипитъ отъ горы до горы, швыряется льдинами, звенитъ хрустальными чками, стонетъ и пѣной сопитъ, кружится въ плясѣ.

Въ тѣ жъ годы, когда зима многоснѣжна, а половодье дружно, тѣсно бываетъ Чардыму и въ поймѣ. Выпятитъ тогда грудь, выростетъ, разольется,—гляди на него, ахай, тужи.

Въ ночь одну, крадучись, нижній порядокъ затопитъ, гумна зальетъ, поднимется къ банямъ, къ амбарамъ, слижетъ, что плохо лежало, крутитъ и бьетъ.

Плыветъ по Чардыму добро нажитое на корысть понизовымъ. Мужики только чешутъ виски. Не лѣзть же въ пьяную воду, полѣзешь—бѣда!

— Озоруетъ Чардымъ... неуемный!

Одинъ Косолапый тогда господинъ на Чардымѣ. Выплыветъ къ самому стрежню на мельничной лодкѣ и орудуетъ: тому бревешко пригонитъ, иному сани вернетъ, третьему—баню. Вожжей опояшетъ ее—конецъ хозяину въ руки.

Онъ же перевозитъ всѣхъ въ церковь: къ вербамъ, къ страстямъ, къ свѣтлой заутренѣ.

Только разъ въ году и уважка Емелькѣ: когда половодье. И яичко красное сунутъ, и семитку дадутъ, и ласковымъ словомъ примолвятъ. Такъ ужъ и шутка сложилась:

— Чардымъ разгулялся—Емелькѣ почетъ. Чардымъ запрудили—Емелька не въ счетъ.

Живетъ Косолапый при мельницѣ въ мальчикахъ. Правитъ ребячьи дѣла въ восемнадцать лѣтъ, какъ въ двѣнадцать.

Жалованье ему натурой положено: харчъ да обноски. Сверхъ счета идутъ — вмѣсто чаевыхъ — пинки да затрещины. Такъ и живетъ парень, доли другой не извѣдавъ, въ восемнадцать годовъ, какъ въ двѣнадцать.

И ползутъ одинъ за другимъ безучетные годы: за сладкой пѣвучей весной—долгое марное лѣто, тамъ—мокрая сытая осень, за нею—зима чистая, крѣпкая, снѣгокрылая. Растетъ Емельянъ, какъ дубочекъ лѣсной: съ каждымъ лѣтомъ становится крѣпче, могутнѣй, а людямъ по старому прутикомъ кажется. Все оттого, что парень на ноги слабъ: ходитъ—ковыляетъ, руками размахиваетъ, всѣмъ тѣломъ качается, точь въ точь, какъ вѣтрянка въ работѣ.

— И кто тебя вытесалъ несуразнаго! —смѣются помольцы.— Мельница—не мельница! Толчея—не толчея!..

Съ большими не тягался Емелька, а ребятамъ сельскимъ попадало. Они-то одни и знали, пожалуй, что значитъ Емелькинъ кулакъ: двинетъ, какъ гирей, камнемъ лукнетъ,—жужжитъ инда камень, пѣсню поетъ.

Все же не переставали дразниться. Цѣлой оравой,—завидятъ издали, поютъ, кричатъ:

— Ахъ, Емеля, Емельянъ?
Что такъ ходишь, али пьянъ?

Сами кривляются, болтаютъ языками. Непереносно станетъ Емелькѣ, побѣжитъ въ черную избу къ Анисьѣ:

— Тетка Анисья!.. Тетенька-а!..

Изъ всѣхъ мельничныхъ одна Анисья-стряпка и жалѣла его за сиротство-убожество. Она же учила уму-разуму по-старушечьи, по-бабьи:

— Куда дѣнешься, миленькій? Терпѣть надо. Не пригрѣлъ Господь съ молоду,—пригрѣетъ подъ старость. Сиротское дѣло: за косы подерутъ — причешись, побранятъ—помолчи. Большой вырастешь, самъ мельникомъ станешь... такъ-то-си, родненькій.

И Косолапый утѣшался. Не такой былъ человѣкъ онъ, чтобъ торопиться въ большіе. Отойдетъ отъ сердца, играть побѣжитъ: въ козны, въ шары... Зимой на ледъ, лѣтомъ на лугъ, а то къ лодкѣ.

Подслушалъ у поповыхъ ребятъ поговорку и болтаетъ ее безъ умолку, ровно бъ курынъ на навозѣ:

— Кекеръ-векеръ-дасъ-истъ-декеръ! Ку-ка-рекъ! Въ восемнадцать годовъ, какъ въ двѣнадцать.

II.

Въ субботу подъ Троицу по ранней зарѣ мельникъ Никитичъ собрался на базаръ. Крутобокій Сѣрый, гладкій и дряблый, стоялъ у крыльца въ упряжи, въ снасти.

Мельникъ былъ грузенъ и строгъ: кулачища—кувалды, голосъ—ревучій. Отдуваясь, сопя, полѣзъ онъ въ плетушку вятской работы.

— Но-о!.. дуй-те горой!—крикнулъ на Сѣраго.

Сѣрый—добросовѣстный конь, не любитъ кнута. Влегъ онъ въ хомутъ всей силой бугристой груди, рвется впередъ полною статью, а разбитыя ноги дрыгаютъ, топчутся.

— Ээхъ!.. Ослабъ конь... къ дождю, видно...

Мельникъ полѣзъ за кнутомъ подъ сидѣнье, вспомнилъ что-то, брызнулъ губами:

— Тпрру!

Крикнулъ женѣ:

— Подь-ка сюда!.. вотъ что...

Та, пухлая, сонная, отъ зари вся пунцовая, тихо, какъ утка, спустилась съ крыльца. Стали шептаться, поцѣловались, прощаясь.

Мельникъ опять-было двинулъ возжами, да вдругъ какъ разсердится, запылалъ весь:

— Емелька, русскимъ языкомъ говорено тебѣ несуразному: гляди за свиньями! Гдѣ поросята?.. въ огородъ лѣзутъ!

Не поспѣлъ Косолапый встряхнуться, какъ плетеный ремень больно хлестнулъ по спинѣ. Отогналъ поросятъ, озорныхъ, какъ ребята; взвизгнули тѣ, отбѣжали, гулятся, жалуясь. А мельникъ опять недоволенъ:

— Ты ужъ не больно того... Заставь дурака!..

Свиснулъ кнутомъ мельникъ по лошади, и перемогся Сѣрый кой-какъ, побѣжалъ: сперва затрусилъ, потомъ пошелъ рысью спорой, размашистой. Мельничиха позѣвнула ему вслѣдъ, покрестилась и тожъ на Емельку обрушилась:

— Лодырь! Право слово... Поятъ его, кормятъ урода—хозяину не потрафитъ! Ростетъ, прости Господи, арясина стоеросовая на горе всѣмъ... За гусями гляди!..

И пошла сама въ горницу досыпать сладкіе сны. Емелька

пугнулъ гусенятъ на лужайку къ жирнымъ гусынямъ. Слышитъ— Засыпка зоветъ:

— Эй ты, рысакъ Орлоцкій!.. Поспѣшай, коли кличутъ!

Бѣжитъ на засыпкинъ зовъ Косолапый, вихляется. Полощется по зарѣ рубаха посконная, южаетъ по вѣтру. Рубаха сѣдая, въ мукѣ вся, да въ тѣстѣ, опару ею одѣвать бы впору.

Ухватилъ Засыпка за ухо Косолапаго, треплетъ въ забаву:

— Погляди Москву, разгуляй тоску!

Васька мордвинъ стоитъ съ лагункомъ да мазилкой, во все брюхо хохочетъ:

— Ай, вай, авакай!.. ай-ай-ай!.. хо-хо-хо!.. Недаромъ на Чардымѣ Засыпка за перваго зубоскала слыветъ.

Посмѣялись, стали подмазывать, уснащать полуфурки, чтобъ ѣхать за хворостомъ въ лѣсъ, на казенную дачу.

Васька мордвинъ оретъ дурнымъ голосомъ, страху нагоняетъ на мерина:

— Сто-ой!.. поворачивайсь! Голодны медвѣдь не съѣсти тебя.

Емелька со свистомъ плюетъ въ кулаки, муслитъ супони, натягиваетъ, ладитъ черезсѣдельники, взвазживаетъ. Сѣдой, облинялый Султанка визжитъ на цѣпи, просится въ лѣсъ. Подойдетъ къ нему Косолапый, онъ—на заднія лапы, къ груди привалится, лизаться начнетъ.

— Ты куда?—Косолапый ему:—сиди ужъ....

А собака ближе придвинется, да тонко такъ, тонко визжитъ, по крысиному:

— И я!.. и я-я!...

— Ну, тоже... Куда тебѣ?.. „и я“!..

Васька мордвинъ кричитъ на Емельку:

— Чего собакой играешь, Косолапый!.. Торопить нады...

Запрягли лошадей, уснастили. Стоятъ обряжены въ шлеи да сѣделки. Понурыя, неуклюжія, какъ мужики у заутрени. Такъ-же обрядятся въ зипуны, примажутъ волосы квасомъ и перетаптываются терпѣливо, дремлютъ, думаютъ невѣсть что, ждутъ конца службы. Чуть шелохнется кто впереди—всѣ назадъ пятятся.

Засыпка пропадалъ гдѣ-то часъ цѣлый. Потомъ прибѣжалъ, обругался на Ваську съ Емелькой, въ телѣгу вскочилъ. Уѣхали съ Васькой.

Остались на мельницѣ бабы однѣ, да Емелька. Воля теперь Косолапому: сама забралась, поди, въ горницу, затемнилась ставнями, занавѣсилась, до вечерней зари не покажется. Анисья съ уборкой: Троица завтра.

III.

Жарко сегодня и душно. Завтрака нѣтъ, а моритъ какъ въ полдень. И небо стоитъ пресинее, синее съ бѣлесымъ вѣнцомъ.

Отъ солнышка жаръ валитъ. Тѣни долги и густы; тамъ же, гдѣ блещетъ, трудно ступить. Въ пескѣ хоть яйца пеки. На воду глядѣть,—огневыя иглы въ глазахъ.

Разъ пять ужъ купался Емелька, а вода въ пруду нудитъ только, ровно потъ отъ работы. Ломаетъ колѣни, ноетъ въ спинѣ: быть дождичку.

И гуси, и аглицкія бѣлотѣлыя свиньи, похожія съ виду на мельничиху, тянутъ къ водѣ, тоскуютъ.

Лежитъ Емелька подъ ветлой около кауза, мурлычитъ пѣсню, подглядываетъ за птицами, муравьями, стрекозами.

Старый воробей учитъ летать желторотенькаго, пушистаго, похожаго на крупную вербинку.

Толкуетъ что-то старый, краснокрылый:

— Чиликъ-чиликъ-чиликъ!

А тотъ разинетъ ротъ, слушаетъ. Налетитъ послѣ старый—прыгъ! Потопчетъ-потопчетъ брюшкомъ, клюнетъ ласковенько въ спинку:

— Лети!—дескать.

Молодой глупъ еще: потрепыхаетъ крылышками, оглянется:

— Ну, дядюшка, какъ? довольно?..

Рожица у самого радостная, побѣдная.

Муравьи протоптали дорогу себѣ чрезъ гнилушки, травинки, бѣгаютъ, рыщутъ, дѣла справляютъ, какъ люди: заботные, строгіе.

Прошли черезъ мостикъ мальчишка съ дѣвченкой крошечные, завтракъ несутъ въ поле: сопятъ, тяжело дышутъ, должно—не легко. Увидали Емельку, бѣжать припустились. Дѣвченка заплакала, а онъ имъ въ догонку;

— У-ухъ! Я вотъ васъ!..

Кувшинъ опрокинули, плачутъ.

Гуси то и дѣло ныряютъ, показывая жировые гузки. Гусенята рѣзвятся въ водѣ, щиплютъ другъ друга, пищатъ. Не чуютъ глупыши, что въ марной выси распластался горбоносый коршунъ, недвижный, ровно запущенный ребятишками змѣй. Зорко нацѣлился коршунъ и ждетъ: не заснетъ ли Емелька, не уйдетъ ли куда? Камнемъ тогда ботнется на воду, сгребетъ одного, да и—былъ таковъ! Поминай, какъ звали.

Но Емелька тоже хитеръ: нагребетъ полны пригоршни пыли, кверху кидаетъ, дымъ дѣлаетъ.

— Горшунъ-горшунъ, твое гнѣздо-б горитъ!... Понятливъ красноперый: покружилъ-покружилъ и отплылъ на село за цыплятами.

Опять скучно, жарко и томно.

Попался въ руки гладкій валунчикъ, облизаный рѣчкой. Изловчился Емелька пустилъ камушекъ блинчиками.

— Разъ, два, три!..

Потекли по серебряной глади морщинки. Сперва круглыя, въ гривенникъ, потомъ выросли, спутались въ мелкую сѣть рябую, путлявую. Расплылись. Отъ села по плотинѣ плетется Липатка. Съ похмѣлья видать: глаза потухли, тоскуютъ, самъ давитъ рукой кудлатую голову, разговариваетъ. Вотъ: молодой мужикъ, изъ хорошей семьи, а отшибся отъ дѣла,—пьяница. Люди въ поле, онъ въ кабакъ. Только и думушки, какъ-бы напиться; напьется— буянитъ. Потѣшаются надъ нимъ ребятишки хуже Емелькинаго. Бѣгаютъ слѣдомъ, дразнятся такъ:

— Пьяница! Пьяница, объ чемъ-нибудь встрянется!

Оборотится къ нимъ Липатка — ужъ языки повысунули, другое кричатъ:

— Липа, Липатый, рыжій, конопатый!

— Пьяный напился, подъ гору скатился!

Свалится Липатка, заснетъ пьянымъ сномъ,—озорники тутъ какъ тутъ: настригутъ крапивы и давай обкладывать кругомъ, прижигать.

Таковъ былъ Липатка. Подошелъ, сѣлъ рядомъ:

— Искупаться хоть что-ли?

— Купайся.

— Трешшитъ эта самая головизна... несусвѣтно трешшитъ...

— Купайся! — пожалѣлъ Емелька.

Самъ ищетъ глазами камень: дразнитъ его лягушка. Вынырнула около, прицѣпилась къ бодягѣ и глядитъ, не мигая, ротъ разѣваетъ, зеленая, крупная.

Изловчился Емелька, швырнулъ дикаремъ.

Подпрыгнула, перевернулась кверху тормашками, показала сѣрое пузо, широкія лапы.

— За что ты ее? — заступился Липатка. — Чай она тварь тоже... я полагаю.

— А чего она... глядитъ такъ?

— Гляди-итъ!.. Э-эхъ ты, головушка! Какъ-же ей не глядѣть?.. Ну? Чать отъ нея тоже польза дадена человѣку...

Емелька удивился:

— Польза-а?.. отъ лягушки польза?

Липатка уперъ въ Косолапаго мутный страдающій взглядъ, послѣ закашлялся и, держась рукою за грудь, пояснилъ:

— Комарье пожираетъ... Взялъ въ голову?.. Мушкару... Ты потолкуй съ человѣкомъ, который, скажемъ, спеціальный... Онъ те во-о!.. на ладони.

Растопырилъ ладонь, потыкалъ въ нее трясущимся пальцемъ. Косолапый взглянулъ на дряблую, безмозольную руку, — ничего не замѣтилъ: дрыгала только, какъ пересиженная. А тотъ повелъ себя учителемъ.

— Тоже: жрутъ ихъ, лягушекъ... народы которые есть, коимъ жрать нечего... Французъ, къ примѣру, потому—онъ повадливъ до этого... Надо иному, ну и бредетъ вдоль берега...

Вспомнивъ вдругъ что-то свое, Липатка понизилъ голосъ до шопота, хлопнулъ Косолапаго по плечу.

— Емельянъ? Слышь-ты?.. Какъ тебя по отцу-то?.. Зовутъ какъ, ай нѣтъ?

— Ну?—отозвался тотъ, все еще думая о лягушкахъ.

— Ваши-те, всѣ уѣхали?.. а?

— Однѣ бабы дома.

— То-то. Къ тому это я, значитъ: опохмѣлиться ежели, къ примѣру, а то самъ посуди... Трещитъ головизна, хуже, скажемъ, чѣмъ арбузъ... Слышу ажъ, какъ она... Ушами слышу.

— Опохмѣлись.

— То-то, вотъ. И я къ тому-же... Парень ты мозговитый... Недаромъ молвлю!

— Косолапый глядѣлъ на Липатку, не могъ догадаться. Тотъ хитро подмигнулъ:

— Ну?

— Чего?

— Э-эхъ, голова-а!

И заговорилъ совсѣмъ тихимъ шопотомъ:

— Ежель теперича горбовымъ извозомъ пудикъ — другой мучки?.. а?

Емелька понялъ, наконецъ, чего хочетъ Липатка, покраснѣлъ съ лица, молча затрясъ головой.

— Неужто нельзя?

Снова потрясъ головой Косолапый. А Липатка осунулся сразу, омертвѣлъ, сталъ маленькимъ, жалкимъ.

— А вѣдь мы, бывало того... съ ребятами вашими лаживали.

Ежели, къ примѣру, оттащить къ Голенастому—шесть гривенъ! Тебѣ, скажемъ, два пятака...

— Уходи!—рѣзко шепнулъ Косолапый.

— Нну-у!—удивился, наконецъ, Липатка,—въ кого это ты такой? Вотъ, собака на сѣнѣ лежитъ...

— Уходи!—уже крикнулъ Емелька.

Липатка обидѣлся.

— Ты чего больно?.. Ишь ты, хозяинъ какой?.. Не къ тебѣ пришли, ну! Купаться пришелъ я, и нѣтъ тебѣ права гнать меня!

Лѣниво раздѣвался Липатка, ворчалъ. Пугливо глядѣлъ Косолапый на дряблое тѣло съ синими жилками. Казалось оно—изъ варенаго мяса: — безъ натуги, безъ силы, безъ гибкости. Тамъ и сямъ пробѣгала по нему невольная судорога, и видно было, что мужику не легко двигаться. Сколько-жъ понадобилось влить въ человѣка жгучей вонючей водки, чтобы такъ испортить ядреное молодое тѣло: здоровое, крѣпкое, привычное къ труду и невзгодамъ?

Вода была теплая, чуть не вареная, а Липатка боялся лѣзть въ нее, ёжился.

Задоръ взялъ Емельку. Въ минуту раздѣлся, съ размаху нырнулъ, проплылъ саженъ десять невидимо, вынырнулъ. Фыркаетъ, рѣзвится въ жемчужныхъ сіяющихъ брызгахъ, нѣжится въ теплыхъ, ласково-щекочущихъ волнахъ.

— Ишь, водяной человѣкъ!—позавидовалъ пьяница.

Искупались.

Липатка сталъ веселѣй, какъ будто-бъ охмѣлѣлъ даже въ водѣ. Но, лишь заговорилъ Косолапый, закричалъ, разсердился:

— У-ухъ!.. Дубина нестрогана! Хошь, въ морду дамъ?

Ушелъ Липатка, пошатываясь.

Лягушка опять появилась около бодяги. Такъ-же холодно, не мигая, глядѣла она на Емельку, такъ-же поводила широкимъ ртомъ, будто жевала что-то.

Емелька наловилъ горсть цѣлую мухъ, кинулъ ей подъ самое рыло, а она глядитъ, таращится, ничего не понимаетъ.

Крикнули завтракать. Онъ заковылялъ. А Чардымъ жарился въ лѣтней истомѣ.

IV.

Къ обѣду вернулись изъ лѣсу съ хворостомъ, а около полденъ пронеслась надъ Чардымомъ гроза.

Сперва родилась въ небѣ сизая туча съ серебристой каймой. Разраслася, закутала солнце—и нѣтъ уже тучи: полъ-неба сдѣлалось чернымъ, малиново-синимъ, съ сѣдыми клубами. И ползетъ эта чернь надъ Чардымомъ, кроетъ сады, коноплянники, пойму и прудъ... Все подъ ней хмурится, дрожитъ, холодѣетъ, а золотавое, свѣтлое въ страхѣ бѣжитъ, убѣгаетъ и прячется, теряя кой-гдѣ робкія пятнышки.

Впереди плывутъ, словно развѣдчики, жидкія желтыя тучки озорныя, проворныя, грозясь землѣ легкимъ ворчливымъ громкомъ.

Загромыхало и сзади. Дребезжитъ небо, стонетъ все, ровно скачутъ тамъ на пожаръ...

Скачутъ и есть: только не люди на простыхъ лошадяхъ, а пророкъ Илія на своей колесницѣ за нечистымъ духомъ гоняется. И крестятся всѣ, кто слышитъ, молитву творятъ. Трубы, окошки и двери—все наглухо заперто: храни Господи, вскочитъ нечистый, да выстрѣлитъ праведный вслѣдъ ему,—ни за что пропадешь!

Вотъ и блеснуло: ярко, коротко, брызнуло точно. Слѣдомъ бабахнуло сразу и раскатилось. Задрожали стекла въ оконцахъ, притихло все, замерло.

Остановилась жизнь на Чардымѣ, ждетъ — не шелохнетъ: Божьей ли милости, Божья ли гнѣва?

Замолкли птицы, попрятались люди, обвисла листва на деревьяхъ, а трава на лугу—какъ ошпаренная.

Чѣмъ-то Господь разразитъ: дождемъ, или градомъ?

Пахнуло прохладой, помутнѣло кругомъ, бормочутъ осокори. Упали ужъ первыя дождевины, нарочно большія, будто-бы градины:

— Ботъ! ботъ! ботъ!..

Упали, подпрыгнули, со звономъ разсыпались, погнали куда-то пухлую пыль. За ними другія упали, и третьи. Разметались метелками, распылились вѣнкомъ... Все ботаютъ, стукаютъ.

Долго нельзя разобрать: градъ-ли пошелъ, али дождь.

Звенитъ, что дальше—то чаще, мельче, мокрѣй.

Тропки стали черными, потомъ посвѣтлѣли, заискрились, луговина одѣлась сѣдинкой, а даль потонула въ мутномъ туманѣ.

По жестяной крышѣ мельниковой горницы бьютъ барабаны, солома шуршитъ, ветлы плачутъ, раскланиваются. Сѣчетъ землю дождь шипучій, трескучій, желанный и звонкій.

Вотъ онъ: сверху до низу, отъ самой плачущей тучи, до жадной земли протянулись бечевки. Видимо ихъ, невидимо: жужливыхъ, ворчливыхъ, вертлявыхъ, пѣвучихъ, какъ струны.

Прудъ, недавно голубой и задумчивый, помутнѣлъ теперь, выпятилъ грудь, большимъ сдѣлался, сѣрымъ. Пропала кайма отъ зеленыхъ тѣней, не искрится въ немъ золотой ручеекъ... Прыгаютъ зато колокольчики, погромки, брюнчалки серебряныя, пляшутъ, поютъ, дробятся и булькаютъ. Хлюпая, снова родятся, снова брянчатъ, пропадаютъ.

И вся водная ширь не прудомъ ужъ кажется, а чьимъ-то могучимъ свѣтлымъ лицомъ, хохочущимъ, звонкимъ.

Не дождь, а музыка... Плодный, росный, ливный. Вотъ ужъ и прошелъ. И солнышко глянуло сзади. Обрадовалось все, зашумѣло, запѣло—засвиристѣло. Даже мельничиха изъ горницы вышла и крикнула Косолапаго:

— Ну-ка, ты!.. нечего дѣлать тебѣ? Бѣги, на щурьбу плотичекъ надергай... возьметъ чай послѣ дождя!

Емелька былъ радъ, тотчасъ побрелъ со снастью къ лодкѣ. Стало легко и широко послѣ дождя. Мягко и смачно ступать по умытой лужайкѣ, по свѣтлой прибитой тропѣ.

По ветламъ, по кустамъ бузины, по травѣ-муравѣ, по дымчатымъ листьямъ капусты, по желтымъ, совсѣмъ золотымъ глазкамъ огуречнаго цвѣта—вездѣ блистали свѣтляшками капли воды. Порою ронялись онѣ съ листка на листокъ, съ вѣтки на вѣтку; и было похоже, что порхаютъ тамъ пташки.

Косолапый обманывался, заглядывалъ въ листья, трогалъ вѣтки рукой, а капли, игриво застывшія — вздрагивали вдругъ, падали, обсыпали всего веселымъ хрустальнымъ градомъ.

Встряхивался, смѣялся, радовался.

Отовсюду пахло свѣжестью, цвѣтами и тѣмъ жирнымъ духомъ, который густо родится послѣ теплаго дождичка изъ зеленой глубины.

Не глядя на огороды, можно было учуять, гдѣ растутъ огурцы, гдѣ лукъ, гдѣ надъ плетнемъ зеленѣютъ березки, гдѣ наливаются яблоки.

И чудилась созрѣвающая малина, смородина, мохнатый крыжовникъ, колючій и острый, готовый всегда на оскомину. Скула сама воротилась въ сторону, во рту плескалась слюна.

Сплюнулъ, отмахнулся, заковылялъ дальше. А духъ земли, пахучій и пьяный отъ дождя, солнца и парной ростной радости, бѣжалъ слѣдомъ, дразнилъ, кружилъ голову... И чего-то хотѣлось широкаго, жуткаго, неизвѣданнаго.

Потому должно быть пчелы, шмели, кузнецы и стрекозы жужжали, кружились, стрѣляли туда и сюда, какъ въ буйномъ пиру. А маленькія, мѣднокрылыя мушки, золотясь на привѣтли-

вомъ солнцѣ, плясали густымъ пышнымъ роемъ, веселымъ, радостно-безтолковымъ.

Даже поросятъ, и тѣхъ не узнаешь. Недавно визжали они подъ дождемъ, будто-бъ онъ рѣзалъ, щипалъ. Теперь рѣзвятся, прыгаютъ, визжатъ дружнымъ ребячьимъ хохотомъ, кувыркаются. Забыли про плетни, огороды, про запретныя шалости, капризы... Настоящіе школяры передъ роспускомъ.

V.

Прудъ еще вздрагивалъ отъ недавней грозы, отъ густого дождя. Волнисто купались въ немъ космы послѣднихъ позолоченныхъ тучъ, ушедшихъ къ полднямъ.

Надъ самой водой, то касаясь ея, то взлетая, метались стрижи, сверкали крыломъ бѣлогрудыя чайки. Тоскующій крикъ ихъ раждался у вздымавшейся глади, взвивался въ лучистую высь, нѣжился, таялъ, манилъ.

Въ камышахъ бранились лягушки, стонали гдѣ-то жалобно жабы, густо и томно букала выпь-невидимка.

Далеко къ полднямъ во всю ширь мутнаго неба обчертилась краса, дуга-радуга. Перекинулась по небу съ края на край, расцвѣтилась, украсилась, увѣнчала собой благодатный, радостный дождь. Ближе къ землѣ упала робкая тѣнь ея, блѣдная, еле цвѣтущая. И пьютъ онѣ обѣ воду изъ моря, говорятъ крещеному люду:

— Не бойся потопа!

Оттуда порой долеталъ еще громъ, усталый, еле живой, но все же ворчливый и строгій.

Косолапый на лодкѣ подъѣхалъ къ плотинѣ, къ дупластой, скорбной ветлѣ, что старчески сгорбилась надъ прудомъ. Привязалъ лодку, закинулъ подпускъ. Клевало плохо. Вода въ пруду прибывала, мутнѣла у береговъ и начала ужъ плескаться чрезъ затворы въ заимкѣ.

Емелька слушалъ, какъ, падая внизъ подъ плотину, вода хлесталась, трещала, будто много людей били въ ладоши. Чѣмъ дальше, тѣмъ громче.

— Снесетъ, поди!—безпокоился онъ.

И вдругъ захотѣлось, чтобъ это случилось. Все время, съ дождя, въ немъ теплилась радость тревожная, жуткая: должно было что-то случиться, а что—неизвѣстно... Пусть хоть плотину снесетъ.

Но пришелъ отдохнувшій Засыпка.

— Ей ты!—крикнулъ Емелька,—вылазь-ка скорѣй! Не видишь,—бунтуетъ?

Убрали вдвоемъ переходъ, откачнули затворъ, подняли шлюзу: Засыпка—отъ мельницы, Емельянъ—отъ села.

Съ ревомъ и воемъ рванулась вода, будто бы звѣрь изъ каменной клѣтки. Закружилась внизу, замутнѣла на волѣ, мечется, нюхаетъ, ищетъ, куда бы плеснуться ей съ шумомъ. Побѣжали по омуту волны гребнями, кругами. Пляшетъ по нимъ безтолковая пѣна, толчется. Наползла на толпу царственно-бѣлыхъ купавокъ, покрывать ихъ мутью, прячетъ и топитъ.

Заползла въ тростники, шуршитъ въ острыхъ перышкахъ, долу клонитъ метелки.

Слѣдомъ летятъ росинками брызги, бороздятъ омутъ, играютъ на солнцѣ, искрятся, звенятъ. А бурая масса съ огневымъ отливомъ все прибываетъ, тѣснится, торопится. Вотъ ужъ надвинула грязную грудь на песчаную отмель, хлынула къ кручѣ, грызетъ ее, лижетъ. И стыдливая красная глина, подмытая лаской воды, кусками летитъ къ ней въ объятья, плещется, стонетъ, купаясь.

Все шире и шире Чардымъ, грознѣй и мутнѣй. Вонъ ужъ хоронитъ талевую ляду, купы душицы, лопухи серебристые; заглянулъ сквозь плетень въ огороды, закружился тамъ, думаетъ: нельзя-ль, переплеснувшись, залить коноплянники, долу склонить золотавую посконь, всласть посмѣяться надъ всѣмъ, что люди садили, пололи страдной весной?

Засыпка сочувствуетъ:

— Ишь ты!.. Нашла себѣ дѣло... Такъ его, та-акъ! Круши, заливай!

Радъ и Емелька. Хочется малому, чтобъ Чардымъ раскутился, сталъ какъ весной: грознымъ и вольнымъ... У-ухъ, хорошо!

И Чардымъ постарался. Изъ сонной рѣчушки, стылой, цвѣтущей въ омутахъ и лукомахъ, сразу сталъ грозной рокочущей рѣчкой. Должно быть въ верхахъ прошелъ проливной:—трепещи теперь понизовыя мельницы.

Засыпка сталъ добродушенъ и ласковъ.

— Гляди, гляди! Ахъ въ ротъ-те пирога!..

Въ омутѣ пляшетъ обломокъ нерета. На карасей стоялъ,—видать. Вода разметала его, унесла; обломокъ одинъ не сдается. Плавно ходитъ онъ средь бѣшеныхъ волнъ, хороводъ съ ними

водитъ, дразнитъ, смѣется. Откинуло прочь его, унесло,—онъ по затишью назадъ—переваливаетъ и руки взялъ въ боки.

— Ха-ха-ха!—грохочетъ Емелька.

— Ну-ну! Осиль, коли сможешь! — поощряетъ Засыпка, — ну? Отколь нанесло тебя, храбраго?

Покружилъ въ тростниковыхъ головкахъ, отдохнулъ въ тихомъ мѣстѣ, да какъ ринется,—въ самую бучу:

— Нн-а вотъ тебѣ! На, бери за грошъ добра молодца!..

Волна разсердилась, хлестнула, а онъ все свое: изловчился, въ заимку прыгнулъ. Окатило его, затопило всего. Черезъ минуту опять уже прыгаетъ, пляшетъ, дерзитъ.

— Вотъ своеобычникъ!—смѣется Емелька,—этакъ-то надо... вотъ... во-отъ!..

Засыпка свернулъ покурить.

— Эй, Емелька!—кричитъ,—смахай-ка на лодкѣ за спичками!

Емелька глядитъ на Засыпку, на танцующій кусокъ нерета, смѣется весело, дерзко:

— Самъ смахай!.. Что *я* тебѣ?

Сказалъ,—испугался, смѣрилъ глазами заимку.

Засыпка на томъ берегу, до вихровъ не достанетъ. Откачнулся однако къ лодкѣ поближе.

А Засыпка вскипѣлъ:

— Что-о? Аль зачесался загривокъ? Тебѣ говорятъ, колтыногому!.. ну!..

Смутился Емелька, къ лодкѣ побрелъ, но вмѣсто того, чтобъ отчалить, червяка надѣваетъ. Закинулъ, глядитъ, какъ бѣжитъ и ныряетъ сосновая корка.

— Не клюнетъ ли, дай Богъ?

Упрямый стихъ охватилъ Косолапаго. Что-то проснулось въ немъ, просилось наружу, какъ въ томъ плетушкѣ.

Не втерпежъ стало Засыпкѣ. Ругаясь, хуля, шаритъ глазами по навозной плотинѣ: ни камешка нѣтъ, ни комочка.

— Ну, гляди у меня, вихлястая рожа!.. Попадешься коли!.. я тебѣ!

Знаетъ Засыпка, что побьетъ Косолапаго.

Ушелъ. А Емелькѣ сдѣлалось грустно: оттого ли, что плакали жабы, и чайки рыдали, оттого-ль, что ревѣла, шипѣла, стонала вода и рдѣлась румяная радуга? Кто знаетъ.

Съ размаху закинулъ подальше, поплавокъ потянуло, нырнулъ онъ. Пробовалъ дернуть, — не шло. Хотѣлъ поводить, — леска словно привязана.

— Э-эхъ, засадилъ!.. вотъ-то досада.

VI.

Съ пригорка отъ поля заботно шла женщина; видать—торопилась. Бойко ступали по мокрой тропѣ ея босыя ноги. Подоткнутый сарафанъ лапчато-краснаго ситца раздувался, качался отъ скорой ходьбы, а бугорочки грудей чуть колыхались, задорно выпячивались, словно просились на волю. И влажный кумачъ не пускалъ ихъ, плотно обхватывалъ, хотѣлъ, чтобъ походили на пару крупныхъ махровыхъ цвѣтковъ, еще связанныхъ въ узелки, но готовыхъ ужъ брызнуть, расцвѣсть, распушиться. Низко на лобъ былъ спущенъ платочекъ, бѣлый съ разводами.

Косолапый узналъ ее:

— Матрешка Тарасова... ка-акая ста-ала!.. Тутъ же и вспомнилось, какъ эта Матрешка, озорная дѣвченка, дразнила его, насмѣхалась. Въ ушахъ зазвенѣлъ обидный распѣвъ:

Кривоногій, косолапый,
Загребаетъ пыль лопатой!..

Въ лодкѣ покоились ступни-уроды. Емелька скользнулъ глазами по нимъ, хотѣлъ прикрыть чѣмъ-нибудь,—ничего не было. Оправился, сѣлъ. Въ груди застучало то, давешнее, неизвѣданное, не-то грустное, не-то радостное. А Матрешка идетъ, приближается.

Зачѣмъ идетъ она прямо сюда, такая пригожая, смѣлая? Не хочетъ ли смѣяться надъ нимъ? И какъ тогда быть: смолчать? Сказать что-нибудь? Припомнить?

— Ежель насмѣшничать станетъ,—рѣшаетъ онъ про себя,— запущу въ нее камнемъ!

И въ груди ужъ копошится старое. А она все идетъ: грудью впередъ, заботная, смѣлая. Колышется вся отъ торопливой ходьбы, кажется милой, простой, а, можетъ-быть, гордой. Вся, какъ цвѣточекъ лѣсной, идетъ и цвѣтетъ.

— Такую... пригожую... камнемъ?

Емелькѣ становится стыдно за мысли о камнѣ. Чувствуетъ онъ, какъ приливаетъ румянецъ къ лицу, какъ дрожатъ въ лодкѣ ноги и руки, не знаютъ за что ухватиться, что дѣлать.

А Матрешка подошла ужъ къ заимкѣ, остановилась предъ ревущей водой, смутилась, улыбается. Подумала что-то, должно быть веселое, мотнула толстой косой, взъерошенной отъ работы, оправила бѣлый платокъ, улыбнулась полнѣй.

Глядитъ на нее Косолапый, дивуется: не признать дѣвки, она-не она. И давно ли было,—какъ трепалъ ее за косы, чтобъ визжала да плакала. А теперь? Не знаетъ, что сказать ей въ отвѣтъ, когда спроситъ. Не узнаетъ и себя самого, стыдно ему передъ ней. Заговорила она:

— Мать ты моя, пресвятая! Какъ перейду-то? Ахъ Боженьки, вотъ-то напасть!

Послѣ тѣмъ же ласковымъ голосомъ Косолапому:

— Емеля, миленькій, перевези-и?.. а?

Говоритъ, никогда будто въ жизни своей не дразнила его злымъ озорнымъ голоскомъ.

Молча глядитъ Косолапый на пригожее личико, на стройный дѣвичій станъ. Голосъ Матрешки кажется радостнымъ, сладкимъ. Льется онъ въ грудь, обволакиваетъ сердце тепломъ и привѣтомъ.

— Слышишь что-ль, перевезешь?

Улыбнулась вслѣдъ за словами широкой, ровной улыбкой. Блеснули во рту мелкіе бѣлые зубы.

Встряхнулся наконецъ Косолапый, оперся на руки, перебросилъ себя на корму. Крѣпко ударилъ лопатой объ воду, отчалилъ, поѣхалъ. По тѣлу бѣгаетъ дрожь, сердце—въ истомѣ, тоскуетъ, какъ чайка.

Ударъ и еще ударъ. Лодка скользнула въ ширь пруда, стала, колыхаясь, огибать полукругъ. По водѣ побѣжали морщины съ огневыми гребнями.

— Сейчасъ подамъ лодку!

Дѣвушка ждетъ, оправивъ сарафанъ. Улыбка не сходитъ съ лица, и какая улыбка: молодость, счастье, довольство, пригожесть отражаетъ она. Жизнь такъ хороша, — говоритъ эта улыбка,—такъ пріятно, такъ весело жить, любоваться Чардымомъ, ликующей поймой, радугой, прудомъ, влажною нѣгой лѣтняго дня, а самой быть стройной, сильной, здоровой... пригожей...

И веселое небо, темно-зеленыя ветлы, обмытыя дождичкомъ, стремительный гулъ торопливо бѣгущей воды—все соглашается съ ней, одобряетъ и хвалитъ. Еще взмахъ лопаты,—лодка врѣжется носомъ въ запруду, гдѣ стояла Матрешка. Вдругъ почудилось Косолапому, что дѣвушка глядитъ ему на ноги. Глядитъ и смѣется. Ледянымъ вѣтеркомъ обдало Косолапаго: привычная мысль пронеслась въ головѣ:

— Насмѣхается!

Съ бѣшеной силой оттолкнута лодка. Шипя и хлестаясь днищемъ объ воду, понеслась къ серединѣ.

Дѣвушка отвѣтила хохотомъ. Звонко, пѣвуче засмѣялась она. И покатились по пруду хрустальныя трели. Такъ бываетъ, когда въ осеннюю пору, послѣ заморозковъ, прудъ застынетъ голубовато-свѣтлымъ зеркальнымъ полемъ, и ребятишки, боясь еще ступить на него, кидаются тонкими камушками, пѣвучими, переливными, похожими на дѣвичій смѣхъ.

— Куда-жъ ты поплылъ? Лѣшій!.. Ха-ха-ха-ха!.. ха-ха-ха-ха!..

Долго дрожалъ ея хохотъ надъ прудомъ, больно и остро кололъ Косолапому сердце. Она хохотала, а онъ, словно раненый, стоная, страдая, уплывалъ отъ нея все дальше и дальше.

Опять она крикнула беззаботнымъ ласковымъ голосомъ:

— Ты что за шутки придумалъ? Мнѣ недосугъ!.. Слышишь ты чтоль? Емелька, не балуй!

Емелька со злобой билъ воду лопатой. За лодкой шелъ крылатый пѣнистый слѣдъ.

Въ догонку неслось и дразнило:

— Емелька!.. Емеля-а-у!

Пересталъ онъ грести, вильнулъ по крутому, пѣнистому кругу, взглянулъ на нее. Она все смѣялась и видно, какъ подъ пунцомъ трепыхаются дѣвичьи груди. Крикнулъ ей стонущимъ голосомъ:

— Тебѣ нельзя со мной плыть!.. у меня ноги кривыя-а!

И тоскующія бѣлогрудыя чайки подхватили скорбные тоны, заметались въ истомѣ, заголосили тонко, вопливо:

— Ноги кривыя!.. ноги-и!..

Матрешка замолкла. Почудилось ли ей, что дрогнулъ обрывокъ радуги въ небѣ, заглохъ ли ревъ водопада, иль прудъ потемнѣлъ—она не смѣялась. Можетъ быть, она совсѣмъ и не думала объ уродствѣ Емелькиныхъ ногъ, и поняла Косолапаго острымъ женскимъ чутьемъ, сердцемъ будущей матери. Она не смѣялась.

Зато лягушки въ камышахъ заливались назойливо, громко:

— Ха-ха-ха-ха!.. Ноги кривыя! Ха-ха-ха-ха...

— Что я надѣлала?—торопливо говорила дѣвушка,—что надѣлала?

Угрюмо мѣшаетъ Емелька лопатой въ пруду. Бурлитъ подъ лодкой вода, лижетъ корму, хлещетъ волной, ластится, будто бы песъ, которому велѣно лечь на полу, и лежитъ, урчитъ, колотитъ хвостомъ... Помолчала Матрешка, крикнула, дрогнувъ:

— Ты это напрасно, Емеля!

Онъ остро, охотно прислушался: голосъ ея былъ безпокоенъ, шелъ отъ души.

— Вотъ-те Христосъ! Не хотѣла тебя обижать... Чай ужъ не маленькая!

Привычнымъ взмахомъ загорѣлой руки покрестила грудь. И было похоже, будто манила его.

Съ опаской, все еще боясь и тоскуя поплылъ онъ къ плотинѣ. Мѣрно огребается, не глядитъ на нее. Лодка ткнулась въ запруду гордо задраннымъ носомъ. Дѣвушка впрыгнула; лодка закачалась, чуть не хлебнула воды.

Испугалась Матрешка, разгибаетъ, сгибаетъ дѣвичій станъ.

— А-а-а!..

— Не бойсь, удержитъ!—успокоилъ Емелька.

Взялъ изъ-подъ кормы, повернулъ. Дѣвушка прибрала сарафанъ, осторожно сѣла на лавочку, миловидная, строгая.

Оба взглянули другъ другу въ глаза молча и прямо. Онъ застыдился. Она сказала съ укоромъ, ласково:

— Что ты, Емеля, такой характерный?

Опустилъ онъ голову внизъ, къ самой водѣ, будто бы надо ему разглядѣть что-то дорогое и тайное, ему одному видимое. Лицо было скрыто, а сверху виднѣлась загорѣлая круглая шея, прямая спина, мощная, сильная, одѣтая тѣстомъ, мукой. И по этой спинѣ, и по красной выгнутой шеѣ металось смущенье, тревога, томная жуть.

Она продолжала, какъ начала: ласково, строго.

— А я-то иду изъ поля, тороплюсь на уборку, баню топить. Мы просо полемъ за выгономъ, на Песчанкѣ. Дошла сюда, — нѣтъ перехода. Ахъ ты мой Боженька! Тебя увидала, обрадовалась. Думаю: вотъ радость-то!.. Перевезетъ чрезъ заимку...

Емелька слушалъ ее, робѣя отъ счастья. Ему захотѣлось зажмуриться, стать маленькимъ-маленькимъ мальчикомъ со льняными волосенками; лечь бы головкой къ ней на колѣнки, ласкать и поглаживать руку, а она, положивъ другую на голову, говорила бы долгое сладкое слово, какъ матери говорятъ ребятишкамъ:

— Э-эхъ ты-ы... глу-у-упенькій...

И онъ любовался ею, то сладко жмуря глаза, чтобъ выпить до дна ласку пѣвучаго голоса, то широко и робко глядѣлъ, слушалъ, слушалъ, ровно бы пѣла она задушевную пѣсню про любовь, тоску и счастье.

Переѣхали. Она оглянулась на берегъ.

— Хочешь, туда подвезу?—предложилъ Косолапый, махнувъ на село.—Подъ самый вашъ дворъ?

Она согласилась просто и коротко:

— Подвези.

И прибавила дѣловымъ ровнымъ голосомъ, какъ говариваютъ старшіе:

— Нонче, слава Богу, овсы хороши, и Господь дождичка далъ.

Хотѣла молвить и дальше такъ же—не выдержала, залилась вдругъ прежнимъ переливчатымъ смѣхомъ.

Емелька опять было встревожился. А она увидала эту тревогу, почуяла и сдержалась, на секунду-другую, и съ лица хотѣла стать строгой. Но смѣхъ, переполнявшій всю ее, до верху, до полна, брызнулъ, разсыпался серебромъ, подобный вину изъ-подъ пробки. Такъ и залилась, зазвенѣла.

И долго смѣялась она, какъ давешній дождь по водѣ, пузыристый, звонкій, веселый.

— Охъ! Нѣтъ моей моченьки... Ха-ха-ха-ха!.. Напугались мы... громъ... молонья... думали градомъ сыпнетъ. Татьяна-сноха подъ телѣгу... Ха-ха-ха!.. лагунчикъ съ дегтемъ... весь на себя...

Не могла говорить больше, только смѣялась, вся пунцовая, возбужденная, съ мокрыми сине-лучистыми глазками. Глядя на дѣвушку, захохоталъ и Емелька. Смѣялся онъ сочнымъ бодрымъ баскомъ, забавнымъ и радостнымъ.

— Какая она... хо-о-рошая!..

Зародилось желанье понравиться. И неизвѣданный порывъ ухарства, удали охватилъ его, толкнулъ впередъ.

— Пусть же похвалитъ!

Налегъ Косолапый всей силой могучихъ рукъ на лопату. Погнулась она, затрещала. Вода забурлила, а лодка подпрыгнула, понеслась, заскребла мутную гладь. И самъ Косолапый выросъ въ моментъ, лицо засвѣтилось отвагой.

Матрешка, успокоившись, слѣдила за нимъ.

— Какой ты, Емеля, здоровый! Ишь, какъ бѣжитъ лодка? Что птица...

Емелька сдѣлалъ еще нѣсколько взмаховъ, покраснѣлъ и вспотѣлъ; сказалъ ей довольный:

— Приходи, когда... будемъ кататься. Я люблю...

— Приду... въ праздникъ. Мы, дѣвки, къ тебѣ соберемся, а ты насъ на лодочкѣ покатай. Хорошо?

По лицу Косолапаго пробѣжали морщинки.

— А дѣвки смѣяться не станутъ?

— Какой ты чудной, право!—укорила она.—Надъ тобой что-ли? Никто надъ тобой не смѣется. Мы такъ это... Намъ, дѣвкамъ, завсегда весело...

— Помнишь, тогда-то? Ты пылью кидалась... дразнила меня.

— Ты помнишь все?

Матрешка нагнулась къ нему, притихла, заговорила нѣжнымъ виновнымъ голосомъ:

— Глупая я была, Емелюшка!.. Дѣвченка непутевая, верченая... А ты не гнѣвись, миленькій. Развѣ не вижу теперь, какъ обидно все это тебѣ, непереносно да тяжко? Слава Боженькѣ, не маленькая! Грѣхъ надъ тобой потѣшаться, Емеля!.. Букарочку обидѣть, и то не гоже... ты человѣкъ...

Слушалъ ее Косолапый, глядѣлъ, какъ на родную. Первый разъ въ жизни такъ говорятъ ему: разумно, нѣжно, отъ сердца. И глаза его задернулись радужной дымкой. Уронилъ онъ дрогнувшимъ басомъ, новымъ, пріятнымъ, котораго не замѣчалъ прежде въ груди:

— Какъ гоже ты... ровно книжку читаешь.

Она улыбнулась, сказала:

— Что-жъ... я вѣдь тоже грамотѣ знаю...

Съ берега отъ села донесся бранчливый голосъ:

— Матрешка! Я те поскуду!.. Ждутъ ее баню топить,— она прохлаждается!.. Барышня-сударышня... на лодочкѣ гуляетъ. Приди-тко ужо,—шкуру спущу!

Не замѣтили, какъ лодка къ селу подвезла. Дѣвушка встрепенулась:

— Ахъ-ти! Мамонька!.. Скорѣй гони, ради Христа, поскорѣй... бранится она...

Встревожился Косолапый ея тревогой, напрягъ свои силы, ударилъ. Лодка еще разъ метнулась, подбросилась вправо и влѣво, понеслась, какъ могла понестись по стремнинѣ. Вскорѣ ткнулась о берегъ около бани, выбросила носъ на траву, кинула другъ къ другу обоихъ, чуть не поцѣловались.

Дѣвушка взвизгнула, разсмѣялась, забывъ о строгихъ глазахъ своей матери.

— Ну, прощай... спасибо.

Старуха въ кубовомъ сарафанѣ бранилась и охала. Съ охапкою дровъ прошла въ передбанникъ.

— Стыдъ потеряла, срамница! Мать родная, гляди, убивается, а она... знай себѣ... У-у!.. непутевая!

Прыгнула изъ лодки Матрешка, побѣжала за матерью, торопясь, не оглядываясь. Неслышно, вродѣ снѣговой пушинки,

скользнулъ съ головы платокъ, разостлался по лавочкѣ, гдѣ сидѣла.

Завороженный, лучистый и добрый, глядѣлъ Косолапый вслѣдъ ея бѣгу волнистому, торопливому. Хотѣлъ закричать ей:

— Платокъ обронила!

Но остались слова непроговоренными, мелькнули въ мозгу и застыли. Не послушался голосъ.

Вбѣжала она за плетень передбанника и журчитъ, говоритъ что-то матери. Та ворчитъ ей въ отвѣтъ.

Нагнулся Емелька, взялъ въ руку платокъ. Щекочущей лаской коснулся руки онъ, мягкій, чуть-чуть сыроватый. И отъ того, что платокъ этотъ былъ еще влаженъ, влаженъ и бѣлъ, онъ казался нѣжнымъ и теплымъ, какъ пола іюльской серебряной тучки.

Лицо Косолапаго расцвѣтилось улыбкой, безпечной, большой. Поднесъ платокъ къ носу, къ губамъ. Пахнуло навстрѣчу дѣвичьимъ духомъ. Сердце запрыгало, зажглось чѣмъ-то новымъ. И, словно пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, понеслось оно всюду: къ колѣнямъ, къ рукамъ... Острое, томное, крѣпкое, крѣпче вина, острѣе обиды.

Всталъ на ноги онъ и чуетъ, какъ по нимъ пробѣжалъ окрѣпляющій духъ. И рѣзнуло ихъ напряженье, оздоровѣли онѣ, держатъ его, не дрожатъ...

Засмѣялся вдругъ крупнымъ и дерзкимъ хохотомъ, безудержнымъ, вольнымъ...

— Го-го-го-го!..—катилась по пруду дикая радость сироты Косолапаго.

Такъ стихійно и вольно хохочутъ жеребчики на весеннемъ лугу, какъ впервые увидятъ табунъ.

Изъ бани вышла старуха, пошла на мостки за водой. На Емельку взглянула. Тотъ стоитъ передъ ней красный весь, радостный, хохочетъ въ лицо.

Зачерпнула старуха поставила ведра, да какъ встрянется:

— Чего ты тутъ ржешь, окаянный?.. Ну? П-шелъ съ своей лодкой отселева!..

Потомъ помолчала, нагнулась къ водѣ и быстро расправившись, бросила:

— Филинъ!.. пра, филинъ!

Смѣясь и радуясь, сунулъ платокъ Косолапый за пазуху, уперся лопатой о берегъ, отчалилъ, скользнулъ и поплылъ.

Въ селѣ ужъ начался предпраздничный шумъ: возвращались съ работъ, гнали скотину, звонили къ вечернѣ.

Вездѣ по берегу дымилися бани. Отъ бань къ пруду и отъ пруда къ банямъ перебѣгали простоволосыя бабы безъ сарафановъ, въ станинахъ. Перекликались онѣ, скурлыкали ведрами, смѣялись, бранились.

Прудъ потемнѣлъ, радуги не было. Густая темь обложила закатъ и опять ужъ накрапывалъ дождь, но не крупный и свѣтлый, какъ днемъ, а меленькій, сѣяный. И прудъ зарѣшетился тонкимъ узоромъ, частымъ и путанымъ, какъ паутина.

Лягушки попрежнему замирали отъ хохота, а чаекъ съ стрижами ужъ не было. За то летучія мыши, путляя зигзаги, носились какъ бѣсы, неслышно, колдуя.

Лѣниво огребался Емелька лопатой, лѣниво и сонно двигалась лодка. Рядомъ совсѣмъ, въ затѣненной ветлами каймѣ бултыхнулось что-то большое: метнулся ли сомъ, человѣкъ ли купается?

Широко улыбаясь, поглядѣлъ туда Косолапый:

— Пускай и тебѣ будетъ радостно!

Вечерѣло ужъ крѣпко. Дѣвушка, полная заботливой суеты, проворно сбѣжала отъ бани къ мосткамъ. Зачерпнула, понесла перегнувшись полныя ведра. На пруду виднѣлось темное пятнышко лодки, окруженной блестками волнъ. Оттуда, разрывая густоту надвигавшихся сумерекъ, донесся ликующій голосъ, новый ли чей, или Емелькинъ,—нельзя разобрать.

Звучно запѣлъ онъ какую-то пѣсню безъ словъ и безъ смысла... Оборвалъ... Раскатился рѣшительнымъ хохотомъ, смѣлымъ, безумнымъ.

Вздохнула дѣвушка полною грудью, поспѣшила съ водой въ предбанникъ. А баба сосѣдка, стоя съ ведромъ на мосткахъ, долгое время глядѣла туда, въ полосу ветелъ на томъ берегу, потомъ бултыхнула сердито ведромъ, изругалась по бабьи.

— Лѣшій!.. Пра, лѣшій!

VII.

Когда Емелька подходилъ къ дому, стряпка Анисья домывала полы. Съ уборкой въ горницахъ она управилась засвѣтло. Теперь же, босая, съ высоко заткнутымъ подоломъ, стояла на крылечкѣ черной избы, расправляя усталый крестецъ. Бочила порой голову, ерзала ею, чтобъ вытереть потъ объ грязный рукавъ.

Поработавъ, баба всегда становилась добрѣе; ворчитъ и пе-

няетъ,—сама безобидна: такова ужъ повадка у старыхъ людей. Спросила Емельку:

— Что, видно, нѣтъ рыбки-то?

Тотъ кинулъ на стряпку задумчивый взглядъ, лучившійся внутрь себя. Онъ будто-бъ давно не встрѣчался съ ней, забылъ ее всю съ усталостью, добротой и привѣтомъ, будто-бъ забылъ даже о какой такой рыбкѣ помнитъ она?.. Потомъ, подумалъ-подумалъ, и вдругъ, блеснувъ ей весело глазомъ, молвилъ безпечно:

— Нѣтъ!

— Нѣ-ѣтъ? Да никакъ ты и удочки растерялъ?...

— А засадилъ!—пояснилъ Косолапый еще безпечнѣй.

Помотала головой стряпка:

— Ой-ой паря!.. Не гоже...

Прыснулъ Емелька навстрѣчу ей. Хохочетъ.

— Да ты что-о? Аль ангелочекъ приснился?

— Я-то?.. ха-ха-ха-ха!.. ничего, такъ.

— О-охо-хо! Совсѣмъ то ты еще Емеля-дурачекъ! Понизивъ голосъ, шагнула Анисья къ Емелькѣ, зашептала скороговоркой:

— Самъ-отъ съ базару пріѣхалъ пья-аный!.. А сама-то ругалась: „Послала, баитъ, урода за рыбой... да какой, слышь, ловецъ“? Сказала робятамъ, пусть съ бреднемъ пойдутъ, коль вода-то спадетъ. „Завтра, чтобъ безпремѣнно рыба была“!.. Пошли робяты-те, ведерко забыли, сходи къ нимъ, съ ведеркомъ?

Вытерла баба мокрыя руки, сунула пустое ведро Косолапому.

— Поди-ка, Емеля, поди... Знаю, что не далъ тебѣ Господь прыти... Что же подѣлаешь? Поѣдомъ вѣдь съѣстъ вѣдьма... поди!

Косолапый принялъ ведро, курлыкнулъ имъ громко, какъ кричатъ журавли, но вмѣсто того, чтобъ идти, потянулся къ стряпкѣ яснымъ лицомъ.

— У Тарасовыхъ баня топится,—шепнулъ ей значительно.

— Ну-къ что-жъ?

— Та-акъ...

— Я думала, Бо—знаетъ что!—отмахнулась Анисья. А ты иди съ ведеркомъ... выскочитъ, гляди...

Улыбнувшись себѣ, пошелъ Косолапый въ тѣнь ветелъ, застывающихъ въ парной вечерней дрёмѣ.

Поглядѣла вслѣдъ ему стряпка, прислушалась къ шелесту неровной походки, къ тихому пѣнью ведра.

— Совсѣмъ дуроломный сталъ парень...

А Емелька шелъ и додумывалъ думу о Матрешкѣ, платкѣ, о своей безудержной радости. Все казалось большимъ да веселымъ: безъ начала, безъ конца, безъ темнаго пятнышка. Мимо прошли-утонули и стряпкина жалость, смѣшная, ненужная, и мельникъ съ тяжелой рукой, вернувшійся пьянымъ, и мельничихинъ гнѣвъ.

Въ мысляхъ лишь плавали легко и проворно: пригожая дѣвушка, заразительный смѣхъ да сердечныя милыя рѣчи.

— Емеля... миленькій... грѣхъ надъ тобою смѣяться.

Пришло и насквозь пронизало всю Емелькину жизнь. Такъ съ пѣсней бываетъ: знаешь слова, говоришь ихъ и помнишь, понимаешь ихъ смыслъ и думаешь:—все въ этомъ. Но вдругъ, кто-то запѣлъ ихъ, эти слова, заполнилъ ихъ голосомъ, будто бы косу дѣвичью лентой, перевилъ ихъ мелодіей—и тѣ же слова, да не тѣ: играютъ, звучатъ, просятся въ душу, сердце вздымаютъ...

Пѣсней такой звучали въ Емелькиномъ сердцѣ Матрешкины рѣчи: одна другой краше, одна другой звонче?..

— Какой ты, Емеля, здоро-овый!..

И припадокъ бѣшеной силы налетѣлъ на Емельку, какъ порой на просторѣ степномъ налетаетъ буранъ.

Размахнулся наотмашь, выправилъ грудь, захватилъ первый сучекъ, попавшійся въ руку, рванулъ.

— Нн-а-а!.. Не спрашивай люди, зачѣмъ это сдѣлано!

Оторвался сучекъ отъ ветлы, толстый, тяжелый и пышный, шурша опустился на тропку, жалуется листвой на озорство Косолапаго. Вся ветла пошатнулась, вздрогнула сердцемъ, зароптала листвой, брызнула росной слезой. Вверху зашуршала сонная галка, всполошилась ли, аль сбредилось страшное ей. Взвизгнула тонкимъ коротенькимъ крикомъ, будто шиломъ кольнуло въ темь. Галкѣ отвѣтилъ грачъ спокойнымъ густымъ голосомъ, какъ человѣкъ:

— Гр-ра-а?..

Дескать: что безпокоишь рабочую птицу? Ей отдохнуть надо послѣ трудовъ.

Похвалилъ Емелька грача, ужъ невидимаго. Влажная лѣтняя ночь торопилась одѣть Чардымъ тьмою, закутать туманцемъ. На закатѣ, откуда бы лить вечернему свѣту, небо и тучи склубились, сплелись въ одну невидь, сплошную, безъ начала, безъ конца. Метлешатъ тамъ порой нѣмыя синія молніи, да урчитъ что-то похожее на сердитый скрежетъ несѣченыхъ жернововъ. То бредитъ во снѣ теплое лѣтнее небо.

Мельница тоже спала, отдыхала въ лѣтнюю безработицу. Не было вѣчнаго рабочаго грохота; одна тишина, непривычная, полная тайныхъ, припрятанныхъ звуковъ, какъ въ сказкѣ. Въ другое время Косолапый боялся бы этой притаившейся тишины, необычной на мельницѣ. А теперь онъ слушалъ ее съ веселымъ ищущимъ любопытствомъ. Не запоетъ ли, скажетъ:

— Нонче, слава Богу, овсы хороши...

Пощупалъ платокъ на груди, прижалъ его крѣпко, вслухъ засмѣялся:

— Ка-акая она-а... хо-орошая!

Рядомъ въ дощатомъ каузѣ журчалъ шаловливый протёкъ, ровно баловался, со смѣхомъ. И тутъ же падали внизъ одинокія капли; съ перерывистымъ звономъ ударялись онѣ обо что-то пѣвучее и пѣли сами, плясали:

— Трамъ-тамъ!.. Та-та-тамъ!..

Косолапый прислушался къ нимъ, взвизгнулъ съ игривой безпечной радостью, перевернулъ ведерко дномъ кверху, забарабанилъ пальцами:

— Трамъ-тамъ! Та-та-тамъ!

Такъ и пошелъ подъ музыку къ омуту.

Внизу, подъ колесами въ черной, какъ деготь, водѣ, слышно, плещутся люди. Слышенъ шопотъ Засыпки, властный и робкій:

— Васька! Держи на себя, мордовскій шайтанъ! Вплавь подошло... Чо-оррть!

Боится, видно, Засыпка спящей глуби, скорѣе къ берегу хочетъ. Васька огрызается нетвердымъ досадливымъ голосомъ:

— Тута кусты-ы... куды на себя-то?

А Засыпка ужъ командуетъ:

— Стой на мѣстѣ! Натягивай! Я захожу.

Совсѣмъ не слыхать, какъ заходитъ Засыпка, что съ бреднемъ дѣлаетъ Васька. Самихъ ловцовъ тоже не видно, будто бы все это снилось, али мерещилось. Такъ бы и было, не будь соловья. Вдругъ сорвался откуда-то, свистнулъ, защелкалъ:

— Фію! фію! фію... Тра-тр-т-т-т...

Горошкомъ разсыпался, серебромъ затрещалъ.

А другая какая-то пташка не отстаетъ отъ него, тоже тягается:

— Те-те-те-ти-и!.. Те-те-те-ти-и!..

Потомъ зашепталъ Засыпка сипатымъ удушливымъ шопотомъ:

— Къ берегу!.. Къ берегу!..

Должно быть, такимъ самымъ шопотомъ сговариваются воры

на ночной кражѣ: похоже. И вспомнился Липатка Косолапому: пьяный, всегда вороватый и злой. Засмѣялся. А темнота всплеснула, и рявкнулъ голосъ Засыпки:

— Да ты тяни, чухна лупоглазая! Руки чтоль отвалились?..

Слышенъ свистъ натужныхъ вздоховъ. Плещетъ вода. Оба ловца, бѣлѣя на сажень другъ отъ друга, выростаютъ изъ дегтярной гущи. Бултыхаютъ ногами сперва глухо и вязко, послѣ звончѣй. Вотъ уже шлепаютъ босыя ноги по мелкому краю, и бредень съ брызгомъ ложится на илистый берегъ.

Блестя трепыхается рыба въ мотнѣ, раки шуршатъ и возится что-то еще, шепчется, ищетъ. Полнó.

Емелька стоитъ съ ведеркомъ около.

— О-хо-хо-хо!.. вотъ такъ зачалили!..

Доволенъ и Васька богатой добычѣ. Засыпка хохочетъ:

— Вотъ какъ по нашему!.. Съ полпуда, поди!..

Къ Емелькѣ потомъ:

— И ты тутъ, виноходъ!.. Видно: гдѣ блины, тутъ и мы! Во время прикатилъ, давай-ка ведро?

Подалъ Емелька ведерко, хохочетъ отъ радости.

— Да ты что зубы-то скалишь?.. Чепушной?!..

— Я-то?

— Ты-то!

— Го-го-го-го!!.—Раскатился Емелька надъ илистымъ омутомъ.—Мно-ого!..

— То-то вотъ: много!.. Выбирать надо!

Принялись выбирать. Откуда-то вышмугнули два мальчугана. Оба въ темнотѣ одинаковые, прыткіе, сѣрые.

— Ишь... ишь!.. Какъ вьется-а!.. Не удержишь—шепчетъ одинъ, сжимая руками скользкую рыбу.

— Налимъ,—заключилъ другой.

— На-алимъ? Сомъ это... видишь съ усами!

— Ты! Налимъ, не ходи по мотнѣ-то!—Крикнулъ Засыпка на мальчиковъ.

Оба, какъ зайцы, стрѣльнули въ кусты. А Васька восхищается крупною рыбой:

— Э-э!.. вон-на!.. купецъ, бытта.

Насладившись, бросаетъ ее съ сожалѣньемъ въ ведро.

— Карась.

Засыпка остритъ Васькѣ въ отвѣтъ:

— Вчерась былъ карась, ноне мордовскій „арась“! Ты, Васька, слыхалъ такую побаску?

— Какую?

— По вашему что обозначаетъ „арась“?

— Нѣтъ ничего.

— Какъ же такъ: нѣтъ ничего? Должно обозначать, ваше, вѣдь, слово-то!

Васька взвизгнулъ отъ смѣха, принялся пояснять:

— Арась, —стало быть: нѣтъ ничего... понимаешь?.. Нѣтъ... не былъ... По вашему—нѣтъ, по нашему—арась...

— Ну, ладно, ладно...—перебилъ Засыпка, — такъ слушай побаску. Вотъ какъ было дѣло: присогласились, значитъ, два мордвина хозяину рыбу ловить. Хозяинъ былъ, къ примѣру сказать, хоть бы — попъ. А попъ — извѣстное дѣло: бѣлы ручки, жадный ротъ, все въ ращетъ себѣ кладетъ! Не пустилъ однихъ мордвовъ на ловлю, самъ пошелъ съ ними, доглядывать, вродѣ. Время была, какъ и наше-же дѣло, поздняя, темная... хошь глазъ выколи. Мордва—въ воду, попъ—на бережокъ. Забрели мордва,—пусто. Кричатъ попу: „Арась, бачка“! А попъ сидитъ на берегу, ножки поджавши, крестится: „Слава те Господи, карась пошелъ“!.. Забрели въ другоряды, опять—ничего... „Арась, бачка“! Попъ не въ себѣ, радуется: „то-то попадья въ сметанкѣ зажаритъ“! Потому, оно сказано: карась—рыба духовная. Ну такъ-то они весь вечеръ ловили. Мордва: „арась“! А попъ: „карась“!

— Ха-ха-ха-ха!.. и что-же?

— Что? Дошло дѣло... Попъ на мордвовъ: „Гдѣ караси“? „Каки караси“? Бацъ-бацъ!—по сусаламъ.

Всѣ хохотали дружнымъ забористымъ смѣхомъ. Одинъ Засыпка закуривалъ молча, лишь видно было при вспыхнувшей спичкѣ, какъ бородатыя щеки бороздились улыбкой, а самодурный глазъ косилъ и сверкалъ довольнымъ блескомъ.

— Нѣту-у! у насъ вышелъ однова исторiй!.. во-отъ! — началъ было Васька со смѣхомъ.

Засыпка же, пыхнувъ огнемъ, оборвалъ мордвина:

— Ну-ну! Полно ржать!.. вытряхай мотню... Та-акъ! Кто въ забродъ? Полѣзай, Васька!

Васька сразу перешолъ на жалобный тонъ:

— Не вытащусь я, тамъ плавать нады!.. Не замай! Косолапый лѣзаетъ,—онъ здоровый, какъ бука...

Вихремъ вскружило Емелькину голову, вспомнилось:

— Какой ты, Емеля, здоро-овый!

И проговорилъ онъ басомъ, еле сдержавъ свой задоръ:

— Ну, что-жъ, давайте, видно, полѣзу?

Молча пыхнулъ Засыпка цыгаркой, къ Васькѣ опять:

— Ну-ну! Нечего тамъ, полѣзай, мордвинъ! время не терпитъ!

— Не полѣзаю!—отрѣзалъ Васька упрямо.

Видитъ Емелька, что Засыпка считаетъ лядащимъ его и безсильнымъ, совсѣмъ для заброда никчемнымъ, задрожалъ голосомъ:

— Я полѣзу въ забродъ!

— Ты-ы? — брызнулъ Засыпка обиднымъ смѣшкомъ, — гдѣ тебѣ, скороходу? Ты еще нонешній день Москву не видалъ!

Потянулся къ Емелькинымъ волосамъ:

— Тебя посылали за спичками, тюленя, что не поѣха-алъ?

Молча отстранился Емелька отъ Засыпкиныхъ пальцевъ, дрогнулъ какъ-то по новому: рѣшительно, сильно. Властно сказалъ:

— Я въ забродъ полѣзу!

— Не замай, полѣзетъ!—подтвердилъ и Васька.

Засыпка вдругъ разсердился:

— А! да чортъ-те дери!.. лѣзь!

И тутъ же разсмѣялся самъ:

— Вплавь развѣ пойдешь? Онъ вѣдь у насъ чуда-юда рыба китъ. Ну? Чего-жъ ты!.. Напросился—такъ лѣзь, расправляй плавники!

Раздѣлся Емелька, скомкалъ одежу, сунулъ въ кусты. Не больше, какъ бѣлой пушинкой мелькнулъ въ темнотѣ Матрешкинъ платокъ, а Засыпка примѣтилъ его. Полѣзъ Косолапый.

— Глянь-ко-си!.. ноги-то!—шептались мальчишки,—ровно у змѣя!

— Онъ, мотри-ко, колду-унъ.

— Шш-ть!.. услышитъ еще...

Оба хотѣли хихикнуть, прыснуть озорнымъ мальчишескимъ смѣхомъ, но при тихой давящей ночи, при невидимыхъ радостныхъ всплескахъ оробѣли, примолкли, прижались другъ къ другу, словно припаянные.

Емелька съ Васькой брели. Засыпка-жъ, освѣтивъ цыгаркой кусты, швырнулъ на песокъ Емелькино платье. Шлепнулась о земь рубаха, портки, и выскользнулъ вонъ бѣлый платокъ, упалъ, распластался.

— Эт-то что за вещь за такая?—удивился Засыпка, нагибаясь за нимъ.

— Гдѣ ты взялъ?.. а?

Трясетъ платкомъ надъ водой, хохочетъ:

— Вотъ тебѣ нн-а-а!.. Дамскаго полу платочекъ... Ха-ха-ха!.. Ай-да виноходецъ киргицкій!.. Шту-ука!

Затихли ловцы. Бредень сталъ въ глубинѣ.

Вдругъ засопѣлъ Косолапый ноздрями, и крикнулъ:

— Дай сюда!.. Мой это.

— Осталось!—смѣялся Засыпка.

— Дай!!.

И эхо ночное обрадовалось, кинуло слово отъ мельницы къ ветламъ, отъ ветелъ къ плотинѣ и поймѣ, разнесло, раскатило его по водѣ, по соннымъ лугамъ:

— Ай-ай-ай! — крикнуло тамъ съ отчаяньемъ, съ болью, съ новой, родившейся силой.

Засыпка смѣялся, нахальный, задорный и злой:

— Ха-ха-ха!.. Надо отдать, а то, вѣдь, можетъ захромать!.. Ахъ ты, дѣвичій подплаточникъ... Хе-хе-хе...

Забродная кляча ляснулась объ воду и дзинькнула такъ, ровно бы разбила сразу десятокъ окошекъ.

Съ проворствомъ, какого нельзя было ждать отъ Косолапаго, ринулся Емелька на берегъ: мокрый, стремительный, странный, словно бы самъ водяной.

— Дай!

— Что ты, угорѣлъ?—разсердился Засыпка.

— Отдай платочекъ!

— Пошелъ къ дьяволу!.. Чертенокъ! Я-те нащелкаю горячихъ!

Ошеломила Засыпку дерзость Косолапаго, глядитъ онъ кругомъ себя: нѣтъ ли поблизости розги хорошей, чтобъ ожечь. А тотъ напираетъ. Размахнулся Засыпка, сунулъ впередъ кулакомъ, прямо въ грудь Косолапому. Звякнула грудь, будто стальная, раздувается, пышетъ огнемъ, налегла.

— Да-ай!..

И только теперь вдругъ понялъ Засыпка всю силу Емелькиной дерзости, небывалой и новой, понялъ, будто-бъ обжогся ею.

— Про-очь!—взвизгнулъ онъ бѣшено.

Но Косолапый, привороженный бѣлымъ комочкомъ, не слышалъ крика, не видѣлъ гнѣвныхъ огней Засыпкиныхъ глазъ.

— Отда-ай!—рычитъ онъ,—мое!!.

Оба упали на липкій песокъ, грузно сопятъ.

— Оставь! Чортъ кривоногій!.. Я те!..

Вертится подъ Емелькой Засыпка, подобно земляному червю съ отрубленнымъ хвостикомъ, вьется, мнетъ въ рукѣ бѣлое, не даетъ. Чувствуетъ: нельзя уступить Косолапому, придется на

вѣкъ отказаться отъ воли надъ нимъ. А тотъ, ровно быкъ на лугу, потерялъ и разумъ, и робость, претъ, куда надо, мычитъ и, совсѣмъ ужъ по бычьи, поднялъ верхнюю губу, нюхаетъ жаркую тьму, тянется къ бѣлому пятнышку.

— Отдай!

Васька съ мальчишками сперва оробѣли, потомъ засмѣялись. Кричатъ, какъ зимой на кулачкахъ:

— Вали-вали-вали-и!.. Ну, вали-вали-и!

И тѣ ужъ похожи на затравленныхъ собакъ середь улицы, грызутся, рычатъ. Густая же парная тьма насторожилась и слушаетъ: то задорные крики Васьки съ мальчишками, то стоны Засыпки, то безпечную злобу Емельки. Слушая, смѣется она радостнымъ пѣньемъ пичужки:

— Те-те-те-ти-и!.. те-те-те-ти-и!..

— Отдай!

— Ос-с-ставь!.. ур-род...

Зацѣпили ногой за ведерко, уронили его съ дребезгомъ, опрокинули. Засмѣялось ведро, весь уловъ—на песокъ.

И снулая тихая рыба вдругъ ожила, заколотила хвостомъ, потянула къ водѣ.

— Эй-эй!.. рыба-то, рыба!—спохватился одинъ изъ мальчишекъ.

Но некому было думать о рыбѣ. Борьба затихала, и чѣмъ тише она становилась, тѣмъ страшнѣй и натужнѣй. Васька ужъ трясся въ испугѣ, Емелька сопѣлъ, Засыпка молчалъ... И вся рыба, сколько было ея:—караси, окуньки, лини и налимы,—вся утянула домой въ теплую сонную воду, чтобъ жить, благословляя судьбу, радуясь тихому рыбьему счастью. Только раки одни медлили съ своимъ возвращеньемъ. Долго шуршали они на пескѣ, словно прислушивались, шептались о чемъ-то равнодушно и ровно, наговаривали, колдовали на людей.

Затихли и раки. А Емелька всталъ на ноги голый, всклокоченный весь, поднялъ платокъ, взмахнулъ имъ, заржалъ:

— О-го-го-го-го-о!!.

VIII.

Васька мордвинъ, голый, трусливый, прибѣжалъ на огонь къ мельниковой горницѣ. Дрожитъ съ перепугу, кричитъ:

— Ай-ай-ай!.. ай-ай!.. ай-ай-ай-ай!!.

Мельникъ съ женой сидѣли за ужиномъ. Всполошились, въ чемъ были,—въ томъ выскочили.

— Чего ты? Чего ты шумишь?.. Дуй-те горой...

Ни зарева нѣтъ, ни сполоха. Тихо, темно и дремотно. Послѣ дождичка росно. Странно маячитъ Васькино тѣло: въ чемъ мать родила. И самъ онъ оретъ безъ пути, какъ собака, которую бьютъ подъ воротней:

— Ай-ай-ай!.. ай-ай!

Анисья выбѣжала, фонарь зажигаетъ, шепчетъ:

— Владычица!.. матушка... ай, гдѣ горитъ?

Султанка слушалъ-послушалъ, тявкнулъ два раза, цѣпью рванулъ, забренчалъ. Потомъ,—какъ завоетъ: томно, отчаянно:

— У-у-у!.. Да что-жъ тамъ случилось?..

И вливается страхъ въ мельника, въ мельничиху, въ Анисью. Рявкнулъ мельникъ трусливымъ голосомъ:

— Да что ты, мордвинъ, за душу тянешь?.. Ну? Говори толкомъ, дуй те горой!..

Стучитъ Васька зубами, еле можетъ сказать что, бормочетъ: слово по-мордовски, два слова по-русски:

— Она монь кричитъ: „Полѣзайся, Васька, забродъ"! А я нешто вылѣзусь?.. Незамай Емелька полѣзается!.. Онъ даромъ Косолапы... здоровый, какъ бука!.. Емелька самъ баитъ: „Я слѣзу забродъ"! Послѣ: и-и-и!.. „Отдай"!.. „Не отдамъ"!.. Я думала нарошный, а онъ и правды... Н-н-на!..

— Подрались что-ль, дуй васъ горой?

— Гдѣ дрались?.. До смерти...

— Да неужто-же? Господи Сусе... Кто, кого?..

— Емелька!.. До смерти удушила Засыпку.

Мельникъ не вѣритъ, но бѣжитъ уже къ мельницѣ. Толстый, въ бѣлой рубахѣ, низко подпоясанной поясомъ, похожъ онъ на сиваго битюга. Бѣжитъ, трюхаетъ сырымъ, тяжелымъ тѣломъ, крестится на бѣгу:

— Господи Сусе!.. Дуй-те горой!..

Кинулась за нимъ мельничиха, но какъ ступила босыми ногами на мокрое, такъ и присѣла:

— Микитичъ?—кричитъ,—Микитичъ!.. Господи... Да гдѣ-жъ онъ эдакій?..

И чудится Емелька ей, большой и страшный: выше дома, шире тьмы, съ топоромъ. Притаился и ждетъ, чтобъ схватить ее, рубануть. Не срамно ей, что Васька голый стоитъ передъ ней, а она раздѣтая, дряблая, пухлая сидитъ на мокрой травѣ, забыла, что бережетъ себя отъ ломоты. Подняли мельничиху подъ руки Васька съ Анисьей и, вмѣсто того, чтобъ ввести ее въ горницу, пошли всѣ трое подъ мельницу.

Взметаетъ фонаремъ стряпка, но огонь не столько свѣтитъ, сколь пугаетъ, холодитъ душу. Не видно лужайки, страшно притихъ, затаился мельничный гулъ. Тихо вверху, сонно внизу, только воетъ Султанка, звягаетъ цѣпью. Знакомая, своей ногой протоpенная тропка, кажется новой, чужой, брошенной сверху летучими страхами.

Идутъ и дрожатъ отъ шороха собственныхъ ногъ, пугаются шелеста листьевъ, задѣтыхъ одежой.

Кусты кругомъ любопытные, строгіе стоятъ, какъ старухи на свадьбѣ, тянутъ впередъ красно-зеленыя космы, киваютъ шурша:

— Такъ надо... такъ надо... такъ...

Въ тоскѣ и боязни металися тѣни, то отставая, то забѣгая впередъ. Трепетали онѣ, какъ и люди въ испугѣ, отъ нежданной бѣды. Порой, словно почуявъ Емельку, шарахались въ сторону, неуклюжія, жуткія, прятались въ кустъ, глядѣли оттуда съ усмѣшкой, а то хрустѣли вѣткой, кланялись, ползали по полу.

И всюду чудился всѣмъ Косолапый. Не тотъ Косолапый, мельничный, котораго весь Чардымъ трепалъ за уши, а другой, новый: безформенный, темный и хитрый.

И вправду Емелька былъ здѣсь недалеко. Покончивъ съ Засыпкой, посмѣялся платку и побѣдѣ, потомъ удивился: всѣ разбѣжались, одинъ Засыпка лежалъ на пескѣ навзничъ, раскинувши руки.

Разыскалъ тихонько одежу, одѣлся, понюхалъ платокъ, засмѣялся. Въ головѣ вертѣлась Матрешка, на сердцѣ пѣла она же. Показалъ Засыпкѣ платокъ:

— Вотъ онъ, завѣ-ѣтный!

Засыпка недвиженъ, лежитъ, какъ леживалъ пьяный. Хотѣлъ подойти Косолапый поближе къ нему, да вспомнилъ:

— Притворяется... Подойди только!..

Пошелъ тихонечко въ гору, думая все о Матрешкѣ, платкѣ, о томъ, какъ тепло и просторно въ груди, будто бы таяло сердце.

Капли подъ каузомъ попрежнему падали, пѣли:

— Тамъ-тамъ-тра-та-тамъ!

Вспомнилось ведерко, рыба, драка. Вспомнилось даже, какъ мальчишка сказалъ:

— Эй, рыба-то, рыба...

Жаль стало рыбы, подумалъ Емелька:

— Вся, должно, ушла въ воду... э-эхъ!.. мно-ого!..

Близко-близко, совсѣмъ подъ ногами черчитъ ровнымъ тихимъ скрипомъ ночной сверчокъ, безъ умолку проситъ чего-то. А по-

дальше—жукъ. Хочетъ взлетѣть отъ земли, и не можетъ: прожурчитъ и ботнется, опять прожурчитъ. Должно быть крыло отломилось.

Наверху зашумѣли. Султанко завылъ. Не поспѣлъ Емелька въ кустахъ схорониться,—мельникъ бѣжитъ: сопитъ и крестится, ругаетъ кого-то.

— Что у нихъ тамъ?.. подумалъ Емелька.

Засвѣтлѣло. Идутъ съ фонаремъ: Анисья, Васька, сама; смѣшные и робкіе, озираются. Глянулъ Емелька на голаго Ваську, вспомнилъ: „арась“, и засмѣялся удушливо, съ удержемъ. А тѣ, какъ шарахнутся подъ гору.

— Ну, чего вы тамъ, дуй васъ горой. — Кричитъ снизу мельникъ,—дай-ко фонарь-атъ!

Отдала Анисья фонарь. Остановились у омута, слушаютъ ночь. Тихо, робѣя, окинулъ мельникъ краснымъ огнемъ омутъ, кусты:

— Ишь, дуй те горой, гдѣ бредень то бросили!..

Потомъ нагнулся, пощупалъ пальцемъ Засыпку. Быстро дотронулся, отдернулъ скорѣй, ровно-бы къ огню прикоснулся, вытеръ палецъ объ ногу.

— Кажись, не живой...

Притихли всѣ, не шелохнутся, не знаютъ, что дѣлать, стоятъ. Огонь въ фонарѣ прыгаетъ, мечется, заглянуть хочетъ въ глаза, но тьма сверху давитъ его, по низу гонитъ, и онъ бѣжитъ по водѣ, сѣетъ звѣздочки, искры.

Емелькѣ вдругъ стало тоскливо, сердце заныло, забилось. Какая-то мысль въ головѣ родилась, тягучая, липкая... Но какая— не ясно... И глядитъ онъ во всѣ глаза внизъ на людей, на омутъ, слушаетъ.

Что скажутъ они? А самъ усталъ вдругъ и сѣлъ.

Люди молчатъ, омутъ чуть плещется, сверчокъ подъ ногами все свереститъ, а жукъ ужъ умолкъ, улетѣлъ должно, аль убился. Капли подъ каузомъ все стукаютъ, ботаютъ, но не пѣвуче, какъ давеча. По-новому:

— Ботъ, ботъ, ботъ!

Словно время считаютъ. И протёкъ все журчитъ, гнусаво и холодно, тоже по-новому.

Емелька заплакалъ. Крикнуть хотѣлъ:

— Тетка Анисья!

Но отъ села черезъ мостъ бѣжали ужъ люди. Гудутъ голосами, шуршатъ по кустамъ, шлепаютъ по мосту.

Должно быть и мельникъ заслышалъ людей, поднялъ лицо, прислушался и сказалъ печальнымъ-печальнымъ голосомъ Васькѣ:

— Вась... а Вась!.. За народомъ бы надо...

А Васька все еще голый, стоитъ, зубами стучитъ. Шагнуть бы ему чрезъ Засыпку, взять одежу, одѣться—а онъ ждетъ чего-то, боится.

Емелькѣ стало вдругъ жалко и Ваську, и Засыпку, и мельниковыхъ. Глядитъ на нихъ, плачетъ и шепчетъ тихонько:

— Тетка Анисья... тетенька...

Анисья тоже, будто бы чуетъ Емелькину грусть, вздрогнетъ плечами, поглядитъ въ его сторону, пошепчетъ; что шепчетъ— не слышно.

И тихо-тихо на омутѣ. Соловей только — опять вружился свистать: свищетъ, трепещетъ, сыплетъ и ржетъ, щелкаетъ, стонетъ.

„Въ калиновыхъ кустахъ должно...“—думаетъ про него Косолапый.

Народъ ужъ сбѣжался. Передомъ пришли молодые мужики, да двое мальчишекъ со старостой.

— Вотъ, дяденька, тутъ!—громко, дѣловито кричалъ одинъ изъ мальчишекъ,—тутъ все и было...

Сунулись мужики къ омуту, набѣгомъ осмотрѣли Засыпку, засмѣялись надъ Васькой, ругаютъ грязь, темноту, перекликаются другъ съ другомъ. Сразу хозяевами стали, словно рады тому, что случилось. Для нихъ случилось оно, чтобъ забаву дать, да работу.

Костеръ развели, дымный и ѣдкій. Спугнули огнемъ тьму отъ воды и зардѣлась она, запылала, текучая.

Засыпку чапаномъ накрыли, и усѣлись около двое, въ кого староста ткнулъ пальцемъ, въ руки взяли дубинки, сторожить будутъ всю ночь.

Дѣвки стали сбѣгаться, пугливыя, полусонныя. Туда и сюда тянутся, шепчутъ, подслушиваютъ, вздыхаютъ да охаютъ.

Загорѣлось въ душѣ у Емельки, радостно стало, тоскливо и жутко. Долго смотрѣлъ онъ въ сторону дѣвокъ, прислушался къ смѣху ихъ, страху,—Матрешки не было. Вынулъ платокъ изъ-за пазухи, понюхалъ, улыбнулся ему и пошелъ прочь отъ омута.

Сырая тяжелая темь поглотила его, поглотила и скрыла. И захолодала ночь къ утру.

IX.

Не рано поутру проснулся Чардымъ. Поля на извалахъ, напоенныя ливнемъ, успѣли ужъ встрѣтить красную зорю. Въ селѣ проплакали звоны къ заутренѣ. Солнце окинуло дали небесъ дремотнымъ лучомъ. А Чардымъ еще спалъ. Молочно-сизый туманъ застлалъ всю долину рѣки отъ верховьевъ къ низамъ, отъ горы до горы, закуталъ фатой.

Долго молчали безпечальныя пташки, спали обманутымъ сномъ кузнецы, дремали задумчиво хмурыя ветлы, сѣдыя, будто бы жидкія, безъ стволовъ и листвы. А могутные, въ два полныхъ обхвата осокори унесли къ небесамъ свои гордыя головы, шуршатъ, какъ въ лунную ночь. И каплютъ оттуда жемчужныя слезки, влагой сѣдой обсыпая траву.

Дремлетъ жизнь на Чардымѣ до солнца, пережидаетъ туманъ. Только люди одни живы тревогой вчерашняго дня. Досвѣту прибѣжалъ староста, шумитъ, что есть духу:

— Мнѣ быть въ отвѣтѣ! мнѣ отвѣчать!..

Постучалъ батогомъ, покричалъ. Пріѣхалъ послѣ урядникъ, велѣлъ разыскать Косолапаго.

А Косолапый пропалъ. Долго плавалъ въ туманѣ строгій голосъ урядника, расколотый, громкій; приказывалъ:

— Чтобъ былъ у меня! Достать живого или мертваго!..

И люди, сбѣжавшись ради празднаго зрѣлища, испугались урядника, побѣжали въ туманъ искать Косолапаго. Думали многіе: утонулъ Косолапый. Замѣтилъ кто-то лодку въ пруду, плаваетъ чорною точкой, кружится. То станетъ маленькой, растаетъ вся, ровно ледяшечка свѣтлая, то колыхнется и выраститъ широкимъ пятномъ, больше избы, то совсѣмъ пропадетъ.

Жутко было глядѣть на лодку въ туманѣ, и потому на плотинѣ толпилися парни, дѣвки, подростки.

— Какъ есть воздушный корабль!—смѣялись мальчишки.

И сгурбившись въ кружокъ, припѣвали тихонько:

По синимъ волнамъ океана
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ!

Всѣ знали, что порожняя лодка, кружась средь тумана, не даромъ кружится здѣсь: она прячетъ отъ людей Емелькинъ слѣдъ, кутаетъ тайной его.

Предъ лицомъ безбрежнаго пруда, потерявшаго дали свои, при видѣ загадочной лодки, умолкъ даже урядникъ. Стоитъ, опершись о дупластый кряжъ, думаетъ.

Сквозь толпу пробрался Липатка, ералашный и пьяный. Упалъ на колѣни, бормочетъ:

— Ваш-ш... Гсподинъ урядникъ... Дозвольте въ свидѣтели... Разрази меня громомъ... вотъ:

Липатка креститъ нетвердой рукой распахнутую грудь, глядитъ на урядника пьянымъ восторженнымъ взглядомъ.

— Сви-идѣтель!—смѣются кругомъ.

— Ну, что ты можешь сказать?

— Дозвольте за мной... вотъ.

Поманивъ урядника пальцемъ, Липатка пошелъ шатаясь къ каузу, гдѣ купались вчера.

— Въ этомъ сам-момъ мѣстѣ...

За нимъ шла толпа, хохотала безъ удержу.

— Вонъ... бодяга... была тутъ бодяга.

Азартный, съ загорѣвшимся взглядомъ тыкалъ Липатка пальцами въ воду.

— Взялъ эт-то камень Емелька, да-а хлопъ!.. по лягушкѣ... до смерти...

— А! Чортъ забулдыжный!—разсердился урядникъ.—Пшолъ прочь!

Но Липатка вошелъ въ ражъ:

— Я вѣдь все знаю... доподлинно... черезъ что... потому тутъ дѣло того-съ... нда...

Записалъ урядникъ свидѣтелей: Ваську, мальчишекъ, Липатку, всѣхъ мельниковъ... Лишь остались безъ записи: дождичекъ росный, Чардымъ тихоструйный, ночь густая, да ёмкій туманъ... Про себя они сохранятъ свои тайны: не спроситъ ихъ судъ, не вызоветъ слѣдователь.

X.

Разгулялся день надъ Чардымомъ, солнечный теплый, по весеннему яркій, какъ бываетъ на Троицу. Взмахнулъ Могучій полой въ вышинѣ — всколыхнулся туманъ, сталъ рѣдѣть, серебриться и, качаясь, взвился высоко, къ синевѣ. Склубился тамъ въ комья, въ причуды, одѣлся поясами огневыми, заткался самоцвѣтной парчей.

Перемигнулся прудъ съ солнышкомъ, осіялъ, заискрился, влегъ въ берега и опять окаймился зелеными тѣнями.

Золотавыми блестками брызнули дали рѣки, и росистая пойма дрогнула трепетомъ, зацвѣла и запѣла, ликуя.

Праздничный день, Троицынъ день... Весна ломается въ лѣто послѣ ливнаго, ростнаго дождичка. И каждый листочекъ, каждая травка сыты, довольны, тянутся къ солнцу съ молитвой. Щебечутъ, чирикаютъ пташки въ кустахъ, стрекочетъ подножіе травъ, а выси небесъ откликаются клекотомъ, дробной серебряной трелью. Но и люди хотятъ потягаться въ весельи съ вольною радостной тварью. Межъ кустовъ и таловъ, по лугамъ и по лядамъ, по мокрымъ приречнымъ пескамъ, по примятымъ водой лопухамъ и по глинищѣ,—повсюду мелькаютъ льняныя кудряшки ребятъ въ кумачовыхъ нарядахъ. Тамъ и сямъ толпы дѣвокъ въ вѣнкахъ. Парни, бабы, подростки—молоднякъ деревенскій... Вся пойма цвѣтетъ, словно маково поле, живое съ говоромъ, пѣсней, игрой. Забытъ Косолапый. Забытъ и Засыпка.

Веселымъ хороводомъ идутъ дѣвки на прудъ топить завитые вѣнки. Поютъ и загадываютъ:

Кому сбудется,
Кому слюбится?

На Тарасовомъ берегу людно и шумно. Тамъ, гдѣ пристала вчера Косолапова лодка, откуда отчалилъ онъ съ дикою радостью, прощаясь съ Матрешкой, стояла толпа, говорливая, красная отъ нарядовъ, веселья и смѣха.

Одинъ за однимъ ронялись вѣнки дѣвичьи въ воду, и серебряный прудъ принималъ ихъ, плескался: Одни уносилъ, качая на волнахъ, другіе—топилъ, ненасытный.

Кому сбудется,
Кому слюбится,
Кому гробъ, кому вѣнецъ?

Однѣ озорницы смѣялись, другія отходили печально, со взглядомъ, полнымъ слезы и юной задумчивой грусти. А парни, эти озорные буяны, скалозубы, ахальники, тутъ же вертѣлись, все примѣчали, клали на пѣсню-гармонику и грохотали буйнымъ праздничнымъ смѣхомъ.

Вдругъ на горѣ, около бани подняли шумъ. Бѣжитъ Татьяна, молодуха Тарасова.

— Охъ, касатушки!.. Нашелся, вѣдь...

Всполошились всѣ:

— Кто?.. Гдѣ?..

— Да, уродъ-отъ!.. Убивецъ... Въ банѣ нашей и спитъ!.. Господи!.. Какъ напужалась...

Кинулся весь хороводъ къ банѣ. Окружили, шумятъ, боятся вплотную идти.

Баба разсказываетъ:

— Стрянулась свекровь платочка дочернина: „идѣ, баитъ, платочекъ Матрешкинъ, реписовый?"... Идѣ-жъ ему быть, баю, въ банѣ, поди и оставила вчерась. Изъ поля въ платкѣ побѣгла, покрытая... „Сбѣгай-ка, слышь, въ баню... взгляни". И только я взошла, а онъ... дрыхнетъ!

Примолкли всѣ на минуту. Вышелъ изъ предбанника Косолапый, заспанный, всклокоченный весь. Держитъ въ рукѣ Матрешкинъ платокъ перемазаный, пачканый, мятый. Щурится на солнышко; переспалъ, видать, все, не соображаетъ.

И чудно глядѣть на него, сѣраго, въ посконной рубахѣ, мучной и заплатной. Цвѣтетъ кругомъ жизнь: и зелень, и солнце, и ясный Чардымъ, и народъ празднично яркій, а онъ—неумытый. Какъ возился вчера на пескѣ, какъ замазался весь, — такъ и остался.

Ободрились парни, смѣются, кричатъ:

— Эй ты, дубоногій! Зачѣмъ платокъ подобралъ?.. Ишь, по банямъ чужимъ прячется!..

Взглянулъ на платокъ Косолапый, вспомнилъ что-то, усмѣхается ласково.

— Онъ еще зубы скалитъ!.. Дай-ка сюда, толчея необстрогана!..

Протянулъ парень руку къ Емелькѣ. Вдругъ какъ рванется тотъ:

— Уйди!.. Не отдамъ...

Отскочили парни. Никому не до смѣху. Дѣвки жмутся другъ къ другу, притихли, словно ярочки молодыя при волкѣ. А Косолапый взглянулъ въ ихъ сторону, примѣтилъ Матрешку. Засвѣтился, зардѣлся, блистаетъ глазами, шагнулъ къ ней навстрѣчу.

Шарахнулись дѣвки, взвизгнули.

— Ахъ!.. Ахъ!.. Къ намъ идетъ, дѣвоньки!..

Отбѣжали дѣвки. Одна Матрешка осталась стоять — гдѣ стояла. Глядитъ на Емельку, вся румяная, да пригожая, рѣсницы дрожатъ, слезами дымятся.

Протянулъ къ ней робко платокъ Косолапый, сказалъ, что съ вчерашняго дня стояло въ мысляхъ недосказаннымъ:

— Вотъ... платокъ обронила...

Голосъ густой, радостный, трясется въ груди, будто плачетъ отъ счастья.

Не шелохнулась дѣвка. А съ улицы бѣжали ужъ староста,

сотникъ, мужикъ съ ременной возжей, чтобъ вязать, и народъ. Все село всполошилось опять; опустѣла и пойма.

Пробѣжалъ вѣтерокъ по Чардыму, прохладный и легкій. Скользнулъ по водѣ онъ, нахмурилъ ее, закачалъ облака, шаловливой щекоткой пронесся межъ листьевъ ветлы, осокоря, ольхи.

Зароптaлъ вслѣдъ ему берегъ, а онъ уже мчится по поймѣ, серебритъ ее струями, ласкаетъ, несетъ тревожную шумную вѣсть отъ села.

Съ страстной тоскою мечутся чибисы подъ озерами, вопятъ и плачутъ о чемъ-то. А неуемный дергачъ бѣгаетъ туда и сюда, злится, долбитъ безъ умолку:

— Такъ!.. Такъ!.. Такъ надо, такъ...

С. Аникинъ.

ИСКУССТВО РѢЧИ НА СУДѢ

Такъ называется книга П. Сергѣича (П. С. Пороховщикова), вышедшая въ 1910 г., задачею которой является изслѣдованіе условій судебнаго краснорѣчія и установленіе его методовъ. Авторъ—опытный судебный дѣятель, вѣрный традиціямъ лучшихъ временъ судебной реформы—вложилъ въ свой трудъ не только обширное знакомство съ образцами ораторскаго искусства, но и богатый результатъ своихъ наблюденій изъ области живого слова въ русскомъ судѣ. Эта книга является вполнѣ своевременной, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. Она содержитъ практическое, основанное на многочисленныхъ примѣрахъ, назиданіе о томъ, какъ *надо* и—еще чаще—какъ *не надо* говорить на судѣ, что, по видимому, особенно важно въ настоящее время, когда развязность пріемовъ судоговоренія развивается на счетъ ихъ цѣлесообразности. Она своевременна и потому, что въ сущности только теперь, когда накопился многолѣтній опытъ словеснаго судебнаго состязанія и появились въ печати цѣлые сборники обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей, сдѣлались возможными основательное изслѣдованіе основъ судебнаго краснорѣчія и всесторонняя оцѣнка практическихъ пріемовъ русскихъ судебныхъ ораторовъ.

До введенія судебной реформы о *судебномъ* краснорѣчіи не могло быть и рѣчи. Для живого слова въ нашей жизни было отмежевано весьма малое мѣсто, да и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, гдѣ оно могло раздаваться, слушатели должны были обладать особымъ правомъ на присутствіе. Таковы были лекціи, торжественныя засѣданія ученыхъ обществъ, акты различныхъ учрежденій и юбилейныя торжества. Но первыя рѣдко касались

непосредственно животрепещущихъ явленій дѣйствительности или злобы дня, а послѣднія, т.-е. юбилейныя, представляли въ большей части случаевъ примѣръ того, какъ живое слово, впадая въ славословіе, теряетъ свою силу и нерѣдко смущаетъ и слушателей, и самого виновника торжества. Была, впрочемъ, область, въ которой слушаніе живого слова было доступно всѣмъ—область церковной проповѣди. Но проповѣдь эта, вслѣдствіе многоразличныхъ условій, отличалась мертвеннымъ характеромъ, въ силу котораго нанизанные другъ на друга тексты св. писанія никакого впечатлѣнія не производили. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда глубокое содержаніе вкладывалось въ дѣйствительно сильное и вѣское слово, какъ, напримѣръ, у Филарета Московскаго, проповѣдь, по показанію современниковъ, произносилась такимъ нарочито слабымъ голосомъ, что могла быть воспринята не слушателями, а читателями. Поэтому изслѣдованія о существѣ и пріемахъ краснорѣчія сводились, за исключеніемъ замѣчательнаго для своего времени труда Ломоносова: „Краткое руководство къ риторикѣ на пользу любителей сладкорѣчія" 1744 и 1748 г.г., до конца шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка къ повторенію теоретическихъ положеній и примѣровъ, почерпаемыхъ преимущественно у Квинтиліана и Цицерона, при чемъ почему-то забывалось превосходное „Разсужденіе объ ораторѣ" Тацита. Попытокъ къ самостоятельной разработкѣ вопроса о краснорѣчіи—вслѣдствіе отсутствія новаго, практическаго матеріала—мы въ литературѣ не встрѣчаемъ. „Златословъ или открытіе Риторскія науки" 1798 г. и „Дѣтская Риторика или благоразумный Витія" 1787 г. не могутъ идти въ сравненіе съ трудомъ Ломоносова, а „Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки", изданная въ 1797 г. Григоріемъ Глинкою, есть, въ сущности, переводъ сочиненія Гальяра, лишь снабженный довольно ядовитыми замѣчаніями переводчика. Хотя, какъ видно изъ черноваго письма къ поэту Богдановичу президента Академіи, Нартова, отъ 29-го іюня 1801-го года, приводимаго въ интересномъ изслѣдованіи о Богдановичѣ М. С. Коноплевой (Русскій Архивъ 1911 г.), Академія въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія „старалась сочинить логику, риторику и піитику, яко главныя основанія словесныхъ наукъ", но это стараніе разрѣшилось одними благими намѣреніями. Въ 1815-мъ году на русскомъ языкѣ появилась составленная Ѳеофилактомъ Малиновскимъ книга, посвященная „Основаніямъ краснорѣчія". Въ слѣдующемъ году тотъ же авторъ издалъ „Правила краснорѣчія, въ систематиче-

скій порядокъ науки приведенныя и Сократовымъ способомъ расположенныя". Для знакомства съ этимъ самостоятельнымъ опытомъ теоріи краснорѣчія достаточно привести слѣдующій отвѣтъ автора на вопросъ о томъ, *какое качество должна имѣть рѣчь, удовлетворяющая потребности сердца.* Вотъ онъ: „сердце желаетъ съ готовою истиною войти въ храмъ своего собственнаго удовольствія, почувствовавъ къ ней какую-либо страсть, ибо единственная его потребность чувствовать, безъ сего оно терзается скукою. Изъ сего слѣдуетъ, что прекрасная рѣчь имѣетъ связь съ нашимъ сердцемъ; дѣло оратора открыть путь, которымъ описываемый предметъ входитъ во внутренность онаго. Тогда онъ, говоря съ нимъ и приводя его въ движеніе, побѣждаетъ самовластіе и преклоняетъ волю его безъ сопротивленія на свою сторону". Или вотъ какъ опредѣляется *смѣшное*, какъ составная часть нѣкоторыхъ видовъ ораторской рѣчи: „какъ скоро душа наша чувствуетъ ничтожное насиліе естественнаго или разумнаго, состоящее въ дѣйствіяхъ, несходныхъ съ законами природы или хорошаго произвола, то она, будучи увѣрена внутренно въ непремѣнности и въ непоколебимости ихъ, предчувствуя, что зла для нея отъ того не воспослѣдуетъ, издѣвается надъ слабымъ усиліемъ, ничтожность коего наполняетъ его веселостью и растворяетъ духъ радостью, который влечетъ за собою физическое потрясеніе почти цѣлаго тѣла". Въ томъ же году въ Москвѣ, въ типографіи Селивановскаго, напечатана книга неизвѣстнаго автора: „Ораторъ или о трехъ главныхъ совершенствахъ краснорѣчія — ясности, важности и пріятности", вся построенная на примѣрахъ изъ Цицерона. Въ ней заслуживаетъ, однако, вниманія указаніе на „выборъ литеръ и слоговъ" для приданія рѣчи „важности", причемъ разсужденіе о томъ, что литера R приличествуетъ матеріи печальной и страшной (terror, horror, horrendum) удивительнымъ образомъ совпадаетъ съ объясненіями Эдгара Поэ къ его знаменитому стихотворенію „Воронъ". Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Мерзляковымъ въ его разсужденіи 1824-го года: „Объ истинныхъ качествахъ Поэта и Оратора" и въ рѣчи профессора Петра Побѣдоносцева „О существенныхъ обязанностяхъ Витіи и о способахъ къ пріобрѣтенію успѣха въ Краснорѣчіи", произнесенной на годовомъ актѣ московскаго университета 3 іюля 1831-го года. Наконецъ, въ 1844-мъ году вышли „Правила высшаго краснорѣчія" Сперанскаго, представляющія систематическій обзоръ теоретическихъ правилъ о краснорѣчіи вообще, изложенный прекраснымъ языкомъ, но совершенно лишенный практической поучительности, за отсутствіемъ

примѣровъ. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій, не считая даже неудобочитаемыхъ упражненій въ элоквенціи Малиновскаго, ничего или во всякомъ случаѣ очень мало можетъ извлечь судебный ораторъ.

Правила, оставленныя Квинтиліаномъ и Цицерономъ и выводимыя исключительно изъ ихъ рѣчей, въ значительной мѣрѣ непріемлемы для современнаго оратора. Древній грекъ и древній римлянинъ выросли въ общественныхъ условіяхъ весьма отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ развиваются современный европейскій судебный ораторъ и его слушатели. И сами они, и слушатели принадлежали къ другому этнографическому типу. Многое изъ того, что у этихъ ораторовъ выходило вполнѣ естественнымъ, показалось бы въ настоящее время неискренней декламаціей. Притомъ какъ судебный ораторъ Демосѳенъ гораздо ниже Цицерона и въ сущности въ своихъ рѣчахъ судебнаго характера едва ли стоитъ выше обыкновеннаго логографа. Онъ великъ въ защитѣ погибавшаго государственнаго строя противъ внѣшняго врага и внутренняго разложенія. Рѣчи его проникнуты альтруизмомъ, и слово его постоянно поднимается въ область общихъ началъ. Цѣлямъ судебнаго краснорѣчія гораздо болѣе удовлетворяютъ рѣчи Цицерона. Онъ ближе къ дѣлу, глубже въ анализѣ мелочныхъ фактовъ. Онъ болѣе на землѣ, на практической почвѣ, и въ немъ сильнѣе сказывается тотъ „esprit de combativité“, который составляетъ необходимую принадлежность судебнаго оратора, стремящагося къ успѣху. Однимъ словомъ, въ его ораторскихъ пріемахъ всегда слышится прежде всего обвинитель или защитникъ. Чудесный стилистъ и діалектикъ, онъ одинаково искусно впадаетъ въ паѳосъ, или предается ироніи, или, наконецъ, ошеломляетъ противника яростными эпитетами. Достаточно вспомнить дѣлаемыя имъ, сыплющіяся какъ изъ рога изобилія, характеристики въ рѣчахъ противъ Катилины: отравитель, разбойникъ, отцеубійца, фальсификаторъ, другъ каждой проститутки, соблазнитель и убійца. Несомнѣнно однако, что большая часть этихъ пріемовъ непримѣнима въ современномъ судѣ. Рѣчи же чисто политическаго характера не могутъ служить образцами для судебнаго оратора, ибо политическое краснорѣчіе совсѣмъ не то, что краснорѣчіе судебное. Умѣстныя и умныя цитаты, хорошо продуманные примѣры, тонкія и остроумныя сравненія, стрѣлы ироніи и даже подъемъ на высоту общечеловѣческихъ началъ— далеко не всегда достигаютъ своей цѣли на судѣ. Въ основаніи судебнаго краснорѣчія лежитъ необходимость *доказывать* и *убѣждать*, т.-е., иными словами — необходимость склонять слушателей присоединиться къ своему мнѣнію. Но политическій ора-

торъ немногаго достигнетъ, убѣждая и доказывая. У него та же задача, какъ и у служителя искусствъ, хотя и въ другихъ формахъ. Онъ долженъ, по выраженію Жоржъ-Зандъ, „montrer et émouvoir“, т.-е. освѣщать извѣстное явленіе всею силою своего слова и, умѣя уловить создающееся у большинства отношеніе къ этому явленію, придать этому отношенію дѣйствующее на чувство выраженіе. Число, количество, пространство и время, играющія такую роль въ критической оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ при разборѣ уголовнаго дѣла, только безплодно отягощаютъ рѣчь политическаго оратора. Рѣчь послѣдняго должна представлять не мозаику, не тщательно и во всѣхъ подробностяхъ выписанную картину, а рѣзкіе общіе контуры и Рембрандтовскую свѣтотѣнь. Ей надлежитъ связывать воедино чувства, возбуждаемыя яркимъ образомъ, и давать имъ воплощеніе въ легкомъ по усвоенію, полновѣсномъ по содержанію словѣ.

Первымъ по времени трудомъ на русскомъ языкѣ, предназначеннымъ для *судебныхъ* ораторовъ, явилось „Руководство къ судебной защитѣ“ знаменитаго Миттермайера, изданное въ 1863 г. Унковскимъ. Несмотря на общія похвалы, которыми встрѣчено было это сочиненіе у насъ, оно едва ли оказало услугу комулибо изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ. Исходя изъ мысли объ учрежденіи въ университетахъ особыхъ каѳедръ „для преподаванія руководства къ словеснымъ преніямъ“, Миттермайеръ предлагаетъ вниманію лицъ, посвящающихъ себя уголовной защитѣ, свой трудъ, чрезвычайно кропотливый, въ значительной мѣрѣ чисто теоретическій и весьма несвободный отъ пріемовъ канцелярскаго производства, несмотря на то, что у автора вездѣ предполагается защита передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей. Масса параграфовъ (сто тридцать шесть), раздѣляющихся на пункты A, B, C, распадающіеся въ свою очередь на отдѣлы, обозначенные греческими буквами, производитъ при первомъ взглядѣ впечатлѣніе широкаго захвата и глубокаго знанія, а въ дѣйствительности содержитъ въ себѣ элементарныя правила обмѣна мыслей, изложенныя, притомъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Среди этихъ правилъ попадаются, впрочемъ, и практическіе совѣты, поражающіе своей наивностью. Такова, напримѣръ, рекомендація защитнику не утаивать отъ подсудимаго (sic!) грозящаго ему наказанія, какъ будто обвиняемый и защитникъ находятся въ отношеніяхъ больного къ врачу, при чемъ послѣдній, во избѣжаніе осложненія недуга своего паціента, иногда скрываетъ отъ него его опасное состояніе. Условіями судебнаго краснорѣчія Миттермайеръ ставитъ наличность основательныхъ

доказательствъ, ясный способъ изложенія и очевидную добросовѣстность, „въ соединеніи съ тѣмъ достоинствомъ выраженій, которое наиболѣе прилично случаю“. Поэтому онъ совѣтуетъ говорить защитительную рѣчь по заранѣе заготовленной запискѣ, избѣгая: А) выраженій плоскихъ, Б) напыщенныхъ, В) устарѣлыхъ, Г) иностранныхъ и Д) вообще всякихъ излишнихъ нововведеній, обращая при этомъ вниманіе на а) удареніе, б) разстановки, в) различные тоны рѣчи и г) тѣлодвиженія. Едва ли нужно говорить, что въ такомъ опредѣленіи краснорѣчія оно—употребляя выраженіе Тургенева—„и не ночевало“. Доказательства могутъ оказаться весьма основательными (напримѣръ, alibi, поличное, собственное признаніе), ясная мысль можетъ быть облечена въ „приличныя случаю“ выраженія и не покушаться извращать истину—и тѣмъ не менѣе отъ рѣчи будетъ вѣять скукой. Нужна яркая форма, въ которой сверкаетъ пламень мысли и искренность чувства. Наиболѣе живой отдѣлъ книги — это говорящій объ отношеніи защитника къ доказательствамъ, но и онъ гораздо ниже по содержанію, чѣмъ прекрасная, но, къ сожалѣнію, составляющая библіографическую рѣдкость, книга нашего почтеннаго криминалиста Жиряева: „Теорія уликъ“, или богатое опытомъ и до сихъ поръ не устарѣвшее сочиненіе Уильза: „Теорія косвенныхъ уликъ“.

Съ тѣхъ поръ въ оцѣнкахъ рѣчей русскихъ судебныхъ ораторовъ, въ замѣткахъ самихъ ораторовъ и въ наставленіяхъ начинающимъ адвокатамъ въ различныхъ спеціальныхъ брошюрахъ появлялись указанія на пріемы и методы того или другого оратора или на его собственные взгляды на свою профессію. Весьма интересными въ этомъ отношеніи являются очерки въ книжкѣ Б. Глинскаго: „Русское судебное краснорѣчіе“. Но, несмотря на цѣнность отдѣльныхъ этюдовъ, все это или отрывочно, или, главнымъ образомъ, сведено къ оцѣнкѣ и выясненію свойствъ, таланта и своеобразныхъ пріемовъ опредѣленной личности. Безъ сомнѣнія, начинающему судебному дѣятелю полезно знать, къ какимъ пріемамъ прибѣгалъ въ своихъ рѣчахъ Спасовичъ, или что проходило красной нитью въ той или другой рѣчи Плевако, Пассовера или Андреевскаго. Но ему безъ сомнѣнія еще важнѣе, съ точки зрѣнія искусства рѣчи, имѣть авторитетное указаніе на то, чего надо держаться въ тѣхъ случаяхъ, когда ему самому придется или приходится выступить ораторомъ на судѣ.

Книга П. С. Пороховщикова удовлетворяетъ именно послѣдней потребности. Трудно себѣ представить болѣе полное, подробное и богатое эрудиціей и примѣрами изслѣдованіе о су-

ществѣ и проявленіяхъ искусства рѣчи на судѣ. Въ авторѣ поперемѣнно смѣняютъ другъ друга воспріимчивый и чуткій наблюдатель, тонкій психологъ, просвѣщенный юристъ, а по временамъ и поэтъ, благодаря чему эта серьезная книга изобилуетъ живыми бытовыми сценами и лирическими мѣстами, вплетенными въ строго научную канву. Таковъ, напримѣръ, разсказъ автора, приводимый въ доказательство того, какъ сильно можетъ влiять творчество въ судебной рѣчи даже по довольно заурядному дѣлу. Въ тѣ недавніе дни, когда еще и разговора не было о свободѣ вѣроисповѣданія, полиція, по сообщенію дворника, явилась въ подвальное жилье, въ которомъ помѣщалась сектантская молельня. Хозяинъ—мелкій ремесленникъ,—ставъ на порогѣ, грубо крикнулъ, что никого не впуститъ къ себѣ и зарубитъ всякаго, кто попытается войти, что вызвало составленіе акта о преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 286 улож. о наказ. и влекущемъ за собою тюрьму до четырехъ мѣсяцевъ или штрафъ не свыше ста рублей. „Товарищъ прокурора сказалъ: поддерживаю обвинительный актъ. Заговорилъ защитникъ, и черезъ нѣсколько мгновеній вся зала превратилась въ напряженный, очарованный и встревоженный слухъ", пишетъ авторъ. „Онъ говорилъ намъ, что люди, оказавшіеся въ этой подвальной молельнѣ, собрались туда не для обычнаго богослуженія, что это былъ особо торжественный, единственный день въ году, когда они очищались отъ грѣховъ своихъ и находили примиреніе со Всевышнимъ,—что въ этотъ день они отрѣшались отъ земного, возносясь къ божественному; погруженные въ святая святыхъ души своей, они были неприкосновенны для мірской власти, были свободны даже отъ законныхъ ея запретовъ. И все время защитникъ держалъ насъ на порогѣ этого низкаго подвальнаго хода, гдѣ надо было въ темнотѣ спуститься по двумъ ступенькамъ, гдѣ толкались дворники и гдѣ за дверью въ низкой убогой комнатѣ сердца молившихся уносились къ Богу... Я не могу передать этой рѣчи и впечатлѣнія, ею произведеннаго, но скажу, что не переживалъ болѣе возвышеннаго настроенія. Засѣданіе происходило вечеромъ, въ небольшой тускло освѣщенной залѣ, но надъ нами разступились своды, и мы со своихъ креселъ смотрѣли прямо въ звѣздное небо, изъ времени въ вѣчность"...

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ положеній и совѣтовъ автора, но нельзя не признать за его книгой большого значенія для тѣхъ, кто субъективно или объективно интересуется судебнымъ краснорѣчіемъ, какъ предметомъ изученія, или какъ орудіемъ своей дѣятельности, или, наконецъ, какъ показателемъ

общественнаго развитія въ данное время. Четыре вопроса возникаютъ обыкновенно предъ каждымъ изъ такихъ лицъ: что такое искусство рѣчи на судѣ?—какими свойствами надо обладать, чтобы стать судебнымъ ораторомъ?—какими средствами и способами можетъ располагать послѣдній?—въ чемъ должно состоять содержаніе рѣчи и ея подготовка? На всѣ эти вопросы встрѣчается у П. С. Порохощикова обстоятельный отвѣтъ, разбросанный по девяти главамъ его обширной книги (390 страницъ). Судебная рѣчь, по его мнѣнію, есть продуктъ творчества, такой же его продуктъ, какъ всякое литературное или поэтическое произведеніе. Въ основѣ послѣднихъ лежитъ всегда дѣйствительность, преломившаяся, такъ сказать, въ призмѣ творческаго воображенія. Но такая же дѣйствительность лежитъ и въ основѣ судебной рѣчи, дѣйствительность по большей части грубая, рѣзкая. Разница между творчествомъ поэта и судебнаго оратора состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они смотрятъ на дѣйствительность съ разныхъ точекъ зрѣнія и сообразно этому черпаютъ изъ нея соотвѣтствующія краски, положенія и впечатлѣнія, перерабатывая ихъ затѣмъ въ доводы обвиненія или защиты или въ поэтическіе образы. „Молодая помѣщица—говоритъ авторъ—дала пощечину слишкомъ смѣлому поклоннику. Для сухихъ законниковъ это — 142 ст. устава о наказаніяхъ, — преслѣдованіе въ частномъ порядкѣ, — три мѣсяца ареста; мысль быстро пробѣжала по привычному пути юридической оцѣнки и остановилась. А Пушкинъ пишетъ „Графа Нулина“, и мы полвѣка спустя читаемъ эту 142 статью и не можемъ ею начитаться. Ночью на улицѣ ограбили прохожаго, сорвали съ него шубу... Опять все просто, грубо, безсодержательно: грабежъ съ насиліемъ, 1642 ст. уложенія—арестантскія отдѣленія или каторга до шести лѣтъ, а Гоголь пишетъ „Шинель“—высоко художественную и безконечно драматическую поэму. Въ литературѣ нѣтъ плохихъ сюжетовъ; въ судѣ не бываетъ *неважныхъ* дѣлъ и нѣтъ такихъ, по которымъ человѣкъ образованный и впечатлительный не могъ бы найти основы для художественной рѣчи“. Исходная точка искусства заключается въ умѣніи уловить частное, подмѣтить то, что выдѣляетъ извѣстный предметъ изъ ряда ему подобныхъ. Для внимательнаго и чуткаго человѣка въ каждомъ незначительномъ дѣлѣ найдется нѣсколько такихъ характерныхъ чертъ, въ нихъ всегда есть готовый матеріалъ для литературной обработки, а судебная рѣчь, по удачному выраженію автора, „есть литература на лету“. Отсюда собственно вытекаетъ и отвѣтъ на второй вопросъ: что нужно для того, чтобы быть судебнымъ ораторомъ?

Наличіе прирожденнаго таланта, какъ думаютъ многіе, вовсе не есть непремѣнное условіе, безъ котораго нельзя сдѣлаться ораторомъ. Это признано еще въ старой аксіомѣ, говорящей, что oratores fiunt. Талантъ облегчаетъ задачу оратора, но его одного мало: нужны умственное развитіе и умѣнье владѣть словомъ, что достигается вдумчивымъ упражненіемъ. Кромѣ того другія личныя свойства оратора несомнѣнно отражаются на его рѣчи. Между ними, конечно, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ его темпераментъ. Блестящая характеристика темпераментовъ, сдѣланная Кантомъ, различавшимъ два темперамента чувствъ (сангвиническій и меланхолическій) и два темперамента дѣятельности (холерическій и флегматическій), нашла себѣ физіологическую основу въ трудѣ Фулье: „О темпераментѣ и характерѣ“. Она примѣнима ко всѣмъ говорящимъ публично. Разность темпераментовъ и вызываемыхъ ими настроеній говорящаго обнаруживается иногда даже помимо его воли въ жестѣ, въ тонѣ голоса, въ манерѣ говорить и способѣ держать себя на судѣ. Типическое настроеніе, свойственное тому или другому темпераменту оратора, неминуемо отражается на его отношеніи къ обстоятельствамъ, о которыхъ онъ говоритъ, и на формѣ его выводовъ. Трудно представить себѣ меланхолика и флегматика дѣйствующими на слушателей исполненною равнодушія, медлительною рѣчью или безнадежною грустью, „уныніе на фронтъ наводящею“, по образному выраженію одного изъ приказовъ императора Павла. Точно такъ же не можетъ не сказываться въ рѣчи оратора его возрастъ. Человѣкъ, „слово“ и слова котораго были проникнуты молодой горячностью, яркостью и смѣлостью, съ годами становится менѣе впечатлительнымъ и пріобрѣтаетъ бо́льшій житейскій опытъ. Жизнь пріучаетъ его съ одной стороны чаще, чѣмъ въ молодости, припоминать и понимать слова Екклезіаста о „суетѣ суетъ“, а съ другой стороны развиваетъ въ немъ гораздо бо́льшую увѣренность въ себѣ отъ сознанія, что ему—старому испытанному бойцу—вниманіе и довѣріе оказываются очень часто *авансомъ* и *въ кредитъ*, прежде даже чѣмъ онъ начнетъ свою рѣчь, состоящую нерѣдко въ безсознательномъ повтореніи самого себя. Говоря о содержаніи рѣчи на судѣ, П. С. Порохощиковъ находитъ, что судебная рѣчь должна заключать въ себѣ нравственную оцѣнку преступленія, соотвѣтствующую высшему міровоззрѣнію современнаго общества. Но нравственныя воззрѣнія общества не такъ устойчивы и консервативны, какъ писаные законы. На нихъ вліяетъ процессъ то медленной и постепенной, то рѣзкой и неожиданной переоцѣнки цѣнностей. Поэтому ораторъ имѣетъ выборъ между двумя ролями:

онъ можетъ быть послушнымъ и увѣреннымъ выразителемъ господствующихъ воззрѣній, солидарнымъ съ большинствомъ общества; онъ можетъ, наоборотъ, выступить въ качествѣ изобличителя распространенныхъ заблужденій, предразсудковъ, косности или слѣпоты общества и идти противъ теченія, отстаивая свои собственные новые взгляды и убѣжденія. Въ избраніи одного изъ этихъ путей, намѣченныхъ авторомъ, неминуемо должны сказываться возрастъ оратора и свойственныя ему настроенія.

Содержаніе судебной рѣчи играетъ не меньшую роль, чѣмъ искусство въ ея построеніи. У каждаго, кому предстоитъ говорить публично и особливо на судѣ, возникаетъ мысль: о чемъ говорить, что̀ говорить и какъ говорить? На первый вопросъ отвѣчаетъ простой здравый разсудокъ и логика вещей, опредѣляющая послѣдовательность и связь между собою отдѣльныхъ дѣйствій. *Что̀ говорить*—укажетъ та же логика, на основѣ точнаго знанія предмета, о которомъ приходится повѣствовать. Тамъ, гдѣ придется говорить о людяхъ, ихъ страстяхъ, слабостяхъ и свойствахъ, житейская психологія и знаніе общихъ свойствъ человѣческой природы помогутъ освѣтить внутреннюю сторону разсматриваемыхъ отношеній и побужденій. При этомъ надо замѣтить, что психологическій элементъ въ рѣчи вовсе не долженъ выражаться въ такъ называемой „глубинѣ психологическаго анализа", въ разворачиваніи человѣческой души и въ копаньи въ ней для отысканія очень часто совершенно произвольно предполагаемыхъ въ ней движеній и побужденій. Фонарь для освѣщенія *этихъ* глубинъ умѣстенъ лишь въ рукахъ великаго художника-мыслителя, оперирующаго надъ имъ же самимъ созданнымъ образомъ. Ужъ если подражать, то не Достоевскому, который буравитъ душу какъ почву для артезіанскаго колодца, а удивительной наблюдательности Толстого, которую ошибочно называютъ психологическимъ анализомъ. Наконецъ, совѣсть должна указать судебному оратору, насколько нравственно пользоваться тѣмъ или другимъ освѣщеніемъ обстоятельствъ дѣла и возможнымъ изъ ихъ сопоставленія выводомъ. Здѣсь главная роль въ избраніи ораторомъ того или другого пути принадлежитъ сознанію имъ своего долга передъ обществомъ и передъ закономъ, сознанію, руководящемуся завѣтомъ Гоголя: „со словомъ надо обращаться честно". Фундаментомъ всего этого, конечно, должно служить знакомство съ дѣломъ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, при чемъ трудно заранѣе опредѣлить, какая изъ этихъ подробностей пріобрѣтетъ особую силу и значеніе для характеристики событія, лица, отношеній... Для пріобрѣтенія этого знакомства не нужно

останавливаться ни передъ какимъ трудомъ, никогда не считая его безплоднымъ. „Тѣ рѣчи,—совершенно справедливо говоритъ авторъ,—которыя кажутся сказанными просто, въ самомъ дѣлѣ составляютъ плодъ широкаго общаго образованія, давнишнихъ частыхъ думъ о сущности вещей, долгаго опыта и—кромѣ всего этого—напряженной работы надъ каждымъ отдѣльнымъ дѣломъ". Къ сожалѣнію, именно здѣсь чаще всего сказывается наша „лѣнь ума", отмѣченная въ горячихъ словахъ еще Кавелинымъ.

Въ вопросѣ: *какъ говорить?* на первый планъ выступаетъ ужъ дѣйствительное искусство рѣчи. Пишущему эти строки приходилось, читая лекціи уголовнаго судопроизводства въ училищѣ Правовѣдѣнія и въ Александровскомъ лицеѣ, выслушивать не разъ просьбу своихъ слушателей разъяснить имъ, что нужно, чтобы хорошо говорить на судѣ. Онъ всегда давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Надо знать хорошо предметъ, о которомъ говоришь, изучивъ его во всѣхъ подробностяхъ,—надо знать родной языкъ, съ его богатствомъ, гибкостью и своеобразностью, такъ чтобы не искать словъ и оборотовъ для выраженія своей мысли—и, наконецъ, надо быть искреннимъ. Человѣкъ лжетъ обыкновенно троякимъ образомъ: говоритъ не то, что думаетъ, думаетъ не то, что чувствуетъ, т.-е. обманываетъ не только другихъ, но и самого себя,—и, наконецъ, лжетъ такъ сказать въ квадратѣ, говоря не то, что думаетъ, и думая не то, что чувствуетъ. Всѣ эти виды лжи могутъ находить себѣ мѣсто въ судебной рѣчи, внутренно искажая ее и ослабляя ея силу, ибо неискренность чувствуется уже тогда, когда не стала еще осязательной.—По поводу требованія знанія языка приходилось слышать мнѣніе, раздѣляемое многими, что это дѣло таланта: можно знать языкъ и не умѣть владѣть имъ. Но это невѣрно. Подъ знаніемъ языка надо разумѣть не богатство Гарпагона или Скупого рыцаря, объятое „сномъ силы и покоя" на днѣ запертыхъ сундуковъ, а свободно и широко тратимыя, обильныя и даже неисчерпаемыя средства. „Когда мы прониклись идеею, когда умъ хорошо овладѣлъ своею мыслью,—говоритъ Вольтеръ,—то она выходитъ изъ головы вполнѣ вооруженною подходящими выраженіями, облеченными въ подходящія слова, какъ Минерва, вышедшая вся вооруженная изъ головы Юпитера". Въ запискахъ братьевъ Гонкуръ приводятся знаменательныя слова Теофиля Готье: „я бросаю мои фразы на воздухъ, какъ кошекъ, и увѣренъ, что онѣ упадутъ на ноги... Это очень просто, если знать законы своего языка". Замѣчательно, что Бисмаркъ, въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, характеризуя краснорѣчіе, какъ опасный даръ, имѣющій, подобно музыкѣ, увлекаю-

щую силу, находилъ, что въ каждомъ ораторѣ, который хочетъ дѣйствовать на своихъ слушателей, долженъ заключаться поэтъ и, если онъ властелинъ надъ своимъ языкомъ и мыслями, онъ овладѣваетъ силою дѣйствовать на тѣхъ, кто его слушаетъ. Языку рѣчи посвящены двѣ главы въ трудѣ П. С. Пороховщикова, со множествомъ вѣрныхъ мыслей и примѣровъ. Русскій языкъ и въ печати, и въ устной рѣчи подвергается въ послѣдніе годы какой-то ожесточенной порчѣ. Трогательный завѣтъ Тургенева о бережливомъ отношеніи къ родному языку забывается до очевидности; въ языкъ вносятся новыя слова, противорѣчащія его духу, оскорбляющія слухъ и вкусъ и притомъ, по большей части, вовсе не нужныя, ибо въ сокровищницѣ нашего языка уже есть слова для выраженія того, чему дерзостно думаютъ служить эти новшества. Рядомъ съ этимъ протискиваются въ нашъ языкъ иностранныя слова взамѣнъ русскихъ—и, наконецъ, употребляются такія соединенія словъ, которыя, по образному выраженію Гонкура, „hurlent de se trouver ensemble". Авторъ приводитъ рядъ словъ и оборотовъ, вошедшихъ въ послѣднее время въ практику судоговоренія безъ всякаго основанія и оправданія и совершенно уничтожающихъ чистоту слога. Таковы, напримѣръ, слова—фиктивный (мнимый), инспирировать (внушать), доминирующій, симуляція, травма, прекарность, базировать, варьировать, таксировать (вмѣсто наказывать), коррективъ, дефектъ, анкета, деталь, досье (производство), адэкватно, аннулировать, ингредіентъ, инсценировать и т. д. Конечно, есть иностранныя выраженія, которыхъ нельзя съ точностью перевести по-русски. Таковы приводимыя авторомъ — абсентеизмъ, лояльность, скомпрометировать; но у насъ употребляются термины, смыслъ которыхъ легко передаваемъ на русскій языкъ. Въ моей судебной практикѣ я старался замѣнить слово *alibi*, совершенно непонятное огромному большинству присяжныхъ, словомъ *инобытность*, вполнѣ соотвѣтствующимъ понятію *alibi*,—и названіе заключительнаго слова предсѣдателя къ присяжнымъ — *резюме* названіемъ *руководящее напутствіе*, характеризующимъ цѣль и содержаніе рѣчи предсѣдателя. Эта замѣна французскаго слова resumé, какъ мнѣ казалось, встрѣчена была многими сочувственно. Вообще привычка нѣкоторыхъ изъ нашихъ ораторовъ избѣгать существующее русское выраженіе и замѣнять его иностраннымъ или новымъ обличаетъ малую вдумчивость въ то, *какъ* слѣдуетъ говорить. Новое слово въ сложившемся уже языкѣ только тогда извинительно, когда оно безусловно необходимо, понятно и звучно. Иначе мы рискуемъ вернуться къ отвратительнымъ искаженіямъ русскаго

оффиціальнаго языка послѣ Петра Великаго и почти до царствованія Екатерины, совершаемымъ, притомъ, употребляя тогдашнія выраженія „безъ всякаго резону по бизаріи своего гумору".

Но не одна чистота слога страдаетъ въ нашихъ судебныхъ рѣчахъ: страдаетъ и точность слога, замѣняемая излишкомъ словъ для выраженія иногда простого и яснаго понятія, при чемъ слова эти нанизываются одно за другимъ ради пущаго эффекта Въ одной не слишкомъ длинной обвинительной рѣчи о крайне-сомнительномъ истязаніи пріемыша-дѣвочки женщиной, взявшей ее на воспитаніе, судьи и присяжные слышали, по словамъ автора, такіе отрывки: „Показанія свидѣтелей въ главномъ, въ существенномъ, въ основномъ совпадаютъ;—развернутая передъ вами картина во всей своей силѣ, во всемъ объемѣ, во всей полнотѣ изображаетъ такое обращеніе съ ребенкомъ, которое нельзя не признать издѣвательствомъ во всѣхъ формахъ, во всѣхъ смыслахъ, во всѣхъ отношеніяхъ; — то, что вы слыхали, это ужасно, это трагично, это превосходитъ всякіе предѣлы, это содрагаетъ всѣ нервы, это поднимаетъ волосы дыбомъ". Я помню одного не безызвѣстнаго адвоката въ Петербургѣ, который обыкновенно въ заключеніе горячей рѣчи, проникнутой „недостовѣрнымъ" чувствомъ, вплеталъ рядъ прилагательныхъ, шедшихъ при томъ въ уменьшающемся по силѣ порядкѣ. „Положеніе подсудимаго,—восклицалъ онъ бывало,—было адское, оно было въ высшей степени трагическое, чрезвычайно драматическое, очень печальное и—во всякомъ случаѣ—неудобное!.." *Неточностью* слога страдаютъ рѣчи большинства судебныхъ ораторовъ. У насъ постоянно говорятъ „*внутреннее* убѣжденіе", „*внѣшняя* форма" и даже—horribile dictu—„для проформы". При привычной небрежности рѣчи нечего и ждать правильнаго расположенія словъ, а между тѣмъ это было бы невозможно, еслибы оцѣнивался вѣсъ каждаго слова въ взаимоотношеніи съ другими. Недавно въ газетахъ было напечатано объявленіе: „актеры-собаки" вмѣсто „собаки-актеры". Стоитъ переставить слова въ народномъ выраженіи „кровь съ молокомъ" и сказать „молоко съ кровью", чтобы увидѣть значеніе отдѣльнаго слова, поставленнаго на свое мѣсто. Къ дальнѣйшимъ недостаткамъ судебной рѣчи, авторъ относитъ „*сорныя мысли*", т.-е. общія мѣста, избитые (и не всегда вѣрно приводимые) афоризмы, разсужденія о пустякахъ и вообще всякую неидущую къ дѣлу „отсебятину", какъ называли въ журнальномъ мірѣ заполненіе пустыхъ мѣстъ въ книгѣ или газетѣ. Онъ указываетъ, затѣмъ, на необходимость *пристойности.* „По свойственному каждому изъ насъ чувству изящнаго,—пишетъ онъ,—мы

бываемъ очень впечатлительны къ различію приличнаго и неумѣстнаго въ чужихъ словахъ; было бы хорошо, еслибы мы развивали эту воспріимчивость и по отношенію къ самимъ себѣ". Но этого, къ великому сожалѣнію тѣхъ, которые помнятъ лучшіе нравы въ судебномъ вѣдомствѣ, нѣтъ. Современные молодые ораторы, по свидѣтельству автора, безъ стѣсненія говорятъ о свидѣтельницахъ: содержанка, любовница, проститутка, забывая, что произнесеніе этихъ словъ составляетъ уголовный проступокъ и что свобода судебной рѣчи не есть право безнаказаннаго оскорбленія женщины. Въ прежнее время этого не было. „Вы знаете,—говоритъ обвинитель въ приводимомъ авторомъ примѣрѣ, — что между Янсеномъ и Акаръ существовала большая дружба, старинная пріязнь, переходящая въ родственныя отношенія, которая допускаетъ возможность обѣдать и завтракать у нея, завѣдывать ея кассою, вести разсчеты, почти жить у нея". Мысль понятна, — прибавляетъ авторъ,—и безъ оскорбительныхъ грубыхъ словъ.

Къ главѣ о „цвѣтахъ краснорѣчія", какъ нѣсколько иронически называетъ авторъ изящество и блескъ рѣчи,—этотъ „курсивъ въ печати, красныя чернила въ рукописи"—мы встрѣчаемъ подробный разборъ риторическихъ оборотовъ, свойственныхъ судебной рѣчи, и въ особенности образовъ, метафоръ, сравненій, противопоставленій и т. д. Особое вниманіе удѣляется образамъ, и вполнѣ основательно. Человѣкъ рѣдко мыслитъ логическими посылками. Всякое живое мышленіе, обращенное не на отвлеченные предметы, опредѣляемые съ математическою точностью— какъ, напримѣръ, время или пространство—непремѣнно рисуетъ себѣ образы, отъ которыхъ отправляется мысль и воображеніе или къ которымъ онѣ стремятся. Они властно вторгаются въ отдѣльныя звенья цѣлой цѣпи размышленій, вліяютъ на выводъ, подсказываютъ рѣшимость и вызываютъ нерѣдко въ направленіи воли то явленіе, которое въ компасѣ называется девіацией. Жизнь постоянно показываетъ, какъ послѣдовательность ума уничтожается или видоизмѣняется подъ вліяніемъ голоса сердца. Но что же такое этотъ голосъ, какъ не результатъ испуга, умиленія, негодованія или восторга предъ тѣмъ или другимъ образомъ? Вотъ почему искусство рѣчи на судѣ заключаетъ въ себѣ умѣнье мыслить, а слѣдовательно и говорить, образами. Разбирая всѣ другіе риторическіе обороты и указывая, какъ небрегутъ нѣкоторыми изъ нихъ наши ораторы, авторъ чрезвычайно искусно цитируетъ вступленіе въ рѣчь знаменитаго Chaix-d'Est-Ange по громкому дѣлу Ла-Ронсіера, обвинявшагося въ покушеніи на

цѣломудріе дѣвушки, отмѣчая въ отдѣльной графѣ, рядомъ съ текстомъ, постепенное употребленіе защитникомъ самыхъ разнообразныхъ оборотовъ рѣчи.

Хотя, собственно говоря, веденіе судебнаго слѣдствія не имѣетъ прямого отношенія къ искусству рѣчи на судѣ, но въ книгѣ ему посвящена цѣлая, очень интересная глава, очевидно въ томъ соображеніи, что на судебномъ слѣдствіи и особливо на перекрестномъ допросѣ продолжается судебное *состязаніе*, въ которое рѣчи входятъ лишь, какъ заключительные аккорды. Въ этомъ состязаніи, конечно, главную роль играетъ допросъ свидѣтелей, ибо пренія сторонъ по отдѣльнымъ процессуальнымъ дѣйствіямъ сравнительно рѣдки и имѣютъ строго дѣловой, заключенный въ узкія и формальныя рамки характеръ. Наша литература представляетъ очень мало трудовъ, посвященныхъ допросу свидѣтелей. Особенно слабо разработана психологія свидѣтельскихъ показаній и тѣ условія, которыя вліяютъ на достовѣрность, характеръ, объемъ и форму этихъ показаній. Я пытался, по мѣрѣ силъ, пополнить этотъ пробѣлъ въ введеніи въ четвертое изданіе моихъ „Судебныхъ рѣчей“, въ статьѣ: „Свидѣтели на судѣ“, и горячо привѣтствую тѣ 36 страницъ, которыя П. С. Пороховщиковъ посвящаетъ допросу свидѣтелей, давая рядъ животрепещущихъ бытовыхъ картинъ, изображая недомысліе допрашивающихъ и снабжая судебныхъ дѣятелей опытными совѣтами, изложенными съ яркой доказательностью.

Объемъ настоящей статьи не позволяетъ коснуться многихъ частей книги, но нельзя не указать на одно оригинальное ея мѣсто. „Есть вѣчные, неразрѣшимые вопросы о правѣ суда и наказанія вообще, — говоритъ авторъ, — и есть такіе, которые создаются столкновеніемъ существующаго порядка судопроизводства съ умственными и нравственными требованіями даннаго общества въ опредѣленную эпоху. Вотъ нѣсколько вопросовъ того и другого рода, остающихся нерѣшенными и донынѣ, и съ которыми приходится считаться: въ чемъ заключается цѣль наказанія? — можно ли оправдать подсудимаго, когда срокъ его предварительнаго заключенія больше срока угрожающаго ему наказанія? — можно ли оправдать подсудимаго по соображенію: на его мѣстѣ я поступилъ бы такъ же, какъ онъ? — можетъ ли безупречное прошлое подсудимаго служить основаніемъ къ оправданію? — можно ли ставить ему въ вину безнравственныя средства защиты? — можно ли оправдать подсудимаго потому, что его семьѣ грозитъ нищета, если онъ будетъ осужденъ? — можно ли осудить человѣка, убившаго другого чтобы избавиться отъ фи-

зическихъ или нравственныхъ истязаній со стороны убитаго? — можно ли оправдать второстепеннаго соучастника на томъ основаніи, что главный виновникъ остался безнаказаннымъ вслѣдствіе небрежности или недобросовѣстности должностныхъ лицъ? — заслуживаетъ ли присяжное показаніе большаго довѣрія, чѣмъ показаніе безъ присяги?—какое значеніе могутъ имѣть для даннаго процесса жестокія судебныя ошибки прошлыхъ временъ и другихъ народовъ?—имѣютъ ли присяжные засѣдатели нравственное право считаться съ первымъ приговоромъ по кассированному дѣлу, если на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что приговоръ былъ отмѣненъ неправильно, напр., подъ предлогомъ нарушенія, многократно признаннаго Сенатомъ за несущественное? — имѣютъ ли присяжные нравственное право на оправдательное рѣшеніе вслѣдствіе пристрастнаго отношенія предсѣдательствующаго къ подсудимому? и т. п. По мѣрѣ силъ и нравственнаго разумѣнія судебный ораторъ долженъ основательно продумать эти вопросы не только какъ законникъ, но и какъ просвѣщенный сынъ своего времени. — Указаніе на эти вопросы во всей ихъ совокупности встрѣчается въ нашей юридической литературѣ впервые съ такою полнотою и прямодушіемъ. Несомнѣнно, что предъ юристомъ-практикомъ они возникаютъ нерѣдко — и необходимо, чтобы неизбѣжность того или другого ихъ рѣшенія не заставала его врасплохъ. Рѣшеніе это не можетъ основываться на безстрастной буквѣ закона; въ немъ должны найти себѣ мѣсто и соображенія уголовной политики, и повелительный голосъ судебной этики, этотъ non scripta, sed nata lex. Выставляя эти вопросы, авторъ усложняетъ задачу оратора, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагораживаетъ ее.

Обращаясь къ нѣкоторымъ спеціальнымъ совѣтамъ, даваемымъ авторомъ адвокатамъ и прокурорамъ, приходится прежде всего замѣтить, что, говоря объ искусствѣ рѣчи на судѣ, онъ напрасно ограничивается рѣчами сторонъ. Руководящее напутствіе предсѣдателя присяжнымъ относится тоже къ области судебной рѣчи и умѣлое его изложеніе всегда имѣетъ важное, а иногда рѣшающее значеніе. Уже самыя требованія закона—возстановить истинныя обстоятельства дѣла и не высказать при этомъ личнаго мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимаго—должны заставлять предсѣдателя относиться съ особымъ вниманіемъ и вдумчивостью не только къ содержанію, но и къ формѣ своего напутствія. Возстановленіе нарушенной или извращенной въ рѣчахъ сторонъ перспективы дѣла требуетъ не одного усиленнаго вниманія и обостренной памяти, но и обдуманной постройки рѣчи и особой

точности и ясности выраженій. Необходимость же преподать присяжнымъ общія основанія для сужденія о силѣ доказательствъ, не выражая при томъ своего взгляда на отвѣтственность обвиняемаго, налагаетъ обязанность крайне осторожнаго обращенія со словомъ въ исполненіи этой скользкой задачи. Здѣсь вполнѣ умѣстны слова Пушкина: „блаженъ, кто словомъ твердо правитъ — и держитъ мысль на привязи свою"... Руководящее напутствіе должно быть свободно отъ паѳоса, въ немъ не могутъ находить себѣ мѣста многіе изъ риторическихъ пріемовъ, умѣстныхъ въ рѣчахъ сторонъ; но если образы замѣняютъ въ немъ сухое и скупое слово закона, то оно соотвѣтствуетъ своему назначенію. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что огромное большинство подсудимыхъ во время уѣздныхъ сессій не имѣетъ защитниковъ или получаетъ подчасъ такихъ, назначенныхъ отъ суда изъ начинающихъ кандидатовъ на судебныя должности, про которыхъ обвиняемый можетъ сказать: „избави насъ Богъ отъ друзей!" Въ этихъ случаяхъ предсѣдатель нравственно обязанъ изложить въ сжатыхъ, но живыхъ выраженіяхъ то, что можно сказать въ защиту подсудимаго, просящаго очень часто, въ отвѣтъ на рѣчь обвинителя, „судить по божески" или безпомощно разводящаго руками. Несмотря на то, что черезъ три года исполняется пятидесятилѣтіе со времени изданія Судебныхъ Уставовъ—основы и пріемы руководящаго напутствія мало разработаны теоретически и совсѣмъ не разработаны практически, да и въ печати до послѣдняго времени можно было найти лишь три моихъ напутствія въ книгѣ „Судебныя рѣчи", да въ старомъ „Судебномъ Вѣстникѣ" рѣчь Дейера по извѣстному дѣлу Нечаева и первые предсѣдательскіе опыты первыхъ дней судебной реформы, этотъ „Фрейшицъ, разыгранный перстами робкихъ учениць". Поэтому нельзя не пожалѣть, что авторъ „Искусства рѣчи на судѣ" не подвергъ своей тонкой критической оцѣнкѣ рѣчи предсѣдателя и своей разработкѣ—„основоположенія" послѣдней.

Нельзя не присоединиться вполнѣ къ ряду практическихъ совѣтовъ прокурору и защитнику, которыми авторъ заключаетъ свою книгу, облекая ихъ въ остроумную форму съ житейскимъ содержаніемъ, почерпнутымъ изъ многолѣтняго судебнаго опыта,—но трудно согласиться съ его безусловнымъ требованіемъ письменнаго изложенія предстоящей на судѣ рѣчи. „Знайте, читатель,—говоритъ онъ,—что не исписавъ нѣсколькихъ саженъ или аршинъ бумаги, вы не скажете сильной рѣчи по сложному дѣлу. Если только вы не геній, примите это за аксіому и готовьтесь

съ перомъ въ рукѣ. Вамъ предстоитъ не публичная лекція, не поэтическая импровизація, какъ въ „Египетскихъ ночахъ“. Вы идете въ бой“. Поэтому, по мнѣнію автора, во всякомъ случаѣ рѣчь должна быть написана въ видѣ подробнаго логическаго разсужденія; каждая отдѣльная часть ея должна быть изложена въ видѣ самостоятельнаго цѣлаго и эти части затѣмъ соединены между собою въ общее *неуязвимое* цѣлое.—Совѣтъ писать рѣчи, хотя и не всегда въ такой категорической формѣ, даютъ классическіе и нѣкоторые западные авторы (Цицеронъ, Боннье, Ортлофъ и др.), — даетъ его, какъ мы видѣли, Миттермайеръ, а изъ нашихъ ораторовъ-практиковъ—Андреевскій. И все-таки съ ними согласиться нельзя. Между импровизаціей, которую нашъ авторъ противополагаетъ писаной рѣчи, — и устною, свободно слагающеюся въ самомъ засѣданіи, рѣчью есть большая разница. Тамъ все неизвѣстно, неожиданно и ничѣмъ не обусловлено, — здѣсь есть готовый матеріалъ и время для его обдумыванія и распредѣленія. Роковой вопросъ: „Г. прокуроръ! ваше слово“, — застающій, по мнѣнію автора, врасплохъ человѣка, не высидѣвшаго предварительно свою рѣчь на письмѣ, обращается вѣдь не къ случайному посѣтителю, разбуженному отъ дремоты, а къ человѣку, по большей части писавшему обвинительный актъ и наблюдавшему за предварительнымъ слѣдствіемъ и, во всякомъ случаѣ, просидѣвшему все судебное слѣдствіе. Ничего неожиданнаго для него въ этомъ вопросѣ нѣтъ и „хвататься наскоро за все, что попадетъ подъ руку“, нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ „заслуживающихъ уваженія оправданій подсудимаго“, т.-е. въ случаѣ разрушенія уликъ и доказательствъ, подавшихъ поводъ для преданія суду, прокуроръ имѣетъ право и даже нравственно обязанъ отказаться отъ поддержки обвиненія. Заранѣе составленная рѣчь неизбѣжно должна стѣснять оратора, гипнотизировать его. У всякаго оратора, пишущаго свои рѣчи, является ревниво-любовное отношеніе къ своему труду и боязнь утратить изъ него то, что достигнуто иногда усидчивой работой. Отсюда нежеланіе пройти молчаніемъ какую-либо часть или мѣсто своей заготовленной рѣчи; скажу болѣе—отсюда стремленіе оставить безъ вниманія тѣ выяснившіяся въ теченіе судебнаго слѣдствія обстоятельства, которыя трудно или невозможно подогнать къ рѣчи или втиснуть въ мѣста ея, казавшіяся такими красивыми или убѣдительными въ чтеніи *передъ* засѣданіемъ. Эта связанность оратора своею предшествующей работой должна особенно увеличиваться, если слѣдовать совѣту автора, которымъ онъ—и при томъ не шутливо—заключаетъ свою книгу: „Прежде,

чѣмъ говорить на судѣ, скажите вашу рѣчь во вполнѣ законченномъ видѣ передъ „потѣшными“ присяжными. Нѣтъ нужды, чтобы ихъ было непремѣнно двѣнадцать; довольно трехъ, даже двухъ, не важенъ выборъ: посадите передъ собою вашу матушку, брата-гимназистика, няню или кухарку, деньщика или дворника“. Мнѣ, въ моей долгой судебной практикѣ, приходилось слышать ораторовъ, которые поступали по этому рецепту. Подогрѣтое блюдо, подаваемое ими суду, бывало неудачно и безвкусно; ихъ паѳосъ звучалъ дѣланностью, и напускное оживленіе давало осязательно чувствовать, что передъ слушателями произносится, какъ затверженный урокъ то, что французы называютъ „une improvisation soigneusement préparée“. Судебная рѣчь—не публичная лекція, говоритъ авторъ. Да! не лекція, но потому-то именно ее и не слѣдуетъ писать впередъ. Факты, выводы, примѣры, картины и т. д., приводимые въ лекціи, не могутъ измѣниться въ самой аудиторіи: это вполнѣ готовый, сложившійся матеріалъ, и наканунѣ, и передъ самымъ началомъ, и послѣ лекціи онъ остается неизмѣннымъ, и потому здѣсь еще можно говорить если не о написанной лекціи, то во всякомъ случаѣ о подробномъ ея конспектѣ. Да и на лекціи не только форма, но и нѣкоторые образы, эпитеты, сравненія непредвидѣнно создаются у лектора подъ вліяніемъ его настроенія, вызываемаго составомъ слушателей, или неожиданнымъ извѣстіемъ, или, наконецъ, присутствіемъ нѣкоторыхъ лицъ... Нужно ли говорить о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣваетъ первоначально сложившееся обвиненіе и самая сущность дѣла во время судебнаго слѣдствія? Допрошенные свидѣтели забываютъ зачастую то, о чемъ показывали у слѣдователя, или совершенно измѣняютъ свои показанія подъ вліяніемъ принятой присяги; ихъ показанія, выходя изъ горнила перекрестнаго допроса, иногда длящагося нѣсколько часовъ, совершенно другими, пріобрѣтаютъ рѣзкіе оттѣнки, о которыхъ прежде и помину не было;—новые свидѣтели, впервые являющіеся въ судъ, приносятъ новую окраску „обстоятельствамъ дѣла“ и даютъ данныя, совершенно измѣняющія картину событія, его обстановки, его послѣдствій. Кромѣ того, прокуроръ, не присутствовавшій на предварительномъ слѣдствіи, видитъ подсудимаго иногда впервые—и предъ нимъ предстаетъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго онъ рисовалъ себѣ, готовясь къ обвиненію или, по совѣту автора, занимаясь писаніемъ обвинительной рѣчи. Самъ авторъ говоритъ по поводу живого сотрудничества оратору другихъ участниковъ процесса, что ни одно большое дѣло не обходится безъ такъ называемыхъ incidents d'audience.

Отношеніе къ нимъ или къ предшествующимъ событіямъ со стороны свидѣтелей, экспертовъ, подсудимаго и противника оратора можетъ-быть совсѣмъ неожиданнымъ. „Въ губернскомъ городѣ судился учитель пѣнія за покушеніе на убійство жены,—разсказываетъ авторъ.—Это былъ мелкій деспотъ, жестоко издѣвавшійся надъ любящей, трудящейся, безупречной супругой и матерью; насколько жалкимъ представлялся онъ въ своемъ себялюбіи и самомнѣніи, настолько привлекательна была она своей простотой, искренностью. Мужъ стрѣлялъ въ нее сзади, сдѣлалъ четыре выстрѣла и всадилъ ей одну пулю въ спину, другую въ животъ. Обвинитель заранѣе разсчитывалъ на то негодованіе, которое разсказъ этой мученицы произведетъ на присяжныхъ. Когда ее вызвали къ допросу и спросили, что она можетъ показать, она сказала: я виновата передъ мужемъ, мужъ виноватъ передо мной,—я его простила и ничего показывать не желаю. *Я виновата—и я простила!* Обвинитель ожидалъ другого, ничего подобнаго онъ не предполагалъ, но надо сказать, что, сколько бы онъ ни думалъ, какъ бы ни искалъ онъ сильныхъ и новыхъ эффектовъ,—такого эффекта онъ никогда бы не нашелъ“. Еще большія измѣненія можетъ вносить экспертиза. Вновь вызванные свѣдующіе люди могутъ иногда дать такое объясненіе судебно-медицинской сторонѣ дѣла, внести такое неожиданное освѣщеніе смысла тѣхъ или другихъ явленій или признаковъ, что изъ-подъ заготовленной заранѣе рѣчи будутъ вынуты всѣ сваи, на которыхъ держалась постройка. Каждый старый судебный дѣятель, конечно, многократно бывалъ свидѣтелемъ такой „перемѣны декорацій“. Если бы дѣйствительно существовала необходимость въ предварительномъ письменномъ изложеніи рѣчи, то возраженія обыкновенно бывали бы безцвѣтны и кратки. Между тѣмъ въ судебной практикѣ встрѣчаются возраженія, которыя сильнѣе, ярче, дѣйствительнѣе первыхъ рѣчей. Я зналъ судебныхъ ораторовъ, отличавшихся особой силой именно своихъ возраженій, и даже просившихъ предсѣдателей не дѣлать предъ таковыми перерыва засѣданія, чтобы сразу, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, отвѣчать противникамъ. Несомнѣнно, что судебный ораторъ не долженъ являться въ судъ съ пустыми руками. Изученіе дѣла во всѣхъ подробностяхъ, размышленіе надъ нѣкоторыми возникающими въ немъ вопросами, характерныя выраженія, попадающіяся въ показаніяхъ и письменныхъ вещественныхъ доказательствахъ, числовыя данныя, спеціальныя названія и т. п. должны оставить свой слѣдъ не только въ памяти оратора, но и въ его письменныхъ замѣткахъ. Вполнѣ естественно, если онъ,

по сложнымъ дѣламъ, набросаетъ себѣ планъ рѣчи или ея схему (такъ дѣлывалъ князь А. И. Урусовъ, располагавшій, на особыхъ таблицахъ, улики и доказательства концентрическими кругами), своего рода vade mecum въ лѣсу разнородныхъ обстоятельствъ дѣла. Но отъ этого еще далеко до изготовленія рѣчи „въ окончательной формѣ". Поэтому я, никогда не писавшій своихъ рѣчей предварительно, позволяю себѣ, въ качествѣ стараго судебнаго дѣятеля, сказать молодымъ дѣятелямъ, вопреки автору „Искусства рѣчи на судѣ": не пишите рѣчей заранѣе, не тратьте даромъ времени, не полагайтесь на помощь этихъ, сочиненныхъ въ тиши кабинета строкъ, медленно ложившихся на бумагу, а изучайте внимательно матеріалъ, запоминайте его, вдумывайтесь въ него—и затѣмъ слѣдуйте совѣту Фауста: „говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сами собою!"

Къ этому я прибавилъ бы еще одно: читайте со вниманіемъ книгу П. С. Пороховщикова: съ ея, написанныхъ прекраснымъ, живымъ и яркимъ слогомъ, поучительныхъ страницъ вѣетъ настоящею любовью къ судебному дѣлу, обращающею его въ призваніе, а не въ ремесло...

А. Ѳ. Кони.

ТЮРЕМНЫЯ МЫСЛИ

Любите ненавидящихъ васъ,
Благословляйте проклинающихъ васъ.

Я писалъ эти строки въ тюремномъ заключеніи, кровью моего сердца, отравленной желчью моей больной печени. Когда одиночка душила за горло гранитными клещами и сверху стучала машина, какъ будто въ мозгу. И сводъ опускался каждую ночь на грудь и давилъ меня, будто инкубъ. Холодными слезами старости я разводилъ тюремныя чернила, и писалъ и безумствовалъ, и корчился отъ боли, и вылъ, какъ собака на цѣпи.

Среди проявленій физической силы, замковъ и штыковъ, обысковъ, рѣшетокъ, грубыхъ окриковъ, цѣпей, я хотѣлъ бы сказать одно: „Не надо насилія... Пусть у *нихъ* будетъ насиліе, *намъ* не надо насилія. Наше оружіе—слово, наша сила—страданіе, дѣйствіе наше есть убѣжденіе".

Нѣтъ за нами физической силы, или она слаба и хрупка, и негодна для битвы, и при встрѣчѣ ударовъ наши мечи разлетаются, словно стеклянные... Наше оружіе—слово, упругое, крѣпкое, сильнѣе меча.

Lasciate ogni speranza.

Спереди сторожъ, сзади другой. Хоть и не хочется, надо идти.

Повели меня, раба Божія, словно на бойню—быка. Еще хорошо, что хоть не на веревкѣ. Привели, обыскали, обобрали и деньги, и часы, и кольцо, и бумажникъ, пихнули въ каменный ящикъ. Щелкнулъ замокъ. Сиди, дожидайся, пока не откроютъ опять.

Скверная штука сидѣть подъ запоромъ на старости лѣтъ. Или повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сложить...

Не отмолишься, не отбояришься. Сиди, терпи...

Терпи, казакъ,—атаманомъ не будешь.

Фабрика страданій.

Истратить милліонъ рублей и построить четыре корпуса въ пять этажей со всѣми ухищреніями науки и техники—и все время думать и заботиться о томъ, чтобы вышло *похуже, понеудобнѣе* для заключенныхъ.

Былъ конкурсъ съ призомъ за лучшій проектъ. Юноши, студенты строительныхъ курсовъ, сочиняли и чертили со вдохновеніемъ въ душѣ, и строилъ ученый архитекторъ, почтенный и солидный, и должно быть, прогрессивный. И вышла тюрьма образцовая...

Тюрьма образцовая. Какая насмѣшка, какое кощунство въ словахъ...

Пять этажей, въ каждомъ по четыре галлереи крестомъ. Въ каждой галлереѣ по шестьдесятъ номеровъ. Разсчитано на тысячу клѣтокъ. Окна, окна, словно большая кирпичная фабрика. Оптовая фабрика жестокости, и злости, и безсмысленнаго горя. Чисто снаружи и наведено лакомъ, не хуже, чѣмъ у нѣмцевъ. А внутри грязно. Асфальтовый полъ на пятомъ этажѣ, чтобы ногамъ было холоднѣе. И окошко вверху. Почему не посрединѣ, какъ строится искони даже въ скверной курной избушкѣ? Кому мѣшаетъ, если заключенный посмотритъ изъ окна и увидитъ дерево, или, не дай Богъ, рѣку?.. Нѣтъ, нельзя подходить и выглядывать, не то часовой застрѣлитъ. Лучше бы досками забили, замуровали кирпичемъ... Въ углу камеры вонючая параша. На тысячу камеръ тысячу грязныхъ парашъ. Это называется *выносная система.* Какъ будто назойливый символъ: тюрьма, вонь и отбросы. У каждаго отдѣльная параша. Вродѣ отрубного участка. А все вмѣстѣ называется *система.*

Тринадцать футовъ въ длину и восемь въ ширину. Желѣзная койка, лампочка, крюкъ въ потолкѣ,—быть-можетъ, угодно повѣситься? А потолокъ сводомъ. Тысяча каменныхъ мѣшковъ подъ общею кровлей—единственный фаланстеръ, до сихъ поръ осуществленный на землѣ.

Фабрика отсидки... Исчезли мелкія кустарныя тюрьмы, Иродовы ямы, куда спускали людей на веревкахъ, ногами прямо въ страшную желтую грязь. „И погрузился Іеремія въ грязь". Если

кто умиралъ, тѣло оставалось гнить въ ямѣ. Теперь выносятъ и хоронятъ.

Оптомъ сажаютъ и оптомъ хоронятъ, разводятъ тифъ и холеру, невѣжество и ненависть. Прежде все это само выростало, какъ бѣлена подъ заборомъ. Теперь это выращиваютъ, какъ особую культуру по правиламъ науки, подъ бдительнымъ надзоромъ техническаго комитета.

Пять этажей, въ каждомъ по четыре галлереи. Ярусъ надъ ярусомъ, тысяча мѣстъ. Римляне строили такіе театры изъ камня. Эта тюрьма—нашъ современный Колизей. Но зрителей нѣтъ. Вмѣсто зрителей—арестанты; зрителемъ только Богъ и сокрушающее время.

Нумерованныя вши.

Ползаютъ нехотя и вяло, ходятъ развинченнымъ шагомъ. Сѣрые волосы, сѣрая кожа, въ щекахъ ни кровинки. Сѣрое сукно, ни яркаго пятнышка, ни цвѣтного платочка, ни смѣлаго взгляда. Только на перехватѣ руки мѣдный номеръ, большой и грубый, какъ будто съ пролетки снятъ:—42... 228... 439. Это—нумерованныя вши.

Огромный кирпичный улей. Окошки, рѣшетки, ячейки. И въ каждой ячейкѣ по нумерованной личинкѣ. Господи, да неужто это люди? Были-то люди, а сдѣлались тюремныя гниды. Стертыя лица, стертыя души. Хуже собакъ, отверженнѣе паріевъ.

Страшно за политическихъ, но во сто кратъ страшнѣе за уголовныхъ. На что имъ опереться? Нѣтъ у нихъ ни мечты, ни идеи. Они не страдаютъ за убѣжденія. И никто имъ не пишетъ сочувственныхъ писемъ и не посылаетъ заочныхъ привѣтствій, какъ мнѣ посылаютъ...

Съ нами церемонятся мало, а съ ними, о Боже... „Мать, мать, мать“ такъ и виситъ и носится въ воздухѣ. „Сволочь паршивая, въ карцеръ!!!“ Въ тюремной больницѣ я видѣлъ одного несчастливца. Онъ пробовалъ повѣситься въ карцерѣ. Его сняли съ петли и оставили тамъ же. Онъ сталъ бить стекла и весь окровянился; тогда надѣли на него смирительную рубаху и пересадили его въ больничный изоляторъ. Я видѣлъ его дня черезъ три послѣ карцера. Онъ весь былъ въ кровавыхъ подтекахъ и темныхъ полосахъ, какъ зебра. Ему оставалась только недѣля до воли. Восемь мѣсяцевъ онъ сидѣлъ и терпѣлъ, а послѣдней недѣли не могъ дотерпѣть...

Положимъ, что ему воля? Выйдетъ голый и босый, изъ одной ямы попадетъ въ другую, изъ карцера въ ночлежку, или въ навозную пещеру на „Горячее Поле“. Каждый арестантъ обхо-

дится казнѣ до шести рублей въ мѣсяцъ только на пищу. А считая помѣщеніе и стражу, судебныя издержки, Палату, прокурора и Сенатъ, больницу, тюремную церковь, и карцеръ, и гробъ,—по общему подсчету до двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Было бы проще и легче дать ему эти деньги въ видѣ стипендіи и послать его учиться въ университетъ...

Привыкли, ничего... Сидятъ подъ замкомъ и живутъ, и даже копошатся. Таскаютъ парашу съ отстойною жижей и бакъ съ похлебкой. Клеятъ папиросныя коробки и за десять часовъ работы получаютъ шесть копѣекъ мѣдными деньгами. Даже мастерятъ изъ жести—ножи, бритвы—изъ коробки сардинокъ, изъ камней—молотки, изъ всякихъ обрѣзковъ—кошельки и портсигары. Я видѣлъ груду этихъ издѣлій, отобранныхъ при обыскахъ,—точь въ точь работа дикарей изъ каменнаго вѣка. Словно эти несчастныя твари спустились назадъ по лѣстницѣ культуры до самаго низу.

Только замки и рѣшетки, солдатскія ружья и револьверы системы Ногана—это и здѣсь продукты новѣйшей культуры. Но арестантъ и его сторожъ, оба прикованы къ одной и той же двери, хоть и съ разныхъ сторонъ, и оба стоятъ другъ друга. Дикіе люди XX-го вѣка...

Колесо.

Четверо въ черномъ—насъ политическихъ. Мы, какъ четыре шипа, разставлены накрестъ по круглому ободу, и уголовные въ сѣромъ межъ нами, какъ сѣрыя спицы. Ходимъ кругомъ колеса, топчемъ, гранимъ пустое ненужное мѣсто, мелемъ, какъ жерновъ на чертовой мельницѣ, скуку толчемъ, тяжелую, вязкую скуку... Это зовется прогулка.

Сбоку мельникъ стоитъ въ мундирѣ, съ острой указкой изъ стали за темнымъ плечомъ. Лицо у него измученное, злое. Быть мельникомъ такъ же противно и трудно, какъ топтать колесо.

Хмуро и зорко глядятъ привычныя очи, цыркаютъ тонкія губы:

— Ровнѣе, дистанція!..

Мельникъ любитъ симметрію. Онъ не хочетъ, чтобы спицы сдвигались.

Разъ два, разъ два... Лобъ и затылокъ. Спереди сѣрый затылокъ, грязная шапка, волосы будто изъ старой мочалы,—такихъ я не видѣлъ на волѣ. Сзади я чувствую взглядъ, тупой, равнодушный, плѣнный, усталый и рабскій.

— Разъ два, разъ два!.. Быстрѣе! Прибавь! Постой! Убавь!..

Спицы не смѣютъ сдвигаться.

— Не закладывай руки назадъ. Нельзя поворачивать шею. Прибавь, убавь!..

Спереди, сзади тюрьма, высокія стѣны. А по угламъ часовые, съ ружьями... Шагъ—и пристрѣлятъ. Декабрьское небо сверху легло, какъ сукно. Давитъ, какъ саванъ. Сыплется снѣгъ или дождикъ, или иней; садится на камни и на руки и на щеки. Нельзя разобрать.

Слякоть и холодъ. Гуляй, наслаждайся.

Молитва.

Каждый вечеръ, когда гасятъ огонь, я становлюсь подъ окномъ и поднимаю голову вверхъ, и смотрю на рѣшетку, и сквозь рѣшетку вижу огромное черное небо и мелкія свѣтлыя звѣзды. Свѣтъ и на небѣ, увы, разбрызганъ тонкими искрами въ безднѣ.

Я поднимаю лицо и складываю руки и молюсь. Кому—не знаю. Или, вѣрнѣе, я знаю, что некому молиться. Есть, быть-можетъ, добро безымянное и отвлеченная истина. Мнѣ надо не этого. Личнаго Бога хочу и алкаю, живого слуха, состраданія высшаго. И знаю, что нѣтъ его, и все же молюсь, ибо желаю, чтобъ было. Твердый камень невѣрія, фундаментъ ума моего, я сопрягаю съ молитвой, безумной, текучей, какъ пламя.

Прожилъ на свѣтѣ сорокъ лѣтъ и больше, но никогда не молился—на волѣ. Три раза умиралъ и не умеръ, и все же не молился. Былъ въ пустынѣ засыпанъ снѣжнымъ обваломъ и самъ не знаю, какъ не замерзъ, но нѣтъ, не молился. А въ тюрьмѣ, подъ замкомъ, я молился и молюсь неизмѣнно. За сорокъ лѣтъ моей жизни это восьмая тюрьма и восьмая молитва.

Когда я былъ молодъ и голова моя была въ кудряхъ, помню: въ яркое лѣтнее утро я валялся на узкой койкѣ, и бился головой объ стѣну, и молился такъ:

— Пошли мнѣ уничтоженіе. Я не могу дольше терпѣть. Сижу подъ запоромъ, какъ звѣрь, и въ сердцѣ моемъ просыпается звѣрь. Какъ удержать его? Развѣ убить его? Убей же меня, пока я самъ себя не убилъ. Хотя я не вѣрю въ Тебя. Молнію брось въ меня, тогда повѣрю въ Тебя.

А теперь я сталъ старше и смирнѣе. Ноги уходились, и руки примахались, и сердце устало. И теперь я молюсь иначе, чѣмъ прежде:

— Ты, Который вверху, взгляни и услышь. Дай отдыхъ, дай облегченіе. Терзай, но не до смерти. Рань, но не убивай. Я—худой, я—недостойный. Знаю, хорошо знаю... Но Ты суди: я малъ, жалокъ, случайная добыча судьбы и смерти. Моя ли вина?..

Плачу кровавыми слезами и самъ себѣ повторяю: „Не плачь, не плачь". Корчусь отъ муки нестерпимой, тихонько взвизгиваю, какъ собака побитая. Кружусь отъ боли душевной, какъ скорпіонъ на огнѣ, и самъ себѣ наговариваю:—Терпи. Ты человѣкъ, такъ терпи. Люди должны терпѣть на землѣ. Плати за спокойную жизнь, за долгую сытость, за радость искусства. Терпи... Ты оторвался отъ общей цѣпи страданія, сбросилъ тяжесть креста: вяжись обратно къ вселенскимъ веригамъ, крутись на колесѣ. Терпи.

Безъ отчества.

Я потерялъ отчество. Когда я не вѣдалъ судебнаго слѣдствія и не былъ подсудимымъ мясомъ, я имѣлъ отчество, какъ всѣ честные люди, и былъ почтеннымъ обывателемъ и писался съ *вичемъ:* „*Владиміръ Германовичъ Богоразъ*".

Когда я сталъ подсудимымъ и засѣлъ на „скамью", я сталъ полупрезрѣннымъ, вродѣ счетной податной единицы, и сталъ писаться на *овъ:* „*Владиміръ Германовъ*"... „Князь *Петръ Дмитріевъ Долгоруковъ*", какъ обозначено въ обвинительномъ актѣ по Выборгскому дѣлу.

Когда я сталъ арестантомъ и угодилъ подъ замокъ, я вовсе утратилъ отца. Еще въ дверяхъ спросили меня: — Какъ ваше имя?

— Имя—Владиміръ,—диктую писцу,—а отчество...

— А отчества не надо...

Ибо арестанту не полагается отчества.

И дали мнѣ номеръ.

Итакъ я отнынѣ живу подъ запоромъ безъ всякаго отчества, просто Владиміръ Богоразъ, № 514, срочно крѣпостной арестантъ.

Мы идемъ къ могилѣ и все понемногу теряемъ. Будетъ день, и я потеряю и имя, и номеръ, стану вмѣсто *лица* только *предметомъ*, дурно пахнущей вещью, и меня положатъ въ ящикъ, тѣснѣе этой каморки, и уберутъ долой... Туда и дорога.

Солнце въ тюрьмѣ.

— Милое солнышко, свѣтишь прямо въ окошко... А я боялся, что ты никогда не засвѣтишь. Взглянулъ на тебя и ты ослѣпило меня. Рѣшетки встали въ окнѣ тугимъ переплетомъ, чернымъ, и четкимъ, и частымъ.

— Яркое мое, какъ я люблю тебя. Значитъ, и въ проклятомъ Петербургѣ есть солнце и свѣтитъ зимою въ окна тюрьмы...

Ей Богу, даже и грѣетъ... О, какое бойкое зимнее солнышко...

Легкій лучъ ласкаетъ щеку, какъ женская ручка. Я люблю тебя, солнце... Слѣва направо идешь ты по зимнему небу. И по стѣнкѣ напротивъ справа налѣво ползетъ и сіяетъ пятно, яркое, въ клѣткахъ, какъ шахматное поле. Вотъ лучъ твой упалъ на дверь и темное желѣзо вспыхнуло и озарилось, какъ будто позолоченное.

— Радость моя, солнце... Живое золото!..

Птица пролетѣла, и черная тѣнь скользнула по стѣнкѣ сквозь солнечный блескъ. Птица летаетъ на волѣ, а въ тюрьму западаетъ даже отъ птицы бѣглая черная тѣнь.

— Ты одно пылаешь и свѣтишь, безъ тьмы, безъ тѣни... Солнце, Богъ мой...

Календарь.

Еще день прошелъ. Ставлю крестъ въ моемъ самодѣльномъ календарѣ. Кончается колонка, а впереди-то еще восемь. Дни падаютъ въ бездну, какъ зерна невидимыхъ четокъ, и исчезаютъ навѣки. Меньше однимъ, еще меньше однимъ... Тянется время, какъ пряжа, ненужная, сѣрая нить. Пусто, нечѣмъ питать свою душу. Питайся самимъ собою... Я не хочу самоѣдства. Міръ — моя пища, вольные люди, бѣглыя мысли, пестрыя краски, быстрая смѣна живыхъ впечатлѣній... Мнѣ скучно съ самимъ собой. Я знаю давно этого стараго больного человѣка. Что онъ мнѣ новаго скажетъ?

Четыре воскресенья, четыре недѣли прошли. Теперь пятая проходитъ—словно нарывъ вздувается,—медленно и скучно, еще съ понедѣльника. Длинный вторникъ, тяжелая среда, свинцовый четвергъ... Будто на Голгоѳу восходишь въ желѣзныхъ кандалахъ ненужнаго времени. Пятница, суббота, и снова воскресенье. И снова, снова... Боже, зачѣмъ же такъ медленно движется скучное время?..

— Скажи, календарь, когда же я выйду на волю?

И календарь отвѣчаетъ:

— Время движется вмѣстѣ съ землей, и движется вѣчно земля, и пляшетъ вокругъ сіяющаго солнца. Когда обойдетъ по орбитѣ и вернется на прежнее мѣсто, ты выйдешь на волю.

— Не бойся, надѣйся и жди. Дни упадаютъ, какъ капли одна за другой, и гаснутъ, какъ искры подъ вѣтромъ. Докончатся, выйдешь на волю...

Тюремныя книги.

Измызганные, оборванные, розрозненные томы, иные слишкомъ хорошо знакомые, другіе никому невѣдомые:—Каутскій и

Өеофилактовъ, Костомаровъ и отецъ Петръ Іонинъ,—ветхіе на ощупь, какъ будто истлѣвшіе. И въ каталогѣ такъ и пестрятъ надписи: „Изъята за ветхостью".

На требовательномъ листкѣ напечатано: „За порчу и надписи—лишеніе чтенія книгъ срокомъ до одного мѣсяца". А книги всѣ въ надписяхъ, даже божественныя.

Напечатано: „И вручитъ Господь ангеламъ Гавріилу и Михаилу ключи отъ ада и помчатся они на крыльяхъ вѣтра и откроютъ всѣ триста воротъ ада и выведутъ грѣшниковъ".

А сбоку приписка: „Такимъ maнеромъ насъ изъ Коломенской части въ баню водили".

„*Разговоръ литтеръ Іудейскихъ*". Напечатано: „Алефъ молчалъ". Вытерто и поправлено: „Азефъ". Напечатано: „Явились Беты". Пояснено: „Бурцевъ и Бакай".

Изданій съ рисунками мало. Старая „Нива", „Природа и Люди", „Вокругъ свѣта". Грубыя гравюры лубочнаго типа, безъ красокъ, на сѣрой бумагѣ, часто безъ ясныхъ очертаній. И все же эти журналы вѣчно въ расходѣ и ихъ никогда не дождешься. Ибо здѣшнихъ сидѣльцевъ мучитъ зрительный голодъ, жажда что-нибудь видѣть живое, пусть и на сѣрой бумагѣ.

Хоть бы Вольфъ или Сытинъ прислали въ подарокъ раскрашенныхъ картинокъ...

Сѣрыя книги, тюремныя книги, голодныя книги.

Плѣнная тетрадь.

На книгахъ моихъ стоитъ трехъ-угольное клеймо тюремной цензуры, а тетрадь моя занумерована, прошита веревкой и припечатана сургучной печатью.

— Вольной бумаги вамъ не полагается,—сказалъ надзиратель...

Бѣдная тетрадь моя, плѣнная тетрадь моя. Листы твои проколоты шиломъ и связаны туго казенной веревкой и съ трудомъ поворачиваются, какъ руки въ кандалахъ. Бѣдные раненые листики. И когда я пишу на этой клейменной бумагѣ, въ голову приходятъ скучныя, пугливыя мысли и сходятъ съ пера короткія сѣрыя слова.

Стѣны молчатъ, вверху стучитъ монотонно машина, ночью и днемъ на мигъ не умолкаетъ. Словно колотитъ подъ черепомъ:

— Такъ, такъ, такъ...

Листы осторожно шуршатъ. Ужъ не душа ли моя прошита насквозь, и завязана, и припечатана казеннымъ клеймомъ?..

Спрячу, не дамъ, не скажу, не открою. Молчи, мечта моя. Они не найдутъ и не угадаютъ. Ты все еще вольна, какъ птица, и ярка, какъ солнце.

Лети, куда хочешь, свѣти, какъ умѣешь.

Еще для тебя ненайдено путъ.

Зимою.

Темно. Съ утра зажигаютъ огонь. Такъ начинается день. Камера моя словно превратилась въ подземную пещеру. Грязныя стѣны, огонь. Сижу за столомъ, читаю или насильно пишу, стиснувъ зубы, чтобы не крикнуть. Окно чернѣетъ, какъ сажа. Солнца нѣтъ и, должно быть, не будетъ.

Правда, передъ полуднемъ немного свѣтлѣетъ и гасятъ огни. Тогда и книгу положишь: читать невозможно. Ходишь, ходишь, ноешь, ноешь. Часа черезъ два снова вспыхнетъ огонь и опять черная пещера наполняется свѣтомъ. Я будто въ другомъ мірѣ, въ нѣдрахъ луны, въ плѣну у Селенитовъ. Или глубоко въ землѣ, въ черномъ безсолнечномъ царствѣ. Тихо кругомъ. Слышу дыханіе свое, и біеніе пульсовъ въ вискахъ, и шорохъ одежды; только мыслей не слышу. Изъ души моей исчезли всѣ яркія краски и радужные переливы. Она полиняла, какъ старая гравюра, ходитъ въ траурѣ, сѣромъ и пыльномъ, словно паутиной окутана.

За дверью кто-то шагаетъ, не знаю, надзиратель или призракъ, или дьяволъ. Я—грѣшникъ въ аду, а онъ стережетъ мою душу.

Какъ давно ужъ я здѣсь, двѣ недѣли или два года?..

Запрещенная газета.

Номеръ „Новаго Времени“, совсѣмъ свѣжій, только отъ прошлой недѣли. Впрочемъ за эту тюремную недѣлю онъ сдѣлался ветхій, какъ покровъ мумія, и протерся на сгибахъ, и весь онъ захватанъ черными пальцами тюремныхъ читателей, политическихъ и уголовныхъ. На поляхъ даже примѣчанія карандашемъ, писаны чьей-то сердитой размашистой рукой. Въ одномъ мѣстѣ: *сволочи!!*—два восклицательныхъ знака. А въ другомъ и еще похуже. Должно быть, уголовные писали.

Онъ попалъ въ мою камеру сложнымъ и таинственнымъ и даже не совсѣмъ приличнымъ путемъ. Не надо забывать, что мое единственное сообщеніе съ міромъ, это „выносная система“. Каждое утро парашу уносятъ и снова приносятъ. На этотъ разъ параша сыграла роль рождественскаго чулка и принесла мнѣ подарокъ.

„Новое Время“ въ пустой парашѣ—это, быть можетъ эмблема. Но я съ трепетомъ принимаю этотъ нечистоплотный номеръ, и обтираю его, какъ могу и жадно разсматриваю всѣ двѣнадцать страницъ. Вѣдь это для меня плодъ рѣдкій, запрещенный и строго наказуемый. Съ равнымъ удовольствіемъ читаю очередную статью Меньшикова: опять о еврейскомъ засильѣ. И изящную прозу А. А. Столыпина о пользѣ безплатныхъ билетовъ, предлинную телеграмму изъ Теріокъ о финской интригѣ, думскій отчетъ Снѣссарева, даже объявленія кухарокъ и рекламы фармацевтовъ (у „Новаго Времени“ тоже есть собственные фармацевты):

„Средство противъ насѣкомыхъ“.

„Какимъ образомъ можно получить красивую грудь“.

Читаю и не могу начитаться. Плѣнительное „Новое Время“!..

Ай, ай, ай, вотъ тебѣ и запрещенный плодъ. Еще и вкусить не успѣлъ до конца, а ужъ попался съ поличнымъ, хуже Адама и Евы, вмѣстѣ взятыхъ. Архангелы явились негаданно-нежданно и сдѣлали обыскъ и отняли, но только изъ здѣшняго рая, увы, не изгнали, а вмѣсто того повлекли на цугундеръ къ „Великому Старцу“. Влетитъ, должно быть, мнѣ на орѣхи.

— Откуда у васъ эта запрещенная газета?

Вотъ уже не думалъ никогда, что „Новое Время“ есть запрещенная газета.

— Нѣтъ, вы скажите откуда?

Я стоялъ и молчалъ,
Говорить не хотѣлъ.

Ничего, обошлось... И, какъ сказано въ уголовномъ романѣ „Дѣвица-Убійца“, который я взялъ вчера изъ тюремной библіотеки, „рука правосудія мягко и снисходительно опустилась на мою голову“...

Надзиратель.

Онъ молодой и красивый, и на груди у него четыре ордена. У него блѣдное лицо и черные усики и печальные глаза. И разговариваетъ онъ со мной вѣжливо, даже почтительно: „Господинъ Танъ, господинъ Танъ“. Позавчера онъ заходилъ ко мнѣ и говорилъ уныло и словоохотливо о своемъ несчастномъ положеніи.—„Жалованья мало. Не спишь. Жить надо въ казармѣ, стеречь и служить арестантамъ“. Ибо надзиратель—это, дѣйствительно, слуга заключенныхъ въ одиночкахъ, волей-неволей, хотя и съ бранью на устахъ и съ револьверомъ въ рукахъ... Даже

о землѣ говорилъ и совсѣмъ позабылъ про ключи, а его унылые глаза такъ и стрѣляли и шныряли кругомъ.

А сегодня поутру, когда я ушелъ на свиданіе, а въ церкви служили обѣдню, онъ взялъ и забрался въ мою камеру тихонько, какъ котъ, и сдѣлалъ обыскъ самъ отъ себя, безъ всякаго приказу, разыскалъ номеръ газеты и отнесъ съ торжествомъ по начальству, думалъ награду получить, но ничего не получилъ. И теперь онъ ходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и отвѣчаетъ, какъ прежде, почтительно, и глядитъ мнѣ въ глаза тѣмъ же внимательнымъ взглядомъ, печальнымъ и нечистымъ. А я стѣсняюсь и не могу смотрѣть ему въ лицо, и мнѣ такъ странно и такъ непонятно.

Тюремщикъ, доносчикъ, шпіонъ, соглядатай, предатель... А съ виду такіе же люди, какъ всѣ, и нѣтъ въ ихъ взглядѣ ничего змѣинаго...

Впрочемъ, во время прогулки я набрался духу и спросилъ его прямо: „Какъ же вы это такъ, а?“ И онъ покачалъ головой, и вздохнулъ, и сказалъ: „Что-жъ, наше дѣло такое собачье“.

И пошелъ по корридору дальше и крикнулъ на уголовныхъ: „Сволочь паршивая, тише!“

Собака на цѣпи.

Дома у насъ на дворѣ собака сидитъ на цѣпи. Только утро начнется, она выходитъ изъ будки и рвется, встаетъ на дыбы и плаваетъ лапами въ воздухѣ, и воетъ, и жалобно визжитъ... Несладко сидѣть на цѣпи...

А между тѣмъ надъ нею высокое небо и солнце свѣтитъ, и нѣтъ часового съ ружьемъ, и другія собаки свободно подбѣгаютъ и обнюхиваются съ ней безъ всякихъ рѣшетокъ... Бѣдная собака...

Она еще молодая, но уже обозлилась. И когда, случается, сорвется и выбѣжитъ на улицу, то первымъ дѣломъ всѣхъ собакъ перекусаетъ. Людей она не трогаетъ. Она смотритъ на нихъ пугливо и жалобно, снизу вверхъ.

Уже полгода она сидитъ на цѣпи и еще не привыкла. Но когда-нибудь привыкнетъ и, пожалуй, перестанетъ и рваться. Будетъ лежать на привязи въ будкѣ, и злиться молча, и зубы точить на случай, если кто подвернется, человѣкъ или звѣрь, щенокъ или взрослый. Точь въ точь, какъ привычный арестантъ въ острогѣ на отсидкѣ.

Бѣдная собака, бѣдный преступникъ.

Свиданіе.

Клѣтки словно въ звѣринцѣ для львовъ или тигровъ; но звѣри въ звѣринцахъ могутъ просунуть хоть лапу сквозь рѣшотку. Здѣсь не просунешь и пальца. Двѣ проволочныя сѣтки, снаружи и внутри, и еще вставлено стекло. Въ клѣткѣ тѣсно и узко, будто въ стоячемъ гробу. Постоишь и начнешь задыхаться. Отъ сѣтки въ глазахъ рябитъ, и сколько ни напрягаешь зрѣніе, видѣнъ только очеркъ знакомой фигуры, точки глазъ, смутный намекъ на лицо, словно все это—поблекшій негативъ. Поблекли наши негативы, слиняли яркія краски и живые рисунки. Въ львиныхъ клѣткахъ стоимъ смирнехонько, какъ мокрыя куры, и пялимъ глаза, и вздыхаемъ. Какъ все это странно и дико, какъ безконечно печально и какъ сугубо нелѣпо. Къ чему всѣ эти клѣтки и сѣтки? Развѣ люди приносятъ на губахъ разрывные снаряды, что имъ нельзя даже поцѣловаться при встрѣчѣ? Но вѣдь слова, и разсказы, и вѣсти проникаютъ даже сквозь тройную преграду. Лучше бы маски желѣзныя надѣть, или замки бы повѣсить на губы, выколоть глаза, чтобы не глядѣли.

Разъ въ недѣлю, и только на сорокъ минутъ... И всетаки ждешь этого свиданія цѣлую недѣлю, мечтаешь о немъ, словно о глоткѣ свѣжей воды въ безводной пустынѣ. Съ четверга начинаешь готовиться къ святому воскресенью, прибирать слова и фразы и дѣловые пункты... А теперь все забылъ. Стою противъ сѣтки и не знаю, о чемъ говорить. Задаю глупые вопросы и не дожидаюсь отвѣта.

„Пришли, не забыли, не бросили“,—вотъ всѣ мои мысли.

— О чемъ спрашивать, не знаю и не помню. Свѣтитъ ли солнце, растутъ ли цвѣты и зеленые листья, ходятъ ли люди по улицамъ?

Богъ съ вами, ходите, пока васъ тоже не посадили...

— Довольно, пожалуйте назадъ. Конецъ свиданію...

Двѣ недѣли я сходилъ съ ума, изводилъ себя самого въ камерѣ и близкихъ своихъ на свиданіяхъ, и они сердились на меня и бранили меня. Тюремныя власти смотрѣли на меня съ удивленіемъ, и докторъ насупился и сказалъ: „У васъ мало мужества. Что значитъ какой-нибудь годъ? Отзвонилъ—и съ колокольни долой“...

Время нынѣ, увы, суровое и оно требуетъ отъ всякаго не-

уклонно и неизбывно геройства, неуступчивости, римскихъ суровыхъ доблестей, адамантовой твердости. Это—программа minimum. Maximum это—„Пѣснь плѣннаго Ирокеза“:

Я умру, на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ...

Но чѣмъ же я виноватъ, если эта одиночка душитъ меня, какъ каменный мѣшокъ? Схожу съ ума... Вѣдь даже на волѣ люди сходятъ съ ума. Мнѣ и подавно не грѣхъ сойти съ ума... Я писатель. Развѣ Ницше, Мопассанъ, Ленау и Свифтъ не сошли съ ума? Надо платить эту зловѣщую дань за вѣчное кипѣніе души, за напряженіе издерганныхъ нервовъ.

Я русскій писатель. У насъ тоже есть своя Голгоѳа: Гаршинъ, Достоевскій, Успенскій... Я русскій писатель съ плѣнной, больной, подцензурной желчью. Она бунтуетъ и хочетъ сдѣлать кляксъ, какъ желтая чернильница.

Полное право имѣю сойти съ ума. Ибо есть уже за мною curriculum vitae: шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, десять лѣтъ въ ссылкѣ. Для одного человѣка какъ будто бы довольно.

Долгіе черные годы проснулись, и сомкнулись, и словно переставились впередъ. Они мерещатся въ грядущемъ. Мнѣ холодно и страшно. Бѣгаю взадъ и впередъ по камерѣ, словно помѣшанный, и надрываю душу и плачу холодными, тяжелыми слезами.

Товарищъ литераторъ.

Высокій надзиратель открываетъ форточку и таинственно просовываетъ внутрь свой длинный носъ.

— Вы писатель Танъ?

— Ну да, я писатель Танъ.

— А Дубровскаго писателя знаете?

— Какого Дубровскаго?

— Да предсѣдателя „Союза русскаго народа“.

— Дубровина?..

— Ну да, Дубровина.

— Зна-а-ю...

Положимъ, не лично знаю, да не объяснять же ему.

— Ну, такъ вотъ его секретаря посадили къ намъ сюда на десять сутокъ за газетную статью.

— А какъ фамилія?

— Не помню. Какъ-то на *П.* Да онъ сейчасъ жалобу будетъ писать прокурору. Такъ я посмотрю.

Черезъ пять минутъ форточка открывается снова.

— Посмотрѣлъ: „Писатель Потаповъ“ [1]).

Въ рукахъ у надзирателя длиннѣйшая бумага, вся исписана сверху до низу. Видно, „писателю Потапову“ тоже не очень понравилось въ этой казенной гостинницѣ.

— Сидитъ черезъ двѣ камеры,—сообщаетъ надзиратель.— Въ номерѣ 512... *Товарищъ вашъ...*

И вправду товарищъ. Тоже литераторъ, хотя бы изъ „Русскаго Знамени“, и даже въ тюрьму угодилъ безъ всякаго суда, по манію усиленной охраны.

Привѣтствую васъ, господинъ Потаповъ, и жалѣю о вашихъ злоключеніяхъ, хотя, быть можетъ, вы о моихъ не пожалѣете. Вы для меня товарищъ по несчастью, вы писатель съ завязаннымъ ртомъ, пускай и черносотенный.

Мы не желаемъ завязывать ртовъ даже врагамъ и хулителямъ.

Мы ненавидимъ насиліе даже противъ своихъ ненавистниковъ.

Желаю вамъ выйти скорѣе на волю, сосѣдъ черезъ двѣ камеры.

Но только позвольте вамъ пожелать еще одного: пусть черезъ десять дней, когда языкъ вашъ снова развяжется, онъ станетъ немного терпимѣе и немного приличнѣе.

Русская рѣчь знаетъ много сильныхъ образовъ, помимо ругательныхъ. Къ чему же устраивать въ каждой статьѣ мордобои, хотя бы словесные?...

Богъ съ вами, писатель Потаповъ, секретарь „писателя Дубровскаго“.

Лучше казнь.

Ругаютъ смертную казнь и ужасаются ей, но по моему казнь во сто кратъ проще и лучше и честнѣе тюрьмы. Казнь и убійство это — въ основѣ природы: звѣри убиваютъ другъ друга, и легкія птицы, и даже ничтожные черви... А если все-таки васъ отъ крови тошнитъ и корчитъ васъ отъ вида предсмертныхъ гримасъ и хрипѣнія и языковъ закушенныхъ, — давайте плѣннымъ цикуту, какъ было въ Греціи, не то устраивайте имъ Евѳаназію, легкую смерть. Напустите имъ въ камеру веселящаго газу, какъ предлагаютъ фантасты тюремной реформы. Пусть похохочутъ напослѣдокъ и дохохочутся до смерти. Нынче люди морятъ и собакъ безболѣзненно, газомъ. Только для плѣнныхъ братьевъ своихъ они сохраняютъ веревку, ножъ гильотины, ошейникъ гаротты, разстрѣлъ...

---

[1]) Фамилія измѣнена.

Но все равно. Природа казнитъ почище вашего: всѣхъ казнитъ поголовно... И вамъ тоже не уйти... Вѣшайте, бейте, рубите,—сила и законъ за вами. Казенная веревка, святая гильотина... Это въ порядкѣ вещей.

Но эта огромная фабрика тоски и отчаянія, клѣтки съ нумерами, правила на стѣнахъ, часовые, надзиратели, звонъ замковъ, прокуроры, тюремныя лавки, свиданія, прогулки,—вся эта канитель по ранжиру и по уставу, — это грѣхъ противъ Духа Святого, это хуже сумашедшаго дома.

Истребляйте преступниковъ всѣхъ поголовно, большихъ и малыхъ, если духу хватитъ у васъ, но не тяните изъ нихъ душу по сѣрымъ квадратнымъ кусочкамъ, день за днемъ, въ указанные сроки.

Разъ—и готово, и все потемнѣетъ и больше не надо страдать, и не надо расходовъ... Вмѣсто сотни надзирателей—одинъ палачъ... Дешево и быстро. Все потемнѣетъ въ глазахъ и больше не нужно слушать скучный напѣвъ:

Кипятокъ, кипятокъ, кипятокъ...
Писемъ, прошеній...
Первое отдѣленіе, гулять...
Шестое отдѣленіе, гулять...

Цѣлый день здѣсь гуляютъ. Экое мѣсто гульливое...

Утромъ.

Ясная, чистая, зимняя заря. На небѣ ни облачка. Я всталъ на стулъ и осторожно гляжу черезъ подоконникъ, чтобъ часовой не увидѣлъ.

Петербургъ еще спитъ. На мосткахъ черезъ рѣку никого не видно. Извозчики не ѣздятъ, развѣ иногда проѣдетъ ломовой, нагруженный снѣгомъ. Только голуби летаютъ. Вотъ сѣли на подоконникъ и копошатся и воркуютъ, кто ихъ знаетъ объ чемъ,—должно быть, запрещенное. Воля, любовь и цвѣты, чистый воздухъ и зелень—все здѣсь запрещенное. А на востокѣ солнце восходитъ медленно, пышно, стыдливо... Какая красота. Духъ захватываетъ.

— Боже, благодарю тебя за то, что меня посадили въ тюрьму и ничѣмъ не забили окна, кромѣ тройной желѣзной рѣшетки, и не выкололи глазъ. Я могу видѣть солнце, и небо, и птицъ. Я еще на землѣ, еще живой человѣкъ.

Милое солнце, милая земля...

Духовная пища.

Дверь открывается.

— Выйдите вонъ и встаньте въ дверяхъ на самомъ порогѣ и слушайте...

Выходимъ и слушаемъ. Всѣ камеры открыты. Повсюду въ дверяхъ стоятъ арестанты, какъ муміи. Это Библейская Миссія, преодолѣвъ всѣ препятствія, съ воли явилась въ тюрьму.

Съ ранняго утра миссіонеръ ходитъ по нашимъ галлереямъ. Онъ низенькій, косматый, держитъ въ рукахъ охапку евангелій, какъ будто дрова несетъ. А сзади него надзиратель несетъ револьверъ. Миссіонеръ, конечно, нѣмецъ, а быть можетъ, и эстонецъ, говоритъ по русски зычнымъ голосомъ, растягивая слова и дѣлая нелѣпыя ударенія. Знакомая рѣчь. Такъ говорятъ ораторы Арміи Спасенія на американскихъ перекресткахъ.

— Богъ послалъ на землю Сына Своего единороднаго. Вѣрьте Ему, живите во имя Его. Я не знаю, за что васъ сюда послали, но если будете вѣрить въ Него, то хотя бы васъ весь вѣкъ продержали въ этой камерѣ, жизнь ваша озарится свѣтомъ до самаго гроба...

Нечего сказать, нашелъ утѣшеніе для бѣдныхъ арестантовъ. Весь вѣкъ до гроба въ этой камерѣ... Господи помилуй... Ахъ, какъ грубо звучатъ эти казенныя рѣчи, какъ оскорбительно и даже кощунственно...

Не то говоритъ... Я бы сказалъ:

— Братья мои, милые мои, несчастные мои. Не вѣчно васъ продержатъ здѣсь, еще выйдете на бѣлый свѣтъ, увидите солнце и травку, бѣгущую воду, цвѣты и поля. Не печальтесь, милые, если страдаете. Что дѣлать? Удѣлъ нашъ такой. Все живое страдаетъ. Самъ Богъ нашъ живой пострадалъ на крестѣ за все человѣчество. Послѣ страданія радость. Будетъ праздникъ и на вашей сторонѣ...

Онъ говоритъ о себѣ, все о себѣ...

— Я тоже былъ молодъ, богатъ и красивъ, жилъ счастливо, зналъ любовь, ухаживалъ за женщинами...

— Какое намъ дѣло, за кѣмъ ты ухаживалъ, косматая голова. Въ нашихъ одиночкахъ намъ не за кѣмъ ухаживать. Даже нѣтъ паучихи, не то что женщины. Оставь насъ въ покоѣ, деревянная душа...

Пять этажей, въ каждомъ этажѣ по четыре галлереи, въ каждой галлереѣ по четыре луча. Онъ ходитъ съ утра и до поздняго вечера по всѣмъ галлереямъ и лучамъ и упрямо дол-

битъ одно и тоже, какъ дятелъ. До поздняго вечера не умолкаетъ его зычный, странный, бездушный, резиновый голосъ.

Вотъ оно, утѣшеніе духовное въ тюрьмѣ... Да и то чужое, даже на нѣмецкія деньги.

Резиновое эхо чудеснаго евангельскаго зова.

Подаяніе.

— Примите булку.

— Откуда?

— Подаяніе. Сегодня тюремный престолъ.

— Какой престолъ?

— Въ церкви тюремной, Преосвященнаго Саввы.

— Да есть у меня.

— Нельзя, берите.

Принимаю крупную мягкую булку, признаться, не безъ удовольствія, хотя она немного и сырая. Подаяніе—для всѣхъ арестантовъ, безъ различія званія,—а я вѣдь тоже арестантъ. Безъ различія пола и званія, вѣры и національности...

Мягкій славянскій обычай, русская народная поправка къ бездушному тюремному автоматизму. Во сто кратъ человѣчнѣе, проще и лучше нѣмецкаго подаянія духовнаго, деревяннаго слова библейской миссіи... Ибо въ тюрьмѣ, увы, не доѣдаютъ. На десять копѣекъ кормовыхъ не разъѣшься въ голодномъ Петербургѣ. Большое спасибо за то, что подаютъ, и за то, что принимаютъ. Ибо тюрьма „образцовая", а нѣмецкой культурой подаяніе признано вреднымъ, развратнымъ и портящимъ душу.

Впрочемъ въ тюрьмѣ образцовой есть и другая россійская поправка казеннаго свойства. Камеры все одиночныя, даже въ подвалѣ и въ складахъ, а мѣста не хватаетъ—и сажаютъ по двое и по трое. Это на двѣ квадратныхъ сажени свободнаго пространства. И еще приставляютъ кровать для второго, а третій спитъ на полу.

Вотъ она, русская жизнь. Обручъ—нѣмецкой культуры. Сверху казенные клинья домашняго дѣла загнаны подъ самое мясо, чтобы было тѣснѣе. А снизу добрыя народныя руки смазываютъ масломъ по натертому мѣсту. А мы кое-какъ носимъ и терпимъ, живемъ, не всѣ околѣваемъ.

Какая же добрая душа прислала сюда эти булки? Бѣлая сырая купчиха, такая же невыпеченная, какъ это пшеничное тѣсто? Добрая боярыня стараго покроя, по ошибкѣ угодившая на жительство въ каменный Питеръ?

Помню, въ тюрьмѣ таганрогской, четверть вѣка тому назадъ,

часто привозили купчихи въ огромныхъ корзинахъ яблоки, булки и арбузы. Тамъ было просто и патріархально, и я все могъ разглядѣть изъ своего оконца. Мнѣ приносили тотчасъ же соотвѣтственную долю тюремной благостыни. Я былъ молоденькій мальчикъ и сказалъ было сперва: „У меня есть свое“. Но арестанты обидѣлись жестоко: „Брезгуете нами!“ Я покорился и принялъ.

Помню еще: Топчеевъ, буйный грабитель, гроза сторожей и самого смотрителя, купилъ въ тюремной поварнѣ пироговъ съ осердіемъ по копѣйкѣ за штуку. И деликатно принесъ на бумажкѣ и просунулъ въ окошко.

— Вотъ покушайте. Горячіе, съ пылу. Пожуйте отъ скуки...

Я принялъ и это подаяніе тюремнаго громилы и съѣлъ, и сказалъ: „спасибо“. Отчего же не принять подаяніе?.. Хотя по пословицѣ: „Дай Богъ подать, не дай Богъ принять“. Но вѣдь это гордыня дающихъ. Куда мнѣ съ гордыней? Я тоже сижу подъ замкомъ. Чѣмъ же я лучше другихъ? Такое же тюремное мясо.

Подайте копѣечку бѣднымъ арестантамъ, уголовнымъ и также политическимъ, ради Христа...

Туманъ въ головѣ, сердце въ тискахъ. Хожу и думаю: — когда бы конецъ! Что мнѣ, повѣситься, что ли,—кстати и крюкъ вбитъ въ потолкѣ,—или зарѣзаться, благо ножикъ мнѣ дали,— тюремная льгота. Вскрыть на рукѣ жилу, или голову разбить объ стѣну? Или сброситься внизъ черезъ перила и убиться до смерти? Или на штыкъ напороться въ рукахъ у часового?

Страшныя тюремныя мысли, черные соблазны. Еслибы они перешли въ дѣло, было бы, кажется, легче. Но тяжко день ото дня умирать вживѣ, стоять надъ бездной и не падать, мечтой доходить до конца и опять возвращаться къ началу.

Слабому тяжко...

Полъ въ тюрьмѣ
(въ банѣ).

Ходятъ голые вмѣстѣ, молодые и старые, жадными глазами поглядываютъ одни на другихъ, словно мужчины на женщинъ. На всякаго, кто помоложе, побѣлѣе, чуточку тѣломъ понѣжнѣе, помягче на ощупь. Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ, гогочутъ и щиплютъ и хлопаютъ съ размаху по спинѣ. Онъ вырывается, визжитъ и глазки строитъ, какъ будто дѣвица легкаго поведенія.

Сыплются шутки и брань, простая, звѣриная. Это—острожная

ласка. Васька Красный—и тотъ покраснѣлъ бы отъ нея. Надзиратели пытаются удерживать. Да поди, удержи. Это могучій инстинктъ природы и жизни, направленный людьми, государствомъ и наукой по новому тюремному руслу.

Сколько татуированныхъ, и какіе безстыдные рисунки. Царь Морской и Сирена въ чудовищной позѣ. Сдѣлано красками. Много же надо было труда и терпѣнія и твердости, чтобы наколоть и навѣки укрѣпить на кожѣ эту пакость... У этого крестъ на груди, крупный и черный, какъ будто изваянный въ тѣлѣ. Кругомъ шеи наколота цѣпь въ широкихъ звеньяхъ, похожихъ на кандальныя. Символъ Христова страданія и вмѣстѣ символъ собственной неволи...

Полъ въ тюрьмѣ:—романы исчерчены ужасными рисунками въ видѣ иллюстрацій, подъ страхомъ карцера и лишенія книгъ. Надписи на стѣнахъ—какъ штукатурка отъ нихъ не обвалится... Сидятъ молодые, здоровые парни подъ крѣпкимъ запоромъ. Вотъ этими мечтами они коротаютъ тюремные досуги.

Какой-то безусый воришка съ довольно противной мордой, похожій на мартышку, вырывается со смѣхомъ у чернаго огромнаго гориллы и попадаетъ съ разбѣгу прямо въ мои объятія.

Я отбрасываю его безцеремонно въ сторону...

Четверть вѣка назадъ, въ тюрьмѣ моей юности, все это было еще проще и еще откровеннѣе. Дверь въ дверь напротивъ моей камеры была камера бродягъ, огромная, съ двойными нарами. Тамъ сидѣли бѣглые убійцы, какіе-то фальшивые монахи, кандальные татары. Васька козырь, бѣглецъ съ Сахалина, Сережка Свинецъ, семи пудовъ вѣсу, по восьмому убійству. Туда же сажали безписьменныхъ мальчишекъ, совсѣмъ малолѣтнихъ бродяжекъ, которые днемъ на дворѣ еще играли въ камушки.

Что тутъ дѣлалось ночью и утромъ, на нарахъ и подъ нарами...

Когда ни заглянешь въ глазокъ,—какъ будто сплошной кинематографъ изъ публичнаго дома въ аду.

И какъ вѣнецъ всего — совмѣстныя прогулки кандальныхъ ловеласовъ, съ воровками изъ женскаго корпуса, на заднемъ дворѣ, какъ разъ подъ моими окнами.

Стоило это недорого, по полтиннику съ рыла, въ пользу надзирателя.

Въ шесть часовъ, передъ самой „повѣркой", онъ спускался на дворъ, гремя ключами и зычнымъ голосомъ кликалъ: „Б-ди, идите домой". И б-ди уходили.

И еще помню иное, разсказъ шлиссельбургскій, слышанный мною отъ покойнаго В. А. Караулова. — Умиралъ Колоткевичъ

въ тюрьмѣ. Онъ былъ давно, безнадежно и скромно влюбленъ въ одну изъ тюремныхъ дамъ. И передъ смертью просилъ смотрителя Соколова, извѣстнаго „Идола“, помѣстить его въ камеру рядомъ съ *нею*, затѣмъ, чтобы простучать сквозь стѣну послѣднее „прости“.

Идолъ, конечно, отказалъ. Въ послѣдніе дни Колоткевичъ сталъ бредить громко на весь корридоръ, — не словами, а стукомъ, — бредилъ объ ней, объ одной, о незабываемой даже во мракѣ могильнаго преддверія. Сыпалъ нѣжными словами,—стукомъ, по тюремному „коду“—расточалъ увѣренія и клятвы и признанія, все, что накопилось за десять лѣтъ тюремнаго безмолвія. Словно изъ самаго сердца его стучалъ этотъ живой телефонъ, что дальше, то чаще, дробнѣе и безумнѣе. А грудь его клокотала и хрипѣла тяжкимъ предсмертнымъ дыханіемъ. Пока все оборвалось сразу и вынесли его ногами въ дверь и опустили въ негашенную известь...

Тоже образъ тюремной любви рядомъ съ двуногими свиньями... Въ тюрьмѣ все рѣзкое, преувеличенное, почти нечеловѣческое, или чернѣе адской смолы, или чище бѣлизны ангельской, но все же не человѣческое.

Тяжко и нудно томиться въ тюрьмѣ свинскою грезой, звѣринымъ мечтаніемъ—не грубою страстью, а только *мечтаніемъ*. Но также тяжко и трудно земному человѣку жить ангеломъ, плѣннымъ ангеломъ, поневолѣ ангеломъ...

Люди—не ангелы. Жизнь—это сплетеніе страстей, грубыхъ и тонкихъ, духовныхъ и чувственныхъ. Тюрьма ихъ разъединяетъ на два далекіе и острые полюса. Пока смерть ихъ не свяжетъ послѣднею искрой и не сравняетъ навѣкъ.

Поѣздка.

Вчера возили меня въ судъ на допросъ, все равно, какъ душу по мытарствамъ. Грязь, вонь, духота, грубость. Но я радъ и тому; всетаки я былъ не одинъ. Видѣлъ новыхъ людей, солдатъ, арестантовъ.

Подали моторъ. Насъ девятнадцать человѣкъ. Солнце, морозъ, арестанты безъ шубъ. Бѣгутъ. „Влѣзайте скорѣе, пятки прикладомъ отобью“. Затискались въ нутро. Кто сидитъ, кто стоитъ скорчившись, а кто даже виситъ въ воздухѣ, сдавленный крѣпко боками сосѣдей. Ѣдемъ; сцѣпились, какъ раки въ мѣшкѣ. А я у окна. Эхъ, замерзло окно. Кое-какъ отеръ себѣ щелку. Сквозь щелку мелькаетъ улица, какъ новое невиданное зрѣлище; солнечный блескъ, трамваи. Я уже позабылъ, что трамваи ходятъ

по улицамъ. Три мѣсяца не видѣлъ. Солнце свѣтитъ на снѣжную улицу. Люди ходятъ толпою. Ахъ, кабы и мнѣ тоже съ ними...

Милые, отпустите, голубчики, отпустите! Немногаго прошу. Какже, такъ и отпустятъ... Стой!.. Пріѣхали. „Стройся!..“ Пріемка, ворота. Обыскъ, желѣзная дверь. Солдаты, солдаты. Внутренность сѣрой гробницы съ тихими галлереями, улей мертвыхъ, ячейки, ячейки, — это Предварилка. Насъ затолкали въ пріемную. Комната низкая, душная. Въ ней человѣкъ полтораста. Черныя лавки, столы, какія-то стойла. И у двери параша, огромная, почти монументальная, какъ цѣлый мавзолей. Для насъ, и также для солдатъ. Насъ бы лучше водили отсюда въ укромное мѣстечко. Но вмѣсто этого они поминутно сами заходятъ къ намъ съ такимъ озабоченнымъ видомъ, и всенародно совершаютъ тайныя интимныя дѣла. У параши толпа, порою даже очередь.

Вонь, слякоть, грязь, духота, какъ будто въ какомъ-то адскомъ предбанникѣ. А мнѣ, ей Богу, весело. Вѣдь это же люди. Можно хоть словомъ перекинуться. Это братья мои—люди, хотя и арестанты, какъ и я арестантъ. Я изжаждался человѣческаго общества, истосковался о словѣ, хотя бы и самомъ обыденномъ.

Разныхъ сюда навезли арестантовъ, со всего Петербурга. Дерябинскіе, „предварительные“, „крестовскіе“, „литовскіе“, изъ временной пересыльной и изо всѣхъ частей. Кто пріѣхалъ судиться, кто за обвинительнымъ актомъ, кто на допросъ. Всѣ грязные, оборванные, въ арестантскомъ платьѣ, всѣ жалуются горько.

Вотъ странная фигура въ сѣрой курткѣ и въ золотыхъ очкахъ. Лицо интеллигентное. Это фотографъ-любитель. Онъ поддѣлывалъ четвертныя бумажки посредствомъ цвѣтной фотографіи на настоящей шелковой волокнистой бумагѣ, привезенной изъ Неаполя. Его исторія когда-то надѣлала шуму... Мы сидимъ рядомъ на лавкѣ часъ и два. У него впалыя щеки, русая бородка, печальные глаза.

— Къ чему присудятъ васъ?

— Вотъ дожидаюсь процесса... Меньше шести лѣтъ работъ не дадутъ. Да мнѣ все равно. Я не выживу. Въ легкихъ тоже „процессъ“ начался... Лишь бы *ее* выручить—прибавляетъ онъ задумчиво,—тутъ одну... Тоже сидитъ...—Два съ половиной года сижу, разсказываетъ онъ съ блѣдной улыбкой,—43 пуда казеннаго хлѣба съѣлъ, такъ и присяжнымъ скажу. Въ Москвѣ сидѣлъ въ одиночной, было полегче, а въ здѣшней ужасно. Общія

камеры на 35 человѣкъ, а помѣщается 70. Половина спитъ на полу. Работа обязательная: клеить коробки и пачки табачныя, тоже и для послѣдственныхъ. Не то карцеръ.

— Теперь въ тюрьмахъ введено новое правило: cujus regio, ejus religio. Если въ каторжную тюрьму угодишь, сиди на каторжномъ положеніи, хотя бы и подслѣдственный.

— Четыре параши по угламъ, всѣ текучія. Вонь, духота. Ночью размечутся люди, бредятъ и скрежещутъ зубами. Пыль такая отъ бронзы. Вѣдь на коробкахъ узоры бронзовые. Кружку поставишь, на ней черезъ пять—десять минутъ бронзовый налетъ. А когда метутъ, то не разрѣшается прыскать водой на полъ:—коробки отсырѣютъ. Работы 12 часовъ, а заработокъ 15 копѣекъ. 7½ копѣекъ тебѣ, а 7½ на книжку... Сидимъ кое-какъ. Тѣсно, негдѣ ходить. Въ будни работаемъ, а въ воскресенье безъ дѣла, такъ драки заводятся. Публика буйная, воры, хулиганы, коты, громилы... Я свыкся, ничего... Окна выходятъ на взморье, все видно. Вѣдь это изъ казармы передѣлано, — обыкновенныя окна. Пароходъ ли идетъ, или парусъ бѣлѣетъ... А я и не смотрю, отвернусь, чтобы сердце не сосало...

Мнѣ жалко смотрѣть на него. Я знаю, что это опасный врагъ общества. Шутка сказать: поддѣлыватель цѣнностей. Впрочемъ кредитныя бумажки, даже настоящія, — тоже только поддѣланныя цѣнности. Но онѣ поддѣланы обществомъ. Онъ поддѣлывалъ ихъ на собственный страхъ цвѣтной фотографіей. На полмилліона поддѣлалъ. Завелъ автомобиль и любовницу. И если отпустить его, то, должно быть, возмется за прежнее. Я знаю все это, а по человѣчеству жалко. На паука рука не поднимется убить, а вѣдь это человѣкъ. И его здѣсь убиваютъ медленно—и даже не очень медленно...

Въ нашемъ предбанникѣ весело. Арестанты бѣгаютъ взадъ и впередъ, смѣются, ссорятся. Въ углу какая-то ниша и передъ нишей желѣзная рѣшетка вплоть по потолка. Была, должно быть, дверь, а теперь кирпичемъ заложена, но рѣшетка осталась. Совсѣмъ, какъ желѣзная клѣтка въ звѣринцѣ. Вотъ разбитной человѣкъ съ желтыми усами и рѣпчатымъ носомъ, похожій на Горьковскаго Зазубрину, взлѣзаетъ по прутьямъ до самого верху и поетъ пѣтухомъ. Всѣ смѣются.

Фальсификаторъ кредитокъ вдругъ переходитъ на научную почву и развиваетъ теорію свѣта, совсѣмъ новую, хотя и сродни флогистону, уже основательно забытому.

Свѣтъ — это особая комбинація первичныхъ атомовъ. Въ сущности, свѣтъ это—матерія.

— Я работалъ при помощи особаго аппарата,—разсказываетъ онъ,—надъ разъединеніемъ свѣта и достигъ воспроизведенія любого оттѣнка просто фотографическимъ путемъ на чувствительной пластинкѣ...

Онъ передаетъ подробности тонкихъ, чудесныхъ, запутанныхъ опытовъ: — И знаете ли, въ концѣ концовъ я достигъ созиданія красокъ просто дѣйствіемъ свѣта. Напримѣръ, на чувствительной бумагѣ получались цвѣтные налеты: которые можно было соскабливать ножемъ. Я изслѣдовалъ эти налеты: получался чистый карбидъ, индиго, даже слѣды золота...

Его разсказы поражаютъ смѣсью тонкой учености и фантастическаго невѣжества.

— Если бы меня послѣ суда въ одиночку посадили, я передъ смертью разработалъ бы это научно, и открылъ бы секреты свои,—зачѣмъ же имъ пропадать?

Конечно, онъ попадетъ опять на табачныя пачки или на пеньковый очесъ, или ушлютъ его на амурскую дорогу, если еще до того не сгніетъ въ грязной камерѣ, на черномъ полу, возлѣ текучей параши.

Короткое молчаніе. Онъ начинаетъ опять и разсказываетъ исторію безумной любви, которая оторвала его отъ семьи и бросила въ эту пучину.

— Ну, что-жъ, 40000 въ годъ проживалъ, свой автомобиль завелъ. Два года попировали—и будетъ съ меня...

— А не было ли вмѣстѣ съ вами „политиковъ“ въ казарменной тюрьмѣ?

— Былъ одинъ, изъ хохловъ, Антонъ Кирдіенко, парнишка молодой. И дѣло его странное. Онъ служилъ въ Сибири въ переселенческомъ управленіи и дѣлалъ различные подлоги въ пользу крестьянъ-переселенцевъ, сочинялъ для нихъ ссуды и льготы. У него были бланки, фальшивыя печати, поддѣланныя подписи. Онъ изубыточилъ казну на три милліона рублей, но на слѣдствіи выяснилось, что самъ онъ ничѣмъ не пользовался, взятокъ не бралъ, скорѣе изъ своихъ отдавалъ. Судили его дважды. Въ первый разъ закатали на каторгу, а потомъ по кассаціи дали полтора года арестанскихъ ротъ со всякими зачетами. Въ августѣ ему выходить, только увезли его отъ насъ...

— Владиміръ Богоразъ.

Двое часовыхъ съ обнаженными саблями. Идемъ закоулками, какими-то узкими и черными проходами, наконецъ попадаемъ на общій корридоръ Петербургскаго Суда, увы, знакомый мнѣ издавна. Обычная публика. Какая-то женщина ахаетъ: „Ахъ, бѣд-

ный старикъ". Видно, я, дѣйствительно, бѣдный старикъ... Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Новый допросъ. Еще по одному дѣлу не успѣлъ досидѣть, а другое ужъ лѣзетъ на голову. Вотъ навожденіе... Кончено; ѣдемъ назадъ. Ворота, солдаты, сдача, пріемка, моторъ. Пріѣхали домой.

— Ну-съ, что вы привезли,—спрашиваетъ зальный надзиратель. Средняя площадь нашей тюрьмы называется заломъ.

— Да я былъ на допросѣ, а копіи еще не получилъ.

— Какія тамъ копіи... А нѣтъ ли съ вами бутылки вина?..

И онъ ощупываетъ руками мои карманы и бока. Руки у него холодныя, какъ будто у лягушки.

Чортъ съ вами, обыскивайте. А я какъ будто дѣйствительно выпилъ вина, былъ вмѣстѣ съ людьми, съ арестантами, съ братьями.

Таковы-то наши тюремныя развлеченія.

Время.

Тяжко, душно. Ломитъ въ боку и голова кружится. Медленно движется время. Тюремныя сутки тянутся дольше на треть даже по закону: тридцать два часа вмѣсто двадцатичетырехъ. Оттого въ одиночкѣ девять мѣсяцевъ засчитываютъ за годъ.

Время, милое, родное, иди скорѣе. Ты одно, спасительное, проходишь, не стоишь на одномъ мѣстѣ. Другъ несчастныхъ, носитель забвенія, великій уравнитель земли, божественный компасъ, истинный Богъ и властитель міра, безстрастное, величественное, скорѣе, скорѣй проходи...

Больница.

Во всемъ Петербургѣ на 15,000 арестантовъ одна больница въ нашей центральной тюрьмѣ. И когда въ Дерябинской казармѣ или въ Спасской части какой-нибудь хроническій больной черезчуръ надоѣстъ мѣстному фельдшеру своими постоянными жалобами, его отправляютъ сюда на поправку...

Къ намъ постоянно привозятъ изъ всѣхъ петербургскихъ остроговъ избитыхъ и чахоточныхъ, сифилитиковъ и сумасшедшихъ. Сюда же попадаетъ и кандальный изъ Пересыльной уже при послѣднемъ издыханіи, и Панченко изъ Предварилки, и Ласси О'Бріенъ, и всякіе тюремные нотабли.

Здѣсь пять большихъ бараковъ, и всѣ переполнены. Мѣста не хватаетъ и больные спятъ на полу. Мнѣ приходится почти ежедневно ходить въ шестое отдѣленіе къ умалишеннымъ. Тамъ оторопь беретъ даже на корридорѣ. Сумашествіе въ тюрьмѣ—вѣдь

это двойной ужасъ. Больные сидятъ въ изоляторахъ, съ страшными лицами. Одинъ воетъ, какъ звѣрь, другой лежитъ на соломѣ въ углу. Онъ гадитъ подъ себя и койку у него отобрали.

Вотъ этого забрали за безписьменность въ часть, а онъ оказался слабоумнымъ. Куда его дѣвать? Послали его сюда. Его еще не допрашивали и если онъ не поправится, то, пожалуй, никогда и не допросятъ. И русская казна будетъ кормить его казеннымъ горькимъ хлѣбомъ до желтаго тюремнаго гроба.

Сторожъ изъ уголовныхъ разсказываетъ: „Сегодня умеръ одинъ. Слава Богу, мѣсто опросталось". Каждый день онъ докладываетъ мнѣ однообразно, какъ часы: „Сегодня умеръ одинъ. Сегодня умеръ одинъ".

— Этотъ мучился шибко, Богъ съ нимъ, и насъ тоже измучилъ. Не ѣлъ и не спалъ; умеръ, почитай, съ голоду. Такой пожилой, служилъ на казенномъ заводѣ, жена пенсію за него получаетъ. У насъ задумываться сталъ. Сидитъ ночью, не спитъ. Давали порошки: не дѣйствуетъ, не заволакиваетъ его. До тѣхъ поръ сидитъ, пока упадетъ, головою прямо объ полъ. Тогда уже спитъ. Разъ объ косякъ пришелся лысиной, такая шишка вскочила... А ѣды не ѣстъ, кричитъ: „У васъ ѣда отравленная. Вы травите меня". Кормили его два раза кишкой черезъ носъ (?). Вставятъ поглубже да накачиваютъ молоко, а ему глотать приходится. Да видно не взяла наша... А ужъ и возня. Двое держатъ за руки, двое за ноги. Одинъ кишку поддерживаетъ, одинъ накачиваетъ... Сегодня въ полночь, слава тебѣ Господи, померъ, ослобонилъ насъ, мы измотались съ нимъ. Сидѣлокъ нѣту у насъ, сестеръ милосердныхъ. Я одинъ за все отвѣчаю. Дровъ наруби, шесть печей вытопи, принеси, подай, покорми, убери. А вѣдь ихъ сколько здѣсь. Скорѣй бы умирали. На то и больница".

И безъ того умираютъ, мой милый. Правда, на то и больница... Рядомъ съ больницей стучитъ и клеитъ гроба собственная мастерская тюремнаго вѣдомства. И даже гробовъ не хватаетъ. Приходится возить со стороны.

Лучше бы жгли на огнѣ, а пепелъ пускали по вѣтру...

Человѣческая плѣсень.

Исповѣдь.

Ходилъ въ церковь къ священнику, исповѣдался, причастился... Въ церкви тѣсно. Нагнали арестантовъ больше полтысячи. Ладаномъ накадили. Поютъ. Въ дымномъ и пыльномъ воздухѣ даже звуки какъ будто застреваютъ. Насилу достоялъ до конца. Такъ угорѣлъ, чуть не свалился на землю.

Когда пропускали насъ въ церковь, считали по спинамъ, какъ скотъ. Сталъ въ очередь, дошелъ до амвона.

— Чѣмъ ты грѣшенъ?

— Ропотомъ грѣшенъ, ропщу на судьбу. Много горя на нашей землѣ.

Рвется изъ самаго сердца, хотя и знаю, что у него уши завѣшены.

— Люди сами виноваты, какъ неразумныя дѣти.—Что люди? Люди—черви. Я на Бога ропщу.—Богъ наказываетъ людей, какъ неразумныхъ дѣтей. Также и васъ. Черезъ годъ или два будетъ вамъ лучше, сами увидите.

Что скажешь ему? Хорошо бы вправду имѣть такую вѣру:— Богъ нашъ отецъ, а мы любимыя, хотя и истязуемыя дѣти. Какъ въ „Домостроѣ“ указано: „Истязуй сына своего съ молоду“...

— Разрѣшаются грѣхи рабу Божiю Владимiру. Чадо, иди съ мiромъ.

Какой добрый этотъ священникъ. Какъ онъ легко прощаетъ грѣхи. Но туда, въ нашу кромѣшную темницу, небось, ни разу не заглянетъ, ни съ кѣмъ слова не скажетъ, не поможетъ разогнать тупую тоску. Дома сидитъ съ попадьей.

„Богъ прощаетъ тебя, чадо. Иди съ миромъ“... А двери-то, небось не откроютъ. Небесныя власти прощаютъ легко на словахъ, а земныя, увы, не прощаютъ. А вѣдь, кажется, спасенiе души важнѣе спасенiя тѣла. То вѣчность, а то, скажемъ, три года заключенiя въ крѣпости. Дарятъ корову, а за курицу со свѣту сживаютъ. Пока доберешься до неба, въ земныхъ капканахъ переломаешь себѣ ноги.

Какъ же ее устроить иначе?

Вы спросите меня:

— Какъ же устроить иначе тюрьму.

И я вамъ отвѣчу:

— Зачѣмъ же строить тюрьму? Тюрьму не надо строить иначе, тюрьму надо совсѣмъ уничтожить.

Нельзя государству быть безъ тюрьмы, безъ публичнаго дома, безъ биржи, безъ дредноутовъ, безъ интендантства, безъ миллiарднаго долга.

Такъ ли? Не знаю... Но знаю одно: такою цѣною мы не согласны платить за культуру. Намъ не надо тюрьмы. Ибо вся наша земля и безъ того тюрьма, жизнь—это каторжный срокъ, и смерть — неизбѣжная казнь безъ всякой кассацiи и даже безъ отсрочки.

Не нужно тюремной ограды; довольно съ насъ и могильной ограды. Черезъ нее вѣдь тоже назадъ не перескочишь. Кто же дерзаетъ быть судьею союзнику и брату, если еще черезъ мѣсяцъ они, быть можетъ, оба попадутъ въ одну и ту же черную яму?

Я ненавижу тюрьму и тюремщиковъ, судей, прокуроровъ и даже адвокатовъ, ибо и они тоже составляютъ необходимое звено этой судебной цѣпи истребленія... Себя самого ненавижу за то, что сидѣлъ въ тюрьмѣ. Сидѣть въ тюрьмѣ—это рабскій, дурной поступокъ. Самый подлый поступокъ всей моей жизни въ томъ, что я согласился столько лѣтъ, такую огромную долю бытія своего провести въ тюрьмѣ. Не надо тюрьмы...

Но ежели вамъ безъ тюрьмы никакъ невозможно и вы спросите снова, какъ же устроить тюрьму,—я вамъ отвѣчу такъ:

Не стройте ее въ большомъ городѣ. Наши города—это кошмаръ, проклятіе изъ камня. Постройте вашу тюрьму въ зеленой пустынѣ, среди необъятныхъ полей и Божьихъ лѣсовъ, подъ вольнымъ и синимъ и открытымъ небомъ. И вмѣстѣ съ тюрьмою замкните въ ограду поле и лѣсъ и природу. Пусть тюрьма будетъ садомъ, хотя бы и плѣннымъ.

Поставьте ее на островѣ, среди текущихъ водъ, и островъ окружите стражей. Пусть оттуда никто не выходитъ безъ вашего вѣдома. И на этотъ островъ посадите вашихъ несчастныхъ преступниковъ. И пусть въ этихъ малыхъ предѣлахъ они будутъ свободны. Сдѣлайте такъ, чтобы на отрѣзанномъ островѣ они все-таки жили, какъ подобаетъ людямъ. Дайте имъ работу, достойную людей, а не проклятыя табачныя пачки. Не искажайте ихъ души одиночкой и карцеромъ, и не сочиняйте для нихъ бездушныхъ и кровавыхъ регламентовъ. Дайте имъ браки, и семьи, и женъ и дѣтей, чтобы они не лѣзли на стѣну и другъ на друга.

Не командуйте ими. Пусть они сами командуютъ собой. Въ узкихъ предѣлахъ своего запертаго улья пусть они будутъ общественнымъ тѣломъ, какъ плѣнныя, но бодрыя пчелы.

Помните, что они люди. Не считайте ихъ хуже себя, ибо по истинной правдѣ вы тоже нисколько не лучше ихъ. Если они въ острогѣ, а вы на волѣ, такъ вѣдь это только случайность. Вы могли бы быть въ острогѣ, какъ разъ на ихъ мѣстѣ, а они—на вашемъ.

На островѣ устройте тюрьму, а ограду поставьте по ту сторону воды и, если угодно, поставьте пулеметы, но только закройте ихъ зеленью и украсьте цвѣтами, чтобы небо не видало.

А лучше всего сожгите тюрьму и разбросайте обожженные камни, мѣсто посыпьте солью и распашите плугомъ и засѣйте хлѣбами. Не то поставьте надъ нимъ бѣлую доску. И на доскѣ напишите: „Здѣсь мѣсто пляски“, какъ написали французы на мѣстѣ Бастиліи.

Бастилія пала и больше не встанетъ. Дай Богъ, чтобы со всѣми ея сестрами случилось тоже.

Послѣсловіе.

Позавчера я вышелъ на волю. Ѣду въ поѣздѣ, — куда, не знаю хорошенько. Кажется, въ Москву, а быть можетъ и подальше. Тѣло мое вышло изъ плѣна, а душа не вышла. Всю тюрьму я словно увезъ съ собой, какъ черный багажъ.

Сижу на скамейкѣ и отдѣленія вагона кажутся мнѣ, словно камеры. Кондукторъ—это надзиратель. Машинка для прорѣзки билетовъ похожа на ключъ. Пришли, отобрали паспорта — то бишь билеты,—заперли двери; сиди до утра.

Какъ мнѣ сбросить съ души черную густую паутину, куда забраться, чтобы пригладить свои растрепанныя перья? Ѣду на волю, а за ногу словно привязанъ шнурокъ. Помятый воробей, побывавшій у кошки въ когтяхъ, можешь ли ты еще чирикать по прежнему?

Выщипали тебѣ крылья, и сталъ ты, какъ сѣрая Мымра. У Мымры нѣту ни крыльевъ, ни перьевъ, одинъ хвостъ да хохолъ, и тѣ побитые молью...

Первая ночь миновала. Новое утро. Поѣздъ летитъ, мелькаютъ темныя ели, бѣлыя березы и красныя будки. Солнце смотритъ въ окно безъ всякой рѣшетки, свѣтитъ ярко и щедро, лукаво смѣется и шепчетъ:

— Богъ съ тобою, чирикай, да только съ оглядкой...

Танъ.

ОТЕЦЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Отошли отъ пристани. Пароходъ былъ дрянненькій, а Волга бушевала. Узкой лѣсенкой спустился я въ каюту. Горѣла люстра въ три электрическихъ лампочки надъ бѣлымъ, длиннымъ столомъ. Присѣлъ я на диванчикъ, обитый сѣрымъ сукномъ, оглядѣлся. Пусто. Бухало, взвизгивало, завывало снаружи. Разсерженная Волга била волнами въ слабыя стѣнки парохода. Уныло поблескивали на бѣлой скатерти подъ низкой люстрой бокалы, нечистый графинъ съ водой.

Нѣчто смутное заставило меня насторожиться. Мнѣ показалось, что я не одинъ. Донеслось слабое треньканье струнъ. За столомъ, сквозь мглистую завѣсу свѣта, призрачно выступило блѣдное лицо, длинное, худое, съ бѣлокурыми, жидкими усами, съ бѣлесыми глазами.

— Васъ не безпокоитъ моя гитара? — донесся глуховатый басъ.

— Нѣтъ, отчего-же...

Нѣжно, слабенько тенькала гитара. Я полулегъ на чемоданчикъ, задумался. За спиной тряслось, ухало, колотилось. Гдѣ-то вдали торопливо стучала машина.

— У меня отецъ померъ. Сегодня хоронили.

Вздрогнувъ, посмотрѣлъ я черезъ столъ. Сѣрые глаза глядѣли на меня сквозь вуаль свѣта. Блѣдно выступалъ грифъ гитары. Длинные пальцы медленно перебирали струны. Вверху звякнуло стекло круглаго окошка.

— Понимаю,—произнесъ сосѣдъ, пристально вглядываясь въ меня. Худое, длинное лицо два раза утвердительно кивнуло. Онъ всталъ, прошелся, помахивая гитарой. Былъ это высокій молодой человѣкъ, съ узкой грудью, съ жиденькими, зачесанными назадъ прядями волосъ.

— Понимаю,—протяжно говорилъ онъ, остановился, посмотрѣлъ на меня черезъ столъ и, словно переламывая что-то въ себѣ, съ грубоватой довѣрчивостью сказалъ:—Вамъ непріятно... что я, этакъ, срыву?

Я неопредѣленно поднялъ брови, въ затрудненіи молчалъ.

— Ну, конечно,—съ горечью говорилъ молодой человѣкъ, шагая по каютѣ,—сотни перегородокъ. А вздумаешь отстранить, выходитъ сугубая неловкость. Вы меня извините!..

— Да въ чемъ-же, помилуйте...

Длинная, сутулая фигура шагала, раскачиваясь, мимо люстры за столомъ.

— А не будемъ-ли чай пить?—съ благодушной вибраціей прозвучалъ басъ. Худощавое лицо отеплилось улыбкой.

II.

— Бякнулъ я, конечно: отецъ померъ. А самъ съ гитарой. Вижу: въ глазахъ у васъ холодокъ.

Говорилъ онъ торопливо, наливая съ неловкостью въ стаканы мутноватый чай и желтую волжскую воду. Тихонько позванивали бокалы на дрожащемъ столѣ. Ухало, глухо плескалось вверху за темными, круглыми окошками.

— А все это не такъ. Ну, померъ, ну, отецъ. Шаблонъ тутъ.

Мы сидѣли другъ противъ друга за узкимъ столомъ. Мой собесѣдникъ былъ весь одноцвѣтный, сѣро-желтый, какъ волжскій песокъ: сѣроватое лицо, невидныя брови, песочные, жидкіе усики, блѣдные волосы. Черты крупныя, серьезнаго склада. Зыбкими тѣнями бѣгаетъ по лицу тревога. То хмурилъ онъ бѣлыя брови, то глядѣлъ на меня довѣрчиво, настойчиво, какъ-бы добиваясь сердечнаго вниманія.

— Уѣздная братія—родные, знакомые,—ихъ я понимаю. Обычаи, суевѣрья—безъ этого шагу ступить не могутъ,—говорилъ онъ, быстро глотая чай,—ну, а интеллигенція? Въ родѣ васъ, напримѣръ? Требуется, значитъ, притворная печаль? Скорбные вздохи?

Было ясно, что ему хотѣлось о чемъ-то разсказать подробно и душевно. И минутъ черезъ пять глуховатый басъ рокоталъ безостановочно, а я слушалъ.

— Не всѣ старообрядцы одинаковы,—разсказывалъ онъ,—но моя семья была на отличку: богобоязненная. Къ отцу и къ матери народъ кругомъ относился съ уваженьемъ, потому что молиться мастера были. Въ моленной тятяша выстаивалъ, не шевелясь, всю всенощную съ начала до конца и во время каѳизмъ не присаживался. А это у насъ тянется шесть часовъ. „Какъ свѣча стоитъ“—съ умиленьемъ говорили про него старушки. Ну-съ, а я единственный сынъ въ семьѣ, и все это благочестіе на меня гирей налегло. Я—послѣдышъ. До меня братья и сестры маленькими перемерли. Отца съ матерью я молодыми не видѣлъ. Насколько запомню, всегда они были благолѣпными стариками. Мамаша въ темномъ платочкѣ, съ морщинками, личико восковое, какъ на старыхъ иконахъ. Запугалъ ее тятяша, должно быть, здорово еще съ молоду. Только губами шевелитъ да вздыхаетъ, куда ни взглянетъ. На часы посмотритъ—пригорюнится и вздохнетъ. На стулъ взглянетъ—горестно головой поникнетъ. Унылая старушка. Зато тятяша—чистый орелъ. Волосы на головѣ и въ бородѣ черные, густые, курчавые, съ просѣдью. Брови лохматыя, и смотритъ всегда такъ, будто съ каждымъ воевать собирается. Угрюмый, молчаливый, на весь міръ сердитъ. Съ мамашей почти не говорилъ. Развѣ въ недѣлю однова скажетъ:

— Мать, подай чапанъ.

Или воркотно пробурчитъ:

— Куды лѣстовку засунула. Не найдешь.

Мамаша при этихъ словахъ такъ вздрагивала, словно это былъ не голосъ человѣческій, а неожиданный свистокъ парохода, что-ли. Отвыкла. Ну, конечно, бросалась, шарила, роняла изъ рукъ, охала. Трепетала передъ нимъ, какъ струнка. На Бога Саваоѳа, на закопченой, грозной иконѣ, менѣе преданно и не такъ испуганно глядѣла.

Въ домѣ у насъ было нерушимо тихо, темно и пахло какимъ-то удушьемъ, не то старымъ платьемъ, не то деревяннымъ масломъ. Со мной тятяша разговаривалъ почаще, но все съ тычкомъ и окрикомъ.

— Что лба не перекрестишь? Татаринъ, что-ли?—говорилъ онъ, когда за столомъ бралъ я ложку. И жесткимъ пальцемъ стукалъ меня по маковкѣ. Я не поднималъ голову, потому что боялся увидѣть его сердитые, какъ сверла, глаза подъ лохма-

тыми бровями. Не дай тоже Богъ, если я забудусь и тихонько замурлычу что-нибудь.

— Запѣлъ?—слышался громкій окрикъ,—въ кабакѣ, что-ль? Смотри у меня, дождешься!

Возраженій или оправданій съ моей стороны не допускалось. Если заикался только:

— Я, тятяша...

То ужъ раздавался повышенный голосъ:

— Я тебѣ огрызнусь! Поговори у меня!

Должно быть, и я иногда неласково на него смотрѣлъ, потому что онъ вдругъ ощетинивался и спрашивалъ:

— Ты чего буркалы выпялилъ, звѣренышъ? На кого смотришь? Порадуйся вотъ,—изрѣдка обращался онъ къ матери,—выняньчила на свою шею.

Онъ подходилъ ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ. Я сжимался въ ужасѣ и, замирая, ждалъ, какъ онъ меня дернетъ за волосы. Дергалъ часто. Закрутитъ пальцами въ вихрахъ и—дергъ влѣво, дергъ вправо. Словно огнемъ обжигало. А главное, стыдъ и злоба. Такъ бы и вцѣпился зубами въ его волосатую руку. Хотя никакой другой жизни я не видѣлъ, но съ дѣтства рѣшилъ, что нигдѣ такъ плохо не живется, какъ въ нашемъ домѣ. Я былъ увѣренъ, что тятяша, неизвѣстно за что, ненавидитъ меня.

Тяжело еще было по ночамъ. Лежишь на постилкѣ на полу подъ теплымъ одѣяломъ, ноженки подожмешь комочкомъ, весь разомлѣлъ, забылъ въ жаркомъ снѣ про всѣхъ и про все, и вдругъ чувствуешь, кто-то жестко толкаетъ въ бокъ, и въ полуснѣ слышишь знакомый голосъ, отъ котораго леденится сердце:

— Чего дрыхнешь? Долго я буду съ тобой хороводиться?

Я поднимался въ полузабытьѣ, ежился отъ холода въ рубашонкѣ, глаза слипались, и подъ вѣками словно иглы были засыпаны. Аккуратно въ полночь отецъ вставалъ каждую ночь и вслухъ, нараспѣвъ, читалъ полунощницу. Передъ иконами мерцала лампадка, двѣ-три восковыхъ свѣчи горѣли возлѣ аналойчика, и косматая голова отца склонялась надъ книгой. Мы съ матерью смиренно, молча стояли позади, стараясь поймать слова и движенья отца, чтобы вмѣстѣ съ нимъ положить во время земной или поясной поклонъ. Помню обычное ощущенье: холодная дрожь трясла меня со сна, и сердце щемило унылой печалью.

III.

Лѣтъ семи отдали меня учиться къ мастерицѣ. Такъ называютъ у насъ старушенокъ, которыя живутъ въ сиротскихъ кельяхъ и учатъ парнишекъ азбукѣ и псалтырю. Читалъ я сначала съ рогулькой-указкой: буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва, ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій. Потомъ перешелъ на высшую мудрость—псалтырь. Мастерица иногда шипѣла на насъ, хлестала двухвосткой, и мы съ удвоенной силой жужжали свои уроки. Я, впрочемъ, мало боялся ея двухвостки. Гораздо страшнѣе было, когда она грозила: „А вотъ я отцу скажу! Онъ-те задастъ!“ Странное дѣло, отецъ меня больно не наказывалъ, все дѣло кончалось тычками и вихрами, а жутко было. Хуже всякой двухвостки.

Помню страшный день: я разбилъ синюю любимую отцовскую чашку. Онъ пилъ изъ нея горячую воду съ клубничнымъ вареньемъ. Чай пить у насъ считалось за грѣхъ. Мы съ матерью пили сушеную малину. Разбилъ чашку, уронилъ на полъ, когда несъ ее отъ комода къ столу. Отца не было дома. Помертвѣли мы съ мамашей. Она только и успѣла пролепетать пересмякшими губами: „Степочка!..“ а я ужъ летѣлъ въ дверь, на дворъ, на улицу. Скитался, не знаю гдѣ, до вечера. Сердчишко жалось, колотилось, какъ у преступника. Это былъ, кажется, самый грустный день моей жизни. Вѣроятно, въ такомъ отчаяніи бываютъ только нечаянные убійцы. Все бѣгалъ я и бормоталъ: „Господи, Господи!..“ Еслибы зналъ, что на свѣтѣ есть Америка, убѣжалъ бы туда. Да не зналъ я тогда про Америку,—восьмой годъ всего шелъ! Ну, вернулся всетаки домой. Въ сѣняхъ поджидала мамаша. Можетъ быть, весь день тутъ простояла. Схватила, задыхается, толкаетъ къ двери, лепечетъ:

— Ступай въ горницу. Поклонись въ ножки. Скажи: „Прости Христа ради, тятяша, никогда не буду“.

Перешагнулъ я черезъ порогъ. Темно въ комнатѣ, лампадка красненькимъ огонькомъ мерцаетъ въ углу. И вижу, двигается молча на меня черная, высокая фигура.

— А, явился, соколъ? — слышу знакомый, страшный голосъ,—нову моду выдумалъ—пропадать бо-знать гдѣ. Кланяйся въ ноги, проси прощенья.

Жесткіе пальцы зацѣпили мои вихры и тянули къ полу. Я упирался, пятился. Волосы огнемъ жгли голову. Слезы залили мое лицо, а я кричалъ въ изступленіи:

— Не хочу! Уйди!..

— А, не хочешь! Ну, погоди, я изъ тебя дурь эту выколочу. Мать, доставай-ка розги.

Я рванулся, выдралъ голову, метнулся въ спальню, бросился подъ кровать и потерялъ сознанье. Очнулся утромъ на своей постилкѣ. Розгами меня не пороли, но чашечка эта осталась памятна.

У мастерицы я узналъ отъ парнишекъ, что есть родныя дѣти и есть подкидыши. Стало ясно. Вотъ оно что: я—подкидышъ. Ну, ничего, выросту большой, уйду, куда глазыньки глядятъ. Подкидышъ... А зачѣмъ онъ меня бралъ? Лучше бы помереть подъ заборомъ. Было жаль себя, я плакалъ, когда шелъ домой, и хмурилъ брови, сжималъ зубы.

Дома, какъ привороженный, слѣдилъ я глазами за отцомъ. Безшумно бродитъ онъ въ сѣрыхъ валенкахъ по горницѣ, поправитъ лампадку, переложитъ толстыя книги въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками—и опять ходитъ, насупливая брови, и какъ будто съ угрозой кому-то шепчетъ про себя. Мать копошится, какъ мышка, за перегородкой. Тихо въ домѣ. И я все слѣжу за большимъ, лохматымъ, сѣдымъ человѣкомъ. А въ маленькой душонкѣ не разберешь что: не то страхъ, не то ненависть, не то любопытство, странное, тянущее, нездоровое. Сердчишко свербитъ, щемитъ. Изрѣдка бывали у меня ночныя минуты смутнаго торжества надъ отцомъ. Послѣ полунощницы я камнемъ валился на свою постилку и сейчасъ же засыпалъ. А отецъ продолжалъ класть передъ иконами земные и поясные поклоны. Иногда я просыпался; въ глаза попадалъ красный огонекъ лампадки, и я замѣчалъ, что подъ иконами, въ темнотѣ, кто-то глухо бормочетъ и кланяется въ землю. Въ первый разъ я напугался, когда отецъ поднялся къ свѣту лампадки, и я разглядѣлъ его лицо. Оно было чужое, необычайное. Какъ будто онъ дѣлалъ чрезмѣрныя усилія заплакать и все не могъ. Лицо дергалось, вытягивалось книзу, глаза воспаленно глядѣли, не отрываясь, на темные лики иконъ, а губы судорожно, беззвучно шевелились, словно внутри говорились напряженныя, вымученныя слова. Минутами эта неслышная рѣчь вырывалась тонкимъ стономъ, непохожимъ на обычный грубый голосъ отца. Со страхомъ глядѣлъ я на эту ночную картину, и сонъ соскочилъ съ меня. А потомъ, если случалось просыпаться, я сталъ переживать что-то въ родѣ темнаго, нехорошаго, злораднаго удовольствія. Мыслей въ головенкѣ, вѣроятно, не было, а ползли смутныя ощущенія въ такомъ родѣ: „Ага, дескать, и ты кого-то боишься! И ты

передъ кѣмъ-то виноватъ!“ Притомъ лежалъ я въ темнотѣ и твердо зналъ, что отецъ моего соглядатайства не замѣтитъ. Онъ считалъ себя наединѣ съ Богомъ. Мамаша спала за перегородкой, меня онъ тоже считалъ спящимъ или, попросту, забывалъ о моемъ существованіи. А я глядѣлъ и жадно отпечатлѣвалъ въ своей душонкѣ образъ сѣдого, суроваго человѣка, униженнаго передъ Богомъ.

IV.

Отъ мастерицы меня вскорѣ взяли.

— Не къ чему время тратить,—заявилъ отецъ,—не писаремъ будетъ.

Съ восьми лѣтъ приставили меня къ торговлѣ. У насъ въ дому, на улицу, была мелочная лавченка; торговали въ ней чаемъ, мыломъ, сахаромъ, спичками и прочимъ мусоромъ. Торговлишка была плохенькая, и самъ отецъ не занимался въ лавкѣ. Онъ скупалъ хлѣбъ и ссыпалъ его въ два большихъ амбара во дворѣ. Въ лавченкѣ надлежало торчать намъ съ мамашей. Отецъ ходилъ на базарѣ среди возовъ, якшался съ купцами и велъ вообще отдѣльную жизнь. Мнѣ полагалось стоять съ утра до вечера у дверей лавченки и зазывать покупателей. Съ какой завистью глядѣлъ я на уличныхъ мальчишекъ, которые, какъ стайка воробьевъ, съ гикомъ пробѣгали мимо лавки. Я попрыгивалъ у дверей и кричалъ равнодушнымъ прохожимъ:

— Чего покупаете? Вотъ суды пожалте!

Должно быть, мамашѣ иногда дѣлалось жаль меня. Она говорила, робко озираясь изъ двери направо и налѣво по улицѣ:

— Подь, Степочка, пыграй возля лавочки. Только, мотри, далеко не отходи. Неровенъ часъ, отецъ подойдетъ.

Радость не велика—играть около магазинчика. Былъ я застѣнчивый, глядѣлъ исподлобья, а парнишки насмѣхались.

— Колугуръ, калуханъ!—обзывали они меня,—ступай въ рогожное заведенье.

Слова, конечно, въ сущности безсмысленныя, но я былъ очень чувствительный; насмѣшливый тонъ отравлялъ мою душенку. Дѣлалось стыдно за свое старообрядчество, за свою моленную, которую почему-то въ городѣ обзывали рогожнымъ заведеніемъ. Вольнымъ мальченкамъ, разумѣется, не стоялось на одномъ мѣстѣ; они убѣгали отъ лавки, а я, озираясь, плелся къ своему косяку у дверей. Бывало и такъ: подходишь къ лавкѣ, а изъ двери вы-

совывается знакомая, бородатая голова въ картузѣ, подъ которымъ загибаются жестокія сѣдыя кудри.

— Гдѣ шатался, лобанъ? — гнѣвно спрашивалъ отецъ, — аршина провѣдать захотѣлось?—И если подъ рукой былъ деревянный, засаленный аршинъ, то онъ стукалъ меня по головѣ, по плечамъ, куда попадетъ.

Нравилось мнѣ съ чайникомъ ходить къ бассейну. Это былъ превосходный предлогъ вырваться на минутку изъ лавки. Лѣтомъ я нарочно разливалъ воду зигзагами на пыльномъ полу лавки и заявлялъ матери:

— Мамаша, надо за водой сбѣгать.

— Подь, подь,—говорила она обычнымъ унылымъ тономъ, и непремѣнно съ опаской добавляла:—да недолго, мотри.

Какъ пріятно было помахивать мѣднымъ чайникомъ и увѣренно идти сначала по улицѣ, а потомъ черезъ широкую площадь къ бассейну! Солнце сіяетъ на крестахъ собора, Волга синѣетъ въ прорѣзѣ улицы, и, случается, пароходъ простучитъ мимо съ бѣлымъ дымкомъ позади; люди идутъ вдоль и поперекъ площади, приказчики видны у дверей длиннаго корпуса,—какой большой міръ! Хоть минутку поглядѣть, и то душа ширится!...

И съ чайникомъ не всегда хорошо сходило. Идешь безпечно назадъ, присасываешься горячимъ ртомъ къ влажной, холодной дудочкѣ, а въ дверяхъ поджидаетъ отецъ.

— Опять пропалъ? Куды носило?

— За водой, тятяша...

— Я-те дамъ за водой! Выдумщикъ!...

Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, дѣло кончалось тычкомъ. А я чувствовалъ себя преступникомъ, и очень меня изумляло, какъ это отецъ сразу постигаетъ мою хитрость.

Вечеромъ шли домой. Изъ горницы слышно было, какъ съ улицы отецъ громыхалъ ставнями, заталкивалъ болты. Въ комнатахъ дѣлалось черно и тихо. Мамаша зажигала лампу. Хлопала калитка, гремѣлъ засовъ. Потомъ тяжелые шаги отца слышались въ сѣняхъ. Онъ шарилъ рукой въ темнотѣ и запиралъ изнутри закладками и засовами крыльцо. Наконецъ, входилъ въ горницу и закидывалъ у избной двери желѣзный крюкъ. Молча ужинали. Отецъ все какъ будто о чемъ-то тяжело думалъ и насъ почти не замѣчалъ. А мы съ матерью, кажется, глядѣли на него, не отрываясь. Если и бокомъ стояли или отвертывались, то не выпускали его изъ виду. Мнѣ казалось, что вся тишина въ домѣ натянута для того, чтобы не проронить ни одного движенія этого хмураго человѣка. Онъ надѣвалъ послѣ ужина валенки и тихо

ходилъ по горницѣ, кудлатый, сѣдой, съ насупленными лохматыми бровями. И все о чемъ-то думалъ. Иногда шевелилъ губами и даже останавливался, дѣлалъ короткій жестъ рукой. Насъ не видѣлъ. Вечерняя жизнь у меня въ томъ и заключалась, что въ оцѣпенѣломъ молчаніи я созерцалъ загадочнаго человѣка, который почему-то былъ моимъ отцомъ. Дѣлать мнѣ рѣшительно нечего было. Книгъ у насъ не водилось, да я и читать путемъ не умѣлъ. Нашелъ я въ чуланѣ пыльную, пожелтѣвшую книгу безъ начала и конца, съ обгрызенными отъ мышиныхъ зубовъ углами и сталъ ее отъ скуки по складамъ разбирать. Отецъ увидѣлъ, вырвалъ и куда-то закинулъ, а меня выдралъ за вихоръ.

— Фа̀балы читать вздумалъ? Смотри!—Онъ почему-то свѣтскія книги называлъ фа̀балами и ненавидѣлъ ихъ, какъ смрадную нечисть.

Вотъ и сидишь вечеръ, дремлешь. Въ полуснѣ видишь—отецъ пересталъ ходить и развернулъ передъ лампой кожаную книгу. Забудешься на минутку—смотришь: отецъ снова поскребываетъ валенками по горницѣ. Наконецъ, дождешься окрика:

— Чего торчишь? Стели постель!

Съ перепугу отъ неожиданности духъ перехватитъ. Сорвешься, бѣжишь въ чуланчикъ, выволакиваешь постилку, кладешь передъ образомъ нача̀лъ съ поясными и земными поклонами. Великимъ постомъ было особенно трудно полусонному класть, какъ полагалось, всѣ поклоны въ землю. А потомъ сваливался камнемъ и спалъ, пока въ полночь не просыпался отъ расталкиванья. Выстаивалъ полунощницу и опять валился спать.

Подъ большіе праздники ходили ко всенощной въ моленную. Мрачно, уныло, торжественно и длинно, длинно. Пѣніе протяжное, тоскливое. Читаютъ безъ конца. Спину ломитъ, голова окостенѣетъ, съ тоской смотришь на свѣчки и кадильный чадъ, а уйти нельзя — отецъ увидитъ. Зато была маленькая радость: выскочить при концѣ изъ темной, низкой, душной моленной и по свѣжему воздуху мчаться домой, расправляя застывшія косточки.

Ну, время бѣжало. Шелъ мнѣ четырнадцатый годъ, а былъ я сущій дикарь. Должно быть, созерцая изо дня въ день тятяшу, я пріучился также смотрѣть исподлобья, потому что знакомыя старушки, забредавшія къ мамашѣ въ лавку, изрѣдка говорили мнѣ въ видѣ любезности:

— Вылитый отецъ. Только тотъ сызмалу былъ черный, а ты бѣленькій. И лобикъ, и бровки—чистый отецъ.

Я быкомъ глядѣлъ на нихъ и молча выходилъ на улицу къ своему косяку. Вытянулся я тонкій и длинный, а разумъ былъ во мнѣ совсѣмъ ребячій. Ни о чемъ понятія не имѣлъ. Такъ бы и рѣзалъ мыло ниткой да кололъ сахаръ косыремъ до скончанія вѣка, если бы не вышелъ одинъ случай.

Очень меня тянуло къ музыкѣ. Какъ только услышу издали шарманку, такъ словно помраченье найдетъ. Ничего не помню, бѣгу, про отца забуду, сердце сладко жметъ и какимъ-то жаромъ внутри полышетъ. Въ нашемъ городишкѣ кромѣ шарманокъ или гармоники, да и то лѣтомъ, ничего на улицѣ не услышишь. Ну, и бѣгу за шарманкой съ кучей ребятишекъ, слушаемъ, розиня ротъ. Опомнюсь черезъ часъ, бѣгу со всѣхъ ногъ въ лавку. Мамаша, конечно, въ трепетѣ.

— Что это, безъ головы что-ли? — шепчетъ она мнѣ и дрожитъ отъ страха, — а ежели отецъ? Чего я ему скажу?

Дѣйствительно, отцу о такомъ ужасѣ и заикнуться нельзя было. Если я прибѣгалъ при немъ, происходила выволочка. Но это была обычная порція за убѣгъ изъ лавки. А ежели-бъ узналъ онъ про музыку... Ну, кажется, убилъ-бы на мѣстѣ.

Вотъ черезъ музыку и вышелъ переворотъ моей жизни.

Въ праздничный день вышелъ я на свой дворъ. Съ возовъ ссыпали въ амбаръ хлѣбъ. Подъ навѣсомъ стояли порожняки. Я взглянулъ туда—и вдругъ сомлѣлъ, ноги сладко заныли, сердце защемило: на возу подъ сараемъ сидѣлъ парень въ красной рубахѣ и тихонько, складно наигрывалъ на гармоникѣ. Я пошелъ къ нему на цыпочкахъ, не спуская глазъ съ гармоники, какъ завороженный. Гармоника была недосягаемой мечтой моей жизни. Я передъ сномъ, лежа на постилкѣ, одурманивалъ себя грезами о гармоникѣ. Никогда ее вблизи я не видѣлъ, и мнѣ казалось, что даже подержать ее въ рукахъ высокое счастье. И вотъ она передо мной. Ничего не видя, весь въ огнѣ, сидѣлъ я около парня, слушалъ, какъ ошеломленный дикарь. Потомъ гармоника оказалась въ моихъ потныхъ, трепетныхъ рукахъ,—должно быть парень, польщенный моимъ восхищеньемъ предложилъ мнѣ попробовать. Я осторожно перебиралъ костяныя клавиши, булькалъ басами, растягивалъ мѣхи и совсѣмъ ошалѣлъ отъ радости. Да вдругъ поднялъ глаза и застылъ на мѣстѣ: черезъ дворъ быстро шелъ къ сараю съ палкой отецъ. Лицо его было перекошено злобой. Онъ въ нетерпѣньи взмахивалъ палкой; видимо, поскорѣе хотѣлъ обломать ее на моихъ бокахъ. Секунды двѣ былъ я въ параличѣ. Потомъ бросилъ гармонику на колѣни парню, ринулся мимо отца, вихремъ промчался дворомъ и перемахнулъ

черезъ заборъ. Въ страхѣ и стыдѣ бѣжалъ я по улицамъ. Трясло меня, словно въ лихорадкѣ. „Куда теперь? Куда теперь?"— спрашивалъ я себя въ отчаяньи. Домой вернуться, мнѣ казалось, невозможно.

V.

— Не наскучило слушать?—спросилъ собесѣдникъ, поглядывая на меня смущенно и благодарно. Онъ былъ замѣтно возбужденъ, привскакивалъ, садился и поджималъ подъ себя колѣно, хмурилъ бѣлыя, низкія брови, подъ которыми поблескивали бѣлесые благодушные глаза, бралъ въ руку крышку чайника и позвякивалъ ею, перекладывалъ гитару съ дивана на столъ и снова со стола на диванъ. Пароходъ трясся, стоналъ, кряхтѣлъ. Снаружи бухало съ тупой, равномѣрной настойчивостью.

— Выпьемъ еще чайку?—вопросительно сказалъ собесѣдникъ, поднося руку ко шнурку со звонкомъ.

— Добавьте-ка горяченькаго кипяточку,—попросилъ онъ заспаннаго лакея.

Съ плескомъ и звономъ ударилось извнѣ въ круглое окошко, и будто вскрикнулъ, застоналъ кто-то за стекломъ. Спутникъ вздрогнулъ, покосился на темное пятно окна.

— Ну, и погодка—аховая!—пробормоталъ онъ. Разсѣянно, торопливо наливалъ чай и желтую воду въ стаканы, погруженный въ воспоминанья. По отсутствующему взгляду и напряженной его суетливости казалось, что онъ хватался за ниточки событій, чтобы связать ихъ въ какой-то смутный для него самого выводъ.

— Да. Ну, такъ вотъ,—встряхнулся спутникъ,—гармоника вышибла меня изъ родительскаго дома. Конечно, побѣгалъ-бы я по улицамъ и вернулся бы. Со стыдомъ, со страхомъ, съ отвращеніемъ къ самому себѣ,—а ничего не подѣлаешь, дѣться некуда. Но тутъ мнѣ нечаянно вспомнился купецъ Семенъ Парфенычъ. Знакомство съ нимъ было невелико. Онъ изрѣдка заходилъ по хлѣбному дѣлу къ отцу въ лавченку и какъ-то разъ щелкнулъ меня ласково по лбу и спросилъ:

— Ну что, купецъ, растешь? А въ шашки играть можешь?

Не знаю, что ужъ меня больше изумило: ласковый-ли, необычный тонъ или странный вопросъ о шашкахъ. Какія тутъ шашки съ моимъ-то тятяшей! Послѣ я узналъ, что Семенъ Парфенычъ считался въ городѣ первымъ игрокомъ по шашечной части и очень гордился этимъ. Въ памяти у меня отпечатлѣлся

добродушный старичекъ съ румяными щечками и сѣдыми бачками. И когда я бѣгалъ въ отчаяньи по улицамъ, а въ головѣ колотились мысли: „Куда теперь? Куда теперь?“—вдругъ выплыло въ памяти ласковое лицо старика. „Пойду къ нему!“—сразу рѣшилъ я и помчался къ базарной площади. Сначала въ головѣ кромѣ этого смутнаго рѣшенья ничего не было, но, пока бѣжалъ я, быстро сложился планъ: „Попрошусь къ нему на службу“!..

Помимо хлѣбнаго дѣла, Семенъ Парфенычъ торговалъ краснымъ товаромъ. Въ корпусѣ былъ у него большой магазинъ. И вотъ я стою передъ купцомъ, красный, дикій, вихрастый, потный, мну картузъ въ рукахъ и косноязычно лепечу:

— Буду стараться... Возьмите въ услуженье...

Семенъ Парфенычъ задумчиво поглядѣлъ на мое ошалѣлое лицо и просто сказалъ:

— А ну, служи, коль старанье есть. Только ежели отецъ за шиворотъ потащитъ, не мое дѣло.

Радостью меня, какъ жаромъ, обдало. Да такъ нѣсколько недѣль я и жилъ въ горячемъ туманѣ. Самые счастливые дни моей жизни. Въ рукахъ и ногахъ былъ этакій преданный, собачій зудъ. Услужить, побѣжать, принести. Все боялся, что мало дѣлаю, что не замѣтятъ моего усердія. За каждымъ пустякомъ бросался опрометью. Нескоро сообразилъ, что въ сущности попалъ изъ одной клѣтки въ другую. И обязанности были почти такія-же: зазывать покупателей, бѣгать съ чайникомъ въ трактиръ, ходить домой за обѣдомъ. Вечеромъ изъ лавки домой, утромъ—въ лавку. А я былъ пьянъ ощущеньемъ свободы. Восхищало безмѣрно, что за вихры не дерутъ, въ бокъ не тычутъ, говорятъ простымъ, даже иногда ласковымъ тономъ. Послѣ ужина можно было на часокъ, другой пойти на улицу, но я первые мѣсяцы отъ благородной радости даже и думать объ этомъ не хотѣлъ. Горѣлъ усердіемъ. Подметалъ дворъ, помогалъ въ кухнѣ, лѣзъ, напрашивался на всякую услугу хозяевамъ и приказчикамъ.

Одна была заноза въ душѣ—отецъ. А вдругъ явится и уведетъ домой? „Убѣгу!“—думалъ я. Но, вѣдь, куда еще-то убѣжишь? Онъ достанетъ... Впрочемъ, скоро успокоился. Отецъ не являлся, а потомъ пришла мамаша съ унылыми вздохами, принесла свертокъ бѣлья, посмотрѣла на меня, какъ на погибшаго, и сообщила:

— И зачѣмъ ты это выдумалъ? Приходилъ къ нашему-то Семенъ Парфенычъ, просилъ за тебя. Отецъ-то и говоритъ:

„Пускай... Галахомъ будетъ“. Ахъ, Степочка, Степочка... Жилъ хорошохонько, чего-бы еще?

Ну, вотъ, эту заботу сняло. Махнулъ отецъ рукой,—значитъ, отрѣзало. Жизнь побѣжала спокойно. Но странныя минуты бывали иногда по вечерамъ. Уложишься на своемъ тюфячкѣ въ кухнѣ на рундукѣ, и начинаетъ пригнетать какая-то печаль, потихоньку присасывается къ сердцу, а когда засыпаешь, шевельнется съ болью внутри, какъ живое что, укоръ, и вдругъ выплыветъ на черномъ фонѣ лицо отца съ косматыми бровями, сѣдой головой. Очнешься, пробормочешь безсознательно: „Ну, вотъ еще!..“, а на душѣ тоска, грусть, и долго ворочаешься съ боку на бокъ, никакъ не отгонишь ее.

Такъ какъ былъ я въ магазинѣ на побѣгушкахъ, то случалось пробѣгать и мимо родительскаго дома. Ну, я, конечно, дѣлалъ крюкъ квартала въ два, кругомъ огибалъ. Вообще на улицахъ я все время озирался: не столкнуться бы съ отцомъ. Даже вошло у меня въ привычку вертѣть головой и вытягивать шею, какъ гусь. Долго сходило благополучно. Но разъ меня словно кипяткомъ ошпарило: навстрѣчу шелъ отецъ въ нахлобученномъ картузѣ. Метнулся я назадъ, потомъ въ боковую улицу, и часа два дрожалъ дрожью.

VI.

У Семена Парфеныча, кромѣ замужней дочери, былъ сынишка Митя. Чистенькій, бѣленькій, тихій и серьезный мальчикъ. Когда онъ шелъ черезъ дворъ въ реальное училище съ ранцемъ за плечами, и бѣлый воротничекъ свѣтился на солнцѣ полоской надъ сѣрой блузой, и мѣдная бляха кожанаго пояса поблескивала, у меня сердце сжималось и падало. Влюбился я въ него преданно, умиленно. Шелъ ему двѣнадцатый годъ, былъ онъ на голову ниже меня, но я смотрѣлъ на него, какъ на высшее существо. Дня черезъ три послѣ моего поступленья встрѣтились мы на дворѣ, когда я несъ судокъ съ обѣдомъ въ лавку, а онъ возвращался изъ училища. Онъ остановился и серьезно сказалъ, глядя снизу вверхъ на меня:

— Ты новенькій. Какъ тебя зовутъ?

— Степанъ!—отвѣтилъ я, покраснѣлъ, застыдился и ухмыльнулся во весь ротъ. Мнѣ какъ-то дико и невѣроятно показалось, что этотъ особой породы мальчикъ, съ розовымъ лицомъ и черными бровками, аккуратненькій и чистенькій, заговорилъ

съ косолапымъ парнемъ въ пыльныхъ сапожищахъ и ушастомъ картузѣ.

— А меня Митей. Мы съ тобой играть будемъ,—дѣловито сказалъ онъ и спокойнымъ шагомъ пошелъ къ дому.

Мчался я съ судкомъ такъ, что пыль позади колесомъ завивалась. Играть будетъ!..

Отошли у Мити экзамены, и мы дѣйствительно сдружились. По праздникамъ хозяйка отпускала подъ моимъ надзоромъ Митю посмотрѣть на Волгу.

— Ты смотри, Степа, — наказывала она мнѣ, — слѣди. Къ водѣ-то близко не подходите.

Митя чинно садился на скамейку на бульварчикѣ и задумчиво глядѣлъ на голубую гладь рѣки, на пробѣгавшіе пароходы, на синюю кайму лѣсовъ за рѣкою. А я съ робкимъ восхищеньемъ косился на его серьезное личико. Я долго не могъ привыкнуть къ своему счастью и все дичился, краснѣлъ, заикался, когда онъ заговаривалъ со мной.

— Ты знаешь, куда Волга впадаетъ? — спросилъ онъ разъ меня мечтательно и разсѣянно.

— Въ окіянъ,—нерѣшительно сказалъ я.

Митя изумился. Озабоченно сталъ разспрашивать. Самъ онъ только что вступилъ въ увлекательныя ворота науки и горѣлъ энтузіазмомъ. Онъ уже зналъ, что земля кругла, и тому есть достовѣрныя доказательства, что солнце гораздо больше земли, а луна свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ, что Волга впадаетъ въ Каспійское море, а кромѣ того есть Балтійское и Черное, что мы призвали варяговъ и у насъ былъ Петръ Великій, а расколъ пошелъ при патріархѣ Никонѣ. Гордость за свою ученость и участливое горе за мое невѣжество чередовались на его личикѣ, когда онъ убѣдился, что я ничего этого не знаю. Увы, я научился у мастерицы только читать по божественному и писать уставомъ съ титлами. Да и это искусство было мной почти забыто. Я въ стыдѣ поникъ головой. Вотъ ужъ осрамился въ глазахъ Мити. А тотъ соображалъ, наморщивъ лобъ.

— Вотъ что, — сказалъ онъ рѣшительно, — ты мальчикъ умный. Тебѣ надо учиться. Я съ тобой займусь.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленьемъ, благодарностью и восхищеньемъ. Меня поразило, что, несмотря на мой научный позоръ, онъ изъ чего-то заключилъ, будто я мальчикъ умный. И восхитило, что онъ обѣщалъ заниматься со мной. Не наука прельстила меня,—она пока была чужда и ненужна,—но смутная,

радостная надежда, что, значитъ, Митя будетъ со мной говорить, бывать, водиться.

Съ трепетомъ вхожу я въ мезонинъ къ Митѣ. Жмусь и подбираю лапы въ опрятненькой комнаткѣ. И смущенъ я, и полонъ благодарнаго умиленья. Дикарь я порядочный былъ, но, главное, у Мити все мнѣ казалось особенно чисто, необыкновенно. Кровать съ бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, письменный столикъ зеленаго сукна съ тетрадками, книгами, ручками, бронзовой чернильницей, бѣлыя стѣны съ картинками въ рамкахъ, желтый крашеный полъ, сверкающій на солнцѣ, порядокъ и чистота,— все это меня и давило, и возвышало въ собственныхъ глазахъ. „Допустили, молъ, всетаки"...

Занятья вначалѣ пошли не совсѣмъ успѣшно. Старался я изо всѣхъ силъ, но такъ какъ занимались мы больше по вечерамъ, а я съ ранняго утра трепался въ магазинѣ, то меня морилъ и укачивалъ сонъ. Я ухмылялся Митѣ и радостно глядѣлъ ему въ ротъ, но въ сонную голову наука шла туго. Митя сердился, строго стучалъ пальцемъ по столу, подражая, можетъ быть, какому-нибудь своему учителю,—однако, проявлялъ терпѣнье чрезвычайное и бился со мной недѣля за недѣлей. Сталъ я понемножку и читать, и писать, и задачи рѣшать. Но не это важно. Митя разсказывалъ мнѣ о всѣхъ книжкахъ, которыя читалъ, о всемъ, что слышалъ отъ учителей и товарищей, о всемъ, что отпечатлѣвалось въ его дѣтскомъ мозгу. Его развитіе только что начиналось, и онъ взялъ меня, такъ сказать, на духовный буксиръ. И куда дальше онъ ни плылъ, я влекся за нимъ. Это была моя дверка въ культурный міръ. Не знаю, что заставляло его возиться со мной. Кромѣ дружбы, я думаю, лестно было и увлекательно поводырствовать такимъ большимъ, преданнымъ медвѣдемъ, какъ я. Онъ былъ еще совсѣмъ ребенокъ, съ дѣтскимъ голоскомъ, а я уже вытянулся дылдой, и голосъ у меня ломался въ басъ. Читалъ я мало,—некогда было,—а черезъ маленькаго профессора постепенно узналъ о всѣхъ лучшихъ писателяхъ, и послѣ, когда уже взрослымъ читалъ ихъ самъ, это были старые знакомцы въ миломъ, наивномъ освѣщеніи двухъ дѣтскихъ воображеній. Пробовалъ Митя въ горячности усердія преподавать мнѣ нѣмецкій и французскій языки, но тутъ я оробѣлъ, и дѣло не пошло. Осталась всетаки тѣнь прикосновенья къ чужимъ мірамъ.

VII.

Въ магазинѣ я подвигался. Семенъ Парфенычъ хоть и благодушный былъ старичекъ, съ румяными щечками, сѣдыми бачками, наивными, сѣрыми глазками, все похохатывалъ да ручки потиралъ,—но дѣло велъ аккуратно, прижимисто. Въ лавку выходили чуть свѣтъ, запирали въ сумерки, а это лѣтомъ составляло часиковъ шестнадцать. Меня использовалъ хорошо. Платилъ не крупно, а пустилъ вскорѣ за приказчика. Я уже стоялъ за прилавкомъ. На побѣгушки взяли новаго мальчика. Благодарное восхищенье долго у меня держалось. Даже запахъ ситцовъ и суконъ былъ мнѣ пріятенъ, когда утромъ распахивали двери, и затхлый воздухъ магазина обвѣвалъ насъ.

Да оно, впрочемъ, жилось, ежели съ приказчицкой точки зрѣнія разсудить, недурно. Въ свободныя минуты приказчики сходились у дверей и болтали веселый вздоръ. А главное развлеченье были шашки. Здѣсь торжествовалъ Семенъ Парфенычъ. Садились играть два партнера, а кругомъ сгруживались зрители, вскрикивали, ухали, подзадоривали. Форсъ игроковъ заключался въ томъ, чтобы двигать шашки возможно быстрѣе, ошеломлять противника комбинаціями. Думать не полагалось. Семенъ Парфенычъ отказывался играть, если противникъ задумывался надъ ходомъ.

— Ну, началъ высиживать. Этакъ всякій сыграетъ,—говорилъ онъ презрительно, почти обиженно, и бросалъ игру.

При быстромъ щелканьи шашекъ шелъ гвалтъ вокругъ доски. Торжествующіе вскрики Семена Парфеныча, злорадныя подзадориванья зрителей, восхищенное кряканье... Публика наслаждалась искренно.

Кажется, и у меня честолюбіе проснулось впервые на этой игрѣ. Я научился играть быстро и хлестко. Случалось даже побивать самого Семена Парфеныча. И на меня въ корпусѣ стали поглядывать съ гордостью, уваженіемъ и надеждой, какъ на юнаго рыцаря, который поддержитъ славныя традиціи.

Одинъ изъ приказчиковъ игралъ на гармоникѣ. Сталъ и я поигрывать. Потомъ выписалъ гитару. И музыка, хоть скудненькимъ ручейкомъ, но сладко входила въ душу. Показались у меня усики. Ходили на вечеринки. Были робкія попытки на романы съ модистками... Ну, это все пустое. А вотъ странная вещь: жизнь бѣжала гладко, но не проходилъ страхъ передъ отцомъ.

шарахался попрежнему въ сторону, если встрѣчалъ его на улицѣ. И было на душѣ какое-то смутное чувство вины, что-то нерѣшенное, неразсмотрѣнное, невыполненное. Бѣсило это меня. Отецъ ни разу въ магазинъ не заходилъ, ни разу я его вблизи не видѣлъ, дѣлался я уже взрослымъ человѣкомъ, а была какая-то глупая духовная зависимость. „Да не все ли равно,—съ досадой думалъ я,—чужой онъ мнѣ или отецъ. Онъ меня знать не хочетъ, и я его знать не хочу. Квитъ. Что за вздорные предразсудки". Урезонишь себя, успокоишь—и вдругъ ночью какая-то печаль подступитъ, чувство глухой вины зашевелится на душѣ, и опять увѣщевай себя сначала.

Разстраивала меня и мамаша своими несуразными разговорами. Подопретъ рукой щеку, вздыхаетъ, смотритъ на меня горестно, какъ на арестанта, и говоритъ съ унылой безнадежностью:

— А то пришелъ бы, поклонился бы отцу въ ножки. Покорился бы. Онъ вонъ все молчитъ, а ужъ знаю я, помнитъ онъ тебя. А, Степочка? Право — ей-Богу, поклонился бы въ ножки?

Терплю, терплю и разражаюсь такими же несуразными словами:

— Для чего это поклонюсь я въ ножки? Пускай придетъ, мнѣ поклонится въ ножки. Такой же я человѣкъ, какъ и онъ. И ни въ чемъ не виноватъ.

Она смотритъ на меня съ испугомъ, съ недоумѣньемъ.

— Что ты, что ты, Христосъ съ тобой? Да онъ тебѣ отецъ аль нѣтъ?

— А, отецъ! Ну, что же теперь? Просилъ я его быть отцомъ?

Послѣ, конечно, казню себя: для чего съ матерью такимъ языкомъ говорить? Какая она есть, такой ужъ и останется. Жаль мнѣ ее въ сущности было, и заглазно хотѣлось ласковое слово сказать, а встрѣтимся—опять неумныя слова съ моей стороны. И еще хуже: только увижу, приближается ея унылая фигура, мной ужъ овладѣваетъ безпокойство, раздраженье. Знаю впередъ—подниметъ на меня печальные, укоряющіе, сожалѣющіе глаза и начнетъ свою пѣсенку:

— Въ моленную не ходишь. Чай, поди, ужъ и люди-то осуждаютъ. Зашелъ бы когда. Начáлъ-то передъ сномъ кладешь ли?

Глупо это, а меня ярость начинала колотить. Вѣдь, вотъ, думалъ я, сложилось этакое каменное міросозерцанье и не про-

шибешь его ничѣмъ. А главное, на меня все посягаютъ. Все права свои заявляютъ. Я ужъ давно отрясъ весь прахъ и въ двадцатый вѣкъ гляжу, а тутъ—началъ, моленная... Этакъ вотъ, къ примѣру, какой-нибудь звѣрюга вырвется изъ клѣтки, вздохнетъ всей грудью и вдругъ видитъ, что къ нему ласково крадется тюремщикъ съ цѣпью на рукѣ. Такая же тупая ярость должна въ немъ быть, какъ и во мнѣ была.

VIII.

Дождался лестнаго довѣрія. Семенъ Парфенычъ сталъ брать меня въ Нижній на ярмарку. Онъ говорилъ:

— Въ тебѣ, Степанъ, честность есть. Ей въ коммерческомъ дѣлѣ большая цѣна. Соблюдай себя.

Ему-то, конечно, честность моя была на руку! Ну, не въ этомъ дѣло. Поѣздки въ Нижній чѣмъ-то другимъ меня радовали. Отъѣдешь на пароходѣ отъ своего городишки, и вдругъ этакая радостная легкость въ груди, глубоко дышать хочется, смѣяться, размахнуться на лихое дѣло, — чисто изъ душнаго плѣна вырвался. Конечно, и для развитія толчекъ изрядный. Поѣздишь — другимъ человѣкомъ дѣлаешься.

Но тутъ началось раздвоенье. Талантъ приказчика во мнѣ померкнулъ. Увлекся чтеньемъ, подпалъ подъ чары нашихъ лучшихъ писателей. Хороша, прекрасна русская литература, но ужъ очень много въ ней томленья, самоугрыза. Да еще и вотъ что. Классики наши дворяне, и герои въ книгахъ дворяне. Порывовъ много, мечтаній, размышленій большое количество, но и сытости, праздности барственной довольно. Для нашего брата—самоучки изъ низовъ — въ русской литературѣ сладкій дурманъ. Тѣломъ живешь въ работѣ, въ грязи, а духомъ витаешь въ барскихъ покояхъ, гдѣ и мысли тонкія, и чувства изощренныя, и порывы смутные, и томленье духа благородное. Душа потихоньку перестраивается на иной ладъ, а жизнь кругомъ прежняя, грубая, пошлая. Глаза-то видятъ,—даже, пожалуй, съ чрезмѣрной, болѣзненной ясностью,—а выхода нѣтъ.

Сталъ я задумываться. Зародилось недовольство. Пришли мысли, что не такъ ужъ весело съ утра до вечера уговаривать покупателей да мѣрять аршиномъ ситцы и сукна, а ночью спать около кухни за перегородкой.

Митя былъ уже черноусый студентъ. Дружба наша поохладѣла, но все же оставались мы пріятелями. Лѣтомъ частенько

бывалъ я въ обществѣ студентовъ. Ѣздили на лодкѣ, ходили въ лѣсъ, сидѣли на бульварчикѣ. Участвовалъ я въ спорахъ, прицѣплялся къ ихъ интересамъ, дышалъ ихъ воздухомъ. А утромъ плелся въ магазинъ. И явился стыдъ. Началъ я конфузиться передъ студентами, что я приказчикъ. Они-то относились къ этому просто, а во мнѣ развилось малодушіе. И все пошло довольно криво. Къ студентамъ—зависть. Плывутъ они куда-то въ широкое, ясное море, а ты тутъ кисни. „А можетъ быть, не глупѣе ихъ...“ Къ приказчикамъ народилось пренебреженье, чуть ли не презрѣнье. Раздражала ихъ веселая развязность, форсная манера выгибаться предъ покупателями, вертѣть бедрами при ходьбѣ. Ну, и всякіе пустяки. Портился-то я, а казалось мнѣ, что всѣ эти добрые малые—пошлякъ на пошлякѣ, глупецъ на глупцѣ. Въ мысляхъ я уже высокомѣрно выдѣлялъ себя изъ ихъ общества. Къ торговлѣ сталъ относиться вяло, брезгливо. Словомъ вырабатывался изъ меня мечтатель или, попросту, порядочный лодырь. Пережилъ я отвратительную зиму. Облѣнился, закисъ, озлобился. Лѣтомъ пріѣхалъ Митя, и какъ-то въ одну изъ добрыхъ минутъ, когда мы бродили съ нимъ вечеркомъ по тихимъ, теплымъ улицамъ, я ему все кучей и выложилъ. Всѣ жалобы, все недовольство, всю тоску. Вышло, вѣроятно, сумбурно, несуразно. Но душа у него была хорошая. Выслушалъ внимательно и задумчиво сказалъ:

— Что же, естественное дѣло: надоѣла торговля, займись другимъ.

— А чѣмъ же?

— Ну, сдѣлайся, напримѣръ, учителемъ.

Я посмотрѣлъ на него съ ошеломленьемъ.

— То есть какъ же это такъ. Какимъ учителемъ?

— А какимъ хочешь: сельскимъ, городскимъ. Если, конечно, желанье есть. Или готовься на аттестатъ зрѣлости.

— Нѣтъ, постой. Какъ же учителемъ, съ моимъ-то образованьемъ?

— Ну, приготовишься, конечно. Сдашь экзаменъ. Не велика трудность.

У меня натура первобытная: въ нее новое долго не вдолбишь но ужъ если вошло, начинаетъ полыхать пожаромъ. Мысль объ учительствѣ показалась невѣроятной. Черезъ нѣсколько дней она сдѣлалась жаркой мечтой, а мечта перешла въ кипучую дѣятельность. Этотъ годъ былъ у меня лучезарнымъ. Лѣтомъ студенты помогали, зимой одинъ я впился въ учебники. Повеселѣлъ, подобрѣлъ. И торговлей занимался, и въ шашки отщелкивалъ,

и приказчики снова оказались добрыми пріятелями. Міръ засіялъ розовымъ цвѣтомъ.

Ну, экзаменъ сдалъ, студенты похлопотали насчетъ мѣста, и вотъ я въ селѣ педагогомъ.

IX.

Оглядѣлся я въ комнатѣ, и чуть колесомъ не прокатился. Судорогами восторга меня поводило. Своя комната! Я учитель! Ощущенье свободы, счастья и гордости распирало меня. Хотѣлось куда-нибудь побѣжать, похвастаться, разсказать, умилиться, возблагодарить судьбу. Странное созданье человѣкъ! Вырвется изъ клѣтки—и думаетъ, что нѣтъ свободнѣе его на свѣтѣ. Не видитъ, что попался въ новую клѣтку, что вездѣ его ждетъ клѣтка, и что самъ онъ себѣ клѣтка...

Учительство казалось мнѣ перевоплощеньемъ. Міръ другой, иные интересы. Общество: докторъ, священникъ, ветеринарный врачъ, учителя, учительницы. Сидишь иной разъ у доктора за чаемъ. Книги, газеты вокругъ, на рояли кто-нибудь бренчитъ, говорятъ объ умномъ, и вдругъ теплая волна довольства, изумленія, благодарности пробѣжитъ по тѣлу. Я ли это? Степка ли вахлакъ, который недавно, розиня ротъ, съ чайникомъ за водой бѣгалъ! Или сидишь въ классѣ, поучаешь мальчугановъ, и нечаянно осклабишься: вспомнится, давно ли самъ-то уставомъ каракули выводилъ! А теперь учу!.. Долго во мнѣ эта теплая гордость какъ живая была. Еще недавно, прошлый годъ, сидимъ на курсахъ, чинно слушаемъ столичнаго лектора, и вдругъ я въ самую серьезную, напряженную минуту ухмыляюсь во весь ротъ.

— Ты что̀? Ты что̀?—торопливо спрашиваетъ сосѣдъ и ревниво смотритъ на лектора, на товарищей, боясь, не пропустилъ ли онъ чего-нибудь смѣшного. А у меня сердце въ умиленьи грѣется. Смотрю на себя, на мужиковатыя лица учителей и думаю: „Живемъ, полземъ съ низовъ-то...“

Являлся иногда во снѣ отецъ, въ обстановкѣ несуразной. Занимаюсь будто бы въ классѣ и вижу въ окно, идетъ черезъ дворъ, нахлобучивъ картузъ на сѣдыя кудри, тятяша, глаза его хмуро поблескиваютъ подъ кустиками бровей—и меня охватываетъ дѣтскій, малодушный страхъ. Я бѣгаю глазами по партамъ, ищу, куда бы спрятаться. Или ѣду, будто бы, въ тарантасѣ съ докторомъ и говоримъ мы о Чеховѣ, а навстрѣчу по дорогѣ двигается, глядя въ землю, отецъ. И я соскакиваю съ таран-

таса; стыдно передъ докторомъ, но страхъ гонитъ меня въ переулокъ, бѣгу, обливаясь потомъ.

Проснешься, качаешь въ недоумѣніи головой. Въ новой обстановкѣ родитель былъ неумѣстенъ и нестрашенъ. На яву о немъ я почти не вспоминалъ. Живетъ гдѣ-то—и пускай живетъ. Но изрѣдка послѣ глупыхъ сновидѣній я размышлялъ: „Что за странные сны? Неужели такъ живучи дѣтскіе страхи? Или тутъ дѣло глубже, и какая-то тайна передается изъ крови въ кровь?"

Мысль о наслѣдственности меня занимала. Я — бѣлый, въ мать. Но старухи недаромъ говорили, что лобикъ и бровки у меня отцовскіе. Однако, нисколько не желалъ я быть похожимъ ни на мать, ни на отца. Не хочу быть унылымъ и безвольнымъ, какъ мамаша, не хочу быть мрачнымъ фанатикомъ, какъ мой батюшка. Хочу быть самимъ собой, идти по своей дорожкѣ. А можно ли? А вдругъ въ крови переданы, предназначены всѣ склонности? А сверхъ того, развѣ я знаю, что за человѣкъ мой родитель? Темная загадка. Ничего о немъ не знаю. О чемъ онъ думалъ всю жизнь за своими хмурыми бровями? Что̀ любилъ, кого ненавидѣлъ?

Эти заботы, говорю я, были изрѣдка, какъ облачки на голубомъ небѣ. Въ каникулы ѣздилъ я въ Питеръ, въ Крымъ, на курсы. И дивился прежнему плѣну, своему испугу, своей слѣпотѣ. Ну, чего держался когтями за какое-то жалкое мѣстишко? Теперь мнѣ казалось, въ гордомъ преувеличеньи силъ, что смогу достигнуть чего угодно и устроить жизнь по любому желанію. Не захочу въ селѣ, переѣду въ городъ, въ столицу, буду жить или учиться, займусь музыкой, а главное, свободенъ и счастливъ, какъ птица.

Въ городокъ свой пріѣзжалъ я неохотно. Душно, уныло, и все напоминало о прежнемъ Степкѣ. Снималъ я горенку. Заходила сюда мамаша. На новую жизнь мою смотрѣла она съ печальнымъ, молчаливымъ осужденьемъ. Я ее, конечно, не убѣждалъ. Разговоръ у насъ былъ несложный: повздыхаетъ, помолчитъ и уйдетъ. Жаль ее, но языка поговорить съ ней у меня не находилось.

А въ прошломъ году поднесла она мнѣ сюрпризъ. Долго глядѣла на меня робкими, просящими глазами и сказала:

— Поминать сталъ. Во снѣ этакъ заговоритъ-заговоритъ да какъ вскрикнетъ: „Степанъ! Гдѣ Степанъ?" Почесть, кажнюю ночь этакъ. А днемъ молчитъ. Боюсь ужъ я съ нимъ заговаривать. А забѣжалъ бы, Степочка? А? Знаешь вѣдь гордость-то его. Не переломитъ онъ себя. Зайди-ка, Степочка!

— Не къ чему мнѣ заходить,—сердито отвѣтилъ я,—пускай, ежели хочетъ, самъ придетъ. А мнѣ онъ не нуженъ.

— То-то вотъ, гордость-то въ васъ обоихъ... — повздыхала мамаша и поплелась домой.

А я остался обозленный и напуганный. Что-то шевельнулось у меня внутри, тяжелое, живое. И мнѣ показалось, что давно я боялся этого: а вдругъ отецъ втайнѣ страдаетъ? Вотъ еще ниточка, которую не оборвешь, не обрѣжешь. Хотѣлось поскорѣе заглушить, подавить, забыть глухое чувство, которое гдѣ-то на днѣ души поднимало голову. Было оно похоже на отдаленную, тонкую, ноющую жалость, и она къ чему-то призывала, въ чемъ-то смутно укоряла.

Я поспѣшно уѣхалъ въ село.

X.

Мрачный, заспанный лакей, смѣнившій фракъ на помятый, попачканный пиджакъ, пришелъ и забралъ чайную посуду. Спутникъ переждалъ, пока звякающій стаканами оффиціантъ, уйдетъ виновато вглядѣлся въ мое отяжелѣвшее отъ сонливости лицо и просительно сказалъ:

— Утомились отъ моей болтовни? Что же, спать теперь?

На лицѣ его было такое явное желаніе продолжить разсказъ и такъ онъ ходилъ ходенемъ отъ нараставшаго возбужденія, что я произнесъ, насколько сумѣлъ, дружелюбно:

— Немножко дремлется, но мнѣ очень хочется дослушать васъ.

— Теперь скоро,—торопливо подхватилъ спутникъ и быстро продолжалъ:—Ну, такъ вотъ. На селѣ я встряхнулся. Лестное ощущеніе учительскаго положенія все еще грѣло душу. А все же было какое-то осеннее дыханьице, какой-то холодокъ, какая-то тѣнь. Оглядывался вокругъ я не съ прежнимъ восторгомъ. Однако, занимался усердно. Общество сельской интеллигенціи было пріятно. Зима пробѣжала быстро.

Изрѣдка бывали нехорошіе сны: видѣлъ я отца съ тѣмъ мучительнымъ выраженіемъ, которое когда-то подсмотрѣлъ у него въ ночной молитвѣ. Тоскующій взглядъ изъ-подъ лохматыхъ, сѣдыхъ бровей направленъ вверхъ, губы судорожно шепчутъ и не могутъ сказать какихъ-то словъ, лицо кривится въ напряженномъ желаніи заплакать, и нѣтъ слезъ ни въ воспаленныхъ глазахъ, ни на старческихъ щекахъ...

Это видѣніе терзало меня во снѣ тяжелой тревогой, но утромъ вспоминалось блѣдно, и я быстро, настойчиво отгонялъ тѣни ночного кошмара.

Весной получилъ я приглашеніе отъ Мити. Онъ поступилъ инженеромъ на заводъ вблизи Петербурга и звалъ меня провести у него лѣто. Очень обрадовался я. Мутило меня отъ мысли ѣхать въ родной городишко.

Круглый день Митя былъ занятъ. Горѣлъ юнымъ усердіемъ, и усталость не угнетала его, а дѣлала окрыленнымъ, милымъ. По вечерамъ же его морило сномъ, и въ городъ онъ ѣздилъ рѣдко, неохотно. Былъ я, значитъ, предоставленъ себѣ, свободнаго времени оказалась уйма. Каждый день садился я на паровикъ и катилъ въ Петербургъ. Исколесилъ его вдоль и поперекъ. Сначала показался онъ смраднымъ, холоднымъ, враждебнымъ. Грохотъ и судорожная суета кружили голову. А потомъ затянулся. Не музеи, не театры, а самъ городъ плѣнилъ. Какая-то тревожная, подмывающая радость пронизывала, когда ходилъ я по широкимъ троттуарамъ среди перекрестныхъ волнъ бѣгущей толпы и когда все кругомъ звенѣло, громыхало, мчалось. Какъ будто попадалъ я въ сѣть сгущеннаго электричества, и оно перекатывалось черезъ меня, встряхивало, перестраивало. Сталъ я быстрѣе ходить, скорѣе соображать, сжатѣе говорить. Чувствовалось, что медленный, вахлацкій темпъ жизни, привычный для провинціи, столица осмѣетъ и отброситъ. Кое съ кѣмъ Митя познакомилъ меня. Люди не Богъ знаетъ какой высокой марки, но куда же нашимъ медвѣдямъ изъ провинціи. Понимаютъ съ полуслова, съ намека, рѣчь быстрая, гибкая. Иль ужъ такъ мнѣ казалось? Былъ я въ восхищеніи. Центръ жизни. Литература, политика, музыка, наука — все подъ рукой, и все кажется доступнымъ. „Вотъ ужъ правда, въ Петербургѣ прямо изъ воздуха дышешь идеями!“ — вспоминалъ я чью-то фразу. Помелькивала мысль: „А чего бы мнѣ не переѣхать сюда?“ Думалось такъ въ видѣ пока удалой мечты.

Возвратился въ село. Убого показалось. Съ удивленьемъ, словно въ первый разъ, увидѣлъ, что квартира у меня унылая, оголенная. И кругомъ печально: черныя, кривыя избы, пустынная, грязная улица, натужныя, медленныя рѣчи обитателей. Рисовались въ памяти, прикрашенныя воспоминаньемъ, паркетныя улицы Петербурга, нарядная толпа, дворцы, гранитныя набережныя, непрерывное сверканье жизни. Вяло потянулись школьные дни. Мальчишки—горластые, грязные. Въ свободные часы некуда дѣваться отъ пустоты и мертвенной тишины. А потомъ,

зналъ я, придутъ темные осенніе вечера, будетъ хлестать въ окна дождь, завывать вѣтеръ, на улицѣ чернильная темь, вязкая грязь. И одинъ, одинъ... Тоска хватала сердце. „Уѣду!"—подумалъ я, сначала въ видѣ вызова кому-то. И каждый день стала долбить мысль: „Уѣхать, уѣхать"... Провелъ нѣсколько безсонныхъ ночей и рѣшилъ: уѣду. Проживу до святокъ, сдамъ школу и маршъ въ Петербургъ. Планы были туманны, но это и было увлекательно. Зажить совсѣмъ по новому, ковать жизнь сначала. Хорошо!..

Еще въ Петербургѣ стороной дошло до меня извѣстіе, что отецъ сильно боленъ. Скользнуло мимо и забылось. А въ селѣ я такъ увлекся мечтами о переѣздѣ въ Питеръ, что совсѣмъ не оглядывался назадъ. Было такое смутное, пріятное ощущенье, что вотъ поѣду я все дальше и дальше въ широкое море, а тамъ гдѣ-то на маленькомъ островѣ, далеко позади, останутся нудные, ненужные люди. Пускай живутъ, какъ хотятъ. Я не мѣшаю имъ, и мнѣ пусть не мѣшаютъ. Прощайте.

И вдругъ получаю глупое письмо. Должно быть, писалъ какой-то солдатъ-грамотей:

„Любезному нашему сыночку посылаемъ низкій поклонъ и уваженіе. А еще сообщаемъ вамъ, дорогой сынъ Степанъ Гаврилычъ, что родитель вашъ очень нездоровы. Съ постели не встаетъ и очень задыхаться сталъ. Не иначе какъ нужно ждать кончины въ самомъ непродолжительномъ будущемъ. Очень вашъ папаша по ночамъ тоскуетъ, бредитъ и все восклицаетъ: „Степанъ! Степана позовите! Гдѣ Степанъ?" Непремѣнно пріѣзжайте, сыночекъ. Насущно необходимо передъ смертнымъ часомъ проститься съ родителемъ вашимъ и принять послѣднее благословеніе. Пріѣзжай, Степочка, поторопись. Не знай ужъ, застанешь-ли. Съ часу на часъ ждемъ, не померъ бы".

Прочиталъ я. Съ раздраженьемъ, съ ожесточеньемъ подумалъ: „Не поѣду. Вотъ еще!" А въ душѣ навалилась тяжесть. Душно, мутно, тошно. Вышелъ на улицу, прошелъ за околицу. Вѣтеръ тянетъ черезъ поле, холодный, унылый,—осенью дышетъ. Земля взмокшая, несчастная. Срѣзанное жнивье желтѣетъ щетиной. Вдаль волнами уходятъ пологіе холмы, и мутное небо на горизонтѣ придавило землю. Пусто, холодно, безрадостно. Тоска. „И чего это нельзя жить мало-мальски свободно,—хмуро размышлялъ я,—завязано все какими-то несуразными узлами. Мало ли людей на свѣтѣ сейчасъ хвораютъ и умираютъ, а никто же не требуетъ, чтобы я къ нимъ скакалъ. А вотъ помираетъ мрачный незнакомецъ, который считается моимъ отцомъ, и нельзя не

ѣхать. Еще-бы! И люди осудятъ, и у самого на душѣ малодушіе. Не хочешь, да поѣдешь".

Постоялъ, постоялъ на вѣтру и пошелъ домой, удрученный, придавленный, покорный какой-то чужой силѣ.

Бросилъ школу, съ дороги послалъ бумагу начальству, что-де такъ и такъ, никакъ нельзя, дня на три, на четыре отлучусь.

XI.

И вотъ вхожу я въ отчій домъ, откуда парнишкой сбѣжалъ. Все по старому, все на прежнемъ мѣстѣ, и воздухъ тотъ же, затхлый, унылый. Только стало все какъ будто ниже, потемнѣло, покривилось. И самъ я большой, неумѣстный здѣсь. И странное чувство: будто въ этомъ домѣ жилъ не я, а какой-то другой мальчикъ, о которомъ прочиталъ я въ книжкѣ. А мнѣ, настоящему, неловко. Мать низко кланяется и смотритъ на меня замученными глазами. Побѣлѣла, постарѣла, ссохлась, жалостно потонѣла. Измоталась, должно быть, за послѣдній годъ съ больнымъ отцомъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ я цѣлую ее въ сухенькія губы.

— Ну, какъ?—спрашиваю неопредѣленно.

Она морщитъ старенькое лицо, тихонько всхлипываетъ и киваетъ головой въ сторону спальни.

Съ неловкимъ чувствомъ, словно кого-то въ чемъ обманываю, подхожу къ постели. Въ темнотѣ слышенъ частый-частый хрипъ, какъ будто человѣкъ вбѣжалъ только что въ крутую гору и не можетъ отдышаться. Двѣ темныхъ старушки подскочили и стали поднимать старика. Хрипы усилились. Бѣлый, изможденный сѣлъ онъ на постели. Голова падала на костлявую, волосатую грудь въ незастегнутой бѣлой рубахѣ. Сѣдые волосики прилипли къ впалымъ, окостенѣвшимъ вискамъ. Судорожно кашлялъ, и въ груди клокотало, хрипѣло съ такой поспѣшностью, какъ будто торопилось поскорѣе кончить и оборвать. Онъ взмахивалъ непослушной, слабой головой, чтобы взглянуть изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей на меня. Наконецъ, взглянулъ, и я увидѣлъ измученные, усталые, равнодушные глаза. Онъ не удивился, не выказалъ никакихъ чувствъ. Мутное облако то застилало, то пріоткрывало тоскующій, апатичный взглядъ. Видимо, болѣзнь дотого измаяла и затрясла его, что уже ничего не оставалось въ изсохшемъ тѣлѣ, кромѣ желанья конца и покоя. Съ тяжелымъ чувствомъ безпомощности и своей ненужности глядѣлъ я

на него. Онъ измученно взглянулъ на меня и среди частаго, прерывистаго дыханья отрывисто, задыхаясь, сказалъ:

— Не носи... Степанъ... шляпу...

И снова муть застлала глаза, голова повисла, частый хрипъ вылеталъ изъ горла, а въ груди клокотало, колотилось...

— Ну, ладно, ладно...—бормоталъ я, не зная, что сказать, и помогъ старухамъ уложить старика на подушку. Онѣ суетились, доставали безполезное питье и лили съ ложки въ ротъ больного.

Ясно было, старикъ умиралъ. Потолкался я въ комнатахъ. Отъ кислаго, больного, спертаго воздуха давило въ вискахъ. Вышелъ я и тихо побрелъ по улицамъ. Тускло, пусто на душѣ. Ненуженъ и безъ смысла мой пріѣздъ. Или нуженъ, но я не въ состояніи найти вѣрный тонъ? „Не носи, Степанъ, шляпу",— вотъ и все, что нашлось сказать у отца. А у меня и вовсе ничего не нашлось... „Не носи шляпу,—вяло и горько размышлялъ я,—должно быть глядѣлъ онъ на меня въ эти годы при рѣдкихъ встрѣчахъ на улицѣ, видѣлъ, что я одѣваюсь не такъ, говорю не такъ, живу не такъ, и все это смутно символизировалось для него въ видѣ еретической, грѣховной шляпы на головѣ сына. Что же, въ этой фразѣ есть смыслъ. Послѣдній завѣтъ, послѣдняя мольба. „Не носи шляпу", раскайся, брось свою жизнь, заживи по-нашему. Охо-хо"...

Длинный былъ день. Не зналъ, куда себя дѣвать. Сидѣлъ на бульварчикѣ. Холодно. Желтые листья сыпались съ деревьевъ. По небу неслись низкія, сѣрыя облака. Волга вздулась, потемнѣла, сердито поблескивала пѣной на гребняхъ бѣляковъ-валовъ.

Къ вечеру приплелся домой. Ежился, кряхтѣлъ внутренно. Попалъ въ глупое, тяжелое, натянутое, безвыходное положенье; не могу ни слова сказать, ни жеста соотвѣтствующаго сдѣлать. Горѣли лампадки передъ образами, лампа тускло освѣщала пустой столъ съ бѣлой скатертью. Мать и двѣ старухи въ покорномъ ожиданьи сидѣли, свѣся головы, молчаливо вздыхая. Я заглянулъ въ спальню. Короткіе, частые хрипы высоко поднимали грудь, прикрытую краснымъ стеганымъ одѣяломъ. Отецъ дышалъ верхушкой легкихъ, и не дышалъ, а быстро-быстро додышивалъ. Глаза были закрыты, ротъ безпомощно открытъ.

— Отходитъ никакъ,—жалостливо прошептала позади меня старуха,—измаялся сердешный.

Постоялъ я, вздохнулъ, отошелъ. Куда себя дѣть? Мать, казалось мнѣ, смотрѣла на меня печальными, укорительными глазами. Она собрала ужинъ. Дико было ѣсть рядомъ съ умираю-

щимъ. Ну, и всетаки, хоть кое-какъ, хоть съ мутью на душѣ, а поужиналъ. Постелили мнѣ постель въ горницѣ на полу. И все я самъ себѣ казался непріятной, лишней подробностью въ этомъ домѣ. „А что-же дѣлать? — оправдывался я внутренно, — ничего же не могу сдѣлать. Полежу“. Прилегъ, не раздѣваясь, и заснулъ тяжелымъ сномъ.

XII.

Проснулся отъ слабаго расталкиванья. Близко наклонилось блѣдное лицо матери.

— Встань, Степочка. Померъ, — тихо сказала она, и въ сухихъ глазахъ ея была замученная покорность.

Я поднялся, подошелъ къ спальнѣ. На кровати было тихо. Неподвижно, вытянувшись подъ одѣяломъ, лежалъ отецъ. Смотрѣлъ я и не зналъ, зачѣмъ смотрю, и казался я себѣ опустошеннымъ, тяжелымъ, ненужнымъ. Или не слѣдовало быть тутъ, или требовалось держать себя по иному—а какъ, я не зналъ, не умѣлъ и не хотѣлъ. Холодное упрямство засѣло во мнѣ.

Ну, поднялась обычная похоронная суетня. Явились обмывальщицы, раздалось протяжное, унылое надгробное чтенье. Мутный разсвѣтъ глядѣлъ въ окно.

Весь этотъ день скитался я по улицамъ. „Ну, что-же,—говорилъ я самъ съ собой,—надо, можетъ быть, пожалѣть, смягчиться. Но чѣмъ же я виноватъ, если у меня внутри пусто, холодно. Чужой человѣкъ померъ. Зачѣмъ притворяться“? И все же въ душѣ лежалъ какой-то грузный камень.

Какъ на грѣхъ всѣ рѣшительно, встрѣчные и поперечные, начинали въ этотъ день одинъ и тотъ же разговоръ. Идетъ, напримѣръ, казначей. Обыкновенный чинуша, сухой старичекъ, отъ моей жизни безмѣрно далекій. А все же долгомъ считаетъ сдѣлать сочувственное лицо и спросить:

— У васъ, слышалъ я, батюшка очень нездоровъ. Ну, что-же, поправляется?

— Умеръ,—коротко говорю я и спокойно на него гляжу.

Онъ теряется, недоумѣло глядитъ на меня, жуетъ губами, несвязно лепечетъ:

— Да-съ... Умеръ?.. Да, это, конечно... Ну, что же, всѣ мы... Не падайте духомъ... Очень вамъ жаль папашу?

Я пожимаю плечами, мычу неопредѣленно, поднимаю шляпу и отхожу. А онъ смотритъ вслѣдъ удивленно, съ осужденьемъ.

Ну, конечно, надо было сказать нѣсколько обязательныхъ жалкихъ словъ. А то, вѣдь, я почти оскорбилъ старичка.

И вотъ этакъ всѣ. Каждый покачаетъ сочувственно головой, устроитъ грустное лицо и непремѣнно спроситъ:

— Жаль вамъ отца? Ну, что же дѣлать...

Роднѣ своей, знакомымъ попроще я ничего не отвѣчалъ, но пріятелямъ-интеллигентамъ пробовалъ объяснять:

— А что такое—жаль? Вѣдь, это слово два смысла имѣетъ. Или жаль человѣка, съ которымъ случилось плохое, или жаль себя, если покидаетъ близкій, нужный человѣкъ. Оба смысла здѣсь не подходятъ. Жалѣть отца за него самого я не могу, потому что не знаю, хуже или лучше ему отъ перехода въ другую жизнь. Себя жалѣть тоже не могу, потому что ушелъ человѣкъ далекій, чуждый мнѣ.

Пріятели слушали, говорили „м-да" и отводили глаза въ сторону, какъ будто я развивалъ мысли, отъ которыхъ дѣлалось неловко за меня.

„А что,—думалъ я,—взять да и ляпнуть вамъ на чистоту: очень, молъ, радъ я, что умеръ человѣкъ, который былъ тяжестью въ моей жизни. То-то шатнулись бы. Нѣтъ, нельзя говорить правду".

Самому мнѣ отъ этой правды было невесело. Тяжелая пустота залегла внутри. Да и что такое правда? Съ развѣтвленьями она, и всю ее пучкомъ не уцѣпишь...

Пришелъ домой къ вечеру. Въ горницѣ на столѣ воздвигался гробъ, свѣчи вокругъ горѣли, и лицо отца выдавалось острымъ профилемъ. Какіе-то люди входили, выходили, молча, безшумно крестились, клали низкіе поклоны, вздыхали. Постоялъ я, вышелъ на крыльцо. Темная, холодная ночь висѣла надъ дворомъ. Черными пятнами рисовались въ глубинѣ двора амбаръ, сарай, погребица. Вернулся въ горницу, поглядѣлъ на мерцающія свѣчи, на безшумныхъ людей. Снова вышелъ на крыльцо. Плохо, когда чувствуешь себя ненужнымъ, непріятнымъ, и не знаешь, куда приткнуться. Глядѣлъ я съ крыльца, засунувъ руки въ карманы брюкъ, на темное, беззвѣздное небо, и, какъ на небѣ нельзя было разглядѣть, есть облака или нѣтъ, такъ и въ головѣ ползли не мысли, а тяжелая, тягучая муть.

Вышелъ кто-то изъ дому и молча сталъ около меня. Мамаша, оказывается. И вотъ какую вещь поднесла мнѣ кроткая, унылая старушка. Тихонько притронулась къ рукаву и печальнымъ, слабымъ голоскомъ, съ глубокими вздохами сказала:

— Пріѣхать бы тебѣ, Степочка, пораньше. Мучился какъ

отецъ-то. Никакъ больше году. Сна покойнаго не зналъ. Кажню ночь, почесть: почнетъ-почнетъ говорить, шибко, не разберешь, да жалостно этакъ. А вдругъ и закричитъ: „Степана позовите! Гдѣ Степанъ?“ И этакъ потомъ въ родѣ какъ захлебнется, заплачетъ. А днемъ ходитъ темный весь, на всяко слово молчитъ. Охъ, Степочка, черезъ тебя ему Богъ вѣку сократилъ.

Помолчала и тихонько, печально, съ покорнымъ убѣжденіемъ добавила:

— На твоей душѣ, Степа, смерть-то его.

Вздохнула прерывисто и поплелась въ избу.

Я молча глядѣлъ на темный дворъ. Дрогнуло во мнѣ отъ словъ матери, холодной тоской зажало сердце, но я сейчасъ же придавилъ, отбросилъ это. Раздраженно, и раздувая раздраженье, я думалъ: „Этого еще не доставало! Совсѣмъ въ преступника хотятъ превратить...“ Долго стоялъ на крыльцѣ, продрогъ, и вошелъ въ горницу упрямый.

Людей не было, свѣчи погасили. Лампадка краснѣлась въ углу передъ темными ликами. Полумракъ прикрывалъ покойника на столѣ. Я раздѣлся и легъ на свою постилку за перегородкой. Было тихо. Спали всѣ или ушли, но казалось, что домъ опустѣлъ. Я даже не зналъ, здѣсь ли мать, или сердобольныя старушки увели ее куда-нибудь къ сосѣдямъ. Дѣтскіе страхи глядѣли на меня откуда-то издали. Мысли какія-то въ ожиданіи толпились поодаль. Напрягая волю, я запиралъ себя со всѣхъ сторонъ. Нельзя ни думать, ни давать ходъ воображенью. Рядомъ лежитъ мертвый отецъ. Не давай себѣ хоть краешкомъ мысли вспомнить, что ты можешь напугаться. И съ холодной гордостью я чувствовалъ, что крѣпко заперъ себя; въ душѣ пусто, ни одна мысль, ни одинъ образъ не ворвутся. Отдаленнымъ инстинктомъ чувствовалось, что если хоть одна искорка влетитъ внутрь, то начнется пожаръ, тряска нервовъ до истерики. Вся воля направлена была на одно: заснуть. И я заснулъ глубокимъ, тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній, безъ пробужденій.

XIII.

Было свѣтло, когда я проснулся. Въ домѣ ходили, говорили, суетились. Пришли уставщики съ масляными волосами, остриженными въ кружало; набрались старухи, старики, родня и знакомые. Всѣ они плавно, торжественно дѣлали общее, нужное, несомнѣнное для нихъ дѣло. Пѣли, кадили, читали. И потомъ

ужасный обрядъ прощанья. Всѣ подходили, крестились и просто, съ мирной печалью на лицѣ, цѣловали умершаго въ губы. И я подошелъ, неловко перекрестился, нагнулся надъ лицомъ покойника. Кажется, пообѣщай мнѣ въ эту минуту неслыханную награду, я не рѣшился бы приложиться къ трупу губами. Я сдѣлалъ видъ, что прикоснулся, и близко, остро разглядѣлъ строгое, впалое лицо старика, потемнѣлое, синеватое, съ какой-то мѣловой запыленностью въ морщинистыхъ складкахъ.

Медленно шла процессія по улицамъ. Минутами мерещилось мнѣ, что двигается средневѣковое шествіе, и я случайный, праздный зритель. И, конечно, со своей шляпой и бритымъ подбородкомъ я былъ чужой, ненужный въ этой слитой толпѣ. Меня молча допускали здѣсь, какъ случайнаго сына ихъ старика. Вѣтеръ хлесталъ въ лицо, раздувалъ темные платки на старухахъ, полы кафтановъ у стариковъ и уставщиковъ. Пѣли протяжное, древнее, старообрядческое „Святый Боже"... Вѣковая тоска, неутѣшная скорбь звучала въ гнусливомъ, хрипучемъ, искреннемъ пѣніи.

Издали видѣлъ я мать. Блѣдное лицо ея безъ слезъ глядѣло впередъ. Шла она легонькой, старческой походкой, худенькая, шаткая, какая-то летучая. Она какъ будто ничего не видѣла, и хотя на лицѣ ея не было никакихъ проявленій горя, вся она казалась обвѣянной печалью, покорной, безвыходной.

Держался я въ сторонкѣ, позади. Со мной, впрочемъ, не заговаривали. Съ томительной пустотой ждалъ я конца и упрямо держалъ себя въ холодномъ, безразличномъ спокойствіи. Надъ могилой пѣли, кадили. Сѣдой старичекъ читалъ евангеліе. Я стоялъ у края могилы. Старичекъ почему-то заплакалъ въ серединѣ евангелія. Тоненькій голосъ его плаксиво задрожалъ въ четкомъ осеннемъ воздухѣ. И я увидѣлъ, что у нѣсколькихъ стариковъ и старухъ покатились по лицу слезы. Въ душѣ у меня какъ бы щелкнула задвижка. Слезы подошли къ глазамъ. Я быстро подавилъ ихъ и крѣпко заперъ себя. „Нечего поддаваться стадному гипнозу",—думалъ я и спокойными, холодными глазами глядѣлъ на толпу.

Спустили на полотенцахъ гробъ въ темную, сырую яму; глухо застучала земля, закидали, заровняли. Толпа медленно поплыла съ кладбища съ тихими, сдержанными разговорами. Исполнили долгъ, были довольны. Теперь шли въ домъ покойника, гдѣ, по странному обычаю, будутъ много и долго ѣсть сладкую, жирную пищу. Я считалъ свое участіе законченнымъ и пошелъ бродить по городу. Мнѣ казалось, что нужно еще о чемъ-то сильно

поразмышлять, но усталая неохота вязала мысль. „Ну, вотъ и кончилось“,—вяло думалъ я. Кончикомъ души былъ я доволенъ, что выдержалъ себя, не далъ чему-то вторгнуться внутрь. Чему? Не было охоты разбираться. Былъ я логиченъ въ своихъ поступкахъ и, кажется, искрененъ, правдивъ. Осталась тоскливая муть на душѣ, — ну, пройдетъ. Ходилъ я по улицамъ, и плелось за мной пустое одиночество. „Нѣтъ,—встряхивался я,—не нуженъ я въ этомъ городѣ, чужой, лишній. Поскорѣе уѣхать“.

Зашелъ домой, простился съ матерью, которая качалась отъ усталости. Сказалъ ей, что никакъ нельзя, школа брошена. Она не удерживала. Устало, безнадежно посмотрѣла и грустно сказала:

— Ну, прощай, Степочка. Поѣзжай, коль надо.

Отряхнулся я и сморщился, когда вышелъ изъ этого дома. Подступило что-то и щипнуло за сердце. Нѣтъ, не надо. Иду на свою дорогу. Буду логичнымъ. Я имъ ненуженъ, они мнѣ ненужны. Вернуться въ этотъ старый, затхлый міръ не могу и не желаю. Они за мной не пойдутъ. Кажется, просто. Зашелъ я въ домъ Семена Парфеныча, простился съ ними, захватилъ свою гитару,—она оставалась у приказчика съ прошлаго лѣта,— и ѣду вотъ домой. То-есть не домой, а въ школу.

XIV.

— Ну, теперь спать, спать!—заторопился спутникъ,—заморилъ я васъ совершенно. Простите.

Онъ глядѣлъ на меня смущенно, виновато и благодарно. Казалось, что далеко еще не все онъ сказалъ и ловилъ нити какихъ-то мыслей, но уже не рѣшался утруждать меня разговоромъ. Взволнованно пересаживался нѣсколько разъ на стулѣ, потомъ развернулъ узелокъ съ подушкой и устроилъ постель, вернулся снова къ столу и съ безпокойнымъ вопросомъ въ глазахъ слѣдилъ за мной. Я чувствовалъ, что слѣдуетъ поощрить его, и онъ доскажетъ свои мысли. Но глаза слипались отъ сна. „Завтра договоримъ“,—успокоительно подумалъ я и улегся на диванчикѣ.

Въ полуснѣ слышалъ я, какъ спутникъ побренчалъ на гитарѣ, прошелся раза два, потомъ затихъ и, должно быть, легъ. Видѣлъ я въ дремотномъ туманѣ, что въ дверь просунулась рука лакея въ бѣлой рубахѣ и, щелкнувъ, потушила люстру, оставивъ одну лампочку. Пароходъ трясся. Гдѣ-то глухо рокотала машина.

Сверху било волнами въ борта, временами взвывалъ и повизгивалъ вѣтеръ.

Уже засыпая, я смутно различилъ, что спутникъ мой поднялся, прислушался, постоялъ и сталъ ходить по своему проходу. Потомъ перешелъ на мою сторону и на ципочкахъ прокрался мимо меня, заглядывая на мое лицо. „Чего онъ бродитъ?“—лѣниво подумалъ я. Глаза слѣпились, и я заснулъ.

Проснулся сразу, напуганный: кто-то закричалъ и вцѣпился въ мое плечо. Ко мнѣ наклонилось блѣдное лицо, съ бѣлыми бровями, расширенными глазами.

— Извините, ради Бога, — лепеталъ, заикаясь, спутникъ. Глухой басокъ его дрожалъ, срывался:—я нечаянно, непроизвольно разбудилъ васъ. Нервы разыгрались. Этотъ вѣтеръ... воетъ, хлещетъ.

Снаружи бухало, подвывало, хлестало.

— Спите, пожалуйста, — торопливо говорилъ спутникъ,— разрѣшите только возлѣ васъ посидѣть.

Онъ придвинулъ стулъ и сѣлъ въ изголовьи. Я улегся, закрылъ глаза. Сонъ былъ вспугнутъ. Странное смѣшенье тишины и хаоса звуковъ. Въ каютѣ мирно, а за стѣнами возня, удары, грохотъ, взвизги, стоны. Напряженное ухо ловило сотни оттѣнковъ стихійнаго гама. Будто на пароходъ съ обоихъ бортовъ бросались полчища ночныхъ существъ, и всѣ они вскрикивали, взвизгивали, ухали, злобно стонали. Пароходъ дрожалъ, кряхтѣлъ. Онъ, кажется, не очень надѣялся на свою прочность и съ осторожностью прыгалъ съ волны на волну.

Спутникъ стукнулъ стуломъ. Я пріоткрылъ глаза. Онъ привсталъ и, согнувшись, тревожно слушалъ. Досадливо крякнулъ, укоризненно тряхнулъ головой и, тихонько отодвинувъ стулъ, медленно, на цыпочкахъ сталъ прохаживаться мимо меня. Возня, уханье, взвизги то стихали, то съ наростающимъ воемъ раздавались надъ нашими головами. Не спалось. Съ любопытствомъ поглядывалъ я на спутника. Онъ, видимо, считалъ меня спящимъ. Замѣтная тревога охватывала его. Онъ останавливался, вслушивался, вновь принимался бродить, опять останавливался, поглядывая на круглыя окошки. Иногда подходилъ и пытливо вглядывался въ мое лицо. Я закрывалъ глаза. Мнѣ казалось, что рука его поднималась, чтобы потрогать меня,—не рѣшался, отходилъ.

Вдругъ съ воемъ и визгомъ что-то ударилось въ окно, брызнули холодныя капли въ лицо, порывъ сырого вѣтра засвисталъ надъ головой. Кто-то дико вскрикнулъ и схватилъ меня за руку.

— Проснитесь! Проснитесь! Боже мой, что такое!..—кричалъ мой спутникъ, трясясь и цѣпкими пальцами сжимая мою руку.

Я вскочилъ.

— Эка, у васъ нервы-то разыгрались!—успокоительно сказалъ я, привсталъ на диванъ, захлопнулъ и завинтилъ круглое окошко.

Спутникъ прерывисто дышалъ и тщетно старался улыбнуться. Онъ хмурилъ брови, кусалъ блѣдныя губы, сконфуженный, потерявшійся.

— Выйдемъ въ рубку,—предложилъ я.

Онъ послушно, молча полѣзъ за мною по лѣсенкѣ.

Мутный разсвѣтъ глядѣлъ въ окна парохода. Видно было, какъ сѣрыя волны съ бѣлыми гребнями злобно скакали вокругъ парохода. Въ какомъ-то отверстіи на потолкѣ вѣтеръ настойчиво высвистывалъ унылую, пронзительную ноту.

— Кажется, скоро моя пристань, — сказалъ спутникъ, поглядывая на круглые часы, висѣвшіе въ рубкѣ.

— Ахъ, вы уже сходите?

— Да. Въ селѣ Вознесенскомъ. А потомъ на лошадяхъ пятнадцать верстъ.

Спутникъ овладѣлъ собой, но, видимо, стѣснялся, хмурилъ бѣлесыя брови и водилъ глазами по стѣнамъ рубки.

Минутъ черезъ десять я вышелъ на палубу. Пароходъ прикручивали канатами къ маленькой пристани, которую на волнахъ мотало вверхъ и внизъ. Было холодно. Вѣтеръ рвалъ шляпу съ головы, леденилъ щеки. Я дождался, пока на сходняхъ показался ночной собесѣдникъ. Подъ мышкой былъ у него черный футляръ съ гитарой, въ другой рукѣ большой узелъ. Сѣрая шляпа низко надвинулась на бѣлокурые волосы. Онъ обернулся, сдѣлалъ прощальный кивокъ и широкими шагами прошелъ черезъ пристань. Минуту спустя высокая фигура появилась на глинистомъ берегу. Вѣтеръ яростно раздувалъ полы и будто гналъ его въ мутную даль непогожаго утра.

И. Жилкинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Тайна лѣса.

I.

Я въ храмѣ былъ. Я ницъ склонялся
Къ прохладно-мшистымъ ступенямъ
И сводъ зеленый колебался,
Роняя свѣтъ во слѣдъ тѣнямъ.

Подъ вѣтромъ зыблилась завѣса
Узорныхъ травъ, вѣтвей, кустовъ
И углублялъ молчанье лѣса
Невинный звонъ его пѣвцовъ.

И духъ земли грибнисто-влажный
Къ моей одеждѣ приникалъ.
И кто-то благостный и важный
Мнѣ душу темную ласкалъ.

Услышь безсловныя моленья.
Тебѣ любовь мою отдамъ
За даръ святого исцѣленья,
О лѣсъ, о мой зеленый храмъ!

II.

Опять эта тишь. Словно ласковый сонъ
Надъ жизнью роняетъ завѣсу.
Я снова дыханіемъ травъ упоенъ
И вновь прихожу я, какъ прежде влюбленъ,
Чтобъ встрѣтиться съ тайною лѣса.

Здѣсь, въ чащѣ, гдѣ сумракъ дремотный и днемъ,
Гдѣ пахнетъ фіалкой ночною,
Гдѣ пни золотятся подъ мшистымъ руномъ,
Въ смолистыхъ дыханьяхъ, подъ хвойнымъ шатромъ,
Здѣсь скрыта она предо мною.

Лѣсъ! Тайну свою мнѣ повѣдаешь ты
И въ ласкѣ торжественно-дикой,
Въ объятьяхъ зеленой твоей тѣсноты,
Я знаю, ты дашь мнѣ увидѣть черты
Ея первозданнаго лика.

III.

Я съ тобою и нынѣ, какъ прежде,
Въ звѣздный часъ и подъ свѣтами дня,
Но иду—и въ зеленой одеждѣ
Тайна лѣса встрѣчаетъ меня.

Другъ мой близкій, любимый и дальній,
Здѣсь зеленая тишь надо мной,
И люблюсь я, царевичъ печальный,
Съ темноокою Тайной лѣсной.

Братъ.

„Ахъ, еслибъ въ лѣсъ!“ — вздохнулъ ты, умирая,
И я запомнилъ тихія слова.
Тропинкою невянущею рая
Ты въ горній лѣсъ ушелъ съ луговъ родного края,
Гдѣ гибнетъ подъ косой цвѣтущая трава.

И лѣсъ раскрылъ зеленыя объятья,
Съ твоихъ одеждъ свѣвая прахъ земли,
Съ твоей души снимая всѣ проклятья.
И, радостно тебя привѣтствуя, какъ братья,
Деревья новыми цвѣтами расцвѣли.

И ты вступилъ въ ихъ сумракъ заповѣдный,
Съ молитвенно подъятой головой,
Пророкъ земли, тоскующій и бѣдный,
Теперь же гордый царь мечты своей побѣдной,
Во вѣкъ свободный, юный и живой.

П. Соловьева.

ИЗЪ ДЖОНА КИТСА [1])

LA BELLE DAME SANS MERCI.

БАЛЛАДА.

I.

Зачѣмъ здѣсь, рыцарь, бродишь ты
Одинъ, угрюмъ и блѣднолицъ?
Осока въ озерѣ мертва,
Не слышно птицъ.

II.

Какой жестокою тоской
Твоя душа потрясена?
Дупло у бѣлки ужъ полно
И жатва убрана.

---

[1]) Джонъ Китсъ (John Keats)—одинъ изъ стаи славныхъ, современникъ и другъ Байрона и Шелли,—родился семимѣсячнымъ ребенкомъ 29 октября 1795 года въ Мурфильдсѣ въ Лондонѣ, въ домѣ своего дѣда.

Происходя изъ среднихъ классовъ общества, другъ двухъ величайшихъ поэтовъ Англіи, — Джонъ Китсъ былъ истиннымъ аристократомъ, рыцаремъ духа въ своей поэзіи.

Языкъ его, богатый величавыми, порою титаническими образами, насыщенный красками и свѣтомъ, отмѣчаетъ поэзію его печатью истиннаго величія.

И поэзія Китса навсегда останется драгоцѣннымъ украшеніемъ, рѣдкимъ алмазомъ прекрасной англійской поэзіи.

Умеръ поэтъ отъ чахотки, очень молодымъ, 27-го февраля 1821 года.

III.

Блѣдно, какъ лиліи, чело,
Морщины—слѣдъ горячихъ слезъ.
Согнала скорбь со впалыхъ щекъ
Цвѣтъ блеклыхъ розъ.

IV.

Я встрѣтилъ дѣвушку въ лучахъ —
Дитя плѣнительное фей,
Былъ гибокъ станъ, воздушенъ шагъ,
Дикъ блескъ очей.

V.

Я сплелъ вѣнокъ. Я стройный станъ
Гирляндами цвѣтовъ обвилъ,
И странный взглядъ сказалъ: люблю,
Вздохъ томенъ былъ.

VI.

И долго ѣхали въ лучахъ
Мы съ нею на моемъ конѣ.
И голосъ, полный странныхъ чаръ,
Пѣлъ пѣсню-сказку мнѣ.

VII.

Понравились ей—дикій медъ
И пища скромная моя.
И голосъ нѣжный мнѣ сказалъ —
„Люблю тебя“.

Послѣ его смерти осталась сравнительно небольшая по объему, но большая содержаніемъ и богатая поэзіей книга стиховъ. Самое возвышенное и величественное, самое значительное по содержанію произведеніе Китса—Гиперіонъ (Hyperion), о которомъ Байронъ сказалъ: „Эти стихи внушены Китсу титанами“. Оно осталось недоконченнымъ.

Баллада „La Belle Dame sans Merci“ характерна для творчества замѣчательнаго англійскаго поэта.

VIII.

Мы въ гротъ ея вошли. Тамъ я
Ея рыданья услыхалъ.
И странно-дикіе глаза
Я цѣловалъ.

IX.

Тамъ убаюкала затѣмъ
Она меня — о, горе мнѣ! —
Послѣднимъ сномъ забылся я
Въ покинутой странѣ.

X.

Смертельно-блѣдныхъ королей
И рыцарей увидѣлъ я.
„Страшись! La Belle Dame sans Merci —
Владычица твоя!“

XI.

Угрозы страшныя кричалъ
Хоръ изступленныхъ голосовъ.
И вотъ — проснулся я въ странѣ
Покинутыхъ холмовъ.

XII.

Вотъ почему скитаюсь я
Одинъ, угрюмъ и блѣднолицъ
Здѣсь по холмамъ... Трава мертва.
Не слышно птицъ.

Л. Андрусонъ.

ОСЕНЬ

Разсказъ Германа Зудермана.

I.

Это было въ солнечный октябрьскій день, послѣ обѣда. По аллеямъ Тиргартена разлилась живымъ потокомъ толпа гуляющихъ. Съ пылкостью женщины, чувствующей, что она скоро будетъ покинута, гигантскій городъ принималъ послѣднія скупыя ласки уходящаго лѣта.

Сегодня эта непрерывно-движущаяся толпа, вся въ черныхъ пятнахъ, немного напоминаетъ хаосъ и толчею на Елисейскихъ поляхъ; она заполнила собой всю широкую, сѣрую улицу, которая тянется по прямой линіи до самаго Шарлоттенбурга.

Берлинъ вообще не можетъ похвастать роскошью выѣздовъ и въ этомъ отношеніи не можетъ состязаться ни съ одной изъ европейскихъ столицъ; но сегодня онъ какъ будто мобилизировалъ весь свой запасъ экипажей. Преобладали честныя семейныя ландо. Лишь изрѣдка, межъ рядами болѣе громоздкихъ экипажей, скользила легкая изящная коляска, или обращала на себя вниманіе аристократическая упряжка цугомъ, передъ которой почтительно разступалась толпа пѣшеходовъ.

Особенно привлекалъ вниманіе знатоковъ темно-желтый кабріолетъ, запряженный чудеснымъ орловскимъ рысакомъ. Благородное животное, видимо чуя себя въ надежныхъ рукахъ, закусило удила и, пофыркивая, широко разставляя заднія ноги, мчалось какъ вѣтеръ, не двигая крупомъ, какъ подобаетъ породистому рысаку.

Имъ правилъ жилистый высокій мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, съ ясными сѣрыми глазами, рѣзко очерченнымъ орлинымъ профилемъ и коротко подстриженными усами. На его смуглыхъ, впалыхъ щекахъ виднѣлось нѣсколько рубцовъ и шрамовъ, а между узкими прямыми бровями залегли двѣ юпитеровскія складки.

Одѣтъ онъ былъ, какъ и подобаетъ спортсмену, въ асфальтово сѣромъ пальто съ толстыми швами, и сорочкѣ съ пестрымъ узоромъ; на рукахъ—красныя перчатки, на ногахъ, упиравшихся въ переднюю доску кабріолета—туго натянутыя желтыя кожаныя гамаши.

Ему многіе кланялись; онъ благодарилъ небрежно-учтивымъ кивкомъ головы, какъ человѣкъ, чувствующій себя выше окружающихъ и равнодушный къ ихъ мнѣнію.

Когда кто-нибудь изъ его знакомыхъ шелъ съ дамой, онъ наклонялся всѣмъ корпусомъ и опускалъ кнутъ, подчеркивая этимъ глубокую почтительность поклона, однако не удостоивая даму не единаго взгляда.

Иные останавливались, глядя ему вслѣдъ, и называли его по имени: баронъ фонъ-Штюкратъ.

— Ахъ, вотъ это кто!

И еще разъ оборачивались взглянуть на него.

У Большой Звѣзды онъ свернулъ налѣво, проѣхалъ вдоль берега Шпрее, мимо Палатокъ и остановился неподалеку отъ зданія Главнаго Штаба, передъ сѣрымъ, аристократической внѣшности, домомъ, съ небольшимъ палисадникомъ, обнесеннымъ рѣшеткой, и желѣзными кованными воротами. Онъ бросилъ возжи груму, неподвижно возсѣдавшему позади него въ великолѣпной ливреѣ, расшитой галунами, и велѣлъ ему ѣхать домой.

Выпрыгивая изъ экипажа онъ замѣтилъ торчавшую изъ-подъ лѣвой гамаши рукоятку скребницы, вытащилъ ее, бросилъ на сидѣнье кабріолета и вошелъ въ домъ.

Швейцаръ привѣтствовалъ его, какъ стараго знакомаго, подобострастно довѣрчивымъ поклономъ человѣка, охотно берущаго на чай.

На второй площадкѣ баронъ остановился и нажалъ хрустальную кнопку звонка, блестѣвшую надъ чистенькой мѣдной дощечкой, на которой было написано: *„Людовика Крайсль“*.

Ему отворила молоденькая, строго-буржуазно одѣтая горничная въ бѣломъ передникѣ съ нагрудникомъ и бантами, и въ кружевномъ чепчикѣ на гамбургскій ладъ.

Онъ вошелъ и отдалъ ей шляпу.

— Барышня дома?

— Нѣту, баринъ.

Онъ, прищурившись, пристально посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ, какъ вспыхнуло ея молочно-бѣлое, невинное, какъ у Мадонны, личико до самыхъ корней гладко зачесанныхъ кверху бѣлокурыхъ волосъ.

— Куда она уѣхала?

— Барышня—хотѣли—къ портнихѣ—и потомъ, еще за покупками.

Горничная пугливо озиралась. Она служила здѣсь всего три мѣсяца и еще не научилась лгать.

Насвистывая сквозь стиснутые зубы пѣсенку, онъ вошелъ въ гостиную. Рѣзкій запахъ шипра ударилъ ему въ носъ. Онъ поморщился.

— Отворите окно, Мета.

Дѣвушка безшумно скользнула въ комнату и выполнила приказаніе.

Онъ оглядѣлъ комнату и нахмурился. Взоръ его оскорбляла эта крикливая роскошь кокотки. Женщина, обитавшая здѣсь, обладала удивительнымъ талантомъ наполнять всѣ углы банальнымъ и безвкуснымъ хламомъ.

Когда онъ ввелъ ее въ эту квартиру, это было уютное гнѣздышко съ изящной и скромной мебелью Louis XVI и нѣжными тонами обивки; въ нѣсколько лѣтъ она сдѣлала изъ него лавку старьевщика.

— Чаю, баринъ, прикажете или чего-нибудь другого?—спросила горничная.

— Нѣтъ, спасибо. Снимите съ меня сапоги, Мета. Я только переодѣнусь и снова уйду.

Когда она смиренно, почти униженно пригнулась къ самой землѣ и, осторожно поставивъ къ себѣ на колѣни его ногу въ высокомъ со шпорою сапогѣ, принялась разстегивать пуговицы гамашъ, онъ разсѣянно, но съ видимымъ удовольствіемъ остановилъ взглядъ на ея гладкомъ серебристомъ проборѣ.

„А что если онъ выгонитъ изъ дома свою возлюбленную и посадитъ на ея мѣсто горничную?"

Но онъ тотчасъ же отогналъ эту мысль. Мало ли онъ видалъ примѣровъ на своихъ пріятеляхъ: за одинъ годъ самая скромная и застѣнчивая, самая цѣломудренная горничная до того развращается, что становится хуже всякой уличной женщины...

Должно быть это отъ насъ—мужчинъ—вѣетъ такой заразой, что каждая женщина возлѣ насъ гибнетъ... Или по крайней

мѣрѣ отъ мужчинъ моего типа, — предусмотрительно поправилъ онъ себя.

— Еще что-нибудь баринъ, изволите приказать?—спросила горничная, жеманно обтирая руки кончикомъ передника.

— Благодарствуйте, нѣтъ.

Она направилась къ двери.

— Погодите, Мета. Когда барышня хотѣла вернуться?

Ея лицо опять все загорѣлось румянцемъ.

— Барышня ничего опредѣленнаго не говорили. Только велѣли извиниться передъ вами, баринъ, и сказали, что къ вечеру онѣ непремѣнно будутъ.

Онъ кивнулъ головой, и горничная со вздохомъ облегченія поспѣшила скрыться, тихонько притворивъ за собою дверь.

Онъ продолжалъ насвистывать, подозрительно косясь на большую лампаду съ яркими искусственными цвѣтами, темный силуэтъ которой вырисовывался въ оконной нишѣ.

Въ этой лампадѣ, подвѣшенной къ потолку такъ высоко, что съ пола до нея невозможно было достать рукой, онъ годъ тому назадъ совершенно случайно нашелъ цѣлую кучу любовныхъ писемъ, которыя туда прятала его возлюбленная, потому что даже потайной ящикъ ея письменнаго стола казался ей недостаточно надежнымъ.

Онъ не прогналъ ее тогда, не взялъ съ нея обѣщанія исправиться и даже не сталъ объясняться съ нею, ибо отлично зналъ, что лучшаго и ждать нельзя: всякая другая будетъ его обманывать такъ же, какъ эта.

Тайну лампады онъ сохранилъ при себѣ, довольствуясь тѣмъ, что по письмамъ, которыя онъ отъ времени до времени находилъ тамъ, онъ могъ слѣдить за причудами ея измѣнчиваго сердца.

Такимъ образомъ онъ могъ убѣдиться, какъ много его добрыхъ пріятелей помогали ей обманывать его.

Его презрѣніе къ людямъ постепенно выросло до чудовищныхъ размѣровъ, и въ концѣ концовъ осталось единственнымъ духовнымъ наслажденіемъ, на которое еще оказывался способнымъ его эгоизмъ.

Онъ взялся за стулъ и какъ будто хотѣлъ влѣзть на него, чтобъ посмотрѣть, много ли писемъ прибавилось въ лампадѣ. Но тотчасъ же отнялъ руку. Въ сущности вѣдь ему все равно, съ кѣмъ именно она сегодня измѣняетъ ему.

Притомъ онъ усталъ. Англійская трехлѣтка, чистѣйшихъ кровей, недавно привезенная изъ Гулля, оказалась съ норовомъ

и довела его до отчаянія своей пугливостью и своими капризами. Онъ цѣлый часъ гонялъ ее на кордѣ, но отъ этого лошадь только стала еще нервнѣе. Если это ея порокъ врожденный и неисправимый, онъ рискуетъ крупною суммой.

Ему хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь о своихъ заботахъ, но не съ кѣмъ было. Фрейлейнъ Люди, въ своемъ наивномъ эгоизмѣ, находила, что онъ обязанъ всегда имѣть успѣхъ; кропотливая и утомительная подготовка нимало ее не занимала. Въ клубѣ каждый интересовался только своими личными дѣлами. Да тамъ и вообще слѣдовало быть осмотрительнымъ, такъ какъ одно неосторожное слово могло измѣнить настроеніе публики въ совершенно нежелательномъ смыслѣ.

Всего охотнѣе онъ позвалъ бы горничную, чтобы поговорить съ ней по душѣ о своихъ огорченіяхъ.

Но тутъ же онъ разсердился на себя за свою слабость.

Онъ привыкъ совершать свой жизненный путь въ царственномъ одиночествѣ, дивя міръ своими побѣдами. Больше вѣдь ему ничего и не нужно...

Онъ, зѣвая, вытянулся на chaise longue. Ждать становилось скучно.

Люди вернется, пожалуй, только еще часа черезъ три. Онъ такъ привыкъ къ обществу этой особы, что почти скучалъ по ней. Ея пустая болтовня была ему пріятна. Она умѣла веселить его своими глупостями, а, главное, она была такая покладистая. Ее можно приласкать и побить, подозвать къ себѣ и прогнать отъ себя, какъ собаченку, излить на нее полною мѣрой свое презрѣніе къ людямъ—она и глазомъ не моргнетъ: ничего лучшаго она и не видала.

Онъ проводилъ у нея ежедневно два-три часа—просто для того, чтобъ какъ-нибудь убить время. Иной разъ бралъ ее съ собою въ циркъ или въ театръ. Онъ такъ давно пересталъ бывать въ семейныхъ домахъ, что могъ показываться открыто въ обществѣ кокотки.

И все же, ему претила атмосфера, которою она окружала себя. Близость съ нею всегда вызывала въ глубинѣ его души какое-то непріятное чувство. Не потому, чтобы онъ чувствовалъ себя униженнымъ этой близостью: онъ зналъ, что Люди—просто „дѣвка“ и не искалъ лучшаго, такъ какъ только съ „дѣвкой“ можно обращаться такъ, какъ онъ обращался съ нею:

Вѣрнѣе, его томило уныніе, затаенное разочарованіе:

Неужто такъ это и будетъ до конца?

Стоитъ ли жить, когда ему, баловню счастья, господину своихъ поступковъ, жизнь не можетъ дать ничего лучшаго?..

— Положительно на меня напалъ сплинъ, — молвилъ онъ самъ себѣ, вскочивъ съ дивана и начиная переодѣваться. У него стоялъ цѣлый шкафъ съ костюмами въ уборной Люди, на случай если ему вздумается куда-нибудь поѣхать вечеромъ, не заѣзжая домой.

II.

Часовая стрѣлка подходила уже къ четыремъ.

Солнце смѣялось въ окно теплыми багряными тонами, съ оттѣнкомъ фіолетоваго. Въ Тиргартенѣ ржавымъ золотомъ отливали осенніе листья. Колесница на памятникѣ Побѣды горѣла огнемъ на фонѣ предвечерняго неба.

Ему вдругъ захотѣлось побродить по дорожкамъ парка — такъ, отъ нечего дѣлать, безъ цѣли; быть можетъ, бросить монету маленькому нищему.

Онъ вышелъ изъ дому и направился мимо памятника Мольтке, по извилистымъ тропинкамъ для пѣшеходовъ, ведущимъ къ главной улицѣ Шарлоттенбурга.

Отъ земли вѣяло сладковатымъ запахомъ вянущихъ травъ. Кучки листьевъ, наметенныхъ вѣтромъ на дорожки, шуршали подъ ногами и разлетались отъ каждаго шага. Низко стоявшее солнце бросало красныя пятна свѣта на матово-зеленые стволы, на которыхъ, словно напрягшіяся жилы, проступала сырость.

Здѣсь было пустынно; только съ той стороны шоссе, промелькнувшаго передъ нимъ быстро, какъ панорама, съ его пестрой смѣной картинъ, доносился веселый дѣтскій говоръ, пѣсни и смѣхъ.

Близъ островка Руссо ему повстрѣчался знакомый, съ которымъ онъ былъ даже друженъ въ молодости. Полный, веселый, съ круглымъ лицомъ и коротко подстриженной бородкой, онъ шелъ, ведя за руки двухъ дѣвочекъ въ красныхъ платьицахъ; а впереди, какъ герольдъ, скакалъ верхомъ на отцовской палкѣ мальчуганъ въ матросскомъ костюмѣ.

Они раскланялись — суховато, но безъ оттѣнка враждебности. Оба стали одинаково чужды другъ другу; трудолюбивому чиновнику и счастливому отцу семейства не доводилось бывать въ тѣхъ кругахъ, гдѣ дневной трудъ человѣка заключается въ томъ, что онъ ѣздитъ верхомъ, играетъ въ карты и держитъ пари.

Штюкратъ присѣлъ на скамью, глядя вслѣдъ удалявшейся

группѣ.—Сквозь кусты алѣли жаромъ горѣвшія на солнцѣ красныя платьица и доносился увѣщевающій голосъ отца, заглушаемый голосомъ мальчика, который трубилъ, какъ въ трубу, въ свой приставленный ко рту кулачекъ.

— Неужели это и есть счастье?—спрашивалъ онъ себя.— Неужели дѣятельный и энергичный человѣкъ можетъ удовольствоваться вотъ этакимъ „семейнымъ каленкоромъ"?

А странное дѣло: вотъ такіе отцы семействъ—люди, „оказывающіе услуги обществу и государству", занимающіе высокіе посты, дѣлающіе важныя открытія или сочиняющіе хорошія книги—они всегда веселы; у нихъ румяныя щеки и смѣющіеся глаза; не видно, чтобъ имъ трудно было дышать подъ тѣмъ бременемъ, которое они несутъ на себѣ. И они идутъ впередъ, пробиваютъ себѣ дорогу—несмотря на дѣтскія ручонки, тянущія ихъ за фалды, несмотря на всѣ тѣ дурацкія забавы, которыми они утѣшаются въ свободное время.

Смутное чувство зависти точило его душу. Онъ поборолъ его въ себѣ, пошелъ дальше и смѣшался съ толпой гуляющихъ, наводнявшей тропинки Тиргартена.

Дамы изъ западныхъ кварталовъ Берлина проходили мимо него, шурша чернымъ шелкомъ одеждъ, позвякивая стеклярусной отдѣлкой. Онъ не зналъ ихъ и не стремился узнать.

Здѣсь у него и среди мужчинъ было меньше знакомыхъ. Финансисты и дѣльцы, заполонившіе этотъ кварталъ, не часто бываютъ на бѣгахъ и на скачкахъ.

Экипажи тѣхъ, кому вздумалось ради хорошей погоды прогуляться пѣшкомъ по аллеямъ, ѣхали шагомъ вслѣдъ за ними, объясняя и оправдывая необычность подобной прогулки. Въ этомъ мірѣ постоянная ходьба пѣшкомъ легко можетъ подорвать кредитъ человѣка.

Поблескивая своими металлическими частями, съ шумомъ проносились автомобили. Мелькали словно въ туманѣ свѣтлыя вуали—только это и можно было разглядѣть отъ красавицъ, сидѣвшихъ тамъ.

Новый вѣкъ такъ спѣшитъ, что не находитъ времени даже и для тщеславія.

На окнахъ виллъ и дворцовъ пестрыми бликами горѣли лучи заката; фасады окрасились въ пурпурный цвѣтъ, а блекнущая густая зелень винограда, тяжело повисшаго на окнахъ и рѣшеткахъ, какъ будто рдѣла какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ: настоящій пожаръ красокъ тлѣнія.

Вся залитая этимъ свѣтомъ, навстрѣчу Штюкрату шла высокая,

тонкая, даже слишкомъ тонкая дѣвушка. Она заботливо вела подъ руку старушку, съ трудомъ тащившуюся, прихрамывая, по усыпанной гравіемъ дорожкѣ. Немного поодаль ѣхала шагомъ карета съ гербомъ и короной на дверцѣ.

Онъ смутился. Невольно сдѣлалъ движеніе, какъ бы намѣреваясь свернуть на боковую дорожку, но тотчасъ же сдержалъ себя и впился взглядомъ въ приближавшуюся къ нему дѣвичью фигуру.

Вся гибкая какъ вѣточка, въ монашески скромномъ платьѣ, висѣвшимъ на ней, словно увядшій стручекъ, она однимъ чернымъ штрихомъ выдѣлялась на яркомъ фонѣ заката.

Теперь и она узнала его. Внезапная краска, тотчасъ же смѣнившаяся пепельной блѣдностью, тѣнью скользнула по ея строгому лицу.

Они пристально посмотрѣли другъ другу въ глаза.

Онъ почтительно поклонился; она отвѣтила легкимъ кивкомъ и улыбкой, которую старалась сдѣлать равнодушной.

— Вотъ и эта отцвѣла, — подумалъ онъ. — Правда, лицо ея и теперь носило печать благородной утонченной красоты, но годы и горе произвели въ немъ жестокія опустошенія. Губы стали блѣдными и сухими; по бокамъ залегли двѣ-три морщинки, рѣзкія и отчетливыя, словно врѣзанныя ножемъ, а глаза, когда-то лучистые и нѣжные, теперь усталые и суровые, были обведены концентрическими кругами, связанными сѣтью жилокъ и мелкихъ морщинъ.

Штюкратъ остановился, въ раздумьи глядя ей вслѣдъ.

Походка ея по прежнему осталась царственной, но въ общемъ получался пренепріятный силуэтъ.

Такъ держитъ себя, такъ одѣваются только женщины, утратившія надежду...

Онъ соображалъ: сколько ей теперь можетъ быть лѣтъ? Тридцать шесть?..

Тринадцать лѣтъ тому назадъ онъ зналъ ее и... любилъ? Пожалуй. Какъ бы то ни было, наканунѣ ихъ обрученія онъ сбѣжалъ, потому что его тесть in spe вздумалъ читать ему наставленія по поводу его образа жизни.

Свою свободу онъ любилъ больше, чѣмъ богатую и гордую красавицу-невѣсту, которая тянулась къ нему всѣми фибрами своей чистой и гордой души. Одного ея слова, одного знака при прощаньѣ, быть можетъ, было бы достаточно, чтобъ удержать его; но это слово не было сказано.

Это разбило всю ея жизнь—да, пожалуй, и его жизнь. Что же дѣлать?..

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ презрительно относиться къ дѣвушкамъ „изъ хорошихъ семействъ". Тѣ, другія — удобнѣе; онѣ менѣе требовательны и не мѣшаютъ ему пользоваться свободой.

Онъ долго, пристально смотрѣлъ ей вслѣдъ. Порою группы гуляющихъ заслоняли ее; порой ея фигура снова выступала узкимъ и отчетливымъ чернымъ штрихомъ на красноватомъ фонѣ осенней листвы. Время отъ времени она любовно склонялась къ старухѣ, которая еле плелась, боязливо и старательно переставляя ноги, какъ это дѣлаютъ старые люди.

Это хилое, дряхлое существо — какой то мѣшокъ съ костями, съ безсмысленными глазами и противнымъ скрипучимъ голосомъ. Онъ хорошо помнилъ этотъ голосъ, сыгравшій немалую роль въ его тогдашнемъ рѣшеніи удрать: эту чужую ему, несимпатичную, злобную старуху ему пришлось бы называть „матерью".

Какое безуміе, какая ложь!

Но тутъ жажда счастья, все еще не умолкавшая въ его груди, напомнила ему обо всемъ, что могло бы быть, если бъ *она* стала его женой. Цѣлое море горячей, нѣжной, самоотверженной любви излилось бы на него и оживило, оплодотворило бы пустыню его души. И сама она, вмѣсто того, чтобъ увянуть и ожесточиться, возлѣ него расцвѣтала бы роскошнѣе день ото дня.

А теперь было ужъ поздно. Длинная, тощая, жалкая, словно какое-то пугало, прошла она мимо него своею дорогою и скрылась вдали.

Но душа его продолжала тосковать по женщинѣ — которая носила бы не только имя, не только внѣшній обликъ женщины, и стоила бы больше той, которую онъ держалъ у себя только потому, что ему лѣнь было прогнать ее.

Онъ перебиралъ свою жизнь, изобиловавшую любовными приключеніями всякаго рода. Не одна молодая и пылкая женщина кидалась ему на шею — лишь затѣмъ, чтобы вскорѣ снова исчезнуть изъ его жизни: по неволѣ, потому что онъ охладѣвалъ къ ней.

Онъ любилъ свободу; даже незаконная связь тотчасъ же становилась ему въ тягость, какъ только она начинала требовать, чтобы онъ жертвовалъ ей своимъ временемъ и своими привычками. Ему непріятно было, притомъ, давать меньше, чѣмъ онъ получалъ, и съ легкимъ сердцемъ принимать такой даръ, какъ судьба человѣка, принимать его, когда уже ушла молодость, не знающая такихъ щепетильностей.

Оттого-то жизнь его и стала такой спокойной въ послѣдніе годы. Ему вспомнилась одна изъ послѣднихъ—нѣтъ, даже самая послѣдняя... Онъ невольно улыбнулся.

Передъ нимъ всплылъ образъ маленькой, пышной и нѣжной брюнетки съ мечтательными глазами и небрежно падавшими на уши завитками волосъ... Скромная, искренняя, сердечная, полная восторженной преданности и самой нелѣпой наивности, она врѣзалась ему въ память.

Она была не изъ „общества": жена дѣлового агента, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ финансовомъ мірѣ.

Онъ встрѣтилъ ее на обѣдѣ у одного биржевика. Съ какимъ-то благоговѣйнымъ любопытствомъ приглядывалась она къ чуждому ей „большому свѣту", впервые въ этотъ день раскрывшему передъ ней свои двери.

Онъ велъ ее къ столу, забавляясь той непосредственностью, съ которой она, какъ маленькая дѣвочка, реагировала на каждое новое впечатлѣніе. Она съ нескрываемымъ обожаніемъ смотрѣла на него, знаменитаго спортсмена, наѣздника и прожигателя жизни, а онъ принималъ это вниманіе съ спокойной улыбкой.

Онъ немножко поухаживалъ за нею и моментально вскружилъ ей голову; въ этой шальной головкѣ любительницы мечтать въ одиночествѣ давно уже жило стремленіе къ изящному, фантастическому грѣху—такое безудержное и безмѣрное, что она на другое же утро прислала ему страничку очаровательнѣйшихъ каракулекъ, молившихъ о тайной встрѣчѣ... гдѣ-то на Арконской площади, въ мѣстности, меньше знакомыя ему, чѣмъ сѣверный полюсъ или Іокогама.

За первой встрѣчей послѣдовали вторая, третья... Она приходила на свиданіе стыдливая, испуганная и все больше влюбленная, съ букетикомъ фіалокъ въ рукѣ, который она прикалывала ему въ петличку, и съ какимъ-нибудь сюрпризомъ для мужа въ карманѣ.

Потомъ это ему надоѣло, и онъ написалъ, что не придетъ.

Однажды вечеромъ — это было въ концѣ ноября — она явилась, подъ густой вуалью, къ нему на квартиру и, рыдая, упала ему на грудь.—Она не можетъ жить, не видя его, она стосковалась по немъ до безумія: пусть онъ дѣлаетъ съ ней, что хочетъ. Онъ отогрѣлъ, утѣшилъ ее, снялъ поцѣлуями таявшія снѣжинки съ ея волосъ. Но когда онъ хотѣлъ пойти навстрѣчу ея страсти, въ ней опять проснулись угрызенія совѣсти. Она — честная женщина: если съ ней случится какой грѣхъ, она утопится

отъ горя и стыда; онъ долженъ пожалѣть ее и удовольствоваться ея *чистой* любовью.

Онъ пожалѣлъ ее и отпустилъ ее съ отеческимъ поцѣлуемъ въ лобъ на прощанье, но, тотчасъ же по уходѣ ея, наказалъ лакею: если эта дама еще придетъ—его нѣтъ дома.

Затѣмъ посыпались письма: одно, другое, третье. Опасеніе потерять его сломили послѣднее ея сопротивленіе. Но на письма эти онъ не отвѣчалъ.

Одновременно съ этимъ, ему пришло въ голову подняться на лодкѣ къ верховьямъ Нила. Такъ, просто отъ скуки и оттого, что у него долго не проходилъ насморкъ...

Накануне отъѣзда онъ, вернувшись домой, засталъ ее у себя.

— Что вамъ угодно?

— Возьми меня съ собой.

— Откуда вы знаете?

— Возьми меня съ собою.

Только это одно она и повторяла: „возьми меня съ собой!“

Нельзя же было отпустить ее такъ, не утѣшивъ. И они простились какъ слѣдуетъ, по настоящему, условившись, что это—прости на вѣкъ.

Оба соблюдали уговоръ. Послѣ его возвращенія, вотъ уже два года, она не подавала признака жизни.

Теперь ему вспомнилась эта женщина. И вдругъ охватила щемящая тоска по ней, по ея нѣжному личику, пышной фигурѣ, низкому, бархатному голосу; безумно захотѣлось, чтобъ его снова обвили эти цѣпкія руки, захотѣлось поцѣлуевъ этихъ робкихъ и страстныхъ губъ.

Почему онъ забросилъ ее? Почему онъ тогда такъ грубо стряхнулъ ее съ себя и забылъ о ней?

Ему пришло въ голову: почему бы не разыскать ее теперь, сейчасъ?

Адресъ онъ помнилъ смутно. Но вѣдь чтобы узнать, гдѣ она живетъ, достаточно зайти въ первый попавшійся большой магазинъ.

И опять у него въ головѣ зароились вопросы, касавшіеся скачекъ и лошадей. „Maidenhood“, недавно купленная англійская трехлѣтка, доставляла ему немало хлопотъ. На эту карту онъ поставилъ многое: въ случаѣ проигрыша не такъ-то легко будетъ изгладить его слѣды.

Неожиданно онъ замѣтилъ, что стоитъ въ табачной и пере-

листываетъ адресную книгу.—Вотъ и знакомая фамилія: Фридрихъ-Вильгельмъ-штрассе. Близехонько отсюда, рукой подать; такъ онъ и думалъ.

Выдумать предлогъ было нетрудно. Время такое, что мужъ, навѣрное, сидитъ еще въ своей конторѣ. Объясненія у него навѣрное и не спросятъ; въ крайнемъ случаѣ можно будетъ сказать ей, что онъ пришелъ пригласить ее принять участіе въ предстоящемъ праздникѣ спорта. Быть можетъ, она его забыла и воспользуется случаемъ отомстить ему за свое нѣкогда попранное женское достоинство; быть можетъ, она обижена и просто-напросто не приметъ его. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ онъ долженъ быть готовымъ къ холодному, сдержанному пріему, къ выслушиванію горькихъ истинъ въ ненависти, въ которую легко обращается отвергнутая любовь.

Что за бѣда? Вѣдь она—женщина.

Онъ вступилъ въ просторный вестибюль съ колоннами, съ лѣпными украшеніями и ассирійскимъ орнаментомъ на стѣнахъ, со всей той покупною роскошью, которой такъ любитъ окружать себя зажиточное бюргерство.

Третій этажъ, на самый верхъ.

Старая служанка въ синемъ передникѣ недовѣрчиво смѣрила взглядомъ незнакомаго гостя.

— Барыня дома?

Горничная сказала, что посмотритъ, дома ли барыня, и ушла, бережно неся за уголки его визитную карточку.

— Ну, теперь держись!

Нагнувшись впередъ, онъ прислушался и сквозь щель непритворенной двери до него донесся крикъ — не испуга, нѣтъ: крикъ торжества, ликованія, счастливый, радостный крикъ истомившейся ожиданіемъ, безнадежной, необузданной страсти.

Онъ думалъ, что ему послышалось, но тотчасъ же передъ нимъ появилось совсѣмъ другое, теперь уже сладко улыбающееся лицо служанки.

— Барыня просятъ.

III.

Онъ вошелъ.

Съ протянутыми руками, со слезами на глазахъ шла она ему на встрѣчу; все лицо ея подергивалось отъ напрасныхъ усилій сдержать себя.

— Такъ это вы!.. это вы... это вы...

Смущенный, подавленный этимъ довѣрчивымъ, всепрощающимъ счастьемъ, онъ стоялъ передъ нею, не находя словъ.

И что могъ онъ сказать ей такого, что не прозвучало бы глупо или грубо.

Да она и не требовала оправданій или объясненій.

Онъ пришелъ—этого было для нея достаточно.

Онъ скользнулъ по ней взглядомъ и долженъ былъ сознаться самому себѣ, что она не похожа на образъ, сохранившійся въ его воспоминаніи.

Она какъ будто выросла физически и духовно; въ чертахъ ея было теперь больше силы и пропорціональности; онѣ носили печать глубокихъ внутреннихъ переживаній. Ея сіяющіе глаза не отрывались отъ него; грудь ея бурно вздымалась подъ наплывомъ радости.

Она пригласила его присѣсть.

— Вотъ въ этомъ уголкѣ.—И подвела его къ маленькому, обитому свѣтло-зеленымъ шелкомъ диванчику, надъ которымъ склонялись поблекшіе листья вѣерной пальмы.

— Я такъ часто, такъ часто сидѣла здѣсь и думала о васъ — всегда, всегда. Не правда ли, вы напьетесь со мною чаю?

Онъ хотѣлъ отказаться, но она поспѣшно перебила его:

— Нѣтъ, вы должны, должны... Что же вы благодарите?... Вѣдь это все время было моей мечтой... хоть бы одинъ разокъ угостить васъ чаемъ здѣсь—одинъ единственный... Подавать вамъ на подносикѣ чашку, подвигать печенье... Вы видите этотъ столикъ, въ японскомъ стилѣ, лакированный, съ красивыми перламутровыми птицами? Вы только взгляните—я нарочно попросила мужа подарить мнѣ его о прошломъ Рождествѣ, чтобы на немъ пить съ вами чай... Потому, говорю себѣ: онъ вѣдь привыкъ, чтобъ все было шикарное. И вотъ, онъ, наконецъ, пришелъ— и не хочетъ чаю... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно — этого я допустить на могу!

Она порхнула къ двери—отдать приказанія горничной.

Онъ съ радостнымъ изумленіемъ глядѣлъ ей вслѣдъ. Въ ея движеніяхъ, въ волнистыхъ изгибахъ ея тѣла была безсознательная грація, какую онъ рѣдко видѣлъ въ женщинѣ. Ея платье, скромное и безыскусственно изящное, такъ красиво облегало стройное, вытянувшееся вверхъ и похудѣвшее тѣло, строгія линіи котораго смягчались милой округлостью достигшей расцвѣта женственности.

И все это принадлежало ему.

И надъ этимъ лучезарно-юнымъ тѣломъ онъ имѣлъ полную власть, какъ и надъ этой лучезарно-юной душой.

Все это тянулось къ нему, жаждало принадлежать ему.

— Прижми ее къ груди!—кричало что-то въ его душѣ.— Возьми отъ нея свое счастье.

Она вернулась. Остановилась въ трехъ шагахъ отъ него и, сложивъ руки подъ подбородкомъ, смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, шепча:

— Это, дѣйствительно, онъ. Онъ пришелъ!...

Ему стало даже немножко не по себѣ подъ этимъ наплывомъ любви.

— Бьюсь объ закладъ, что у меня сейчасъ преглупое лицо,— говорилъ онъ себѣ мысленно.

— Однако, надо же быть благоразумной,—продолжала она, усаживаясь на низенькій табуретъ рядомъ съ диванчикомъ.— Пока намъ дадутъ чаю, вы должны разсказать мнѣ, какъ вамъ жилось всѣ эти годы... Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ... такъ страшно много!...

Ему почудился упрекъ въ этихъ словахъ. Онъ сухо уклонился отъ отвѣта и тѣмъ участливѣе началъ разспрашивать ее объ ея жизни.

Она разсмѣялась, махнула рукой.

— Ахъ, что̀ мнѣ дѣлается. Мнѣ всегда живется отлично... Да и можетъ ли быть иначе, когда я, какъ ребенокъ, радуюсь жизни... Такая ужъ я уродилась... Каждый день приноситъ что-нибудь новое и, по большей части, хорошее... А съ тѣхъ поръ, какъ я влюблена въ васъ... Пожалуйста, только не принимайте этого за банальное объясненіе въ любви, мой уважаемый другъ. Представьте себѣ, что вы тутъ—третье лицо... Ну, хоть бы моя наперсница, Инеса... и я разсказываю вамъ о моемъ далекомъ возлюбленномъ, который и не думаетъ обо мнѣ глупенькой. Но это нисколько не мѣшаетъ... Разъ я знаю, что онъ живъ, и могу дрожать и молиться за него. Солнце, которое всходитъ утромъ, свѣтитъ и ему — а знаете, это дивное чувство, когда, утромъ, встаешь, и солнышко заглядываетъ сквозь красныя гардины. И говоришь себѣ: „Слава Богу, сегодня у него хорошая погода“.

Онъ провелъ рукой по лбу, словно отгоняя сонъ.—Не можетъ быть,—думалъ онъ.—Этого не бываетъ на свѣтѣ.

А она продолжала... Ей, видимо, и въ голову не приходило, что, можетъ быть, и ему хочется вставить слово.

— Не знаю, многимъ ли людямъ дано счастье быть такими

счастливыми, но мнѣ оно дано—видитъ Богъ, не лгу... И знаете, самое лучшее, самое высокое, самое солнечное счастье дарите мнѣ вы... Напримѣръ, такъ: прошлымъ лѣтомъ мы были на Гельголандѣ... это лѣто провели въ Шварцбургѣ... Вы бывали въ Шварцбургѣ?.. Тамъ красиво — правда?.. Представьте себѣ, напримѣръ, такое пробужденіе: открываешь глаза—еще не разсвѣло... встаешь тихонько, чтобъ не разбудить мужа... идешь къ окну, тихонечко... босикомъ... О Боже!.. а горы, покрытыя лѣсомъ, высятся такія темныя, такія тихія... и кругомъ все полно такимъ миромъ, что хочется плакать. Такъ красиво!.. а на горизонтѣ широкая, красно-золотая полоса... И ели на высокихъ гребняхъ горъ вырисовываются такъ отчетливо... словно маленькіе черные человѣчки со множествомъ распростертыхъ рукъ... И уже начинаютъ чирикать птички. Сложишь руки, какъ на молитву, и спрашиваешь себя: гдѣ-то онъ теперь?.. И, если спитъ, хорошіе ли сны снятся ему?.. Вотъ, еслибы онъ былъ здѣсь и видѣлъ, какъ все это красиво... И думаешь о немъ съ такой горячей любовью, что, въ концѣ-концовъ, начинаешь вѣрить, что онъ и въ самомъ дѣлѣ здѣсь и видитъ всю эту красоту. А подъ конецъ иззябнешь,—потому, вѣдь вы знаете, раннія утра въ горахъ прохладныя... И торопишься скорѣй нырнуть подъ одѣяло, сердясь, что нужно еще спать четыре часа, вмѣсто того, чтобы встать и думать о *немъ*.—А когда проснешься во второй разъ, вся комната уже залита солнцемъ, и на балконѣ уже накрытъ столъ для кофе. И мужъ уже давно всталъ и терпѣливо ждетъ. И его милое, спокойное лицо улыбается тебѣ сквозь стеклянную дверь... И сердце прямо расплывается отъ благодарности, что Творецъ такъ милостивъ къ тебѣ, и чувствуешь себя такой счастливой, что готова умереть и... Ну, вотъ и чай.

Старая служанка вошла съ подносомъ, со стукомъ поставила его на рояль и принялась накрывать японскій столикъ небольшой дамасской скатертью.

Хозяйка шутливо побранила ее за неосторожность. Нельзя такъ обращаться съ хорошими вещами. Можно испортить политуру. Что подумаетъ милый гость о такомъ скверномъ хозяйствѣ?

Служанка вышла.

Она взялась за чайникъ и, радостно улыбаясь, спросила:

— Крѣпкій или слабый, мой повелитель?

— Если позволите—крѣпкій.

— Одинъ или два кусочка сахару, господинъ мой?

— Попрошу два.

Она торжественно протянула ему чашку, говоря:

— Итакъ, вотъ онъ—великій моментъ.—Вѣнецъ счастья, о какомъ я себѣ въ это время только позволяла мечтать... Ну скажите сами, развѣ мнѣ не хорошо живется! Развѣ не хорошо? Чего бы только я ни пожелала, все исполняется... Знаете, въ прошломъ году на Гельголандѣ со мной случилась препотѣшная исторія. Мы шалили, скатывались съ дюнъ—и я бухнулась въ воду. Когда я теряла сознаніе, мнѣ казалось, что вы возлѣ меня и спасаете меня... Потомъ, когда я уже пришла въ себя, лежа на пескѣ, я, конечно, видѣла, что это были не вы, а глупый, старый рыбакъ, но это было такое, такое удивительное чувство, что я готова была хоть сейчасъ же опять кинуться въ воду... Кстати о водѣ, — хотите рому къ чаю.

Онъ поблагодарилъ. Ея болтовня, въ началѣ восхищавшая его, начинала навѣвать на него грусть. Онъ никакъ не могъ подладиться подъ ея тонъ. Свѣжесть впечатлѣній, живость ума были давно имъ утрачены; радость давно уже не жила въ его сердцѣ.

И, въ то время, какъ она продолжала болтать, мысли его, какъ лошадь, привыкшая ходить все по одной и той же дорогѣ, снова вернулись къ его повседневной работѣ.—Жокей, которымъ онъ былъ недоволенъ, — нервничавшая новая кобыла, которую ему никакъ не удавалось успокоить... Въ концѣ-концовъ — что общаго у него съ этой женщиной?

— Кстати,—сказала она вдругъ,—я давно ужъ хотѣла спросить: что Maidenhood уже привезена?

Онъ невольно вздрогнулъ и уставился на нее съ недоумѣніемъ:

— Не можетъ быть, навѣрное онъ ослышался... — Откуда вы знаете?.. о Maidenhood?—пробормоталъ онъ.

Она засмѣялась:

— Милый другъ, какъ же мнѣ не знать вашей новой лошади. Она — отъ Blue Devil и Нины. Апчхи! Вотъ видите, я правду говорю.—Я кажется не только ея родителей, но и прародителей знаю... Кстати, поздравляю васъ... Англичане лопнутъ отъ зависти. Надо полагать, васъ ждетъ въ этомъ сезонѣ колоссальный успѣхъ.

— Но, ради Бога, откуда вы знаете?

— Боже мой! вѣдь о вашей покупкѣ писали во всѣхъ спортивныхъ листкахъ.

— Развѣ вы читаете спортивныя газеты?

— Разумѣется. Видите, вонъ тамъ лежитъ послѣдній номеръ „Шпоръ“, а тамъ, направо, въ переплетѣ, „Нѣмецкая газета спорта“.

— Да, но чего же ради?..

— Я теперь стала совсѣмъ спортсменкой, милый другъ, и отношусь — какъ, бишь это говорится? — съ „благожелательнымъ интересомъ ко всѣмъ гиппическимъ состязаніямъ“. Надѣюсь, это не воспрещается?

— Но тогда вы мнѣ даже не заикнулись объ этомъ.

Она слегка покраснѣла и потупилась.

— Тогда... тогда я еще не интересовалась этимъ.

Онъ понялъ—и въ то же время не смѣлъ понять.

— Не смотрите на меня такъ!—просила она.—Ну что же тутъ такого особеннаго. Я просто сказала себѣ: хоть онъ и не хочетъ знать тебя, все же ты можешь по крайней мѣрѣ издали жить его жизнью. Вѣдь это же не было съ моей стороны нескромностью—правда? И притомъ, скачки, бѣга—это была единственная возможность хоть иногда, хоть издали увидѣть васъ. А когда вы сами скакали, о, какъ у меня колотилось сердце!.. Иной разъ оно готово было выскочить; я боялась, что умру тутъ же на мѣстѣ, а, когда вы брали призъ — о какая это была гордость для меня! Я готова была на весь свѣтъ кричать о своей радости... И у моего бѣднаго мужа бывала послѣ этого вся рука въ синякахъ—такъ я, бывало, исщиплю его, сначала отъ страха, потомъ отъ радости.

— Такъ и супругъ вашъ частью раздѣляетъ ваши...

— Ну...—вначалѣ, онъ, положимъ, ихъ не раздѣлялъ... Но онъ такой добрый—такой добрый. И не могу же я одна ѣздить на скачки, такъ что, волей-неволей, пришлось и ему... А теперь онъ тоже сдѣлался завзятымъ спортсменомъ — тоже съ ума сходитъ, какъ я... Мы иной разъ часами сидимъ и обсуждаемъ, какая лошадь должна взять призъ. А въ васъ онъ прямо-таки влюбленъ, еще больше моего. Ахъ, какъ бы онъ обрадовался, еслибъ засталъ васъ здѣсь!.. Нѣтъ, эту радость вы должны ему доставить... Ну вотъ, теперь вы смѣетесь надо мною. Фи, какъ это нехорошо.

— Даю вамъ честное слово, и не думалъ.

— Но вы же улыбнулись. Я видѣла, какъ вы улыбались.

— Можетъ быть. Но безъ всякаго дурного умысла. А теперь, позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ серьезный вопросъ—можно?

— Ну, разумѣется.

— Вы любите вашего мужа?

— Конечно люблю... Ахъ, вы его не знаете, а то бы и спрашивать не стали. Развѣ можно его не любить?.. Мы съ

нимъ, какъ двое дѣтей... и не только въ шалостяхъ — нѣтъ, и въ горѣ также. Когда я иной разъ смотрю на него, спящаго, на этотъ добрый, изборожденный морщинами лобъ, спокойный и серьезный ротъ, и думаю о томъ, какой онъ вѣрный, преданный, и какъ онъ заботливо оберегаетъ меня на жизненномъ пути, и какъ онъ во снѣ и на яву объ одномъ только и думаетъ: какъ сдѣлать, чтобъ она у меня оставалась всегда счастливой и радостной — я становлюсь передъ нимъ на колѣни и цѣлую ему руки, пока онъ не проснется. Одинъ разъ онъ подумалъ, что это наша собачка лижетъ ему руки и крикнулъ: „Кышъ, кышъ". Ахъ, какъ мы тогда хохотали!.. И если вамъ кажется страннымъ, что это во мнѣ уживается — съ моимъ чувствомъ къ вамъ, вы не правы. Это совсѣмъ въ другой плоскости.

— И вы счастливы?

— Вполнѣ, вполнѣ счастлива!

И она отъ избытка радости всплеснула руками.

Она и не подозрѣвала, какъ близка она къ краю бездны, что означаетъ его приходъ и какъ она передъ нимъ беззащитна.

Ему стоило раскрыть объятія, чтобъ она упала къ нему на грудь, готовая снова отдать свою судьбу на произволъ его каприза. И на этотъ разъ уже безъ возврата къ счастью, которымъ она такъ дорожила. Смутное сознаніе отвѣтственности поднималось въ немъ и сковывало его волю. Здѣсь было все, что могло отодвинуть хотя года на два, грозившую ему опустошенность души, влить въ нее новую бодрость и новую радость. Здѣсь передъ нимъ былъ источникъ жизни, о которомъ такъ стосковалась его изсохшая душа — и у него не хватало духа прильнуть устами къ этому источнику.

IV.

Наступило молчаніе; оба какъ-то притихли и пріуныли.

Онъ первый заставилъ себя встряхнуться.

— А вы и не спросите, милый другъ, зачѣмъ я собственно пришелъ.

Она, улыбаясь, пожала плечами.

— Случайно. Почувствовали себя немножко одинокимъ — развѣ для этого такъ много нужно?

— А раскаяніе.. Этого вы не предполагаете?

— Почему раскаяніе?.. Развѣ вамъ есть въ чемъ каяться? Какъ мы рѣшили, такъ и сдѣлали.

— И все-таки я не могъ отрѣшиться отъ чувства, что мое молчаніе... я хочу сказать, что у васъ навѣрное осталась какая-нибудь заноза въ душѣ, которая отравляла вамъ воспоминаніе обо мнѣ.

Она задумчиво мѣшала ложечкой въ чашкѣ.

— Нѣтъ, — выговорила она наконецъ, — не такая ужъ я глупая. Воспоминаніе о васъ—оно для меня священно. Еслибъ не это—какъ бы я могла тогда остаться жить? Тогда, правда, я хотѣла покончить съ собой. Въ этомъ я поклялась себѣ передъ тѣмъ, какъ пойти къ вамъ... Я и помыслить не могла, чтобы можно было уйти отъ человѣка послѣ того, какъ онъ... прямо мысли этой не могла допустить... но жизнь всему научитъ... всему... Я вамъ разскажу, какъ это вышло, что я въ тотъ вечеръ не лишила себя жизни... Когда я опять очутилась на улицѣ, у вашего подъѣзда, я сказала себѣ: ну, теперь, значитъ прямо въ Шпрее. Я взяла извозчика, открытый экипажъ, не смотря на дождь и вѣтеръ—ахъ, какая ужасная была погода!—и велѣла ему ѣхать въ Тиргартенъ. У Большой звѣзды велѣла ему остановиться... Бѣгу по дорожкамъ—дорожки грязныя, прегрязныя, а сама плачу, плачу. Прямо не вижу ничего отъ слезъ, никакъ не могу дороги найти... а сама все твержу себѣ: къ шести все уже должно быть кончено... Гляжу на часы—еще четыре минуты осталось. Спрашиваю шуцмана: какъ пройти къ Бельвю. Потому что я помнила, что за самымъ дворцомъ рѣка. Онъ говоритъ: вотъ тамъ, гдѣ бьютъ часы... Какъ разъ въ это время часы пробили шесть... Какъ услыхала это я, вдругъ мнѣ вспало на умъ: сейчасъ мужъ вернется домой, голодный, усталый, а меня нѣтъ.—Хоть бы онъ по крайней мѣрѣ не ждалъ меня съ обѣдомъ... Но вѣдь, разумѣется, будетъ ждать—онъ скорѣе съ голоду умретъ, чѣмъ сядетъ за столъ безъ меня. И встревожится—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше все будетъ безпокоиться, куда я дѣвалась—потомъ побѣжитъ въ полицію, а на другое утро меня найдутъ и дадутъ знать ему по телеграфу. И онъ такъ растеряется, такъ огорчится, а меня не будетъ возлѣ него, чтобы утѣшить его. И, какъ подумала я это, такъ давай кричать: „Извозчикъ, извозчикъ!“ Извозчика ни одного. Я бѣгомъ назадъ, къ Большой звѣздѣ, потомъ въ Шарлоттенбургъ, на городскую желѣзную дорогу—и айда домой... Кинулась ему на шею и наплакалась всласть.

— И вашъ супругъ ни о чемъ не спросилъ васъ? И у него не явилось никакихъ подозрѣній?

— Нѣтъ—онъ же вѣдь знаетъ меня. Со мной это бываетъ...

Когда меня что-нибудь очень сильно обрадуетъ, или огорчитъ... напримѣръ, хорошенькій ребенокъ на улицѣ—вѣдь у меня нѣтъ дѣтей—или красивая музыка, или просто Тиргартенъ въ цвѣту, мраморная статуя въ зелени или еще что-нибудь такое—я прибѣгаю домой и прямо разливаюсь-плачу... Тогда онъ кладетъ мнѣ на лобъ свою холодную, жесткую руку, и мнѣ сейчасъ же становится легче.

— И тогда такъ было?

— Да. Я какъ-то сразу перестала тревожиться. Вотъ, говорю, случай сдѣлать добро хорошему человѣку. А что касается того, другого, такъ это было дерзостью съ твоей стороны врываться въ его жизнь. Потому что давать любовь—вѣдь это въ концѣ концовъ всегда, значитъ, требовать любви. И что бы онъ дѣлалъ съ такой экзальтированной глупышкой, какъ ты? Вѣдь онъ окруженъ совсѣмъ другими женщинами, вѣдь ему довольно пальчикомъ поманить, чтобы къ нему полетѣли сердца графинь и княгинь.

— Ахъ ты, Господи!—подумалъ онъ и предъ нимъ всталъ образъ продажной женщины, которою онъ довольствовался...

А она продолжала говорить, и, черта за чертой, передъ нимъ вырисовывался его образъ, какой она создала себѣ за эти два года.

Въ этомъ образѣ сливались всѣ герои Байрона, Пушкина, Шпильгагена и Вальтеръ-Скотта. Не было того таланта, дарованія, силы, которыми она бы не увѣнчала, какъ ореоломъ, его голову.

Онъ слушалъ ее съ грустной улыбкой и думалъ про себя: „она совсѣмъ не знаетъ меня—и слава Богу. Ничего похожаго на меня, полная противоположность мнѣ—даже досадно".

И въ то же время въ этихъ радостныхъ мечтаніяхъ вслухъ не было ничего навязчиваго, никакого непріятнаго раскрыванія интимныхъ сторонъ своей души. Она, дѣйствительно, говорила какъ будто съ другомъ, воспѣвая хвалы далекому возлюбленному.

И потому, ему не было стыдно и онъ не чувствовалъ себя ни фатомъ, ни дуракомъ.

Но что же дальше?

Что этотъ визитъ не останется безъ послѣдствій, это само собой разумѣется: не можетъ же онъ второй разъ взять ее и бросить, какъ найдетъ капризъ. Она вправѣ требовать, чтобъ это не повторялось.

Почти робко спросилъ онъ ее, какъ она представляетъ себѣ будущее.

— Къ чему объ этомъ говорить. Вѣдь все равно вы больше не придете.

— Какъ вы могли подумать?..

— Нѣтъ, нѣтъ, вы больше не придете... И что вамъ тутъ дѣлать? Слушать мои восторженныя изліянія! Вы такъ избалованы, что это вамъ скоро надоѣстъ... Или разговаривать съ моимъ мужемъ? Это ужъ будетъ вамъ совсѣмъ неинтересно. Онъ такой молчаливый... Онъ только наединѣ со мною оттаиваетъ... Да и не нужно этого—зачѣмъ?.. Вы были здѣсь, вы пришли—и память объ этомъ часѣ будетъ всегда дорога мнѣ. Теперь у меня будетъ еще одно воспоминаніе, на которое я буду радоваться.

Онъ сдерживалъ себя, но въ немъ наростала мучительная тоска. Хотѣлось кинуться къ ногамъ этой женщины, положить голову къ ней на колѣни. Но царственное величіе ея счастья держало его на почтительной дистанціи.

— А еслибы мнѣ самому захотѣлось?..

Только это онъ и посмѣлъ сказать. Ея лицо такъ вдругъ просіяло, что онъ невольно умолкъ, а старый опытъ шепталъ на ухо слова предостереженія. Настроеніе уже понижалось; послѣ прилива начинался отливъ.

Но она, очевидно, поняла его.

Притихшая, съ блаженной улыбкой, она прислонилась головою къ стѣнѣ и прошептала съ закрытыми глазами:

— Хорошо, что вы не договариваете. Не то я бы возмечтала о себѣ и снова начала бы желать... Но, если вы сами...

Она не договорила и вскинула на него лучистые, радостные глаза. Этимъ взглядомъ она отдавала ему себя спокойно, радостно, всю цѣликомъ.

Вдругъ она подняла голову и прислушалась:

— Мой мужъ!—Въ первый моментъ она немножко испугалась, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ искренно обрадовалась.— Вотъ это хорошо, что онъ васъ еще застанетъ... Дайте руку, скорѣе!

Пылающіе пальчики скользнули по его рукѣ и—она была уже у двери крича:

— Угадай, кто у насъ,—угадай!..

Въ дверяхъ появился плотный, средняго роста мужчина, съ темно-русой бородкой, заострявшейся уже сѣдымъ клинушкомъ у подбородка; у него были впалыя щеки, желтоватый, но здоровый цвѣтъ лица и спокойные ласковые глаза, спрятанные за пенснэ, немного слишкомъ вдавленнымъ въ переносье, такъ что

для того, чтобы посмотрѣть на кого-нибудь прямо, ему приходилось откидывать голову назадъ и опускать вѣки.

Онъ съ спокойнымъ удивленіемъ оглядѣлъ элегантнаго, незнакомаго гостя, но тотчасъ же узналъ его, несмотря на то, что уже смеркалось и въ комнатѣ стоялъ полусвѣтъ и, немного смущаясь отъ радости, протянулъ ему руку.

Утомленное дневной работой лицо смотрѣло привѣтливо; не было въ немъ ни враждебности, ни требованія объяснить нежданный приходъ.

Штюкратъ сказалъ себѣ, что съ такимъ безобиднымъ человѣкомъ не надо придумывать лживыхъ предлоговъ, и объяснилъ напрямикъ, что онъ позволилъ себѣ возобновить знакомство, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ большимъ удовольствіемъ.

— О себѣ я уже не стану говорить, господинъ баронъ,— отвѣчалъ хозяинъ,—но какую радость вы доставили своимъ посѣщеніемъ моей женѣ, этого вы, разумѣется, и представить себѣ не можете.

И онъ съ улыбкой кивнулъ головой женѣ, которая стояла подъ руку съ нимъ, съ виду совершенно непринужденная, только радостно смущенная, какъ хозяйка, обрадованная почетнымъ визитомъ.

Они обмѣнялись нѣсколькими дружелюбными фразами. Вести долгіе разговоры не было надобности—мужъ былъ слишкомъ довѣрчивъ и усыплять его подозрительность вовсе не требовалось. Но барону понравился этотъ тихій, обходительный человѣкъ, и ему не хотѣлось сейчасъ же уйти и дать почувствовать хозяину, что онъ не игралъ никакой роли въ его визитѣ.

Онъ снова сѣлъ и началъ разсказывать о своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, немного конфузясь, такъ какъ хозяинъ оказался такъ хорошо освѣдомленнымъ относительно его конюшни и называлъ ему одно за другимъ имена всѣхъ его лошадей.

Онъ учтиво пригласилъ ихъ къ себѣ и откланялся. Мужъ и жена оба проводили его въ переднюю.

И трудно было сказать, кто изъ нихъ съ болѣе теплымъ участіемъ жалъ руку ему на прощанье.

Случайно вскинувъ глаза съ нижней площадки на освѣщенную верхнюю, онъ замѣтилъ на самомъ верху двѣ головы, перегнувшіяся черезъ перила и съ трогательной ласковостью провожавшія его взглядами.

Очутившись вновь въ будничной сутолокѣ улицы, онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто вернулся съ какого-нибудь необитаемаго острова.

Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Ему вдругъ стало жутко при мысли о жизни, которая ждала его. Онъ повернулъ къ Тиргартену.

Багряный сумракъ стоялъ подъ деревьями. Высокое небо переливалось всѣми оттѣнками нѣжной лазури, мѣстами переходившей въ ярко-зеленую.

Бѣлыя, какъ вишневый цвѣтъ, облака скользили по небу, порой купаясь въ алыхъ краскахъ заката.

Между мигающими, какъ звѣздочки, рядами газовыхъ фонарей, по главной Тиргартенской улицѣ вверхъ и внизъ, какъ и раньше, катилась живая рѣка. Каждый спѣшилъ до заката дня поймать еще хоть одинъ лучъ его догоравшаго свѣта.

Мечтательно, вдругъ ставшій чужимъ всѣмъ этимъ людямъ, Штюкратъ прокладывалъ себѣ дорогу сквозь толпу, спѣша къ уединенной тропинкѣ, черною ниточкою уходившей въ темную чащу деревьевъ.

Опять у него на мигъ въ груди вспыхнула жгучая потребность взять себѣ эту женщину, взять то счастье, которое она можетъ дать ему.

Но, какъ только онъ хотѣлъ остановиться на этой мысли и обсудить ее, такъ она вдругъ исчезла, оставивъ по себѣ непріятный вкусъ во рту, словно послѣ вчерашняго пьянства.

Увядшіе листья шуршали у него подъ ногами; возлѣ тропинки призрачно бѣлѣло пятнистое зеркало усѣяннаго опавшими листьями, небольшого пруда.

Было бы преступленіемъ разрушить мирное счастье этихъ двухъ кроткихъ душъ. Да—но въ концѣ концовъ изъ такихъ преступленій слагается жизнь. На нихъ свѣтъ стоитъ. Что для одного жизнь—смерть для другого. Радость одного—горе другому... Еслибъ изъ этого хоть вышло что-нибудь, похожее на счастье,—еслибы принесеніе въ жертву этой идилліи хоть кому-нибудь пошло на пользу!

Но что онъ самъ уже неспособенъ на длительное и сильное чувство—въ этомъ онъ давно убѣдился на опытѣ. Сколько разъ это его огорчало и повергало въ уныніе. Что же онъ можетъ дать этой женщинѣ, готовой броситься въ его объятія съ цѣлымъ хаосомъ страсти, дѣтской преданности и наивной безнравственности въ душѣ?

Выдохшіеся подонки нѣкогда божественнаго напитка, остатки силы, растраченной по мелочамъ на удовлетвореніе похоти, уста-

лость души, жажду ощущеній и вмѣстѣ съ тѣмъ жажду покоя—вотъ все, что онъ можетъ преподнести ей, какъ свадебный даръ.

И какъ скоро онъ пресытился бы!

Одного проблеска раскаянія, нотки страха въ ея голосѣ достаточно, чтобъ она стала непріятной, а затѣмъ и ненавистной ему.

— Будь ея добрымъ геніемъ и отпусти ее! — сказалъ онъ себѣ и засвисталъ. На свистъ его откликнулось далекое эхо.

Потомъ онъ присѣлъ на скамью и закурилъ папироску. Когда вспыхнула спичка, тогда только онъ замѣтилъ, что на дворѣ уже ночь.

Умирающій лѣсъ былъ окутанъ великимъ покоемъ. Шумъ далекой битвы жизни доносился сюда, въ лѣсную тишь, отзвуками нѣжной гармоніи.

Штюкратъ внимательно разглядывалъ маленькій круглый огонекъ, который держалъ въ рукѣ и отъ котораго спиралью поднимались кверху благовонные круги.

— Слава Богу. Человѣку все же остается—папироска.

Онъ всталъ и въ раздумьѣ пошелъ дальше.

Самъ не зная какъ, онъ неожиданно очутился передъ домомъ, гдѣ жила его любовница.

Изъ оконъ струился свѣтъ—малиновый свѣтъ красныхъ абажуровъ, такъ любимыхъ кокотками.

— Брръ!—Онъ невольно вздрогнулъ.

А всетаки—тамъ наверху для него накрытъ столъ; тамъ ждутъ его съ ужиномъ; тамъ смѣхъ, люди, тепло и пара удобныхъ туфель.

Онъ отворилъ калитку.

Вѣтеръ прошумѣлъ въ вѣтвяхъ, гоня передъ собой палые листья. Словно бѣгущія тѣни, пронеслись они по тротуару — чтобъ утонуть гдѣ-нибудь въ лужѣ.

Осень...

Перев. съ нѣм. З. Журавская.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Николай Александровичъ Добролюбовъ. Его личность.

I.

Успѣхъ, выпадающій на долю писателя бываетъ въ своемъ ростѣ и въ своей убыли капризенъ. Иногда человѣкъ, имѣющій всѣ права на вниманіе современниковъ, успѣетъ лечь въ могилу въ ожиданіи признанія; иногда онъ завоевываетъ это признаніе сразу или въ очень короткій срокъ и затѣмъ, какъ бы подавъ свою реплику, отходитъ въ сторону и теряется въ тѣни; иногда популярность писателя растетъ ровно и крѣпко—живъ-ли онъ или мертвъ. Высказать мысль, которая у всѣхъ на умѣ и пока ни у кого на языкѣ; настроить ближняго такъ, какъ онъ самъ хотѣлъ бы настроиться и, главное, указать направленіе, въ какомъ должно шагнуть въ ближайшую минуту—въ этомъ весь секретъ успѣха, дальнѣйшая судьба котораго уже не во власти писателя.

Въ годы надеждъ, отдѣляющіе дореформенное время отъ первой реформы, въ лагерѣ молодыхъ прогрессистовъ и нарождающихся радикаловъ Николай Александровичъ Добролюбовъ былъ самымъ авторитетнымъ писателемъ. Съ необычайнымъ довѣріемъ относилось подрастающее поколѣніе къ его словамъ и благоговѣйно чтило его память даже тогда, когда запросы рус-

ской жизни усложнились настолько, что слова Добролюбова не могли покрывать ихъ. Никто, ни художникъ, какой бы силой таланта онъ ни обладалъ, ни ученый, сколь бы онъ ученъ ни былъ, ни иной кто-либо изъ критиковъ, какъ бы ни сверкалъ и ни блестѣлъ его талантъ—не смогъ завладѣть душой юнаго читателя 1856-1861 годовъ такъ властно, какъ овладѣлъ ею Добролюбовъ; и его глазами привыкала молодежь смотрѣть на тѣхъ же критиковъ, художниковъ и ученыхъ.

Когда теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Добролюбова, мы перечитываемъ столь популярныя нѣкогда статьи, мы не поддаемся тому очарованію, о которомъ такъ много слышали. Для памяти Добролюбова въ этомъ нѣтъ ничего обиднаго; его тѣнь была бы оскорблена и опечалена, еслибы для насъ слово, сказанное полвѣка тому назадъ, оставалось ново и сильно попрежнему. То, чему училъ Добролюбовъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, давно стало азбукой; и въ настоящее время намъ болѣе видны недочеты въ его міросозерцаніи, чѣмъ стороны сильныя, которыя отъ времени потускнѣли. Добролюбовъ въ данномъ случаѣ раздѣляетъ участь очень многихъ и очень крупныхъ людей. Развѣ только одни истинные художники ограждены отъ такого вывѣтриванія, такъ какъ они—уники, которые не имѣютъ ни замѣстителей, ни продолжателей, и навсегда остаются владѣльцами той частицы красоты, которую они воплотили.

Простая, связная реконструкція общаго хода мыслей Добролюбова не опредѣлитъ всей ихъ силы, и если мы хотимъ ее почувствовать—намъ нужно вспомнить не столько о рѣчахъ этого замѣчательнаго человѣка, сколько о неожиданности нарожденія такого типа людей, какъ онъ. Онъ былъ силенъ тѣмъ, что передовая часть молодежи въ немъ, въ первомъ, увидала воплощеніе того гражданина, прихода котораго въ жизнь она ждала съ такихъ нетерпѣніемъ. Не на страницахъ книги, не въ формѣ обѣщанія или призыва являлся такой долгожданный гражданинъ; онъ жилъ и дѣйствовалъ на виду у всѣхъ, онъ былъ лицо, а не образъ, не символъ. Въ немъ были воплощены думы, настроенія и упованія многихъ, почувствовавшихъ, наконецъ, близость такого вождя, съ которымъ можно было говорить просто и присутствіе котораго не вызывало никакой робости, никакого чувства подчиненія. То, что этотъ вождь говорилъ, не поражало глубиной откровенія; то, что онъ дѣлалъ, было простымъ дѣломъ, доступнымъ каждому, дѣломъ естественнымъ и лишеннымъ всякихъ героическихъ прикрасъ, которыя могутъ ослѣплять людей, но всегда держатъ ихъ на почтитель-

номъ разстояніи. Теперь этотъ руководитель совсѣмъ слился съ толпой своихъ единомышленниковъ, былъ неизмѣнно въ средѣ ихъ, и даже слово „учитель“ какъ-то не подходило къ нему, въ виду его молодости. И такимъ молодымъ онъ умеръ. Смерть довершила его успѣхъ: молодымъ продолжалъ онъ жить въ памяти всѣхъ молодыхъ и былъ навсегда избавленъ отъ упрека въ отсталости.

II.

За пятьдесятъ лѣтъ, которыя насъ отдѣляютъ отъ годовъ дѣятельности Добролюбова, мы успѣли присмотрѣться къ людямъ его типа. Сколько разъ на нашихъ глазахъ, изъ глухихъ уголковъ Россіи, изъ среды скромной по своимъ духовнымъ интересамъ и даже среды темной выходили дѣятели, которые заняли видное положеніе на всевозможныхъ свободныхъ постахъ общественной жизни и своей силой были обязаны исключительно личнымъ заслугамъ и дарованіямъ. Какія бы преграды наша жизнь ни ставила свободному развитію таланта, неогражденнаго никакими привилегіями, всетаки со времени реформъ, дарованія людей стали все чаще и чаще находить себѣ примѣненіе въ разныхъ областяхъ жизни на свободныхъ постахъ, которые могли быть заняты по свободному выбору.

Среди такихъ открывшихся почетныхъ мѣстъ была и трибуна писателя-публициста. Въ дореформенное время эта трибуна была не занята; случалось, правда, тому или иному писателю всходить на нее, но онъ всегда принужденъ былъ говорить намеками и никогда не договаривать своей рѣчи. Добролюбовъ былъ первымъ по времени писателемъ, который на этой трибунѣ держался стойко и, несмотря на невольныя умолчанія, съумѣлъ сказать все, что онъ думалъ. Появленіе такого публициста на открытой каѳедрѣ было большой неожиданностью и не могло не импонировать.

Добролюбова обыкновенно называютъ продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго. Что Добролюбовъ въ литературѣ занялъ тотъ постъ, съ котораго Бѣлинскій сошелъ, это—вѣрно; но на этомъ посту онъ работалъ совсѣмъ не тѣми пріемами и не въ томъ направленіи, въ какомъ шелъ его учитель. Добролюбова нельзя назвать продолжателемъ уже начатаго дѣла; съ него самого надо вести начало дѣла новаго. Онъ былъ родоначальникомъ нашей публицистической критики—первымъ писателемъ, для котораго публицистика стала дѣломъ жизни.

Обличительная тенденція, равно какъ и стремленіе выработать кодексъ положительной гражданской морали всегда были сильны въ нашихъ художникахъ слова. Публицистами, въ извѣстномъ смыслѣ, были фонъ-Визинъ, Державинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и тѣ „натуралисты“, которые продолжали дѣло Гоголя. Всѣ эти художники нерѣдко касались общественныхъ вопросовъ, облекая ихъ либо въ форму художественную, либо въ форму статей и даже цѣлыхъ трактатовъ. Но всегда читатель зналъ и чувствовалъ, что передъ нимъ прежде всего художникъ, а затѣмъ уже судья и обличитель, который къ тому же, намѣтивъ вопросъ, отходитъ въ сторону, предоставляя другимъ въ немъ подробно разбираться. Эти другіе, какъ напр. Надеждинъ, Полевой и Бѣлинскій (чтобы назвать лишь самыхъ сильныхъ), отдавали, дѣйствительно, немало труда на то, чтобы выяснить читателю всю цѣнность литературныхъ твореній; но ихъ работа не можетъ быть названа работой публицистической. Настоящаго темперамента публициста ни въ комъ изъ нихъ не было. Вопросы эстетическіе стояли для нихъ, несомнѣнно, на первомъ планѣ; затѣмъ ихъ интересовали иногда философскія проблемы; на вопросы же гражданскіе они давно привыкли смотрѣть какъ на нѣчто преходящее, имѣющее цѣну лишь постольку, поскольку они связаны съ общими принципами умозрѣнія и морали. Одинъ Бѣлинскій, подъ конецъ своей жизни увлеченный соціальнымъ движеніемъ на западѣ, сталъ тѣснѣе сближать свою критику съ жизнью общественной, но онъ дѣлалъ это столь осторожно, что многіе читатели могли и не замѣтить такого поворота мысли въ статьяхъ своего любимаго критика. То, что Бѣлинскій успѣлъ сказать какъ истинный публицистъ, въ печать не проникло. Такимъ образомъ, и художникъ, и критикъ дореформеннаго времени отъ настоящей публицистики стояли далеко, что, конечно, никто имъ въ вину не поставитъ.

Въ дореформенную эпоху встрѣчались, правда, отдѣльныя личности, которыя, вопреки духу времени, отличались развитымъ гражданскимъ чувствомъ, какъ напр. Герценъ и первые славянофилы. Ни художниками, ни критиками ихъ назвать нельзя: это были несомнѣнные публицисты, но совсѣмъ особаго типа. Свои сужденія о современномъ положеніи вещей они строили на широкихъ религіозныхъ и историсофскихъ теоріяхъ, требовавшихъ большого напряженія мысли со стороны читателя. Обслуживать интересы минуты они не могли, такъ какъ разсматривали современность всегда въ связи съ цѣлымъ историческимъ процессомъ жизни народа въ его прошломъ и въ связи съ гаданіями объ его

будущемъ. Какъ публицисты, они не могли имѣть широкой аудиторіи и не имѣли ея.

Итакъ, когда Добролюбовъ выступилъ со своими первыми статьями, никто не могъ сказать про эти статьи, что онѣ что-то продолжаютъ. Онѣ начинали собой новую главу въ исторіи русской мысли и слова.

Къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ статьи прежнихъ критиковъ были совсѣмъ забыты; онѣ затерялись въ старыхъ журналахъ и широкая читающая публика съ ними не считалась. Забытъ былъ и Бѣлинскій, имя котораго было подъ запретомъ; вліяніе славянофиловъ не шло дальше тѣснаго кружка и развитіе ихъ доктрины съ конца сороковыхъ годовъ остановилось. Одинъ Герценъ—о которомъ помнили какъ объ авторѣ нѣсколькихъ повѣстей и романа „Кто виноватъ"—начиналъ тогда свою публицистическую дѣятельность за границей. Но книга „Съ того берега" была очень далека отъ русской жизни, а брошюры, говорившія о судьбахъ и призваніи Россіи, были слишкомъ общи по содержанію и отвлеченны.

Добролюбова не съ кѣмъ было сравнивать, и то содержаніе и та форма, которую онъ сталъ придавать „критическимъ" статьямъ въ „Современникѣ", не имѣла параллелей ни въ книгахъ, ни въ брошюрахъ, ни въ какихъ-либо статьяхъ другихъ журналовъ. Это было простое и ясное слово о нуждахъ текущаго дня, безъ длинныхъ историческихъ справокъ, безъ философской пристройки и надстройки, безъ экскурсій въ смежныя области иныхъ знаній—слово тяжелое по вѣсу, свободное отъ всякихъ прикрасъ, но необычайно нужное всѣмъ, кто былъ въ расплохъ захваченъ исторической минутой.

Кромѣ того, это слово раздавалось всегда по поводу такихъ новинокъ литературнаго рынка, которыя сами по себѣ приковывали общее вниманіе. Своеобразный „критикъ", вводя совершенно новую манеру обращенія съ литературнымъ матеріаломъ, не пропускалъ ни одного виднаго художественнаго памятника, ни одной замѣтной статьи или книги безъ указанія на то, въ какой связи эти словесныя явленія находятся съ явленіями переживаемаго дня; и этимъ онъ облегчалъ своему собесѣднику самую трудную работу, а именно — найти связь между самимъ собою и тѣмъ, что читаешь. Художники сердились на Добролюбова за то, что онъ пріучаетъ читателя къ узкой точкѣ зрѣнія на искуство; люди, воспитанные на старыхъ пріемахъ критики и на публицистикѣ отвлеченнаго типа, цѣнили статьи Добролюбова не высоко, принимая ихъ простоту и ясность за

наивное упрощеніе, лишенное знанія. Но существовала большая аудиторія, мучимая сознаніемъ своей растерянности передъ минутой, не имѣющая времени производить кропотливыя изысканія и нетерпѣливо ожидающая появленія на каѳедрѣ человѣка, который усадилъ бы ее немедленно за практическія занятія и не тратилъ бы времени на развитіе общихъ теорій и взглядовъ. Добролюбовъ былъ первый, который намѣтилъ програму такихъ практическихъ занятій, и притомъ такую програму, которая могла быть выполнена въ предѣлахъ Россіи, средствами простыми и общедоступными.

III.

Новизна пріемовъ рѣчи Добролюбова и новизна прикладной публицистической мысли была поддержана и новизною самой личности писателя. Бываютъ такія личности, которыя въ себѣ соединяютъ главнѣйшія черты опредѣленной исторической эпохи— истинныя дѣти своего поколѣнія. На нихъ это поколѣніе молится какъ на свой просвѣтленный образъ; оно ихъ идеализируетъ, прощаетъ имъ многіе недостатки и допускаетъ по отношенію къ нимъ тотъ культъ авторитета, съ отрицанія котораго всякое подростающее поколѣніе начинаетъ свое вступленіе въ жизнь.

Прогрессивная молодежь 1856-1861 годовъ сразу разгадала въ Добролюбовѣ истиннаго представителя своихъ мыслей—а главнымъ образомъ своей психики. Въ этой психикѣ, дѣйствительно, начинали себя давать ясно чувствовать нѣкоторыя настроенія и стремленія, которымъ сама личность Добролюбова и положеніе, занятое имъ въ литературѣ, вполнѣ соотвѣтствовали.

Въ необычайно короткій срокъ занялъ Добролюбовъ очень видное положеніе, съумѣлъ заставить съ собой считаться — и всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ лишь своему таланту, своей энергіи, силѣ своего слова, своему личному труду, который не былъ ему облегченъ никакими унаслѣдованными отъ предковъ привилегіями и преимуществами. Онъ былъ несомнѣнный, живой и яркій представитель демократическаго начала, которое ждало своей очереди, чтобы поднять голосъ. И въ устахъ Добролюбова этотъ голосъ сразу зазвучалъ властно и громко. Всѣ демократически настроенные умы и сердца—даже не считаясь съ тѣмъ, что говорилъ Добролюбовъ — могли найти оправданіе своихъ надеждъ въ одномъ томъ положеніи, которое онъ завоевалъ себѣ на писательской трибунѣ. За отсутствіемъ въ тѣ времена иныхъ три-

бунъ, на которыя доступъ талантамъ былъ бы свободенъ, каѳедра писателя была самой видной и наиболѣе вліятельной. Что этой каѳедрой завладѣлъ вдругъ человѣкъ совершенно „новый“, вышедшій не изъ той сословной среды, которая до того времени обыкновенно поставляла вліятельныхъ и сильныхъ писателей—что этотъ „новый“ человѣкъ не обнаружилъ никакой, казалось бы столь неизбѣжной въ его положеніи, робости, а наоборотъ сразу заговорилъ увѣренно и твердо—это было въ глазахъ многихъ счастливымъ предзнаменованіемъ новой наступающей эры, въ которой демократическому принципу суждено, наконецъ, сыграть роль, болѣе соотвѣтствующую тому значенію, какое этотъ принципъ начиналъ пріобрѣтать въ самой жизни.

Оцѣнки литературы съ классовой точки зрѣнія, столь распространенной въ наше время, въ тѣ годы еще не существовало; но несомнѣнно, что демократически мыслящіе и настроенные люди не могли остаться равнодушными къ появленію на литературной аренѣ сильнаго человѣка, и притомъ такого демократа по рожденію и по образу мыслей, какимъ былъ Добролюбовъ. Читатель давно привыкъ къ тому, что наиболѣе вліятельные и любимые имъ писатели были отдѣлены отъ него преградой если не сословныхъ предразсудковъ, то всетаки извѣстнаго сословнаго воспитанія и образованія. Изящная словесность въ ея лучшихъ представителяхъ была продуктомъ культуры дворянской; и даже тѣ изъ писателей, которые не могли похвастаться особой родовитостью, стремились держаться поближе къ этому очагу красоты и просвѣщенія. Если же случалось, какъ принято говорить, „разночинцу“—въ родѣ Полевого, Кольцова и Бѣлинскаго—пробивать себѣ дорогу, то такое движеніе по свободной, казалось бы, аренѣ было обставлено для него невѣроятными трудностями; большая часть таланта уходила на борьбу съ разными житейскими препонами, и успѣхъ и побѣда давались такимъ смѣлымъ и свободнымъ пришельцамъ съ огромной затратой силъ. Съ приходомъ Добролюбова картина мѣнялась рѣзко: несомнѣнный „разночинецъ“, проведшій свое дѣтство и юность внѣ всякихъ литературныхъ сферъ и традицій, свободно и смѣло, еще совсѣмъ юношей, вошелъ въ литературный кругъ, безъ всякой робости и иныхъ чувствъ новичка въ дѣлѣ. Въ невѣроятно короткій срокъ этотъ „новый человѣкъ“ занялъ чуть-ли не первое мѣсто въ журналистикѣ, заставилъ себя бояться и уважать и сталъ въ такое независимое положеніе ко всѣмъ писателямъ, которое по тѣмъ временамъ могло отдавать дерзостью. На этой быстро захваченной позиціи публицистъ удержался—и когда онъ неожи-

данно умеръ, то вліяніе его вмѣсто того, чтобы падать, только возросло.

Пусть въ современной Добролюбову литературѣ и начинала очень замѣтно пробиваться демократическая тенденція, въ стремленіи писателя сблизить свое творчество съ жизнью среднихъ и низшихъ классовъ; пусть эта демократическая тенденція была вполнѣ искренна и указывала на развивающееся общественное самосознаніе, на вѣрное пониманіе живыхъ потребностей текущей исторической минуты — всетаки смѣлое выступленіе демократа по рожденію и воспитанію среди людей, хотя бы одинаково съ нимъ думающихъ, не могло не производить большого впечатлѣнія. И независимо отъ того, что̀ и какъ говорилъ Добролюбовъ, одно уже его присутствіе среди избранныхъ лицъ, на которыхъ общество привыкло смотрѣть какъ на людей особыхъ, облеченныхъ правомъ руководительства, должно было повышать во всѣхъ, кто съ Добролюбовымъ былъ согласенъ, чувства бодрости, смѣлости и собственнаго достоинства. А согласнымъ съ Добролюбовымъ можно было быть даже и не читая его внимательно. Нужно было только носить въ своей душѣ то неопредѣленное настроеніе демократической гордости, то чувство демократической независимости и нѣкотораго, болѣе или менѣе рѣзкаго недовольства, которое присуще каждому борющемуся за существованіе непривилегированному человѣку, когда ему приходится жить и дѣйствовать въ условіяхъ, создавшихся на почвѣ всевозможныхъ привилегій и разсчитанныхъ на то, чтобы поддержать ихъ возможно дольше. А въ такомъ положеніи находилась цѣлая масса молодыхъ людей, столпившихся въ столицахъ и разсѣянныхъ по провинціи. Источникомъ большихъ надеждъ и большой поддержкой чувству ихъ самоудовлетворенія было — имѣть передъ глазами такой примѣръ смѣлаго захвата одного изъ важнѣйшихъ литературныхъ постовъ человѣкомъ ихъ круга. И всѣ эти молчаливые или шумные послѣдователи Добролюбова, къ тому же, догадывались, что „карьера“, сдѣланная Добролюбовымъ, вовсе не какая-нибудь счастливая случайность, а показатель наступавшаго времени.

IV.

Помимо новизны самой роли публициста, помимо новизны появленія въ этой роли истиннаго демократа, было еще нѣчто въ словахъ Добролюбова, что̀ производило сильное впечатлѣніе

на молодые умы. Это была смѣлость и широта сужденія о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ жизни и духа. Прежніе критики, какъ бы они много ни писали, держались почти всегда въ границахъ вопросовъ, на которые непосредственно наводила изящная словесность, позволяя себѣ лишь изрѣдка отступленія въ нѣкоторыя отвлеченныя сферы. Добролюбовъ, подмѣняя литературную критику публицистикой, тѣмъ самымъ широко раздвигалъ ея границы, и читатель, привыкшій къ болѣе или менѣе однообразному содержанію критическихъ статей, былъ пораженъ, когда передъ нимъ стали мелькать въ статьяхъ Добролюбова одинъ за другимъ вопросы, съ изящной словесностью совсѣмъ по существу не связанные. Статьи по государственной исторіи до-петровской Руси, обзоры царствованія Петра и Екатерины, съ экскурсіями въ область исторіи тогдашняго быта; статьи по исторіи русской общественной жизни ближайшаго времени, своего рода опытъ исторической сословной психологіи; очерки изъ исторіи западной жизни начала XIX вѣка и самыхъ послѣднихъ дней; трактаты по воспитанію дѣтей, юношей и, преимущественно, взрослыхъ—цѣлый курсъ теоретическаго и практическаго воспитанія „гражданина", имѣющаго народиться; отрывки изъ описательной соціологіи, составленные на основаніи наблюденій надъ современной жизнью отдѣльныхъ лицъ и группъ русскаго общества; изслѣдованія на тему о судьбахъ русскаго простонародья въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, и, наконецъ, длинный рядъ замѣтокъ по мелкимъ вопросамъ дня, чисто спеціальнаго значенія—вотъ тотъ обильный матеріалъ, который на глазахъ читателя разрабатывалъ публицистъ, какъ всѣмъ было извѣстно, еще совсѣмъ юный. Независимо отъ того, какъ онъ трактовалъ всѣ эти вопросы, одно то, что онъ считалъ себя вправѣ открыто и смѣло говорить о нихъ—нравилось молодымъ читателямъ; всѣ они очень высоко ставили свободу собственнаго сужденія, и Добролюбовъ въ данномъ случаѣ оправдывалъ не только ихъ вѣру въ него, но и ихъ вѣру въ самихъ себя. Такая рѣшимость признать за собой право голоса въ обсужденіи всѣхъ набѣгавшихъ вопросовъ могла, конечно, вредно отозваться на правильности самаго рѣшенія; но такія ошибки искупались сознаніемъ, что высказанная мысль ни у кого не заимствована, ни на какой авторитетъ не опирается и принадлежитъ всецѣло свободному полету мысли того, кто ее высказывалъ. Послѣ долголѣтней привычки бояться за смѣлость собственнаго сужденія, такая рѣшимость обо всемъ говорить была теперь—при измѣнившихся обще-

ственныхъ условіяхъ — психически неизбѣжна, и Добролюбовъ удовлетворялъ этой потребности болѣе, чѣмъ кто-либо.

Наконецъ, и та внѣшняя словесная форма, въ которую Добролюбовъ облекалъ свою рѣчь, имѣла долю участія въ его успѣхѣ. Читатель былъ пріученъ къ „красотамъ стиля", къ которымъ прежніе критики были издавна неравнодушны. Было бы, конечно, странно отрицать за такимъ стилистическимъ совершенствованіемъ литературную и вообще образовательную цѣнность: красота и изящество, гдѣ бы они ни появились, сохраняютъ за собой стоимость, имъ всегда присущую. Бываютъ, однако, полосы и личной, и общественной жизни, когда людямъ кажется, что красота во всѣхъ ея видахъ есть соблазнъ, отвлекающій человѣка отъ прямого дѣла. Не нападая на красоту и изящество и не говоря по ихъ адресу грубостей, которыя на нихъ посыпались позднѣе, Добролюбовъ сталъ пріучать читателя къ „дѣловому" языку въ „дѣловыхъ" статьяхъ. Онъ въ новыхъ цѣляхъ создалъ новый, своеобразный литературный стиль: строгость содержанія нашла себѣ въ этомъ стилѣ строгую форму; рѣчь красотой совсѣмъ не отливала; ни горячности, ни блеска, ни большого движенія въ ней не было; была мѣстами даже большая сухость. Но рѣчь была сурово дѣловита и убѣдительна; ясно было видно, что тотъ, кто говоритъ — и не думаетъ о томъ, какъ онъ говоритъ. Публицистъ желалъ лишь одного — убѣдить читателя, и совсѣмъ не хотѣлъ чѣмъ-либо скрашивать и облегчать тяжести своихъ вѣскихъ словъ. И такая вѣская, но некрасивая рѣчь должна была въ тѣ годы имѣть многихъ сторонниковъ. Въ ихъ числѣ были прежде всего тѣ люди, которымъ красота прежнихъ рѣчей становилась подозрительна, какъ признакъ извѣстной идейной слабости, — такъ какъ нерѣдко людямъ кажется, что холеная рѣчь создана для прикрытія слабыхъ сторонъ мысли, а не для оттѣненія сильныхъ. Противъ такихъ холеныхъ рѣчей были, конечно, и всѣ, кто ждалъ отъ писателя непосредственныхъ практическихъ указаній. Эти люди инстинктивно не любили красивой фразы, которая, какъ имъ казалось, задерживаетъ людей на порогѣ дѣла. Наконецъ, противъ красоты въ рѣчахъ были и тѣ, которымъ такая красота вообще не давалась, хотя бы они и не числились ея принципіальными врагами.

Дѣловитость рѣчи Добролюбова, къ тому же, не мѣшала ей иногда принимать совсѣмъ особую окраску игривой, ѣдкой и суровой насмѣшки. Съ легкой руки Добролюбова почти всѣ журналы его времени обзавелись „свистками" и, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе сильныхъ упрековъ, какой былъ сдѣланъ Добролюбову отъ имени старшаго поколѣнія, заключался въ томъ, что онъ

„свиститъ“ тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить серьезно и почтительно. Но „Свистокъ“ былъ въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ каррикатурной иллюстраціей къ передовымъ, руководящимъ статьямъ Добролюбова. Не было почти ни одной публицистической мысли нашего автора, отраженіе или искаженіе которой не явилось бы въ шутовскомъ нарядѣ на страницахъ „Свистка“. Къ такимъ пріемамъ вышучиванья и злобнаго высмѣиванія критики прибѣгали съ давняго времени: еще Надеждинъ и Полевой свистѣли успѣшно, а къ довольно злой ироніи давно пріучалъ своихъ читателей Бѣлинскій. Но кто изъ молодыхъ читателей Добролюбова помнилъ этихъ предшественниковъ? Они были забыты, и одинъ лишь онъ, этотъ смѣлый насмѣшникъ, не стѣсняясь вышучивалъ на глазахъ у всѣхъ то житейскія явленія, признанныя знаменательными и утѣшительными, то людей, признанныхъ достоуважаемыми и почтенными. Случалось, конечно, что насмѣшка Добролюбова колола людей, къ которымъ слѣдовало бы отнестись съ бо́льшимъ почтеніемъ... но такія вспышки юнаго темперамента только усиливали вліяніе „Свистка“ на молодые умы, которые всегда любятъ смѣлые наскоки. Добролюбовъ былъ большой насмѣшникъ и онъ умѣлъ использовать этотъ свой даръ передъ своей аудиторіей. Онъ завладѣлъ ею, то покоряя ее вѣсомъ своей строгой рѣчи, то забавляя ее шутками, насмѣшками и пародіями, которыя, заставляя людей смѣяться, однако, въ то же время горячили ихъ.

Итакъ, неожиданное выступленіе Добролюбова было во всемъ отмѣчено особой новизной, вполнѣ отвѣчавшей требованіямъ своего времени. Все, чѣмъ дорожитъ молодость, и къ тому же свободомыслящая молодость, все, что она безотчетно любитъ и для себя желаетъ, все было воплощено въ Добролюбовѣ—въ этомъ очень удачно и сразу вылившемся обликѣ новаго человѣка.

V.

И если бы молодой читатель тѣхъ годовъ могъ знать интимную жизнь Добролюбова; если бы онъ могъ заглянуть въ его дневники и письма и прочитать воспоминанія о немъ; если бы онъ, какъ мы въ настоящее время, могъ окинуть взоромъ всю духовную работу Добролюбова въ ея цѣломъ—онъ увидалъ бы, насколько всѣ помыслы подроставшаго поколѣнія, всѣ его настроенія были передуманы и перечувствованы этимъ истиннымъ сыномъ своего вѣка.

Обильные матеріалы для біографіи Добролюбова, собранные Чернышевскимъ, и воспоминанія о немъ, которыя Чернышевскій включилъ въ свои повѣсти: „Прологъ“ и „Дневникъ Левицкаго“, позволяютъ съ достаточной точностью возстановить умственный и нравственный обликъ этого Веніамина въ семьѣ русскихъ радикаловъ.

Въ обликѣ, который воскресаетъ передъ нами, нѣтъ ничего героическаго и эффектнаго—ничего такого, что было бы романтически неясно и позволяло бы предполагать особенно сильное кипѣніе думъ и страстей. Передъ нами талантливый и умный человѣкъ, съ несомнѣннымъ перевѣсомъ логики надъ другими духовными силами. Эта способность смотрѣть на міръ ясными и трезвыми глазами вырабатывается ровно и быстро, и совсѣмъ молодой человѣкъ пріобрѣтаетъ стойкость и опытность сужденія человѣка совсѣмъ зрѣлаго. На литературную арену онъ выходитъ сразу во всеоружіи сложившихся убѣжденій и съ неизмѣннымъ, за всѣ годы дѣятельности, настроеніемъ. Въ томъ, что онъ пишетъ, нельзя уловить никакихъ противорѣчій и на поверхности его словъ незамѣтно никакого слѣда волненія сердечнаго. Что такое волненіе было—это несомнѣнно. Оно подтверждается интимными страницами его дневниковъ и замѣтокъ—но сила логики и самообузданія мысли такъ велика, что она умѣетъ скрыть это внутреннее бореніе и разрѣшаетъ человѣку говорить лишь тогда, когда въ его мысляхъ и чувствахъ царитъ полная гармонія и увѣренность. Столь излюбленнаго прежде пріема бесѣды, когда человѣкъ отдается наплыву охватившихъ его чувствъ и потоку налетѣвшихъ мыслей—въ рѣчахъ Добролюбова не замѣтно совсѣмъ: кажется, что каждое слово выношено, зрѣло обдумано, поставлено на должное мѣсто по заранѣе установленному плану. Если вспомнить однако, какъ лихорадочно быстро приходилось Добролюбову работать, какъ ходъ этой работы зависѣлъ отъ случайно набѣжавшаго матеріала—то врядъ ли можно предположить существованіе такого заранѣе разработаннаго плана; и нужно признать, что логичность, послѣдовательность и цѣльность сужденій Добролюбова—вовсе не результатъ особаго усилія ума, а прирожденная способность.

Есть такіе умы, которые любятъ отправляться отъ ясныхъ и простыхъ положеній и логически стройно дѣлать изъ нихъ прямые выводы. Такіе умы не останавливаются на философской провѣркѣ этихъ основныхъ положеній, не заботятся о томъ, чтобы привести ихъ въ связь съ отвлеченными началами жизни; они спѣшатъ подчинить всѣ вопросы суду здраваго общаго смысла и элементарныхъ нравственныхъ понятій. Для такихъ умовъ самое

цѣнное, это—практическій выводъ, какимъ жизнь могла бы немедленно воспользоваться. Людей съ такимъ умомъ обвиняютъ въ своевольномъ упрощеніи явленій и въ неумѣніи спускаться въ „глубины“. Счесть ихъ свободными отъ такого обвиненія нельзя, но нельзя также отрицать и огромнаго культурнаго значенія такихъ „упростителей“ вопросовъ. Когда является настоятельная нужда въ укорененіи въ людскомъ сознаніи самыхъ простыхъ правилъ добра и справедливости, то элементарная и удобопонятная защита этихъ правилъ, защита сильная своей убѣжденностью, нужна для жизни не менѣе, чѣмъ глубокомысленное теоретическое оправданіе этихъ правилъ въ согласіи съ отвлеченными началами бытія. И если вспомнить, сколько ума и таланта было въ дореформенное время потрачено русскимъ интеллигентомъ на такое теоретическое оправданіе, и вспомнить также, какъ мало оно дало для жизни—то вполнѣ естественнымъ покажется желаніе не столько залѣзать вглубь вопросовъ, сколько озаботиться о расширеніи интереса къ нимъ въ массѣ.

Добролюбовъ и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ расширеніе этого интереса, и для достиженія намѣченной имъ цѣли могъ спокойно себя не насиловать. Сама природа создала его для пропаганды гражданскихъ чувствъ и нравственныхъ понятій точнаго образца и смысла. Эти понятія и чувства онъ тщательно освобождалъ отъ всякихъ иныхъ идей и настроеній, которыя легко могли быть приведены съ ними въ связь. Личную и гражданскую этику нашъ публицистъ бралъ какъ нѣчто совершенно самостоятельное, независимое отъ понятій и чувствъ религіозныхъ, философскихъ и эстетическихъ. Онъ несомнѣнно съуживалъ поле своего зрѣнія, но поступалъ такъ непреднамѣренно: по природѣ своей онъ къ отвлеченностямъ не имѣлъ любви и высоко цѣнилъ только тѣ понятія и чувства, которыя могутъ быть немедленно провѣрены на фактахъ и обсуждаемы на основаніи ихъ конкретнаго воплощенія въ жизни. Вотъ почему весь порядокъ религіозныхъ понятій и ощущеній, какъ и проблемы чистаго умозрѣнія и философская сущность красоты, были почти совсѣмъ обойдены имъ въ его разсужденіяхъ, и въ достаточной мѣрѣ и въ самой его жизни.

Сынъ священника, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ наивно вѣрующимъ человѣкомъ и оставался такимъ долгое время. Онъ признавалъ догмы православной вѣры, но, насколько можно судить по его интимнымъ дневникамъ, письмамъ и сочиненіямъ, онъ о нихъ не думалъ упорно и не подвергалъ ихъ усиленному критическому пересмотру. Довѣріе къ нимъ исчезало въ немъ по-

степенно, безъ особыхъ усилій ума и безъ особенно сильныхъ потрясеній душевныхъ. Временами онъ бывалъ очень набоженъ, строго соблюдалъ всѣ обряды церкви, держалъ посты, стоялъ на молитвѣ, отмѣчалъ въ особой тетрадкѣ всѣ приливы и отливы религіознаго чувства; но съ годами всѣ эти ощущенія и настроенія какъ-то сглаживались въ немъ и мирно умирали. О какомъ-нибудь религіозномъ кризисѣ или переломѣ въ его душѣ мы ничего не знаемъ. Существуетъ, правда, одна краткая запись его о томъ, какъ внезапная смерть отца и матери „убѣдила его *окончательно* въ правотѣ его дѣла, въ несуществованіи тѣхъ призраковъ, которые состроило себѣ восточное воображеніе и которые навязываютъ намъ насильно, вопреки здравому смыслу". Это несчастье ожесточило его противъ „той таинственной силы, которую у насъ смѣютъ называть благою и милосердною, не обращая вниманія на зло, разсѣянное въ мірѣ, и на жестокіе удары, которые направляются этой силой на самихъ же ея хвалителей" (1855 г.). Но можно ли на основаніи этихъ строкъ говорить о какой-либо сильной катастрофѣ духа? Не указываютъ ли онѣ на то, что задолго до удара, который на него обрушился, онъ уже испыталъ многократные приступы спокойнаго сомнѣнія и невѣрія и стоялъ уже на рубежѣ отрицанія, когда наконецъ личное горе вырвало у него открытое признаніе? Точно также, когда онъ въ стихахъ высказывалъ сожалѣніе объ утраченной дѣтской вѣрѣ — онъ отдавался лишь поэтическому воспоминанію, вполнѣ понятному въ юношѣ, заброшенномъ далеко отъ родныхъ, въ среду чужую, непривѣтливую и оффиціально строгую. Для Добролюбова память о беззаботномъ дѣтствѣ была неразрывно связана съ религіозными образами и ощущеніями—и понятно, почему мысль объ утраченной или утрачиваемой вѣрѣ будила въ немъ столько грусти. Эта грусть относилась не къ утратѣ самой вѣры, а вообще къ удалявшемуся прошлому.

Бываютъ люди, воспитанные въ извѣстномъ кругѣ понятій и чувствъ, съ которыми они живутъ мирно долгіе годы, даже не замѣчая, какъ мало-по-малу они изъ этого круга выступаютъ. Когда, затѣмъ, старыя вѣрованія становятся воспоминаніемъ, смѣняются новыми, въ душѣ этихъ людей остается благодарная память о старинѣ, и они никогда не разрѣшатъ себѣ рѣзкихъ нападокъ на то, что нѣкогда было ихъ святыней... Такъ и въ душѣ Добролюбова нѣкогда очень теплая вѣра мало-по-малу угасала, и онъ, вовсе не стремясь отстоять ее, никогда не разрѣшалъ себѣ о ней рѣзкаго или обиднаго слова. Какъ онъ не хотѣлъ быть открытымъ ея защитникомъ, такъ онъ не желалъ стать и скры-

тымъ ея врагомъ—и во всѣхъ его статьяхъ мы найдемъ лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ замѣтно религіозное сомнѣніе или попытка позитивнаго истолкованія вѣры. И, конечно, не страхъ передъ цензурой заставлялъ Добролюбова быть столь молчаливымъ: для него живая и умирающая вѣра была интимнымъ дѣломъ его души, и онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что можно говорить о многомъ, очень многомъ и очень важномъ въ жизни, совсѣмъ не касаясь религіозныхъ чувствъ и понятій: онъ думалъ такъ потому, что религіознымъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова онъ не былъ. Спустя годъ послѣ семейной катастрофы, когда его вѣра угасла, онъ въ такихъ спокойныхъ словахъ писалъ одному изъ своихъ знакомыхъ о наступившемъ полномъ примиреніи своемъ съ совершившимся фактомъ: „я доволенъ своей новой жизнью — говорилъ онъ — жизнью безъ надеждъ, безъ мечтаній, безъ обольщеній, но зато и безъ малодушнаго страха, безъ противорѣчій естественныхъ внушеній съ сверхъестественными запрещеніями. Я живу и работаю для себя, въ надеждѣ, что мои труды могутъ пригодиться и другимъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ я все воевалъ съ старыми врагами, внутренними и внѣшними. Вышелъ я на бой безъ заносчивости, но и безъ трусости — гордо и спокойно. Взглянулъ я прямо въ лицо этой загадочной жизни, и увидѣлъ, что она совсѣмъ не то, о чемъ твердили о. Паисій и преосвященный Іеремія. Нужно было идти противъ прежнихъ понятій и противъ тѣхъ, кто внушилъ ихъ. Я пошелъ сначала робко, осторожно, потомъ смѣлѣе и наконецъ передъ моимъ холоднымъ упорствомъ склонились и пылкія мечты, и горячіе враги мои. Теперь я покоюсь на своихъ лаврахъ, зная, что не въ чемъ мнѣ упрекнуть себя, зная, что не упрекнутъ меня ни въ чемъ и тѣ, которыхъ мнѣніемъ и любовью дорожу я. Говорятъ, что мой путь смѣлой правды приведетъ меня когда-нибудь къ погибели. Это очень можетъ быть; но я съумѣю погибнуть не даромъ. Слѣдовательно, и въ самой послѣдней крайности будетъ со мной мое всегдашее, неотъемлемое утѣшеніе—что я трудился и жилъ не безъ пользы“... (1856). Удивительное и непонятное спокойствіе, если бы ему такъ недавно предшествовала сильная душевная буря — но таковой не было...

Если къ вопросамъ вѣры Добролюбовъ относился съ такимъ почтительнымъ спокойствіемъ, то къ раздумью надъ отвлеченными началами жизни онъ былъ почти-что равнодушенъ. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ крѣпло въ немъ то пози-

тивное міросозерцаніе, тотъ „реализмъ“ въ направленіи его мышленія, слѣды котораго попадаются въ его письмахъ и статьяхъ. Намъ, напр., совсѣмъ неизвѣстно, какъ онъ воспринималъ тѣ обрывки философскаго идеализма, съ которыми несомнѣнно встрѣчался въ школѣ при прохожденіи богословскихъ, философскихъ и иныхъ наукъ. Не знаемъ мы также, сколь велика была его личная работа, когда Чернышевскій направилъ его мысль на конечные выводы западнаго позитивизма и матеріализма. Усвоилъ онъ эти выводы очень быстро и, кажется, также безъ особенной ломки убѣжденій. Чернышевскій (въ своей извѣстной статьѣ: „Въ изъявленіе признательности“), утверждалъ, что Добролюбовъ ничѣмъ не былъ ему обязанъ, что онъ совершенно самостоятельно выработалъ свой образъ мыслей, пройдя школу западныхъ великихъ учителей, съ которыми онъ успѣлъ ознакомиться въ бытность свою въ Педагогическомъ Институтѣ и даже до своего поступленія въ Институтъ. Чернышевскій говорилъ, что Добролюбовъ до знакомства съ нимъ имѣлъ уже „вполнѣ установившійся образъ мыслей“. Эти слова Чернышевскаго, сказанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты друга, врядъ ли соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Противъ нихъ говорятъ и письма и статьи самого Добролюбова, въ которыхъ почти нѣтъ слѣда какой-либо упорной философской работы мысли. Имена Штраусса, Бруно Бауэра и Фейербаха, упоминаемыя въ письмахъ (причемъ въ одномъ письмѣ 1857 г. говорится, что онъ еще не успѣлъ „развернуть“ Фейербаха) [1]) и отрывочныя разсужденія въ статьяхъ на темы о дуализмѣ души и тѣла, о значеніи естественныхъ наукъ, о вредѣ „романтизма“ и „идеализма“, о вліяніи мозга на психическую дѣятельность, о свободѣ воли и о значеніи нашего „тѣла“,—рѣшительно не позволяютъ намъ судить о томъ, насколько обстоятельно и серьезно успѣлъ Добролюбовъ ознакомиться съ ходкимъ въ то время философскимъ міропониманіемъ. Самъ онъ признавался, что до двадцати лѣтъ онъ не читалъ иностранныхъ книгъ; а съ двадцати лѣтъ началась для него такая упорная, прямо сказать изнурительная работа журнальная, что врядъ ли онъ имѣлъ много времени на медленную ученую кабинетную работу, безъ которой твердыни философскихъ ученій осилены быть не могутъ. Остается предположить, что онъ знакомился съ ходомъ философской мысли на Западѣ по тѣмъ бесѣдамъ, какія имѣлъ съ Чернышевскимъ, который за этимъ ходомъ слѣдилъ зорко. Но каковъ бы ни былъ способъ

[1]) О какомъ сочиненіи Фейербаха идетъ рѣчь—не указано.

усвоенія философскихъ теорій,—важно то, что Добролюбовъ совсѣмъ не обнаруживалъ любви къ нимъ. Опровергать тѣ изъ нихъ, которыя ему казались несоотвѣтствующими истинѣ, онъ не брался; отстаивать тѣ, которыя ему понравились, онъ также не рѣшался. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова диллетантомъ въ этихъ вопросахъ, но могъ не печалиться и не упрекать себя за это. Для круга тѣхъ нравственныхъ чувствъ и понятій, которыми онъ дорожилъ въ жизни всего болѣе, послѣднія слова философской науки на западѣ давали вполнѣ ясное обоснованіе и толкованіе. Они освобождали эти нравственныя истины отъ всякихъ „романтическихъ" и идеалистическихъ тумановъ, которые такъ не любилъ Добролюбовъ. И онъ обрадовался, когда ему показалось, что онъ нашелъ кратчайшій путь къ самоочевиднымъ нравственнымъ истинамъ: обрадовался потому, что душа его совсѣмъ не лежала къ отвлеченностямъ.

Нелюбовь къ нимъ повліяла и на эстетическія сужденія Добролюбова, на его отношеніе къ красотѣ въ искусствѣ и жизни. Онъ былъ безспорно одаренъ большимъ художественнымъ вкусомъ и любовью къ красотѣ. Ему всегда была ясна художественная цѣнность того произведенія, о которомъ онъ писалъ, но онъ *не хотѣлъ* писать объ этой цѣнности. Его упрекали въ томъ, что онъ отводитъ искусству служебную роль въ жизни, что онъ утилитаристъ въ его пониманіи. Онъ былъ утилитаристомъ, и совершенно умышленнымъ. Самъ онъ не сторонился отъ эстетическихъ эмоцій и умѣлъ наслаждаться ими непосредственно; при случаѣ, онъ готовъ былъ вести длинный споръ по вопросу объ отношеніи искусства къ дѣйствительности (какъ напр. по поводу диссертаціи Чернышевскаго), но онъ не любилъ этихъ теоретическихъ выкладокъ, которыя ничего не прибавляютъ къ непосредственнымъ ощущеніямъ и составляютъ совсѣмъ особую область логическихъ операцій. И заявивъ совершенно откровенно, что онъ не желаетъ говорить объ эстетической стоимости произведеній искусства, Добролюбовъ сталъ пользоваться ими какъ историческими документами, для оправданія или обличенія того или иного нравственнаго принципа.

Добролюбовъ былъ прирожденный моралистъ, и притомъ моралистъ-практикъ. Словесная сторона моральной проповѣди его всегда интересовала очень мало—чаще всего даже сердила, и еслибы возможно было нравственно воспитывать людей безъ всякой проповѣди, а однимъ лишь примѣромъ, то онъ, вѣроятно, съ радостью избралъ бы такой путь. Но если ужъ нужно словесное изложеніе и доказательство того, что считаешь правдой,

то пусть это будетъ изложеніе самое краткое, самое ясное, свободное отъ всего „ненужнаго“, отъ всякихъ прикрасъ и туманностей.

VI.

Въ одномъ изъ своихъ интимныхъ писемъ Добролюбовъ говорилъ: „Есть характеры, которые горятъ любовью ко всему человѣчеству—это пылкіе, чувствительные характеры, для которыхъ не слишкомъ чувствительна однако потеря одного любимаго предмета, потому что у нихъ еще много, много осталось въ мірѣ, что имъ нужно любить, и пустой уголокъ въ ихъ сердцѣ тотчасъ замѣщается. Но есть люди, которые не расточаютъ своихъ чувствъ зря всякому встрѣчному; они обращаютъ ихъ на существо, которое уже слишкомъ много имѣетъ правъ на ихъ привязанность. Въ этомъ существѣ для нихъ заключается весь міръ и съ потерею его міръ дѣлается для нихъ пустымъ, мрачнымъ и постылымъ. Изъ такихъ людей и я“. То, что въ этихъ словахъ сказано о любви къ живому лицу—вполнѣ приложимо и къ любви идейной. Много было вопросовъ жизни и духа, между которыми Добролюбовъ могъ подѣлить свою любовь — но онъ ее всецѣло перенесъ на одинъ единственный вопросъ о нравственномъ совершенствованіи человѣка какъ личности, члена семьи, воспитателя подростающаго поколѣнія и, главное, какъ гражданина.

Проповѣдники личной и гражданской морали бываютъ люди разнаго типа, и каждый изъ такихъ типовъ, если онъ выступаетъ во время, въ согласіи съ требованіями исторической минуты, можетъ имѣть огромное вліяніе. Иногда эта минута требуетъ строгаго, безпощаднаго обличителя, человѣка сродни пророку, судьи, который привелъ бы людей въ трепетъ силою своихъ угрозъ и обвиненій; иногда нуженъ бываетъ мягкій и сострадательный моралистъ, который дѣлами и словами любви и кротости обратилъ бы людей на путь истины; иногда нуженъ аскетъ, ригористъ, укрощающій порывы страстей проповѣдью и примѣромъ суроваго самообузданія. Бываетъ нуженъ при иныхъ обстоятельствахъ и человѣкъ, умѣющій цѣнить серьезный смыслъ жизни, но не закрывающій глазъ и на ея приманки, моралистъ не слишкомъ строгій и не слишкомъ мягкій, а просто сдержанный, убѣжденный, не разсерженный на людей, но и не мирволящій имъ. Такой проповѣдникъ долженъ заставить людей полюбить жизнь и не долженъ пугать ихъ призракомъ близкой рас-

правы и картинами жизни, внушающими ближнему недовѣріе къ собрату и гнѣвъ на него.

Время, когда выступалъ Добролюбовъ, требовало именно такого не сердитаго, но стойкаго и убѣжденнаго отношенія. Направленіе общественной и государственной жизни очевидно мѣнялось, и можно было надѣяться на хорошій оборотъ дѣла. Можно было враждовать со старымъ, но на первыхъ порахъ позволительно было думать, что оно тихо и спокойно отойдетъ въ область воспоминаній. Сердить это старое излишне страстнымъ и гнѣвнымъ къ нему отношеніемъ было опасно. Давать образецъ кротости и смиренія было также не по времени, такъ какъ такая кротость, при общественной косности и апатіи, могла не произвести никакого впечатлѣнія. Требовать отъ новыхъ подростающихъ силъ аскетическаго и ригористическаго отношенія къ жизни было невозможно, такъ какъ молодость по существу своему всегда бываетъ жизнерадостна, въ особенности въ такой моментъ, когда она увѣрена, что дѣйствительность скоро совпадетъ съ ея идеалами и покроетъ ея надежды. Наиболѣе педагогичное отношеніе къ такому исключительному моменту заключалось въ постановкѣ такихъ нравственныхъ требованій, которыя, проводимыя со всею строгостью въ жизнь, были бы однако по плечу всѣмъ и не мѣшали бы брать отъ жизни ту долю личнаго счастья и веселья, какую можно взять безъ ущерба для благополучія ближняго. Для выполненія роли именно такого моралиста природа и создала Добролюбова.

„Я полонъ какой-то безотчетной, безпечной любви къ человѣчеству—писалъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ—и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ „по глупости“ и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сердиться“. „Я презиралъ злобу и подлость—записываетъ въ своемъ дневникѣ Левицкій—и не ошибался, презирая. Ихъ сила не велика. Ее не трудно бы одолѣть. Масса людей—люди чистые и добрые. Интересъ ея (т.-е. массы) прямо противуположенъ всему дурному, совершенно совпадаетъ съ требованіями справедливости. Она можетъ понять ихъ, потому что они очень просты, а она не глупа. Она не можетъ не желать ихъ осуществленія, понявши ихъ, потому что безъ ихъ осуществленія она несчастна. Она можетъ смѣло ринуться въ борьбу за нихъ и биться геройски, потому что она благородна. Въ этихъ мысляхъ я не ошибался“. Какимъ бы испытаніямъ ни подвергалось въ Добролюбовѣ это довѣрчивое отношеніе къ людямъ, какъ бы иногда раздраженно и сурово онъ ни относился къ отдѣльнымъ группамъ этой

„массы“—въ основѣ его взглядовъ на міръ и человѣка лежало всегда и неизмѣнно это довѣріе къ ближнему и увѣренность въ возможности повысить въ людяхъ тяготѣніе къ добру и справедливости. Въ своемъ недовольствѣ людьми Добролюбовъ никогда не доходилъ до отчаянія въ нихъ, до пессимизма въ оцѣнкѣ мірового процесса, до ироніи надъ нимъ. Право судить людей онъ понималъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ — какъ право придумывать средства не для ихъ наказанія, а для ихъ исправленія. И эта сторона его психики, которую всякій могъ почувствовать въ его статьяхъ, покоряла молодые умы и сердца сильнѣе и прочнѣе, чѣмъ всѣ удары, наносимые имъ тѣмъ или инымъ лицамъ или порокамъ,—такъ какъ смыслъ всякой борьбы не въ томъ, что она разъединяетъ борющихся людей, а въ томъ, что она соединяетъ тѣхъ, кто стоитъ подъ однимъ знаменемъ. А сплотить людей можно только довѣряя имъ.

Не считая себя въ правѣ выступать передъ людьми карающимъ и гнѣвнымъ пророкомъ и не чувствуя себя настолько кроткимъ, чтобы говорить одни слова любви, замѣчая за собой много слабостей и потому прощая ихъ въ другихъ, вѣря въ себя, а потому и въ ближнихъ, Добролюбовъ желалъ лишь одного — чтобы тотъ процессъ нравственнаго самовоспитанія, который онъ подмѣчалъ въ себѣ, сталъ обязателенъ и для всѣхъ, кто теперь призывался на общественное служеніе.

VII.

Съ неправдами жизни, какъ думали въ доброе старое романтическое время, можно успѣшно бороться при наличности двухъ красивыхъ добродѣтелей, а именно—жажды великаго подвига и полнаго самозабвенія въ немъ. Слѣдя за собой, Добролюбовъ иногда упрекалъ себя въ томъ, что онъ этими добродѣтелями не обладаетъ въ должной мѣрѣ. Онъ не видѣлъ, что отсутствіе ихъ не только не уменьшаетъ его силы, а, наоборотъ, ее увеличиваетъ.

Энергія, доведенная до героизма, не нашла бы себѣ въ тѣ годы многихъ послѣдователей, какъ и аскетическое служеніе подвигу.

Въ ранней юности Добролюбовъ прошелъ черезъ ту неясную тревогу чувствъ, которая ищетъ въ мірѣ чего-то героическаго, великаго и, обманутая, заставляетъ человѣка съ грустью и почти-что съ презрѣніемъ смотрѣть на жизнь. Онъ тогда очень увлекался Лер-

монтовымъ [1]). Съ годами эта тревога прошла и больше не возвращалась: наступило то спокойное и ровное отношеніе къ вопросамъ жизни, отношеніе стойкое и убѣжденное, которое Добролюбовъ сохранилъ до кончины.

Политическіе разговоры, которые онъ велъ съ однимъ пылкимъ пріятелемъ, навели его однажды на такія мысли: „мы затрогиваемъ великіе вопросы и наша родная Русь болѣе всего занимаетъ насъ своимъ великимъ будущимъ, для котораго хотимъ мы трудиться неутомимо, безкорыстно и горячо. Да, теперь эта великая цѣль занимаетъ меня необыкновенно сильно... Къ несчастью, я очень ясно вижу и свое настоящее положеніе, и положеніе русскаго народа въ эту минуту, и потому не могу увлекаться обольстительными мечтами. Я чувствую, что реформаторомъ, революціонеромъ я не призванъ быть... Не прогремитъ мое имя, не осѣнитъ его слава дерзкаго предпринимателя и совершителя великаго переворота... Тихо и медленно буду я дѣйствовать, незамѣтно стану подготовлять умы. А, между тѣмъ, что касается до меня, я какъ будто нарочно призванъ судьбою къ великому дѣлу переворота!.. Сынъ священника, воспитанный въ строгихъ правилахъ христіанской вѣры и нравственности, родившійся въ центрѣ Руси, проведшій первые годы жизни въ ближайшемъ соприкосновеніи съ простымъ и среднимъ классомъ общества, бывшій чѣмъ-то вродѣ оракула въ своемъ маленькомъ кружкѣ, потомъ собственнымъ разсудкомъ, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, дошедшій до убѣжденія въ несправедливости нѣкоторыхъ началъ, которыя внушены были мнѣ съ первыхъ лѣтъ дѣтства, понявшій ничтожность и пустоту того кружка, въ которомъ такъ любили и ласкали меня,—на-

---

[1]) Въ его тетрадяхъ сохранилась весьма характерная замѣтка о впечатлѣніи, какое на него произвелъ Лермонтовъ.

„Лермонтовъ особенно по душѣ мнѣ. Мнѣ не только нравятся его стихотворенія, но я сочувствую ему, я раздѣляю его убѣжденія. Мнѣ кажется иногда, что я самъ могъ бы сказать то же, хотя и не такъ же — не такъ же сильно, вѣрно и изящно. Не много есть стихотвореній у Лермонтова, которыхъ бы я не захотѣлъ прочитать десять разъ сряду, не теряя притомъ силы первоначальнаго впечатлѣнія. Грусть и презрѣніе къ жизни нерѣдко были послѣдствіемъ чтенія Лермонтова. А это много значитъ, когда поэтъ производитъ такое впечатлѣніе: чувство это не мимолетное и довольно глубокое и не скоропреходящее. „Героя нашего времени“ прочелъ я теперь въ третій разъ и мнѣ кажется, что чѣмъ болѣе я читаю его, тѣмъ лучше понимаю Печорина и—красоты романа. Можетъ быть, это и дурно, что мнѣ нравятся подобные характеры, но, тѣмъ не менѣе, я люблю Печорина и чувствую, что на его мѣстѣ я самъ то же бы дѣлалъ, то же бы чувствовалъ. Быть можетъ, это болѣзнь ранняго развитія. Мнѣ до такой степени жаль смерти Лермонтова, что я почти готовъ вѣрить въ его тожественность съ Шамилемъ. Конечно — глупость“ (1851).

конецъ, вырвавшійся изъ него на свѣтъ Божій и смѣло взглянувшій на оставленный мною міръ, увидѣвшій все, что въ немъ было возмутительнаго, ложнаго и пошлаго,—я чувствую теперь, что болѣе, нежели кто-нибудь, имѣю силы и возможности взяться за свое дѣло"...

Но то дѣло, за которое онъ взялся и которое считалъ своимъ, на первыхъ порахъ тоже не будило въ немъ ни довольства собой, ни энергіи. Въ одномъ частномъ письмѣ онъ писалъ: „мнѣ горько признаться, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собою и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства... я лишенъ и матерьяльныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей... Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи... въ дѣлѣ науки и искусства я не пріобрѣлъ ровно ничего... я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вещахъ, которыя хорошо извѣстны моимъ теперешнимъ десятилѣтнимъ ученикамъ... сколькихъ сокровищъ знанія лишенъ я былъ до двадцати лѣтъ, умѣя читать только русскія книги. Теперь мнѣ нужно работать для того, чтобы было чѣмъ жить. А работа моя, къ несчастію, такая, что учить другихъ надобно. Какъ же вы хотите, чтобы мое писаніе составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ" (1858 г.). „Очень можетъ быть, что скоро я прекращу свою безтолковую дѣятельность (писателя) и посвящу себя скромнымъ педагогическимъ трудамъ далеко отъ Петербурга" (изъ другого письма, 1858 г.).

Всѣ эти чудовищныя самообвиненія, ни на чемъ не основанныя и фактически невѣрныя, вытекали несомнѣнно изъ недовольства Добролюбова не столько своими знаніями, сколько своимъ темпераментомъ. Онъ не ощущалъ въ себѣ того героическаго подъема духа, который можетъ овладѣвать человѣкомъ совершенно независимо отъ количества накопленныхъ имъ знаній. Чувствуя за собой такой недостатокъ бодрости и бурной энергіи, онъ искалъ ему объясненіе

въ малой своей подготовленности, тогда какъ съ такимъ отсутствіемъ кипѣнія и бури въ душѣ онъ родился на свѣтъ. „Какое ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ (героемъ повѣсти Тургенева: „Дневникъ лишняго человѣка“)—писалъ онъ въ своемъ Дневникѣ.—Я былъ внѣ себя, читая разсказъ, сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы и мнѣ такъ и казалось, что со мной случится рано или поздно подобная исторія... Вообще съ нѣкотораго времени какое-то странное, совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде расположеніе души посѣтило меня... Я томлюсь, ищу чего-то, по пятидесяти разъ въ день повторяю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай...“

При всемъ этомъ ему иногда казалось, что въ немъ течетъ „рыбья кровь“ (какъ однажды сказалъ про себя въ дневникѣ Левицкій).

Съ годами, по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ пріобрѣтать вліяніе и могъ отмѣтить въ дневникѣ, что его убѣжденія способны „возбуждать“ людей—такія сомнѣнія въ силѣ характера и ума утихли. Добролюбовъ спокойно пришелъ къ сознанію, что „нельзя преобразовать человѣчество въ 24 часа“ — и провожая свою послѣднюю весну, за три мѣсяца до смерти, признавался, что „отмолчаться гдѣ можно, онъ считаетъ теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ своей священнѣйшей обязанностью—онъ, который прежде былъ полонъ весеннихъ надеждъ и мечтаній [1]“.

Эту способность отмалчиваться Добролюбовъ, конечно, пріобрѣлъ не сразу и мучился, какъ мы видѣли, сознаніемъ, что онъ не „герой“. Но разрѣшено спросить—имѣлъ-ли бы онъ такое прочное и сильное вліяніе, если-бы, одаренный героическимъ темпераментомъ и умомъ, работающимъ одновременно во всѣхъ направленіяхъ, онъ предлагалъ своимъ читателямъ героическую программу мыслей и дѣйствій, какъ ее нерѣдко предлагали представители старшаго поколѣнія, люди сороковыхъ годовъ, въ особенности Герценъ, Огаревъ и Бакунинъ? Время требовало выносливой и устойчивой работы въ сферѣ практическихъ вопросовъ, и притомъ скорѣе узкихъ, чѣмъ широкихъ; время требовало очень убѣжденныхъ и стойкихъ работниковъ, которые не соскучились-бы надъ работой будничной и отнюдь не поэтичной. Чѣмъ менѣе было въ такихъ

[1]) „Современникъ“, Внутреннее Обозрѣніе, 1861, Августъ, стр. 399.

работникахъ желанія стать непремѣнно героемъ, тѣмъ большей пользы можно было отъ нихъ ожидать. Самъ Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ неоднократно предостерегалъ отъ такихъ русскихъ „талантливыхъ" натуръ, которыя, въ виду широты ихъ плановъ, для общественной работы были мало пригодны.

При всей талантливости своей натуры, Добролюбовъ не смущалъ читателя широтой замысловъ, героическими помыслами и подъемомъ героическаго чувства. Онъ не открывалъ никакихъ романтически заманчивыхъ горизонтовъ, не обѣщалъ чудесъ, не требовалъ отъ своего собесѣдника непосильнаго подвига и красивой роли, а задавалъ ему задачу вполнѣ въ его средствахъ и силахъ—задачу воспитанія въ себѣ гражданина честнаго, убѣжденнаго, справедливаго работника, не бѣгающаго отъ черной работы. Надъ этой задачей работалъ и самъ Добролюбовъ неустанно, хотя, какъ мы видѣли, временами и сердился на то, что ни къ какой иной, кромѣ этой работы, не способенъ.

VIII.

Была еще одна мысль, навѣянная самоанализомъ—къ которой Добролюбовъ отнесся, впрочемъ, болѣе спокойно. Онъ убѣждался въ томъ, что онъ—эгоистъ. Подъ этимъ словомъ „эгоизмъ" онъ разумѣлъ свою слабость къ нѣкоторымъ приманкамъ жизни. Такую „слабость" или, вѣрнѣе, такое законное влеченіе къ тому, что въ жизни можетъ дать человѣку ощущеніе личнаго счастія или наслажденія, такое законное стремленіе согласовать должное съ пріятнымъ, обязанность съ собственнымъ желаніемъ—Добролюбовъ часто обнаруживалъ и надъ этой стороной своего характера задумывался. „Странное дѣло—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ послѣ одного изъ многочисленныхъ приступовъ влюбленности, которымъ бывалъ подверженъ—нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться: а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ припала охота учится танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое... какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что-нибудь я долженъ убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а, напротивъ, держаться отъ него дальше, питать желчь свою... При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія и стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе... Дѣлать то, что мнѣ

противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно — и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя къ этому дѣлу, словомъ развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе—если я примусь за дѣло, для котораго я еще не довольно развитъ и слѣдовательно не гожусь, то—во-первыхъ, выйдетъ изъ него—„не дѣло, только мука", а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разсудкѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься".

„Итакъ, вотъ она начинается жизнь-то,—пишетъ онъ въ томъ же дневникѣ при неспокойномъ и, кажется, также несвободномъ сердцѣ.—Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачекъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я пережилъ свои желанья и разлюбилъ свои мечты... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика... Но, вѣрно, жизнь возьметъ свое"... (1857).

Сходныя съ этими мысли заноситъ въ свой дневникъ и Левицкій.

Эти замѣтки очень характерны: онѣ показываютъ, какъ недолго въ душѣ Добролюбова продержалось ригористическое отношеніе къ жизни... Онъ былъ такимъ полусознательнымъ ригористомъ, очевидно, лишь на самой зарѣ своей юности. Тогда, можетъ быть подъ давленіемъ религіознаго чувства и юношескаго романтизма, онъ хотѣлъ принудить себя смотрѣть на міръ и людей глазами на подвигъ призваннаго аскета. Но очень скоро этотъ суровый взглядъ смѣнился болѣе свѣтлымъ и жизнерадостнымъ. Положимъ, жизнь въ общемъ оставалась трудной и радостей было мало. Къ тому же быстро развивавшаяся болѣзнь дѣлала свое дѣло. Но Добролюбовъ не сторонился отъ радостей и наслажденій, какія выпадали на его долю. Это не мѣшало ему быть строгимъ и „суровымъ" (какъ его назвалъ Некрасовъ въ знаменитомъ стихотвореніи), когда дѣло шло о защитѣ и проведеніи въ жизнь его гражданскихъ идеаловъ.

Такое сочетаніе строгости въ убѣжденіяхъ съ способностью откликаться на всѣ впечатлѣнія жизни, вплоть до веселыхъ и игривыхъ, также какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало духу того времени.

Въ жизнь вступали молодыя силы, которымъ предстояла трудная работа. Умѣнье съ молоду быть молодымъ не могло помѣшать этой работѣ: наоборотъ, оно ограждало людей отъ преждевременной старости—болѣзни опасной, которая легко могла привести ригориста къ разочарованію и апатіи.

Надо было съ жизнью вступить въ тѣсный союзъ, чтобы имѣть власть надъ нею. И люди шестидесятыхъ годовъ отъ такого союза не отказывались. Они были весьма неравнодушны ко всѣмъ приманкамъ жизни. Въ погонѣ за такимъ „эгоизмомъ" нѣкоторые заходили далеко—другіе же останавливались на той грани, гдѣ возможно было желанное сочетаніе убѣжденнаго служенія добру съ необходимой для всякой успѣшной работы жизнерадостностью и жизнеспособностью. И Добролюбовъ былъ однимъ изъ первыхъ „новыхъ" людей, въ которомъ такое сочетаніе осуществилось.

Совсѣмъ не суровый человѣкъ онъ былъ,—однако, суровымъ сталъ выполнителемъ добровольно принятой на себя миссіи. И въ данномъ случаѣ онъ представлялъ собой типъ новый, который до него въ литературѣ не встрѣчался. Всѣмъ извѣстно, какъ однажды Тургеневъ, правда въ шутку, назвалъ Добролюбова „очковой змѣей". Добролюбовъ съ Тургеневымъ не ладили, и нелады начались именно на почвѣ разногласія въ пониманіи писательской миссіи. Старики признавали за писателемъ право на извѣстное привилегированное душевное состояніе, при которомъ разрѣшалось смотрѣть на жизнь и на людей какъ на матеріалъ, пригодный или непригодный для творчества. Люди новые—тѣ совсѣмъ обратно оцѣнивали соотношеніе этихъ величинъ: для нихъ творчество дѣлилось на пригодное или не пригодное, и на жизнь и на людей они смотрѣли не какъ на нѣчто неизмѣнно цѣнное, а какъ на явленія, цѣнность которыхъ опредѣляется данной переживаемой минутой. Что̀, по ихъ мнѣнію, было пригодно въ текущій моментъ, то и имѣло всѣ права на преимущество. Добролюбовъ былъ первымъ по времени проповѣдникомъ такого въ высокомъ смыслѣ утилитарнаго взгляда на словесное творчество во всѣхъ его видахъ. За то искаженіе, какое этотъ взглядъ испыталъ въ дальнѣйшемъ, когда онъ съузился до крайностей, Добролюбовъ, конечно, не отвѣтственъ, но въ глазахъ всего старшаго поколѣнія онъ несомнѣнно являлся отцомъ новой литературной ереси, грозившей обратить художника въ слугу тѣхъ житейскихъ явленій, надъ которыми онъ призванъ властвовать. Не всѣмъ тогда было ясно, что полководецъ вынужденъ бываетъ въ критическую минуту исполнять обязанности

рядового. Эта писательская дисциплина, проводимая Добролюбовымъ такъ послѣдовательно, старшему поколѣнію казалась утилитарной, узкой суровостью, а для поколѣнія младшаго была первымъ проявленіемъ стойкой убѣжденности.

IX.

Итакъ, въ лицѣ Добролюбова молодое поколѣніе 1855-1861 годовъ получало перваго идейнаго руководителя, который былъ сродни ему, если такъ можно выразиться, и тѣломъ, и духомъ. Ничто въ этомъ новомъ человѣкѣ не напоминало прошедшаго, все говорило о будущемъ. Появлялась впервые совсѣмъ новая литературная сила, публицистъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Демократъ по происхожденію и по образу мыслей, онъ по всей своей психикѣ не подходилъ къ установившемуся типу литератора. Необычайно быстро и смѣло завладѣлъ онъ новой позиціей и успѣхомъ своимъ былъ обязанъ только лишь своему таланту. Будучи очень молодымъ, онъ присвоилъ себѣ право суда надъ всѣмъ литературнымъ движеніемъ его времени, и такое его право было признано. Онъ выработалъ новые пріемы и формы рѣчи—рѣчи, отличавшейся особою силой убѣдительности и доказательнаго вѣса. Рѣчь серьезную и строгую онъ умѣлъ во время мѣнять на рѣчь игривую и острую, и онъ пользовался этимъ своеобразнымъ орудіемъ полемики очень умѣло.

Ходъ мыслей его отличался особой простотой и ясностью. Всѣ вопросы, которыхъ онъ касался, онъ стремился упростить, насколько возможно, не приводя ихъ въ связь съ отвлеченными началами жизни. Если его разсужденія теряли отъ этого въ глубинѣ, то тѣмъ шире становилась сфера ихъ вліянія. И такъ какъ интересъ его былъ сосредоточенъ исключительно на вопросахъ этики личной и гражданской и, притомъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ житейской практикѣ, то такое съуженіе вопросовъ не могло отразиться на правильности ихъ рѣшенія. Путемъ краткимъ и ровнымъ критикъ приходилъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ привело бы его и рѣшеніе болѣе сложное.

Выполненіе поставленныхъ этическихъ задачъ Добролюбовъ облегчалъ тѣмъ, что никогда не требовалъ отъ людей непосильнаго героическаго подвига и суроваго, ригористическаго отношенія къ жизни. Совсѣмъ не фанатикъ по духу, онъ зналъ, что было въ предѣлахъ власти человѣка, живущаго въ опредѣ-

ленныхъ условіяхъ. Онъ зналъ, насколько молодость падка на призывъ къ великому и почти всегда неисполнимому—и онъ не соблазнялъ ее такими романтическими горизонтами жизни. Онъ зналъ также—и зналъ по себѣ—что молодость любитъ жизнь, ея приманки, радости и наслажденія—и онъ не предъявлялъ своимъ читателямъ никакихъ требованій аскетической морали, вполнѣ увѣренный, что можно согласовать суровое служеніе общественной идеѣ съ радостнымъ служеніемъ жизни вообще, поскольку она есть интимное дѣло частнаго человѣка.

Въ этомъ во всемъ вмѣстѣ взятомъ и таилась сила Добролюбова, какъ личности и писателя.

Несторъ Котляревскій.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Повѣсть Арнольда Беннета.

(Arnold Bennett: «A great man».)

XIII *).

Ея имя—Джеральдина.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, Генри нашелъ среди своей корреспонденціи, становившейся съ каждымъ днемъ все больше и внушительнѣе, письмо отъ Марка Снайдера. „Меня задержала въ Америкѣ болѣзнь,—писалъ онъ своимъ быстрымъ, неразборчивымъ почеркомъ,—и я только-что вернулся. Каково ваше рѣшеніе по поводу вопроса, который мы обсуждали при свиданіи? Узналъ, что вы послушались моего совѣта и обратились къ Оніону Уинтеру. Не могли ли бы вы заглянуть ко мнѣ завтра около двѣнадцати? у меня есть кое-что интересное для васъ". Внизу былъ постъ-скриптумъ: „Мои поздравленія по поводу вашего необыкновеннаго успѣха подразумѣваются сами собой".

Когда Генри удалось дешифрировать эту записку, онъ окинулъ ее общимъ взглядомъ и подумалъ: „Совсѣмъ въ духѣ Снайдера. У-у, это ловкій человѣкъ! А вѣдь онъ правъ: къ Уинтеру я попалъ благодаря ему".

Генри былъ простодушенъ, но не глупъ. Онъ былъ очень скроменъ, даже недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, но, какъ всѣ скромные люди, гдѣ-то въ глубинѣ души таилъ всетаки очень хорошее мнѣніе о себѣ. И въ это утро онъ подумалъ про

---

*) См. октябрь, стр. 183.

себя: „Снайдеръ ловитъ меня“. Готовность Генри пойти навстрѣчу Снайдеру, проявленная подъ вліяніемъ личнаго магнетизма миссъ Фостеръ, какъ-то сразу испарилась. И странно: испарилась эта готовность главнымъ образомъ благодаря участію миссъ Фостеръ въ этомъ дѣлѣ и благодаря ея интервью.

Вообще, чѣмъ больше Генри думалъ объ этомъ интервью, тѣмъ меньше оно ему нравилось. Онъ не могъ бы опредѣлить, въ чемъ оно было оскорбительно для него, но онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Да и все интервью не было похоже на настоящее. Если бы вопросъ шелъ о другой знаменитости, то оно было бы вполнѣ настоящимъ; но, съ точки зрѣнія Генри, онъ былъ только *какъ-будто* знаменитостью, и статья Фостеръ— *какъ-будто* интервью, а въ сущности претензія, навязываемая публикѣ. О, если бы публика знала!.. И затѣмъ этотъ „хорошенькій загородный домикъ!“ Конечно, домъ въ Доусъ-Родѣ былъ не безобразенъ, и даже нравился ему, но все же „хорошенькій загородный домикъ“ — нѣчто, прямо противоположное Доусъ-Роду: въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Что же касается миссъ Фостеръ, то онъ осмѣливался думать и даже шептать тихонько про себя, что она—дѣвица предпріимчивая.

И всетаки, придя на другой день къ Марку Снайдеру, по его приглашенію, онъ былъ непріятно пораженъ и разочарованъ, не найдя миссъ Фостеръ на ея обычномъ мѣстѣ въ первой комнатѣ. „Она должна была знать, что я приду,—быстро подумалъ онъ.—Нѣтъ; вѣроятно, она не знала. Письмо писалъ самъ Снайдеръ... Но оно было скопировано: видно по пятнамъ. Она знала, что я буду“. И хотя она, по его мнѣнію, была предпріимчивой дѣвицей, онъ все же чувствовалъ себя уязвленнымъ тѣмъ, что она не ожидала его прихода, сидя на своемъ стулѣ, улыбающаяся, стройная, златоволосая.

— Здравствуйте! Ну, что же?—закричалъ Маркъ Снайдеръ со своей обычной манерой начинать бесѣду сразу, не давая посѣтителю даже времени присѣсть.—Теперь вамъ необходимо только немножко поучиться, какъ дѣлать дѣла!

И его розовое лицо говорило: „Я научу васъ“.

Генри, по его просьбѣ, изложилъ въ точности свой договоръ съ Оніономъ Уинтеромъ. Лицо у него было при этомъ сконфуженное. Онъ зналъ, что Маркъ Снайдеръ раскритикуетъ его въ пухъ и прахъ.

— Хуже, чѣмъ я ожидалъ,—замѣтилъ м-ръ Снайдеръ.— Гораздо хуже! Два пенса съ шиллинга—это прилично. Но какъ вы могли допустить, чтобы первыя пять тысячъ экземпляровъ

пошли цѣликомъ ему? А еще работаете по юридической части! Слушайте, молодой человѣкъ! Я на свѣтѣ видалъ разные виды, но я никогда не видѣлъ адвоката, который бы не оказался глупцомъ, какъ только дѣло коснется его собственныхъ интересовъ. Вамъ гораздо выгоднѣе было дать мнѣ десять процентовъ.

— Но вѣдь васъ не было здѣсь,—вставилъ Генри.

— Ну, вотъ, тоже нашли бѣду! Джеральдина Фостеръ отлично справилась бы съ этой музыкой.

„Ея имя—Джеральдина,—подумалъ Генри.

— Дѣло вовсе не въ деньгахъ,—продолжалъ Маркъ Снайдеръ.—Дѣло въ томъ, что Уинтеръ продолжаетъ съ новыми людьми вести свою старую игру. Я знаю, что вы пошли бы на изданіе вашей второй книги на тѣхъ же условіяхъ. А я бы вамъ посовѣтовалъ пойти прямо домой и взяться за эту вторую книгу. Сдѣлайте ее какъ можно короче. И когда это будетъ готово—ахъ!—и м-ръ Снайдеръ захлопалъ руками въ какомъ-то экстазѣ.

— Хорошо,—послушно сказалъ Генри. Но грозное предчувствіе, томившее его уже нѣсколько недѣль, снова встало передъ нимъ.

— Я предвижу, далѣе,—сказалъ м-ръ Снайдеръ, становясь язвительнымъ,—что если м-ру Уинтеру вздумается переиздать книгу въ Америкѣ, вы будете имѣть только половину здѣшняго дохода. Да, кстати объ Америкѣ,—продолжалъ Маркъ послѣ выразительной паузы, вынимая изъ ящика стола нѣсколько томиковъ.—Смотрите вотъ—и вотъ—и вотъ! Что это такое? Это мародерскія американскія изданія „Любви въ Вавилонѣ“. Вы не знали о нихъ? Ну да, конечно. Мнѣ говорили, что въ Америкѣ разошлось нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ. Вотъ эти я привезъ, чтобы показать вамъ.

— Значитъ, Уинтеръ не закрѣпилъ за собой право изданія въ Америкѣ?

— Нѣтъ. Этотъ оселъ не сдѣлалъ этого. Онъ только-что выпустилъ тамъ такъ называемое „авторизованное“ изданіе по полъ-доллара, но что это рядомъ съ этой дешевкой?—И Снайдеръ показалъ на книжки.—Два пенса съ шиллинга на двѣсти тысячъ экземпляровъ по полъ-доллара—это три тысячи фунтовъ. Вотъ что вы имѣли бы, еслибы вы не воображали, что разъ вы—юристъ, то вамъ нечему учиться по части контрактовъ.

— Всетаки,—проговорилъ Генри, оправившись нѣсколько отъ этихъ уколовъ,—я очень недурно заработаю съ англійскаго изданія.

— Три тысячи фунтовъ—деньги нешуточныя,—непоколебимо возразилъ м-ръ Снайдеръ. И неожиданно разсмѣялся:

— Вы серьезно хотите, чтобы я работалъ для васъ?

— Да, я хочу,—отвѣтилъ Генри.

— Отлично. Тогда отправляйтесь къ себѣ и пишите книгу номеръ второй. Она не должна быть ни на одну страничку длиннѣе первой. Я побесѣдую съ Уинтеромъ. Можетъ быть, удастся очистить пару тысченокъ отъ второй книги, даже на основѣ того, что вы называете контрактомъ. Можетъ быть и больше. А можетъ быть, я вамъ приготовлю пріятный сюрпризецъ. Тогда вы напишете большой романъ, и мы начнемъ загребать деньги настоящимъ образомъ. О, я не боюсь за васъ! Идите же домой, садитесь и пишите. Я берусь устроить все остальное. И если Поуэлль можетъ обойтись безъ васъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ его бросилъ.

— Да, но не сейчасъ же?—запротестовалъ Генри.

— Да?—спросилъ Снайдеръ.—Можетъ быть, вы и правы. Можетъ быть, лучше выждать и убѣдиться въ достоинствахъ новой книги. Не надо ли вамъ денегъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Генри.

— Если вамъ понадобятся, я всегда могу снабдить васъ. А эти книжки возьмите съ собой на память.

Спускаясь по лѣстницѣ, Генри былъ весь поглощенъ разнообразными мыслями. Двѣ тысячи со слѣдующей книжки! А затѣмъ „загребать деньги настоящимъ образомъ!“ Маркъ Снайдеръ разбудилъ его воображеніе. Онъ ничего не зналъ о заатлантической славѣ „Любви въ Вавилонѣ“, кромѣ мимолетной замѣтки о ея успѣхѣ въ Америкѣ. Маркъ Снайдеръ въ пять минутъ точно открылъ передъ нимъ двери Рая или, вѣрнѣе, указалъ ему, что двери въ Рай широко открыты для него. Впрочемъ, м-ръ Снайдеръ склоненъ былъ, какъ замѣтилъ Генри, смотрѣть на дѣло такъ, какъ будто онъ, а не его кліенты, зарабатываютъ капиталы, съ которыхъ онъ получаетъ коммиссіонныя. Генри вздохнулъ. Его дразнили заманчивыя видѣнія, но за ними, подрывая упоеніе самообмана, таилось все то же грозное предчувствіе безсилія. Когда онъ сошелъ внизъ и очутился въ мраморномъ вестибюлѣ, онъ увидѣлъ даму, входящую въ лифтъ. Она повернулась къ нему, издала радостное восклицаніе и вышла изъ лифта.

— Какъ хорошо, что я встрѣтила васъ,—сказала она, протягивая ему маленькую руку, и наклоняя на бокъ свою золотую головку.—А я боялась, что не захвачу васъ уже. Мнѣ надо было

уйти. Ради Бога, не говорите мнѣ, что это интервью было неудачно. Не убивайте меня. Я знаю, что оно было ужасно.

— Что вы? Я нахожу, что оно очень даже хорошо вышло,— сказалъ Генри. Онъ почувствовалъ, что былъ глубоко несправедливъ и жестокъ, называя ее мысленно „предпріимчивой дѣвицей“. Ничего подобнаго. Это — очаровательное и необыкновенно женственное существо. Съ какимъ искреннимъ восхищеніемъ она относилась къ нему.

— Я только что собирался написать вамъ, чтобы поблагодарить васъ,—прибавилъ онъ. И повѣрилъ самъ себѣ.

Нетерпѣливый швейцаръ, видя, что они очень интересуются другъ другомъ, сдѣлалъ за ихъ спинами многозначительный жестъ, захлопнулъ дверцу и сталъ величественно подниматься одинъ. Джеральдина небрежно скользнула взглядомъ по удалявшемуся великолѣпному швейцару и пожала плечами. Они остались одни въ пустынномъ тихомъ вестибюлѣ.

Генри подумалъ, что женщины—это единственное интересное явленіе въ свѣтѣ. И въ ту самую минуту, какъ онъ пришелъ къ этой глубокой истинѣ, Джеральдина замѣтила мародерскія книжки въ его рукѣ и прошептала:—Ахъ! М-ръ Снайдеръ, значитъ, разсказалъ вамъ!

Сочувствіе въ ея голосѣ, взглядъ ея изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ окончательно смутили Генри.

— Вы живете далеко отсюда?—спросилъ онъ, самъ не зная зачѣмъ.

— Въ Чени-стритѣ, — отвѣтила она. — Я нанимаю маленькую квартирку вмѣстѣ съ моей подругой. Вы должны зайти какъ-нибудь къ намъ въ субботу или въ воскресенье, выпить чаю. Вы согласны?

Онъ отвѣтилъ, что будетъ очень радъ.

— Я вчера не обѣдала дома, и мы говорили о васъ,—начала она черезъ нѣсколько секундъ.

Женщины! Вино! Богатство! Радость! Жизнь! Точно сильный потокъ подхватилъ и понесъ Генри.

— Я бы хотѣлъ, — выпалилъ онъ вдругъ, прерывая ее, — чтобы вы согласились какъ-нибудь пойти со мной пообѣдать въ ресторанъ.

— Ахъ!—воскликнула она,—прелестно!

— А затѣмъ мы бы поѣхали еще куда-нибудь. — Безъ сомнѣнія Генри былъ способенъ на удивительныя мысли.

Она опять воскликнула:

— Какая прелесть!

И ея наивный ребяческій восторгъ показался ему восхитительнымъ.

Но скоро онъ овладѣлъ собою и обычнымъ вѣжливымъ тономъ сказалъ, что позволитъ себѣ написать ей и предложить какой-нибудь вечеръ.

Они разстались, и Генри ушелъ, полный разнообразныхъ ощущеній. „Будемъ ѣсть, пить и веселиться, ибо завтра мы умремъ“, подумалъ онъ, выйдя на улицу. Смыслъ этой фразы былъ тотъ, что хотя онъ уже больше мѣсяца напрягалъ свое воображеніе, онъ совершенно не въ силахъ былъ вытянуть изъ него хотя бы одну нитку для темы новаго романа, который долженъ былъ дать ему нѣсколько сотъ фунтовъ. Но это— пустяки!

XIV.

Затруднительное положеніе.

Въ слѣдующую субботу должно было состояться важное собраніе въ часовнѣ Мюнстеръ-парка, въ задачу котораго входило путемъ пропаганды методистскаго ученія противодѣйствовать распространенію вѣры Конфуція въ Китаѣ. М-съ Найтъ и тетѣ Анни были поручены хозяйственныя заботы о чаѣ и сандвичахъ, которые должны были быть сервированы въ шесть часовъ. Онѣ спросили у Генри, хочетъ ли онъ присутствовать на митингѣ, и нисколько не были удивлены, когда онъ отвѣтилъ, что его работа надъ романомъ помѣшаетъ ему пойти съ ними. Онѣ похвалили его рвеніе, такъ какъ, разумѣется, литературныя занятія Генри были теперь самымъ важнымъ дѣломъ, важнѣе даже крестоваго похода противъ Конфуція. Генри написалъ Джеральдинѣ и пригласилъ ее поѣхать съ нимъ обѣдать въ ресторанъ „Луврь“ въ субботу вечеромъ, и Джеральдина отвѣтила, что она очень рада. Тогда Генри пошелъ къ модному портному и, краснѣя, заказалъ себѣ новую пару, причемъ портной какъ-то такъ смотрѣлъ на вполнѣ приличное платье, бывшее на Генри, что оно подъ его взглядами точно обращалось въ безформенное и жалкое тряпье.

Когда эти первые шаги на тайномъ пути были сдѣланы, Генри перевелъ духъ и рѣшилъ серьезнѣе заняться своей новой книгой. Но мысли упорно отказывались появляться на его умственномъ горизонтѣ. И однако все было сдѣлано для того, чтобы облегчить имъ доступъ. Весь порядокъ жизни въ домѣ былъ

приспособленъ къ тому, чтобы Генри имѣлъ полный покой, необходимый для его драгоцѣннаго творчества. Гостиная была переименована въ „рабочій кабинетъ" Генри. Говоря объ этой комнатѣ другъ съ другомъ, или съ Сарой, м-съ Найтъ и тетя Анни придавали особые оттѣнки своему голосу. Сара входила въ кабинетъ съ почтеніемъ, обѣ дамы—съ гордостью. Генри сидѣлъ у себя за столомъ почти цѣлые вечера и работалъ напряженно, но безъ всякаго успѣха. Когда мать или тетка спрашивали, какъ подвигается дѣло, онъ отвѣчалъ съ напускной веселостью, чтобы онѣ спросили объ этомъ черезъ мѣсяцъ—и онѣ улыбались, вѣря, что для нихъ и для публики готовится чудесный сюрпризъ.

Генри не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями о своемъ затруднительномъ положеніи. Каждое утро онъ получалъ нѣсколько вырѣзокъ изъ газетъ и журналовъ, почти всегда хвалебнаго свойства; онъ былъ „фигурой" въ литературномъ мірѣ, онъ уже отклонилъ два предложенія интервью—и тѣмъ не менѣе о литературномъ мірѣ онъ зналъ не больше Сары. Его положеніе поражало его самого своей странностью и нелѣпостью. Подчасъ ему казалось, что происшествія послѣднихъ мѣсяцевъ—только сонъ: до того неправдоподобными они ему казались. Однажды, дойдя уже до полнаго изнеможенія въ своихъ творческихъ усиліяхъ, онъ увидѣлъ въ одной газетѣ объявленіе о книжкѣ, озаглавленной: „Какъ сдѣлаться популярнымъ романистомъ". Какъ разъ надъ нимъ, находилось объявленіе о тридцать-восьмой тысячѣ „Любви въ Вавилонѣ". Генри отправился въ большой книжный магазинъ и спросилъ книжку: „Какъ сдѣлаться популярнымъ романистомъ". Пока ее разыскивали, Генри замѣтилъ высокую груду „Любви въ Вавилонѣ", сложенную на-виду у самыхъ дверей. Съ тѣхъ поръ успѣли уже выйти въ свѣтъ два дальнѣйшіе томика „Атласной библіотеки", но Генри замѣтилъ съ удовлетвореніемъ, что имъ не было удѣлено столько почета въ этомъ литературномъ хранилищѣ. Онъ положилъ въ карманъ купленное имъ руководство, причемъ покраснѣлъ такъ, какъ будто книгопродавецъ былъ его новымъ портнымъ. Онъ рѣшилъ, что если его въ магазинѣ узнаютъ—что было весьма мало правдоподобно,—то онъ объяснитъ, что книга нужна молодому его пріятелю. Оказалось, однако, что книгопродавецъ не обнаружилъ никакихъ подозрѣній, а потому не было и нужды пробуждать ихъ.

Въ тотъ же вечеръ, въ уединеніи своего кабинета, Генри внимательно прочелъ руководство. Оно разочаровало его; больше того, оно привело его въ отчаяніе. Ему тяжело было открытіе, что онъ не сдѣлалъ ничего, ровно ничего изъ того, что долженъ

сдѣлать человѣкъ, желающій стать популярнымъ романистомъ. Онъ не практиковался въ стилѣ; онъ не дѣлалъ замѣтокъ; онъ не началъ съ маленькихъ разсказовъ; онъ даже никогда не предпринималъ элементарнаго изученія человѣческой психологіи. Онъ никогда не думалъ объ „атмосферѣ“ и никогда не вдавался въ тонкости „функцій діалога“. Что же касается до „значенія аксессуаровъ“, то оно никогда и въ голову ему не приходило. Словомъ, онъ очевидно пропащій человѣкъ. Во всей книжкѣ онъ не могъ напасть ни на одинъ реальный путь къ спасенію. „Остановившись на выбранной темѣ...“,—говорилъ авторъ въ главѣ, озаглавленной: „Сочиненіе романа“,—но о самой темѣ не было ни слова. Тщетно Генри искалъ главу подъ названіемъ: „Нахожденіе темы“: ея не было. И Генри испытывалъ утонченныя терзанія умирающаго съ голоду человѣка, которому попалась въ руки поваренная книга.

Въ дверь постучали. Генри поспѣшно сунулъ подъ бюваръ руководство „Какъ сдѣлаться популярнымъ романистомъ“ и принялъ сосредоточенный видъ. Онъ не хотѣлъ быть пойманнымъ за чтеніемъ этой книги!

— Письмо тебѣ, голубчикъ, съ послѣдней почтой,—сказала тетя Анни и тотчасъ же удалилась, не желая мѣшать.

Письмо было отъ Марка Снайдера. Въ немъ находился чекъ на сто фунтовъ съ поясненіемъ: что м-ръ Оніонъ Уинтеръ посылаетъ его въ надеждѣ оказать услугу м-ру Найту, но безъ всякихъ обязательствъ съ его стороны; при этомъ онъ выражаетъ надежду, что работа м-ра Найта надъ вторымъ романомъ идетъ успѣшно. Письмо было написано на машинѣ и подписано „За Марка Снайдера Д. Ф.“, и эти буквы выдѣлялись ясно и отчетливо.

Генри тутъ же рѣшилъ про себя, что онъ отложитъ пока всякія дальнѣйшія попытки творчества. Онъ лелѣялъ мечту, что встрѣча съ Д. Ф. и дивно проведенный съ нею вечеръ навѣютъ на него тему.

На другой день онъ получилъ деньги по чеку Уинтера, а еще черезъ день наступила наконецъ давно жданная суббота, и Генри вернулся домой въ два часа дня съ большой плоской коробкой, которую бережно понесъ къ себѣ въ спальню. Нѣсколько небольшихъ пакетовъ ему принесли въ теченіе этой недѣли. Въ половинѣ пятаго м-съ Найтъ и тетя Анни, зайдя къ Генри въ кабинетъ попрощаться передъ уходомъ на собраніе, застали его за чтеніемъ „Домашней Энциклопедіи“.

— Мы уже уходимъ, голубчикъ,—сказала тетя Анни.

— Сара подастъ тебѣ чай въ половинѣ шестого,—сказала мать. — Я ей велѣла слѣдить хорошенько и варить яйца ровно три три четверти минуты.

— Мы вернемся, вѣроятно, около половины десятаго,—сказала тетя Анни.

— Не работай слишкомъ долго, — убѣждала его мать. — Тебѣ надо пройтись немножко. Такой хорошій сегодня день.

— Я посмотрю,—важно отвѣтилъ Генри.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть. Какъ только обѣ дамы скрылись за угломъ, онъ побѣжалъ наверхъ и заперся у себя въ спальнѣ. Въ половинѣ шестого Сара постучала въ дверь и объявила, что чай поданъ. Генри сошелъ въ столовую въ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, наглухо заколотымъ булавкой. Онъ налилъ себѣ чаю, отпилъ нѣсколько глотковъ; затѣмъ взялъ кусокъ хлѣба, покрошилъ его и разбросалъ крошки по скатерти. Послѣ этого онъ надбилъ яйца, осторожно снялъ съ нихъ скорлупу и взобравшись на стулъ, бросилъ ихъ въ большую синюю вазу, стоявшую на книжномъ шкафу. Совершивъ эти странныя дѣйствія, онъ позвонилъ Сару.

— Сара,—сказалъ онъ твердо,—я иду гулять. Скажите нашимъ, чтобы онѣ не ждали меня съ ужиномъ, если я не вернусь рано.

— Хорошо, сэръ, — сказала Сара. — А яйца были хорошо сварены, сэръ?

— Да; спасибо.

Генри почистилъ свой цилиндръ, надѣлъ его и вышелъ изъ дому, чувствуя себя виноватымъ, какъ человѣкъ, живущій двойной жизнью. Было шесть часовъ. Изъ дому донеслось до него пѣніе Сары. „Невинная, простая душа“,—подумалъ онъ, вздохнулъ и опустилъ воротникъ пальто.

XV.

Во время митинга.

Несмотря на искреннее нежеланіе пріѣхать слишкомъ рано, Генри оказался въ ресторанѣ „Лувръ“ за четверть часа до назначеннаго времени. Онъ думалъ сѣсть въ омнибусъ и доѣхать до Пиккадилли, но новое одѣяніе наполнило его гордостью, и онъ пошелъ пѣшкомъ, пропуская одинъ омнибусъ за другимъ и все надѣясь сѣсть въ пустой; наконецъ, боясь за свою репу-

тацію педантически-аккуратнаго человѣка, онъ внялъ зазываніямъ извозчика и сѣлъ въ кэбъ.

Швейцаръ „Лувра“ былъ саженнаго роста; его синяя ливрея была похожа на фасадъ большого синяго дома, раздѣленнаго рядами пуговицъ на безчисленное множество этажей, а лицомъ онъ былъ похожъ на поэта, посвятившаго себя бѣлымъ стихамъ. Генри думалъ заплатить извозчику по таксѣ, но видъ великолѣпнаго великана внушилъ ему мысль о прибавкѣ. Онъ не зналъ, подождать ли ему Джеральдину у подъѣзда или войти. Подниматься одному ему не очень хотѣлось, такъ какъ до такой марки, какъ „Лувръ“, онъ еще ни разу не возвышался. Швейцаръ, объясняя колебаніе Генри нежеланіемъ самому открыть дверь, торжественно распахнулъ передъ нимъ широкія двери. Генри ничего не оставалось, какъ пройти мимо швейцара, стоявшаго съ почтительно наклоненной головой. Въ роскошномъ вестибюлѣ „Лувра“ Генри сразу оказался во власти двухъ субъектовъ: одинъ изъ нихъ снялъ съ него пальто, другой завладѣлъ его шляпой, перчатками и палкой. Генри стоялъ одинокій и растерянный, подъ сотнями взглядовъ. Онъ не сразу побѣдилъ въ себѣ иллюзію, что всѣ смотрятъ на него съ насмѣшливымъ любопытствомъ. Поборовши ее, онъ уныло опустился въ кресло и сталъ щупать свои карманы, чтобы убѣдиться, цѣлы ли деньги.

Скоро къ нему подошелъ одинъ изъ администраторовъ ресторана съ массивной цѣпочкой на груди. Генри вздрогнулъ.

— Вы кого-нибудь ждете, серъ?—шепнулъ онъ таинственно-бархатнымъ голосомъ, какъ бы говорившимъ: „Отъ меня у васъ не должно быть секретовъ. Я—сама корректность“.

— Да, — храбро отвѣтилъ Генри, и ему хотѣлось прибавить:—но мнѣ стыдиться тутъ нечего.

— А вы заказали столикъ, сэръ? — продолжалъ господинъ съ неизмѣнной любезностью.

— Нѣтъ,—сказалъ Генри и поторопился прибавить:—Но, конечно, мнѣ нуженъ столикъ.

Мысль о томъ, что надо заранѣе заказывать столъ въ ресторанѣ, поразила его своей новизной.

— Наверху или внизу, сэръ? Вѣроятно, вы предпочтете террасу... Для двоихъ, сэръ?.. Я это устрою. У насъ всегда много народу. Позвольте узнать фамилію, сэръ?

— Найтъ,—сказалъ величественно Генри.

Онъ начиналъ уже чувствовать себя по домашнему въ грандіозномъ фойе „Лувра“ и глядѣлъ на новыхъ входящихъ холодно и пытливо. Впрочемъ, его спокойствіе было нарушено опасеніемъ,

что Джеральдина можетъ придти недостаточно нарядно одѣтая, не зная хорошенько, что такое „Лувръ“.

— Столъ № 16, сэръ,—прошепталъ ему на-ухо господинъ съ цѣпочкой, точно довѣряя ему государственную тайну.

— Отлично,—сказалъ Генри и въ этотъ же моментъ увидѣлъ Джеральдину: она, какъ золотое видѣніе, появилась въ вестибюлѣ.

— Не слишкомъ рано? — спросила она кокетливо, освобождаясь отъ легкаго манто, окутывавшаго ея плечи.

Генри началъ говорить очень быстро и довольно громко.

— Я подумалъ, что вамъ больше понравится на террасѣ,—сказалъ онъ тономъ завсегдатая,—и взялъ столикъ наверху. Кажется, № 16.

Она была въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ. Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія.

— Теперь разскажите мнѣ все о себѣ,—сказалъ Генри. Это было въ серединѣ обѣда.

— О, развѣ васъ могутъ интересовать мои маленькія, ничтожныя дѣла?

— Меня? О, еще бы!

Генри никогда въ жизни еще не былъ такъ счастливъ, какъ теперь. Онъ даже не подозрѣвалъ возможности такого блаженства. Во-первыхъ, онъ понялъ, что выборъ Лувра оказался удачнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ видѣлъ, что Лувръ—совершенство. Такая сервировка, такое серебро, такой хрусталь, такіе цвѣты, такія разнообразныя и вкусныя кушанья, такая публика, такое оживленіе, такое таинственное умѣнье лакеевъ убѣдить его въ томъ, что онъ — шахъ персидскій, а Джеральдина—прекрасная одалиска!!! Дѣйствительность превзошла его ожиданія. Во-вторыхъ, благодаря тому что онъ днемъ предусмотрительно просмотрѣлъ кое-что въ „Домашней Энциклопедіи“, ему, абсолютному профану, удалось болѣе чѣмъ сносно держать себя при выборѣ вина. Онъ узналъ изъ Энциклопедіи, что шампанское по существу врядъ ли достойно той репутаціи, какою оно пользуется среди публики, что лучшее изъ всѣхъ винъ — бургундское и что лучшее изъ бургундскихъ — Romanée-Conti. И онъ небрежно кинулъ человѣку:

— Что, есть у васъ хорошее Romanée-Conti?

Надо было видѣть глубокое уваженіе, выразившееся на лицѣ лакея. Конечно, „Лувръ“ имѣлъ хорошее Romanée-Conti. Его цѣна, два фунта пять шилл. за бутылку, нѣсколько ошеломила Генри, и онъ подумалъ о своей бѣдной матери и о теткѣ на чайномъ митингѣ; но его неподвижное лицо не отразило никакихъ при-

знаковъ внутренняго возбужденія. А когда онъ выпилъ полъ стакана несравненнаго напитка, то почувствовалъ, что не два, а сто два фунта можно было бы заплатить за бутылку этого вина. Физическое, нравственное и умственное воздѣйствіе его на Генри было въ высокой степени замѣчательно. Вино сразу точно сняло съ него робость, мелочность и молчаливость. Оно наполнило его радостью жизни, оно облагородило его.

Наконецъ, въ третьихъ, въ Джеральдинѣ онъ увидѣлъ идеалъ женщины. Онъ понялъ, что методистки изъ Мюнстеръ-парка не были настоящія женщины; онѣ боялись быть настоящими женщинами, боялись нравиться, боялись быть красивыми; онѣ все время сдерживали себя, вмѣсто того, чтобы дать себѣ свободу; онѣ полагали, что всякое удовольствіе порочно, разъ не доказана его невинность, и этимъ подкапывались подъ основной принципъ англійскаго правосудія; ихъ глаза какъ будто говорили: „Дотронься до меня, и я закричу о помощи"! Въ костюмѣ онѣ всякое кокетство, всякое проявленіе изящнаго вкуса и элегантности считали граничащимъ съ безпутствомъ. Джеральдина была прямою противоположностью имъ. Ея платье было нарядно и изящно. Она сказала, что сама сшила его, но Генри подумалъ, что въ немъ имѣется больше стежковъ, чѣмъ десять женщинъ въ состояніи сдѣлать втеченіе десяти лѣтъ. Джеральдина не скрывала своего желанія нравиться, увлекать. Ея глаза не говорили о призывѣ на помощь. Ея глаза говорили: „Я—женщина; ты—мужчина. Какъ это интересно"! Они говорили: „Дотронься до меня и—мы посмотримъ"!.. Но больше всего восхищали Генри ея умственная смѣлость и полное отсутствіе жеманства. Въ разговорѣ съ нею не приходилось ежеминутно лавировать, чтобы не попасть на скользкую почву ложнаго стыда и не подвергнуться немилости навѣки. Съ нею можно было говорить обо всемъ, такъ какъ она не притворялась слѣпой ко многимъ сторонамъ жизни. Къ тому же у нея была способность становиться иногда такой очаровательно-серьезной и кивкомъ головы дать почувствовать, что она очень невѣжественна и рада поучиться у такого человѣка, какъ онъ.

— О, еще бы!—подтвердилъ Генри свое желаніе услышать разсказъ Джаральдины, которая молча глядѣла на него поверхъ букета желтыхъ розъ и блюда дичи, стоявшаго на столикѣ.

Она разсказала ему, что она сирота и имѣетъ брата, адвоката, въ Лейчестерѣ.

Генри подумалъ тотчасъ же, что этотъ братъ, должно быть, очень мрачный и скучный человѣкъ; трудно объяснить, почему, но онъ подумалъ такъ.

Она продолжала разсказывать, что живетъ въ Лондонѣ уже пять лѣтъ; что начала она съ моднаго магазина, но потомъ выучилась писать на машинѣ и стенографировать, стала искать занятій и получила мѣсто у Марка Снайдера.

— Мнѣ хотѣлось быть самостоятельной, — сказала она съ милой улыбкой. — Братъ позаботился бы обо мнѣ, но я предпочла сама о себѣ заботиться.

Браслетъ соскользнулъ съ ея руки.

— Какое удивительное существо,—подумалъ Генри.

Затѣмъ она сообщила ему, что дѣлаетъ порядочные успѣхи въ журналистикѣ, но никто не видитъ такъ ясно, какъ она сама, насколько ничтожна и малоцѣнна ея работа. Она искренно жаждетъ серьезнаго, хорошаго труда... Впрочемъ, она знаетъ, что на это ея не хватитъ.

— Хотите сдѣлать мнѣ одно одолженіе? — спросила она вкрадчиво-ласково.

— А въ чемъ оно состоитъ?—освѣдомился Генри.

— О, нѣтъ! Вы должны раньше обѣщать.

— Да, если только я смогу.

— Конечно, вы сможете. Я хочу знать тему вашего новаго романа. Никому не скажу ни слова объ этомъ. Но мнѣ бы такъ хотѣлось узнать вашъ замыселъ. Мнѣ пріятно будетъ чувствовать, что вы подѣлились имъ со мной.

— Спросите у меня объ этомъ немного позже, — сказалъ Генри.—Хорошо?

— Сегодня?

И она наклонила голову на бокъ.

Онъ храбро отвѣтилъ:

— Да.

— Отлично,—согласилась она.—Но я не забуду. Вотъ увидите, я потребую, чтобы вы исполнили свое обѣщаніе.

Въ этотъ моментъ мимо столика прошли двое мужчинъ, и одинъ изъ нихъ поклонился Джеральдинѣ.

— А-а, м-ръ Доксей, — воскликнула она, — сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Да, давно мы не видались,—сказалъ м-ръ Доксей.

Они поздоровались и стали разговаривать.

— Позвольте мнѣ познакомить васъ съ м-ромъ Генри Найтомъ,—сказала Джеральдина.—М-ръ Найтъ—м-ръ Доксей, изъ С. П.

— Авторъ „Любви въ Вавилонѣ“?—вопросительно пробормоталъ м-ръ Доксей.—Очень пріятно видѣть васъ, сэръ.

На Генри наружность м-ра Доксей не произвела особенно благопріятнаго впечатлѣнія. М-ръ Доксей имѣлъ сильно потасканный видъ стараго жуира. Затѣмъ Генри не понималъ, что̀ означаетъ С. П.? Только позже онъ понялъ, что это — сокращенное названіе Союза Печати.

М-ръ Доксей сообщилъ, что онъ собирается въ „Альгамбру“ посмотрѣть знаменитаго Тоскато, который продѣлываетъ удивительный трюкъ: сегодня въ десять часовъ его первый дебютъ въ Лондонѣ.

— Вы не имѣете ничего противъ того, что я васъ познакомила съ нимъ? — виновато спросила Джеральдина, когда они снова остались одни.—Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ ничего себѣ человѣчекъ.

— О, конечно, вѣтъ!—успокоилъ ее Генри.—Да, кстати: что̀ бы вы хотѣли дѣлать дальше?

— Не знаю,—сказала она.—Въ сущности, уже адски поздно, правда? Время такъ бѣжитъ, когда проводишь его интересно.

— Безъ четверти девять. Что̀ бы вы сказали насчетъ „Альгамбры“?—предложилъ Генри.

— Ахъ!—воскликнула она.—Я обожаю „Альгамбру“. Какъ вы угадали! Я именно надѣялась, что вы предложите туда ѣхать!

Имъ подали кофе по-турецки. Генри заявилъ, что онъ всю свою жизнь привыкъ къ курящимъ дамамъ и что ему даже странно видѣть женщинъ, которыя не курятъ. Онъ заплатилъ по счету и лакей принесъ ему полъ-кроны [1]), завернутыя въ бумажку: это была сдача съ пяти фунтовъ.

Но еще лучше пребыванія въ ресторанѣ была поѣздка съ ней на извозчикѣ, хотя это и длилось всего двѣ минуты. Но за то это было восхитительно!

XVI.

Романистъ въ ящикѣ.

Балетъ уже окончился; опускали занавѣсъ, когда Генри и Джеральдина заняли свои мѣста въ красивой залѣ театра „Альгамбра“. Взглядъ, брошенный Генри на прима-балерину въ ея финальной позѣ, на ея костюмъ и на окружавшихъ ее танцовщицъ кордебалета, заставилъ его невольно тотчасъ же взгля-

---

[1]) Крона—монета въ пять шиллинговъ.

нуть на Джеральдину: не шокируетъ ли ее это зрѣлище. Но Джеральдина, повидимому, отлично владѣла собой и казалась вполнѣ спокойной. Генри постарался скрыть свое смущеніе, кашлянулъ нѣсколько разъ и купилъ программу. Онъ мужественно говорилъ самъ себѣ „Я ввязался въ эту исторію и долженъ расхлебывать ее“. Когда представленіе возобновилось, онъ успокоился, хотя былъ полонъ изумленія. Сцена изображала ресторанъ; у одной стѣны стояла широкая ширма. Появилась дама, прощебетала нѣчто непонятное по-итальянски и исчезла за ширмой, гдѣ она перевернула стулъ и позвонила лакея. Затѣмъ вошелъ лакей и тоже исчезъ за ширмой, лопоча нѣчто непонятное—тоже по-итальянски. Когда онъ удалился, на сценѣ появился господинъ и исчезъ за ширмой, въ свою очередь непонятно болтая по-итальянски. Въ это время лакей накрылъ столъ къ обѣду, болтая въ то же время за ширмой со своими гостями. Затѣмъ пришелъ другой господинъ и какъ только онъ скрылся за ширмой, тараторя по-итальянски, на сценѣ появился полицейскій и тоже, лопоча невѣроятно быстро по-итальянски, исчезъ за ширмой. Тутъ за ширмой поднялась неистовая перебранка на языкѣ Данте и отъ времени до времени одно изъ дѣйствующихъ лицъ—то дама, то полицейскій, то первый или второй господинъ—выходили изъ-за прикрытія, осыпая прочую компанію потокомъ итальянской рѣчи. Вдругъ за ширмой произошла бѣда: перевернули столъ, завизжали на разные голоса. Занавѣсъ быстро упалъ при громѣ апплодисментовъ, затѣмъ такъ же быстро взвился вверхъ, и на сцену вышелъ раскланяться маленькаго роста улыбающійся господинъ во фракѣ.

Это странное, шумливое зрѣлище смутило Генри.

— Что это такое?—шепнулъ онъ.

— Да это же Паулетти,—отвѣтила Джеральдина, удивляясь вопросу.

Генри понялъ по ея тону, что Паулетти, очевидно, извѣстное имя. Онъ заглянулъ въ программу. Тамъ значилось: „Паулетти, всемірно-извѣстный трансформаторъ“. Тутъ только онъ сообразилъ, въ чемъ было дѣло.

— Онъ очень хорошъ,—сказалъ Генри, когда искусство Паулетти выяснилось для него.

— Онъ получаетъ сто фунтовъ въ недѣлю,—сказала Джеральдина.

Послѣ того какъ Паулетти исполнилъ еще двѣ пьески и переодѣлся тридцать девять разъ въ теченіе двадцати минутъ, онъ уступилъ на сценѣ мѣсто своему коллегѣ и соплеменнику, Тоскато. Тоскато началъ съ вылавливанія изъ воздуха пятифунто-

выхъ бумажекъ. Затѣмъ онъ занялъ у кого-то носовой платокъ, вытащилъ изъ него апельсинъ, изъ апельсина — тыкву, изъ тыквы—шляпу, изъ шляпы—живого поросенка, изъ живого поросенка—пятьдесятъ аршинъ цвѣтной бумаги, изъ бумаги—англійскій флагъ огромныхъ размѣровъ, изъ флага—гардеробный шкафъ съ настоящей дверью, полный дамскихъ платьевъ. И въ заключеніе красивая молодая дѣвушка выпорхнула изъ шкафа.

— Никогда не видалъ ничего подобнаго!—вырвалось у Генри съ полной правдивостью.

— Да,—согласилась Джеральдина.—Это очень недурно сдѣлано.

Такъ какъ Тоскато не говорилъ по-англійски, то на сцену вышелъ распорядитель-англичанинъ и объявилъ, что Тоскато намѣренъ исполнить—въ первый разъ въ Англіи — свой изумительный трюкъ: исчезновеніе. Кромѣ того, Тоскато покорнѣйше проситъ желающихъ изъ публики пожаловать на сцену, чтобы наблюдать таинственное явленіе съ возможной проницательностью.

— Пойдемте,—произнесъ какой-то голосъ на-ухо Генри.— Я иду.

Это былъ м-ръ Доксей.

— О, нѣтъ! благодарю васъ!—поспѣшилъ отвѣтить Генри.

— Чего вы боитесь?—сказалъ м-ръ Доксей, снисходительно пожимая плечами.

— Ну, конечно, идите,—стала уговаривать его Джеральдина.—Это будетъ забавно.

Генри не хотѣлось идти, но было неловко отказываться, и онъ, спотыкаясь, сталъ вслѣдъ за м-ромъ Доксей подниматься по лѣстницѣ, приставленной къ рампѣ для лицъ, считавшихъ себя особенно проницательными. Ихъ оказалось на сценѣ семеро, не считая Генри, но Генри искренно думалъ, что глаза всего зала устремлены на него одного. Сцена казалась ему странно большой; отъ публики ихъ отдѣляла стѣна ослѣпительныхъ лучей, и сначала Генри не могъ ничего различить, кромѣ смутныхъ полукруговъ и множества блѣдныхъ безформенныхъ лицъ.

Когда на сцену внесли ящикъ, напоминающій сторожевую будку, Генри уже успѣлъ овладѣть собой. Онъ осмотрѣлъ ящикъ подробно, внутри и снаружи, и убѣдился, что въ немъ нѣтъ никакого обмана. Жюри изъ семи человѣкъ стало вокругъ ящика; распорядитель объявилъ, что Тоскато войдетъ въ ящикъ и закроетъ дверь. Дверь останется заперта втеченіе десяти секундъ, послѣ чего она будетъ открыта и изъ ящика выйдетъ та же кра-

сивая дѣвушка, между тѣмъ какъ Тоскато появится на другомъ концѣ театра.

Услыхавъ это, Генри подошелъ, чтобы взглянуть, что дѣлается подъ ящикомъ. Тоскато тотчасъ же подошелъ къ нему и, не спуская съ него пламеннаго, какъ будто злобнаго взгляда, вытащилъ восемь картъ изъ рукава Генри, дамскую подвязку изъ его жилетнаго кармана и швабру изъ его рта. Публика приняла эту шутку восторженно. Генри страшно покраснѣлъ. Онъ съ радостью отдалъ бы всѣ бывшія при немъ деньги—а ихъ было около девяноста фунтовъ—только бы очутиться снова въ креслахъ. Онъ испытывалъ горячее желаніе объяснить всѣмъ, что карты, швабра и особенно подвязка вовсе не были у него на самомъ дѣлѣ. Послѣ этого эпизода магическій фокусъ долженъ былъ, наконецъ, начаться, но пылкій итальянскій нравъ Тоскато требовалъ удовлетворенія, и онъ знаками сталъ показывать, чтобы кто-либо изъ жюри влѣзъ въ ящикъ и удостовѣрилъ такимъ образомъ передъ публикой, что это — обыкновенный ящикъ, и больше ничего. Распорядитель кивкомъ головы предложилъ это Генри и тотъ, чтобы избавиться отъ объясненій, полѣзъ въ ящикъ. Тоскато заперъ дверь. Генри очутился въ темнотѣ, машинально протянулъ впередъ руки и сталъ ощупывать стѣнки. Пальцы его ощутили выступъ въ углу и оттуда ему послышался какой-то звукъ. Затѣмъ онъ услышалъ, что Тоскато неистово силился открыть дверь и до него донесся отдаленный смѣхъ публики.

— Не держите дверь,—зашепталъ голосъ.

— Я вовсе не держу,—прошепталъ Генри въ отвѣтъ.

Ящикъ весь затрясся.

— Послушайте, голубчикъ, не держите дверь. Они хотятъ начинать номеръ.

Это былъ голосъ м-ра Доксей.

— Да я же говорю вамъ, что не держу двери, непонятливый вы человѣкъ,—отвѣтилъ Генри, вспыливъ.

Ящикъ снова затрясся, на этотъ разъ очень сильно. Отдаленный смѣхъ превратился въ оглушительный хохотъ.

— Переверните ящикъ,—произнесъ третій голосъ,—иначе ничего не выйдетъ.

Ящикъ зашатался, точно отъ землетрясенія; Генри кидало изъ стороны въ сторону, взрывы хохота продолжались.

Къ счастью, ящикъ былъ безъ крыши; его осторожно положили на бокъ и смущенный узникъ выползъ оттуда и оказался среди толпы, состоящей изъ Тоскато, театральныхъ плотниковъ,

балеринъ и еще какихъ-то любопытныхъ. Свойственное ему благодушное настроеніе тотчасъ вернулось къ нему и онъ любезно принялъ извиненія. Тоскато снова уставилъ ящикъ какъ слѣдуетъ. Генри сталъ убѣгать отъ балеринъ, близость которыхъ волновала и пугала его, но не успѣлъ онъ еще пробраться къ стульямъ, гдѣ сидѣло жюри, какъ уже раздался гулъ аплодисментовъ: таинственный трюкъ исчезновенія уже совершился, и одинъ изъ служащихъ повелъ его разными проходами назадъ въ зрительный залъ. Никто его какъ будто и не замѣчалъ, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, рядомъ съ Джеральдиной.

— Вся эта исторія была, конечно, заранѣе подстроена,— сказалъ громко какой-то господинъ позади Генри.

— Не думайте, что отдѣлаетесь отъ меня такъ легко. Вы должны разсказать мнѣ о своемъ новомъ романѣ, — сказала Джеральдина капризно-кокетливымъ голоскомъ.

Они ужинали въ ресторанѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, въ Ганноверъ-Скверѣ. Джеральдина сама выбрала его. Ѣсть имъ, собственно, не хотѣлось, но хотѣлось посидѣть еще вмѣстѣ.

— Что жъ? Я радъ разсказать вамъ,—отвѣтилъ Генри.— Вы единственный человѣкъ, съ которымъ я подѣлюсь этимъ. Такъ вотъ какъ... Вы должны вообразить себѣ юношу, мечтающаго объ искусствѣ, но не художника. А скажемъ... актера. Да, настоящаго большого актера. Шекспиръ... и все такое...

Она серьезно кивнула головой.

— А какъ вы его назвали?—освѣдомилась она.

Генри взглянулъ на нее.

— Джеральдомъ,—сказалъ онъ. Она вспыхнула.—Да, такъ вотъ, въ шестнадцать лѣтъ юноша уже больше шести футовъ ростомъ и все еще растетъ. Въ восемнадцать лѣтъ его фигура вызываетъ вниманіе на улицѣ. Въ девятнадцать онъ заболѣваетъ скарлатиной и во время болѣзни еще больше выростаетъ. А въ двадцать лѣтъ въ немъ уже шесть футовъ восемь дюймовъ.

— Настоящій великанъ, дѣйствительно!

— Да. Но онъ не хочетъ быть великаномъ. Онъ жаждетъ стать актеромъ, великимъ актеромъ. Но всѣ смотрятъ только на его ростъ. Когда онъ говоритъ о сценѣ, надъ нимъ смѣются. Онъ избѣгаетъ даже выходить на улицу, потому что всѣ на него глазѣютъ, и мальчишки дразнятъ его. Но въ душѣ онъ все-таки большой артистъ. У него артистическій темпераментъ, настоящее призваніе къ сценѣ, но всему мѣшаетъ его ростъ. Онъ влюбляется въ одну дѣвушку. Онъ нравится ей, но ей вовсе не

улыбается мысль быть женой великана. Это тоже ему не удается. И онъ мало-по-малу остается безъ всякихъ средствъ къ существованію. Понимаете, въ чемъ трагедія?

Она задумчиво, сочувственно кивнула головой.

Генри продолжалъ:

— Да, онъ умираетъ съ голоду и не знаетъ, за что взяться. Онъ недостаточно высокъ для того, чтобы показываться въ циркѣ— для этого надо имѣть больше семи футовъ; не то онъ пошелъ бы и на это! Однажды онъ попадается на глаза управляющему одного изъ ресторановъ Вестъ-Энда и тотъ предлагаетъ ему мѣсто швейцара у подъѣзда: фунтъ въ недѣлю и наградныя. Онъ съ негодованіемъ отказывается, но послѣ двухъ недѣль голодовки соглашается. И этотъ человѣкъ съ душой и талантомъ великаго артиста принужденъ получать по шести пенсовъ и отворять дверцы каретъ.

— На этомъ и кончается?

— Нѣтъ. Это грустная исторія. Однажды ночью онъ умираетъ въ снѣгу за дверями ресторана, между тѣмъ какъ внутри богатые бездѣльники предаются веселью подъ звуки оркестра.

— Удивительно оригинальная повѣсть. Я еще такой никогда не слыхала,—восторженно сказала Джеральдина.

— Вы такъ думаете?

— Конечно, совершенно серьезно. А какъ вы назовете романъ, если это не секретъ?

— Какъ назову?

Генри колебался секунду, затѣмъ сказалъ:

— Бѣдствіе отъ роста.

— Вы положительно геніально придумываете заглавія,—замѣтила она.—Спасибо. Спасибо.

— Никто, кромѣ васъ, не знаетъ объ этомъ, — закончилъ онъ.

Когда онъ благополучно довезъ ее домой и возвращался на извозчикѣ къ себѣ, то чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ. Тема пришла къ нему сама собой. Наклевывалась она у него втеченіе всего вечера, даже тогда, когда онъ сидѣлъ въ ящикѣ, даже когда онъ весь былъ подъ вліяніемъ чаръ Джеральдины. И какъ легко это произошло! Онъ чувствовалъ, что ему ничего не будетъ стоить написать этотъ романъ. А Джеральдина пришла въ восторгъ отъ его мысли! Она сказала, что это самая оригинальная вещь, какую она слыхала въ жизни! Ему самому замыселъ тоже казался оригинальнымъ. Какимъ вздорнымъ и ребяческимъ показался ему теперь его страхъ передъ будущимъ!

Конечно, онъ знатокъ человѣческой психологіи. Конечно, онъ выработалъ свой стиль. Развѣ онъ уже въ двѣнадцать лѣтъ не получилъ награды за сочиненіе? И развѣ не сказалось вліяніе его докладовъ въ „Обществѣ Дебатовъ?“, не говоря уже о постоянной работѣ у сэра Джорджа?

Онъ поднялся наверхъ, въ свою спальню, радостный, сіяющій, возбужденный.

— Это ты, Генри?—раздался голосъ тети Анни.

— Да, я,—отвѣтилъ онъ уже изъ комнаты.

— Какъ ты поздно! Уже половина перваго или даже больше.

— Я ошибся улицей,—объяснилъ онъ.

Но онъ не могъ бы объяснить, какой инстинктъ заставилъ его скрыть отъ своихъ тотъ фактъ, что онъ заказалъ себѣ новое платье, надѣлъ его и провелъ въ немъ вечеръ съ молодой дѣвицей.

Онъ готовъ уже былъ лечь въ постель и отдаться сну и радужнымъ грёзамъ, какъ вдругъ онъ вскочилъ, вспомнивъ что-то, зажегъ свѣчу и спустился въ столовую. Тамъ онъ влѣзъ на стулъ, снялъ съ книжнаго шкафа синюю вазу, вынулъ изъ нея два яйца и понесъ ихъ къ себѣ. У себя въ комнатѣ онъ открылъ окно и выбросилъ яйца во дворъ. Они упали, мягко шлепнувшись о землю.

Такъ окончился этотъ удивительный вечеръ.

Въ понедѣльникъ утромъ, въ половинѣ девятаго, еще до выхода Генри въ столовую, принесли телеграмму, и тетя Анни распечатала ее. Подана она была въ Парижѣ наканунѣ вечеромъ и гласила слѣдующее:

„*Привѣтствую приключеніемъ ящикомъ. Для милой публики стоитъ полдюжины книгъ. Искренній поклонникъ*“.

Эта телеграмма озадачила всѣхъ, въ томъ числѣ и Генри,— хотя его, конечно, нѣсколько меньше, чѣмъ обѣихъ дамъ. Тетя Анни высказала предположеніе, что она вручена по ошибкѣ, и Генри согласился, что невозможно никакое другое объясненіе. Сара отнесла ее на почту.

Генри поѣхалъ на службу. Во всѣхъ газетныхъ кіоскахъ, на всѣхъ углахъ улицъ ему бросились въ глаза жирныя строки утреннихъ газетъ.

Забавный инцидентъ въ „Альгамбрѣ“.
Приключеніе романиста.
Исчезновеніе автора.
Романистъ въ ящикѣ.

XVII.

„Бѣдствіе отъ роста“.

Въ ту осень дипломатическій міръ Европы былъ настроенъ болѣе мирно, чѣмъ обыкновенно, и англійская публика, не видя на горизонтѣ тучъ, предвѣщавшихъ войну, въ состояніи была удѣлить все свое вниманіе „Бѣдствію отъ роста“.

Есть такія книги, которыя имѣютъ успѣхъ еще до выхода въ свѣтъ. Агенты „Атласной библіотеки“ увѣряли своихъ кліентовъ, что „Бѣдствіе отъ роста“ принадлежитъ къ ихъ числу. Всѣ книжные магазины и библіотеки были заинтересованы новой книгой. Всѣ признали, что это—гвоздь сезона. Это былъ одинъ изъ тѣхъ романовъ, которые почтенный провинціальный книгопродавецъ читаетъ для своего удовольствія и рекомендуетъ своимъ покупателямъ съ улыбкой, какъ „дѣйствительно хорошую“ вещь.

Впродолженіе значительнаго періода времени м-ръ Уинтеръ не позволялъ англо-саксонской расѣ забыть ни на минуту о томъ, что въ одинъ прекрасный моментъ будетъ пущена ракета и изъ нея посыпятся дождемъ на жаждующую землю экземпляры „Бѣдствія отъ роста“.

Другимъ могущественнымъ факторомъ была, конечно, газетная замѣтка о приключеніи Генри въ „Альгамбрѣ“. Скристаллизовавшись подъ заглавіемъ: „Романистъ въ ящикѣ“, она пошла странствовать по всему міру и совершила такое кругосвѣтное путешествіе, съ которымъ не сравняться герою Жюля Верна. Изъ Нью-Іорка она перекочевала via Чикаго въ „Звѣзду Монреаля“, а оттуда съ быстротой молніи, черезъ посредство „Бостонскаго Вѣстника“ и „Вашингтонской почты“, переправилась въ Новый Орлеанъ. Вскорѣ она появилась даже въ Буэносъ-Айресѣ. Затѣмъ она исчезла на нѣкоторое время среди острововъ Тихаго океана и снова всплыла въ австралійскихъ газетахъ. Еще моментъ—и она мелькнула въ „Китайскомъ Герольдѣ“ и пошла гулять по Индіи на столбцахъ калькуттскаго „Англичанина“. Послѣ этого она пришла въ Парижъ, свѣжая, какъ съ иголочки, и нашла пріютъ въ парижскомъ изданіи „Нью-Іоркскаго Герольда“, который уже напечаталъ ее два мѣсяца тому назадъ, но забылъ о ней. Отсюда она снова пошла въ Лондонъ и появилась всюду съ вступительными словами:

„Наши читатели, конечно, помнятъ“... М-ръ Уинтеръ вычислилъ, что ему эта исторія стоила по крайней мѣрѣ пятьсотъ фунтовъ.

Но было еще нѣчто, имѣвшее больше значенія, чѣмъ статья и чѣмъ коммерческая ловкость м-ра Уинтера: это была все возраставшая слава „Любви въ Вавилонѣ“ и большія ожиданія многочисленныхъ читателей и поклонниковъ Генри. „Любовь въ Вавилонѣ“, вопреки предсказаніямъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ Марка Снайдера, достигла уже семидесяти пяти тысячъ экземпляровъ въ одной только Англіи. До какой цифры дошла она въ Америкѣ—никто не зналъ. Массовый обыватель, его жены и дочери были въ искреннемъ восхищеніи отъ „Любви въ Вавилонѣ“, и такъ какъ восхищаться приходится не часто, то они съ нетерпѣніемъ ожидали второй книги Генри.

Вся эта исторія подѣйствовала на Генри такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Онъ былъ скромный молодой человѣкъ, но существуютъ два рода скромности: внутренней и внѣшней. Генри больше отличался первою, нежели второю. Не будучи въ состояніи освободиться отъ тайнаго и глубокаго изумленія передъ тѣмъ, что собственно люди находятъ въ его ерундѣ (несомнѣнный симптомъ внутренней скромности), Генри все же постепенно утрачивалъ цѣломудріе своей юношеской застѣнчивости. Держать себя онъ сталъ смѣло и увѣренно. Взглядъ его говорилъ: „Я знаю себѣ цѣну и никому не позволю думать иначе“. Его уваженіе къ себѣ, какъ къ знаменитости, питаемое ежедневно хвалебными вырѣзками изъ газетъ и письмами женщинъ-поклонницъ со всѣхъ сторонъ страны, не подвергалось опасности захирѣть. Не подрывалъ его самоуваженія и тотъ фактъ, что онъ до сихъ поръ находился за предѣлами круговъ, извѣстныхъ подъ именемъ литературныхъ; напротивъ, по какому-то странному психологическому капризу, фактъ этотъ производилъ такое же дѣйствіе, какъ письма и вырѣзки. Маркъ Снайдеръ говорилъ ему: „Держитесь въ сторонѣ. Не соглашайтесь на интервью. Ваше дѣло — писать и больше ничего! Если на васъ станутъ насѣдать издатели, направляйте ихъ ко мнѣ“.

Это нравилось Генри. Ему пріятно было сознавать, что онъ находится въ рукахъ Марка Снайдера, какъ борецъ—въ рукахъ своего тренёра. Ему нравилась мысль, что онъ одинъ-на-одинъ со страшнымъ гигантомъ — публикой, и ему доставляло горделивую радость отвѣчать короткимъ, вѣжливымъ отказомъ на всѣ авансы, которые дѣлались ему. Его самолюбію льстило, что онъ, надѣлавшій столько шума одной маленькой книжечкой и напи-

савшій еще другую, лучшую, съ легкостью прирожденнаго романиста, добровольно оставался стенографистомъ на три гинеи въ недѣлю. Теперь онъ смотрѣлъ на себя именно какъ на обыкновеннаго стенографиста, а не какъ на секретаря сэра Джорджа: пикантность позиціи отъ этого выигрывала. И чѣмъ больше приближался день выхода въ свѣтъ „Бѣдствія отъ роста“, тѣмъ чаще Генри думалъ, сидя въ своемъ уголкѣ: „Что я за удивительный, интересный и странный малый!“

И въ это время, однажды утромъ, онъ получилъ телеграмму отъ Марка Снайдера съ приглашеніемъ немедленно пожаловать къ нему въ контору.

XVIII.

Онъ оправдываетъ надежды отца.

Генри поѣхалъ къ Снайдеру, но неохотно. Причиной тому было какое-то странное нежеланіе встрѣтиться съ Джеральдиной. Положительно онъ боялся этой встрѣчи, какъ пытки. Событія, приведшія къ этому неожиданному ощущенію, были таковы:

Генри былъ однимъ изъ тѣхъ людей — а ихъ, вѣроятно, больше, чѣмъ можно предполагать,—которые способны начать срывать крышу съ дома, но затѣмъ передумать и бросить предпріятіе. Генри впадалъ въ раздумье въ самые неподходящіе моменты. Черезъ тридцать-шесть часовъ послѣ восхитительнаго вечера въ „Луврѣ“ и въ „Альгамбрѣ“, когда онъ долженъ былъ бы какъ-разъ благодарить судьбу за случайную возможность встрѣчи съ Джеральдиной, Генри холодно разсуждалъ самъ съ собой: „Надо подумать какъ и что. Надо взвѣсить положеніе“. Джеральдина нравилась ему, но онъ не настолько былъ увлеченъ ею, чтобы не слышать голоса разсудка. А разсудокъ сказалъ ему послѣ того какъ онъ „взвѣсилъ положеніе“:—Я ничего не имѣю противъ этой очаровательной дѣвушки; напротивъ, я даже за нее. Но спѣшить незачѣмъ.

Джеральдина написала Генри письмо, гдѣ благодарила за удивительный вечеръ, самый интересный, какой она проводила въ своей жизни. Это письмо показалось Генри черезчуръ сентиментальнымъ. Онъ рѣшилъ при первой же слѣдующей встрѣчѣ точно держаться совѣта, даннаго ему разсудкомъ. Но Джеральдина черезъ нѣсколько секундъ поняла въ чемъ дѣло, и Генри видѣлъ, что она поняла. Тонъ разговора былъ слишкомъ вѣж-

ливый; чувствовалась натянутость. Джеральдина старалась внести оттѣнокъ братскихъ отношеній, но ей удалось только быть сдержанной. Она ускорила этимъ наступленіе второй ступени осложненія, когда мужчина, видѣвшій прежде въ женщинѣ все, не видитъ въ ней ничего; эта ступень бываетъ обыкновенно очень коротка, но обстоятельства могутъ сдѣлать ее постоянной. Затѣмъ Джеральдина написала Генри, прося его придти къ ней пить чай въ субботу послѣ обѣда. Генри пошелъ и нашелъ квартиру запертой. Послѣ этого казуса онъ ожидалъ записки съ милыми женскими извиненіями, но не получилъ ничего. Они снова встрѣтились въ конторѣ Снайдера. Изъ бесѣды, полной недомолвокъ, Генри узналъ, что приглашеніе Джеральдины относилось къ воскресенью: она позвала многихъ лицъ, очень интересныхъ, желавшихъ познакомиться съ нимъ, и все общество было очень разочаровано его отсутствіемъ, а хозяйка—глубоко огорчена. Генри былъ увѣренъ, что она написала „суббота". Она была увѣрена, что онъ ошибается. Онъ не сказалъ о томъ, что представитъ въ доказательство ея письмо, но про себя, помужски, рѣшилъ продѣлать это. Она мило предложила считать инцидентъ исчерпаннымъ, но про себя она подумала, что Генри не явился къ ней нарочно, и Генри почувствовалъ это.

Онъ помчался домой искать письмо, но найти его было немыслимо; оно исчезло безъ слѣда, какъ умѣютъ исчезать всѣ необходимыя письма. Итакъ, инцидентъ, дѣйствительно, приходилось считать исчерпаннымъ. При встрѣчахъ они были необычайно любезны и вѣжливы другъ съ другомъ, и все какъбудто шло хорошо. Но Генри, въ сущности, всегда подозрѣвалъ въ Джеральдинѣ существованіе какого-то свойства или фактора, который былъ выше его пониманія. Теперь его подозрѣнія оправдывались, и онъ пріобрѣлъ привычку, думая о Джеральдинѣ, произносить мысленно: „О женщины!" Это означало, что онъ узналъ женщинъ хорошо, что всѣ онѣ одинаковы и что... впрочемъ, третье соображеніе было нѣсколько неопредѣленнаго характера.

Въ тотъ моментъ, какъ Генри вмѣстѣ съ великолѣпнымъ швейцаромъ сталъ подниматься на лифтѣ къ Снайдеру, въ вестибюль торопливо вошла среднихъ лѣтъ дама, очень нарядно одѣтая и видя, что лифтъ удаляется, слегка вскрикнула и затѣмъ засмѣялась. Великолѣпный швейцаръ позволилъ себѣ сдѣлать по ея адресу нѣкоторую гримасу и продолжалъ вести лифтъ наверхъ.

— Кто эта дама?—спросилъ Генри.

— Не знаю, сэръ,—отвѣтилъ тотъ.—Но вы услышите, она

черезъ полъ-секунды уже позвонитъ. Вотъ!—прибавилъ онъ съ торжествующимъ презрѣніемъ, когда звонокъ лифта нетерпѣливо зазвонилъ.—Есть такіе люди,—замѣтилъ онъ,—которые думаютъ, что лифтъ можетъ сразу идти и вверхъ и внизъ.

Джеральдина съ нѣсколькими любезными словами повела Генри прямо въ кабинетъ Марка Снайдера.

— А, мой юный другъ,—весело и радушно встрѣтилъ его Маркъ Снайдеръ,—честь и мѣсто! Садитесь.

— Что-нибудь неладно?—спросилъ Генри.

— Нѣтъ, ничего,—сказалъ Маркъ.—Но я отложилъ печатаніе вашего романа на мѣсяцъ.

— Почему?—воскликнулъ Генри.

Онъ былъ непріятно пораженъ. Если говорить сущую правду, то ни одинъ изъ его многочисленныхъ поклонниковъ не ждалъ появленія этой книги съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ самъ Генри. Онъ уже предвкушалъ удовольствіе быть снова предметомъ шумныхъ толковъ и всякаго вниманія. Онъ ждалъ грандіознаго эффекта, и ждалъ его въ скоромъ времени.

— Въ Англіи и въ Америкѣ одновременно,—сказалъ Снайдеръ.

— Но почему?

— Изъ-за выпуска серіей, — сказалъ внушительно Снайдеръ.—Я вамъ говорилъ какъ-то, что буду, можетъ быть, имѣть для васъ сюрпризъ, и вотъ онъ и есть! У меня былъ планъ продать право на изданіе романа выпусками фирмѣ Макалистэръ для Англіи по своей цѣнѣ, но они отказались изъ-за конца: слишкомъ грустный! Тогда я сдѣлалъ дѣло въ Нью-Іоркѣ съ Гордономъ. Онъ издастъ вашъ романъ въ четырехъ выпускахъ. Мы уже порѣшили на прошлой недѣлѣ. Они заплатили наличными. Я ихъ заставилъ. Какъ вы думаете, сколько?

— Не знаю,—сказалъ Генри осторожно.

— Ну, угадайте!—настаивалъ Снайдеръ.

Но Генри не хотѣлъ угадывать, и Снайдеръ позвонилъ Джеральдину.

— Миссъ Фостеръ, — обратился онъ къ очаровательницѣ дѣловымъ тономъ,—вы приготовили чекъ для м-ра Найта?

— Да, м-ръ Снайдеръ.

— Будьте любезны, принесите его сюда.

Она почтительно принесла чекъ, который м-ръ Снайдеръ подписалъ.

— Пожалуйте!—сказалъ онъ, вручая его Генри. — Что вы на это скажете?

Это былъ чекъ на тысячу восемьдесятъ фунтовъ. Гордонъ съ братьями, крупнѣйшая издательская фирма въ Соединенныхъ Штатахъ, заплатила шесть тысячъ долларовъ за право печатанія выпусками „Бѣдствія отъ роста", и на долю Марка Снайдера приходилась хорошенькая сумма денегъ.

— Дѣло начинаетъ идти,—пробормоталъ Генри растерянно.

— Эта цѣна — прямо рекордная, — сказалъ Снайдеръ положительно. — Но вѣдь вы настоящій чемпіонъ. А они тамъ, въ Америкѣ, когда вѣрятъ въ вещь, то не жалѣютъ за нее денегъ!

„Нѣтъ! нѣтъ!—думалъ Генри.—Это слишкомъ? Или я проснусь скоро, и все это окажется сномъ, или я попаду въ сумасшедшій домъ? —

Но сказалъ только:

— Тысячу разъ благодарю васъ! Это великолѣпно.

Въ немъ зашевелилось блаженное сознаніе того, что ему дано свершить нѣчто великое въ этомъ мірѣ.

— Вотъ все, что я имѣлъ сказать вамъ,—сказалъ на прощанье Маркъ Снайдеръ.

Генри хотѣлось поскорѣе вдохнуть въ себя свѣжій воздухъ улицы, но на пути онъ встрѣтилъ Джеральдину, оживленно разговаривавшую съ той самой пожилой нарядной дамой, которая думала, что лифтъ можетъ итти сразу и вверхъ, и внизъ. Увидя его, онѣ замолкли.

— Доброе утро, миссъ Фостеръ,—быстро проговорилъ Генри.

Послѣдовала пауза, очень короткая, но неудобная, во время которой чужая дама смотрѣла въ окно.

— Позвольте мнѣ познакомить васъ съ м-съ Эштонъ Портвей,—сказала Джеральдина.—М-съ Портвей, м-ръ Найтъ.

М-съ Портвей закивала головой, улыбнулась, показала зубы и разсмѣялась.

— Я такъ рада познакомиться съ вами, м-ръ Найтъ!—затрещала она быстро и громко. Затѣмъ она опять засмѣялась, не потому, что было смѣшно, а потому, что она считала это необходимымъ для любезности. Она смѣялась даже, когда говорила, что погода, молъ, часто мѣняется—и если бы даже обстоятельства заставили ее сказать, что ее очень огорчило извѣстіе о смерти вашей матери, она бы, навѣрное, улыбнулась при этомъ.

Генри, непривычный къ такого рода манерѣ, принялъ ее сразу за женщину, желающую острить во что бы то ни стало.

— Я очень радъ встрѣтиться съ вами—сказалъ онъ и засмѣялся, какъ бы подчеркивая, что эта фраза тоже смѣшна.

— Я была въ отчаяніи, прямо въ отчаяніи, что вы не пришли тогда къ миссъ Фостеръ,—продолжала м-съ Портвей.— Вы должны быть у меня въ одну изъ моихъ средъ. Онѣ начинаются въ ноябрѣ. Первая и третья каждаго мѣсяца. Я собираю у себя интересныхъ людей,—людей, которые сдѣлали что-нибудь.

— О, конечно, я съ удовольствіемъ, — согласился Генри. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему хотѣлось сѣять вокругъ себя радость и благополучіе.

— Какъ это мило съ вашей стороны,—сказала м-съ Эпитонъ Портвей.—Но знайте: я поймаю васъ на словѣ. Напишу и напомню вамъ. Знаю я васъ, большихъ людей.

Дойдя до лѣстницы, Генри замѣтилъ, что у него въ рукѣ визитная карточка м-съ Портвей. Онъ не помнилъ, какъ она попала къ нему. У подъѣзда стоялъ экипажъ. Красивыя лошади рвались изъ возжей и брызгали пѣной на мостовую.

Генри отправился прямо въ „Лувръ“ и позавтракалъ тамъ подъ звуки венгерскаго оркестра. Было почти три часа, когда онъ вернулся въ канцелярію Поуэлля.

— Патронъ сердитъ, не дай Богъ! всѣхъ готовъ разнести,— привѣтствовалъ его Фоксаль.

— Вотъ какъ!—произнесъ Генри, довольно удачно изображая полную невинность.—А что же случилось?

— Онъ звонилъ и требовалъ васъ, скоро послѣ того, какъ вы ушли—около четверти перваго. Завтракалъ у себя въ кабинетѣ. Все время такъ и кипитъ.

— Что вы ему сказали?

— Я сказалъ, что вы ушли завтракать.

— А онъ на это что̀?

— Онъ спросилъ, не въ Брайтонъ ли вы поѣхали завтракать? Я то почемъ знаю! А онъ на меня такъ и напустился. Вѣдь знаете, сегодня день, когда онъ ѣздитъ играть въ гольфъ!

— Да, вѣрно. Я забылъ,—спокойно замѣтилъ Генри.

Затѣмъ онъ снялъ шляпу и перчатки, нашелъ свою записную книжку и карандашъ и направился прямо предъ очи разгнѣваннаго начальства.

— Вы желали диктовать письма, сэръ Джорджъ?—спросилъ Генри, открывая дверь.

Тотъ отпрянулъ назадъ, удивленный.

— Гдѣ вы пропадали, съ самаго утра?

— У меня было одно спѣшное частное дѣло. А затѣмъ я завтракалъ. Я ушелъ въ четверть перваго.

— А теперь три часа. Отчего вы не сказали мнѣ, что уходите?

— Оттого, что вы были тогда заняты, сэръ Джорджъ.

— Послушайте, — сказалъ сэръ Джорджъ. — Вы слишкомъ много себѣ позволяете въ послѣднее время, мой другъ. И мнѣ это не нравится. Понимаете, мнѣ это вовсе не нравится. Обязанности службы у меня для всѣхъ одинаковы: для васъ такія же, какъ для всѣхъ.

— Я крайне сожалѣю,—вставилъ холодно Генри,—что причинилъ вамъ нѣкоторое неудобство.

— Къ чорту ваше сожалѣніе!—разсердился сэръ Джорджъ.— Куда вы ходите завтракать?

— Это касается меня одного, сэръ Джорджъ, — получилъ онъ въ отвѣтъ.

Генри охотно далъ бы въ этотъ моментъ пяти-фунтовую бумажку, только бы Фоксалль и другіе слушали за дверью.

— Вы—дерзкій мальчишка!

— Если вы такъ полагаете, сэръ Джорджъ, — сказалъ Генри,—то я оставляю свое мѣсто.

— И еще дуракъ вдобавокъ! — прибавилъ вдогонку сэръ Джорджъ.

— А ты ему сказалъ что-нибудь объ этой тысячѣ фунтовъ?— спросила тетя Анни, когда въ уютной домашней обстановкѣ Генри разсказалъ всѣ событія этого знаменательнаго дня.

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ Генри.—Ни слова!

— Отлично сдѣлалъ, голубчикъ,—сказала тетя Анни.—Хороши порядки: нельзя ужъ уйти на нѣсколько минутъ!

— Да, неправда ли?—сказалъ Генри.

— Но что будетъ сэръ Джорджъ дѣлать безъ тебя? — удивлялась его мать.

Позже, когда Генри показалъ ей полученный имъ чекъ на тысячу восемьдесять фунтовъ, старая дама всплакнула отъ умиленія и воскликнула:

— Мальчикъ мой, твой бѣдный отецъ былъ правъ, когда такъ настаивалъ назвать тебя Шекспиромъ. И подумать только, что я не хотѣла этого! Подумать только!

— Вспомнишь мои слова, — сказала тетя Анни. — Сэръ Джорджъ будетъ просить тебя остаться у него.

И тетя Анни не ошиблась.

— Я надѣюсь, что вы одумались,—началъ на другое утро сэръ Джорджъ явно-миролюбивымъ тономъ. — Литература, или какъ вы тамъ ее называете, конечно, очень хорошее дѣло, но

такое мѣсто вы не найдете скоро. Многіе члены сословія заработываютъ меньше васъ, молодой человѣкъ.

— Благодарю васъ очень, сэръ Джорджъ, — отвѣтилъ Генри.—Но я думаю, въ общемъ, мнѣ лучше уйти.

— Какъ хотите,—сказалъ сэръ Джорджъ, уязвленный.

— Но все же,—продолжалъ Генри,—я надѣюсь, что у насъ сохранятся хорошія отношенія. Я надѣюсь, что могу оставаться вашимъ кліентомъ.

— Оставаться моимъ кліентомъ?—прохрипѣлъ сэръ Джорджъ.

— Да,—сказалъ Генри.—Недавно я поручилъ вамъ помѣстить нѣкоторую сумму денегъ. Теперь у меня есть другая тысяча фунтовъ, для которой я бы просилъ васъ устроить надежное обезпеченіе.

Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ вдохновенія у Генри—рѣдкихъ, но ослѣпительно-блестящихъ.

XIX.

Печать и публика.

Наконецъ, наступилъ срокъ окончанія трудовъ м-ра Оніона Уинтера. Сорокъ тысячъ экземпляровъ „Бѣдствія отъ роста“ (№ 8-ой Атласной библіотеки) было отпечатано, и уже за сутки до появленія въ магазинахъ и книжныхъ складахъ, все изданіе до послѣдней книжки было распродано и начато было печатаніемъ второе. Такимъ образомъ, не было сомнѣнія въ томъ, что одинъ человѣкъ изъ каждой тысячи въ британской имперіи прочтетъ романъ Генри. Въ литературѣ считается такъ: если девятьсотъ девяносто девять душъ понятія о васъ не имѣютъ, но тысячная покупаетъ вашу книгу или, по крайней мѣрѣ, беретъ ее для прочтенія, то это уже огромная популярность.

Генри, ложась въ этотъ вечеръ спать, былъ проникнутъ сознаніемъ своей огромной популярности. Но мечталъ онъ не о преданной ему толпѣ сорока тысячъ почитателей, а объ отзывахъ газетъ, изъ которыхъ многіе, какъ онъ зналъ, должны были появиться въ самый день выхода книги. Сто экземпляровъ „Бѣдствія отъ роста“ было разослано для рецензіи, и въ мечтахъ своихъ онъ видѣлъ сто высоко-образованныхъ критиковъ, отдавшихъ свою жизнь изученію изящной литературы, глубокомысленно склоненными надъ его книгой и старательно ищущими точныхъ выраженій, чтобы передать свою оцѣнку. Особенно мерещился ему критикъ

„Трибуны“, его излюбленной утренней газеты, котораго онъ представлялъ себѣ въ видѣ человѣка лѣтъ около сорока пяти, въ золотыхъ очкахъ и съ выраженіемъ благороднаго одушевленія на лицѣ. Генри ожидалъ многаго отъ статьи въ „Трибунѣ“ (которая, по странной случайности, пропустила совершенно безъ вниманія „Любовь въ Вавилонѣ“), и когда онъ всталъ утромъ, то оказалось, что надежды его оправдались. „Трибуна“ посвятила почти цѣлый столбецъ хвалебной критикѣ романа, цитировала нѣсколько выдержекъ, отмѣчала удивительную оригинальность фабулы и, наконецъ, утверждала, что романъ является шагомъ впередъ, „если только возможенъ шагъ впередъ“ послѣ первой книги автора.

М-съ Найтъ и тетя Анни поглотили статью эту за завтракомъ съ большимъ аппетитомъ и похвалили проницательность критика.

Въ дѣйствительности же въ редакціи „Трибуны“ произошло слѣдующее. Въ тотъ самый моментъ, когда Генри лежа мечталъ о похвалахъ критики—т. е. въ половинѣ двѣнадцатаго ночи—редакторъ „Трибуны“, ожесточенно жестикулируя, кричалъ въ трубку телефона:

— Отчего нѣтъ корректуры рецензіи на книжку, какъ ее?.. „Бѣдствіе отъ роста“ или какое-то другое идіотское заглавіе въ этомъ родѣ! Пришлите ее сюда сію минуту. Вы слышите? Что? Что-о? Не можетъ быть!

Онъ отскочилъ отъ трубки, какъ ужаленный, и сталъ рыться въ кучѣ бумагъ и рукописей на своемъ столѣ, разбрасывая ихъ во всѣ стороны. Затѣмъ онъ подбѣжалъ къ другимъ столамъ и всюду продѣлалъ то же самое.

— Вы слушаете? Я самъ послалъ ее въ типографію передъ обѣдомъ,—заревѣлъ онъ снова въ трубку.—Это оригиналъ м-ра Клэкмана, знаете, на такой бумагѣ, какъ онъ всегда пишетъ. Поищите хорошенько. Ахъ, чортъ по...

Тутъ редакторъ позвонилъ.

— Попросите ко мнѣ м-ра Гилей. Поскорѣе,—приказалъ онъ мальчику.

— Я сейчасъ доканчиваю передовую,—началъ м-ръ Гилей, когда явился.—Это былъ молодой человѣкъ, издавшій сборникъ стиховъ.

— Бросьте ее пока,—сказалъ редакторъ.—Сбѣгайте, голубчикъ, въ ту лавочку и посмотрите, нѣтъ ли тамъ книжки „Бѣдствіе отъ роста“—да, это именно такъ называется,—и если есть, то напишите мнѣ о ней сейчасъ пятьдесятъ строкъ. Я потерялъ рецензію Клэкмана.

Подъ „лавочкой“ подразумѣвалось сосѣднее помѣщеніе, занимаемое маленькой газеткой, тоже принадлежавшей владѣльцамъ „Трибуны“.

— Ахъ, вотъ что!—воскликнулъ м-ръ Гилей.—Развѣ нельзя завтра? Я ужасно не люблю пачкаться съ этой ерундой.

— Нѣтъ, на завтра откладывать нельзя. Я встрѣтилъ Уинтера въ субботу и обѣщалъ ему помѣстить отзывъ въ самый день выхода книжки. А разъ я обѣщалъ, то я исполняю. Дѣйствуйте, голубчикъ? И вотъ что,—прибавилъ редакторъ вслѣдъ удалявшемуся съ поникшей головой м-ру Гилей,—никакихъ обязательствъ мы ни къ кому не имѣемъ. Пишите то, что думаете. Но только безъ сплина, пожалуйста. Это не наша спеціальность. Вы теперь не въ „Вечерней газетѣ“, помните!

— Ну, что жъ! ладно,—согласился м-ръ Гилей.

Черезъ нѣсколько минутъ м-ръ Гилей вошелъ въ редакціонную комнату, которую онъ называлъ своимъ будуаромъ, неся подъ мышкой атласистую книжку.

— Господа, вотъ потѣха-то!—закричалъ онъ двумъ другимъ молодымъ людямъ, которые сидѣли тамъ и курили трубки,—смотрите вотъ на штучку! Старикъ хочетъ пятьдесятъ строкъ на тему объ этомъ очаровательномъ произведеніи искусства, и какъ можно скорѣе. Джэкъ, вотъ тебѣ пятьдесятъ страницъ,— и м-ръ Гилей сталъ безжалостно разрывать хорошенькую неповинную книжечку на части,—и пятьдесятъ тебѣ, Клементина. Вы мнѣ разскажете, что тамъ происходитъ, а моя почтенная особа займется первыми пятьюдесятью страницами.

И пошла работа, прерываемая смѣхомъ и звяканіемъ ножницъ.

— О-о, онъ доросъ до шести футовъ!—воскликнулъ Джэкъ.

— Снѣгъ!—пробасилъ бородатый мужчина, прозванный Клементиной.—Онъ умираетъ на снѣгу. Слушайте и умиляйтесь.

И онъ прочелъ заключительную сцену романа, оканчивавшуюся словами: „И душа отлетѣла отъ него“. Брось мнѣ ножницы, Джэкъ.

М-ръ Гилей вдругъ пересталъ писать, взглянулъ вверхъ и затѣмъ разомъ перечеркнулъ все, что написалъ.

— Знаете что, дѣти мои,—сказалъ онъ,—я похвалю эту исторію, а? Я приму ее въ серьезъ. Это будетъ великолѣпно, правда?

— А что скажетъ старикъ?

— О, онъ и не замѣтитъ этого! Это будетъ для насъ троихъ и для немногихъ въ клубѣ!

Опять ревностно заскрипѣли перья и зазвучалъ смѣхъ.

— „Если возможенъ шагъ впередъ“,—прочелъ „Клементина“ черезъ плечо м-ра Гилей. — Такъ ты же выдаешь себя съ головой?

— Да нѣтъ, нисколько, дружище!—сказалъ м-ръ Гилей.— Они не раскусятъ въ чемъ дѣло. Я готовъ держать пари на что угодно, что этотъ Уинтеръ будетъ очень доволенъ.

И онъ отдалъ мальчику послѣдній листикъ рецензіи и побѣжалъ въ редакторскій кабинетъ сообщить, что задача исполнена. Джэкъ и Клементина зажгли свои трубки избранными мѣстами художественнаго произведенія Генри, а остатки его бросили въ огромную редакціонную корзину. Часы показывали двадцать минутъ перваго.

Отзывы были большею частью чрезвычайно благопріятны, и даже тамъ, гдѣ хвала перемѣшивалась съ порицаніемъ, оно высказывалось съ почтеніемъ, похожимъ на то, съ какимъ дантистъ причиняетъ боль коронованной особѣ, вырывая у нея зубъ. Публика стояла за Генри, а потому печать, какъ органъ общественнаго мнѣнія, держалась мудрой тактики сдержанности. Оригинальность фабулы романа Генри, его изобрѣтательность, его искусство въ „возсозданіи среды“, его способность къ паѳосу—все это было отмѣчено и выдвинуто во многихъ статьяхъ. Почти всѣ обозрѣватели пророчили автору блестящій успѣхъ; нѣкоторые объявляли прямо, что въ его манерѣ письма сказывается перворазрядный талантъ. Лишь нѣсколько газетъ отнеслись иначе къ Генри. Среди нихъ выдѣлялась „Вечерняя газета“. Это изданіе посвятило „Бѣдствію отъ роста“ въ самомъ низу столбца короткій отчетъ, озаглавленный: „Наши опасенія оправдались“. Это былъ пересказъ содержанія и заканчивался онъ слѣдующими словами: „Итакъ, онъ погибъ въ снѣгу, погибъ этотъ великанъ, жертва британскаго пристрастія къ сантиментальному“.

Но какъ ни рѣзка была „Вечерняя газета“, она не могла испортить общаго восторженнаго настроенія, которое испытывалъ Генри. Его первый успѣхъ былъ великъ, но это былъ пустякъ въ сравненіи съ успѣхомъ второй книги. Заглавіе новаго романа стало ходячимъ словомъ. Когда на улицѣ маленькій господинъ шелъ рядомъ съ высокой дамой, всѣ говорили: „Вотъ бѣдствіе отъ роста“. Когда во время пышнаго королевскаго шествія зрители, не отличающіеся высокимъ ростомъ, влѣзали на тумбы, чтобы лучше видѣть, имъ со смѣхомъ кричали: „Вотъ бѣдствіе отъ роста“. Мужчинъ особенно высокаго роста ихъ пріятели, поддразнивая, называли „Джеральдъ“. Ресторанъ

Тріанонъ, въ которомъ герой Генри служитъ швейцаромъ, былъ тотчасъ опознанъ: это былъ „Лувръ"—и великанъ-швейцаръ пріобрѣлъ благодаря этому большую популярность. „Ну какъ? не погибли еще въ снѣгу?"—привѣтствовали его шутники, вылѣзая изъ экипажей и онъ отвѣчалъ, польщенный: „Нѣтъ, сэръ. Нѣтъ снѣгу". Одна изъ кафешантанныхъ звѣздъ, едва ли не первой величины, пѣла куплеты съ припѣвомъ:

„Говорите, что хотите,
Объясняйте такъ и сякъ.
Все же бѣдствіе отъ роста
Не уйдетъ отъ васъ никакъ!"

Владѣльцы магазиновъ тоже воспользовались „Бѣдствіемъ отъ роста" для своихъ коммерческихъ цѣлей. Одна фирма, выпустивъ въ продажу сапоги на очень высокихъ каблукахъ, назвала ихъ „Джеральдъ" и имѣла цѣлый мѣсяцъ большой успѣхъ. Фабрикантъ особенно дешевыхъ папиросъ не жалѣлъ денегъ для оповѣщенія публики о томъ, что „въ виду того, что въ извѣстномъ романѣ „Бѣдствіе отъ роста" не разъ упоминаются папиросы, мы должны высказать съ сожалѣніемъ, что авторъ не уполномочилъ насъ удостовѣрить, что въ главѣ VII-ой своего романа онъ подразумѣвалъ наши папиросы".

Издатели и редакторы напрасно взывали къ Генри. Они не могли добиться отъ него ни интервью, ни разсказовъ, ни романовъ. Они получали только совѣтъ обратиться къ Марку Снайдеру. А Маркъ Снайдеръ имѣлъ свои непоколебимые планы эксплоатаціи этого призового коня, котораго онъ тренировалъ. Одинъ только м-ръ Уинтеръ храбро шелъ на встрѣчу и давалъ интервью насчетъ интереснаго романа и его героя.

Въ концѣ концовъ газеты узнали, что фирма Макалистэръ, (знаменитая тѣмъ, что глава ея, сэръ Гуго Макалистэръ, былъ единственнымъ въ то время издателемъ, получившимъ званіе баронета) сдѣлала Генри очень лестныя и выгодныя предложенія. Ему былъ заказанъ большой романъ, права на изданіе котораго во всѣхъ странахъ пріобрѣтались фирмой за восемь тысячъ фунтовъ.

М-ръ Оніонъ Уинтеръ былъ очень раздосадованъ такой неблагодарностью. Несчастный человѣкъ годъ или два спустя умеръ отъ аппендицита, и его послѣднія слова были, что онъ, онъ одинъ „открылъ" талантъ Генри Найта.

XX.

Новая игра.

Когда Генри оставилъ Поуэлля и сталъ посвящать нѣсколько часовъ ежедневно обдумыванію темы для новаго романа и слѣдить за успѣхомъ „Бѣдствія отъ роста", онъ рѣшилъ, что въ его внутреннемъ существѣ должна была произойти перемѣна, соотвѣтственно перемѣнѣ обстоятельствъ. Но онъ не могъ замѣтить никакой перемѣны; иногда только его посѣщало чувство, что онъ призванъ совершить нѣчто великое. Впрочемъ, чувство это являлось рѣдко и состояло преимущественно въ недоумѣніи относительно того, какъ и почему его романы вызываютъ такой восторгъ публики.

Вообще онъ остался тѣмъ самымъ Генри, и эта неизмѣнность его собственнаго *я* представилась ему особенно ясно въ одинъ туманный ноябрьскій вечеръ, въ среду, когда онъ вышелъ изъ кэба и позвонилъ у подъѣзда въ греческомъ стилѣ м-съ Эштонъ Портвей. Лѣстница была обита краснымъ сукномъ. Это былъ первый выходъ Генри въ большой свѣтъ, и хотя онъ зналъ, что его, общепризнаннаго льва, не такъ-то легко затрутъ прочіе, болѣе мелкіе экземпляры звѣринца, все же онъ до боли остро чувствовалъ себя смущеннымъ и взволнованнымъ, и это раздражало его. Когда онъ вошелъ въ просторный вестибюль, и лакей почтительно, но рѣшительно заперъ за нимъ дверь, отрѣзавъ пути отступленія, онъ почувствовалъ приливъ отчаянной рѣшимости, какъ бы говоря себѣ: „Ну что-жъ? надо идти дальше". Какъ и въ Луврѣ, его насильно освободили отъ верхнихъ одеждъ и дали ему номерокъ. Это поразило его, — тѣмъ болѣе, что на стѣнахъ не было объявленія о томъ, что за вещи, не сданныя на храненіе, администрація не отвѣчаетъ. Никто не справлялся о томъ, кто онъ, и безъ дальнѣйшихъ формальностей его попросили пожаловать наверхъ, откуда доносились заглушенные звуки музыки. На верхней площадкѣ его привѣтствовалъ красивый молодой человѣкъ, безукоризненный по костюму и манерамъ, и любезно спросилъ его:

— Какъ позволите доложить, сэръ?

— Найтъ, — отвѣтилъ коротко Генри.

Музыка смолкла и слышенъ былъ безпрерывный и многоголосый разговоръ; молодой человѣкъ раскрылъ дверь и произнесъ

громко и отчетливо—слишкомъ громко и отчетливо, какъ показалось Генри:

— Мистеръ Найтъ!

Генри увидѣлъ огромную комнату, бѣлыя плечи женщинъ, черныя пятна мужскихъ костюмовъ; громкій разговоръ внезапно оборвался — всѣ лица были обращены въ его сторону. Ему казалось, что онъ живымъ не переступитъ порога; но, вспомнивъ, что жизнь все-таки хорошая вещь, онъ собрался съ духомъ и, точно въ холодную воду, бросился въ залу.

М-съ Портвей, въ черномъ платьѣ съ серебромъ, представила его своему мужу, который небольшому кругу читателей былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ сладкихъ романовъ, изданныхъ на его счетъ, подъ псевдонимомъ Раймонда Квика. М-ръ Портвей былъ богатъ деньгами и женой; деньги онъ получилъ въ наслѣдство, а вкусы литературнаго человѣка помогли ему найти себѣ жену въ дочери одного издателя.

Бракъ не былъ благословленъ дѣтьми, что̀ было счастьемъ, такъ какъ м-съ Портвей была вполнѣ свободна и могла отдавать все свое время покровительству литературнымъ талантамъ.

М-съ Портвей нравилась Генри; ея маленькіе черные глаза какъ-будто говорили: „Отлично, отлично, мой другъ. Я вполнѣ раздѣляю ваши мысли“.

— Ахъ, какой день сегодня! Что̀ вы дѣлали въ этотъ мракъ?—начала м-съ Портвей со своей неизмѣнной улыбкой.

— Да, что?—сказалъ Генри,—я забрелъ днемъ въ Національную галлерею, но было такъ...

— Національную галлерею?—быстро воскликнула м-съ Портвей.—Я должна познакомить васъ съ миссъ Марчрозъ, авторомъ прелестной книжечки: „Картинныя богатства Лондона“.

— Миссъ Марчрозъ, — позвала она, ведя Генри въ уголъ залы,—позвольте вамъ представить м-ра Найта.

Она засмѣялась, произнеся его фамилію.

— Вотъ любитель живописи. Онъ какъ-разъ сегодня былъ въ Національной галлереѣ.

М-съ Портвей удалилась встрѣчать другихъ гостей, а Генри остался наединѣ съ миссъ Марчрозъ въ углу между дверью въ кабинетъ и граммофономъ. На нихъ смотрѣло много глазъ. Миссъ Марчрозъ, дѣвица лѣтъ тридцати, съ длиннымъ лицомъ и почти безтѣлесной фигурой, задрапированной въ оливковую матерію двухъ оттѣнковъ, была явно польщена.

— Будьте искренни и признайтесь, что вы никогда не слыхали обо мнѣ, — сказала она.

— О нѣтъ, я слышалъ,—солгалъ онъ.

Пауза.

— Вы часто бываете въ Національной галлереѣ, м-ръ Найтъ?

— Не такъ часто, какъ бы слѣдовало.

Пауза.

Нѣкоторыя наблюдательныя дамы начали думать, что миссъ Марчрозъ оказалась недостойной выпавшей на ея долю незаслуженной чести.

— Я иногда думаю,—сдѣлала она новую попытку,—но въ эту минуту какая-то барышня вышла на середину залы и съ большимъ апломбомъ принялась декламировать поэму Вордсворта: „Братья". Она читала и читала, не смущаясь, и наконецъ кончила, къ общей радости публики.

— Матью Арнольдъ называлъ эту вещь—величайшей поэмой столѣтія,—замѣтилъ какой-то господинъ возлѣ граммофона.

— Простите меня,—сказала миссъ Марчрозъ, поворачиваясь къ нему.—Если вы говорите о предисловіи Матью Арнольда къ избраннымъ поэмамъ, то надо...

— Ахъ, голубушка,—сказала м-съ Портвей, внезапно налетая на декламаторшу,—какая у васъ память!

— Развѣ это было такъ ужъ длинно?—пробормоталъ высокій господинъ въ очкахъ, съ курчавой бородой.

— Monsieur Dolbiac—сказала м-съ Портвей,—если вы будете такъ зло острить, я отправлю васъ назадъ въ Парижъ.

Сказала она это съ своимъ обычнымъ смѣхомъ, но всѣ чувствовали, что замѣчаніе француза было неумѣстно.

Генри оставался нѣсколько минутъ одинъ и сталъ наблюдать окружающихъ. Первое его заключеніе было то, что въ комнатѣ нѣтъ ни одной хорошенькой женщины, а второе — что этотъ фактъ замѣченъ и многими другими мужчинами, которые прятались по угламъ. М-съ Портвей, закончивъ свою хозяйскую обязанность встрѣчать гостей, подошла къ Генри и стала ему внушать, что онъ, какъ левъ и царь между звѣрями, не долженъ прятаться въ углу.

— Вѣдь здѣсь все люди интересные и сдѣлавшіе кое-что—сказала она, извлекая его изъ угла и выводя на показъ.

Выступленіе Генри оказалось полнымъ фіаско, но все-таки нѣкоторые изъ присутствующихъ приняли его манеру обращенія за послѣдній крикъ моды, и она произвела на нихъ впечатлѣніе.

— Теперь вамъ надо пойти съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ внизъ и подкрѣпиться,—сказала хозяйка.—Кого бы найти?.. Эштонъ, что ты сдѣлалъ?

Мужъ, вмѣсто „Liebelied“ изъ „Тристана и Изольды“ поставилъ пластинку „Вашингтонской почты“ и слушатели, благоговѣйно приготовившіеся къ Вагнеру, были въ ужасѣ, когда граммофонъ захрипѣлъ что-то разудалое. М-съ Портвей оставила Генри и побѣжала пріостановить эти звуки. Генри, инстинктивно ища чего-то, устремилъ взоръ сквозь открытую дверь въ другую комнату. Онъ увидѣлъ двухъ барышень, и съ ними Джеральдину! Она улыбнулась, встала и пошла къ нему на встрѣчу. Она была такъ хороша, что онъ даже растерялся. Какъ она хорошѣла по вечерамъ, а глаза! какъ она смотрѣла на него!

— Вы здѣсь!—прошептала она.

Простыя слова—но они были окутаны волной чувства, какъ простенькій подарокъ ребенка, завернутый въ красивую шелковистую бумагу.

— Она здѣсь красивѣе всѣхъ,—подумалъ Генри категорически. И обратился къ ней:

— Не хотите ли пойти внизъ закусить?

„Съ *ней* я умѣю разговаривать“,—подумалъ онъ съ облегченіемъ, когда безукоризненный молодой человѣкъ подавалъ имъ въ столовой сандвичи.

Въ сущности, это значило, что она умѣетъ разговаривать съ нимъ—но мужчины часто дѣлаютъ такую ошибку.

Онъ не съѣлъ еще и полъ-сандвича, а уже въ сознаніи его исчезло все, что было между этимъ вечеромъ и тѣмъ вечеромъ въ „Луврѣ“. Онъ не зналъ, почему это такъ. Онъ не думалъ о причинѣ. Но это было такъ.

Джеральдина разсказала ему, что продала бульварный романъ выпусками по фунту за тысячу словъ.

— Цѣна не плохая... для меня,—прибавила она.

— Вы достойны гораздо бо̀льшаго!—воскликнулъ онъ горячо.

Ея глаза увлажнились. Позорно — подумалъ Генри, — что что такое существо, какъ Джеральдина, вынуждено губить свою юность, согнувшись надъ Ремингтономъ въ конторѣ Марка Снайдера. Безукоризненный молодой человѣкъ невозмутимо подливалъ вино въ ихъ бокалы. Въ столовой другихъ гостей не было.

— А, вотъ вы гдѣ!—раздался голосъ хозяйки и ея смѣхъ.

— Вы, вѣдь, мнѣ сказали, чтобы я повелъ кого-нибудь сюда закусить,—отвѣтилъ Генри. Онъ не намѣренъ былъ теперь робѣть.

— Мы собирались уже наверхъ,—прибавила Джеральдина.

— Отлично! — сказала м-съ Портвей. — Многіе уже ушли, мы остались въ болѣе интимной компаніи, и я хочу попробовать одну новую игру. Кажется, въ Лондонѣ ее еще совсѣмъ

не знаютъ. Я читала описаніе ея въ американской газетѣ. Для участія въ ней нужно остроуміе, нужна находчивость; иначе нельзя.

— О, да! — улыбнулась Джеральдина. — Вы говорите про игру въ „литературные типы". Дѣйствующія лица? Я помню, вы мнѣ разсказывали о ней.

Когда они вернулись въ гостинную, м-съ Портвей объяснила всѣмъ, что при этой игрѣ выбирается тема для обсужденія; затѣмъ каждый изъ играющихъ долженъ тайно задумать какое-нибудь дѣйствующее лицо изъ литературы, литературный типъ, и участвовать въ обсужденіи намѣченной темы такъ, какъ бы это дѣлалъ изображаемый имъ герой. Къ концу игры всѣ стараются угадать избранные типы.

— Я думаю, что выбирать нужно только изъ классиковъ,— сказала м-съ Портвей.

Многіе гости уклонились отъ игры, ссылаясь на отсутствіе необходимыхъ для нея данныхъ. Генри отказался наотрѣзъ, но имѣлъ догадливость не пояснять причинъ. Онъ предложилъ, чтобы не играющіе образовали нѣчто вродѣ жюри. Послѣ нѣкоторыхъ усилій было набрано семь игроковъ: м-ръ Эштонъ Портвей, миссъ Марчрозъ, Джеральдина, monsieur Dolbiac и еще трое. Хозяйка усѣлась рядомъ съ Генри въ качествѣ одного изъ членовъ жюри.

— Какой же вопросъ вы будете обсуждать?—спросила она.

Никто не могъ придумать.

— Давайте возьмемъ любовь,—предложила миссъ Марчрозъ.

— Да,—сказалъ monsieur Dolbiac.—Нѣтъ ничего удобнѣе.

Всѣ семеро играющихъ расположились посреди гостиной въ позахъ, подходящихъ для обсужденія вопроса о любви.

— Вы всѣ избрали свой типъ?—освѣдомилась хозяйка.

— Всѣ,—отвѣтили семь голосовъ.

— Такъ начинайте.

— Не говорите всѣ разомъ,—сказалъ m-r Dolbiac послѣ довольно долгой паузы.

— Кто это такой?—шепнулъ Генри хозяйкѣ.

— Monsieur Dolbiac. Онъ—скульпторъ изъ Парижа. Но, кажется, почти совсѣмъ англичанинъ. Удивительно умный.

М-съ Портвей сообщила эти факты на ухо Генри и затѣмъ обратилась къ семерымъ молчальникамъ:

— Это очень трудная игра, неправда ли? — ободрительно прибавила она.

— Любовь не для такого человѣка, какъ я,—торжественно произнесъ monsieur Dolbiac.

Затѣмъ онъ взглянулъ на хозяйку и прибавилъ пониженнымъ голосомъ:

— Я началъ.

— Вопросъ не въ томъ, — сказала миссъ Марчрозъ, откашливаясь,—что̀ нельзя назвать любовью, а въ томъ, что заслуживаетъ этого имени.

— Прошу васъ, встаньте—сказалъ m-r Dolbiac. — Я не слышу.

Миссъ Марчрозъ взглянула на хозяйку дома, и та сдѣлала Дольбіаку замѣчаніе, чтобы онъ игралъ серьезно.

Послѣ этого м-ръ Портвей и Джеральдина заговорили оба сразу, потомъ оба хотѣли сразу замолчать, и наконецъ м-ръ Портвей что-то сказалъ о Дульцинеѣ.

— Онъ выбралъ Донъ-Кихота, — зашептала его жена по секрету Генри.—Это его любимая книга.

Разговоръ продолжался, но вяло и съ большими затрудненіями. Находчивъ былъ одинъ только m-ieur Dolbiac, но у него всѣ фразы были неожиданнаго и безсмысленнаго характера. Игра стала уже совсѣмъ замирать, но миссъ Марчрозъ поддержала ее длиннымъ, серьезнымъ монологомъ о томъ, въ какого сорта мужчинъ уважающая себя женщина не можетъ влюбиться. Такихъ сортовъ оказывалось что-то около ста-тридцати-трехъ.

— Есть еще одинъ сортъ мужчинъ, въ которыхъ ни одна женщина, уважающая или неуважающая себя—все равно—не можетъ влюбиться, — сказалъ monsieur Dolbiac: — это тѣ мужчины, которыхъ она не можетъ поцѣловать иначе, какъ взобравшись на лѣстницу. Увы,—простоналъ онъ и закрылъ лицо платкомъ,—я принадлежу къ этому сорту.

— Взобравшись на лѣстницу?—повторила м-съ Портвей.—Что̀ онъ подразумѣваетъ? M-r Dolbiac, вы продолжаете играть?

— Да, продолжаю.

— Да? такъ кого же вы изображаете?—спросила миссъ Марчрозъ, раздраженная шутливой пародіей ея горячей тирады.

— Я—Джеральдъ изъ „Бѣдствія отъ роста“.

Всѣ растерялись. Генри вспыхнулъ.

— Но я вѣдь сказала, что надо брать изъ классиковъ,—сказала м-съ Портвей.—Конечно, я не хочу этимъ сказать, что вещь эта...—обратилась она къ Генри.

— Да? вы этого не думали?—замѣтилъ Дольбіакъ спокойно.—Извиняюсь. Я зналъ, что это—вздорная, бульварная книжонка, но я полагалъ, что если...

— M-r Dolbiac!

Эта среда м-съ Портвей закончилась общимъ смятеніемъ и растерянностью. M-r Dolbiac притворился не знающимъ, кто Генри, и удалился. Генри увѣрялъ хозяйку дома, что это, право, пустяки—шутка, и больше ничего. Но всѣ чувствовали, что чѣмъ меньше объ этомъ говорить, чѣмъ лучше. Въ такихъ случаяхъ время лучше всего сглаживаетъ недоразумѣнія.

Перев. съ англ. М. Славинская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ
СОЦІАЛЬНАГО БЫТА
ФРАНЦІИ

Принудительное отчужденіе и судьба національныхъ имуществъ во Франціи

I.

Мы видѣли, что мелкая крестьянская собственность далеко не имѣла во Франціи стараго порядка того распространенія, какое приписываетъ ей Токвиль [1]). Чѣмъ же вызвано ея господство въ періодъ, слѣдующій за революціей?

Самъ собою навязывается вопросъ: не создана ли мелкая собственность распродажей церковныхъ имуществъ и тѣхъ, которыя были конфискованы правительствомъ у дворянъ, эмигрировавшихъ за границу или осужденныхъ за государственную измѣну? Такъ какъ тѣ и другіе, вмѣстѣ взятые, составляли большинство свѣтской аристократіи, то вопросъ можетъ быть поставленъ въ слѣдующей редакціи: не слѣдуетъ ли отнести образованіе мелкой крестьянской собственности къ тому моменту, когда мобилизаціи подверглись земельныя имущества привилегированныхъ сословій?

Нѣкоторые писатели отвѣтили на этотъ вопросъ утверди-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", Августъ 1911 г.

тельно. Такъ, Ипполитъ Пасси говоритъ, что продажей національныхъ имуществъ созданы легіоны собственниковъ. Въ противность ему, Поль Леруа-Болье полагаетъ, что покупщиками явились въ большинствѣ случаевъ лица, уже ранѣе владѣвшія землею, а Авенель [1]) и Минцесъ [2])—что церковныя и монастырскія имѣнія перешли въ руки буржуазіи и сельскаго „мѣщанства“ (tiers-état rural).

Всѣ эти взгляды были высказаны ранѣе обнародованія даже части тѣхъ обильныхъ матеріаловъ, какіе содержатъ въ себѣ департаментскіе архивы насчетъ судебъ конфискованныхъ и распроданныхъ казною имуществъ.

Минцесъ, а за нимъ проф. Лучицкій, первые сочли нужнымъ привлечь къ рѣшенію этого спорнаго вопроса разборъ самыхъ актовъ продажи; но и тотъ, и другой по неволѣ ограничили районъ своихъ изслѣдованій довольно узкими предѣлами. Особенности обслѣдованной ими мѣстности отразились и на характерѣ добытыхъ ими выводовъ. Минцесъ положилъ въ основу своей работы документы, относящіеся къ департаменту Сены и Уазы, центръ котораго составляла королевская резиденція Версаль; Лучицкій—окрестности Лаона. Вблизи Парижа и Версаля, по вѣрному замѣчанію профессора Маріона, трудно было найти крестьянъ-собственниковъ. Многія земли отошли подъ паркъ съ „королевскими охотами“ или вошли въ составъ обширныхъ имѣній свѣтской знати, придворныхъ. Самъ Минцесъ устанавливаетъ фактъ почти полнаго отсутствія мелкихъ имѣній, собственниками которыхъ являлись бы крестьяне. Наоборотъ, проф. Лучицкій отмѣчаетъ, что Лаонъ и его окрестности до революціи были страной крестьянъ-собственниковъ по преимуществу. Немудрено, поэтому, если въ департаментѣ Сены и Уазы отчужденныя казною „національныя имущества“ не могли быть пріобрѣтены отсутствующимъ классомъ крестьянъ-собственниковъ и что послѣдніе, наоборотъ, въ окрестностяхъ Лаона въ широкихъ размѣрахъ использовали возможность расширить свои владѣнія насчетъ церкви и дворянства. Кіевскій ученый устанавливаетъ слѣдующія цифры [3]): изъ 43 или 44 тысячъ проданныхъ арпановъ 23 тысячи достались сельскому населенію, 18 тысячъ—буржуазіи, такъ что на земледѣльцевъ приходится $53\frac{1}{2}$ процента отчужденныхъ имуществъ, а на среднее сословіе—$44\frac{1}{5}$ процента. Рѣчь идетъ о

[1]) Avenel. Lundis révolutionnaires.

[2]) Die Nationalgüterveräusserung in Frankreich.

[3]) La petite propriété en France et la vente des biens nationaux, 1897, стр. 83.

распродажѣ церковныхъ имуществъ въ годы 1791-ый и 92-ой. Что касается до проданныхъ впослѣдствіи казною имуществъ дворянскихъ, конфискованныхъ у эмигрантовъ, то изъ числа 3,700 пошедшихъ въ продажу арпановъ 1,870 перешли въ руки крестьянъ, а 1820 достались буржуазіи. Изъ 5,265 покупщиковъ 4,787 были „пахарями“ (laboureurs), батраками (manoeuvres), винодѣлами (vignerons) и садовниками (jardiniers).

Такъ какъ оба изслѣдователя, Минцесъ и проф. Лучицкій, не прочь обобщить свои выводы, распространяя ихъ на всю Францію, то получилось два рѣзко противуположныхъ мнѣнія: одно гласитъ, что продажа національныхъ имуществъ обогатила буржуазію, другое—что въ выгодѣ отъ нея оказалось крестьянство.

Съ тѣхъ поръ, какъ появились оба сочиненія моихъ соотечественниковъ, прошло уже немало лѣтъ и, разумѣется, не безъ пользы для интересующаго насъ вопроса. Рѣзкое расхожденіе Минцеса и Лучицкаго, изъ которыхъ каждый опиралъ свои выводы на архивномъ матеріалѣ, необходимо должно, было навести на мысль объ исключительности условій тѣхъ областей, въ границахъ которыхъ вращались ихъ изслѣдованія. А отсюда естественное желаніе привлечь новые и болѣе обильные матеріалы, взятые изъ разныхъ частей Франціи и способные, поэтому, пролить свѣтъ не на одни лишь мѣстныя уклоненія, но и на общее направленіе, въ какомъ совершилась въ концѣ XVIII-го вѣка ликвидація церковныхъ и свѣтскихъ латифундій. Когда, по настоянію Жореса, французскія палаты ассигновали извѣстный фондъ для изданія архивныхъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на экономическую сторону французской революціи, въ составъ издаваемаго матеріала включены были и акты продажи національныхъ имуществъ въ отдѣльныхъ департаментахъ. Хотя обнародованное доселѣ уже представляетъ собою нѣсколько толстыхъ инкварто, но, разумѣется, обслѣдованы далеко не всѣ части Франціи. Тѣмъ не менѣе, то, что имѣется въ нашемъ распоряженіи, проистекаетъ не изъ одного какого-нибудь района, но касается столько же сѣвера, сколько и юга страны, столько же западныхъ, сколько центральныхъ и восточныхъ департаментовъ. Передъ нами не сотни, а тысячи и десятки тысячъ „данныхъ“, заступающихъ мѣсто купчихъ крѣпостей при отчужденіяхъ, производимыхъ съ публичныхъ торговъ. Эти акты раскрываютъ передъ нами ходъ операціи по продажѣ церковныхъ и дворянскихъ имуществъ столько же въ окрестностяхъ Парижа и Версаля, сколько въ Нормандіи и Бретани. Южная Франція

представлена въ этой серіи источниковъ документами, извлеченными изъ департаментскихъ архивовъ Гара и Устьевъ Роны; западная—весьма полнымъ анализомъ всего, хранимаго архивами Жиронды по вопросу о судьбѣ національныхъ имуществъ въ округахъ Либурна и Бордо; центральная—актами, хранящимися въ архивахъ департаментовъ Роны, Авейрона, Канталя, Пюи-де-Домъ (т.-е. Оверни), Верхней Вьенны, Шэра и Илль и Виленъ; наконецъ, сѣверная Франція представлена „въ Библіотекѣ документовъ по экономической исторіи французской революціи" весьма обстоятельнымъ обслѣдованіемъ округа Кодебекъ, вошедшаго въ составъ департамента Нижней Сены. Изъ областей, присоединенныхъ къ Франціи въ революціонную эпоху, Савойя также раскрыла передъ нами недавно свои архивы по вопросу о распродажѣ церковныхъ дворянскихъ имѣній въ эпоху директоріи и консульства [1]).

Можно думать, что выводы, опирающіеся на такомъ если не полномъ, то все же обильномъ и разномѣстномъ матеріалѣ, будутъ вызывать меньше сомнѣній насчетъ ихъ общаго значенія, чѣмъ основанные на одностороннихъ данныхъ и сдѣлавшіеся причиной рѣзкаго расхожденія взглядовъ на роль, какую распродажѣ „національныхъ имуществъ" суждено было сыграть въ соціальныхъ судьбахъ Франціи.

Но, можетъ быть, и оказавшіеся въ нашемъ распоряженіи источники такъ же противорѣчивы, какъ и тѣ, какими пользовались піонеры въ дѣлѣ разслѣдованія хода и послѣдствій секуляризаціи церковныхъ имуществъ и конфискаціи собственности у эмигрантовъ? Быть можетъ, и на основаніи ихъ нельзя указать господствующей, если не общей тенденціи, какой слѣдовала ликвидація земельнаго фонда, образовавшагося отъ перехода въ казну того, что ранѣе принадлежало монастырямъ, церковнымъ капитуламъ и эмигрировавшимъ за границу дворянскимъ семьямъ? Не придется ли и теперь доказывать, что имѣвшее мѣсто въ одной части Франціи не повторилось въ другой, и что необходимо, поэтому, отказаться отъ всякаго категорическаго отвѣта на вопросъ, въ какомъ направленіи продажа національныхъ имуществъ содѣйствовала перемѣщенію землевладѣнія изъ рукъ однихъ классовъ въ руки другихъ?

Мѣстныя условія несомнѣнно вызывали извѣстныя уклоненія отъ общаго хода всей операціи, но они только количественно,

---

[1]) См. Annales révolutionnaires, издаваемыя Albert Mathiez, іюль — сентябрь 1911-го года.

а не качественно измѣняли или, точнѣе, усиливали или умаляли однохарактерныя послѣдствія аграрной революціи на протяженіи всей страны. Такъ, близость большихъ городовъ, этихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, обусловила собою переходъ земельныхъ имуществъ по ихъ сосѣдству къ торговому и промышленному классу предпочтительно предъ сельскимъ населеніемъ. Большее или меньшее распространеніе крестьянской собственности въ той или другой мѣстности до революціи повліяло на переходъ отчуждаемыхъ имуществъ въ руки уже владѣвшихъ землею классовъ или пришлаго населенія. Въ послѣднемъ случаѣ имѣвшимся на лицо земельнымъ съемщикамъ явилась, въ частности, бо̀льшая возможность повернуть въ свою пользу производимую правительствомъ операцію. Самый характеръ отчуждаемыхъ имуществъ и связанная съ нимъ дробимость или недробимость ихъ на мелкіе участки, соблюденіе или, наоборотъ, упущеніе законодательныхъ предписаній насчетъ порядка производства продажъ мелкими участками, въ свою очередь также должны были пойти на пользу гдѣ — среднему сословію, гдѣ—владѣющему землею крестьянству, а гдѣ, по крайней мѣрѣ отчасти—и безземельному батрачеству. Но все это, вмѣстѣ взятое, не помѣшало тому, что и на Сѣверѣ, и на Югѣ, и на Востокѣ, и на Западѣ совершилось значительное перемѣщеніе земельныхъ цѣнностей, и притомъ въ одномъ и томъ же направленіи.

Двѣ одинаково привходящія причины: стремленіе правительства использовать продажу національныхъ имуществъ не для однихъ только фискальныхъ цѣлей, но и для демократизаціи земельной собственности, чтобы связать съ судьбою революціи возможно широкіе круги, и допущеніе съ этою же цѣлью, а также для ускоренія всей операціи, расплаты по частямъ или полностью, по выбору самого покупщика, и не одной лишь звонкой монетой, но и быстро падавшими въ своемъ курсѣ ассигнаціями,—не мало содѣйствовали тому, что, за немногими исключеніями, мобилизація церковной и дворянской собственности сопровождалась во всей Франціи одними и тѣми же явленіями. Каковы были послѣднія — отвѣтъ на это читатель найдетъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

II.

Продажа церковныхъ имуществъ съ публичныхъ торговъ съ самаго начала преслѣдовала, какъ мы уже сказали, двѣ цѣли: финансовую и политическую. Первая какъ нельзя опредѣленнѣе

выражена Шабо въ рѣчи, произнесенной имъ въ клубѣ Якобинцевъ 25-го января 1793-го года. „Вамъ надо открыть начало революціонныхъ дѣйствій финансовой операціей. Вѣдь васъ и послали сюда (т.-е. депутатами) для того, чтобы предупредить банкротство. И вы въ состояніи достигнуть этого, такъ какъ наши средства громадны. Болѣе трехъ милліардовъ національныхъ имуществъ позволятъ вамъ противустать врагамъ родины даже въ томъ случаѣ, если бы втеченіи десяти лѣтъ намъ пришлось держать подъ оружіемъ шестисотъ-тысячную армію. Необходимо, слѣдовательно, начать съ погашенія національнаго долга". А для этого ораторъ совѣтуетъ выпустить трехъ-процентныя бумаги, которыя бы принимаемы были казною по ихъ номинальной цѣнѣ въ платежъ за отчуждаемыя ею національныя имущества [1]).

Десятки лѣтъ спустя, въ эпоху реставраціи, въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ пэровъ, маршалъ Макдональдъ еще напоминалъ о финансовомъ характерѣ, какой съ самаго начала имѣла секуляризація церковныхъ имуществъ, сопровождаемая отчужденіемъ ихъ казною: „отчужденія сдѣланы были съ цѣлью сохранить независимость государства; полученными отъ нихъ средствами, казна оплатила тѣ многочисленныя арміи, которымъ удалось сохранить за Франціей во всей его цѣлости наслѣдіе Людовика XIV-го" [2]).

Но, приступая къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ съ цѣлью далнѣйшей ихъ распродажи, Учредительное Собраніе имѣло еще въ виду выбросить на рынокъ дотолѣ неотчуждаемыя цѣнности, мобилизировать земельную собственность духовныхъ конгрегацій. Въ этомъ отношеніи она выполняла программу, намѣченную еще физіократами.

„Mainmortes", т.-е. неотчуждаемыя церковныя земли, подверглись осужденію задолго до революціи. Съ ихъ существованіемъ не могла мириться съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе богатѣвшая буржуазія. Пріобрѣтеніе ею дворянскихъ имѣній было затруднено необходимостью платить каждый разъ въ казну довольно высокій сборъ, подъ названіемъ franc fief. Крестьянство, разумѣется, не соглашалось и за деньги разстаться съ тѣми небольшими клочками почвы, которые ему удалось выкупить у помѣщиковъ, да и самая ихъ незначительность и разбросанность не порождали въ богатыхъ семьяхъ средняго сословія желанія

[1]) См. сдѣланное Оларомъ изданіе протоколовъ Якобинскаго клуба въ Парижѣ, т. V, стр. 9.

[2]) Marcel Marion. La vente des biens nationaux, 1908, стр. VII.

перевести ихъ въ свои руки. Достояніе епископій и монастырскихъ обителей признавалось имуществомъ мертвой руки, и пока ихъ неотчуждаемость оставалась въ силѣ, негоціанты и промышленники по неволѣ должны были довольствоваться подгородными дачами, выкраиваемыми изъ имѣній разорявшагося дворянства. Приходилось также отказаться отъ быстраго размноженія тѣхъ образцовыхъ хозяйствъ съ интенсивнымъ земледѣліемъ, которыя такъ настойчиво рекомендуемы были физіократами.

Капиталъ былъ въ рукахъ буржуазіи, и одни низшіе ряды ея, въ лицѣ „фермеровъ" въ англійскомъ смыслѣ этого слова, получали возможность помѣщенія въ землю своихъ сбереженій въ тѣхъ еще рѣдкихъ мѣстностяхъ сѣверной Франціи, въ которыхъ помѣстная земля не сосредоточивалась въ рукахъ половниковъ (шампертистовъ) и не состояла въ личномъ управленіи самихъ сеньеровъ.

Національное собраніе выполнило, такимъ образомъ, завѣтъ доктора Кэне и министра-реформатора Тюрго, когда подняло руку на церковную собственность. Ея секуляризація началась, за много лѣтъ до революціи, въ странѣ, крайне отрицательно отнесшейся къ ея принципамъ, но правительница которой проникнута была той же враждебностью къ духовнымъ корпораціямъ, не выпускающимъ земли изъ своихъ рукъ и лишающимъ государство возможности использовать ея для собственныхъ цѣлей—враждебностью, изъ которой вытекло во Франціи все движеніе въ пользу замѣны жалованьемъ прежняго земельнаго обезпеченія духовенства. Говоря это, я имѣю въ виду законодательство Екатерины II, сторонницы просвѣтительныхъ идей XVIII-го вѣка и заклятаго врага революціи. Неравномѣрное пользованіе церковнымъ фондомъ въ средѣ самого сословія священнослужителей, накопленіе имуществъ въ рукахъ монастырскихъ обителей, архіепископскихъ и епископскихъ столовъ, наконецъ соборныхъ капитуловъ, и рядомъ съ этимъ скудость земельнаго обезпеченія сельскаго причта, кюре и викарныхъ—вотъ причина тому, что и въ такъ называемомъ „Ordre du clergé", т. е. въ „духовномъ сословіи", не всѣ являлись сторонниками сохраненія за церковью ея „неотчуждаемаго достоянія".

Недавній историкъ судебъ національныхъ имуществъ во Франціи, Маріонъ, подробно останавливается на развитіи той мысли, что „святотатственный" характеръ не сразу былъ приданъ актамъ продажи церковныхъ имуществъ и что въ числѣ ихъ пріобрѣтателей неразъ встрѣчались, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, лица духовнаго званія. Число сельскихъ священниковъ,

участвовавшихъ въ торгахъ, въ округѣ Бурга (въ д-тѣ Жиронды) было, напримѣръ, весьма значительно [1]).

Теченіе, благопріятное секуляризаціи, нашло себѣ отраженіе и въ наказахъ 1789-го года. Разумѣется далеко не всѣ „тетради жалобъ“ не только привиллегированныхъ сословій, но и средняго, настаиваютъ на ея пользѣ, а тѣмъ болѣе—необходимости. Гомэль, въ своей „Финансовой Исторіи“ Учредительнаго собранія, насчитываетъ 32 наказа средняго сословія и 7 наказовъ дворянства, открыто высказавшихся за то, чтобы часть церковныхъ имуществъ пошла на уплату государственнаго долга. Несравненно большее число признавали за государствомъ право вмѣшательства въ порядокъ управленія церковью ея имуществомъ и въ распредѣленіе поступающихъ съ него доходовъ—а это, по справедливому замѣчанію Маріона, открывало возможность поставить вопросъ о замѣнѣ имущественнаго обезпеченія духовенства постояннымъ жалованьемъ [2]).

Если насчетъ пользы мобилизаціи церковной собственности передовые умы Франціи были болѣе или менѣе согласны между собою, и если въ этомъ отношеніи Національное Собраніе, съ своимъ закономъ о секуляризаціи имуществъ мертвой руки, явилось отраженіемъ общественнаго мнѣнія, то нельзя сказать, чтобы созданіе мелкой крестьянской собственности вошло съ самаго начала въ составъ тѣхъ требованій, какія предъявлены были къ дѣятелямъ 1789-го года ревнителями французскаго обновленія. Родоначальники физіократіи не были противниками ни средней, ни даже крупной собственности. Они были сторонниками интенсификаціи сельскаго хозяйства, и по этой причинѣ смотрѣли враждебно на господствовавшую въ то время систему половничества (шампара). Они рекомендовали замѣну его фермерствомъ „по англійскому“ образцу. Въ стѣнахъ Учредительнаго Собранія

---

[1]) Marion, стр. 43. При разборѣ актовъ, касающихся продажи церковныхъ имуществъ въ Ліоннэ, Шарлети также не нашелъ доказательствъ той враждебности къ этой операціи, какая обыкновенно приписывается бывшимъ владѣльцамъ поступившихъ въ продажу земель. Изъ всѣхъ документовъ, прошедшихъ чрезъ его руки, только одинъ говоритъ объ „угрозахъ, пускаемыхъ въ ходъ высшимъ духовенствомъ по адресу пріобрѣтателей“: о нихъ упоминаетъ община Беллевиль въ письменномъ донесеніи Національному Собранію отъ 28-го мая 1790-го года (Charlety. Documents relatifs á la vente des biens nationaux, Ліонъ, 1906, стр. XVII и XVIII). Въ департаментѣ Гаръ (Gard) продажа церковныхъ имуществъ не обошлась, однако, безъ того, чтобы кое-гдѣ не сдѣлано было попытокъ срыванія афишъ, объявлявшихъ о днѣ и мѣстѣ производства торговъ на какое-нибудь опредѣленное имѣніе (Fr. Rouvière, L'aliénation des biens nationaux dans le Gard, Нимъ, 1900, стр. 14).

[2]) Marion, гл. I, стр. 2.

точно также неразъ высказываемо было сомнѣніе на счетъ того, чтобы дробленіе имуществъ было благопріятно успѣхамъ земледѣлія. Когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о реформѣ наслѣдственнаго права и предложено уравнять доли оставленныхъ покойникомъ сыновей, депутатъ Казалесъ счелъ нужнымъ выступить противъ проэкта, говоря: „онъ поведетъ къ дробленію имуществъ, но всегда ли оно желательно для земледѣлія? Всякій принципъ въ своей исключительности ложенъ и вреденъ. Для лѣсной площади, для пастбищъ выгоднѣе сохранить нераздѣльность. Крупная собственность въ отношеніи къ нимъ является наиболѣе желательной. Другое дѣло, когда рѣчь идетъ о пашняхъ и виноградникахъ. Тутъ преимущество переходитъ на сторону мелкой собственности[1]).

Первый, кто рѣшительно высказался за необходимость созданія мелкой собственности, и по соображеніямъ не экономическаго, а политическаго характера былъ Вольнэ. Въ своей извѣстной брошюрѣ, озаглавленной: „Простѣйшій путь къ отчужденію менѣе чѣмъ въ два года, и не понижая ихъ цѣны, имуществъ церкви и казны“, онъ говоритъ: „важнѣйшая причина застоя въ земледѣліи лежитъ въ рѣдкости собственниковъ среди семей, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ“ (rareté des familles agricoles)[2]).

Разумѣется эта точка зрѣнія далеко не раздѣлялась тѣми, чьи имѣнія должны были поступить въ казну для дальнѣйшей продажи ихъ съ публичныхъ торговъ. Аббатъ Годенъ, критикуя предложеніе Турэ насчетъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, справедливо указывалъ на то, что „монахи воздѣлываютъ отведенные имъ участки (manses monacales) не хуже самыхъ дѣятельныхъ отцовъ семействъ. Частныя лица—прибавлялъ онъ,— едва ли будутъ въ состояніи предпринять тѣ работы по корчеванію почвы и ея осушенію съ помощью плотинъ и каналовъ, какія произведены были членами духовныхъ корпорацій собственноручно и которыя доселѣ продолжаются, съ затратой значительной части ихъ дохода“[3]).

Но если вопросъ о преимуществахъ мелкой собственности съ экономической точки зрѣнія являлся спорнымъ, въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка, по крайней мѣрѣ въ той же степени, въ какой онъ споренъ и въ наши дни, то съ политической точки зрѣнія рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ казалось жела-

[1]) Ср. Sagnac. La législation civile de la révolution française. 1898, стр. 18.
[2]) Marion. La vente des biens nationaux. 1908, стр. 6.
[3]) Ibid., стр. 4.

тельнымъ всѣмъ сторонникамъ новаго порядка. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было найти лучшее средство къ тому, чтобы связать судьбы народныхъ массъ съ сохраненіемъ созданнаго революцiей строя, какъ заинтересовавъ ихъ въ томъ матеріально.

Съ того момента, когда земли церкви станутъ достояніемъ народа—разсуждали дѣятели 1789-го года,—всякая контръ-революція неизбѣжно найдетъ отпоръ въ естественномъ нежеланіи новыхъ собственниковъ разстаться съ недавно пріобрѣтенными имуществами. Страхъ быть поставленнымъ въ необходимость вернуть ихъ прежнимъ владѣльцамъ укрѣпитъ желаніе отстаивать новые порядки. Приведенныя соображенія не были чужды Мирабо, сказавшему, въ отвѣтъ на сѣтованія по поводу трудности произвесть отчужденіе національныхъ имуществъ: „это для насъ неважно; не захотятъ ихъ купить, мы раздадимъ ихъ даромъ [1]“.

Королевское общество земледѣлія, въ мемуарѣ, представленномъ имъ Національному Собранію 23-го октября 1789-го года, высказываясь въ пользу отчужденія церковныхъ имуществъ, признаетъ желательнымъ наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ „обширныя владѣнія, воздѣлываемыя наемными руками по принужденію и безхозяйственно, разбиты будутъ на мелкія доли, производительность которыхъ увеличится со временемъ, благодаря распространенію на нихъ принципа собственности“ [2]).

Когда, 9-го мая 1790-го года, Учредительное Собраніе приняло рѣшеніе приступить къ отчужденію на вѣчныя времена казенныхъ имуществъ (domaines de la Couronne), Барреръ выразилъ желаніе воспользоваться и этой операціей для насажденія мелкой собственности. „Крупныя имѣнія—значится въ его рѣчи,—вредны для государства; они препятствуютъ росту населенія, успѣхамъ торговли и промышленности; ихъ дробленіе въ высшей степени желательно и отвѣчало бы общему духу конституціи“ [3]).

22-го ноября 1790-го года Комитетъ Учредительнаго Собранія по отчужденію національныхъ имуществъ, по одному частному вопросу, слѣдующимъ образомъ высказалъ свою точку зрѣнія на дѣйствительную задачу затѣянной правительствомъ операціи: французская конституція, „будучи еще въ пеленкахъ“, находитъ себѣ опору въ продажѣ національныхъ имуществъ. Она должна, поэтому, имѣть мѣсто. Имущества должны быть отчуждены безповоротно. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если много

---

[1]) Lecarpentier. La propriété foncière du clergé et la vente des biens ecclésiastiques, стр. 17.

[2]) Marion, стр. 9.

[3]) Ibid. стр. 14.

лицъ примутъ участіе въ ихъ пріобрѣтеніи. Чѣмъ больше число заинтересованныхъ, тѣмъ легче будетъ говорить объ общей пользѣ (l'intérêt plus divisé devient plus général). Наличность ея сдѣлаетъ безплодными всѣ попытки духовенства вернуть себѣ имущества, которыя никогда не должны были бы принадлежать ему [1])".

Всѣмъ этимъ заявленіямъ не отвѣчали, однако, законодательныя нормы, регулировавшія производство первыхъ продажъ. Озабоченное прежде всего мыслью объ обезпеченіи продаваемыми землями выпуска ассигнацій и неувѣренное въ томъ, чтобы покупатели явились на торги въ достаточномъ числѣ, Учредительное Собраніе, декретомъ 9-го декабря 1789-го года, предписало отчужденіе національныхъ имуществъ на сумму въ 400 милліоновъ франковъ, въ обезпеченіе выпущенныхъ на ту же сумму „ассигнацій", т. е. 5 проц. кредитныхъ билетовъ въ 1000 франковъ каждый. Когда отъ имени Парижа городской голова Бальи предложилъ принятіе столицею на себя половины этой суммы, подъ условіемъ уступки ей права распродать за свой счетъ пріобрѣтенныя ею національныя имущества, Собраніе охотно пошло на эту сдѣлку; декретомъ 17-го марта 1790-го года оно постановило, что предпочтеніе передъ прочими покупателями будетъ дано Парижу (въ размѣрѣ 200 милліоновъ) и другимъ муниципіямъ Франціи, насколько послѣднія пожелаютъ участвовать въ операціи. Со временемъ тѣ же мѣры распространены были и на дальнѣйшія продажи церковныхъ имуществъ, съ тою разницею, однако, что процентъ, приносимый ассигнаціями, былъ пониженъ до трехъ. Одновременно предписанъ новый выпускъ ихъ купонами, отъ 200 до 1000 франковъ, принимаемыми по номинальной цѣнѣ въ платежъ за поступившія въ продажу имущества. Это—первая изъ мѣръ, принятыхъ къ тому, чтобы сдѣлать болѣе доступнымъ для слабо набитыхъ кошельковъ самое пріобрѣтеніе національныхъ имуществъ. Второю, былъ законъ 1790-го года, рекомендовавшій дробить имѣнія до продажи на участки, если этому не препятствуютъ соображенія хозяйственнаго характера. Когда бо̀льшая часть церковныхъ земель была уже распродана и фондъ отчуждаемыхъ казною земель увеличился имѣніями, конфискованными у эмигрантовъ декретами отъ іюня и іюля 1793-го года, было постановлено, что до поступленія въ продажу отчуждаемыя имущества должны быть разбиты на части такимъ образомъ, чтобы треть или двѣ пятыхъ каждаго изъ нихъ

[1]) Это заявленіе сдѣлано было комиссіи департамента Нижней Сены. Оно приведено у Лекарпантье (ibid., стр. 17 и слѣд.).

не превосходили размѣромъ одного или нѣсколькихъ акровъ. Этими льготами не могли воспользоваться покупщики церковныхъ имуществъ изъ среды мало обезпеченныхъ классовъ, но расширеніе круга лицъ, участвовавшихъ въ торгахъ, косвенно могло быть достигнуто разсрочкою платежей, допущенной закономъ, изданнымъ въ маѣ 1790-го года. По этому закону отъ пріобрѣтавшихъ пахоти, луга, виноградники и хозяйственныя постройки требовался на первыхъ порахъ платежъ всего на всего 12% всей покупной суммы. Втеченіи двѣнадцати лѣтъ покупщикъ долженъ былъ окончательно разсчитаться съ казною, производя ей ежегодно равные платежи и уплачивая 5% за кредитуемыя ею суммы. Такъ какъ паденіе ассигнацій пошло быстрымъ ходомъ, то покупщики воспользовались разрѣшеніемъ закона выплачивать по частямъ или сполна весь остатокъ, по собственному ихъ выбору. Когда въ 1793-мъ и 1794-мъ годахъ ассигнаціи оказались почти обезцѣненными, покупщики естественно поспѣшили разсчитаться съ казною. Этимъ и объясняется, что къ эпохѣ директоріи почти вся отобранная у церкви собственность оказалась распроданной. Итакъ, нельзя сказать, чтобы классы мало-обезпеченные лишены были закономъ возможности участвовать въ раздѣлѣ секуляризированныхъ церковныхъ имуществъ, хотя при ихъ отчужденіи и не было принято особыхъ мѣръ дробленія на мелкіе участки.

Спрашивается теперь, въ какой степени использована была различными классами французскаго общества внезапно открывшаяся возможность легкаго обогащенія за счетъ церкви и казны? Другими словами, кому пошла на пользу эта грандіозная ликвидація земельнаго фонда духовныхъ корпорацій?

Во всѣхъ частяхъ Франціи число покупщиковъ съ самаго начала было настолько значительно, что муниципіямъ не пришлось играть той роли посредника, которую добровольно принялъ на себя Парижъ и которая затѣмъ распространена была Собраніемъ и на другіе города Франціи. По словамъ Франсуа Рувіера, изучившаго порядокъ, въ которомъ совершилась продажа національныхъ имуществъ въ департаментѣ Гаръ, поступившія въ продажу имущества сначала отчуждаемы были съ прибылью. Нерѣдко то, что оцѣнено было въ 4212 ливровъ, пріобрѣталось за 11000 ливровъ. Но со временемъ число покупателей значительно упало. Подчиняясь ихъ желанію, окружная администрація, которой поручено было устройство торговъ, соглашалась на соединеніе, вопреки закону, нѣсколькихъ участковъ въ одинъ, подъ предлогомъ освобожденія далеко живущихъ покупщиковъ отъ необходимости нѣсколькихъ явокъ. Пошли и далѣе по пути уступокъ. Допустили поручитель-

ство наличныхъ покупателей за отсутствовавшихъ. Нерѣдко также дѣлаемы были попытки устранить отъ торговъ тѣхъ или другихъ конкуррентовъ. Для этого пускались въ ходъ угрозы. Прокуроръ-синдикъ округа Понтъ-а-Муссонъ пишетъ, 30 апрѣля 1791 г., что національныя имущества продаются невыгодно для казны въ виду коалицій, устраиваемыхъ съ цѣлью удалить покупателей. Ихъ запугиваютъ или подкупаютъ. Послѣднее—прибавляетъ авторъ доклада три дня спустя,—мы сообщаемъ, впрочемъ, только по слухамъ. Чтобы положить конецъ такой практикѣ, округъ Понтъ-а-Муссонъ на время пріостанавливаетъ производство торговъ [1].

Въ департаментѣ Роны торги произведены были безпрепятственно и по повышенной цѣнѣ,—говоритъ Франсуа Вермаль [2], подвергшій спеціальному разбору акты, хранящіеся въ архивѣ Ліона (большая ихъ часть обнародована Шарлети). О томъ, какъ охотно покупались церковныя земли въ Ліоннэ, можно судить по тому, что съ февраля по сентябрь 1791-го года, т.-е. въ теченіи восьми мѣсяцевъ, изъ 1241 участка, предназначенныхъ къ продажѣ, отчуждены были 867, т.-е. три четверти всего числа [3].

Въ департаментѣ Жиронды—по словамъ Маріона, которому мы обязаны и обнародованіемъ самыхъ актовъ отчужденія, и лучшей монографіей о судьбѣ національныхъ имуществъ,—торги на первыхъ порахъ привлекли массу покупщиковъ. Имущества въ теченіи всего 1791-го года продавались выше оцѣнки [4]. То обстоятельство, что торги происходили не въ сельскихъ общинахъ, а въ округахъ, отразилось неблагопріятно на числѣ покупателей изъ среды поселянъ. Администраторы департамента Нижнихъ Альпъ отмѣтили это обстоятельство и довели его до свѣдѣнія Національнаго собранія въ слѣдующихъ словахъ: „общественная польза требовала передачи тѣмъ муниципіямъ, въ предѣлахъ которыхъ расположены отчуждаемыя имущества, самаго производства торговъ. Въ этомъ случаѣ на торги явилось бы несравненно большее число покупателей, чѣмъ теперь, когда торги произведены были въ центрѣ округа“ [5]. Тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ цифрамъ, приводимымъ Маріономъ, можно судить, что въ д-тѣ Жи-

---

[1]) Рувіеръ, стр. 14 и 16.

[2]) Françios Vermale. Essai sur la répartition sociale des biens ecclésiastiques nationalisés. Шамбери, 1906, стр. 145.

[3]) Ibid., стр. 112.

[4]) Marion, стр. 41.

[5]) Ibid., стр. 45. Письменный докладъ, сдѣланный государственному контролеру 16 декабря 1790-го года.

ронды, и при данныхъ условіяхъ отчужденія произведены были быстро и выгодно для казны. Такъ, въ округѣ Либурнъ съ 26 ноября 1790 г. по 11-е Фримера второго года республики (2 декабря 1793 г.) произошло 258 сдѣлокъ; въ округѣ Бурга до конца 1792 г. послѣдовало 165 случаевъ продажи церковныхъ имуществъ. Между оцѣнкой и продажной цѣною разница была значительна и казна оказалась въ выигрышѣ, несмотря на то, что платежъ произведенъ былъ обезцѣненными ассигнаціями [1]). Хотя окружныя директоріи и предписывали дѣлежъ отчуждаемаго имущества на части, съ цѣлью облегчить пріобрѣтеніе земель людьми мало состоятельными, но имъ неразъ приходилось отказываться отъ своего намѣренія; одинъ и тотъ же покупщикъ пріобрѣталъ въ этомъ случаѣ всѣ доли поступившаго въ продажу имѣнія. Такъ было, напримѣръ, въ Бургѣ при отчужденіи доменовъ капитула Св. Винцента. Они пріобрѣтены были за сумму въ 150,000 ливровъ двумя покупателями, образовавшими временное товарищество. Одинъ былъ священникомъ, другой—негоціантомъ. Оба жили въ Бордо [2]).

И въ теперешнемъ департаментѣ Иль-е-Виленъ, насколько можно судить по примѣру продажъ произведенныхъ въ общинѣ Фужерэ, спросъ на покупку церковныхъ имуществъ былъ весьма значителенъ. Продажи произошли быстро. Съ января 1791 г. по ноябрь 1794 г. (Брюмеръ III-го года республики) продано было изъ 50 предназначенныхъ къ отчужденію участковъ не менѣе 46. „Мнѣ не удалось открыть,—прибавляетъ цитируемый мною изслѣдователь (Ребильонъ),—ни малѣйшаго слѣда противодѣйствія торгамъ со стороны мѣстнаго духовенства“ [3]).

Въ департаментѣ Шэръ число участковъ, подвергшихся отчужденію до конца 1793-го года, превосходитъ то, какое мы находимъ въ Жирондѣ. Изъ сравнительной таблицы, составленной Маріономъ, слѣдуетъ, что въ одномъ округѣ Буржа ихъ было 2010, тогда какъ въ округѣ Бордо одновременно отчуждено было всего 910 участковъ. Въ двухъ другихъ округахъ, Віерзонъ и Сансерръ, того же департамента Шэра, въ общемъ произведено было 2810 отчужденій, число, почти на одну треть превышающее всю сумму продажъ, происшедшихъ въ д-тѣ Жиронды. Прибавьте къ этому приблизительно 2500 участковъ, поступившихъ на торги въ остальныхъ округахъ Шэра, и въ общемъ итогѣ получится пред-

---

[1]) Ibid., стр. 44, 46, 49.

[2]) Ibid., стр. 42.

[3]) La vente des biens nationaux dans l'ancienne commune de Fougerai (Ille et Vilaine), par Armand Rebillion. Парижъ, стр. 7.

ставленіе о значительно большемъ числѣ покупателей въ виду значительнѣйшаго дробленія имѣній въ этой части Франціи, свободной отъ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, гдѣ поэтому покупателями явились по преимуществу сельскіе жители [1]).

Переходя къ сѣверу Франціи, мы въ округѣ Кодебекъ, входящему нынѣ въ составъ департамента Нижней Сены, встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ сравнительно быстрой распродажи церковныхъ имуществъ. Изъ подлежавшихъ отчужденію земель 3630 гектаровъ разбиты были на девятьсотъ участковъ и пріобрѣтены въ два раза меньшимъ числомъ покупателей (462), 2020 гектаровъ образовали 874 участка и куплены 1282 лицами. Большая часть этихъ продажъ произошла ранѣе 1793-го года [2]).

Наконецъ въ восточной части Франціи, какъ показываетъ исторія національныхъ имуществъ въ теперешнемъ департаментѣ Вогезовъ, населеніе отнеслось весьма сочувственно къ распродажѣ церковной собственности, хотя съ цѣлью затруднить ходъ операціи и пущены были въ обращеніе слухи о томъ, что отчужденныя земли со временемъ будутъ отобраны безъ вознагражденія. Директорія округа Брюеръ, въ засѣданіи 22-го ноября 1790-го года, жалуется на пущенный съ цѣлью воспрепятствовать значительному приливу покупателей слухъ, что положеніе ихъ будетъ крайне непрочно и что имъ придется вернуть пріобрѣтенное и потерять уплаченныя суммы [3]). До второго года республики церковныя имущества легко находили покупателей и продажи производились по цѣнѣ выше первоначально установленной. Въ 1791-мъ году отчуждено было въ округѣ Эпиналь 230 участковъ, въ двухъ слѣдующихъ годахъ—41 и 25. Къ 1794-му году не оставалось болѣе для продажи церковныхъ имуществъ, и предметомъ торговъ сдѣлались исключительно земли, конфискованныя у эмигрантовъ [4]).

Мы разумѣется не скрываемъ отъ себя недостаточности матеріала, на основаніи котораго мы поневолѣ должны опереть наши выводы. Но то обстоятельство, что изслѣдователямъ нигдѣ не пришлось встрѣтиться съ серьезными препятствіями, поставленными на пути ликвидаціи земельнаго фонда церкви, позволяетъ

---

[1]) Marion, стр. 72 и слѣд., 79.

[2]) Lecarpentier. La propriété foncière du clergé et la vente des biens ecclésiastiques dans la Seine Inférieure, Руанъ, 1901, стр. 20, 21.

[3]) Département des Vosges. Documents relatifs à la vente des biens nationaux, publiés par Leon Schwab. Destrict d'Epinal. Эпиналь, 1911, стр. LV.

[4]) Ibid., стр. LXII и LXI.

думать, что отмѣченныя нами явленія были болѣе или менѣе повсемѣстными.

Обыкновенно указывали на два обстоятельства, которыя могли задержать торги или сократить число ихъ участниковъ: на сознательную оппозицію духовенства и на происки скупщиковъ, входившихъ между собою въ соглашенія и образовавшихъ изъ себя товарищества покупателей, чтобы помѣшать повышенію цѣнъ на торгахъ.

Что касается до противодѣйствія церковныхъ іерарховъ, то оно исходило не отъ однихъ только членовъ высшаго духовенства. Въ Національномъ Собраніи аббатъ Мори очень энергично выступилъ противъ секуляризаціи, указывая на то, что послѣдствіемъ ея будетъ, по крайней мѣрѣ въ Эльзасѣ, переходъ собственности въ руки евреевъ. По его словамъ, вся операція пойдетъ на пользу ростовщиковъ, спекуляторовъ и финансовыхъ интригановъ, кишащихъ въ столицѣ; благоденствіе селъ принесено будетъ въ жертву пожирающей безднѣ, какою для всей страны сдѣлался Парижъ [1]). Большинство членовъ высшаго духовенства, принадлежавшихъ къ составу Собранія, не послѣдовало, однако, примѣру Мори и воздержалось отъ всякой оцѣнки принятаго законодателями рѣшенія.

Внѣ стѣнъ собранія агитація высшаго духовенства противъ торговъ встрѣчается кое-гдѣ, но далеко не составляетъ общаго правила. Епископъ Страсбургскій, извѣстный кардиналъ Роганъ, издаетъ письменный приказъ всѣмъ съемщикамъ церковныхъ имуществъ въ предѣлахъ его діоцеза всячески противиться отчужденію движимыхъ имуществъ церкви. Самъ онъ дѣлаетъ попытку помѣшать описи домашней утвари своего епископскаго дворца въ Страсбургѣ и съ этой цѣлью предписываетъ доставить ее въ принадлежавшій ему замокъ въ Эттенгеймѣ [2]). Тотъ же кардиналъ озаботился распространеніемъ во всей провинціи брошюръ, приглашавшихъ мѣстное населеніе воздержаться отъ пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ. Помимо Эльзаза, протестъ противъ отчужденія доменовъ духовныхъ корпорацій и священнослужителей высказанъ былъ какъ до начала торговъ, такъ и послѣ приступа къ нимъ,—еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Франціи. Мы отмѣтили уже слухи, пущенные въ обращеніе въ округѣ Эпиналь, насчетъ непрочности самихъ сдѣлокъ. Намъ неизвѣстно съ точностью, отъ кого они исходили; но предполагая даже, что иниціа-

[1]) Marion, стр. 92 и 93. Опасеніе, что земли перейдутъ въ руки евреевъ, побудило окружное управленіе Кольмара запретить въ 1792 г. евреямъ самую явку на торги (Léon Schwab, стр. LXXXI).

[2]) Marion, стр. 93.

торами ихъ были тѣ, въ чьихъ интересахъ было помѣшать удачному исходу всей операціи, мы все же должны будемъ сказать, что это явленіе чисто мѣстное и, повидимому, не имѣвшее серьезныхъ послѣдствій. Къ тому же заключенію по отношенію къ окрестностямъ Ліона и всему департаменту Роны приходитъ Шарлети. Въ одной только общинѣ Бельвиль онъ нашелъ упоминаніе объ „угрозахъ высшаго духовенства по адресу пріобрѣтателей церковныхъ имуществъ“ [1]).

Изъ другихъ мѣстностей Франціи доходятъ до насъ однохарактерныя извѣстія, но сравнительно въ небольшомъ числѣ. Директорія Сѣвернаго департамента доводитъ 1 декабря 1790-го года до свѣдѣнія президента собранія, что священникъ Тердегемъ громко протестуетъ противъ продажи церковныхъ имѣній. Кюре Ноордпена и Вазье грозятъ анаѳемой тѣмъ, кто станетъ покупать эти имѣнія. Генеральный прокуроръ-синдикъ департамента пишетъ о томъ же 26-го октября 1790 г. И въ другихъ департаментахъ приходскіе священники въ своихъ проповѣдяхъ запрещаютъ паствѣ участвовать въ торгахъ, пророча, что церковныя земли не замедлятъ быть отобранными [2]). Во многихъ частяхъ Франціи духовенство отказалось обнародовать съ церковной паперти (prône) содержаніе декрета, касавшагося продажи секуляризированныхъ земель, несмотря на то, что лицамъ, не исполнившимъ распоряженій Національнаго Собранія на этотъ счетъ, грозила потеря жалованья [3]).

Одно лишь мѣстное значеніе имѣютъ также махинаціи спекулянтовъ, направленныя къ тому, чтобы удалить конкуррентовъ отъ присутствія на торгахъ или предупредить возможность повышенія цѣнъ предварительнымъ уговоромъ между покупателями и образованіемъ изъ нихъ съ этою цѣлью временныхъ товариществъ [4]).

Во второй годъ республики одинъ изъ народныхъ представителей, Менье, пишетъ лицамъ, стоящимъ во главѣ окружного управленія Марселя: „Я узналъ отъ патріотовъ, что за послѣднее время національныя имущества не распродаются болѣе такъ

---

[1]) Письменный докладъ, сдѣланный этой общиной Національному Собранію 28 мая 1790 г. (Charlety, стр. 151).

[2]) Albert Mathiez нашелъ рядъ данныхъ объ отношеніи къ продажѣ церковныхъ имуществъ приходскихъ кюре въ Гатине и въ д-тѣ Côtes du Nord въ Національномъ Архивѣ (La révolution et l'église, стр. 54—56, 47).

[3]) Ibid, стр, 59 и 60, стр. 41.

[4]) Moulin. Documents relatifs à la vente des biens nationaux dans le département des Bouches du Rhône. 1908, т. I, стр. XXXI.

успѣшно (avec cette chaleur), какъ прежде, и что нѣкоторыя присуждены были покупателямъ за половинную цѣну. Я боюсь, какъ бы не возникли компаніи скупщиковъ (compagnies d'accapareurs), подобныя тѣмъ, съ какими я встрѣтился въ другихъ округахъ; я преслѣдовалъ ихъ съ большой энергіей и надѣюсь искоренить ихъ окончательно съ помощью гильотины. Меня увѣряли, что находятся люди, умѣющіе убѣдить кого слѣдуетъ, чтобы они покинули торги. Съ ихъ появленіемъ исчезаетъ всякая конкурренція. Имъ стоитъ только показаться, чтобы все окаменѣло въ ихъ присутствіи [1]) (ils médusent tout quand ils se présentent)". Сказать, чтобы въ этихъ словахъ были опредѣленныя указанія на факты, а не простая передача ходячихъ слуховъ и произвольныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ обвиненій, очевидно нельзя.

Въ самомъ ходѣ операціи ничто не указываетъ на вліяніе спекуляторовъ на сокращеніе числа покупщиковъ. Чиновники и адвокаты попадаютъ въ ихъ число, наряду съ членами мѣстнаго духовенства. Промышленники и торговцы участвуютъ въ торгахъ бокъ-о-бокъ съ съемщиками отчуждаемыхъ имуществъ, ремесленниками и сельскими воздѣлывателями (cultivateurs). Покупщики платятъ въ пять, десять и даже двадцать разъ дороже того, во что оцѣнены были поступившіе въ продажу участки [2]). Маріонъ указываетъ еще на д-тъ Луарэ, въ которомъ не члены духовенства, а мѣстные администраторы не прочь были войти въ составъ товариществъ, ставившихъ себѣ цѣлью устраненіе всякой конкурренціи при покупкѣ имуществъ, ранѣе принадлежавшихъ одному аббатству въ округѣ Буакомменъ (Boiscommun [3]).

Комитетъ общественнаго спасенія счелъ нужнымъ бороться съ послѣдствіями этихъ, какъ онъ выражается, „коалицій и монополій", сперва пріостановкой торговъ въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ они сказались, а затѣмъ произвольнымъ повышеніемъ на одну четверть тѣхъ суммъ, которыя падали на покупщиковъ, сопровождая такое повышеніе довольно неопредѣленными угрозами противъ „виновниковъ ажіотажа". Въ этомъ смыслѣ издана была комитетомъ 6-го ноября 1792 г. особая прокламація. Ею отмѣнялось постановленіе, принятое департаментомъ Эны (Aisne) по отношенію къ братьямъ Meslier и запрещавшее имъ присутствовать на торгахъ, по всей вѣроятности—какъ заподозрѣннымъ въ тайныхъ проискахъ или, какъ тогда говорили, въ стремленіи „монополизировать въ свою пользу продажу церковныхъ земель"

[1]) Ibid., стр. XXXI.
[2]) Ibid., стр. XXXII.
[3]) Маріонъ, стр. 95, примѣчаніе 4.

на протяженіи всего департамента. Комитетъ признаетъ состоявшимися торги, имѣвшіе мѣсто въ Сенъ-Кантенѣ между 8-мъ сентября и 6-мъ ноября. Сходныя мѣры приняты комитетомъ и по отношенію къ продажамъ, состоявшимся въ двухъ другихъ департаментахъ: Соммы и Па-де-Калэ, но съ оговоркой, что цѣна будетъ повышена на двадцать-пять процентовъ, а противъ „монополизаторовъ" открыты будутъ судебныя преслѣдованія [1]).

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ тому, что при торгахъ бывали попытки устранить конкуррентовъ и сдѣлать возможнымъ пріобрѣтеніе земель по низкой цѣнѣ, служитъ то обстоятельство, что въ числѣ покупщиковъ нерѣдко встрѣчаются цѣлыя товарищества. Они легко могли возникнуть подъ вліяніемъ предварительнаго уговора между лицами, желавшими участвовать въ торгахъ и не хотѣвшими въ то же время набивать цѣну другъ другу. Шарлети почему-то считаетъ нужнымъ настаивать на томъ, что эти товарищества, какъ расторгаемыя обыкновенно вслѣдъ за покупкой, не могутъ быть приравниваемы къ компаніямъ скупщиковъ въ родѣ тѣхъ „bandes noires", о которыхъ такъ много было сказано праздныхъ словъ, ни мало не отвѣчающихъ дѣйствительности [2]). Но краткосрочное существованіе такихъ товариществъ нисколько не мѣшало имъ препятствовать тому повышенію цѣны на отчуждаемый участокъ, которое на публичныхъ торгахъ вызывается естественной конкурренціей между покупателями. Я вполнѣ понимаю, поэтому, тѣ мотивы, которые побудили законодателя считать ассоціаціи между всѣми или нѣкоторыми жителями одной и той же общины, разъ онѣ были устроены съ цѣлью покупки за общій счетъ отчуждаемыхъ земель, „мошенническими (frauduleuses) и потому подлежащими преслѣдованію" (законъ 24 апрѣля 1793-го года). Разумѣется, не легко было доказать, что возникавшія товарищества между крестьянами не имѣли въ виду другихъ задачъ, кромѣ „монополизаціи церковныхъ земель", и потому неудивительно, если большинство изслѣдователей, по примѣру Шваба, не прочь заявить, что въ обслѣдованной ими мѣстности не было основаній къ примѣненію вышеприведеннаго закона [3]). Въ департаментѣ Жиронды Маріонъ нашелъ, однако, рядъ случаевъ, въ

---

[1]) Actes du comité de salut public, publiés par Aulard, т. III, стр. 4—5 и 267. См. также Marion, стр. 99, примѣчаніе.

[2]) Charléty. Documents relatifs à la vente des biens nationaux, стр. XV и 607.— Въ департаментѣ Вогезовъ изъ 979 случаевъ продажи значительныхъ по размѣрамъ церковныхъ имуществъ, 155 приходится на долю ассоціацій покупателей. См. Schwab, loc. cit., стр. LXXX.

[3]) Ibid., стр. LXXXI.

которыхъ продажныя цѣны были низки только въ виду существованія подобныхъ товариществъ, расторгаемыхъ вслѣдъ за производствомъ одной или нѣсколькихъ покупокъ [1]).

Едва ли заслуживаетъ подробнаго разбора ходячее обвиненіе, что продажа національныхъ имуществъ немало пострадала отъ желанія республиканцевъ дать преимущество на торгахъ санъ-кюлотамъ, обыкновенно обозначаемымъ въ источникахъ именемъ патріотовъ. Начать съ того, что явное покровительство оказано было имъ только годомъ позже, когда рѣчь пошла о продажѣ не церковныхъ имуществъ, а тѣхъ, какія были конфискованы у эмигрантовъ. Да и по отношенію къ нимъ санъ-кюлоты рѣдко когда являлись пріобрѣтателями, по крайней мѣрѣ въ значительномъ числѣ. Пролетаріямъ мудрено было затрачивать свои ничтожныя сбереженія въ предпріятіяхъ, которыя, какъ сельско-хозяйственныя, не могли обѣщать скорой выручки. Ассигнацій у санъ-кюлотовъ едва хватало для удовлетворенія неотложныхъ потребностей, а обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, вызывая искусственный ростъ цѣнъ, дѣлало общее положеніе крайне труднымъ. Все сказанное находитъ себѣ фактическое подтвержденіе въ матеріалѣ, собранномъ, обнародованномъ и въ значительной степени уже использованномъ Маріономъ [2]).

Максимъ Ковалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Marion, стр. 100.
[2]) Marion, ch. VII, стр. 181 и слѣд.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ

1711 — 8 ноября — 1911.

Восьмого ноября исполнится двѣсти лѣтъ со дня рожденія одного изъ величайшихъ русскихъ дѣятелей—М. В. Ломоносова.

Это имя всѣ мы узнаемъ еще съ дѣтства, заучивая отрывки изъ его стихотвореній и читая его біографію. И уже со школьной скамьи въ душѣ нашей встаетъ величественный образъ человѣка, родившагося гдѣ-то въ глуши, въ отдаленномъ сѣверномъ селеніи, близъ Бѣлаго моря, въ бѣдной крестьянской семьѣ, научившагося грамотѣ случайно, благодаря встрѣчѣ съ мѣстными грамотными людьми, увлекшагося книгами, съумѣвшаго пробиться къ знанію и стать первымъ русскимъ писателемъ и ученымъ.

Какъ теперь обнаруживается на основаніи несомнѣнныхъ, достовѣрныхъ данныхъ, въ разсказахъ о дѣтствѣ и ранней юности Ломоносова много легендарнаго, до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не провѣреннаго; но эта легендарность и неточность касаются только его біографіи, которая до сихъ поръ научно не обработана.

Но *значеніе* Ломоносова какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ нашей жизни вообще, признававшееся за нимъ уже его современниками, съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе выясняется, опредѣляется— и сообразно съ этимъ все болѣе и болѣе выростаетъ передъ нами колоссальный образъ настоящаго, самоотверженнаго началоположника и создателя нашего научнаго и общественнаго просвѣщенія.

Въ короткой замѣткѣ невозможно, конечно, изобразить это значеніе во всемъ его объемѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Достаточно будетъ, если мы коснемся его только въ общихъ чертахъ.

По природнымъ своимъ свойствамъ и наклонностямъ Ломоносовъ

былъ человѣкъ науки. Еслибы онъ жилъ въ наше время, то, безъ всякаго сомнѣнія, занялъ бы видное мѣсто не только въ русской, но и въ общеевропейской наукѣ, какъ одинъ изъ величайшихъ химиковъ и физиковъ. А между тѣмъ, его научное значеніе стало выясняться только съ 1865-го года, когда, по случаю столѣтія со дня его смерти, появились о немъ статьи нашихъ спеціалистовъ. И только эти статьи показали намъ, какое громадное значеніе для науки могъ бы имѣть Ломоносовъ, еслибы жилъ въ другое, болѣе благопріятное для научныхъ занятій и научной славы время. Для современниковъ онъ былъ просто „академикъ", оффиціальной ученый, произносившій въ торжественныхъ собраніяхъ академіи ученыя рѣчи и писавшій ученыя статьи, которыя выслушивались и прочитывались, но мало и плохо понимались и оцѣнивались. Ни понимать, ни оцѣнивать было некому, такъ какъ не существовало еще настоящей, вполнѣ авторитетной научной среды. Во времена Ломоносова наука только еще зарождалась у насъ, и ея русскими представителями были такіе почтенные, но малосильные труженники, какъ, напр., Тредіаковскій.

Несмотря на всю громадность своего дарованія, Ломоносовъ, не могъ сосредоточиться на тѣхъ областяхъ знанія, которыя болѣе всего его привлекали и въ которыхъ онъ былъ хозяиномъ—на химіи и физики. Онъ вынужденъ былъ заниматься всѣмъ и писать обо всемъ—и о мореплаваніи, и о пути въ Америку по Ледовитому океану, и объ умноженіи народа, и о дѣятельности журналиста; долженъ былъ, кромѣ научныхъ и публицистическихъ статей, писать оды, посланія, трагедіи; долженъ былъ заняться и прикладными знаніями, явившись начинателемъ и основателемъ нашего мозаичнаго искусства; однимъ словомъ,—долженъ былъ одновременно быть и ученымъ, и популяризаторомъ, и литераторомъ, и публицистомъ, и фабрикантомъ, и изобрѣтателемъ.

Эта роковая необходимость быть одному во всемъ и повсюду привела къ тому, что для насъ, для нашего культурнаго развитія, для упроченія у насъ настоящихъ училищъ, наукъ, литературы, значеніе его громадно, но для самой науки, для ея развитія, для объясненія и упроченія спеціальныхъ научныхъ теорій значеніе его очень ограничено и условно; даже въ химіи и физикѣ его имя не занимаетъ никакого самостоятельнаго, опредѣленнаго мѣста и въ *исторіи* даже этихъ наукъ съ его именемъ ничего не связано.

Спеціалисты, разсмотрѣвъ ученые труды Ломоносова (по поводу столѣтія со дня его смерти), ясно показали намъ, чѣмъ бы онъ могъ быть, но чѣмъ онъ не былъ, по причинамъ и обстоятельствамъ, не отъ него зависѣвшимъ.

Возьмемъ, напр., труды Ломоносова по физикѣ. По мнѣнію Н. Лю-

бимова, они не имѣютъ важнаго значенія для науки и не привели ни къ какому положительному результату. Въ этой области „съ именемъ Ломоносова не связано никакихъ особенно замѣчательныхъ открытій; мы даже не встрѣтимъ этого имени въ исторіи науки". Но всетаки и тутъ сказалась самостоятельность и независимость его мышленія. „Черезъ мысль Ломоносова прошли всѣ существенные вопросы науки того времени", говоритъ Любимовъ, „и во всякомъ вопросѣ онъ умѣлъ стать на самостоятельную точку зрѣнія. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаемъ рядъ теоретическихъ понятій о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ природы. Вникая глубже въ эти теоріи, мы видимъ, какъ идеи вѣка, принятыя Ломоносовымъ со всею русскою воспріимчивостью, получили въ его сознаніи оригинальную форму и повели къ ряду собственныхъ теорій главнѣйшихъ явленій природы!—Сверхъ того, сочиненія Ломоносова по физикѣ отличаются ясностью пониманія, умѣньемъ поставить вопросъ и понятнымъ, изящнымъ изложеніемъ. Описаніе многихъ новыхъ инструментовъ, новыхъ наблюденій, исполненныхъ или задуманныхъ, встрѣчается на каждой страницѣ его разсужденій, и чего бы онъ ни коснулся, все получало подъ его руками оригинальную форму". Ломоносовъ вообще жадно слѣдилъ за движеніемъ науки. Узнавъ объ открытіи электричества Франклиномъ, онъ рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многомъ сходится съ теоріей Франклина, хотя Ломоносовъ въ это время еще не читалъ классическихъ „писемъ" Франклина, а во многомъ превышаетъ и ее, и всѣ тогдашнія понятія о воздушномъ электричествѣ. Въ связи съ теоріей электричества Ломоносовъ, независимо отъ Франклина, составилъ теорію сѣвернаго сіянія, которая тоже превышаетъ всѣ существовавшія въ его время теоріи.

Въ области минералогіи и геологіи Ломоносовъ былъ счастливѣе. „Заслуги Ломоносова въ этихъ наукахъ такъ велики", говоритъ Щуровскій, „что ставятъ его на ряду съ Гумбольдтомъ и другими извѣстными учеными". „Металлургія" Ломоносова, изданная въ 1763 г., нуждается только въ обновленіи языка; по научнымъ же своимъ свойствамъ она вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ намъ требованіямъ. Во второй части Ломоносовской „Металлургіи" говорится о рудоносныхъ жилахъ. „Этотъ предметъ", говоритъ Щуровскій, „описанъ Ломоносовымъ съ такою подробностію и такъ вѣрно, что даже въ настоящее время (т.-е. въ 1865 г.) можетъ быть помѣщенъ въ любое сочиненіе по горной части". Общедоступная по своему чисто русскому и изящному языку, „Металлургія" Ломоносова сдѣлалась у насъ родоначальницей всей послѣдующей литературы по горной части.

Обладая не только глубокими научными познаніями, но и широтой

взгляда на вопросы науки, Ломоносовъ высказалъ въ минералогіи взгляды, для его времени поразительно новые и смѣлые. Въ то время наше горное производство сосредоточивалось въ горныхъ мѣстностяхъ. Но Ломоносовъ былъ увѣренъ, что и плоскія губерніи Россіи также должны изобиловать полезными минералами. „Я сыскалъ", доносилъ онъ Сенату, „легкій и краткій способъ, чрезъ который въ одинъ годъ изъ всей Европейской части Россійскаго государства, а въ два и изъ всей Сибири, собрать можно большую часть минераловъ, ежели не всѣ. Къ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудокопателей и многія тысячи рудоискателей". Подъ сильными рудокопами Ломоносовъ разумѣлъ многочисленныя русскія рѣки, а рудоискателями онъ называлъ крестьянскихъ дѣтей. Поэтому онъ предлагалъ, чтобы во всей имперіи велѣно было собирать пески, камни и глины разнаго рода по прилагаемой имъ инструкціи; собирателями должны были явиться крестьянскія дѣти.

Значеніе Ломоносова въ минералогіи и геологіи не ограничивается одною его „Металлургіей". Мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ, приписываемая позднѣйшему времени, принадлежитъ собственно Ломоносову: онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Онъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія каменнаго угля еще и въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня. „Перечитывая разсужденія Ломоносова по данному вопросу", говоритъ Щуровскій, „съ трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени".

Въ объясненіи происхожденія нефти, горной смолы и янтаря Ломоносовъ также опередилъ свой вѣкъ и совершенно совпалъ съ нынѣшними понятіями объ этомъ предметѣ. Нефть и горная смола, по мнѣнію Ломоносова—ничто иное, какъ продукты разложенія каменнаго угля, лежащаго на значительной глубинѣ и подвергающагося дѣйствію подземнаго жара. Янтарь во время Ломоносова принимали за минералъ, или приписывали ему какое-либо другое, только не растительное происхожденіе. Ломоносовъ призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній, что въ настоящее время признается всѣми.

Образованіе горъ Ломоносовъ приписывалъ дѣйствію подземнаго жара и доказательства его по этому вопросу, по словамъ Щуровскаго, „до того одинаковы съ нынѣшними, что перечитывая ихъ, невольно забываешься и воображаешь, что читаешь какое-либо изъ лучшихъ произведеній нынѣшняго времени". Извѣстно мнѣніе Ломоносова о морскихъ раковинахъ, находимыхъ на вершинахъ горъ.

Въ его время онѣ считались „игрою природы"; Ломоносовъ первый призналъ ихъ настоящими раковинами, принадлежавшими дѣйствительно жившимъ морскимъ животнымъ. Вообще, теоріи Ломоносова по вопросамъ геологіи, по сравненіи съ нынѣшними взглядами, недоставало только предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты.

Чѣмъ болѣе наши спеціалисты знакомятся съ учеными разсужденіями, проектами, черновыми набросками Ломоносова, тѣмъ болѣе удивляются силѣ его генія, широтѣ и самостоятельности его научныхъ взглядовъ, разнообразію и многочисленности его научныхъ интересовъ.

Но положеніе Ломоносова было поистинѣ трагическое. То, что дѣлается болѣе и болѣе несомнѣннымъ для насъ, его потомковъ, совсѣмъ не было ясно его современникамъ. Тѣ, кто могъ понять и оцѣнить ученое значеніе Ломоносова,—тогдашніе наши академики,—не сдѣлали этого, потому что были ослѣплены личной враждою къ нему; а публика восхищалась учеными рѣчами Ломоносова, но плохо понимала ихъ научное значеніе. Вотъ почему Ломоносовъ не оставилъ никакой научной школы.

Кромѣ научнаго, Ломоносовъ имѣлъ еще значеніе литературное, какъ авторъ одъ, трагедій, стихотворныхъ надписей, эпиграммъ, какъ глава тогдашняго литературнаго ложно-классическаго направленія, какъ писатель, положившій прочное основаніе нашему теперешнему *русскому* литературному языку.

Въ этой литературной области судьба его была гораздо счастливѣе. По своей общедоступности, литературные труды Ломоносова сразу были оцѣнены тогдашней читающей публикой. Онъ сразу, еще при жизни, занялъ въ русской литературѣ первенствующее мѣсто, сдѣлался ея главою, и это главенство сохранялось за нимъ вплоть до Карамзина.

Не говоря о чисто литературныхъ произведеніяхъ Ломоносова, такъ какъ они всѣмъ намъ извѣстны еще со школьной скамьи, упомянемъ только о его филологическихъ сочиненіяхъ. Всѣхъ пишущихъ русскихъ людей, занималъ тогда вопросъ о литературномъ слогѣ. Въ до-петровское время литературнымъ языкомъ былъ у насъ языкъ церковно-славянскій. Начавшееся въ первой половинѣ XVIII-го в. стремленіе замѣнить церковно-славянскій языкъ языкомъ русскимъ само собою поставило на очередь вопросъ: что-же дѣлать съ языкомъ церковно-славянскимъ?

Въ своей статьѣ: „О пользѣ книгъ церковныхъ въ русскомъ языкѣ" Ломоносовъ вполнѣ ясно и опредѣленно отвѣтилъ на этотъ вопросъ, выдвинувъ на первый планъ живой русскій языкъ, но указавъ на

необходимость не забывать и церковно-славянскій, какъ неисчерпаемую сокровищницу лингвистическихъ богатствъ, составляющую наше преимущество передъ всѣми другими европейскими языками.

Вставъ на такую, вполнѣ правильную точку зрѣнія, Ломоносовъ смогъ дать намъ и первую настоящую *русскую* грамматику, и первую *русскую* риторику, которыя съ тѣхъ поръ болѣе 50-ти-лѣтъ господствовали въ нашей школѣ и явились основами для послѣдующихъ трудовъ въ этой области.

Наконецъ, Ломоносову же принадлежитъ и окончательное рѣшеніе вопроса о русскомъ стихосложеніи, явившееся основой всѣхъ послѣдующихъ стихотворныхъ русскихъ произведеній.

Столь же выдающееся и еще при его жизни сказавшееся значеніе имѣли заботы Ломоносова объ упроченіи и распространеніи школъ, наукъ и просвѣщенія въ Россіи. Именно эти заботы отвлекали его безпрестанно отъ его чисто-научныхъ занятій и не дали ему возможности сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ рожденъ: спеціалистомъ-ученымъ.

Принявъ участіе въ вопросѣ объ основаніи московскаго университета, Ломоносовъ составилъ весь планъ его, который и былъ утвержденъ императрицей Елизаветой Петровной въ 1755 г. Въ этомъ проектѣ онъ высказалъ мысль о необходимости, одновременно съ открытіемъ университета, учредить при немъ и гимназію, такъ какъ университетъ безъ гимназіи—„какъ пашня безъ сѣмянъ". Право обученія въ гимназіи должно быть, по его мнѣнію, предоставлено всѣмъ, безъ различія сословій, даже дѣтямъ лицъ, записанныхъ въ подушный окладъ. Кромѣ всесословности, Ломоносовъ въ своихъ запискахъ объ учрежденіи школъ въ Россіи проводилъ и другой, еще болѣе важный принципъ, утверждая и безпрестанно напоминая, что „науки не терпятъ принужденія", отъ котораго онъ и заботился освободить нашу школу.

Наконецъ, Ломоносовъ является основателемъ нашего мозаичнаго искусства, для развитія котораго онъ самъ занялся мозаичными работами и изобрѣлъ особую смальту, которая выдѣлывалась на устроенной имъ бисерной фабрикѣ.

Пушкинъ, говоря о Ломоносовѣ, назвалъ его „первымъ русскимъ университетомъ". Дѣйствительно, Ломоносовъ прежде всего самъ былъ нашимъ первымъ, живымъ университетомъ, да еще такимъ, въ которомъ сразу было три факультета: естественно-научный, словесно-историческій и литературный.

Если къ этому присоединить личныя свойства Ломоносова, его настойчивость въ достиженіи „идейныхъ" цѣлей, его чисто-русскую „упрямку", его постоянное, сквозь всю его жизнь и дѣятельность проходящее самоотверженное стремленіе къ насажденію и распро-

страненію просвѣщенія въ Россіи, то станетъ ясно, что громадное его значеніе опредѣляется не какою-либо спеціальною дѣятельностью, а искреннею, горячею, самоотверженною защитой нашего просвѣщенія вообще.

Ф. Витбергъ.

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ

I.

Женщина заняла за послѣдніе годы прочныя позиціи въ производствѣ. Въ настоящее время свыше трети всего рабочаго класса различныхъ индустріализованныхъ странъ—въ Австріи даже 42,81%—составляютъ женщины, продажей мускульной или интеллектуальной силы зарабатывающія средства къ существованію. Развитіе техники, значительно упростившей функціи отдѣльнаго работника и его роль въ общемъ процессѣ производства, открыло женщинѣ доступъ и въ тѣ отрасли промышленной дѣятельности, гдѣ въ ремесленный и мануфактурный періодъ экономической исторіи общества утилизировался исключительно мужской трудъ. Мы наблюдаемъ теперь примѣненіе труда женщинъ на стале- и чугуннолитейныхъ заводахъ, въ машиностроеніи и т. п. Предпринятыя въ нѣкоторыхъ государствахъ спеціальныя промышленныя переписи показываютъ, что число женщинъ, занятыхъ въ послѣдней категоріи производствъ, растетъ даже быстрѣе, чѣмъ число рабочихъ мужского пола. Такъ, въ Англіи, напр., число женщинъ, занятыхъ въ фабричныхъ предпріятіяхъ не-текстильныхъ производствъ за время съ 1901 по 1907 г. возрасло съ 604.424 до 775.575, или на 28,31%, тогда какъ ростъ числа рабочихъ мужского пола выразился здѣсь цифрами 2.507.770 и 2.625.976—всего только 4,71% [1]).

Степень участія женщины въ процессѣ производства, заставляющая говорить даже объ *относительномъ вытѣсненіи мужского труда женскимъ* (какъ это дѣлаетъ, напр., извѣстный англійскій экономистъ Джонъ Гобсонъ) [2]), въ достаточной мѣрѣ могла бы объяснить, почему за послѣдніе годы какъ государство, такъ и представители чистой науки проявляютъ такой большой интересъ къ проблемѣ женскаго

---

[1]) См. Summary of Returns... of Persons employed in 1907 in Non-Textile: Factories, Cd. 5.398, 1910, стр. 3.

[2]) См. его „Evolution of Modern Capitalism" стр. 292.

труда. Но этимъ не ограничиваются побуждающія къ анализу этой проблемы условія. Сущность вопроса заключается въ томъ, отмѣчавшемся еще тогда, когда позиціи женщины въ производствѣ лишь начинали выясняться, обстоятельствѣ, что оплата *труда женщинъ*, въ общемъ, *значительно ниже оплаты труда рабочихъ мужского пола*. Въ Англіи „говоря вообще, женщина вырабатываетъ отъ трети до половины того, что получаетъ мужчина. Противъ одного фунта, составляющаго заработокъ неквалифицированнаго работника, женщина получаетъ около 10 ш. въ недѣлю [1])". Во Франціи „средній заработокъ мужчины въ настоящее время равенъ 4 фр. 10 сант. въ крупной и 3 фр. 75 сант. въ мелкой промышленности и превышаетъ заработокъ женщины почти вдвое въ мелкой и болѣе чѣмъ вдвое въ крупной. Работница на мануфактурахъ вырабатываетъ теперь, въ общемъ, 2 фр. 10 сант. въ день" [2]). Въ русской черноземной полосѣ, въ зависимости отъ губерніи и времени года, заработокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ колеблется между 35 и 90 коп. въ день, безъ харчей, а заработокъ работницъ—между 20 и 55 коп. [3]). Та же разница наблюдается и въ англійской колоніи Викторіи, гдѣ женщина, въ среднемъ, зарабатываетъ 16 ш. 1/2 п., а мужчина — 36 ш. 10 п. въ недѣлю [4]), и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ другихъ капиталистическихъ странахъ. Въ силу этой поразительной, наблюдаемой съ большой правильностью въ самыхъ разнообразныхъ по характеру экономической дѣятельности странахъ разницы въ оплатѣ труда рабочихъ различнаго пола, въ современной экономической литературѣ проблема женскаго труда формулируется какъ *проблема женской заработной платы*, какъ вопросъ о причинахъ, обусловливающихъ наличность вышеуказаннаго явленія.

Болѣе или менѣе обоснованныя попытки разрѣшенія этой проблемы исходятъ въ большинствѣ случаевъ изъ неоднократно констатированнаго факта яснаго разграниченія сферы труда мужчинъ и женщинъ. „Обычно женскій трудъ—утилизируется лишь въ такихъ отрасляхъ производства, которыя совершенно покинуты мужчинами; женщины воздерживаются—все равно, по доброй волѣ или нѣтъ,—отъ работы въ отрасляхъ, монополизированныхъ ихъ мужскими соперниками [5])".

---

[1]) „Sweating", by E. Cadbury and G. Shann, Лондонъ, 1909, стр. 76.

[2]) „Les Découvertes d'Histoire Sociale", par G. d'Avenel, Парижъ, 1910, стр. 161.

[3]) Цифры взяты изъ Fourth Abstract of Foreign Labour Statistics, 1911, стр. 22—23.

[4]) См. статью: „Victorian Commission on Wage-Boards", въ Quarterly Journal of Economics, Авг. 1903, стр. 624—636.

[5]) S. Webb. „The Problems of Modern Industry", Лондонъ, 1901, стр. 75.

Самый вопросъ ставится такъ: „почему женщины и мужчины работаютъ въ различныхъ группахъ производствъ и почему, при сравненіи этихъ двухъ группъ („мужской“ и „женской“), уровень заработной платы обученной работницы оказывается ниже, чѣмъ даже уровень заработной платы неквалифицированнаго рабочаго мужского пола [1])“.

Въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ выдвигается либо положеніе, что женщина работаетъ въ предпріятіяхъ съ болѣе низкимъ уровнемъ заработной платы и выполняетъ работы „наиболѣе простыя, наиболѣе рудиментарныя [2])“, либо то, что соотношеніе спроса и предложенія на рынкѣ труда складывается неблагопріятнѣе для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ, либо то, что продуктивность женскаго труда меньше продуктивности труда мужского. Наконецъ выдвигается и теорія, утверждающая, что женщина является лишь вспомогательнымъ семейнымъ работникомъ, не обязаннымъ зарабатывать полностью средства къ существованію и поэтому соглашающимся работать за неизмѣримо меньшую плату, чѣмъ мужчина—глава семьи.

Почти всѣ эти гипотезы построены на данныхъ девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія или еще болѣе раннихъ. Между тѣмъ, жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Условія существованія рабочаго класса значительно мѣняются. Какъ это не разъ уже указывалось, картина положенія англійскаго рабочаго класса сороковыхъ годовъ, нарисованная Энгельсомъ въ его извѣстномъ трудѣ: „Die Lage der Arbeiterklassen in England“, совершенно не даетъ представленія объ условіяхъ существованія современнаго англійскаго работника. Разница въ уровнѣ заработной платы, въ продолжительности рабочаго времени, въ уровнѣ культурныхъ потребностей рабочаго класса 40-хъ годовъ и настоящаго времени—огромна. Наблюдаемый въ наше время процессъ демократизаціи общества, быстрый ростъ профессіональнаго и соціалистическаго движенія, столь же быстрый ростъ числа занятыхъ въ производствѣ женщинъ, наконецъ, развитіе фабричнаго и соціальнаго законодательства—все это факторы, вліяніе которыхъ на условія рабочаго рынка неоспоримо. Такимъ образомъ теоріи и гипотезы, выдвинутыя для объясненія основной характерной особенности промышленныхъ позицій женщины—низкаго размѣра ея заработной платы,—могутъ и должны быть провѣрены съ помощью накопившагося, болѣе полнаго и точнаго матеріала.

---

[1]) „Studies in Economics“, by W. Smart. Лондонъ, 1895, стр. 122.

[2]) P. Leroy-Beaulieu. Le Travail des Femmes au XIX Siècle. Парижъ 1873, стр. 140.

II.

Наплывъ женскаго труда происходилъ и происходитъ далеко не равномѣрно во всемъ производствѣ. Какъ и ранѣе, въ настоящее время сфера мужского труда ясно отграничена отъ сферы труда женскаго. Въ однихъ производствахъ женщины преобладаютъ надъ рабочими мужского пола, въ другихъ ихъ трудъ почти не примѣняется.

Въ общемъ, максимумъ работницъ приходится на текстильныя индустріи и на производство одежды, минимумъ—на горныя и строительныя предпріятія. Согласно послѣдней англійской фабрично-заводской переписи (1907 г.) насчитывается рабочихъ:

	Мужского пола.	Женскаго пола.	На 1000 душъ рабочаго персонала приходится женщинъ.
Въ текстильной индустріи	405.047	675.477	626
„ производствѣ одежды	119.074	229.816	659
„ прачешномъ произв.	9.912	75.774	884
„ переплетномъ	17.407	30.025	633
„ произв. табачномъ, сигарномъ и папиросномъ	8.842	26.247	748
„ девяти прочихъ производствахъ, въ которыхъ женщины составляютъ большинство рабочаго персонала	34.969	60.176	632

Въ остальныхъ производствахъ трудъ женщинъ примѣняется очень рѣдко и въ незначительномъ размѣрѣ. Такъ, было рабочихъ:

	Мужского пола.	Женскаго пола.	Или на 1000 душъ рабочаго персонала приходится женщинъ.
Въ горной индустріи [1])	1.036.267	6.168	около 6
„ строительной [1])	1.134.100	591	0,5
„ остальныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ Англіи (металлургическихъ и проч.)	2.435.772	351.536	104

То же, приблизительно, распредѣленіе отраслей промышленности на „мужскія“ и „женскія“ мы находимъ и въ другихъ странахъ. Въ

[1]) См. „General Report and Statistics for 1909 by the Chief Inspector of mines“, ч. 2: „Labour“, 1910, стр. 79, затѣмъ вышеупомянутые Summaries of Persons etc.—для текстильныхъ и остальныхъ фабричныхъ предпріятій Англіи, а для строительнаго производства—отчетъ о переписи 1901 г.

текстильной индустріи и въ производствѣ одежды занято преобладающее большинство работницъ всѣхъ индустріальныхъ странъ.

Наличность естественной группировки всѣхъ производствъ на „мужскія" и „женскія", такимъ образомъ, несомнѣнна и въ настоящее время. Несомнѣнно также и то, что въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ къ мужской группѣ, женщинамъ чаще всего поручается выполненіе наиболѣе рудиментарныхъ функцій, „причемъ онѣ почти исключены, въ пользу мужчинъ, изо всѣхъ тѣхъ профессій, которыя, не требуя особенно много физической силы, нуждаются въ предварительномъ изученіи и тренировкѣ [1])". Въ типографіяхъ и переплетныхъ Англіи, напр., женщина выполняетъ функціи фальсовщицы, пріемщицы при машинѣ, брошюровщицы, изрѣдка—ручной наборщицы и т. п.,—но никогда не работаетъ на линотипѣ или въ качествѣ машинистки [2]). Аналогичное подраздѣленіе функцій наблюдается и въ русскихъ, и въ германскихъ, и въ французскихъ типографіяхъ. Даже въ предпріятіяхъ со значительнымъ женскимъ персоналомъ—въ англійскихъ шерстенабивныхъ фабрикахъ, напр.,—гдѣ мужчины выполняютъ, въ общемъ, ту же работу, что и женщины, послѣднимъ никогда почти не поручается сортировка шерсти и закладка основы; въ свою очередь, мужчина никогда не принимаетъ на себя концовку и удваиваніе пряжи или мотаніе шерсти и другія несложныя, плохо-оплачиваемыя функціи. Заработная плата мотальщицъ и концовщицъ, въ среднемъ, не превышаетъ 10 шил. 11 пенс. въ недѣлю, тогда какъ сортировщики шерсти и закладчики основы вырабатываютъ отъ 28 ш. 9 пенс. до 31 шил. 8 пенс. [3]).

Правда, отмѣченная группировка производствъ и даже функцій на „мужскія" и „женскія" не представляетъ собой чего-либо прочнаго. Какъ было сказано выше, число женщинъ, занятыхъ въ нетекстильныхъ производствахъ, растетъ такъ быстро, что является даже возможность говорить объ относительномъ вытѣсненіи мужского труда женскимъ. Случаи вытѣсненія женщинами мужчинъ изъ того или иного производства, или примѣненія женскаго труда къ выполненію функцій, раньше составлявшихъ своего рода монополію рабочихъ мужского пола — наблюдаются часто. Въ Бирмингамѣ, напр., въ одной крупной велосипедной фирмѣ еще въ 1902-мъ году работали исключительно мужчины. Въ 1905 г. ихъ осталось всего

---

[1]) P. Leroy-Beaulieu, l. cit., стр. 140.

[2]) См. коллективную монографію о женщинахъ въ печатныхъ производствахъ (Women in the Printing Trades), вышедшую въ 1904 г. въ Лондонѣ, подъ редакціей Рамзай Макдональда, стр. 47—50, а также 1—16.

[3]) См. Board of Trade Labour Gazette, іюнь 1909, стр. 187.

20 чел.; остальные были вытѣснены женщинами [1]). Разграниченіе функцій чаще всего основано не на реальной неспособности женщинъ выполнять „мужскую“ работу, а на предубѣжденіи какъ самихъ работницъ, такъ и предпринимателей и рабочихъ мужского пола, накладывающемъ на „мужскую“ работу своего рода табу. Часто женщины,—разсказываетъ въ своей книгѣ: „Makers of our Clothes“ г-жа Клементина Блэкъ,—не берутся шить пальто въ силу того лишь, что среди рабочихъ и работницъ установился взглядъ на эту работу, какъ на специфически мужскую, хотя во всѣхъ случаяхъ, когда г-жа Блэкъ встрѣчалась съ работницами, бравшимися, вопреки табу, шить пальто, работа женщинъ по качеству была не хуже мужской. На вопросъ лицъ, производившихъ анкету, данныя которой послужили основой для монографіи о женщинахъ въ печатномъ производствѣ, почему существуетъ разграниченіе функцій на мужскія и женскія — работницы отвѣчали, что онѣ „не знаютъ, почему это мужская работа, но разъ она мужская—онѣ о ней и не думаютъ [2])“. Извѣстны факты, когда трэдъ-юніонисты протестовали противъ участія женщинъ въ профессіональномъ движеніи на томъ основаніи, что совмѣстная борьба за лучшія условія труда усилила бы позицію женщины въ конкурренціи съ мужчиной. Въ недавнемъ еще прошломъ — говоритъ, напр., видная участница англійскаго рабочаго движенія Мэри Макъ-Артуръ,—мужчины трэдъ-юніонисты негодовали на „нашествіе“ женщинъ; они не соглашались допускать послѣднихъ въ число членовъ ихъ союзовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытались даже вытѣснить ихъ изъ производства [3])“. Поддерживаютъ святость табу и предприниматели. „Въ Гуддерсфильдѣ, напр., гдѣ производятся тончайшія полотна, нѣкоторыя фирмы нанимаютъ исключительно мужчинъ и считаютъ трудъ ихъ лучшаго качества, чѣмъ женскій. Это мнѣніе не раздѣляется Лидскими предпринимателями, которые произвели соотвѣтствующій опытъ, нанявъ десятокъ гуддерсфильдскихъ рабочихъ, причемъ оказалось, что, при требованіи со стороны этихъ рабочихъ бо̀льшей заработной платы, ихъ работа не такъ хороша, какъ работа женщинъ [4]). Естественно, поэтому, что демаркаціонная линія, отдѣляющая „мужскія“ индустріи и функціи отъ „женскихъ“, постоянно передвигается, предоставляя женскому труду болѣе широкое поле примѣненія.

При всемъ этомъ, однако, демаркаціонная линія въ настоящее

---

[1]) См. Women's Work and Wages. A Study of an Industrial City, by E. Cadbury, G. Shann and C. Matheson. Лондонъ, 1909, стр. 130.

[2]) Women in the Printing Trades, стр. 52—53.

[3]) Mary Mac Arthur, Trade-Unions, стр. 67.

[4]) Women's Work at Leeds, by Clara Collet, Economic journal, т. I, стр. 462.

время существуетъ. Возникаетъ вопросъ—насколько это обстоятельство можно считать ухудшающимъ положеніе женщины-работницы сравнительно съ положеніемъ рабочихъ мужского пола. Нѣкоторые экономисты выдвигаютъ тезисъ, что обѣ группы, на которыя, по составу рабочаго персонала, распадается національная индустрія, являются въ то же время группами съ различнымъ (низкимъ въ женской и высокимъ въ мужской) уровнемъ заработной платы, установленнымъ исключительно условіями торговаго рынка [1]).

Въ извѣстной мѣрѣ характерной особенностью „женской“ группы производствъ является то обстоятельство, что здѣсь средній размѣръ заработной платы значительно ниже, чѣмъ въ „мужской“. Достаточно сравнить еженедѣльную заработную плату въ предпріятіяхъ, прибѣгающихъ къ найму максимальнаго и минимальнаго числа женщинъ—въ производствахъ строительномъ и одежды,—чтобы убѣдиться въ этомъ. Такъ, по даннымъ спеціальной анкеты, предпринятой англійскимъ министерствомъ торговли (Board of Trade) въ 1906-мъ году, получало заработную плату въ номинальномъ размѣрѣ:

	въ строительномъ производствѣ.	въ производствѣ одежды.
Менѣе 20 шилл. въ недѣлю	4,0% всѣхъ рабочихъ	68,6% всѣхъ рабочихъ.
Отъ 20 ш. до 30 ш. „ „	33,0 „ „ „	17,9 „ „ „
„ 30 „ „ 40 „ „ „	45,1 „ „ „	9,9 „ „ „
„ 40 „ „ 50 „ „ „	15,2 „ „ „	2,2 „ „ „
„ 50 „ „ 60 „ „ „	1,6 „ „ „	0,7 „ „ „
Свыше 60 шилл. „ „ „	1,0 „ „ „	0,7 „ „ „
При среднемъ заработкѣ въ	33 ш. 0 пенсовъ	17 ш. $0^{1}/_{2}$ пенса [2]).

Производства, взятыя нами для сравненія, представляютъ поразительный контрастъ по составу ихъ рабочаго персонала: первое по праву принадлежитъ къ группѣ „мужскихъ“, во второмъ почти двѣ трети персонала—женщины. Столь же поразительный контрастъ мы находимъ и въ размѣрѣ заработной платы: въ первомъ производствѣ размѣръ ея почти вдвое больше, чѣмъ во второмъ. Такая связь между среднимъ размѣромъ заработной платы даннаго производства и составомъ его рабочаго персонала—далеко не случайность. Если не принять во вниманіе Ланкаширскую бумаготкацкую округу, гдѣ зара-

[1]) Такъ какъ эта точка зрѣнія чаще всего выдвигается сторонниками австрійской школы (В. Стартъ въ Англіи и т. д.), то правильнѣе было бы сказать „субъективной полезностью продуктовъ этихъ группъ производствъ“. Мы, однако, предпочитаемъ сохранить марксовскую терминологію, что, конечно, не мѣняетъ существа дѣла.

[2]) См. Report of an Enquiry by the Board of Trade into Earnings and Hours of Labour of Workpeople. Vol. II, Clothing trades. Vol. III, Building and Woodworking Trades.

ботная плата рабочихъ обоего пола почти равна [1]), вслѣдствіе того, отчасти, что здѣсь дѣйствуетъ мощный профессіональный союзъ, объединяющій, за малымъ исключеніемъ, всѣхъ работниковъ и работницъ, то и въ текстильной промышленности Англіи, представляющей собою первую по величинѣ „женскую" индустрію, размѣръ заработной платы окажется ниже, чѣмъ въ любой индустріи съ незначительнымъ женскимъ персоналомъ. Факты говорятъ, что аналогичная связь наблюдается не въ одной только Англіи: *она свойственна всякой капиталистической странѣ.*

Въ производствѣ съ низкимъ уровнемъ заработной платы работаютъ—хотя и въ меньшемъ числѣ, чѣмъ женщины—также и мужчины. Естественно было бы ожидать, что общая понижательная тенденція сводитъ ихъ заработную плату къ уровню женской заработной платы. Лишь въ этомъ случаѣ предположеніе, что демаркаціонная линія, раздѣляющая національную промышленность на „мужскую" и „женскую" группы, являясь также мѣриломъ для опредѣленія наименѣе прибыльныхъ производствъ, обусловливаетъ низкій уровень женской заработной платы. Однако это далеко не такъ. Заработокъ мужчинъ, работающихъ въ женскихъ производствахъ, вовсе не уравнивается по скалѣ женскаго заработка. Такъ, напр., въ англійскомъ производствѣ одежды, заработокъ рабочихъ составляетъ, по даннымъ вышеупомянутой анкеты:

Менѣе 20 шилл.	въ недѣлю	для	7,2%	всѣхъ	мужчинъ	и	89,9% [2])	всѣхъ		женщинъ.
Отъ 20 ш. до 30 ш.	„	„	47,2	„	„	„	8,5	„	„	„
„ 30 „ „ 40 „	„	„	32,7	„	„	„	1,6	„	„	„
„ 40 „ „ 50 „	„	„	8,3	„	„	„	0,0	„	„	„
„ 50 „ „ 60 „	„	„	2,3	„	„	„	0,0	„	„	„
Свыше 60 шилл.	„	„	2,3	„	„	„	0,0	„	„	„
При среднемъ заработкѣ	„	„	30 ш. 2 п.	для	„	„	13 ш. 6 п.	для		„

Отсюда видно, что заработокъ мужчинъ въ этомъ—женскомъ—производствѣ, *какъ и въ мужскомъ строительномъ,* составляетъ отъ 20 до 40 ш. въ недѣлю—*норма колебанія мужской заработной платы во всѣхъ производствахъ Англіи.* Съ другой стороны, заработная плата тѣхъ немногихъ, въ общемъ, женщинъ, которыя работаютъ въ муж-

---

[1]) Мужчины получаютъ, смотря по мѣсту нахожденія фабрики, отъ 19 ш. 2 п. до 22 ш. 2 п., а женщины—отъ 17 ш. 9 п. до 21 ш. 4 п. См. статью Вебба: The Alledged Differences between the Wages paid to Men and Women for similar work, Economic journal, 1891 г., стр. 640.

[2]) Менѣе 10 ш. зарабатываетъ 21,6%, отъ 10 до 15—45,1%, а отъ 15 до 20—23,2% всѣхъ работницъ. Такимъ образомъ, ровно двѣ трети женщинъ, работающихъ въ производствѣ одежды, получаютъ менѣе 15 ш. въ недѣлю.

ской группѣ производствъ, т.-е. въ группѣ производствъ съ высокимъ среднимъ уровнемъ заработной платы, должна была бы если и не равняться заработной платѣ мужчинъ, то, во всякомъ случаѣ, на много превышать заработокъ женщинъ, работающихъ въ „женской" группѣ. Нижеслѣдующіе факты показываютъ, однако, что подобное предположеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Такъ, въ Англіи средній заработокъ работницъ равенъ

въ мужскихъ производствахъ:			
1) лѣсопильныхъ заводахъ	12 ш.	5 п.	въ недѣлю.
2) столярномъ производствѣ. . . .	13 „	1 „	„ „
3) шоссейныхъ и канализаціонныхъ предпріятіяхъ.	13 „	2 „	„ „
4) газовомъ, электрическомъ и водопроводномъ	13 „	1 „	„ „
въ женскихъ производствахъ:			
1) въ текстильномъ [1]).	13 „	10 „	„ „
2) въ производствѣ одежды	13 „	6 „	„ „
3) чулочномъ производствѣ	14 „	3 „	„ „ [2])

Такимъ образомъ, вопросъ о причинахъ низкаго размѣра женской заработной платы остается открытымъ.

III.

Гораздо болѣе обоснованной оказывается, при свѣтѣ современныхъ данныхъ, попытка объяснить разницу въ оплатѣ труда мужчинъ и женщинъ тѣмъ, что женщины, въ общемъ, менѣе подготовлены къ своей работѣ, чѣмъ мужчины, въ силу чего на ихъ долю и достаются хуже оплачиваемыя функціи. Мы видѣли уже, что въ самомъ дѣлѣ многія функціи женщинъ принадлежатъ къ низшимъ, болѣе простымъ категоріямъ. Это въ особенности справедливо по отношенію къ работницамъ, трудъ которыхъ утилизируется въ „мужской" группѣ производствъ. Женщина здѣсь прежде всего и чаще всего принадлежитъ къ числу неквалифицированныхъ рабочихъ. „Мы попытались выяснить,—читаемъ мы, напр., въ цитированной выше монографіи Women in the Printing trades,—насколько техническое обученіе повышаетъ конкурренцію между мужчинами и женщинами, но, *при настоящемъ рудиментарномъ положеніи подобнаго обученія*, имѣется слиш-

[1]) Безъ Ланкаширской бумаготкацкой и Ирландской льняной промышленности. Условія оплаты труда въ Ирландіи сильно отличаются отъ общеанглійскихъ.

[2]) См. вышеупомянутые отчеты анкеты о заработкѣ и часахъ работы—томы I, II, III и IV.

комъ мало данныхъ для какого-либо положительнаго вывода" [1]). Аналогичные факты о неудовлетворительности технической подготовки женщинъ сообщаютъ и Роунтри, авторъ книги „Poverty", и другіе изслѣдователи проблемы женскаго труда.

Исходя изъ этого факта, можно, однако, удовлетворительно объяснить разницу въ оплатѣ труда мужчинъ и женщинъ лишь въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда женщины и мужчины выполняютъ работы, *различныя по качеству и по степени требуемой технической подготовки*. Во всѣхъ же случаяхъ *идентичной* работы онъ не вскрываетъ передъ нами дѣйствительнаго положенія вещей. Между тѣмъ, характернѣйшей особенностью современнаго положенія женщины-работницы является именно фактъ рѣзкой, всегда и всюду наблюдаемой разницы въ оплатѣ совершенно тожественнаго труда рабочихъ обоего пола.

Въ англійскомъ производствѣ одежды функціи мужчинъ и женщинъ, въ общемъ, одинаковы. Сравненіе же заработка большинства рабочихъ обоего пола указываетъ на наличность *реальнаго различія* въ размѣрѣ оплаты работы одного и того же качества. Аналогичное различіе въ оплатѣ тожественнаго труда мужчинъ и женщинъ наблюдается и въ текстильной индустріи Англіи, если не принимать во вниманіе бумаготкацкой ея отрасли, предпріятія которой сконцентрированы въ Ланкаширѣ. Такъ, работники и работницы англійской шерстенабивной и льняной индустріи получаютъ за одинаковую работу плату различнаго размѣра. Ткачи здѣсь вырабатываютъ, въ среднемъ, 25 ш. 8 п. въ недѣлю въ шерстенабивной и 22 ш. 4 п. въ льняной промышленности, а ткачихи — 15 ш. 9 п. и 10 ш. 9 п. [2]). Въ текстильныхъ предпріятіяхъ Германіи, Франціи, Бельгіи и Соединенныхъ Штатовъ наблюдается совершенно аналогичное явленіе. Въ Баденѣ, напр., въ бумаготкацкихъ фабрикахъ 86,9% ткачей зарабатываетъ отъ 10 до 20 марокъ, причемъ отъ 15 до 20 марокъ зарабатываетъ 54,0%, а среди женщинъ-ткачихъ тотъ же размѣръ заработка получаютъ соотвѣтственно всего 82,0% и *28,8%* [3]). Въ бельгійской шерстенабивной промышленности болѣе трехъ франковъ въ день получаютъ 57,7 всѣхъ прядильщиковъ (spinners) и только 9,4% всѣхъ прядильщицъ [4]). Указанныя индустріи принадлежатъ къ „женской" группѣ производствъ, гдѣ тожественность функцій рабочихъ обоего пола наблюдается чаще, чѣмъ въ „мужскихъ". Но и въ производствахъ съ незначительнымъ женскимъ персоналомъ заработокъ женщинъ, выпол-

---

[1]) См. стр. 52.

[2]) См. Report of an Enquiry etc., vol. I. Taxtile Trades.

[3]) См. Fourth abstract of Foreign Labour Statistics, стр. 60.

[4]) Ibid., стр. 70.

няющихъ тожественную съ мужской работу, значительно ниже заработка мужчинъ. Женщины, напр., вытѣснили мужчинъ въ одной бирмингамской велосипедной фирмѣ, но въ то время какъ послѣдніе получали отъ 30 до 40 ш. ихъ жены [1]) стали получать всего отъ 10 до 18 ш. въ недѣлю. Въ Эдинбургскихъ типографіяхъ „расцѣнки поштучной работы за наборъ, въ среднемъ, для женщины составляетъ двѣ трети мужской... Въ Пертѣ и Бэньэ... женщина наборщица въ концѣ недѣли подаетъ счетъ, составленный по мужской расцѣночной скалѣ. Кассиръ дѣлитъ сумму причитающейся по этой скалѣ платы на два и выдаетъ заработокъ въ половинномъ размѣрѣ“ [2]). Въ Уоррингтонскихъ типографіяхъ расцѣнка женскаго труда составляетъ даже *одну треть* расцѣнки труда наборщиковъ. Можно было бы привести еще десятки подобныхъ примѣровъ, указывающихъ на значительное, съ большимъ постоянствомъ наблюдаемое различіе въ оплатѣ совершенно тожественнаго труда мужчинъ и женщинъ.

Представители родственной точки зрѣнія, полагающіе, что разница въ оплатѣ труда мужчинъ и женщинъ обусловливается разницей не качественной, а количественной, или разницей продуктивности труда рабочихъ различнаго пола—считаютъ возможнымъ, что случаи неравной оцѣнки *равнаго* по качеству и количеству труда рабочихъ того и другого пола могутъ быть объяснены всецѣло наличностью платы по времени. „Есть основаніе утверждать—говорить, напр., Шильдъ Никольсонъ,—что когда трудъ женщины оплачивается поштучно, различіе пола менѣе важно [3])“. Уравнять заработокъ мужчинъ и женщинъ—читаемъ мы у другого автора—можетъ плата поштучно или по-урочно... При поштучной платѣ нѣтъ болѣе различія между полами [4])“. Это утвержденіе было бы вполнѣ справедливо, если бы *поштучная расцѣнка* во всѣхъ случаяхъ поштучной *платы* была *одинакова* для рабочихъ обоего пола. Однако среди вышеприведенныхъ примѣровъ были и такіе, которые говорятъ далеко не въ пользу этихъ утвержденій: *поштучная* расцѣнка труда женщинъ ниже, чѣмъ соотвѣтствующая расцѣнка мужскаго труда. По свидѣтельству одного манчестерскаго предпринимателя, „цѣнность“ женщины, съ точки зрѣнія капиталиста, равна $^2/_3$ „цѣнности“ мужчины, заработокъ же послѣдняго *вдвое* превышаетъ заработокъ первой [5]). Въ Англіи преобладающей формой заработной платы

---

[1]) Когда предприниматель разсчитывалъ рабочихъ мужского пола, онъ предлагалъ послѣднимъ прислать на свое мѣсто жену. См. Women's Work and Wages, стр. 130.

[2]) Women in the Printing Trades, стр. 47.

[3]) Shield Nicholson, „Principles of Political Economy“, стр. 165.

[4]) P. Leroy-Beaulieu, l. cit., стр. 142.

[5]) Women in the Printing Trades, стр. 47.

является именно поштучная—и тѣмъ не менѣе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда продуктивность женскаго труда равна продуктивности мужскаго, заработная плата женщинъ ниже.

Фактъ поразительной разницы въ оплатѣ равнаго качественно и количественно труда мужчинъ и женщинъ вызвалъ, со стороны нѣкоторыхъ экономистовъ, попытку найти причину этого различія въ степени организованности работниковъ. Сидней Веббъ пришелъ къ заключенію, что „когда женщины находятся подъ покровительствомъ сильныхъ союзовъ, онѣ часто зарабатываютъ столько же, сколько и мужчины, если выполняютъ работу, подобную (similar) работѣ послѣднихъ [1])“.

Связь между размѣромъ заработной платы и степенью организованности рабочихъ, конечно, неоспорима. Наличность профессіональнаго союза всегда, независимо отъ пола рабочихъ, означаетъ болѣе или менѣе высокій и болѣе или менѣе однообразный уровень заработной платы для всѣхъ союзныхъ рабочихъ. Мы уже знаемъ, какое вліяніе на размѣръ заработной платы въ бумаготкацкихъ предпріятіяхъ Англіи оказала наличность въ Ланкаширѣ сильнаго профессіональнаго союза. Другой примѣръ, говорящій объ аналогичномъ вліяніи профессіональнаго движенія, представляютъ собой лондонскія мастерскія платья, часть хозяевъ которыхъ, объединенная въ предпринимательскій союзъ (London Master Tailor's Association), вошла въ соглашеніе съ рабочимъ союзомъ портныхъ и портнихъ (Amalgamated Society of Tailors and Tailoresses). Здѣсь заработная плата, въ среднемъ, болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ заработокъ неорганизованныхъ рабочихъ: въ то время какъ союзные рабочіе *обоего пола* зарабатываютъ отъ 25 ш. 6 п. до 27 ш. 6 п. въ недѣлю, несоюзные крайне рѣдко получаютъ болѣе 10 ш. въ недѣлю [2]). Точно также неоспоримъ и фактъ слабой организованности работницъ. Въ Англіи, гдѣ, въ общемъ, организовано болѣе четверти всего рабочаго класса, степень организованности падаетъ не только въ соотвѣтствіи съ размѣромъ заработной платы и уровнемъ техническихъ познаній того или иного слоя рабочаго класса—что составляетъ кардинальный законъ профессіональнаго движенія,—*но и въ связи съ поломъ рабочихъ*. Въ 1909 г., по даннымъ министерства торговли (Board of Trade), было организовано 2.347.461 человѣкъ или 27,4% всего числа рабочихъ, включая въ это число и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, и чернорабочихъ, и торговыхъ служа-

---

[1]) S. Webb. „The Alledged Differences between the Wages paid to men and women for similar work.“, Econom. Journ. vol. I (1891 г.), стр. 649.

[2]) „Sweated Industries and the Minimum Wage“, by Cl. Black, Лондонъ, 1908, стр. XXII.

щихъ [1]). Точнаго числа работницъ у насъ нѣтъ. Но мы едвали сдѣлаемъ ошибку, принявъ число занятыхъ въ производствѣ женщинъ (исключая прислугу) равнымъ 3—3 1/2 милліонамъ [2]), т. е. составляющимъ около 35% всѣхъ рабочихъ. Изъ этой огромной женской арміи труда организовано *только 207.518 человѣкъ или 5,2% всѣхъ работницъ,* тогда какъ организованные рабочіе мужского пола составляютъ 38,5% всего числа занятыхъ въ производствѣ мужчинъ. Надо при этомъ замѣтить, что, по даннымъ Г. Таквелль, около 46% [3]) организованныхъ работницъ приходится на одинъ Ланкаширъ; на всю остальную Англію съ Уэльсомъ, на Шотландію и Ирландію, такимъ образомъ, приходится совсѣмъ незначительное число трэдъюніонистокъ. Англійскія работницы, очевидно, гораздо беззащитнѣе рабочихъ мужского пола, мощная организація которыхъ обнимаетъ всю Великобританію.

Разница въ степени организованности рабочихъ обоего пола еще болѣе, быть можетъ, проявляется на континентѣ, чѣмъ въ Англіи. Въ Германіи, первой по числу организованныхъ рабочихъ странѣ, въ 1909 г. изъ всего числа членовъ профессіональныхъ союзовъ (соціалистическихъ, гиршъ-дункеровскихъ, христіанскихъ, независимыхъ и „желтыхъ") 3.897.259,—женщинъ насчитывалось 133.888 или всего 3,4% [4]). Въ Бельгіи, гдѣ синдикальное движеніе охватываетъ значительныя массы рабочихъ, мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ—въ одномъ и томъ же производствѣ сильную, исключительно мужскую организацію—и почти полное отсутствіе женской. Такъ, въ перчаточномъ производствѣ мужчины, выполняющіе главнымъ образомъ функцію закройщиковъ, объединены въ „союзъ перчаточниковъ", включающій почти всѣхъ закройщиковъ. Среди женщинъ же не существуетъ никакой организаціи, даже въ зародышѣ [5]). Въ большей или меньшей степени столь же слабое развитіе женскаго профессіональнаго движенія наблюдается и въ другихъ капиталистическихъ странахъ.

Однако, какъ ни убѣдительны эти факты, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что профессіональное движеніе является *лишь однимъ изъ многихъ факторовъ,* дѣйствующихъ на рабочемъ рынкѣ, и что сила его въ такой же мѣрѣ опредѣляется условіями рынка, въ какой послѣднія опредѣляютъ уровень заработной платы. Указаніе на слабую организованность женщинъ, точно такъ же какъ и указаніе на недо-

[1]) См. Board of Trade Labour Gazette, авг. 1910, стр. 260 и окт. 1910, стр. 332.

[2]) См. M. Mac Arthur, Trade Unions, стр. 73.

[3]) Gertrude Tuckwell, „Regulations of Womens Work", Лондонъ, 1909, стр. 16. Всего въ 1909 г. было организовано въ Ланкаширѣ болѣе 96 тысячъ работницъ.

[4]) См. Fourth Abstract of Foreign Labour Statistics, стр. 203 и слѣд.

[5]) Les Industries à Domicile, vol. III, L'industrie de la Ganterie, par G. Beatse, стр. 40 и 143.

статочную техническую подготовку ихъ, цѣнно лишь постольку, поскольку оно уясняетъ одно изъ условій выступленія женщинъ на рынкѣ труда.

IV.

Итакъ, сфера примѣненія женскаго труда ограничена, техническая подготовка работницъ недостаточна, женщины неорганизованы. Этими фактами не ограничиваются условія купли-продажи женскаго труда. Возникаетъ еще одинъ немаловажный вопросъ — вопросъ о томъ вліяніи, какое оказываетъ соотношеніе спроса и предложенія женскаго труда на размѣръ его оплаты. Это соотношеніе—великій регуляторъ заработной платы. По словамъ Рикардо, „рыночная цѣна труда есть цѣна, которая реально выплачивается за него по естественной пропорціи между спросомъ и предложеніемъ; трудъ дорогъ, когда онъ находится на рынкѣ въ ограниченномъ количествѣ и дешевъ, когда рынокъ имъ изобилуетъ". Если въ силу какихъ-либо обстоятельствъ—хотя бы въ силу отмѣченной нами ограниченности предложенія женскаго труда — границы женскаго рабочаго рынка съужены, сравнительно съ наплывомъ предложеній труда, болѣе, чѣмъ границы мужского, то можно было бы именно въ этомъ усмотрѣть основную причину рѣзкаго различія въ оплатѣ труда рабочихъ различнаго пола. Неорганизованность женщинъ и ихъ техническая неподготовленность будутъ въ этомъ случаѣ лишь усугублять вліяніе основной причины—*неблагопріятнаго соотношенія спроса и предложенія на рынкѣ труда.* Исходя изъ факта ограниченности сферы приложенія женскаго труда, именно такъ и ставилъ вопросъ Леруа-Болье [1]). Въ настоящее время ссылка на ограниченность и переполненіе рынка женскаго труда также часто выдвигается для объясненія разницы въ оплатѣ труда мужчинъ и женщинъ. „Допущеніе женщины къ болѣе разнообразнымъ ремесламъ,—читаемъ мы, напр., у д'Авенеля [2]),—имѣло бы слѣдствіемъ повышеніе уровня заработной платы даже въ производствахъ, гдѣ трудъ ихъ утилизируется уже и теперь". Примыкаетъ, отчасти, къ числу сторонниковъ этой точки зрѣнія и Ш. Никольсонъ. „Женщины,—пишетъ онъ,—были вытѣснены изъ наиболѣе прибыльныхъ производствъ; явившееся слѣдствіемъ этого переполненіе рабочаго рынка предложеніемъ труда для другихъ производствъ понизило ихъ заработную плату еще болѣе" [3]).

Какъ это ни странно, но соотношеніе спроса и предложенія на

[1]) См. P. Leroy-Beaulieu, l. cit., стр. 133 и др.
[2]) См. D'Avenel, l. cit., стр. 162.
[3]) Shield Nicholson, l. cit., стр. 164.

женскомъ рынкѣ труда складывается *благопріятнѣе*, чѣмъ на мужскомъ. У насъ имѣется превосходное средство провѣрить относительную емкость обоихъ рынковъ. Данныя бюро труда Англіи и Германіи, двухъ руководящихъ капиталистическихъ странъ, самымъ опредѣленнымъ образомъ подчеркиваютъ, что предложеніе женскаго труда превышаетъ спросъ на него (если можно говорить о *превышеніи*) въ меньшей пропорціи, чѣмъ предложеніе труда мужского. Такъ, въ Германіи на каждыя *сто* предложенныхъ вакансій было зарегистрировано требованій работы со стороны:

	Рабочихъ мужск. пола.	Рабочихъ женск. пола.
Въ 1904 году	137,6	79,2
„ 1905 „	123,8	74,8
„ 1906 „	117,9	73,9
„ 1907 „	125,0	75,1
„ 1908 „	186,0	89,6
„ 1909 „	200,0	94,6 [1])

Такимъ образомъ, число обратившихся къ бюро труда женщинъ *никогда* за послѣдніе шесть лѣтъ не достигало числа зарегистрированныхъ вакансій, тогда какъ соотвѣтствующее число мужчинъ *всегда* значительно превышало число предложенныхъ мѣстъ. Если даже предположить, что такое различіе объясняется бо̀льшей инертностью женщинъ въ поискахъ работы, то всетаки нельзя допустить, чтобы отъ этой инертности могла зависѣть столь поразительная разница. Соотношеніе спроса и предложенія труда, очевидно, благопріятнѣе для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. И если, несмотря на это, уровень заработной платы ихъ стоитъ ниже, чѣмъ уровень мужской, то приходится искать этому факту объясненіе иное, чѣмъ ссылка на меньшую организованность и бо̀льшую неудовлетворительность технической подготовки женщинъ, ибо вліяніе этихъ факторовъ легко было бы сведено на нѣтъ, если бы женщина использовала возможность диктовать *свои* условія.

Почему женщина этого не дѣлаетъ? Отчасти намъ это станетъ яснѣе, если мы познакомимся съ той теоріей, которая разсматриваетъ женщину какъ добавочнаго работника, и съ этимъ связываетъ низкій уровень ея заработной платы. Данныя послѣдняго времени прекрасно подтверждаютъ тотъ фактъ, что женскій трудъ, въ большинствѣ случаевъ, служитъ лишь цѣлямъ пополненія общесемейнаго дохода. Такъ, для Германіи, анкета Board of trade объ условіяхъ существованія германскихъ рабочихъ [2]) установила, что при общесемейномъ доходѣ

[1]) См. Fourth Abstract of Foreign Labour Statistics, стр. 404—405.

[2]) Report of an Enquiry by the Board of trade into working Class Rents, Hon-

	Средн. число дѣтей.	Средн. доходъ семьи.	Заработокъ по отнош. ко всему семейн. доходу. Главы семьи.	Жены.
Менѣе 20 ш. въ недѣлю	2,37	17 ш. 7¾ п.	91,0%	4,1%
Отъ 20 ш. до 25 ш. въ нед.	2,28	22 ш. 8½ п.	90,8 „	4,3 „
„ 25 ш. до 30 ш. „ „	2,51	27 ш. 1 п.	93,3 „	5,1 „
„ 30 ш. до 35 ш. „ „	2,51	31 ш. 10¼ п.	85,9 „	6,1 „
„ 35 ш. до 40 ш. „ „	2,79	36 ш. 8 п.	87,3 „	7,2 „
Свыше 40 ш. „ „	3,76	48 ш. 8¼ п.	82,2 „	6,9 „

Аналогичныя данныя та же анкета сообщаетъ и для Франціи [1]). Здѣсь, при доходѣ

	Средн. число дѣтей.	Средн. доходъ семьи.	Заработокъ по отнош. ко всему семейн. доходу: Главы семьи.	Жены.
Менѣе 20 ш. въ недѣлю	1,57	17 ш. 9¼ п.	70,8%	11,5%
Отъ 20 ш. до 25 ш. въ нед.	1,77	22 ш. 11 п.	88,4 „	8,4 „
„ 25 ш. до 30 ш. „ „	1,80	27 ш. 7¾ п.	83,9 „	12,2 „
„ 30 ш. до 35 ш. „ „	1,92	32 ш. 4¼ п.	79,5 „	13,0 „
„ 35 ш. до 40 ш. „ „	2,13	37 ш. 3¾ п.	75,2 „	14,6 „
Свыше 40 ш. „ „	2,91	52 ш. 11 п.	62,2 „	10,1 „

Въ Бельгіи [2]) заработокъ жены составляетъ отъ 4,9% до 10,7% общесемейнаго дохода, а заработокъ дѣтей *обоего пола* даже въ послѣдней изъ раздѣленныхъ по доходу группъ, гдѣ дѣтей больше, чѣмъ въ прочихъ—только 45,9%. Такимъ образомъ, *основой* семейнаго дохода дѣйствительно является работа главы семьи, т.-е. *взрослаго рабочаго мужского пола, а заработокъ жены и дѣтей—лишь добавочнымъ къ заработку послѣдняго.*

Но разъ женщина-работница выступаетъ на рынкѣ труда не какъ самостоятельный работникъ, принужденный добывать себѣ *всѣ* средства къ существованію, и не какъ глава семьи, а лишь въ качествѣ одного изъ необходимыхъ добавочныхъ работниковъ, то, естественно, она сама склонна недооцѣнивать свой трудъ. Въ то время какъ мужчина, договариваясь объ условіяхъ найма, всегда имѣетъ въ виду необходимость прокормить на свой заработокъ не только себя, но и дѣтей,—женщина удовлетворяется *всякой* платой, лишь бы она дала семьѣ возможность легче сводить концы съ концами.

Итакъ, женщина, какъ правило, получаетъ за свой трудъ заработную плату такого размѣра, которая часто недостаточна для содержанія даже одного человѣка. Въ Берлинѣ, напр., „типичнымъ въ производствѣ одежды является такой заработокъ: неблестящая работ-

---

sing and Retail Prices, together with the Rates of Wages in certain occupations in the principal industrial towns of the German Empire, Cd 4032, 1908 г., стр. XIX.

[1]) Report etc... in... towns of France, Cd 4512, Лондонъ, 1909, стр. XVI.

[2]) Report etc... in... towns of Belgium, Cd 5065, Лондонъ, 1910, стр. XII.

ница вырабатываетъ 167,25 марки въ годъ, средняя—253,95 марки, крайне ловкая—338 марокъ" [1]). Бебель утверждаетъ, что, при минимальныхъ потребностяхъ, въ Берлинѣ нельзя существовать, имѣя менѣе 10-ти марокъ въ недѣлю или 520 мар. въ годъ [2]). То же самое несоотвѣтствіе заработка потребностямъ *одинокой* женщины мы наблюдаемъ и во Франціи. П. Маруссемъ говоритъ, что, „за исключеніемъ нѣсколькихъ крайне опытныхъ работницъ и хозяекъ мелкихъ предпріятій (chefs des groupements), большинство работницъ получаетъ заработную плату въ размѣрѣ недостаточномъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей даже одинокой женщины" [3]).

Уровень заработной платы, какъ извѣстно, выше въ крупной промышленности, чѣмъ въ мелкой и домашней. Но даже и фабричныя работницы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ оказывающіяся зависящими исключительно отъ своего заработка, принуждены либо вести крайне нищенскій образъ жизни, либо обращаться къ частной и общественной благотворительности, либо торговать своимъ тѣломъ. Въ Англіи отчеты инспекторовъ, наблюдающихъ за выполненіемъ законовъ о бѣдныхъ (inspectors of poor), показываютъ, что многія работницы на дому, заработная плата которыхъ слишкомъ мала, чтобы можно было жить ею, хотя онѣ и работаютъ полное время, получаютъ вспомоществованіе изъ приходскихъ налоговъ. Сверхъ того—хотя и невозможно опредѣлить, въ какой мѣрѣ—работницы съ низкой платой получаютъ вспомоществованіе отъ священниковъ и благотворительныхъ обществъ [4]). По даннымъ анкеты Women's Industrial Council, изъ всего числа вдовъ, заработокъ которыхъ былъ зарегистрированъ анкетой, вспомоществованіе изъ приходскихъ суммъ получали 40,9%, въ размѣрѣ отъ 2 ш. 6 п. до 10 ш. въ недѣлю, такъ какъ размѣръ ихъ заработка достаточенъ въ качествѣ добавочнаго рессурса, но совершенно недостаточенъ въ качествѣ единственнаго источника средствъ къ существованію.

Женщина, такимъ образомъ, зарабатываетъ значительно менѣе, чѣмъ мужчина въ силу того, что выступаетъ на рабочемъ рынкѣ какъ несамостоятельный работникъ. Этотъ выводъ вытекаетъ самъ собой изъ анализа приведенныхъ данныхъ. Но онъ все-таки не всецѣло объясняетъ, въ силу какихъ причинъ связь женской заработ-

---

[1]) Iohannes Timm, „Das Sweating System in der deutschen Konfection-Industrie", Фленсбургъ, 1895, стр. 19.

[2]) См. его „Женщина и Соціализмъ", русск. пер., изд. Саблина.

[3]) La Petite Industrie (Salaire et Durée du travail), t. II, Le vêtement à Paris, par M. P. de Maroussem, Парижъ, 1896, стр. 305.

[4]) См. Home Work amongst Women in Glasgow, by miss Margaret Irwin, Гласго, 1897.

ной платы съ общесемейнымъ доходомъ въ такой сильной степени ухудшаетъ позицію женщины на рынкѣ труда. Ошибочно было бы упустить изъ виду то важное обстоятельство, что, несмотря на фактическое закрѣпленіе за женщинами вообще ихъ роли въ производственной дѣятельности, каждая женщина въ отдѣльности вступаетъ въ ряды индустріальной арміи не съ намѣреніемъ остаться въ нихъ, а съ надеждой бросить работу, какъ только удастся выйти замужъ. Положеніе рабочихъ мужского пола совершенно иное. Процессъ отдѣленія средствъ производства отъ производителя сдѣлалъ для нихъ продажу мускульной силы единственнымъ источникомъ существованія. Мужчина, поэтому, стремится удержать за собой свое положеніе въ производствѣ; онъ смотритъ на работу по найму какъ на свое единственное, въ рамкахъ настоящаго строя, призваніе. Совершенно иначе смотритъ на нее женщина. Для нея „материнство и супружество являются средствами къ существованію, и въ то же время — единственнымъ призваніемъ [1]). И хотя бракъ съ теченіемъ времени становится все менѣе выгоднымъ, какъ источникъ существованія—что слѣдуетъ изъ непрерывнаго роста числа занятыхъ въ производствѣ замужнихъ женщинъ—тѣмъ не менѣе женщина стремится къ нему. *Женщины, въ силу этого, гораздо чаще работаютъ до брака, чѣмъ послѣ него.* Въ Германіи, напримѣръ, „въ 1895 г. изъ 100 рабочихъ-женщинъ были

	Дѣвушки.	Замужнія.	Вдовы.
Въ сельскомъ хозяйствѣ	59,98	22,35	17,66
„ промышленности	68,95	16,48	14,57
„ торговлѣ и путяхъ сообщенія . .	55,89	22,29	21,82
„ сдѣльной работѣ разнаго рода . .	52,28	12,23	35,49
„ общественной службѣ и свободныхъ профессіяхъ	76,88	12,82	10,30 [2])“

Въ Англіи мы находимъ то же преобладаніе незамужнихъ. Такъ, изъ каждыхъ 100 рабочихъ женскаго пола въ 1907 г. здѣсь было въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ [3]).

Дѣвушекъ.	75,85
Замужнихъ	19,89
Вдовъ	4,26

Эти факты являются прекрасной иллюстраціей того, что до сихъ поръ еще женщина сама смотритъ на свое участіе въ производствен-

[1]) „Marriage as a Trade“, by Cicely Hamilton, Лондонъ, 1909, p. V и 22.

[2]) В. Бебель. Женщина и Соціализмъ, стр. 253.

[3]) См. отчеты упомянутой выше переписи—Summary of returns of persons employed in Textile Factories (стр. 7) и Non-textile (стр. 11).

ной дѣятельности какъ на нѣчто непостоянное, временное [1]), а на свой заработокъ—лишь какъ на средство доставить себѣ или семьѣ нѣсколько большую сумму удобствъ. Въ силу этого она не стремится обезпечить за собой прочныхъ позицій на рабочемъ рынкѣ. Женщины не организованы въ такой мѣрѣ, въ какой организованы мужчины, ибо не проявляютъ того интереса къ условіямъ труда, какой необходимъ для процвѣтанія организаціи. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, женщина не выбираетъ въ производствѣ тѣ функціи, которыя, при низкомъ начальномъ заработкѣ, давали бы ей возможность получить необходимую техническую подготовку, а беретъ работу нѣсколько лучше оплачиваемую, но зато не представляющую никакихъ выгодъ въ будущемъ [2]). Такимъ образомъ, она сама себя обезцѣниваетъ на рынкѣ труда...

А. Чекинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА

Довольно неожиданно мнѣ приходится перейти отъ темъ мирныхъ къ темѣ военной. Это тѣмъ болѣе непріятно, что однимъ ударомъ Италія убила значительную долю симпатіи къ ней, какъ къ странѣ гуманной и немножко... немножко отсталой въ смыслѣ цинизма внѣшней политики. Къ ней и относились, какъ къ державѣ-ребенку, очень пылкому, полному наивнаго желанья быть взрослымъ, въ глубинѣ души доброму и справедливому, отзывчивому на все доброе и справедливое. А тутъ вдругъ—ребенокъ заговорилъ басомъ и сразу проявилъ дурныя черты международнаго воспитанія. Это грустно,—но дѣлать нечего. Приходится признать, что Италія, если не хуже, то и не лучше другихъ державъ, взыскующихъ колоній и пренебрегающихъ ради нихъ не только неотложными требованіями внутренней политики, но и обычаями международнаго приличія. Въ результатѣ мы будемъ вынуждены подходить къ ней теперь уже не съ лестной для нея симпатіей и не съ обиднымъ для нея снисхожде-

[1]) По даннымъ Бэдикера, за 1891—1903 гг. изъ германскихъ кассъ обязательнаго страхованія на случай старости и инвалидности было возвращено 32 съ половиною миллiона марокъ *вышедшимъ замужъ и бросившимъ работу женщинамъ*. См. его докладъ V-му Международному Конгрессу по вопросамъ соціальнаго страхованія: Le Développement de l'Assurance Sociale en Allemagne, стр. 34.

[2]) См. Women in the Printing trades, стр. 50, 64—68 и др., а также и Womens Work and Wages, стр. 52—118.

ніемъ, а съ полной серьезностью и строгостью критики. Ибо теперь мы имѣемъ дѣло уже не съ „милой и прекрасной“, а съ сердитой державой, будущей колоніальной имперіей.

Далекій отъ намѣренія говорить о самой войнѣ, даже далекій отъ желанія называть войной то, что произошло между Италіей и Турціей, я хотѣлъ бы ограничиться лишь нѣкоторыми картинками внутренней итальянской жизни, имѣющими связь съ триполитанской аферой. Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, самая война словно бы оканчивается, еще въ сущности не начавшись. Отовсюду идутъ слухи о близкомъ мирѣ, противорѣчивые по перечню державъ-посредниковъ и согласные по признанію основныхъ принциповъ мира: полная уступка Италіи, съ допущеніемъ видимости „почетнаго мира“ для Турціи.

Извѣстно, что правительства, предпринимая какой-нибудь крупный шагъ реакціоннаго характера, шагъ, послѣдствія котораго учесть слишкомъ трудно, ссылаются въ оправданіе его на волю націи. Конечно, нація не всегда мыслитъ разумно, однако навязывать ей чуждыя ей стремленія неосторожно. Такъ напримѣръ, было бы довольно умѣстно сказать, что итальянская нація, въ общемъ, отнеслась бы сочувственно, если не восторженно, къ внезапному захвату Тренто и Тріеста, нѣкогда—итальянскихъ земель, если бы только для подобнаго захвата у Италіи было достаточно силъ. Ирредентизмъ—черта національная, какъ національно въ итальянцахъ нерасположеніе къ союзницѣ—Австріи. Тутъ мы легко найдемъ объясненіе въ недавней исторіи, еще не умершей, еще не стертой памятью; возникни война на этой почвѣ—она легко приметъ окраску войны священной, настоящаго крестоваго похода; она будетъ неразумна, но она будетъ національна. Совсѣмъ другое дѣло походъ на Триполитанію, землю чужую и чуждую. Чтобы обратить этотъ походъ въ популярный, недостаточно простого обращенія къ романтическимъ элементамъ народной психологіи, къ чувству „возмездія“, къ принципу „справедливости“ и „защиты угнетенныхъ братьевъ“. Нужно нѣчто иное, болѣе искусственное и болѣе искусное; нужно, прежде всего, разъясненіе широкой публикѣ нѣкихъ особенныхъ, священныхъ правъ Италіи на эту „обѣтованную землю“—и нужна игра на корыстныхъ чувствахъ населенія, обѣщаніе ему быстраго обогащенія за чужой счетъ, безъ всякихъ жертвъ съ его стороны.

Итальянская націоналистическая печать, во главѣ съ оффиціозной „Трибуной“, поняла и выполнила это прекрасно. Походъ печати на Триполитанію начался незадолго до настоящаго военнаго похода, но былъ веденъ съ неменьшей интенсивностью, въ формѣ подлиннаго натиска на обывательскую психологію. Чтобы обосновать „свя-

щенныя права", вызваны были не только тѣнь Криспи, но и тѣни консула Люція Корнелія Бальба, Септимія Флакка и Светонія Паолина, завоевавшихъ Феццанъ (Phasania) и земли до Судана въ послѣдніе годы до и первые послѣ Рожд. Хр. И хоть мало родства между Септиміемъ Северомъ и Викторомъ Эмануиломъ, но права савойской династіи на Триполитанію были утверждены и разъяснены націоналистической прессой съ немалымъ талантомъ. Съ Киренаикой дѣло обошлось еще проще, такъ какъ, по свидѣтельству историковъ, она была предоставлена римлянамъ по завѣщанію своего послѣдняго короля Птоломея Апіона; потомъ ее усмирялъ Лукуллъ, потомъ Маркъ-Антоній подарилъ ее дѣтямъ своимъ отъ Клеопатры,—однимъ словомъ, здѣсь преемственность савойскаго дома и Джованни Джолитти уже внѣ всякаго сомнѣнія. Все же главнымъ основаніемъ для признанія всей области Триполитаніи за обѣтованную землю итальянцевъ явилось то, что французы заняли Тунисъ, а англичане—Египетъ; „ergo" международной логики подсказываетъ выводъ.

Всего этого, однако, было недостаточно для взрыва патріотическихъ чувствъ въ странѣ. Поэтому, наряду съ историческими справками, пресса занялась красочнымъ живописаніемъ прелестей сѣвернаго побережья Африки. Миновавъ пустыню и песчаныя дюны, совсѣмъ не упоминая ни о великомъ Сыртѣ, ни о близости Сахары, она переселила воображеніе въ оазисы Киренаики, гдѣ трижды въ годъ снимается урожай, гдѣ милліоны пальмъ даютъ караваны финиковъ, гдѣ воткнутая въ землю зубочистка расцвѣтаетъ, какъ жезлъ Аароновъ. Коренное населеніе этихъ странъ только и мечтаетъ, какъ бы вырваться изъ-подъ власти турокъ и попасть подъ мягкую и цивилизующую руку итальянцевъ. Громадная площадь обѣтованной земли, гдѣ сейчасъ приходится лишь одинъ житель на квадратный километръ, не только вмѣститъ весь избытокъ населенія Италіи, но приманитъ и благоустроитъ прежнихъ переселенцевъ, уѣхавшихъ въ Америку. Вмѣстѣ съ тѣмъ убыль безработныхъ въ коренной Италіи новыситъ заработную плату; близость колоніи и новаго рынка продолжитъ расцвѣтъ промышленности на сѣверѣ Италіи и создастъ ее на югѣ. Какой области не коснись—вездѣ и во всемъ пріобрѣтеніе африканской колоніи сулитъ Италіи благополучіе, богатство, счастье народа и славу правителей.

Нѣсколько меньше пресса занималась стратегической выгодой имѣть въ своемъ обладаніи недалекій африканскій берегъ. И, думается мнѣ, не потому, что это вопросъ слишкомъ спеціальный, трудно поддающійся популяризаціи, а просто потому, что еще никто до сихъ поръ не сумѣлъ разъяснить, что, собственно, угрожало Италіи, отъ какихъ перспективъ она защищалась, и подлинно ли защититъ ее отъ

этихъ перспективъ обладаніе плохими портами Триполитаніи? „Стратегическая выгода“ была какъ-то a priori признана всѣми дипломатами и историками, хотя положительно ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ, даже не позаботился обосновать ее серьезно и детально.

Однако, какъ бы ни былъ хорошъ товаръ, но для покупателя важна также и покупная цѣна; вѣдь товаръ можетъ быть подлинно прекраснымъ, да не по карману. На этотъ вопросъ пресса отвѣтила очень рѣшительно: продается за безцѣнокъ, почти даромъ! Турція ослаблена внутренними раздорами, казна ея пуста, окраины ея безпокойны, флотъ ея не заслуживаетъ имени флота, политическая конъюнктура вполнѣ благопріятна Италіи. Въ какія-нибудь двѣ недѣли Триполитанія будетъ нашей, даже безъ пролитія крови, по крайней мѣрѣ христіанской. Проповѣдники похода имѣли право говорить такъ; но они умышленно не занялись вопросомъ о томъ, во сколько обходится населенію даже побѣдоносная война, какими скрытыми путями взимаются съ него военные расходы, отъ сколькихъ двухкопѣечныхъ сигаръ долженъ будетъ отказаться тотъ самый артиллерійскій солдатъ, который заставляетъ пушку выпустить изъ жерла клубъ дыма. Какъ ни странно, но за весь этотъ періодъ патріотическаго подъема самымъ искреннимъ человѣкомъ оказался предсѣдатель совѣта министровъ—Джолитти; однако и онъ въ своей знаменитой программной рѣчи, сказанной на банкетѣ въ Туринѣ, ни словомъ не упомянулъ о томъ, какими чрезвычайными мѣрами правительство думаетъ пополнить казну, пострадавшую и имѣющую пострадать отъ чрезвычайныхъ расходовъ на военныя дѣйствія и отъ предстоящихъ затратъ на устройство колоніи. Объ этомъ вплоть до сегодня никто не упомянулъ ни словомъ, хотя именно этотъ пунктъ интереснѣе всѣхъ другихъ для населенія Италіи, для бѣднаго населенія Италіи, громко объявляющей себя богатой страной. Мы знаемъ только то, что къ данному времени итальянское внѣшнее и внутреннее обложеніе доведено до предѣловъ крайнихъ, что повсемѣстное вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ ежегодно вызываетъ голодные бунты, что за пушки и дредноуты уже заплачено сполна; теперь, когда въ скоромъ времени ея рабочему населенію придется платить за потраченные въ Триполитаніи порохъ и пули, рождается опасность, какъ бы не пришлось демократическому правительству Италіи возвращать населенію его деньги натурой, т.-е. тѣми же пулями и порохомъ.

Что пропаганда печати не осталась напрасной, доказывается, прежде всего, полной неудачей организованнаго протеста противъ триполійской авантюры, начатаго соціалистами и синдикалистами. Вопросъ объ оккупаціи Триполи засталъ рабочую массу и ея вождей врасплохъ, совершенно неподготовленными къ ея оцѣнкѣ. Къ чести

итальянскихъ соціалистовъ нужно сказать, что они отнюдь не склонны трактовать свое отношеніе къ различнымъ политическимъ вопросамъ на основаніи разъ навсегда заготовленныхъ трафаретокъ, предпочитая каждый вопросъ разсмотрѣть особо, примѣнительно ко времени и вѣчно измѣняющимся условіямъ жизни. Въ томъ ихъ сила и въ томъ ихъ слабость, и объясняется это тѣмъ, что итальянскіе соціалисты не догматичны, не склонны преклоняться передъ „желѣзными законами необходимости“ и національны въ исповѣдываніи своей соціалистической вѣры. На этотъ разъ событія развернулись съ такой быстротой, что сговориться о совмѣстномъ дѣйствіи и единомъ отношеніи не хватило времени. Возникъ расколъ вождей, зерна котораго проросли еще много раньше, по вопросу о министеріализмѣ и участіи во власти,—и въ результатѣ рабочая масса оказалась въ значительной степени предоставленною своимъ естественнымъ противорѣчивымъ влеченіямъ. Такимъ образомъ, хотя явленія организованнаго протеста наблюдались повсемѣстно, но нигдѣ они не были достаточно убѣдительными и импозантными; несомнѣнно, что значительная часть рабочей массы безсознательно примкнула къ националистамъ. Я отмѣчаю это не потому, чтобы протестъ рабочихъ могъ воспрепятствовать осуществленію триполійской авантюры, а лишь ради оцѣнки соотношенія итальянскихъ общественныхъ силъ въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій. Нужно, конечно, ввести въ учетъ и развязность дѣйствій правительства, получившаго въ данный моментъ поддержку со стороны патріотически настроеннаго обывателя и воинственно настроенной прессы: оно уже не считало нужнымъ проявлять нейтральность и терпимость къ враждебнымъ противъ него демонстраціямъ, а рѣшительно и рѣзко выступило противъ нихъ. Были приняты крайнія полицейскія мѣры, и во многихъ мѣстахъ итальянская кровь пролилась раньше, чѣмъ первый турокъ палъ жертвой въ неравномъ спорѣ Италіи съ Турціей. Прежде такая усмирительная политика вызвала бы бурю негодованія и требованіе строгаго разслѣдованія и суда надъ агентами полиціи, слишкомъ ретиво пустившими въ ходъ оружіе; теперь громадная часть прессы высказала лишь негодованіе по адресу „предателей отечества“—рабочихъ и одобреніе рѣшительнымъ дѣйствіямъ правительства. А черезъ нѣсколько дней военныя событія на морѣ совершенно изгладили изъ памяти эти маленькія кровавыя пятна на итальянской территоріи.

Итакъ, патріотизмъ побѣдилъ. Замкнувъ границы телеграфной цензурой, правительство до сихъ поръ успѣшно питаетъ этотъ незаконнорожденный патріотизмъ отрадными слухами о грандіозныхъ побѣдахъ итальянскаго оружія и о полномъ сочувствіи всего міра „культуртрегерскому и гуманному крестовому походу Италіи на землю

невѣрныхъ“. Хотя и дешевыя, но побѣды эти достовѣрны. Увлеченію ими помогаетъ то, что до сихъ поръ итальянцы въ каррикатурныхъ битвахъ потеряли людей не больше, чѣмъ пало ихъ до начала войны въ столкновеніяхъ демонстрантовъ съ полиціей и войсками.

Пропуская военныя событія, перехожу къ настроеніямъ даннаго момента, когда Триполитанія фактически уже въ рукахъ итальянцевъ. Психологія его чрезвычайно благопріятна правительству и націоналистамъ и вытекаетъ изъ формулы: „La Tripoli—italiana!“ Триполитанія—наша, Адріатическое море—наше! Теперь уже абсолютно не интересны событія на сушѣ и на морѣ. Мысль патріота-обывателя естественно занята соображеніями, какую же, собственно, пользу можетъ извлечь онъ для себя изъ побѣдныхъ обстоятельствъ? Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось побывать на югѣ Италіи и послушать, что говоритъ тамошній обыватель; я думаю, что онъ всецѣло поглощенъ теперь мыслью о переселеніи въ обѣтованную землю. Думаю такъ потому, что даже здѣсь, въ Римѣ, въ центрѣ осѣдлаго чиновничества, безпокойная обывательская мысль занята тѣмъ же, конечно—платонически! Вы только подумайте: здѣсь квартиры стоятъ безобразно дорого, мясо становится прямо недоступнымъ, даже съ овощами нельзя слишкомъ раскошествовать. Тамъ же,—по убѣжденію римскаго обывателя,—курица стоитъ не болѣе двухъ-трехъ сольди, овощи—даромъ, чиновничьи оклады будутъ вдвое-втрое противъ здѣшняго. Болѣе осѣдлая публика надѣется хотя бы на то, что сплывъ части населенія въ Триполитанію сразу, за полгода, понизитъ цѣну квартиръ; а что сплывъ будетъ—онъ увѣренъ. Простой „математическій“ разсчетъ создаетъ въ немъ эту увѣренность: тамъ приходится одинъ житель на квадратный километръ, здѣсь, въ центральной Италіи—сто одинъ житель на то же пространство! Конечно, я все время говорю о простомъ обывателѣ, самомъ среднемъ, мало свѣдущемъ въ географіи и абсолютно незнакомомъ съ политической экономіей. Именно его психологія намъ болѣе всего интересна, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, въ демократической Италіи, онъ является солью населенія; во-вторыхъ, онъ составляетъ истинное ядро патріотически настроенной массы; въ-третьихъ, у него нѣтъ никакихъ „лидеровъ“, которые разъяснили бы ему нелѣпость его математическихъ выкладокъ; его единственный лидеръ—пресса, мѣняющая окраску въ зависимости отъ момента. Съ интересомъ разглядывая въ газетѣ иллюстраціи, изображающія оазисы Киренаики,—онъ не виноватъ, конечно, что зданіе своего грядущаго благополучія наивно строитъ на песчаныхъ дюнахъ Большого Сырта! И до его сознанія еще не дошло, что неизбѣжное повышеніе налоговъ, въ связи съ войной и расходами на устройство колоніи, падетъ всей тяжестью на него, и

быть можетъ прежде всего будетъ переложено на его обывательскія плечи его же домохозяиномъ, въ видѣ прибавки къ квартирной платѣ! Пока этого не случилось—обыватель погруженъ въ розовыя мечты о непосредственныхъ для него выгодахъ отъ новаго территоріальнаго пріобрѣтенія его отечества...

Попробуемъ теперь, оставивъ итальянскаго обывателя съ его несложной психологіей, заглянуть нѣсколько впередъ и угадать, какое вліяніе можетъ оказать триполійская авантюра на внутреннюю политику Италіи. Есть уже нѣкоторыя данныя для этихъ раннихъ выкладокъ.

Въ другомъ мѣстѣ [1]) мнѣ уже пришлось, безъ особыхъ комментарій, подробно излагать рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, Джованни Джолитти, на политическомъ банкетѣ, устроенномъ въ его честь въ Туринѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что банкетъ этотъ является историческимъ событіемъ и что рѣчь Джолитти была самой умной, дѣльной и смѣлой рѣчью за послѣднее десятилѣтіе. Поскольку рѣчью этой дѣйствительно предначертывается ближайшая внутренняя политика итальянскаго правительства,—постольку ей приходится апплодировать, независимо отъ личности и истиннаго политическаго credo оратора. Джолитти имѣлъ колоссальный успѣхъ; банкетъ, устроенный его либеральными друзьями, принялъ форму національнаго торжества, и самъ министръ былъ истиннымъ тріумфаторомъ. И въ то же время несомнѣнно, что Джолитти развилъ на этомъ банкетѣ широкую демократическую программу, совершенно не отвѣчающую ни моменту патріотическаго подъема, ни вожделѣніямъ тѣхъ, которые являлись иниціаторами его чествованія; въ этомъ сказался не только умъ диктатора Третьей Италіи, но и дерзость его въ обращеніи съ подвластной ему массой парламентскихъ друзей. Достаточно сказать, что лишь въ самыхъ общихъ, условныхъ, избитыхъ выраженіяхъ Джолитти намѣтилъ внѣшнюю политику правительства, удѣливъ ей какъ будто меньше вниманія, чѣмъ частному вопросу о монополизаціи страхованія жизни; ни одного патріотическаго восклицанія, ни намека на широкіе планы. И въ то же время яркими, рѣшительными и совершенно опредѣленными чертами онъ изобразилъ планъ ближайшихъ законодательныхъ реформъ, прежде всего—реформы выборной системы, которую онъ проэктируетъ развить почти до объема всеобщаго голосованія. Этимъ онъ протягиваетъ руку соціалистамъ, завѣдомымъ противникамъ триполитанской авантюры, причиняя горе націоналистамъ и клерикаламъ, ея горячимъ проповѣдникамъ и вдохновителямъ.

---

[1]) „Рус. Вѣд.“ № 226.

Да, нужна была большая смѣлость и самоувѣренность, чтобы въ подобный моментъ выступить съ подобной программой! Сдѣлать это могъ, конечно, только диктаторъ, каковымъ и является Джолитти вотъ уже десять лѣтъ, почти безсмѣнно, во всякомъ случаѣ—оставляя свой постъ лишь для того, чтобы подчеркнуть свою необходимость для Италіи.

Однако скептицизмъ заставляетъ насъ думать, что вслѣдъ за расцвѣтомъ власти и политическаго значенія Джолитти, вслѣдъ за послѣднимъ его тріумфомъ, вскорѣ должно начаться его постепенное умаленіе. Какъ бы искренно ни желалъ онъ сохранить центръ тяжести во внутренней политикѣ,—сила вещей перенесетъ его въ политику колоніальную. Италія не настолько богата, чтобы одинаково расцвѣтать и тутъ, и тамъ. Если ея финансы въ хорошемъ состояніи, то это достигнуто лишь большимъ напряженіемъ платежныхъ силъ населенія. Во всякомъ случаѣ у нея нѣтъ избытка капиталовъ, которые она могла бы перевести изъ метрополіи въ колонію; слѣдовательно колонизація Триполитаніи не будетъ совершаться путемъ естественнымъ, путемъ ближайшаго участія общественныхъ силъ и частныхъ капиталовъ, а потребуетъ напряженныхъ заботъ правительства и казны. Это неизбѣжно отвлечетъ время, деньги и вниманіе отъ внутреннихъ реформъ. Въ концѣ концовъ нужно отмѣтить, что даже Джолитти, такъ рѣзко выставившій на показъ необходимость реформъ внутренняго управленія, въ сущности развилъ главнымъ образомъ политическія реформы, мало стоющія, въ смыслѣ затратъ, какова реформа избирательнаго права; экономическихъ же реформъ онъ почти не коснулся, если не считать монополію страхованія жизни, и лишь слегка скользнулъ по вопросу о народномъ просвѣщеніи. Не было въ его рѣчи и того, чего можно было ждать съ наибольшимъ интересомъ и нетерпѣніемъ: вопроса о югѣ Италіи. Это—слабые пункты программы правительства, какъ бы благопріятна ни была ея общая тенденція. Поэтому мнѣ представляется, что пока Джолитти еще кажется державнымъ и могучимъ, политическія реформы успѣютъ осуществиться, но страха передъ нимъ не хватитъ надолго; а стоитъ его трону разъ поколебаться, какъ рушится все зданіе его благихъ намѣреній, и на этотъ разъ можетъ рухнуть окончательно.

Такимъ образомъ надѣяться на большой прогрессъ въ области внутренняго устроенія Италіи довольно тщетно; скорѣе нужно ожидать реакціи. И первой жертвой колоніальныхъ затѣй Италіи можетъ стать ея злополучный югъ. Сейчасъ этотъ югъ—зона эмиграціи, безпрерывной и усиливающейся годъ отъ году. Эмиграція эта, быть можетъ, выгодна Италіи нѣкоторыми своими сторонами; она является предохранительнымъ клапаномъ противъ вспышекъ на почвѣ безра-

ботицы, она даетъ притокъ капиталовъ извнѣ, она распространяетъ итальянское вліяніе за предѣлы отечества. Но она уже потому не есть явленіе вполнѣ нормальное, что не вызывается избыточностью населенія. Ея истинная причина кроется въ забытости и заброшенности юга Италіи, въ его дурномъ управленіи, въ отсутствіи мелкаго кредита, путей сообщенія, школъ, общественной иниціативы. Какъ бы ни относиться къ итальянской эмиграціи, какими бы мѣропріятіями не превращать ее изъ минуса въ плюсъ,—а одно признать нужно: она родилась изъ ненормальныхъ условій, въ ненормальныхъ условіяхъ развилась, она до сихъ поръ—стихійное явленіе, знаменующее собою бѣгство изъ страны здороваго рабочаго населенія. И это не предположительная характеристика, а голосъ цифръ, свидѣтельство безстрастной статистики, указывающей въ нѣкоторыхъ областяхъ юга на ежегодное абсолютное уменьшеніе цифры населенія. Уже по этому одному говорить о сплавѣ *избытка* населенія по меньшей мѣрѣ странно.

Съ пріобрѣтеніемъ Триполитаніи, итальянская эмиграція должна, конечно, увеличиться, измѣнивъ, одновременно, свой характеръ: изъ преимущественно заокеанской она можетъ обратиться въ преимущественно колоніальную. Съ точки зрѣнія фискальныхъ интересовъ это выгодно, такъ какъ убыль населенія въ метрополіи не скажется въ убыли плательщиковъ косвенныхъ налоговъ, хотя, съ другой стороны, уменьшится притокъ чужихъ денегъ, которыми, благодаря эмигрантамъ, пополнялся тощій карманъ южнаго населенія. Теперь, при развитіи колоніи на свои, итальянскіе капиталы, высылка эмигрантами денегъ на родину будетъ означать перекладку ихъ изъ одного кармана въ другой. Однако, именно въ виду скудости итальянскихъ капиталовъ и, слѣдовательно, проблематичности быстраго развитія колоніи, можно ожидать, что курсъ эмигрантства измѣнится лишь на первое время, въ силу новаго увлеченія новыми надеждами, которыя врядъ ли оправдаются. Въ дальнѣйшемъ увеличивающаяся нужда юга, которому грозитъ теперь еще большая заброшенность, возстановитъ заокеанскую эмиграцію, и все пойдетъ по старому. У Италіи будетъ колонія въ сѣверной Африкѣ, какъ уже есть двѣ въ восточной,—а населеніе будетъ бѣжать въ Америку. Это понятно! Рыба ищетъ—гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше. Условія приложенія силъ въ Америкѣ лучше условій труда въ южной Италіи; но Триполитанія, уже въ силу ея природныхъ условій, не только не выше Апуліи и Калабріи, а въ среднемъ—значительно ниже. И въ южной Италіи есть свои оазисы и своя пустыня; но если ея оазисы, въ силу невниманія къ нимъ правительства, обращаются въ пустыню, гдѣ основанія для увѣренности, что не случится того же и съ благословенной Богомъ и націоналистами Киренаикой?

Этой увѣренности у насъ нѣтъ, опытъ же недалекаго прошлаго вызываетъ опасенія какъ за новую колонію, такъ, въ особенности, и за южную Италію, ея несчастную соперницу. И не за одну южную, а и за нѣкоторыя „пустыни и оазисы“ средней. До сихъ поръ правительству не удалось довести до конца меліорацію своего центральнаго „великаго Сырта“, римской Кампаніи, какъ ни незначительна ея площадь и какъ ни легко можно было бы обратить ее въ цвѣтущій оазисъ. Такихъ земельныхъ площадей въ Италіи немало. Если до сихъ поръ на ихъ культуру не хватало средствъ, гдѣ основаніе для надежды на ихъ расцвѣтъ въ будущемъ, если все вниманіе будетъ отнынѣ обращено на сѣверо-африканское побережье?

Таковы пессимистическія опасенія противниковъ колоніальной политики, опасенія очень основательныя. При этомъ въ данномъ случаѣ я коснулся лишь самаго остраго изъ экономическихъ вопросовъ—вопроса о югѣ Италіи. Есть много другихъ, столь же насущныхъ. И есть еще вопросъ о народномъ просвѣщеніи, объ обращеніи теоретически существующаго всеобщаго обученія въ существующее реально, о недостачѣ 50% нужныхъ для этого школъ, о полной реорганизаціи средняго образованія и т. д. На все это нужны прежде всего деньги и деньги. Не дальше, какъ сегодня, въ „Corriere della Sera“ помѣщена статья Л. Луццатти, ученаго финансиста и бывшаго премьеръ-министра. Онъ полагаетъ, что итальянскіе финансы, не взирая на военные расходы и на недавнія экстренныя траты (землетрясенія, потопы, борьба съ холерой) находятся въ блестящемъ состояніи. Это, конечно, очень утѣшительно, но не очень убѣдительно. Въ колоніальныхъ войнахъ главные расходы падаютъ не на моменты захвата, а на годы упроченія власти и вліянія завоевателей. Финансы блестящи сейчасъ—но будутъ ли они блестящи въ ближайшемъ будущемъ? И, въ концѣ концовъ, при блестящихъ финансахъ все же не хватало денегъ на неотложнѣйшія внутреннія реформы, какъ это признавалъ и самъ Луццатти. Съ точки зрѣнія блага страны, блестящіе финансы — все, когда на очередь ставятся реформы ея внутренняго благоустройства; но перенесеніе центра тяжести во внѣшнюю политику приводитъ порою къ тому, что эти горы золота... свѣтятъ, а не грѣютъ. И очень бы хотѣлось по этому поводу напомнить великому финансисту его собственныя негодующія слова, направленныя по адресу правительства на съѣздѣ „Обществъ прогресса знаній“ въ Падуѣ, въ 1909-мъ году, гдѣ ему пришлось горячо доказывать, что „науки столь же необходимы, какъ оружіе, для защиты государства“, что пора „расширить границы итальянскаго интеллекта“ [1]).

[1]) Luigi Luzzatti. I progressi della scienza e la decadenza della scuola in Italia. Миланъ, 1909.

Такъ пріятно вспомнить эти прекрасныя слова въ тотъ моментъ, когда Италія такъ увлечена не „расширеніемъ границъ интеллекта“, а расширеніемъ границъ государства!

Пытаясь заглянуть въ ближайшее будущее Италіи и ея внутренней политики, я говорилъ здѣсь исключительно объ отрицательныхъ показателяхъ. Сказать ли о положительныхъ? Но вѣдь они все тѣ же, и нисколько не зависятъ отъ даннаго момента—все тѣ же, о которыхъ приходилось говорить уже много разъ, приходится говорить всегда: свободный духъ народа, который не допуститъ торжества политики реакціонной; духъ общественной иниціативы, уже создавшій больше, чѣмъ могло создать правительство; и прежде всего двѣ крѣпкихъ, сильныхъ, не знающихъ устали руки итальянскаго рабочаго, это великое орудіе, которымъ создается прогрессъ, укрѣпляются финансы, раскидываются цвѣтущіе оазисы культуры среди пустынь безграмотности и экономической отсталости. Не будь этого прочнаго и вѣрнаго залога,—мы смотрѣли бы на будущее Италіи, такъ легко увлекшейся миражемъ колоніальной политики, глазами крайнихъ пессимистовъ. Теперь мы смотримъ на него съ надеждой, хотя и тревожной, но все же неумирающей...

Мих. Осоргинъ (Ильинъ).

Римъ. 5 октября.

АРХИВЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. I. Съ 5 портретами. Спб., 1911 г. Стр. XVI+570. Ц. 3 р.

Капитальное изданіе, предпринятое вдовою М. М. Стасюлевича, составитъ—насколько можно судить по вышедшему теперь въ свѣтъ первому тому — драгоцѣнный вкладъ въ исторію нашей общественной и умственной жизни за вторую половину прошлаго вѣка. Обширная переписка М. М. Стасюлевича, распредѣленная въ систематическомъ порядкѣ такимъ опытнымъ архивнымъ работникомъ, какъ М. К. Лемке, освѣщаетъ многія интересныя явленія и событія недавняго прошлаго и даетъ матеріалъ для поучительныхъ сопоставленій съ настоящимъ.

Старыя черты нашей общественности, раздражавшія лучшихъ людей въ эпоху застоя, при императорѣ Николаѣ I, переживаютъ эпоху реформъ Александра II, развиваются и крѣпнутъ въ періодъ

реакціи восьмидесятыхъ годовъ и — къ общему удивленію и недоумѣнію—достигаютъ полнаго расцвѣта и торжества послѣ провозглашенія конституціи 17-го октября. Переписка съ П. А. Плетневымъ, занимающая значительную часть книги (до стр. 234), возстановляетъ предъ нами знакомыя бытовыя картины, отъ которыхъ мы не можемъ избавиться и понынѣ. „Шесть неизвѣстныхъ намъ доносчиковъ и множество безымянныхъ писемъ совершенно вооружили его (митрополита) противъ васъ",—пишетъ Плетневъ Мих. М—чу въ февралѣ 1860-го года, по поводу его публичныхъ лекцій въ университетѣ.—„Я употребилъ всѣ свои доводы и объясненія, чтобы успокоить его, показавши всю нелѣпость и все невѣжество враговъ вашихъ. Это нѣсколько утишило волненіе его, но онъ не могъ скрыть нѣкотораго недовѣрія и къ моему свидѣтельству. Тогда я, чтобы окончательно вывести его изъ подозрѣнія, прямо сказалъ, что я могу выпросить у васъ конспекты самыхъ лекцій, и на этомъ уговорѣ мы разстались". Въ декабрѣ 1863 года М. М. пишетъ Плетневу, что собраніе купеческаго общества предложило ему читать у нихъ лекціи, и онъ избралъ темой „исторію купеческой конторы въ средніе вѣка"; ожидалось только разрѣшеніе предержащихъ властей. Два мѣсяца спустя оказывается, что министры—народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ—„находятъ мысль читать лекціи купцамъ слишкомъ оригинальною", и на этомъ основаніи лекціи были запрещены. Въ октябрѣ 1864-го года М. М. согласился прочесть въ пользу Литературнаго фонда публичную лекцію объ „общественномъ положеніи литератора въ средніе вѣка". Умудренный опытомъ, М. М. высказываетъ опасеніе, „чтобы общественное положеніе профессора въ новыя времена не помѣшало ему говорить объ общественномъ положеніи писателя въ средніе вѣка". „Въ прошедшемъ году, вы знаете,—пишетъ онъ,— это такъ и случилось: мои лекціи были запрещены. Но мы немножко походимъ на средніе вѣка: тогда былъ что̀ городъ, то норовъ, а у насъ—что̀ годъ, то норовъ, и 1863-ій годъ не указъ 1864-му. Посмотримъ, какой норовъ у 1864-го года". Мѣсяцемъ позже М. М. имѣлъ уже возможность сообщить Плетневу, что, какъ гласитъ оффиціальная бумага, „по соглашенію шефа жандармовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ признано неудобнымъ дать ему позволеніе читать публичныя лекціи", о чемъ секретно дано знать комитету Литературнаго фонда. „Самъ же министръ и генералъ-губернаторъ Суворовъ—говоритъ далѣе М. М.—объявили себя въ мою пользу. Я былъ у министра и у Суворова: министръ сказалъ мнѣ, что въ наше время нужно смиряться духомъ и не искать даже своихъ правъ, потому что ничего не получишь, а пріобрѣтешь только репутацію безпокойнаго человѣка. Суворовъ назвалъ при всемъ честно̀мъ народѣ

министра внутреннихъ дѣлъ „дубиною“ и обѣщалъ разузнать въ чемъ дѣло“. „Мои лекціи окончательно запрещены,—пишетъ М. М. въ декабрѣ,—и самое смѣшное—если въ этомъ есть что-нибудь смѣшного—то, что Егоръ Ковалевскій спрашивалъ шефа жандармовъ о причинѣ запрещенія, а онъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ меня; Валуевъ также; однимъ словомъ, по одиночкѣ всѣ согласны и вмѣстѣ запрещаютъ. Теперь обо мнѣ хлопочетъ Суворовъ, но выйдетъ ли изъ того что, не знаю“. „Мои лекціи совершенно погибли—говорится въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ,—не смотря на настойчивость Суворова. Суворовъ впрочемъ добился до причины запрещенія. Вы никогда не угадаете ее: потому что я былъ удаленъ отъ наслѣдника за неблагонамѣренность. Это такой фарсъ, что я могъ только Суворову показать письмо гр. Строганова ко мнѣ по окончаніи лекцій“.

Болѣе серьезный анекдотъ случился около того же времени съ В. Д. Спасовичемъ. Послѣ защиты докторской диссертаціи онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Казань, но вдругъ было приказано задержать его въ Петербургѣ. „Потомъ все объяснилось: правительство обратило вниманіе на рецензію въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ была обругана его диссертація на доктора, какъ сочиненіе неблагонамѣренное“... „Министръ докладывалъ Государю о дѣлѣ Спасовича, и теперь надъ его учебникомъ составлена коммиссія изъ Гагарина, Панина, М. Корфа и Головнина“. „Дѣло Спасовича кончилось тѣмъ, что его уволили отъ званія профессора въ казанскомъ университетѣ, съ которымъ увидѣлись однѣ его книги и вещи, отправленныя впередъ; ему запрещена преподавательская дѣятельность и употребленіе его учебника въ заведеніяхъ“ (декабрь 1864 г.).

Въ мартѣ 1864-го года М. М. окончилъ печатаніе второго тома своей „Исторіи среднихъ вѣковъ“; цензура остановила десять послѣднихъ листовъ, и трудно было угадать въ чемъ дѣло. „Папа Григорій VII Гильдебрандъ оказался нигилистомъ, и его самое важное посланіе отъ 1081-го года оказалось написаннымъ противъ правилъ цензуры 1864-го года. Самъ предсѣдатель цензурнаго комитета Туруновъ убѣдился, что они зашли слишкомъ далеко, и перешелъ на мою сторону, но Касторскій [1]), этотъ... царя небеснаго, произнесъ въ комитетѣ спичъ, изъ котораго явствовало, что само министерство народнаго просвѣщенія не осмѣлилось продолжать мой зловредный трудъ, что со вторымъ томомъ я вынужденъ былъ обратиться въ цензуру, а третій томъ буду печатать уже въ Лондонѣ!.. Въ эту субботу бу-

[1]) Профессоръ всеобщей исторіи въ спб. университетѣ, славившійся своею бездарностью.

детъ новое собраніе комитета исключительно для меня, и Туруновъ обѣщалъ прочесть тамъ мою новую докладную записку". Дѣло на этотъ разъ окончилось сравнительно благополучно. „Второй томъ вышелъ изъ печати почти здравъ и невредимъ; цензура отрѣзала всего строчекъ десять въ статьѣ одного новаго писателя, но за то знаменитое посланіе Гильдебранда, послѣ двухнедѣльной борьбы, прошло цѣликомъ". Еслибы не Туруновъ, то „пришлось бы апеллировать къ Валуеву и его совѣту по дѣламъ книгопечатанія; это стоило бы недѣль шести и могло бы при всемъ томъ кончиться тѣмъ же, чѣмъ кончилась жалоба на ручьи, поданная рѣкѣ, въ которую они впадаютъ". Такія же неожиданныя мытарства повторились съ М. М-чемъ по поводу другой, болѣе случайной работы, принятой имъ на себя въ началѣ 1865-го года. „Вчера былъ у меня книгопродавецъ Вольфъ, получившій право перевода сочиненія Наполеона III о Юліи Цезарѣ,— сообщаетъ М. М.; — онъ проситъ меня, чтобы я взялся перевесть первый томъ на русскій языкъ; авторъ требуетъ, чтобы ему было извѣстно имя переводчика, и Вольфъ сообщилъ мое имя телеграммой въ Парижъ". Черезъ мѣсяцъ М. М. уже пишетъ: „Когда кончу работу, буду писать вамъ и сообщу тѣ мерзости, которыя дѣлались здѣсь по поводу моего перевода; это было нѣчто въ родѣ моихъ публичныхъ лекцій; дѣло дошло до Наполеона, и французское правительство телеграфировало сюда черезъ Талейрана министру иностранныхъ дѣлъ. Теперь все кончилось благополучно".

Центральное мѣсто въ воспоминаніяхъ и перепискѣ М. М-ча, какъ и въ его научно-преподавательской карьерѣ, принадлежитъ эпохѣ преподаванія имъ исторіи цесаревичу Николаю Александровичу, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Двуличная роль оффиціальнаго контролера этихъ лекцій, графа С. Г. Строганова, выяснилась для М. М-ча только впослѣдствіи; на первыхъ порахъ Плетневъ даетъ своему молодому другу нѣкоторые предостерегающіе и напутственные совѣты. „Все, что разсказали вы мнѣ о свиданіи съ инспекторомъ предстоящихъ вамъ занятій,—пишетъ онъ въ іюнѣ 1860-го года,—ясно показываетъ, какъ ему хочется избѣгнуть участи предмѣстника его. Но вы прекрасно сдѣлали, выразившись не обинуясь, что истина и откровенность составляютъ важнѣйшее условіе здравой педагогіи. Предоставленный вашему изслѣдованію періодъ исторіи какъ нельзя болѣе открываетъ вамъ дорогу къ изложенію государственныхъ истинъ, правительственныхъ ошибокъ, частныхъ успѣховъ и ясныхъ причинъ, отъ которыхъ все это зависѣло. Сцена и актеры такъ близки къ зрителямъ, что нѣтъ надобности прибѣгать ни имъ, ни вамъ къ приблизительнымъ или увеличительнымъ стекламъ. Въ новомъ положеніи вашемъ одно и важно и необходимо: у слушателей вашихъ, кромѣ

занятій существенныхъ и важнѣйшихъ, въ головѣ копошится всегда тысяча мелочныхъ дѣлъ, которыя имъ интереснѣе серьезныхъ,—тысяча прирожденныхъ имъ предубѣжденій и предразсудковъ; это вы постоянно помните, и приступая къ своему дѣлу, безъ всякихъ предисловій, сперва коротко, ясно и рѣзко опредѣлите то, что̀ вы намѣрены передать имъ, такъ чтобы кажущаяся легкость предстоящаго труда соблазнила ихъ лѣнивенькое вниманіе, а потомъ самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ обрѣжьте отъ вашей истины (если есть они) ложныя, пошлыя и вымышленныя для угодничества силѣ или власти толкованія, которыми, во вредъ же этой силѣ или власти, обыкновенно изъясняли великія событія. Этимъ способомъ вы не только внесете въ умъ слушателей свѣточъ истины, но и зажмете ротъ на пустыя возраженія, безъ которыхъ не обходятся въ тѣхъ сферахъ, и которыя вы сдѣлаете смѣшными или недостойными воззванія къ новому о нихъ сужденію".

Въ другомъ письмѣ П. А. Плетневъ рѣшительно возражаетъ противъ мысли, что онъ „прошелъ школу" наставника въ эпоху болѣе тяжелую; напротивъ—говоритъ онъ—„то была счастливѣйшая эпоха"; въ школѣ правили тогда „два прекраснѣйшіе человѣка—Жуковскій и Мердеръ; служить съ ними было счастіемъ. Ни зависти, ни искательства, ни интригъ не было въ ту эпоху въ этомъ маленькомъ мірѣ, который безопасно и мирно вѣдалъ только свое дѣло, не заботясь ни о чемъ. Когда по ухищреніямъ безгласнаго комитета составленъ былъ на меня доносъ въ либеральности мыслей и самого преподаванія, какъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, такъ и въ университетѣ (въ подкрѣпленіе чего приложены были выписки изъ моихъ лекцій и образцы приводимыхъ мною примѣровъ), и когда министръ Шихматовъ самъ предувѣдомилъ меня, что послѣ такого происшествія онъ не считаетъ себя въ правѣ представлять Государю, чтобы онъ вновь утвердилъ меня ректоромъ, тогда (что̀ и вамъ конечно извѣстно) мнѣ стоило только написать къ наслѣднику письмо объ этомъ доносѣ, просить его о сообщеніи письма моего на судъ Государя,—и этотъ суровый судья, безъ справокъ, не задумавшись, приказалъ сказать мнѣ, что „онъ противъ меня ничего не имѣетъ". Теперь же господствуетъ разнообразіе въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ; отсюда столь частыя перемѣны лицъ. И сколько ихъ находится во главѣ, въ срединѣ и въ концѣ! Они едва знаютъ другъ друга по физіономіи. О прочемъ нечего и спрашивать. Сходясь безъ уваженія другъ къ другу, одинъ другого опасаясь, не пользуясь нигдѣ какою-нибудь репутаціею геніальнаго лица (хотя бы въ верховой ѣздѣ!), они не осмѣливаются ни защищать никого, ни вѣрить въ свою собственную безопасность. Нынѣшній попечитель самъ сознается, что презираетъ инспектора

классовъ (и онъ конечно правъ въ этомъ), а между тѣмъ онъ не осмѣливается поднять противъ него голоса, потому только, что заботливою матерью когда-то принятъ былъ совѣтъ ввѣрить учебную часть этому шарлатану. По всему этому—заключаетъ П. А. Плетневъ—я готовъ утверждать, что вамъ предстоитъ труднѣйшая эпоха пройти мою школу".

Когда Чичеринъ, послѣ смерти наслѣдника, печатно превозносилъ заслуги графа Строганова, какъ преданнаго и любимаго воспитателя, М. М. возмущался этой неправдой: „мы, преподаватели покойнаго, знавшіе всю подноготную,—писалъ онъ въ іюнѣ 1865-го года,—не можемъ утверждать ничего подобнаго, не покраснѣвъ до ушей: такъ очевидно было противное. Даже Р. (Рихтеръ) кривитъ теперь душой въ пользу Строганова. Я былъ у него, и случай позволилъ мнѣ обдать его холодной водой. Онъ пустился въ похвалы графу, а между тѣмъ у него на столѣ совершенно нечаянно лежалъ второй томъ „Политики" Роберта Моля. Я взялъ эту книгу и спросилъ его: а эту исторію помните? Онъ смѣшался отъ этого вопроса и отдѣлался общимъ мѣстомъ. Исторія же была слѣдующая: въ этой „Политикѣ" есть одна прекрасная глава „о положеніи наслѣдника престола"; я принесъ съ собою эту книгу, и покойный тотчасъ ухватился за нее; но графъ, узнавъ, что это за книга, взялъ ее тотчасъ прочь и сказалъ: „вамъ еще рано читать". Наслѣдникъ весь измѣнился въ лицѣ и вышелъ вонъ изъ комнаты. На слѣдующій разъ мы встрѣтились одни, и онъ меня спросилъ: „скажите, что̀ вы сдѣлали такого ужаснаго?" и, не ожидая отвѣта, продолжалъ: „это ни на что̀ не похоже!"

Въ свое время гр. Строгановъ въ оффиціальномъ письмѣ благодарилъ М. М-ча „за усердіе и смыслъ, съ которыми онъ исполнилъ ввѣренное ему преподаваніе исторіи наслѣднику цесаревичу". „Вы, конечно,—добавляетъ онъ, — вполнѣ сознаете причины, побудившія меня слѣдить такъ постоянно за вашими лекціями. Откровенно сказать: я часто увлекался изложеніемъ и талантомъ вашимъ; но главное для меня было—имѣть убѣдительныя доказательства противъ ложныхъ толковъ, вызванныхъ предупрежденіями однихъ и недоброжелательствомъ другихъ. Теперь защитительное мое слово, въ пользу правды, можетъ быть высказано съ полнымъ сознаніемъ и при совершенномъ убѣжденіи" (стр. 391).

Позднѣе, когда возникъ вопросъ о назначеніи М. М-ча преподавателемъ исторіи въ военной академіи, кандидатура его была отклонена на основаніи какихъ-то заявленій графа Строганова; на него же ссылались при запрещеніи М. М-чу читать публичныя лекціи. Графъ случайно пропустилъ заключительную лекцію его наслѣднику, а о значеніи этой лекціи можно судить по краткому изложенію ея сущ-

ности въ письмахъ къ женѣ отъ 16-го и 17-го іюня 1862 г. „Не буду писать подробностей моего прощанія съ наслѣдникомъ. Сегодня не было ни графа Строганова, ни Рихтера; мы были вдвоемъ. До самаго послѣдняго моего слова онъ не зналъ, что я именно сегодня кончаю лекціи и, повидимому, очень сконфузился. Онъ разсчитывалъ, что я буду съ нимъ заниматься всю ту недѣлю. Дѣло обошлось потому безъ искусственно заготовленныхъ рѣчей; онъ меня разсмѣшилъ предложеніемъ продолжать съ нимъ знакомство... Я вчера читалъ ему о событіяхъ, приготовившихъ французскую революцію, но это было скорѣе рѣчью: я убѣждалъ его не вѣрить, что въ революціи нѣтъ ничего, кромѣ дурныхъ страстей, и просилъ его усвоить себѣ великую истину, что стремленіе къ свободѣ есть не результатъ праздной мысли философовъ, но потребность физіологическаго развитія общества; что задача правительства состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать себя все болѣе и болѣе излишнимъ, и тогда само общество найдетъ для себя такое правительство необходимымъ. Обвиняютъ общество, говорилъ я, что оно не хочетъ признавать дѣйствительныхъ условій жизни и мечтаетъ о небываломъ, однимъ словомъ страдаетъ утопіею будущаго; но и правительство часто не хочетъ признавать дѣйствительныхъ условій и старается управлять обществомъ на основаніи отжившихъ условій и, слѣдовательно, страдаетъ утопіею прошедшаго. Обѣ утопіи происходятъ отъ невѣжества, и если общество можетъ быть невѣжественно, то и правительство можетъ страдать тѣмъ же. Для предупрежденія революцій нужно, чтобы хорошо и основательно изучены были настоящія условія жизни, и потому образованность, а не военная сила, спасаетъ правительство отъ потрясеній... Я просилъ его имѣть всегда храбрость не бояться свѣта науки; пусть онъ не вѣритъ коварству тѣхъ, которые увѣряютъ, что либеральные государи XVIII-го вѣка, какъ Фридрихъ II, Іосифъ II и Екатерина В., ускорили революцію; эти лица не были искренни въ своихъ реформахъ; они хотѣли воспользоваться философскими теоріями для утвержденія деспотизма; переписывались съ Вольтеромъ и гнали тѣхъ, которые читали его. Вотъ что бываетъ источникомъ революціи. Но обо всемъ этомъ я говорилъ полтора часа“ (стр. 411). Это было достойное завершеніе научно-историческихъ уроковъ, преподанныхъ наслѣднику, къ которому М. М. привязался всею душою, какъ къ необыкновенно чистой, свѣтлой личности. Свои чувства къ нему онъ съ необычнымъ для ученаго автора лирическихъ подъемомъ и краснорѣчіемъ выразилъ въ статьѣ, помѣщенной во главѣ третьяго тома „Исторіи среднихъ вѣковъ“ и перепечатанной въ настоящемъ изданіи подъ заглавіемъ: „Изъ прошедшаго“.

Въ письмахъ М. М-ча, относящихся къ первому періоду его науч-

ной дѣятельности, живо обрисовываются наиболѣе характерныя черты его индивидуальности: удивительная способность къ неустанной систематической работѣ, умѣнье производительно употреблять каждый часъ своего времени, обдуманная планомѣрность въ устройствѣ своей жизни, разносторонность общественныхъ интересовъ и какая-то цѣломудренная чистота въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ людьми. Въ іюнѣ 1851-го года онъ сообщаетъ своему бывшему профессору, М. С. Куторгѣ, нѣкоторые изъ своихъ плановъ относительно составленія руководства и изданія исторической христоматіи для непосредственнаго ознакомленія учащихся съ источниками. „Если вы найдете то полезнымъ и согласитесь принять на себя редакцію моихъ трудовъ,—говоритъ онъ далѣе,—то не лучше ли будетъ не стѣснять себя требованіями министра, а трудиться столько, сколько будетъ то нужно, и потомъ издать трудъ, не прибѣгая къ пособіямъ министерства?" Въ Римѣ,—пишетъ онъ тому же Куторгѣ въ концѣ сентября 1856-го года,—„желая осмотрѣть все замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе уѣхать, я работалъ съ шести часовъ утра до вечера и довелъ себя тѣмъ до совершеннаго изнеможенія". Докторъ совѣтовалъ хорошенько отдохнуть, „но время у меня не пропадетъ: я буду писать о своихъ занятіяхъ во Флоренціи и Римѣ". До 1-го ноября онъ предполагаетъ отправить въ Петербургъ два сочиненія—о флорентинскомъ музеѣ degl'Uffici и о римскомъ форумѣ; вслѣдъ затѣмъ въ Парижѣ онъ думаетъ составить обстоятельное описаніе Помпеи. Въ слѣдущемъ письмѣ изъ Парижа онъ уже жалуется на то, что въ суткахъ всего 24 часа: „я здѣсь такъ занятъ, заинтересованъ новизною и удобствомъ заниматься, что мало чувствителенъ къ физическимъ неудобствамъ... Особенно поглощаетъ время чтеніе, а оторваться нельзя: вещи крайне интересныя и необходимо ихъ прочесть... Тотчасъ послѣ начала лекцій я пришлю въ Петербургъ статью по поводу ихъ открытія, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ опишу и составъ здѣшняго министерства просвѣщенія и систему народнаго образованія по послѣднему законодательству 15 марта 1850-го года; свою статью о новыхъ баняхъ въ Помпеѣ привожу къ окончанію и пр." Въ Берлинѣ онъ въ январѣ 1857-го года „успѣлъ положить довольно твердое основаніе изслѣдованію ассизъ" Іерусалимскаго королевства"; въ Лондонѣ онъ восхищался англійскими порядками, музеями и разными общеполезными учрежденіями, находилъ въ устройствѣ Оксфордскаго университета „что-то близкое къ идеалу человѣческаго счастія на землѣ". Изъ Парижа, въ началѣ апрѣля 1858-го года, онъ пишетъ своему близкому знакомому Д. М. Сольскому, что уѣзжаетъ въ Боннъ съ планами двухъ новыхъ работъ, для которыхъ собраны и приготовлены всѣ нужные матеріалы: „въ Боннѣ необыкновенная тишина и спокойствіе;

цѣлые полтора мѣсяца я буду окончательно счастливъ, и этимъ все же я обязанъ Парижу". „Я везу съ собою великолѣпные шахматы и самъ ѣду,—сообщаетъ онъ изъ Берлина въ августѣ того же года,—везу съ собою и коньки, и послѣднее только-что вчера вышедшее изслѣдованіе Моммзена о римской хронологіи до Юлія Цезаря. Все везу и самъ ѣду, но ѣду не весь; многое останется и еще долго останется здѣсь. Мнѣ скучно и весело; и хочется скорѣе возвратиться, но съ тѣмъ, чтобы опять когда-нибудь возвратиться. Ахъ, еслибы вы знали, какіе два года кончаются для меня; какъ хорошо здѣсь!" Весною 1863-го года вышелъ первый томъ „Исторіи среднихъ вѣковъ"; въ декабрѣ М. М. пишетъ Плетневу, что „второй томъ идетъ къ концу", но будетъ вѣроятно издаваться независимо отъ министерства народнаго просвѣщенія, съ главою котораго онъ „не видѣлся до сихъ поръ, отчасти и потому, что отъ этой главы остаются теперь только однѣ ноги". Въ февралѣ 1864 г. онъ измѣряетъ движеніе времени печатными листами своего тома: „сегодня предо мною лежитъ 25-й листъ, а печатаніе началось едва мѣсяцъ тому назадъ; такъ какъ я держу двѣ корректуры, послѣ первой типографской, то мнѣ приходилось въ день по два печатныхъ листа". Черезъ годъ печатается уже третій томъ: въ какихъ-нибудь три мѣсяца пришлось „продержать до ста печатныхъ листовъ корректуры, и притомъ каждаго листа по два раза, а иногда и по три раза". Окончивъ въ сравнительно короткое время трехтомный трудъ, который Плетневъ справедливо назвалъ „исполинскимъ", М. М. въ іюнѣ 1865-го года высказываетъ въ письмѣ къ Плетневу свое намѣреніе „предаться полному отдохновенію"; „на случай, если уже устану отдыхать—поясняетъ онъ,—я взялъ съ собою маленькую работу совершенно въ иномъ родѣ". Эта „маленькая работа" подвигается впередъ среди заграничнаго лѣтняго отдыха, такъ что въ іюлѣ М. М. могъ уже писать своему корреспонденту: „матеріалы готовы до конца, я привожу ихъ въ порядокъ и дѣлаю теперь опытъ къ систематическому изложенію главнѣйшихъ системъ философіи исторіи"; въ сентябрѣ, изъ Трувилля: „мой трудъ приближается къ концу, хотя конецъ дѣлаетъ человѣка все болѣе и болѣе нетерпѣливымъ"; дѣло идетъ „о предисловіи къ книгѣ, о маленькомъ обращеніи къ читателю, о томъ, что гораздо болѣе читается, чѣмъ самая книга, и гдѣ важнѣе всего сохранить спокойствіе духа и тактъ"; въ октябрѣ: „печатаніе моей философіи исторіи уже началось и къ 1-му декабря будетъ окончено; этотъ трудъ послужитъ обширнымъ введеніемъ къ моей журнальной дѣятельности, если только суждено ей когда-нибудь осуществиться". „Вы дѣлаете чудеса",—писалъ ему Плетневъ, и совѣтовалъ подумать о здоровьи.

Эта поразительная, заранѣе разсчитанная и точно размѣренная

быстрота работы, въ соединеніи съ самою щепетильною научною добросовѣстностью и основательностью, не исключала развлеченій и удовольствій, какъ физическихъ, такъ и эстетическихъ, о которыхъ довольно часто упоминается въ перепискѣ М. М-ча. Въ концѣ своего обстоятельнаго и весьма интереснаго отчета о докторскомъ экзаменѣ, въ декабрѣ 1850-го года, М. М. дѣлится съ товарищемъ своимъ Кноррингомъ и своими „посторонними" впечатлѣніями: „Для меня Персіани необыкновенно хороша, но многіе ее бранятъ и не ѣздятъ въ оперу, когда она дебютируетъ; просто предразсудокъ! Тамберликъ также мнѣ понравился, какъ и Маррай; Тамбурини—тотъ-же; Кортези не слыхалъ. Балетъ идетъ прелестно, хотя Эльслеръ гораздо выше Гризи—опять въ моихъ глазахъ. Новый мостъ (Николаевскій) нужно видѣть,—это просто чудо..". Во Флоренціи, въ сентябрѣ 1856-го года, онъ „до того былъ растроганъ и смягченъ мадонною Рафаэля, что не кончилъ въ тотъ день обзора музея и ушелъ домой": „я самъ не вѣрю себѣ,—пишетъ онъ,—у меня на глазахъ навернулись слезы, и я не умѣю назвать это чувство, которое я испыталъ въ тотъ день". Въ Лондонѣ, при осмотрѣ одного изъ музеевъ, въ апрѣлѣ 1857-го года: „въ антракты играла прекрасная музыка, которой я благодаренъ за исполненіе моего любимаго вальса Гунгля: Мечты на океанѣ". Въ Парижѣ онъ „немножко наслаждался и жуировалъ": „два раза былъ въ итальянской оперѣ, и въ Риголетто слышалъ — позавидуйте — Маріо, Фреццолини и Альбани; хотя Фреццолини и бранятъ, но она мнѣ весьма понравилась". Изъ Петербурга, съ своей неизмѣнной Галерной улицы, М. М. сообщаетъ Плетневу за границу, въ февралѣ 1864 года: „третьяго дня, 19-го февраля, на моемъ каткѣ (я членъ не англійскаго клуба, но англійскаго катка на Невѣ) былъ великолѣпный вечеръ на конькахъ; я не видалъ зрѣлища болѣе восхитительнаго. Намъ позволили на Невѣ сдѣлать иллюминацію съ фейерверкомъ. Представьте себѣ огромную ледяную площадь, великолѣпно освѣщенную по краямъ; всѣ катальщики съ факелами, и у катальщицъ на конькахъ укрѣплены разноцвѣтные фонари, и все это движется и летаетъ. Я оставался тамъ только до десяти часовъ...".

Мы могли извлечь только ничтожную часть богатаго матеріала, заключающагося въ первомъ томѣ „переписки" М. М. Стасюлевича; по этимъ немногимъ указаніямъ можно уже судить о степени интереса этого изданія для русской образованной публики. Первый томъ заканчивается моментомъ основанія „Вѣстника Европы".

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Александръ Закржевскій. Подполье. Психологическія параллели. Достоевскій, Л. Андреевъ, Ѳ. Соллогубъ, Л. Шестовъ, А. Ремизовъ, М. Пантюховъ. Кіевъ, 1911. Ц. 1 рубль.

Недавно вышелъ сборникъ автобіографій современныхъ писателей, составленный г. Фидлеромъ. Весьма многіе изъ нихъ указали на Достоевскаго, какъ на писателя, оказавшаго на нихъ особо сильное вліяніе. Г. Закржевскій не только подвергся этому вліянію, притомъ воспринятому подъ угломъ зрѣнія г. Шестова, которому посвящена книга,—но, можно сказать, подавленъ Достоевскимъ. Внѣ круга нѣкоторыхъ идей Достоевскаго, авторъ „Подполья“ не видитъ и свѣта. Съ настроеніями „Записокъ изъ подполья“ г. Закржевскій связываетъ перечисленныхъ въ заголовкѣ писателей и, какъ видно изъ сообщенія на обложкѣ его книги, намѣренъ вести едва ли не всю новую литературу отъ Достоевскаго, отъ его „подполья“, „карамазовщины“ и религіи.

„У Достоевскаго бывали мгновенія,—начинаетъ г. Закржевскій— когда вся душа уходила во внутрь и, обагрившись кровью и желчью, выливалась въ надрывающій стонъ проклятья, или въ тихую, нѣжную музыку молитвы, или въ истерзанную мистерію садическаго оргіазма. Такъ родилось произведеніе, которое можно назвать наиболѣе адэкватнымъ выраженіемъ одной стороны его души, произведеніе, заключающее въ себѣ квинтэссенцію современности—„Записки изъ подполья“. Въ чемъ усмотрѣлъ г. Закржевскій въ „Запискахъ изъ подполья“ — „тихую, нѣжную музыку молитвы“, понять трудно: просто эта „музыка“ подвернулась здѣсь подъ перо, какъ и множество другихъ ненужныхъ и большею частью вычурныхъ образовъ, выраженій и фразъ, какими написана почти вся книга, мѣстами — до затемнѣнія смысла. Какъ бы ни было, авторъ стоитъ на своемъ: „подполье! Сколько въ этомъ словѣ таится понятнаго, близкаго, современнаго. Чья душа не переживала муку подполья и *радость* его. Въ него сходитъ, какъ въ единственно возможный пріютъ, все отброшенное и замученное жизнью, все усталое и погибшее, все необычное и изломанное, все надорвавшееся и истерзанное, все святое и раффинированное... Здѣсь скрываются тихія души, обиженныя судьбою, слишкомъ ранніе пророки, безумцы, лелѣющіе въ мысляхъ какую-нибудь очень смѣлую и очень необычную мечту, вѣчные странники и не удовлетворенные искатели истины, для которыхъ уже погасло солнце и чернымъ, зло-

вѣщимъ пламенемъ вспыхнула родная и понятная тьма. Это кладбище стараго міра, міра подгнившаго и валящагося, но который будетъ стоять еще много вѣковъ, и мертвецы живые, въ глухую полночь, когда потухаетъ надоѣвшее солнце и спятъ ненавистные люди, они поднимаются въ своихъ кельяхъ и вершаютъ свое таинство, мрачное и жестокое, таинство жуткой, тупой боли и кровавыхъ слезъ и проклятій". Таково подполье, по опредѣленію г. Закржевскаго. Онъ видитъ въ немъ „краеугольный камень творчества Достоевскаго, ту мысль, изъ которой родилось все великое и удивительное въ его произведеніяхъ, мысль, свѣтящую міру, какъ спасительный факелъ". Эту мысль авторъ сначала усматриваетъ въ словахъ Достоевскаго о томъ наслажденіи, въ какое можетъ погружаться въ подпольѣ спрятавшаяся туда душа. „Нужно уйти изъ жизни, нужно бѣжать изъ этого ада, насыщеннаго горечью человѣческихъ слезъ и крови, бѣжать туда, въ тѣ мрачные подвалы души, манящіе неизвѣданной тайной, и тамъ, въ блаженствѣ одиночества, въ пьяномъ чаду страданья разрушать эту жизнь и созидать храмъ своего царства и своей воли. Да, только въ этомъ — спасеніе, только въ этомъ исходъ. Ибо вотъ уже разрушается душа отъ надрыва и подгниваютъ корни жизни, ибо вотъ ростутъ жуткіе замыслы о возможности всемірнаго разрушенія". Въ концѣ концовъ, однако, всетаки „остается любить свою боль и въ этомъ видѣть смыслъ жизни. Вотъ, гдѣ родилось самое странное, самое великое и самое святое въ Достоевскомъ".

Итакъ, въ воображеніи г. Закржевскаго, Достоевскій превратился въ пророка всемірнаго разрушенія. Конечно, Достоевскій до извѣстной степени объективировалъ въ своихъ произведеніяхъ собственныя душевныя настроенія и переживанія. Но г. Шестовъ и за нимъ г. Закржевскій въ томъ, что самъ Достоевскій отвергалъ въ себѣ, съ чѣмъ онъ неустанно боролся, видятъ выраженіе подлинной его сущности и поднимаютъ на пьедесталъ. Эта тенденція превращенія Достоевскаго то въ Ницше, то въ анархиста, то въ атеиста, не можетъ выдержать критики. Творческимъ огнемъ Достоевскаго была его неподражаемая по страстности, искренности и глубинѣ борьба съ диссонансами собственной души. Дѣйствительно великое и святое, было именно въ этой борьбѣ, а не въ самыхъ диссонансахъ. Достоевскій во многомъ—типическій романтикъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. Напомнимъ опредѣленіе романтизма, данное Бѣлинскимъ въ 1841 г., когда Достоевскій въ Инженерномъ училищѣ упивался Шиллеромъ, Гофманомъ, Викторомъ Гюго. „Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ...

Горе тому, кто соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, вглубь себя, чтобы питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его. Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности". „Вдохновенный безумецъ", Достоевскій и въ самомъ дѣлѣ развѣ не былъ всецѣло погруженъ въ эту „пучину"? Предъ лицомъ вѣчныхъ вопросовъ онъ „питался блаженствомъ страданія", отвращаясь отъ чуждаго и страшнаго міра дѣйствительности. Въ лицѣ героя изъ подполья имъ и объективировано одно изъ такихъ переживаній — но не какъ нѣчто святое и великое, а какъ отвратительное въ своей односторонности извращеніе человѣческой натуры. Творчество Достоевскаго, какъ творчество Гоголя, было яркимъ осуществленіемъ романтической формулы, высказанной въ болѣе близкое къ намъ время Ибсеномъ: „жить—значитъ бороться съ темными силами души, творить—вершить судъ надъ собою". Въ „Запискахъ изъ подполья", полемизируя съ утопическимъ оптимизмомъ Чернышевскаго отъ лица злобнаго автора „Записокъ", Достоевскій судилъ и осудилъ и самого героя. Нельзя придавать объективное значеніе образамъ Достоевскаго, нельзя ставить ихъ какъ бы выше его самого. Помимо этой основной ошибки, г. Закржевскимъ большею частью вѣрно указано сродство съ болѣзненными диссонансами Достоевскаго нѣкоторыхъ мотивовъ у Леонида Андреева и другихъ. Но заключеніе книги столь же непріемлемо, какъ и ея начало. „Достоевскій въ „Запискахъ изъ подполья" создалъ то, что нужно для жизни — великую и широкую почву отрицанія"... У него, будто бы, „не было другой мысли, кромѣ той, что только въ хаосѣ и разрушеніи возможна истинная жизнь, не творчество, не искусство, а жизнь". Авторъ ставитъ въ вину писателямъ-современникамъ, что они не слѣдуютъ въ жизни этому, усвоенному ими отрицанію, а твердятъ о немъ только на бумагѣ. „Для того — говоритъ онъ,—чтобы страданіе осталось искреннимъ и правдивымъ, для того, чтобы оно могло отомстить за себя и испепелить самую возможность лжи, остается только одно: *предать проклятію всякое искусство*" (курсивъ автора).

Книга г. Закржевскаго представляется намъ искренней, и именно поэтому мы остановились на ней, какъ на характерномъ знаменіи времени, какъ на возрожденіи романтическаго культа уединеннаго демоническаго страданія и всеразрушающей ненависти. Эти настроенія сами собою должны исчезнуть при выходѣ русскаго общества на просторъ, на болѣе свободную дорогу. Что касается автора, то его

любовь къ искусству, которое онъ готовъ проклясть во имя своего культа страданія, выведетъ его, быть можетъ, изъ тупика подпольныхъ настроеній и изъ-подъ власти больныхъ мыслей Достоевскаго.

— А. Д. Алферовъ. Родной языкъ въ средней школѣ. Опытъ методики. М. 1911.

Методика—есть ли что-нибудь столь скучное, нужное только спеціалистамъ, „человѣкамъ въ футлярахъ", какъ методика? Таковъ, вѣроятно, взглядъ огромнаго большинства читателей на всякаго рода педагогическія руководства. Книга г. Алферова можетъ разсѣять подобныя предубѣжденія. Это—выдающееся въ педагогической литературѣ явленіе, могущее заинтересовать всякаго, кому дорогъ родной языкъ, дороги общія судьбы нашей средней школы, съ ихъ огромнымъ вліяніемъ на развитіе подростающей массы. „Мы, преподаватели средней школы, въ дѣлѣ преподаванія—читаемъ въ предисловіи—всѣ самоучки. Мы знаемъ и примѣняемъ на дѣлѣ то, что даетъ намъ случай". Итоги своихъ случайныхъ наблюденій и опытовъ авторъ и хотѣлъ изложить въ своей книгѣ. Въ дѣйствительности, это вовсе не „случайныя наблюденія и знанія", а итогъ продолжительнаго, серьезнаго опыта, вдохновляемаго настоящей любовью къ педагогическому призванію. Предъ нами педагогъ-энтузіастъ, но его энтузіазмъ не разбрасывается фейерверкомъ громкихъ фразъ и широкихъ, но мало обоснованныхъ обобщеній: онъ сдержанъ, дисциплинированъ отчетливымъ знаніемъ условій школы, пониманіемъ дѣтей и подростковъ, и широкой постановкой общихъ задачъ школы, какъ орудія подъема культуры. Самое значеніе методическихъ пріемовъ преподаванія въ средней, да и въ высшей школѣ горячо авторъ мотивируетъ настоятельною необходимостью экономизаціи просвѣтительныхъ силъ. „Въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-нибудь еще нужно звать къ знанію, раскрывать увлекательныя стороны работы надъ нимъ". Книга и указываетъ важнѣйшіе испытанные авторомъ методическіе пріемы преподаванія, „но—какъ постоянно оговаривается авторъ — „вовсе не съ цѣлью навязать кому бы то ни было готовую систему, рецептуру, а чтобы облегчить отысканіе любымъ преподавателемъ своего пути"; настоящій указатель этого пути всетаки въ самомъ преподавателѣ, въ его интересѣ и любви къ дѣлу, въ его вниманіи къ духовной жизни учениковъ, въ его тактѣ, вкусѣ, въ его творческихъ способностяхъ, въ его собственномъ движеніи впередъ. „Самъ имѣй живую душу и умѣй будить ее въ другихъ"—остается, и кажется всегда останется, главнымъ ключомъ къ успѣху на скромной, но способной порой давать глубокое удовлетвореніе дорогѣ учителя". Устанавливая, вслѣдъ за общими понятіями о роли методики, задачу средней школы, авторъ на первый планъ выдвигаетъ однородность

этой школы со всякою другою, въ смыслѣ усвоенія научныхъ знаній и пріемовъ ихъ добыванія. Отрицая самую мысль о „законченномъ образованіи“, какое будто бы можетъ давать средняя школа, авторъ ставитъ ея задачею вести вмѣстѣ съ ученикомъ сознательную и критическую работу надъ матеріаломъ, предлагаемымъ отдѣльными предметами, въ цѣляхъ усвоенія научныхъ навыковъ и даже введенія, гдѣ то возможно, въ движеніе науки. Опредѣляя мѣсто родного языка въ средней школѣ, авторъ отнюдь не увлеченъ до крайности его возможною ролью; „ему пора оставить претензію на господство, на первенство и на особую общеполезность — эту претензію, унаслѣдованную отъ гуманистической школы. Тѣмъ болѣе родной языкъ не можетъ быть поставленъ какъ основной предметъ въ средней школѣ, что самый составъ и объемъ этого предмета очень споренъ: въ него вносится много субъективнаго, а въ научной разработкѣ этого вопроса сдѣлано пока еще мало“. Глава: „Современный русскій языкъ, какъ предметъ преподаванія въ средней школѣ“ содержитъ въ себѣ очень цѣнныя и оригинальныя мысли о томъ шаблонномъ, банальномъ и безвкусномъ языкѣ, точно обще-газетномъ и канцелярскомъ, какой вырабатываетъ теперь у своихъ питомцевъ школа, сосредоточившаяся на изученіи литературныхъ „образцовъ“, пренебрегающая живымъ народнымъ говоромъ и не цѣнящая личнаго творчества учащихся въ выраженіи мыслей. Дальше авторъ переходитъ къ болѣе спеціальнымъ сторонамъ дѣла, къ вопросамъ о введеніи историческаго преподаванія языка, о грамматикѣ, о правописаніи, объ объяснительномъ и выразительномъ чтеніи, объ ученическихъ сочиненіяхъ и т. д. И здѣсь, не говоря о спеціалистахъ, рядовой читатель, интересующійся тѣмъ, чему и какъ учитъ школа его дѣтей, найдетъ много свѣжаго матеріала и интересныхъ замѣчаній. Оригинальна, напр., глава о томъ, какъ пользоваться для изученія родного языка переводами съ иностранныхъ языковъ. Всюду авторъ освѣщаетъ свое изложеніе справками, какъ обстоитъ дѣло со средней школой и роднымъ языкомъ въ ней за границей (особенно въ Германіи). Эти справки иногда очень любопытны, показывая, что и тамъ средняя школа болѣетъ существенными недостатками, иногда тѣми же, что и у насъ. Въ концѣ книги даны обширныя приложенія, въ томъ числѣ тексты ученическихъ сочиненій, какъ наглядный результатъ методическихъ пріемовъ автора книги, и двѣ статьи: о сказкахъ Андерсена и о дисциплинѣ и воспитаніи.—Ч. В—скій.

— Александръ Рославлевъ. Разсказы. Книга первая. Спб., 1912. Ц. 1 р. 25 к.

У автора есть и наблюдательность, и внѣшняя литературность. Несчастіе его состоитъ въ одномъ: въ неоригинальности, въ несамо-

стоятельности. На всѣхъ разсказахъ его лежитъ отпечатокъ столь распространенной въ наши дни склонности къ философствованію. Философія г. Рославлева довольно смутна и безвкусна. Это какая-то странная, пестрая смѣсь толстовства, ницшеанства и достоевщины. Герои его ни одного слова не скажутъ въ простотѣ, отъ сердца. Да и есть ли въ нихъ сердце, живое человѣческое сердце? Если прислушаться къ ихъ собственнымъ словамъ и самохарактеристикамъ, то можно усомниться. „Наша бѣда въ томъ, что мы себѣ лгали, — говоритъ своей возлюбленной герой разсказа: „Карнавалъ";—это потому, что у насъ нѣтъ главнаго: вѣры нѣтъ... мы же вѣдь ни во что не вѣримъ, ни въ себя, ни въ любовь, ни въ Бога—ни во что, мы новаго не нашли, а старое потеряли, поэтому выходитъ только одна скверность. Мы все себѣ позволили, а въ душѣ—дупло, полнѣйшая пустота. Мы умничаемъ, оправдываемся, и все въ грязь, въ грязь и въ грязь"... Грязи въ жизни героевъ Рославлева, дѣйствительно, много. Авторъ изображаетъ ее какъ будто бы съ особеннымъ удовольствіемъ, смакуя тѣ сцены, въ которыхъ его герои падаютъ особенно низко. На всѣхъ людскихъ отношеніяхъ у г. Рославлева лежитъ печать пошлости, нечистоплотности и взаимнаго неуваженія. Хозяинъ, сообщающій гостьѣ „вполголоса, незамѣтно за шумомъ разговоровъ, разныя неприличныя подробности изъ жизни своихъ гостей"; промотавшійся князь, выпрашивающій деньги у проститутки, а затѣмъ ворующій брошь у своей возлюбленной, пока она спитъ; модернизированная Мессалина, рѣшающая „проблему пола" при участіи каждаго встрѣчнаго, не исключая и лакеевъ и воображающая, что она осуществляетъ какую-то особенную свободу; деревенскій священникъ, продающій насильнику свою племянницу-сироту и т. п.—это цѣлый калейдоскопъ всевозможныхъ шулеровъ, кутилъ, распутниковъ, которые мѣшаютъ жить другимъ и въ концѣ концовъ убиваютъ себя, сходятъ съ ума или покушаются на самоубійство. Можетъ быть, на землѣ и есть подобныя личности, но онѣ растворены въ большомъ океанѣ жизни и не бросаются въ глаза. Г. Рославлевъ сосредоточилъ на нихъ все свое вниманіе, посвятилъ имъ цѣлую книжку. Трудно допустить, что это сдѣлано вполнѣ искренно, по внутреннему влеченію, что таковъ выборъ и вкусъ автора. Вѣрнѣе видѣть тутъ подражаніе модѣ (къ счастью, кажется, уже проходящей): нарисовать картину какъ можно страшнѣе и безобразнѣе, и непремѣнно съ надрывомъ и надсадомъ, съ истеріей, въ духѣ Достоевскаго, такъ плохо понятаго молодыми писателями. А вѣдь г. Рославлевъ можетъ быть недурнымъ разсказчикомъ, когда онъ не задается непосильными ему цѣлями и обходится безъ вычуръ. У него отчетливая изобразительность, есть способность заинтересовать, а иногда и трогать, живой и литературный языкъ.

Съ внѣшней стороны недостаткомъ разсказовъ г. Рославлева является ихъ чрезмѣрная растянутость и нестройность. Подражая современной отрывистой манерѣ повѣствованія, авторъ перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, поперемѣнно обращаясь то къ одному, то къ другому герою („Черезполосица"). А это совсѣмъ ему не идетъ; получается, дѣйствительно, черезполосица.—Е. Колтоновская.

— А. И. Ярошевичъ. Очеркъ хуторскихъ хозяйствъ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1911.

— А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Выпускъ IV. Бывшіе общинники уманскаго уѣзда. Кіевъ. 1911.

Различіе такъ называемыхъ земскихъ и неземскихъ губерній ярко выражается, между прочимъ, въ положеніи дѣла экономическаго изслѣдованія соотвѣтствующихъ мѣстностей. Тогда какъ земскія губерніи, въ большинствѣ, изучены вдоль и поперекъ, а для крестьянскаго хозяйства, въ частности, имѣются сплошныя массовыя данныя, полученныя путемъ непосредственнаго наблюденія, изслѣдователь, напр., Кіевской губерніи, А. И. Ярошевичъ, считаетъ весьма цѣннымъ матеріаломъ для характеристики крестьянскаго хозяйства имѣющіяся у него свѣдѣнія относительно нѣсколькихъ десятковъ селеній и нѣсколькихъ тысячъ домохозяевъ на всю губернію, собранныхъ по инициативѣ правительства, желающаго „организовать агрономическую помощь населенію, задѣтому новѣйшими землеустроительными мѣропріятіями", и находившаго нужнымъ предварительное изслѣдованіе положенія хуторскихъ и отрубныхъ хозяйствъ. При фактическомъ выполненіи этой мысли задача изслѣдованія была расширена распространеніемъ его на нѣкоторое число хозяйствъ обычнаго черезполоснаго типа, для сравненія съ ними хозяйствъ хуторского и отрубного. Первыя хозяйства были изслѣдованы, однако, менѣе внимательно, а подробныя монографическія описанія ихъ почти не коснулись.

Указанныя въ заголовкѣ нашей замѣтки книги г. Ярошевича заключаютъ въ себѣ разработку данныхъ, собранныхъ этимъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Используя матеріалы и другихъ источниковъ, авторъ далъ первому изъ вышеуказанныхъ трудовъ болѣе широкое содержаніе, пытаясь охарактеризовать „типы сельско-хозяйственной дѣйствительности Кіевской губерніи" вообще, описывая и крестьянское надѣльное, и владѣльческое хозяйство. Положеніе крестьянъ разсматривается здѣсь со стороны земельнаго ихъ обезпеченія, снабженія живымъ и мертвымъ инвентаремъ, пріемовъ обработки ихъ земли и признаковъ улучшенія хозяйства. Но, по свойству имѣющагося матеріала, многое обрисовано самыми общими чертами, а относительно нѣкоторыхъ вопросовъ трудно даже сказать, насколько нарисованная артина типична для губерніи вообще. Болѣе отвѣчаетъ поставленной

задачѣ краткая характеристика владѣльческаго хозяйства—собственно, наиболѣе крупныхъ свекловичныхъ хозяйствъ, задающихъ „тонъ хозяйственному развитію“ губерніи; для нихъ имѣются обстоятельныя монографическія описанія.

Главное назначеніе разсматриваемаго труда заключается въ изслѣдованіи хуторского и отрубного крестьянскаго и колонистскаго землевладѣнія и хозяйства стараго и новаго образованія, при чемъ наибольшее вниманіе удѣлено старымъ хуторамъ, успѣвшимъ болѣе или менѣе опредѣлиться; они быть можетъ, послужатъ образцами для вновь возникающихъ подворниковъ. Въ агрикультурномъ отношеніи хозяйства эти представляютъ значительное разнообразіе; выше всѣхъ стоятъ чешскія хозяйства, затѣмъ нѣмецкія и, наконецъ, малорусскія подражающія, гдѣ это возможно, нѣмецкимъ. Хозяйство этихъ хуторянъ, по крайней мѣрѣ не малоземельныхъ, находится сравнительно въ удовлетворительномъ состояніи; но можно ли ожидать того же для хозяйства хуторовъ, возникающихъ по закону 10-го іюня—сказать не беремся. Обратимъ лишь вниманіе на то обстоятельство, что старые хутора образованы (на купленной землѣ) самостоятельно, болѣе энергичными и зажиточными крестьянами, а между тѣмъ болѣе половины этихъ хуторовъ, имѣющихъ до пяти десятинъ, и до половины хозяевъ, пользующихся 5—7 дес., не имѣютъ рабочаго скота. Каково значеніе этого факта для будущаго новыхъ хуторянъ, много ли устойчивыхъ домохозяевъ создастъ въ юго-западномъ краѣ новѣйшая землеустроительная политика и какой цѣной будетъ куплено нарожденіе „сильныхъ“ домохозяевъ — объ этомъ можно судить по тому, что средній семейный участокъ кіевскаго крестьянина едва превосходитъ три десятины, а въ сосѣдней, подольской губерніи 84% крестьянъ имѣютъ не болѣе 5 дес. на дворъ полевой земли.

Мѣстныя изслѣдованія, разработанныя г. Ярошевичемъ, „явились первымъ обслѣдованіемъ крестьянскаго хозяйства Кіевской губ.“ Этимъ опредѣляется значеніе цитированныхъ нами книгъ, составляющихъ оттискъ изъ двухтомнаго оффиціальнаго изданія: „Хуторскія хозяйства Кіевской губерніи“.—В. В.

— „Отчетъ о санитарномъ состояніи русской арміи за 1909-й годъ“. Изданіе Главнаго Военно-Санитарнаго Управленія. С.-Петербургъ, 1911 г.

При оцѣнкѣ данныхъ о санитарномъ состояніи арміи необходимо постоянно имѣть въ виду, что въ арміи, въ смыслѣ физическаго здоровья, собирается цвѣтъ населенія всей страны, что армія въ массѣ своей однообразна по возрастному составу, жизнеспособному и устойчивому, и что, наконецъ, въ силу условій жизни арміи, въ силу существующихъ въ ней надзора и дисциплины проведеніе всякаго рода

санитарныхъ мѣропріятій возможно въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ въ средѣ массы населенія.

При среднемъ списочномъ составѣ войскъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, въ 51.025 офицерскихъ и 1.260.220 нижнихъ чиновъ, въ отчетномъ году заболѣло офицерскихъ чиновъ 23.017 чел., умерло отъ болѣзней 371 чел., отъ несчастныхъ случаевъ—20 чел. и отъ самоубійства 82 чел.; нижнихъ чиновъ заболѣло 568.927 чел., изъ которыхъ 39.655 чел. пользовались въ околоткахъ и 529.272 чел. въ разнаго рода лѣчебныхъ заведеніяхъ; умерло 5.131 чел., въ томъ числѣ отъ болѣзней 4.449 чел., отъ несчастныхъ случаевъ 419 чел. и отъ самоубійства—263 чел. По неспособности къ службѣ уволено нижнихъ чиновъ 52.490 чел. Въ относительныхъ цифрахъ (на 1.000 чел. списочнаго состава) заболѣваемость и смертность офицерскихъ и нижнихъ чиновъ будетъ слѣдующая: заболѣваемость офицерскихъ чиновъ 451,1 (480,4) [1]), смертность отъ болѣзней 7,27 (6,87), отъ несчастныхъ случаевъ 0,39 (0,73) и отъ самоубійствъ 1,61 (2,08); заболѣваемость нижнихъ чиновъ 451,5 (441,6), смертность отъ болѣзней 3,53 (3,30), отъ несчастныхъ случаевъ 0,33 (0,37), отъ самоубійства 0,21 (0,19).

Среди болѣзней, поражающихъ армію, первое мѣсто по числу заболѣваній занимаютъ общія заразныя, давшія 16% всѣхъ заболѣваній; за ними идутъ болѣзни органовъ дыханія—11,5%, сифилисъ и венерическія болѣзни—10,6%, болѣзни органовъ пищеваренія—10,3 и т. д. По числу смертныхъ случаевъ выдѣляются общія заразныя болѣзни—66,3% общаго числа умершихъ, болѣзни органовъ пищеваренія — 7,3%, болѣзни органовъ дыханія — 6,8%. Среди отдѣльныхъ формъ болѣзней на первомъ мѣстѣ по числу смертныхъ случаевъ стоитъ брюшной тифъ, давшій 22,7% общаго числа умершихъ, далѣе идетъ бугорчатка легкихъ—16,9%, крупозная пневмонія—10,2%, бугорчатка прочихъ органовъ 3,5%. Холера въ отчетномъ году дала 135 заболѣваній. Большое число заболѣваній брюшнымъ тифомъ свидѣтельствуетъ, конечно, о большихъ санитарныхъ дефектахъ во многихъ войсковыхъ частяхъ. Больные бугорчаткой, какъ отмѣчаетъ отчетъ, чаще встрѣчаются среди солдатъ, прослужившихъ одинъ, два года, чѣмъ среди молодыхъ солдатъ. Кромѣ указанныхъ болѣзней, заслуживаютъ особаго вниманія еще оспа и цынга. Первая, для борьбы съ которой имѣется могучее средство въ видѣ вакцинаціи и ревакцинаціи, совсѣмъ не должна бы имѣть мѣста въ арміи. Если во *всей* Германіи случаи оспы за годъ считаются единицами или вовсе отсутствуютъ, то 226 случаевъ ея въ арміи представляютъ уже огромную цифру заболѣваній. Что касается цынги, то

[1]) Въ скобкахъ показаны соотвѣтствующія цифры 1908 г.

въ отчетномъ году заболѣло ею 787 чел., при чемъ первое мѣсто по числу заболѣваній этой болѣзнью занимаетъ Петербургскій округъ. „Цынга—справедливо говоритъ отчетъ,—лучшій показатель тѣхъ основныхъ санитарныхъ условій, въ которыхъ живетъ нашъ солдатъ. Части, расположенныя въ Петербургѣ, живутъ въ крайне неудовлетворительной санитарной обстановкѣ. При этомъ надо замѣтить, что гвардейскіе полки, квартирующіе въ окрестностяхъ Петербурга, почти не даютъ цынги. Вполнѣ понятно изъ этого, что жилищный вопросъ въ обиходѣ петербургскихъ гвардейскихъ частей поставленъ крайне неудовлетворительно. Въ смыслѣ питанія приходится указать на слишкомъ большое количество постныхъ дней за сравнительно небольшой промежутокъ времени. Тѣ-же 100 постныхъ дней (приблизительно) на протяженіи цѣлаго года не отзывались-бы такъ губительно на питаніи нижняго чина, какъ сконцентрированные въ одинъ періодъ времени, и именно весной, когда нашъ молодой и плохо питавшійся въ деревнѣ солдатъ продолжаетъ еще рости и крѣпнуть".

По роду оружія, если исключить изъ сравненія военно-тюремныя заведенія, ежегодно рѣзко выдѣляющіяся по величинамъ заболѣваемости и убыли отъ болѣзней, наибольшую смертность въ отчетномъ году дала пѣхота, наименьшую—инженерныя войска.

Отдѣльные военные округа довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга по степени заболѣваемости и смертности какъ офицерскихъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Такъ, по заболѣваемости офицерскихъ чиновъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Виленскій округъ (519,7), а по смертности — Приамурскій округъ (11,01), на послѣднемъ — и по заболѣваемости, и по смертности—область войска Донскаго (240,3 по заболѣваемости и 0 по смертности). Среди нижнихъ чиновъ по заболѣваемости первое мѣсто принадлежитъ Туркестанскому округу (570,7), по смертности — Омскому (4,76), а послѣднее по заболѣваемости — Виленскому округу (308,6), по смертности—Варшавскому (2,45).

Въ отчетѣ данъ общій очеркъ санитарной обстановки арміи и мѣропріятій по ея улучшенію. Въ очеркѣ этомъ отмѣчены главнѣйшіе санитарные недостатки въ разныхъ войсковыхъ частяхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ тѣснота казарменныхъ помѣщеній: встрѣчаются казармы съ 0,25 куб. саж. воздуха на человѣка, при очень несовершенной вентиляціи. Далеко не рѣдко въ казармахъ наблюдается сырость и холодъ. Въ нѣкоторыхъ казармахъ въ зимнее время температура опускается до 7 и даже 5—4° R. Къ крупнымъ недостаткамъ надо отнести и то, что нѣкоторыя войсковыя части не имѣютъ хорошей питьевой воды, а также собственныхъ бань и прачешныхъ.

Къ санитарнымъ недочетамъ отчетъ справедливо относитъ также примитивное устройство отхожихъ мѣстъ и выгребныхъ ямъ. Что

касается довольствія войскъ, то въ этомъ отношеніи подчеркивается недостаточное количество жировъ и отсутствіе разнообразія въ пищѣ. Небольшой денежный отпускъ является одной изъ главныхъ причинъ этихъ недочетовъ въ питаніи нашего солдата.

Къ числу крупныхъ недостатковъ отчета, легко, впрочемъ, устранимыхъ, надо, между прочимъ, отнести отсутствіе въ немъ сравнительныхъ данныхъ о санитарномъ состояніи армій другихъ государствъ. Этотъ матеріалъ далъ бы возможность лучше оцѣнить достоинства и дефекты санитарнаго состоянія нашей арміи.

— Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Соціальное страхованіе. Систематическое изложеніе исторіи, организаціи и практики всѣхъ формъ соціальнаго страхованія. С.-Петербургъ. Издательство „Практическая медицина". 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книга д-ра Н. А. Вигдорчика представляетъ большой интересъ какъ для лицъ, интересующихся вопросами соціальной политики, такъ и для спеціалистовъ въ данной области — фабричныхъ врачей, фабричныхъ инспекторовъ и т. д. Поставивъ себѣ задачей дать исчерпывающее изложеніе не фактовъ, а принциповъ и тенденцій, авторъ изъ исторіи и практики каждой страны взялъ только то, что страна эта дала новаго, оригинальнаго. Соціальное страхованіе интересовало автора какъ историческое явленіе, наблюдаемое на извѣстной стадіи развитія во всѣхъ странахъ. Исключеніе авторомъ сдѣлано для Россіи, относительно которой имъ собранъ возможно-полный фактическій матеріалъ.

Вступительная часть книги указываетъ путь, пройденный человѣчествомъ отъ неорганизованной помощи, оказываемой въ случаѣ острой нужды общиной, цехомъ, приходомъ, до системы универсальныхъ пенсій—проектовъ Бутса, Вальяна и Ллойдъ-Джорджа, къ предложенію котораго отнеслись сочувственно всѣ партіи англійскаго парламента. Этотъ историческій обзоръ даетъ автору основаніе оптимистически смотрѣть на, быть можетъ, не очень далекое будущее, когда побѣда новыхъ идей въ этой области будетъ обезпечена и въ наиболѣе консервативныхъ странахъ.

Въ основу классификаціи разныхъ видовъ соціальнаго страхованія кладется характеръ риска, подлежащаго страхованію, и способъ организаціи той или иной формы страхованія. Объектомъ риска въ соціальномъ страхованіи является потеря заработка—этого, по выраженію автора, главнаго оружія въ общественной борьбѣ за существованіе. Потеря заработка можетъ обусловливаться различными причинами, сообразно съ чѣмъ и создаются отдѣльныя вѣтви соціальнаго страхованія: возникаетъ страхованіе отъ безработицы, отъ болѣзни, отъ несчастныхъ случаевъ, отъ старости, инвалидности, вызванной болѣзнью,

страхованіе материнства и, наконецъ, страхованіе вдовъ и сиротъ, т.-е. страхованіе на случай смерти кормильца семьи. Что касается способа организаціи страхованія, то возможно какъ добровольное, такъ и обязательное участіе въ томъ или иномъ видѣ страхованія. Между этими двумя видами страхованія возможны переходныя ступени, дающія типъ факультативно-обязательнаго страхованія. Обязательное страхованіе можетъ быть частнымъ или общимъ, въ зависимости отъ того, распространяется-ли оно на часть страны или опредѣленную группу населенія, или охватываетъ всю страну и значительную часть населенія. Главнымъ признакомъ обязательнаго страхованія является непремѣнное въ немъ участіе въ той или иной мѣрѣ государства. Слѣдуя указанной классификаціи, авторъ посвящаетъ каждому виду страхованія отдѣльную часть книги.

Въ части, трактующей о добровольномъ страхованіи, изложена организація этого дѣла въ Англіи, Германіи, Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и Россіи; свѣдѣнія о послѣдней пополнены главой объ организаціи медицинской помощи при профессіональныхъ союзахъ.

Немногочисленныя статистическія свѣдѣнія, какія удалось собрать автору о степени распространенія учрежденій добровольнаго страхованія въ Россіи и о количествѣ участвующихъ въ нихъ лицъ, сводятся къ слѣдующему. Общее число кассъ, о которыхъ авторомъ найдены указанія въ литературѣ, 638. Въ это число не вошли еврейскія братства, число которыхъ въ западныхъ губерніяхъ довольно велико, похоронныя кассы и т. д. Съ этими кассами число учрежденій должно доходить до 1000, а число участниковъ въ разныхъ кассахъ—приблизительно до 350—400 тысячъ. Данныя эти, конечно, не претендуютъ на исчерпывающую полноту. Развитіе въ Россіи, не смотря на многочисленныя препятствія, не смотря на культурную и экономическую ея отсталость, не только кассъ частно-обязательнаго, но и чисто добровольнаго характера, даетъ автору основаніе утверждать, что почва для введенія у насъ обязательнаго страхованія вполнѣ подготовлена.

Различныя формы обще-обязательнаго страхованія получили особое развитіе въ Германіи, которой авторъ и удѣляетъ больше всего вниманія. Такъ какъ въ Россіи общеобязательнаго страхованія ни отъ болѣзней, ни отъ несчастныхъ случаевъ пока нѣтъ, то авторъ останавливается на тѣхъ элементахъ, на которыхъ это страхованіе должно у насъ сложиться въ ближайшемъ будущемъ. Такими элементами является съ одной стороны своеобразный и самобытный институтъ фабричной медицины, съ другой стороны—законъ 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья, а также многострадальные правительственные законопроекты о страхованіи отъ болѣзней и не-

счастныхъ случаевъ. Эта часть книги, въ связи съ главами о статистикѣ травматизма въ Россіи, о постановкѣ у насъ экспертизы, читаются съ большимъ интересомъ и обнаруживаетъ въ авторѣ, врачѣ по спеціальности, прекраснаго знатока дѣла. Онъ является сторонникомъ слiянія у насъ фабричной медицины съ проектируемыми больничными кассами.

Существеннымъ недостаткомъ книги мы считаемъ отсутствіе въ ней изображенія тѣхъ условій, при которыхъ совершался каждый новый шагъ по тернистому пути соціальнаго страхованія. Германская система страхованія,—говоритъ Поль Луи, авторъ книги: „Рабочій и государство",—останется загадкой для того, кто не будетъ знать великой борьбы между княземъ Бисмаркомъ и соціалъ-демократіей. Для русскихъ читателей было бы, напр., особенно важно знать, при какихъ обстоятельствахъ прошелъ въ германскомъ рейхстагѣ послѣдній „имперскій страховой уставъ", какъ неудачно разрѣшился тамъ вопросъ о представительствѣ въ кассахъ рабочихъ и предпринимателей или какъ проходилъ во Франціи законъ о стариковскихъ пенсіяхъ, о „пенсіяхъ для мертвыхъ".

Не останавливаясь, однако, на томъ, чего авторъ не далъ, надо быть ему благодарнымъ за то многое, съ чѣмъ онъ насъ въ прекрасномъ изложеніи познакомилъ.—В. Б-ъ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В.—Собраніе сочиненій. Т. I. Миѳы жизни. Т. XIII. Марья Лусьева. 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

——— Восьмидесятники. Книга I и II. 1911 г. Цѣна каждой книги 1 р. 50 коп.

Аникинъ, Степанъ.—Деревенскіе разсказы. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Арнольди, В.—По островамъ Малайскаго архипелага. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Астровъ, П. И.—Юридическія предпосылки рабочаго права. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Бершадская, Евгенія.—Стихотворенія Спб., 1911 г.

Благовидовъ, Ѳ. В.—Тифлисскіе высшіе женскіе курсы въ 1910—1911 уч. году. Тифлисъ, 1911 г.

Бороздинъ, А. В.—Русская литература въ XIX вѣкѣ. Изд. 2-ое. Спб., 1911 г. Цѣна 90 коп.

Бремъ.—Жизнь животныхъ. Шестой томъ. Птицы. Изд. „Дѣятель". Спб., 1911 г. Цѣна 6 р.

Василевскій, И.—(Не буква). Нервные люди. Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вейденгаммеръ, Юр.—О сущности цѣнности. Соціологическій набросокъ. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Вентвортъ, Г. и *Ридъ*, Э. — Начальная ариѳметика. Вып. I. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Вржесневскій, Окт. — Элементарная геометрія. Часть I. Планиметрія. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вѣтринскій, Ч.—Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Гамсунъ, К. — Странникъ играетъ подъ сурдинку. Пер. съ норв. Изд. „Польза". Москва, Цѣна 20 коп.

Герасимовъ, М.—Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изд. 4-ое. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Глѣбовъ, Ив.—Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-ье. Новочеркасскъ. 1811 г. Ц. 1 р. 60 к.

Гоголь, Н. В.—Миргородъ. Часть I. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

——— Миргородъ. Часть II. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Діаконенко, Н. П.—О санитарныхъ попечительствахъ. Черниговъ, 1911 г.

Зачиняевъ, Александръ.—Букварекъ. Спб., 1911 г. Цѣна 8 коп.

Заболотскій, П. А. — На зарѣ новыхъ изученій славянскаго міра. Спб., 1911 г. Цѣна 15 коп.

Зачиняевъ, Александръ.—Практическая грамматика. Часть I. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Исполатова, С.—Самосознаніе женщины, какъ факторъ обновленія общественнаго строя. Москва, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Каптеревъ, Н. Ф.—Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. II. Сергіевъ Посадъ, 1912 г. Цѣна 3 р.

Караскевичъ-Ющенко, С.—Повѣсти и разсказы. Спб., 1911 г.

Карѣевъ, Н.—Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для самообразованія и для средней школы. Изд. 3-ье. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

——— Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г.? Исторіографическая справка. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Келлеръ, Г. — Семь легендъ. Пер. съ нѣм. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Коваликъ, М. Ф.—Французскій языкъ въ его практическомъ изученіи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Кулишеръ, I. М.—Политическая экономія. Популярный курсъ. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

К—ъ, Вл. — Братъ Генрихъ. (Масоны нашихъ дней). Спб., 1911 г. Цѣна 35 коп.

Левитовъ, А. И.—Собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Собраніе сочиненій. Т. IV. Изданіе „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Лосскій, Н.—Введеніе въ философію. Часть I. Введеніе въ теорію знанія. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мачтетъ, Г. А.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

——— Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., Изд. „Просвѣщеніе". 1911 г. Цѣна 1 р.

Михаловскій, В. А.—О распашкѣ снѣга. Популярный очеркъ. Челябинскъ, 1911 г. Безплатно.

Мишеевъ, Н. — Очерки по исторіи всеобщей литературы. Часть I. Греція и Римъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Мопассанъ, Гюи де. Жизнь. Пер. съ фр. Изд. „Польза". Москва. Ц. 30 к.

Нансенъ, П.—Миніатюры. Пер. съ датскаго. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Невѣжинъ, П. М.—Собр. сочин. Т. XI. Изд. „Просвѣщеніе". Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. — Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Нифонтовъ, В. — Сборникъ статей для устнаго и письменнаго изложенія. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Ницше, Фридрихъ.—Автобіографія (Ecce homo). Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ Ю. М. Антоновскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Панкратовъ, А. С.—Ищущіе Бога. Книга вторая. Москва. Цѣна 1 р.

Петровичъ, П.—Рабочіе бакинскаго нефтепромышленнаго района. Тифлисъ, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Плеханъ, И. С.—Кассовыя и бухгалтерскія правила и бюджетный контроль. Спб., 1911 г. Цѣна 4 р. 50 коп.

По, Эдгаръ.—Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ III. Страшные разсказы. Гротески. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р.

Политуръ, Н. Р.—Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Принсъ, А. — Защита общества и преобразованіе уголовнаго права. Пер. Е. Маркеловой. Подъ ред. и съ пред. Г. С. Фельдштейна. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Прохановъ, А. С. — Законъ Божій Ветхаго завѣта, или введеніе въ Ветхій завѣтъ. Учебникъ духовныхъ христіанъ. Спб., 1911 г.

Реуяло, Ник. (Н. Е. М.).—Драматическія фантазіи. № 1. Сафо. Цѣна 20 коп. № 2. Танецъ Саломіи. Цѣна 25 коп. Тифлисъ, 1911 г.

Роговичъ, М.—Нѣсколько словъ объ ученіи Ницше. Спб. Цѣна 15 коп.

Роветта, Дж. — Его превосходительство. Драма. Пер. съ итальян. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Рождествинъ, В.—Бѣлинскій—критикъ-художникъ. Казань, 1911 г.

Сиповскій, В. В. — Сокращенный курсъ русской словесности. Часть I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Табрумъ, А. Г. — Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Пер. съ англ. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Танъ, В. Г. — Собраніе сочиненій. Т. IX. Передвинутыя души. Кругомъ Петербурга. Т. X. Стихотворенія. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Тарановскій, Ѳ. В., проф.—Отзывъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича: „Древности русскаго права", составленный для присужденія преміи гр. Сперанскаго. Юрьевъ, 1911 г.

Тихоміровъ, В. — Магнитъ. Сцены изъ жизни сельской школы. Москва, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Толстой, Л. Н. — Новый сборникъ писемъ. Собралъ П. А. Сергѣенко. Москва, 1912 г.

Тукалевскій, Вл.—Исканія русскихъ масоновъ. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Успенскій, П. Д. — Tertium organum. Ключъ къ загадкамъ міра. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Уэллсъ, Г.—Когда проснется спящій. Романъ. Пер. съ англ. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 40 коп.

Фарфоровскій, С.—Кобзари на Кубани. Харьковъ, 1910 г.

Франко, Ив. — Къ свѣту. Пер. съ украин. Изд. „Польза". Москва. Цѣна 10 коп.

Freud, S.—Теорія полового влеченія. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Хрущинскій, М. — Краткій учебникъ ариѳметики. Спб., 1911 г. Цѣна 70 коп.

Шалландъ, Л. А. — Иммунитетъ народныхъ представителей. Юридическое изслѣдованіе. Томъ I. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Шапиръ, Ольга. — Собраніе сочиненій. Т. V. Безъ любви. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шенхерръ, Карлъ. Вѣра и родина. Трагедія одного романа. Пер. съ нѣм. В. Горева. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Шлейермахеръ, Ф.—Рѣчи о религіи къ образованнымъ людямъ, ее презирающимъ. Монологи. Пер. съ нѣм. С. Л. Франкъ. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Шлосбергъ, А. Н. — Начало періодической печати въ Россіи. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Шмидтъ, Г. — Справочная книжка для фотографирующихъ съ негативъ-реестромъ. Спб., 1911 г.

Шмидтъ, Ф., проф. — 250 отвѣтовъ на фотографическіе вопросы. Спб., 1911 г.

Шоттеліусъ, М. — Бактеріи, заразныя болѣзни и борьба съ ними. Пер. съ нѣм. А. И. Абрикосова. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Энриквесъ, Ф. — Проблемы науки. Часть I. Пер. съ итал. подъ ред. А. Г. Бочинскаго и Г. Г. Шпетта. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

— Военная энциклопедія. Томъ V и VI. Изд. т—ва И. Д. Сытина. Москва, 1911 г.

— Врачебная хроника Харьковской губ. № 169—170 (№ 7—8). Харьковъ, 1911 г.

— Десять лѣтъ дѣятельности „Маяка". Сост. Н. А. Рейтлингеръ. Спб., 1911 г.

— „Духовный христіанинъ", № 9. Спб., 1911 г.

— Ежегодникъ Лѣсного департамента. Томъ I и II. Спб., 1911 г.

— Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества. Томы XLV и XLVI. Спб.

— Изданія Бакинской городской управы: I. Записка къ вопросу о благоустройствѣ бакинскаго торговаго порта. 1908—1909 г. II. Докладъ о результатахъ по составленію инвентаря городскихъ имуществъ. 1908—1911 г. III. Баку по переписи 22 октября 1903 года. Часть I.

— „Обновленіе школы". Педагогическій журналъ. № 1. Спб., 1911 г. Цѣна 25 коп.

— Отчетъ Императорскаго русскаго географическаго общества за 1910 годъ. Спб., 1911 г.

— Постановленія перваго общеземскаго съѣзда по народному образованію въ Москвѣ 16—30 августа 1911 г. Москва, 1911 г. Цѣна 10 коп.

— Программы чтенія для самообразованія. 6-ое, вновь переработанное изданіе. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

— Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

— Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Т. I. Вып. II. Одесса, 1911 г.

— Юридическія записки, издаваемыя Демидовскимъ юридическимъ лицеемъ. Вып. II—III. Ярославль, 1911 г. Цѣна 2 р. 70 коп.

— XXXVI сборникъ т—ва „Знаніе" за 1911 г. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— 1911 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. III. Спб., 1911 г.

— Статистика на образованието въ царство Болгария. Учебна 1907—1908 годпна. София, 1911.

— Статистика на редовних воененъ наборъ прѣзъ 1903 — 1904 година. София, 1911.

— Шевченкове свято. 1861—1911. Вид. „Дністер." Кам'янець-Под., 1911.

Sakheim, Arthur.—Magnificat. Gedichte. Dresden, 1911.

Schulenberg-von-der, Werner.—Eulenspiegel. Ein Heidebuch. Dresden, 1911.

Widmann, Berthilde.—Gereimte Geschichte. Dresden, 1911.

ЕЩЕ О НОВЫХЪ РУССКИХЪ РАБОТАХЪ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРІИ

За послѣднее время мною уже не разъ на страницахъ „Вѣстника Европы" отмѣчалось то обстоятельство, что русскіе историки относительно много работаютъ надъ прошлымъ Франціи. Я ограничивался при этомъ указаніями на русскія работы по XVIII-му вѣку, т.-е. по „старому порядку", по „философіи XVIII-го в." и по революціи, особенно привлекающимъ къ себѣ вниманіе русскихъ историковъ; но и другія эпохи тоже дѣлаются предметомъ ихъ изслѣдованій.

Въ 1911 г. по французскому средневѣковью вышли двѣ русскія работы, изъ которыхъ, впрочемъ, одна хотя и принадлежитъ русскому автору, но издана на французскомъ языкѣ. Книга г. Н. Граціанскаго, подъ заглавіемъ: „Парижскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV-омъ столѣтіяхъ" (Казань. 1911)—трудъ въ 21 печатный листъ, основанный на самостоятельномъ изученіи соотвѣтственнаго матеріала, не говоря уже о хорошемъ знакомствѣ автора съ литературою предмета. Г. Граціанскій, между прочимъ, касается вопросовъ, недостаточно освѣщенныхъ его предшественниками во французской исторической литературѣ. Русскій трудъ на французскомъ языкѣ—докторская диссертація г-жи О. Добіашъ-Рождественской: „La vie paroissiale en France au XIII siècle d'après les actes épiscopaux". Это—ученый трудъ, въ основу котораго положены не только печатные, но и рукописные источники. Въ связи съ этою работою г-жи Добіашъ-Рождественской находятся ея статьи въ сборникѣ, изданномъ въ 1911 г. учениками проф. Гревса

по случаю исполнившихся 25 лѣтъ его ученой дѣятельности [1]): „Jus procurationis въ церковной практикѣ XIII в. (страница изъ бытовой исторіи французскаго духовенства)" и „Къ изданію соборныхъ актовъ западной церкви. О нѣкоторыхъ рукописяхъ Парижской національной библіотеки".

Я уже раньше упоминалъ объ изслѣдованіяхъ проф. И. В. Лучицкаго по крестьянскому землевладѣнію во Франціи наканунѣ революціи и теперь могу указать на новый его трудъ въ этой области: „L'état des classes agricoles en France à la veille de la Révolution" (Парижъ, 1911). Новая работа знатока аграрныхъ отношеній во Франціи XVIII в. очень невелика (около 100 страницъ), но нужно имѣть въ виду, что въ основу ея положены неизданные документы, которые авторомъ изучались въ теченіе ряда лѣтъ въ двадцати шести провинціальныхъ архивахъ Франціи. Для читателей „Вѣстника Европы", знакомыхъ съ недавними статьями М. М. Ковалевскаго о томъ же предметѣ, я замѣчу, что И. В. Лучицкій пользовался для своего изслѣдованія инымъ матеріаломъ, чѣмъ проф. Ковалевскій, и держится въ основномъ вопросѣ иныхъ, нежели послѣдній, взглядовъ.

Въ октябрьской книжкѣ „В. Е." М. М. Ковалевскій разсматриваетъ кустарную промышленность во французскихъ деревняхъ. Объ этомъ предметѣ есть и другая работа русскаго писателя, изданная по французски: „L'industrie rurale dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime", par *E. Tarlé.* Она представляетъ собою переводъ (съ измѣненіями) нѣсколькихъ десятковъ страницъ изъ докторской диссертаціи автора: „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи". Объ этомъ капитальномъ трудѣ пишущій настоящія строки помѣстилъ большую статью въ „Русскомъ Богатствѣ" за май и іюнь 1911 г.

Возвращусь еще разъ къ М. М. Ковалевскому, чтобы упомянуть о выходѣ въ свѣтъ второго тома его труда на французскомъ языкѣ: „La France économique et sociale à la veille de la Révolution". Первый томъ (1909 г.) былъ посвященъ деревнямъ; во второмъ рѣчь идетъ о городахъ. Такимъ образомъ, въ одномъ 1911 г. вышли на французскомъ языкѣ работы четырехъ русскихъ ученыхъ по исторіи Франціи: Добіашъ-Рождественской, Ковалевскаго, Лучицкаго и Тарле.

Въ этомъ же году появились въ печати первые опыты историческаго изслѣдованія прошлаго Франціи и нѣсколькихъ новичковъ въ этомъ дѣлѣ. Въ іюньской и іюльской книгахъ „Журн. Мин. Нар. Просв." помѣщена большая статья Е. Петрова: „Вопросы промышлен-

[1]) „Къ двадцатипятилѣтію учено-педагогической дѣятельности Ивана Михайловича Гревса". Сборникъ статей его учениковъ. Спб., 1911. Въ этомъ сборникѣ перепечатана также раньше написанная статья О. П. Юрьевой: „Очерки по исторіи феодализаціи монархіи во Франціи".

ности и торговли въ наказахъ депутатовъ третьяго сословія генеральныхъ штатовъ 1789 года". Эта вполнѣ самостоятельная работа по источникамъ является не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ сокращеніемъ сочиненія, за которое авторъ, нынѣ только-что кончившій курсъ, два года тому назадъ былъ удостоенъ с.-петербургскимъ университетомъ золотой медали. Прибавлю, что достоинству изслѣдованія г. Петрова нисколько не повредило то, что онъ не могъ воспользоваться вышедшей, когда его работа была готова, книгою Пикара: „Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières".

Начало своимъ занятіямъ по экономической исторіи Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка авторъ только-что названной работы положилъ, участвуя въ руководимомъ мною въ Петербургскомъ университетѣ семинаріи по новой исторіи, гдѣ уже давно наказы 1789 г. служатъ предметомъ изученія. Изъ подобнаго же рода студенческихъ занятій наказами вышло сочиненіе трехъ студентовъ Кіевскаго университета, гг. Никифорова, Руткевича и Евстафьева, подъ ред. профессора П. Н. Ардашева, одного изъ русскихъ спеціалистовъ по XVIII-му вѣку во Франціи. Она называется: „Наказы третьяго сословія Аррасскаго бальяжа въ 1789 г." и прошла сначала черезъ мѣстныя „Университетскія Извѣстія". Это — опытъ аналитическаго или, вѣрнѣе, сравнительно-аналитическаго изученія наказовъ одного бальяжа, какъ одного изъ избирательныхъ округовъ тогдашней Франціи. Быть можетъ, изъ трехъ молодыхъ авторовъ этой аккуратно сдѣланной работы кто-либо сдѣлается спеціалистомъ въ данной области.

Изъ лицъ, находящихся пока въ положеніи учениковъ высшей школы, еще одно напечатало небольшой, но очень содержательный этюдъ по исторіи французской революціи, посвященный празднику Верховнаго Существа въ Парижѣ въ 1794 г. и составленный на основаніи современныхъ брошюръ, газетъ, воспоминаній. Авторъ его — слушательница петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, г-жа Матвѣева, исполнившая свою работу, въ бытность студенткою Сорбонны, подъ руководствомъ Олара, занимающаго въ Парижскомъ университетѣ каѳедру исторіи французской революціи. Ея статья вошла въ составъ XVI-го тома „Историческаго Обозрѣнія", имѣющаго поступить въ продажу, какъ только окончится печатаніе въ немъ моей большой статьи: „Парижскія секціи временъ французской революціи". Для полноты обзора назову еще свою статью (вышедшую и отдѣльною брошюрою): „Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г." [1]).

---

[1]) „Извѣстія Спб. Политехническаго института", томъ XV. Въ этомъ же періодическомъ изданіи должны появиться мои бѣглыя замѣтки по экономической исторіи

Если ко всему этому присоединить, кромѣ второго тома книги проф. Тарле: „Рабочій классъ во Франціи", вышедшаго въ свѣтъ въ 1911 г., еще книги проф. Тарановскаго [1]) и г. Вульфіуса [2]), о которыхъ я далъ краткій отчетъ въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы", то окажется, что истекающій годъ былъ особенно обиленъ русскими трудами по французской исторіи. А я еще не включилъ въ свой обзоръ того, что у насъ было написано о современной Франціи. Такой особенно обильный урожай въ нашей исторической литературѣ на крупныя и мелкія работы по изученію прошлаго Франціи, конечно, явленіе исключительное, но заслуживающее быть отмѣченнымъ, какъ одинъ изъ показателей совершающейся у насъ научной работы, на которую все болѣе и болѣе начинаютъ обращать вниманіе и въ самой Франціи.

Н. Карѣевъ.

СЕЗОНЪ НАУЧНЫХЪ СЪѢЗДОВЪ

Осень—сезонъ, наиболѣе богатый тѣми ежегодными съѣздами, на которыхъ ученые какъ бы подводятъ итоги своей ближайшей дѣятельности. Чѣмъ это объясняется, трудно сказать: по всей вѣроятности—тѣмъ, что главнѣйшій контингентъ ученыхъ такъ или иначе даютъ профессора университетовъ и другихъ высшихъ школъ, а они пользуются обычнымъ отдыхомъ весеннихъ и осеннихъ вакацій и сравнительно менѣе обремененнаго лѣтняго семестра для того, чтобы привести въ порядокъ результаты своихъ постоянныхъ трудовъ и выступить съ ними передъ своими товарищами и тѣмъ кругомъ общества, который интересуется завоеваніями науки.

Англія, Германія, Франція, Швейцарія, Соединенные Штаты, Австралія, словомъ—весь цивилизованный міръ имѣетъ для этого особые общественные органы, по большей части, по примѣру Англіи, носящіе названіе Ассоціацій. Не имѣетъ ихъ только несчастная страна, въ которой наука является предметомъ вѣдѣнія казеннаго вѣдомства, по какой-то оскорбительной ироніи судьбы носящаго титулъ министерства *просвѣщенія*. Болѣе тридцати лѣтъ русская наука, устами

Франціи наканунѣ революціи, въ которыхъ будутъ подробнѣе разсмотрѣны нѣкоторыя изъ названныхъ работъ.

[1]) Объ этой книгѣ мною помѣщена статья въ окт. книгѣ „Журн. Мин. Нар. Прос.".

[2]) Критическая статья о книгѣ Вульфіуса написана мною для „Русск. Бог.".

своихъ представителей, собирающихся на свои случайные съѣзды, заявляетъ, что и ей пришла пора послѣдовать примѣру всего цивилизованнаго міра—и тридцать лѣтъ встрѣчаетъ упорный отказъ со стороны приставленныхъ къ ней „просвѣщенныхъ“ опекуновъ.

Если мысль о ежегодныхъ съѣздахъ естествоиспытателей и врачей возникла въ Германіи въ 1822 г., главнымъ образомъ—подъ вліяніемъ Александра Гумбольдта, то наиболѣе цѣлесообразную форму получила она въ Англіи (въ 1831 г., по мысли Брюстера), подъ именемъ Британской Ассоціаціи, ставшей образцомъ и для большинства позднѣйшихъ учрежденій, заимствовавшихъ у нея ея цѣль и названіе. Ея дѣятельность кратко формулируется тремя положеніями: способствовать научнымъ изслѣдованіямъ; привлекать къ нимъ вниманіе общества; облегчать сближеніе между дѣятелями науки. Двоякая цѣль — содѣйствіе изслѣдователямъ и возбужденіе въ обществѣ интереса къ наукѣ,—достигается, между прочимъ, ежегодными засѣданіями [1]) этого „научнаго парламента“, какъ охотно его называютъ англичане. Отголосоки произносимыхъ на нихъ рѣчей (особенно общихъ, президентскихъ) нерѣдко разносятся за предѣлы страны. Такъ было и въ настоящемъ году. Нѣкоторыя мысли, высказанныя профессоромъ Рамзеемъ, предсѣдателемъ сессіи, засѣдавшей въ Портсмутѣ, были подхвачены газетами всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и нашими. Эти общія рѣчи бываютъ обыкновенно посвящены или общимъ вопросамъ, стоящимъ на очереди, или тѣмъ, которыми занятъ говорящій, или тому и другому вмѣстѣ, когда говорящій является самъ однимъ изъ выдающихся двигателей науки. Такъ было и на этотъ разъ.

Въ своемъ вступленіи Рамзей напоминаетъ присутствующимъ объ основныхъ задачахъ ассоціаціи и ихъ современномъ значеніи. Еще Бэконъ—Роджеръ,—въ 1250-мъ году, поучалъ своихъ соотечественниковъ, что „экспериментальная наука имѣетъ три преимущества передъ всѣми остальными: она провѣряетъ всѣ свои положенія прямымъ опытомъ; она открываетъ такія истины, до которыхъ другимъ наукамъ никогда бы не добраться; она изслѣдуетъ тайны природы, раскрывая намъ познаніе прошлаго и будущаго“. Черезъ четыре вѣка, поэтъ, современникъ основанія Королевскаго Общества, привѣтствовалъ его возникновеніе стихами: „Не для своей только забавы эта благородная корпорація задалась мыслію все провѣрять на опытѣ [2])—нѣтъ, она это дѣлаетъ на пользу всей націи, на благо всего человѣчества“. А еще два вѣка спустя и черезъ полъ-вѣка послѣ основанія Британской ассоціаціи ея предсѣдатель (Плэферъ) говорилъ въ своей предсѣдательской рѣчи:

[1]) Странствующими по всей Великобританіи и ея колоніямъ, до Африки включительно.

[2]) Намекъ на девизъ общества: „Nihil in verbo“.

„Прогрессъ человѣчества уже и теперь въ такой степени отождествляется съ развитіемъ научныхъ идей, какъ въ ихъ общей концепціи, такъ и въ ихъ практической реализаціи, что онѣ намъ представляются только чередующимися, взаимно опредѣляющимися условіями исторіи цивилизаціи“. И не смотря на такой, казалось бы, многовѣковой ростъ этихъ наукъ и ихъ прочное положеніе въ обществѣ, Рамзей тѣмъ не менѣе находитъ, что и въ настоящее время необходима миссіонерская дѣятельность въ этомъ направленіи и убѣжденная проповѣдь этихъ идей, такъ какъ „если уже очень многіе имѣютъ кое-какія представленія о результатахъ научныхъ изслѣдованій, то еще незначительно, почти ничтожно, число людей, успѣвшихъ проникнуться истиннымъ духомъ науки“. Особенно подчеркиваетъ англійскій ученый „воспитательное значеніе естествознанія, развивающее въ людяхъ предвѣдѣніе будущаго не путемъ праздныхъ догадокъ, а на основаніи выводовъ изъ наблюденныхъ фактовъ“. Люди должны заботиться о томъ, чтобы вышколенный наукой разумъ примѣнялся ко всѣмъ проявленіямъ народной дѣятельности. „Эта важнѣйшая изъ задачъ нашей ассоціаціи осуществляется, между прочимъ, и въ доставляемой ею возможности для встрѣчи молодого поколѣнія съ представителями старыхъ поколѣній“. „Я самъ живо помню“—такъ заключилъ свое вступленіе Рамзей,—„какое вліяніе оказали на всю мою послѣдующую дѣятельность, услышанныя на этихъ засѣданіяхъ слова такихъ людей, какъ Плэферъ, Кэльвинъ, Стоксъ, Голтонъ и еще много другихъ“.

Переходя къ спеціальному содержанію своей рѣчи, знаменитый химикъ пояснилъ, что изъ двухъ, освященныхъ обычаемъ для нея формъ: обзора успѣховъ науки за истекшій годъ, или доклада объ успѣхахъ въ области вопроса, которымъ занимается самъ говорящій, онъ остановился на второй. Правда, этотъ вопросъ оказался интересующимъ не однихъ только химиковъ, не однихъ только ученыхъ—вопросъ объ *элементахъ.*

Для грековъ слово элементъ обозначало скорѣе извѣстныя свойства матеріи, чѣмъ ея основныя составныя части. Въ средніе вѣка алхимики къ четыремъ стихіямъ грековъ прибавили еще свои три „гипостатическія начала“—„соль“, „сѣру“ и „меркурій“. Первая сообщала тѣламъ растворимость и огнеупорность, вторая—воспламеняемость, третій, наконецъ, сообщалъ способность, подъ вліяніемъ тепла, превращаться въ „флегму“—жидкость. Первый ученый, придавшій слову „элементъ“ его современный смыслъ, былъ Бойль, въ его знаменитой книгѣ „Химикъ Скептикъ“; но затѣмъ почти на полтора столѣтія стало господствовать прежнее представленіе. Причиной тому было торжество ученія о *флогистонѣ*, этомъ, по словамъ Сталя, „не

огнѣ, но началѣ огня" [1]). Наконецъ только въ 1789-мъ году, въ годъ химической революціи, въ годъ появленія „Traité de Chimie" Лавуазье, современное понятіе объ элементѣ какъ послѣднемъ предѣлѣ анализа установилось окончательно, хотя трудно было бы сказать, какой именно дѣйствительный элементъ былъ первый признанъ таковымъ. Успѣхи ученія Дальтона объ атомномъ строеніи матеріи въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія (1803—8) пріучили ученыхъ къ мысли, что элементы—это кирпичи, изъ которыхъ слагается вселенная; но и тогда уже болѣе смѣлые умы, какъ Дэви и Фарадей, не отступали передъ мыслью о разложеніи и взаимномъ превращеніи элементовъ. Эта мысль даже признавалась въ высшей степени вѣроятной. Въ защиту ея выдвигалось (Проутомъ) предположеніе, что атомные вѣса являются кратными атомнаго вѣса водорода, принимаемаго за единицу. Фонды этого ученія поперемѣнно то падали, то повышались, соотвѣтственно съ полученіемъ болѣе достовѣрныхъ цифръ. Особенно поднялись они въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда удалось показать, что атомный вѣсъ углерода—не 12,25, какъ училъ Берцеліусъ, а ровно 12. Дальнѣйшія, болѣе точныя опредѣленія атомныхъ вѣсовъ привели къ новому крушенію закона Проута. Въ настоящее время существуетъ международная коммиссія, ежегодно публикующая послѣдніе результаты точнѣйшихъ опредѣленій. По отчету 1911-го года изъ 81 элемента, насчитываемыхъ химиками, сорокъ три не подчиняются закону Проута, и всѣ эти отклоненія не могутъ быть признаны за случайныя ошибки. По просьбѣ Рамзея лучшій современный знатокъ теоріи вѣроятность, Пирсонъ, высчиталъ, что противъ такого предположенія 20,000 милліоновъ шансовъ.

Но къ установленію связи между элементами наукой сдѣланъ еще другой подходъ: это—возможность ихъ распредѣленія въ одну стройную, такъ называемую періодическую систему, особенно въ той формѣ, которая была ей дана Менделѣевымъ, не только предсказавшимъ существованіе еще неизвѣстныхъ элементовъ, но и давшимъ описаніе этихъ элементовъ болѣе точное, чѣмъ дали его тѣ, кто ихъ въ первый разъ увидѣлъ собственными глазами [2]).

[1]) Вся ошибка защитниковъ этого ученія заключалась въ томъ, что они въ своихъ уравненіяхъ смѣшивали матерію и энергію. Гельмгольцъ пояснилъ, что глубокая идея защитниковъ флогистона станетъ намъ вполнѣ понятной, если мы подставимъ вмѣсто этого слова выраженіе—потенціальная энергія. Не въ подобную ли ошибку впадаютъ нѣкоторые современные физики, отождествляющіе матерію и энергію на основаніи сходства ихъ аттрибутовъ? Если мы не знаемъ матеріи безъ движенія и наоборотъ, то понятно, что и аттрибуты обоихъ должны совпадать.

[2]) Любопытно однако, что самъ Д. И. Менделѣевъ протестовалъ противъ этого вывода, дѣлаемаго изъ его періодическаго закона. Живо помню какъ однажды, послѣ очень оживленнаго засѣданія въ Физическомъ Обществѣ, мы втроемъ—Ди-

Періодическая система Менделѣева еще пополняется спиральной системой Стонея (1888), позволившей связать электро-отрицательные и электро-положительные элементы съ позднѣе открытой группой электрически и химически инертныхъ газовъ (группа Аргона и пр.). Сколько же элементовъ уже нашли себѣ мѣста въ системѣ и сколько еще остается свободныхъ мѣстъ? Рамзей насчитываетъ ихъ одиннадцать.

Можемъ ли мы разсчитывать заполнить эти промежутки? Не только можемъ, но даже передъ нами открывается затрудненіе обратнаго порядка, своего рода embarras de richesses. Благодаря открытію явленій радіоактивности Анри Беккерелемъ, выдѣленію радія супругами Кюри и установленію теоріи дезинтеграціи радіоактивныхъ элементовъ, предложенной Рутерфордомъ и Содди—мы узнаемъ о существованіи не менѣе чѣмъ двадцати шести до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ элементовъ.

Имѣемъ ли мы, однако, право считать ихъ элементами?

Начнемъ съ радія. Его соли изучены госпожей Кюри, онѣ близко подходятъ къ солямъ барія: сѣрнокислыя, углекислыя и хромовокислыя соли нерастворимы въ водѣ, хлористыя и бромистыя соли представляютъ тѣ же же кристаллическія формы, что и соли барія; самый металлъ, по послѣднимъ изслѣдованіямъ госпожи Кюри, бѣлаго цвѣта, разлагаетъ воду—словомъ, всѣ свойства заставляютъ отнести его къ группѣ барія. Атомный вѣсъ, по опредѣленію Кюри и Торпа, приблизительно 226,6. Слѣдовательно это несомнѣнный элементъ. Но элементъ совершенно своеобразный—элементъ *непостоянный.*

До сихъ поръ постоянство именно и считалось самой характеристической особенностью элемента. Радій же распадается, превращается въ другія тѣла, и притомъ съ извѣстною опредѣленною скоростью. Если беречь граммъ радія въ теченіи 1760 лѣтъ, то, по истеченіи этого срока, его окажется всего полъ-грамма. Половина пре-

---

митрій Ивановичъ, Столѣтовъ и я—до поздней ночи проспорили объ этомъ вопросѣ, занимавшемъ тогда всѣхъ, благодаря появившейся брошюрѣ Крукса. Истощивъ всѣ свои возраженія, Димитрій Ивановичъ, съ тѣмъ обычнымъ для него перескакиваніемъ голоса съ густыхъ басовыхъ на чуть не дискантовыя нотки, которое для всѣхъ его знавшихъ указывало, что онъ начинаетъ горячиться—пустилъ въ ходъ такой, въ буквальномъ смыслѣ argumentum ad hominem: „Александръ Григорьевичъ! Клементій Аркадьевичъ! Помилосердуйте! вѣдь вы же сознаете свою личность. Предоставьте же и Кобальту и Никелю сохранить свою личность“. Мы переглянулись, и разговоръ быстро перешелъ на другую тему. Очевидно, для Димитрія Ивановича это уже была „une vérité de sentiment“, какъ говорятъ французы. А между тѣмъ помнится, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на лекціяхъ теоретической химіи онъ относился вполнѣ сочувственно къ гипотезѣ Проута и какъ бы сожалѣлъ, что болѣе точныя цифры Стаса принуждаютъ отъ нея отказаться.

вратится въ продукты распада. Въ какіе? Мы уже въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Рутерфордъ и Содди нашли, что при этомъ образуется газъ—„эманація радія", какъ они его назвали. Содди и Рамзей показали, что сверхъ этого выдѣляется „Гелій"—газъ изъ группы химически недѣятельныхъ, куда относятся Аргонъ и др. Гелій—несомнѣнный элементъ, съ опредѣленнымъ спектромъ и другими свойствами. Въ свою очередь въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій въ лабораторіи Лондонскаго Университетскаго колледжа [1]) удалось получить „эманацію" въ жидкомъ и твердомъ видѣ, опредѣлить ея спектръ и плотность, откуда уже можно было установить и ея атомный вѣсъ. Тѣло это получило названіе *Нитона* и заняло мѣсто въ группѣ Аргона. Теперь получился такой рядъ: Гелій (атомный вѣсъ 4)—Неонъ (20)—Аргонъ (40)—Криптонъ (80)—Ксенонъ (130)—Неизвѣстный (ат. в. около 178)—и Нитонъ (222,4). Такимъ образомъ образованіе Нитона выразится слѣдующимъ уравненіемъ:

Радій (226,4) = Гелію (4) + Нитонъ (222,4)

Нитонъ распадается въ свою очередь, но гораздо быстрѣе, приблизительно въ четыре дня, почему его изслѣдованіе должно вести съ большей поспѣшностью. Снова выдѣляется Гелій и получается тѣло, названное Рутерфордомъ *Радій А*, по уравненію:

Нитонъ (222,4) = Гелій (4) + Радій А (218,4)

Этотъ послѣдній имѣетъ эфемерное существованіе, его невозможно изслѣдовать [2]). Черезъ три минуты онъ наполовину превращается въ слѣдующее тѣло, Радій В, снова съ выдѣленіемъ Гелія.

Радій А (218,4) = Гелій (4) + Радій В (214,4)

Сходнымъ путемъ образуются слѣдующіе члены ряда: Радій C^1, Радій C^2, Радій D, Радій E, Радій F. Нѣкоторыя превращенія (напр. Радія В въ Радій C^1) сопровождаются выдѣленіемъ не Гелія, а атомовъ очень малаго вѣса—атомовъ отрицательнаго электричества, такъ называемыхъ „электроновъ". Радій F оказался уже ранѣе открытымъ госпожею Кюри „Поллоніемъ", который, снова разлагаясь съ выдѣленіемъ „Гелія", даетъ начало какому-то металлу, по всей вѣроятности свинцу, по уравненію.

Поллоній (210,4) = Гелію (4) + свинецъ (206,4)

Съ другого конца, мы почти съ полной увѣренностью можемъ сказать, что Радій въ свою очередь образуется изъ Урана, съ выдѣ-

---

[1]) Лабораторія Рамзея.

[2]) Какъ быстро идетъ изученіе этого вопроса—можно судить по тому, что уже послѣ произнесенія этой рѣчи найденъ способъ изученія и этихъ продуктовъ *съ малой живучестью* (такъ и озаглавлено это изслѣдованіе, помѣщенное въ октябрьской книжкѣ „Philosophical Magazine").

леніемъ трехъ α частицъ, т.-е. трехъ атомовъ Гелія. Мы, слѣдовательно, въ первый разъ имѣемъ передъ собою достовѣрный случай перехода одного элемента въ другой. Но при этомъ распадѣ кромѣ α частицъ (т.-е. Гелія) выдѣляются еще и β частицы, т.-е. электроны, вѣсъ которыхъ, хотя и значительно менѣе, но все же измѣримъ. Если остановиться на самыхъ вѣроятныхъ атомныхъ вѣсахъ Урана и Радія—239,4 и 226,8, прибавить къ Радію вѣсъ трехъ атомовъ Гелія = 12 и вычесть эту сумму изъ вѣса атома Урана, то получится еще разность = 0,6. Это, можетъ быть, и будетъ вѣсъ освобождающихся вмѣстѣ съ Геліемъ электроновъ. Точное разрѣшеніе этого вопроса раскрыло бы намъ тайну неправильностей, наблюдаемыхъ въ періодической таблицѣ элементовъ и объяснило бы намъ уклоненія отъ закона Проута [1]. Въ то же время потеря или прибыль электроновъ дала бы намъ ключъ къ объясненію аллотропическаго измѣненія элементовъ, избавила бы насъ отъ этого подавляющаго числа псевдо-элементовъ, существованіе которыхъ является неизбѣжнымъ выводомъ изъ нашей гипотезы о послѣдовательномъ распадѣ элементовъ. Изъ 26 элементовъ, уже извѣстныхъ намъ какъ продукты распада урана, торія, актинія, многіе оказались бы только аллотропическими измѣненіями или псевдо-элементами, и намъ не пришлось бы возбуждать сомнѣній въ дѣйствительности періодической системы, уже оказавшей такія услуги систематической химіи.

Представивъ замѣчательно сжатую картину химическихъ изслѣдованій надъ Радіемъ и ихъ значеніе—изслѣдованій, въ которыхъ ему самому принадлежитъ одна изъ выдающихся ролей,—Рамзей переходитъ къ разсмотрѣнію физической стороны этихъ явленій. И здѣсь особенно цѣнно, что онъ разъ навсегда кладетъ предѣлъ тому сказочно-сенсаціонному отношенію къ этимъ фактамъ, которое такъ часто встрѣчается въ изложеніяхъ ихъ „для публики“ [2].

Неоднократно уже указывалось на громадные запасы энергіи, заключенные въ Радіи и его потомкахъ. Энергія, освобождающаяся при распадѣ Нитона, превышаетъ въ три съ половиною милліона разъ ту, которая освободилась бы при взрывѣ такого же объема гремучаго

[1] Невольно приходитъ на память изреченіе великаго экспериментатора Клода-Бернара: Ne craignez jamais les faits contraires—car chaque fait contraire est le germe d'une découverte. Уклоненія отъ закона Проута, противорѣчившія предположенію о взаимной связи элементовъ, могутъ оказаться только однимъ изъ результатовъ ея несомнѣннаго существованія.

[2] Примѣръ такого отношенія можно было встрѣтить и въ одной рѣчи на прошлогоднемъ актѣ Петербургской Академіи Наукъ.

газа (смѣси водорода и кислорода) [1]). Еслибы тонна радія могла израсходовать свою энергію не въ 1760, а въ тридцать лѣтъ, то ея было бы достаточно, чтобы приводить въ движеніе въ теченіи этого срока пароходъ такой вмѣстимости и съ такою скоростью, при которыхъ въ настоящее время затрачивается *полтора милліона тоннъ* угля. Нетрудно усмотрѣть, что особенность энергіи Радія заключается въ томъ, что она сосредоточена въ ничтожномъ вѣсовомъ количествѣ вещества, другими словами—что она очень концентрирована. „Я изучилъ дѣйствіе Нитона“, продолжаетъ Рамзей, „на разныя химическія тѣла; онъ разлагаетъ воду, углекислоту, амміакъ, соляную кислоту на ихъ составныя части. При дѣйствіи на соли мѣди получается отчасти литій. Въ подобныхъ же опытахъ, излагать которые въ подробности я не имѣю времени, надъ Торіемъ, Циркономъ, Танталомъ оказалось, что эти тѣла, распадаясь, даютъ углеродъ, такъ какъ ихъ растворы, къ которымъ прибавляли Нитона, неизмѣнно выдѣляли углекислоту, чего никогда не наблюдалось, если брали церій, серебро, ртуть и нѣкоторые другіе металлы [2]).

Можно себѣ представить, что даже атомы веществъ расшатываются, подвергаясь бомбардировкѣ движущихся съ такою громадной скоростью атомовъ Гелія. Это заключеніе представляется намъ a priori очень вѣроятнымъ, разъ мы знаемъ, что атомы Радія и его потомковъ распадаются даже самопроизвольно.

Это приводитъ къ разсмотрѣнію вопроса: если атомы способны распадаться, то не имѣетъ ли человѣчество въ этомъ процессѣ къ своимъ услугамъ до сихъ поръ не подозрѣвавшіеся источники энергіи? Еслибъ Радій могъ расходовать свой запасъ энергіи съ такой же скоростью, какъ хлопчато-бумажный порохъ, то мы получили бы такое взрывчатое вещество, о которомъ и во снѣ не снилось. И наоборотъ, еслибъ мы могли регулировать этотъ расходъ энергіи Радія, мы получили бы покорный и могучій источникъ энергіи, конечно—все въ томъ предположеніи, что потребная добыча Радія была бы всегда къ нашимъ услугамъ. Но эта добыча крайне ограничена; можно съ увѣренностью сказать, что она никогда не превзойдетъ *полу-унца* въ годъ. Другое дѣло, еслибъ тѣ элементы, которые мы привыкли считать постоянными, могли распадаться съ освобожденіемъ энергіи. Еслибы былъ найденъ какой-нибудь катализаторъ, который ускорилъ бы ихъ

[1]) Въ такой формѣ это сопоставленіе дѣйствительно поражаетъ, но внушительность этой цифры исчезаетъ, когда примемъ во вниманіе, что взрывъ гремучаго газа произойдетъ въ какую-нибудь десятую часть секунды, а съ нитономъ растянется на 345.000 секундъ, т.-е. произойдетъ въ три съ половиною милліона разъ медленнѣе.

[2]) Эти результаты изслѣдованій Рамзея были подвергнуты сомнѣнію, но Рамзей уже отразилъ возраженія своихъ критиковъ.

почти немыслимо медленный процессъ распада—тогда и только тогда можно было бы говорить о какой-нибудь перемѣнѣ въ будущихъ судьбахъ человѣчества.

Весь прогрессъ человѣчества зависѣлъ отъ того, что отдѣльные его представители открывали способы концентрировать энергію и превращать однѣ ея формы въ другія. Хищныя животныя раздираютъ пищу когтями и перетираютъ ее зубами. Первый человѣкъ, вооружившійся дубиной, открылъ тайну сосредоточиванія энергіи на небольшомъ пространствѣ. Далѣе пошелъ изобрѣтатель копья—теперь его энергія сосредоточивалась уже въ одной точкѣ; стрѣла подвинула его еще далѣе, потому что на этотъ разъ копье приводилось въ движеніе уже механической силой; натянутая пружина арбалета, пуля, гонимая сжатымъ горячимъ газомъ, сначала отъ чернаго пороха, затѣмъ отъ новѣйшихъ взрывчатыхъ веществъ—все это послѣдовательные этапы развитія. Или вотъ примѣры изъ другой области. Пристлей получилъ кислородъ изъ окиси ртути, концентрируя на ней энергію солнечнаго свѣта зажигательнымъ стекломъ. Дэви пошелъ далѣе; концентрируя электрическую энергію могучей батареи на кончикѣ тонкой проволоки, онъ выдѣлилъ калій и натрій изъ ихъ соединеній.

Истекшій вѣкъ сдѣлалъ много для разрѣшенія задачи о превращеніи энергіи съ наименьшей ея тратой. Хорошая паровая машина превращаетъ въ работу одну восьмую энергіи, заключенной въ топливѣ; семь восьмыхъ пропадаютъ безъ пользы; газовая машина (машина внутренняго сгоранія) утилизируетъ уже одну треть, но двѣ трети все же пропадаютъ безъ пользы. Сократить эту безполезную трату—составляетъ одну изъ нашихъ насущныхъ задачъ.

Средина девятнадцатаго вѣка всегда будетъ считаться золотымъ вѣкомъ науки, эпохой широкихъ обобщеній въ области философской, экономической и научной. Мы превращаемъ скрытую энергію топлива въ энергію движенія маховика; благодаря Фарадею, мы превращаемъ энергію маховика въ электричество и наоборотъ, и эта послушная сила, работая за насъ, доставляетъ намъ досугъ и дозволяетъ маленькой странѣ прокармливать ея громадное населеніе.

Принято считать, что Аѳинская республика достигла высшаго уровня развитія въ области литературы и философіи. Причина этого ясна; каждый свободный аѳинскій гражданинъ имѣлъ необходимый досугъ думать и обсуждать свои мысли,—къ его услугамъ было по крайней мѣрѣ пять илотовъ. Каждый обитатель Британскихъ острововъ имѣетъ къ своимъ услугамъ *четырехъ* такихъ же илотовъ—въ формѣ каменнаго угля, доставляющаго ему необходимую энергію. Правда, средній англичанинъ не пользуется такимъ досугомъ, какъ

аѳинянинъ, и не потому ли именно маленькій островъ въ состояніи прокормить свое 45-ти милліонное населеніе.

Но этотъ запасъ угля не вѣченъ. На основаніи отчета королевской коммиссіи о добычѣ угля 1906-го года считалось, что этого запаса достанетъ всего на 175 лѣтъ. Но что такое 175 лѣтъ? Это три человѣческія жизни [1]). А что же будетъ далѣе? Наступитъ нищета и голодъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сэръ Норманъ Локіеръ, въ качествѣ предсѣдателя британской ассоціаціи, основалъ *Британскую Научную Гильдію*. Задача этой гильдіи—оказывать давленіе на правительство и на всю націю въ смыслѣ внушенія имъ о необходимости относиться ко всѣмъ вопросамъ, касающимся пользы государства и расы, со строго научной точки зрѣнія. А подъ наукой разумѣлось знаніе, основанное на опытѣ, и правильное разсужденіе, рождающее способность предвидѣть теченіе событій и по возможности направлять ихъ на благо человѣчества.

„Пораженный ни на чемъ не основаннымъ будничнымъ оптимизмомъ моихъ ненаучныхъ друзей",—говоритъ профессоръ Рамзей,—„я обратился къ „Гильдіи ученыхъ" съ предложеніемъ составить изъ соотвѣтствующихъ спеціалистовъ коммиссію, которая обсудила бы всѣ доступные намъ источники энергіи и способы ихъ эксплоатаціи". Коммиссія пришла къ выводу, что къ этимъ источникамъ энергіи должны быть отнесены, кромѣ угля: приливы, внутренняя теплота земли, вѣтеръ, солнечная теплота, водяная сила, эксплоатація лѣсовъ и торфяниковъ и, наконецъ, распадъ элементовъ, освобождающій при этомъ энергію. А вотъ краткій итогъ заключеній, къ которымъ пришла комиссія по отношенію къ возможной эксплоатаціи этихъ источниковъ энергіи. Извѣстный физикъ Струттъ (сынъ еще болѣе извѣстнаго физика лорда Рэлея) пришелъ къ заключенію, что утилизація внутренняго тепла земли была бы непрактична [2]). Другіе изслѣдователи пришли къ выводу, что вѣтеръ, приливы и водяная сила, конечно, могутъ успѣшно эксплуатироваться, но что въ сравненіи съ углемъ этотъ источникъ незначителенъ. Мало надежды и на утилизацію солнечнаго тепла, при пасмурномъ климатѣ Британскихъ острововъ [3]). И, нако-

---

[1]) Рамзей приводитъ здѣсь примѣръ изъ Англійской исторіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось приводить примѣръ можетъ быть еще болѣе разительный: я зналъ человѣка, который зналъ человѣка, видавшаго Людовика XIV.

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возражая на эту мысль, высказанную Бертло, я говорилъ: не значило ли бы это, по словамъ французской поговорки: „brûler la chandelle par les deux bouts", т.-е. къ безпечной растратѣ солнечной энергіи на поверхности планеты присоединять еще трату ея внутренняго тепла черезъ искусственныя отдушины.

[3]) Совершенно иное дѣло—на безконечномъ просторѣ нашихъ степей, при нашемъ континентальномъ климатѣ. Болѣе сорока лѣтъ я не упускаю случая напоми-

нецъ, *было бы безуміемъ расчитывать какъ на запасъ энергіи на ускоренное освобожденіе энергіи распадающихся атомовъ.*

Должно обратить вниманіе на сбереженіе лѣсовъ и разработку торфяниковъ, и въ этомъ отношеніи Британія могла бы взять примѣръ съ Германіи и Франціи. Сверхъ того, увеличеніе площади лѣсовъ имѣло бы послѣдствіемъ и увеличеніе водяной силы, такъ какъ безъ лѣсовъ дождевая вода быстро достигаетъ моря, вмѣсто того, чтобы обезпечивать постоянный и лучше используемый запасъ. Но пока уголь остается нашимъ главнымъ источникомъ энергіи, все вниманіе должно быть обращено на экономическое пользованіе имъ. Одна замѣна обыкновенныхъ паровыхъ машинъ турбинами и газовыми дала бы экономію въ 30%. Непосредственное превращеніе химической энергіи угля въ электрическую вызвало бы цѣлую революцію въ нашихъ идеяхъ и нашихъ практическихъ пріемахъ—и нельзя сказать, чтобы нѣчто подобное было немыслимо.

„Въ заключеніе,—такъ закончилъ свою рѣчь профессоръ Рамзей,—нѣсколько словъ въ защиту чистой науки, независимо отъ ея приложеній. Открытіе явленій радіоактивности значительно расширило предѣлы научной мысли; *хотя сами они вѣроятно не найдутъ себѣ примѣненія* помимо медицины, но они навели насъ на мысль о возможности такой концентраціи энергіи, о какой мы не имѣли понятія, и эти знанія могутъ послужить на благо всего человѣчества. Но пока я обращаюсь только къ *Британской Ассоціаціи* и я позволю себѣ напомнить, что нашъ долгъ—заботиться о поддержаніи благосостоянія нашего народа, заботиться о томъ, чтобы передать потомству на-

---

нать, что каждый неуловленный лучъ солнца—*богатство*, потерянное *навсегда* и за растрату котораго болѣе просвѣщенное потомство осудитъ своихъ невѣжественныхъ предковъ. На одной изъ предшествовавшихъ сессій Британской ассоціаціи обсуждался вопросъ о тѣхъ, стоющихъ сотни тысячъ долларовъ, аппаратахъ, которые теперь пускаются въ ходъ въ Калифорніи. Но болѣе практичной представляется мнѣ простая, такъ сказать кустарная, эксплоатація солнечнаго тепла при помощи солнечныхъ насосовъ Мушо, Телье и др., которые помогли бы намъ бороться съ засухами и голодовками. Особенно просты насосы Мушо, для функціонированія которыхъ требуются спеціально русскіе матеріалы—петролейный эѳиръ и листовое желѣзо. Припоминаю, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ я присутствовалъ въ Парижѣ на первой пробѣ жнейки, автоматически вяжущей снопы. Демонстрировавшій ее американецъ, узнавъ, что я—русскій, обратился ко мнѣ со словами: „А вотъ дешевой проволокой для вязанія сноповъ должны насъ снабдить вы, русскіе, точно такъ же, какъ вы же должны были давно покрыть вашимъ листовымъ желѣзомъ весь свѣтъ, никто съ вами въ этомъ не могъ бы конкуррировать“. Но съ той поры что-то не приходилось слышать о ростѣ нашего желѣзнаго экспорта за границу; на оборотъ, приходилось читать, что явившееся въ деревняхъ стремленіе замѣнять солому желѣзомъ столкнулось съ подъемомъ цѣны на кровельное желѣзо.

слѣдіе, достойное того, которое мы сами получили отъ предшественниковъ".

Особенность Британской ассоціаціи, пока еще не перенятая другими странами—та, что кромѣ общаго предсѣдателя всей ассоціаціи говорятъ общія рѣчи и предсѣдатели секцій. На этотъ разъ рѣчи предсѣдателей физико-математической и химической секцій не представляли интереса новизны, такъ какъ затрагивали или вопросы, въ которыхъ за послѣднее время не прибавилось ничего новаго, или поднимали такой чисто академическій вопросъ—что важнѣе для изслѣдователя: руководиться ли въ своей дѣятельности обобщающей „рабочей гипотезой или кропотливо собирать голые факты, въ ожиданіи, что можетъ быть изъ этого что-нибудь и выйдетъ? Но во всякомъ случаѣ представители этихъ наукъ оставались на строго научной почвѣ, чего нельзя сказать о представителяхъ біологическихъ наукъ. Здѣсь ясно прозвучала та ретроградная тенденція, которая все громче и громче заявляетъ о себѣ въ извѣстныхъ кругахъ біологовъ. Особенно ясна она была въ рѣчи предсѣдателя зоологической секціи Д'Арси Томпсона, вопреки обычаю даже придавшему ей замысловатый заголовокъ: *Magnalia Naturae* [1]), разумѣя подъ нимъ „Величайшія проблемы біологіи".

Ученый зоологъ (впрочемъ болѣе извѣстный какъ рыбоводъ) заводитъ рѣчь о той, будто бы наступившей новой эпохѣ въ развитіи наукъ, когда „обсужденіе смысла, предѣловъ примѣненія и философіи эволюціи, благодаря паренію мысли Бергсона, достигаетъ высотъ, недоступныхъ ни Дарвину, ни Спенсеру", когда „жизненная сила, забытая въ теченіе цѣлаго вѣка, снова звучитъ какъ вопросъ вполнѣ реальный, настоятельный, быть можетъ самый настоятельный для современнаго біолога", когда „Дришъ открыто возвращается къ Аристотелевой *энтелехіи*", когда охотно вспоминаются слова Тревирануса: „Пшеничное зерно, конечно, сознаетъ, что оно въ себѣ таитъ и что его ожидаетъ впереди; ему снятся сны объ этомъ будущемъ".

Припоминая далѣе слова Кюне, когда-то сказанныя имъ при посѣщеніи Кэмбриджа: „послѣднія поколѣнія физіологовъ въ цѣломъ уже привыкли къ механическому или, правильнѣе, физико-химическому толкованію явленій, между тѣмъ какъ зоологи по большей части оставались виталистами", шотландскій зоологъ утѣшаетъ себя мыслью, что теперь и физіологи признаютъ будто бы методы Гельмгольца, Лудвига, Клодъ-Бернара и др. безсильными передъ задачами современной науки.

---

[1]) Т.-е. „Великія дѣла природы",—выраженіе, попадающееся у Бэкона, но, по свидѣтельству Томпсона, заимствованное имъ у апостола Павла.

Вынужденный, далѣе, согласиться, что физическія объясненія уже съ успѣхомъ вторгаются въ область экспериментальной морфологіи клѣточки (онъ особенно подробно останавливается на явленіяхъ поверхностнаго натяженія)—Томпсонъ снова себя утѣшаетъ мыслью, что „съ какимъ бы успѣхомъ эти физическія объясненія ни примѣнялись, они не проникнутъ въ самую сердцевину великихъ проблемъ біологіи, лежащихъ въ совершенно иной, болѣе глубокой плоскости", и снова возвращается мыслью „къ Дришу, который, начавъ „механистомъ", успокоился только дойдя въ попятномъ движеніи до Аристотеля, съ его парными и тройными душами, къ Бергсону, взмывающему въ метафизическія выси, куда біологъ, какъ біологъ, никогда самъ не вскарабкался бы, и поучающему насъ, что ни идея механизма, ни идея финализма не можетъ удовлетворить насъ, что только „въ абсолютномъ мы живемъ и движемся и существуемъ".

„Итакъ",—торжествуетъ велерѣчивый зоологъ,—„мы заканчиваемъ тѣмъ же, съ чего начали", — и вотъ его окончательный выводъ. „При всемъ ростѣ нашихъ знаній, при всей помощи постороннихъ наукъ, вторгающихся въ нашу, все болѣе и болѣе выясняется фактъ недовольства біологовъ современнымъ состояніемъ біологіи; въ общемъ, настроеніе ихъ далеко не ликующее. Разсужденія и выводы предшествовавшаго поколѣнія нуждаются въ пересмотрѣ". Шотландскій зоологъ недоволенъ направленіемъ науки, отмѣтившимъ тотъ періодъ, который Рамзей назвалъ ея золотымъ вѣкомъ. Въ чемъ же недостатокъ этого направленія и какъ помочь горю? Отвѣтъ оратора отличается категорической ясностью.

Аристотель говоритъ, что всякая мудрость начинается съ удивленія. „Если удивленіе, какъ говоритъ тотъ же Аристотель, беретъ начало отъ невѣдѣнія причины явленія, то оно не исчезаетъ и тогда, когда мы раскрываемъ ближайшую причину явленія, его физическую причину, causa officiens. Потому что гдѣ-то далеко за этой физической причиной лежитъ конечная причина философа, причина, отвѣчающая на вопросъ *зачѣмъ*, въ которомъ кроются всѣ загадки органической гармоніи и жизненной автономіи, всѣ тайны кажущихся цѣлей, приспособленія, прилаженности, умысла. Тамъ-то, въ области телеологіи, мы начинаемъ разочаровываться въ простомъ раціонализмѣ, который руководилъ нами въ области физическихъ явленій и причинъ, и раздается призывный голосъ той интуиціи, которая такъ сродни—Вѣрѣ".

При всей бросающейся въ глаза несостоятельности этой рѣчи, отличающейся именно тѣмъ непониманіемъ „духа науки", о которомъ говоритъ Рамзей — автора ея нельзя укорить въ недостаткѣ благородной искренности. Спасеніе науки онъ видитъ только въ возвратѣ

къ телеологіи или, еще лучше, прямо къ натуръ-теологіи, и все его „недовольство“ очевидно сосредоточивается на томъ представителѣ „золотого вѣка“, который навсегда изгналъ ихъ изъ области науки. И онъ честно и смѣло высказываетъ свои убѣжденія.

Того же нельзя сказать о рѣчи предсѣдателя секціи агрономіи, главы современныхъ англійскихъ анти-дарвинистовъ — Бэтсона. Онъ, какъ извѣстно, покинулъ свою каѳедру въ Кэмбриджскомъ университетѣ и сдѣлался директоромъ вновь учрежденной агрономической опытной станціи. Упоминая въ своей рѣчи о дарвинизмѣ, онъ презрительно называетъ его „Викторіанской [1]) телеологіей“. Невольно вспоминается совѣтъ, который гдѣ-то даетъ Щедринъ: если „сознаешь въ себѣ какой-нибудь порокъ—просто припиши его своему противнику“. Вся рѣчь Бэтсона въ качествѣ предсѣдателя агрономической секціи является новымъ акафистомъ Менделю, и вся задача агрономіи сводится къ примѣненію „менделизма“, а Мендель на этотъ разъ приравнивается уже не Ньютону, а Пастеру—такъ и говорится: „Геніи, подобные Пастеру или Менделю, отъ времени до времени освѣщаютъ путь науки“ [2]). Ученому, стоящему во главѣ агрономической опытной станціи, необходимо, сверхъ зоологическихъ свѣдѣній, обладать еще свѣдѣніями химическими и ботаническими, отсутствіе которыхъ Бэтсонъ пытается замѣнить огульнымъ забвеніемъ или отрицаніемъ роли этихъ наукъ. О значеніи химіи онъ даже не упоминаетъ, а о *фитопатологіи* позволяетъ себѣ говорить, что „въ этой области не сдѣлано почти ничего, что могло-бы пойти въ сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлано въ примѣненіи къ животному“. Ему очевидно неизвѣстно, что дѣятельность Тюлана, Кюна, Де-Бари, Воронина и др. положила основаніе всей методикѣ изученія паразитарныхъ болѣзней.

Почти вся рѣчь Бэтсона состоитъ изъ предположеній или простыхъ

[1]) Обычное для англичанъ обозначеніе длинной эпохи царствованія Викторіи.

[2]) Напомню, что вся заслуга Менделя заключается въ тщательномъ изученіи однаго частнаго случая наслѣдственной передачи признаковъ при скрещиваніи (зеленаго и желтаго гороха), который Мендельянцы всякими натяжками пытаются превратить въ основной законъ наслѣдственности. Достаточно сказать, что этотъ пресловутый законъ (не Менделя, а Мендельянцевъ) непримѣнимъ къ самому интересному случаю: къ человѣку. По ихъ закону потомство отъ браковъ бѣлыхъ и негровъ должно состоять изъ чистыхъ бѣлыхъ и чистыхъ негровъ, а получаются, какъ всякому извѣстно, мулаты, квартероны и т. д. Непримѣнимъ законъ мендельянцевъ и къ тѣмъ случаямъ, когда продуктъ скрещиванія не даетъ средней формы (напр.. когда мелколистная и крупнолистная форма даетъ еще болѣе крупные, а не средніе листья) или даетъ совершенно новыя формы. Вообще мендельянцы, какъ не физіологи, не углубляются въ анализъ явленія, не ищутъ объясненія, почему въ однихъ случаяхъ признаки не смѣшиваются, въ другихъ смѣшиваются, въ третьихъ оказываютъ взаимное дѣйствіе—а пока это не разъяснено, ни о какихъ общихъ законахъ наслѣдственности не можетъ быть и рѣчи.

догадокъ о томъ, что въ состояніи дать въ будущемъ Менделизмъ или изобрѣтенная Бэтсономъ новая наука „Генетика", т.-е. ученіе о наслѣдственности, которое онъ почему-то не считаетъ частью физіологіи, а какой-то новой областью знанія. При этомъ онъ нерѣдко обѣщаетъ съ помощью этихъ новыхъ наукъ разрѣшать такіе вопросы, которые очень удовлетворительно разрѣшены уже современной наукой и практикой. Такъ напримѣръ, поднимая вопросъ о томъ, какъ получить ленъ съ длиннымъ и тонкимъ волокномъ, онъ обѣщаетъ разрѣшеніе этой задачи при помощи мендельянскаго анализа, какъ будто не подозрѣвая, что пріемы разрѣшенія ея уже давно извѣстны. Съ одной стороны практика давно выработала двѣ разновидности этого растенія: одну съ прямыми, почти не вѣтвящимися стеблями и малочисленными верхушечными цвѣтами, разводимую для волокна, и другую, на оборотъ, съ сильно вѣтвящимся стеблемъ и многочисленными цвѣтами, разводимую для сѣмянъ, т.-е. для масла. Съ другой стороны, и теорія, и культура знаютъ, какъ удлинять и утоньшать волокно: это—густой посѣвъ, о чемъ извѣстно каждой крестьянской бабѣ. Бэтсонъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ и предлагаетъ ждать всего отъ мендельянскаго анализа, вмѣсто того, чтобы достигать еще лучшихъ результатовъ посредствомъ дальнѣйшаго отбора и соотвѣтственной культуры.

Отбора! Но его-то Бэтсонъ и не признаетъ: онъ развязно позволяетъ себѣ утверждать, что „этотъ пріемъ только отстраняетъ насъ отъ изученія отбираемаго матеріала, становится какой-то ширмой между нами и дѣйствительными явленіями" [1]). И это говорится въ виду тѣхъ чудесъ, которыя осуществляетъ за океаномъ Бурбанкъ, въ виду блестящихъ результатовъ, получаемыхъ извѣстнымъ, также американскимъ, ботаникомъ Уэбберомъ съ отборомъ хлопка.

Такъ же глумится Бэтсонъ надъ Дарвиномъ, за то что тотъ называетъ „благотворнымъ" послѣдствіе перваго скрещиванія мало различающихся между собою формъ, не анализируя ближе причину этого явленія [2]). Но на этотъ разъ онъ самъ долженъ сознаться, что, примѣняя это открытіе Дарвина, американскіе агрономы могли увеличить урожайность кукурузы на 95%. Что же изъ этого, говоритъ Бэтсонъ,

[1]) Опять, по Щедринскому рецепту: „отбору" дѣлается тотъ упрекъ, который уже сдѣланъ мендельянцамъ—что они-то именно не ставятъ вопроса, почему зеленый и желтый горохъ не даютъ желто-зеленаго, а синіе и желтые цвѣты даютъ зеленые—вопроса, отвѣтъ на который физіологія, вѣроятно, не затруднилась бы дать.

[2]) Извѣстно, что Дарвину нужно было доказать „благотворность" или полезность этого процесса только для того, чтобы получить общій ключъ для пониманія тѣхъ безчисленныхъ мудреныхъ приспособленій, которыя встрѣчаются въ природѣ. Эту строго поставленную общую задачу онъ разрѣшилъ строго поставленными опытами, изложенными въ цѣломъ томѣ изслѣдованій.

когда мы все же не понимаемъ, почему это происходитъ и почему въ слѣдующихъ поколѣніяхъ это явленіе не повторяется. Но вѣдь и самъ онъ только задаетъ вопросъ, ни на шагъ не подвигаясь въ его разрѣшеніи. А „это, поясняетъ Бэтсонъ, потому что наша наука — генетика, очень молодая наука, и когда мы говоримъ о томъ, что она способна сдѣлать, мы разсчитываемъ на долгосрочный кредитъ". Чѣмъ на пустомъ мѣстѣ взывать къ „долгосрочному кредиту", не лучше ли было бы оратору во время вспомнить одно изъ тѣхъ изреченій писанія, до которыхъ онъ такой охотникъ и о которомъ онъ самъ ранѣе упоминаетъ въ своей рѣчи: „Не хвались на рать идучи" и т. д.

Изъ сопоставленія приведенныхъ трехъ рѣчей выступаетъ впередъ поразительный контрастъ, характеризующій настоящій моментъ, переживаемый науками физическими и науками біологическими. Между тѣмъ какъ первыя выдвигаютъ впередъ высоко талантливыхъ и геніальныхъ дѣятелей и эти дѣятели, сознавая, на что они сами способны, отдаютъ справедливую дань уваженія своимъ предшественникамъ, называя ихъ время „золотымъ вѣкомъ науки",—представители біологіи относятся къ своимъ предшественникамъ этого „золотого вѣка" съ нескрываемымъ озлобленіемъ, берущимъ начало изъ совершенно ненаучнаго источника, просятъ „долгосрочнаго кредита" для продуктовъ своей собственной бездарной дѣятельности и съ отрадой отдыхаютъ на пустопорожней болтовнѣ какого-нибудь Бергсона [1]) въ ожиданіи окончательнаго возврата къ темнымъ вѣкамъ схоластики и безотчетной вѣры. Между тѣмъ какъ біологи тщетно пытаются признать геніальными скромныя наблюденія Менделя, потому только, что ихъ авторъ — монахъ, физики съ уваженіемъ поминаютъ другого монаха (Роджера Бэкона), еще на исходѣ эпохи крестовыхъ походовъ угадавшаго тотъ коренной переворотъ въ общемъ складѣ человѣческой мысли, который принесетъ съ собою опытная наука.

К. Тимирязевъ.

[1]) Біологи того лагеря, къ которому принадлежитъ Томпсонъ, повидимому, очень довольны изреченіемъ Бергсона, что физики могутъ руководиться разумомъ, біологи же успѣшнѣе руководятся инстинктомъ (см. Nature, Oct. 12, 1911: Biological Philosophy).

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Неурожай и голодъ. — Неподготовленность администраціи и боязнь общественныхъ чувствъ.—Мрачная картина начинающейся голодовки въ 12-ти губерніяхъ внутренней России и въ Западной Сибири. — Цынга, тифъ. — Общественныя работы, какъ первая, неудачная помощь населенію.—Разочарованіе въ этомъ мѣропріятіи.—Общая неотложная задача.

Снова на Россію надвинулась бѣда, которая лѣтомъ отмѣчается блѣдными, неувѣренными словами: „недородъ", „неурожай", а осенью и зимой именуется коротко и зловѣще: „голодъ". Еще въ началѣ лѣта заѣхавшій въ Петербургъ небольшой помѣщикъ говорилъ мнѣ:— Странно какъ-то живутъ у васъ здѣсь, слѣпо и безпечно. Никто, напримѣръ, не знаетъ, что на западную Сибирь обрушилось громадное несчастье: всѣ степи выжжены, травы погибли, скотъ падаетъ тысячами, населеніе въ отчаяніи, потому что впереди нищета и голодъ. Помощь для такой далекой окраины нужно организовать умѣло и заблаговременно, а въ Петербургѣ и разговоровъ объ этомъ не слыхать.

Прошло лѣто—и обнаружилось, что не только Сибирь, но и нѣсколько губерній внутренней Россіи захвачены той же бѣдой. Несчастье знакомое, привычное, мрачное. Уже впередъ извѣстно, что если случился „недородъ" или „неурожай", то неизбѣжны по деревнямъ падежъ скота, цынга, тифъ, нетопленныя избы, массовое вымираніе дѣтей. Хилому организму всякая болѣзнь,—для здороваго человѣка, можетъ быть, пустяшная, — грозитъ смертельной опасностью. И для нашей хилой деревни слово „неурожай" звучитъ совсѣмъ не такъ, какъ въ Западной Европѣ. Тамъ неурожаи (случающіеся, къ тому же, безпримѣрно рѣже) влекутъ нѣкоторое оскудѣніе зажиточнаго хозяйства. У насъ неурожай всегда въ грозной, неизбѣжной близости съ голодомъ. Истина, извѣстная въ Россіи всѣмъ и каждому. Но—увы!— ее приходится при каждомъ новомъ неурожаѣ доказывать вновь и съ такой же настойчивостью. Еще на свѣжей памяти недавнія печальныя голодовки, когда газетамъ строго было запрещено слово „голодъ", замѣнявшееся смягчительнымъ словомъ „недородъ", и когда крупное и мелкое начальство всячески старалось накинуть вуаль на мученическое лицо деревни. Въ тѣхъ или другихъ формахъ нѣчто подобное совершается и теперь. Снова какъ-то не торопятся оффиціально признать бѣду деревни, снова запаздываютъ съ организаціей помощи, снова склонны преуменьшать несчастье и прикрывать язвы

деревни. И снова на первый планъ выдвигается наша специальная, чисто русская „политика". Администрація, заподазривающая въ каждомъ движеніи общества стремленіе къ разрушительной „политикѣ", сама больна этой самой „политикой" въ обостренной степени, вплоть до галлюцинацій. И въ этомъ главная причина тѣхъ печальныхъ уродливостей русской жизни, которыя выростаютъ отъ непреодолимой боязни простыхъ, добрыхъ чувствъ, пробуждающихся въ населеніи: тяжелыя картины голоданія крестьянъ и стоны ослабѣвшей деревни могутъ вѣдь разбудить жалость въ обществѣ, поднимется шумъ, потекутъ пожертвованія, а затѣмъ,—и это самое главное,—сотни и тысячи отзывчивыхъ людей двинутся въ деревню устраивать столовыя, лечить и кормить населеніе. И администраціи мерещатся отряды агитаторовъ и пропагандистовъ, которые подъ личиной сострадальцевъ деревни начнутъ сѣять огонь и бурю революціи. Лучше задержать или уменьшить помощь, лучше довести деревню до повальныхъ болѣзней, чѣмъ примириться съ такой опасностью. Рядомъ съ этимъ возникаютъ всякія препирательства вѣдомствъ, учрежденій и начальственныхъ лицъ. Правительство не вѣритъ земскимъ учрежденіямъ, земства ничего хорошаго не ждутъ отъ правительства, и продовольственное дѣло, которое то отнималось отъ земства, то вновь ему передавалось, никакъ не можетъ пріобрѣсти прочной, увѣренной устойчивости. Къ тому же многія нынѣшнія земства, почти сплошь состоящія изъ правыхъ, безъ ненависти не могутъ слышать о тѣхъ или другихъ удачныхъ мѣропріятіяхъ прежняго либеральнаго земства. Поэтому помощь такого, напримѣръ, заслуженнаго и мощнаго учрежденія, какъ общеземская организація, земствомъ настойчиво отклоняется. Общеземская организація, кромѣ почетнаго прошлаго, имѣетъ въ настоящее время, какъ сообщали газеты, милліонъ рублей. Немедленно къ ней, конечно, потекли бы и новыя пожертвованія. Сверхъ того, общеземская организація умѣла доставать изъ правительственныхъ суммъ милліонныя ассигновки; сумѣла бы сдѣлать это она и теперь. И денежныя средства, и энергія организаціи для нынѣшнихъ земствъ не нужны. Лицо, близкое къ общеземской организаціи, писало мнѣ на дняхъ: „Помощь врядъ ли будетъ допущена въ центральныхъ губерніяхъ, такъ какъ земства крѣпко держатся за свое право организаціи помощи. На окраины же, вѣроятно, будутъ посланы коммисары организаціей, у которой и сейчасъ милліонъ". Таковы сарказмы нынѣшней русской жизни: организація, составившаяся изъ прежнихъ земскихъ силъ и вполнѣ правомѣрно именовавшаяся „общеземской организаціей", нынѣ отбрасывается земствомъ, безпомощно стоитъ внѣ круга земской дѣятельности и, словно

личной милости, ждетъ позволенія приложить свою недюжинную энергію къ помощи голодающему населенію.

Возникаютъ споры о способахъ помощи. Одни отстаиваютъ ближайшую, естественную и скорѣйшую помощь посредствомъ кормленія и раздачи хлѣба; другіе настаиваютъ на устройствѣ общественныхъ работъ, ибо безплатное кормленіе можетъ „развращать" населеніе. Ужъ, казалось-бы, можно было отложить споры о нравственномъ воспитаніи того населенія, которое почти повально болѣетъ голоднымъ тифомъ; но именно въ это время горячая полемика о нравственности крестьянъ разгорается съ особой силой. А тѣмъ временемъ запаздываютъ съ закупкой хлѣба, запаздываютъ съ организаціей общественныхъ работъ, запаздываютъ съ ассигновкой необходимыхъ суммъ, и деревня ждетъ и ждетъ, болѣетъ, хирѣетъ... Нечего ужъ и говорить о такихъ народныхъ заступникахъ, какъ членъ Гос. Думы Марковъ 2-й. Онъ уже не постѣснился съ высоты думской трибуны назвать голодающихъ „лодырями". Марковы и Пуришкевичи вообразили, что цинизмъ весьма имъ къ лицу, и чѣмъ больше шума вызываютъ ихъ выходки, тѣмъ болѣе разгорается ихъ своеобразное вдохновеніе. Но грустно то, что къ такому-же циническому и жестокому взгляду склонны многія лица, разсыпанныя по Россіи и являющіяся для деревни начальствомъ. Отъ нихъ нерѣдко зависитъ въ прямомъ смыслѣ жизнь и смерть населенія. Недавно пришлось мнѣ продолжительно бесѣдовать съ лицомъ, работавшимъ на голодовкѣ 1898-го года въ Уфимской губерніи. Между прочимъ собесѣдникъ отмѣтилъ такой штрихъ жизни: къ отряду, подававшему помощь голодавшему населенію, явился изъ сосѣдней волости взволнованный священникъ и заявилъ, что у него въ приходѣ повальный тифъ и цынга; есть семьи, въ которыхъ уже по нѣсколько дней ничего не ѣли; у него сердце разрывается отъ стоновъ старухъ и плача дѣтей, и онъ умоляетъ поскорѣе оказать его приходу помощь. Выслушали его не безъ удивленія, такъ какъ волость эта была отмѣчена въ спискахъ, со словъ земскаго начальника, сравнительно благополучной. Конечно, встревожились и немедленно обратились къ земскому начальнику съ просьбой разрѣшить сдѣлать обходъ волости и открыть въ ней столовую. Земскій начальникъ рѣзко отвѣтилъ: „Въ моемъ участкѣ нѣтъ голодающихъ. А тунеядства я не поощряю". Ему указали на свидѣтельство священника. Земскій начальникъ настойчиво и непреклонно повторилъ: „Въ моемъ участкѣ нѣтъ голодающихъ. Если бы были, я самъ сумѣлъ бы исхлопотать помощь. А разъ я не хлопочу, значитъ голодовки нѣтъ. Хозяйничать въ моемъ участкѣ никому не позволю". Дальше слѣдуетъ трогательная исторія, какъ священникъ тайкомъ отъ земскаго начальника бралъ изъ отряда

хлѣбъ, зерно, муку и разносилъ по своему приходу. Много было приложено труда и хитрости. А не хитрить, не скрытничать нельзя было: со стороны упрямаго земскаго начальника могло воспослѣдовать не только прекращеніе помощи, но и донесеніе высшему начальству на священника и на пришлыхъ интеллигентовъ за „развращеніе“ населенія. И въ концѣ концовъ, полной, планомѣрной помощи нельзя было оказать; спасены были лишь явно погибавшіе отъ голода.

Весьма возможно, что и въ настоящее время такія жестокосердныя начальственныя лица дѣйствуютъ вблизи деревни, и голодающее населеніе въ своей отдаленной, оторванной отъ міра глуши хранитъ вынужденное молчаніе. Слѣдуетъ, разумѣется, допустить, что кое-гдѣ будутъ тянуться къ безплатной помощи и люди, не вполнѣ заслуживающіе названіе голодающихъ. Но, во-первыхъ, не отъ роскошной жизни тянутся и такіе люди за нищенскимъ подаяніемъ, а, во-вторыхъ, истинно отзывчивые люди думаютъ не объ этихъ единицахъ, а о тѣхъ тысячахъ доподлинно голодныхъ, упавшихъ духомъ и тѣломъ людей, которые очень часто и просить-то не смѣютъ и не умѣютъ, а попросту неслышно гибнутъ. Какъ когда-то по поводу судовъ хорошо было сказано: „Лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго“, такъ и въ тяжелые неурожайные годы слѣдовало-бы принять за общее правило: „Лучше накормить десять не очень нуждающихся, чѣмъ оставить безъ помощи одного умирающаго отъ голода“.

А общая мрачная картина голодовки, захватившей значительную часть Сибири и нѣсколько губерній внутренней Россіи, уже, къ сожалѣнью, внѣ всякихъ сомнѣній. Отдѣльныя газетныя извѣстія о „недородѣ“ и „неурожаѣ“ стали появляться съ первой половины лѣта. Затѣмъ сообщенія дѣлались все многочисленнѣе и безотраднѣе. Теперь во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ почти ежедневно появляются траурные столбцы, наполненные удручающими извѣстіями о печальномъ положеніи населенія въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ. „Русскія Вѣдомости“ извлекаютъ изъ „Извѣстій Главн. Упр. Землеустройства и Земледѣлія“ общіе выводы объ урожаѣ хлѣбовъ въ Европейской Россіи, составленные на основаніи 7.850 сообщеній, полученныхъ отъ хозяевъ-корреспондентовъ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики. „Опубликованныя цифры среднихъ сборовъ съ десятины главнѣйшихъ хлѣбовъ,—говоритъ газета,—обоснованныя, кстати сказать, на пробныхъ умолотахъ, свидѣтельствуютъ, что, помимо 12-ти губерній въ Европейской Россіи, причисленныхъ уже къ числу неурожайныхъ, надо отнести сюда же еще четыре, а именно губерніи Тамбовскую, Воронежскую, Ставропольскую и область Кубанскую. Затѣмъ въ остальныхъ неурожайныхъ гу-

берніяхъ Европейской Россіи неурожай получился не только для части хлѣбовъ, но для всѣхъ хлѣбовъ, какъ главнѣйшихъ, такъ и второстепенныхъ. Для нѣкоторыхъ губерній и хлѣбовъ этотъ неурожай огромный. Въ Оренбургской губерніи, напримѣръ, яровые дали въ среднемъ только 10 проц. обычнаго урожая, всего лишь по 6—7 пудовъ на десятину. Озимая рожь дала 15 проц. отъ средняго урожая, или въ среднемъ 8 пуд. съ десятины. Въ Самарской губерніи яровые дали 20—25 проц. средняго урожая, а озимая рожь—35 проц. Въ общемъ недоборъ ржи, пшеницы, овса, ячменя и проса въ неурожайныхъ губерніяхъ за текущій годъ ужасающій. Такъ, въ Самарской губерніи недобрано противъ средняго урожая 145 милл. пудовъ, въ Оренбургской губ.—118 милл., въ области Войска Донского—114 милл., въ Саратовской губ.—почти 90 милл., въ Уфимской—70 милл., въ Пермской—49 милл., въ Симбирской—42, въ Вятской—41, въ Казанской—36, въ Пензенской—24, въ Нижегородской—13, въ Астраханской 11 милл. пудовъ. Итого въ 12-ти губерніяхъ противъ средняго урожая въ нынѣшнемъ году не добрали въ общей сложности 753 милл. пудовъ".

Эти цифры достаточно убѣдительны, чтобы доказать внушительные размѣры народнаго бѣдствія; но въ то же время онѣ слишкомъ сухи и мало говорятъ сердцу и воображенію. Краснорѣчивѣе въ этомъ смыслѣ отдѣльныя сообщенія изъ пострадавшихъ мѣстъ. „Оренбургскій Край" сообщаетъ: „По словамъ врачебнаго инспектора, въ Оренбургской губерніи съ сентября появились заболѣванія брюшнымъ тифомъ, общее число которыхъ съ начала эпидеміи достигло 419 человѣкъ обоего пола. Заболѣванія наблюдались въ 14-ти населенныхъ пунктахъ гражданской территоріи губерніи и въ 20-ти станицахъ и поселкахъ войска. За послѣднюю недѣлю въ амбулаторіяхъ участковыхъ лечебницъ Челябинскаго уѣзда зарегистрованы случаи заболѣванія цынгой (9 случаевъ) и желудочно-кишечныя заболѣванія (19 случаевъ). Пшеница въ размолѣ, взятая изъ нынѣшняго урожая въ с. Щучьемъ, оказалась неудовлетворительнаго качества: зерно проросло, мука очень темнаго цвѣта. Образцы этого зерна и муки въ данный моментъ подвергнуты химическому анализу. Употребленіе въ пищу хлѣба изъ подобной муки въ интересахъ общественнаго здравоохраненія не безразлично, и возможно, что употребленіе въ пищу такой муки является причиной желудочно-кишечныхъ заболѣваній. При изслѣдованіи питанія населенія Челябинскаго уѣзда выяснилось, что въ башкирскихъ селеніяхъ къ мукѣ прибавляютъ бѣлую глину, а въ другихъ населенныхъ пунктахъ—березку (родъ просянки), кору, картофель и другіе суррогаты". Изъ Омска пишутъ „Новому Времени": „Послѣдствія неурожая въ Акмолинской области и сосѣдней Тоболь-

ской губерніи начинають пагубно отражаться на крестьянскомъ населеніи. Голодъ положительно охватилъ весь край. Общественныя работы, организованныя мѣстной администраціей, далеко не могутъ удовлетворить той насущной потребности, которая ощущается среди крестьянства. Особенно пагубно отразился голодъ на переселенцахъ. Новоселы влачатъ жалкое существованіе. Едва успѣвъ обосноваться и не окрѣпнувъ, какъ слѣдуетъ, они принуждены снова искать убѣжища въ урожайной мѣстности. Отхожихъ промысловъ нѣтъ. Сборъ хлѣбовъ повсюду ничтожный, 8—10 пудовъ съ десятины. Цѣны на продукты страшно поднялись. Зато скотъ нипочемъ: цѣна хорошей коровы 10—15 руб., лошадь—15—20 руб. Сѣно 70 коп. пудъ. Торговцы воспользовались моментомъ и сильно подняли цѣны". Другой корреспондентъ той же газеты, вообще не склонной преувеличивать бѣдствія деревни и изобличать крупное или мелкое начальство, приводитъ печальную бесѣду съ мужиками изъ Ялуторовскаго уѣзда, Тобольской губерніи:—„Помогите! помираемъ окончательно... Третій годъ ужъ изъ силъ выбиваемся...—Да что такое? Почему третій годъ? Недородъ только нынѣ. — Въ третьемъ годѣ хлѣбъ плохо уродился въ нашихъ мѣстахъ отъ засухи, въ прошломъ году мѣстами выбило градомъ, а въ нынѣшнемъ снова недородъ, да такой, что и пуда съ десятины не собрали и нѣтъ для скота даже соломинки на цѣлую зиму... Совсѣмъ замотался народъ, совсѣмъ выбился изъ силъ.—Что же вы не просите своего крестьянскаго начальника?—Просили не разъ, кланялись... Пріѣзжалъ въ деревни, осматривалъ наше житье. Говоритъ: „можете еще пока прокормиться сами". Чѣмъ, баринъ?—спрашиваемъ. „У васъ, вонъ, указываетъ, есть имущество". На подушки бабьи указываетъ; говоритъ, проѣдайте подушки, имущество, потомъ поможемъ. Мы говоримъ: „баринъ, много ли на подушкахъ прокормишься? Вѣдь вся ей цѣна рубль, а хлѣбъ рубль семь гривенъ за пудъ". Машетъ только рукой. „Вотъ когда проѣдите все, тогда, сказываетъ, будемъ кормить, дадимъ работу".—Спросилъ я,—говоритъ дальше корреспондентъ,—о народномъ здравіи. „Плохо, говорятъ, нынѣ въ деревнѣ: горячка какая-то ходитъ по домамъ. Въ другой деревнѣ половина перевалялась въ постеляхъ. Не дай Богъ, какъ народъ хвораетъ. Въ нашей деревнѣ человѣкъ пять ужъ мужиковъ свалило въ землю, а насчетъ ребятишекъ не пересчитаешь"...

„Уральскій Край" сообщаетъ о начавшемся уже голодѣ среди башкиръ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ: „Бѣднѣйшая группа Кульмяковской волости не имѣетъ не только какого-либо запаса хлѣба, но уже сейчасъ поддерживаетъ свое существованіе распродажей скота и имущества. Продаютъ на сломъ надворныя постройки и даже дома за 2 р. 50 к.—3 рубля. То же самое явленіе наблюдается и въ Ка-

рабольской волости. Скотъ продается по 3 р. 75 коп. за голову. Никакихъ заработковъ населеніе башкирскихъ волостей и въ особенности Кульмяковской не имѣетъ, и въ будущемъ ихъ не предвидится. Въ Кульмяковской волости при опросахъ, между прочимъ, былъ посѣщенъ башкиръ Айябаевъ. Жена у него умерла, на рукахъ пятеро дѣтей. Корова и лошадь проданы. Весь купленный на вырученныя отъ этой продажи средства хлѣбъ уже съѣденъ. Пойти куда-либо искать работы Айябаевъ не можетъ: не на кого оставить ребятъ. Везти съ собой не на чемъ. Вся семья дня четыре уже ничего не ѣла. Старшій изъ сыновей отыскалъ гдѣ-то мѣшокъ изъ-подъ муки. Вывернулъ его и прилипшую къ мѣшку муку сталъ соскребать въ посудину съ водой. Получился изъ этого родъ тѣста, изъ котораго онъ сдѣлалъ нѣсколько лепешекъ и испекъ. И это былъ, пожалуй, послѣдній обѣдъ семьи. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, несмотря на явное начало бѣдствія, мѣстныя власти безжалостнымъ образомъ выколачиваютъ недоимки съ полуголоднаго населенія".

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" два священника, Іоаннъ Кедровъ и Николай Цвѣтковъ, призывая общество къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ, приводятъ въ своемъ письмѣ въ редакцію нѣсколько печальныхъ иллюстрацій съ мѣстъ. Изъ Челябинскаго уѣзда завѣдующій общественными работами въ неурожайныхъ мѣстностяхъ И. М. Поярковъ телеграфируетъ: „Нужна немедленная помощь Челябинскому уѣзду. Въ южныхъ волостяхъ уѣзда третій годъ неурожай, нужда страшная, особенно въ новыхъ поселкахъ, которыхъ насчитывается болѣе 50-ти". Хотя имъ, завѣдующимъ работами, открыты работы въ 129-ти селеніяхъ въ Челябинскомъ уѣздѣ, но, во-первыхъ, работы прокармливаютъ лишь рабочихъ, а не ихъ семьи; во-вторыхъ, есть семейства, не имѣющія работниковъ и этимъ семействамъ,—пишетъ Поярковъ, — необходима немедленная помощь хлѣбомъ. Кромѣ того нѣсколько селеній пострадали отъ лѣтнихъ пожаровъ, и до сего времени нѣкоторые не отстроились". Изъ Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи, учитель Никита Григорьевъ пишетъ: „Въ шести (онъ ихъ перечисляетъ) селеніяхъ Тетюшскаго уѣзда еще въ 1910-мъ году градомъ выбило хлѣбъ, еле собрали сѣмена. Въ нынѣшнемъ году при плохомъ урожаѣ опять повторилось градобитіе. Рожь вовсе не выходили жать, мѣстами косили, мѣстами пасли лошадей. Вслѣдствіе двухлѣтняго неурожая крестьяне терпятъ острую нужду: распродали и проѣли домашній скотъ, въ настоящее время совершенно голодны, съ голода пухнутъ, болѣютъ кровавымъ поносомъ и мрутъ. Изъ учащихся умерли двое. Семь человѣкъ хвораютъ, и четверо хвораютъ куриной слѣпотой. Не найдете ли возможнымъ открыть столовыя для больныхъ, слѣпыхъ, сиротъ, малолѣтнихъ, стариковъ и старухъ, кои неспособны къ труду.

Въ шести обществахъ въ настоящее время очень страдающихъ и ничѣмъ не пользующихся 750 человѣкъ. Документы, т.-е. удостовѣреніе волостного правленія и списокъ голодающихъ, обязуюсь представить по первому вашему требованію".

Правая саратовская газета „Волга" сообщаетъ: „Въ д. Ханеневкѣ, Марьинской волости, на почвѣ недоѣданія появились эпидемическія заболѣванія. Кромѣ Ханеневки, зарегистрировано еще шесть селеній той же волости, въ которыхъ наблюдаются голодныя заболѣванія. Положеніе селеній, не принимающихъ участія въ общественныхъ работахъ за отсутствіемъ лошадей и одежды, безъисходно. Ѣсть имъ совершенно нечего. Врачъ еланскаго медицинскаго участка, Аткарскаго уѣзда, сообщаетъ, что большого развитія эпидеміи тифа, цынги, скарлатины и дифтерита достигли въ с. Терсѣ. За недѣлю заболѣвшихъ было 80 человѣкъ. Почти нѣтъ улицы—говоритъ врачъ,—и даже дома, въ которыхъ не было бы больного или выздоравливающаго. Кажется, весь воздухъ здѣсь пропитанъ бациллами; заражаются даже взрослые, отъ 25 и до 50 лѣтъ включительно".

„Раздаются серьезныя предостереженія съ мѣстъ, — говоритъ сотрудникъ „Русскихъ Вѣдомостей", — указывающія, что бѣдствіе нынѣшняго года по своимъ размѣрамъ очень приближается къ злополучной годинѣ 1891-го года". „Крестьяне нашей мѣстности,—пишетъ корреспондентъ статистическаго отдѣленія симбирскаго губернскаго земства,—называютъ 1911-ый годъ голоднымъ годомъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни травы, ни ржи, ни яровыхъ хлѣбовъ, за исключеніемъ проса и гречи, которыя были посѣяны, къ сожалѣнью, въ небольшомъ количествѣ". Изъ наиболѣе пораженнаго недородомъ Сызранскаго уѣзда корреспондентъ сообщаетъ: „Настоящій годъ по урожаю и по остротѣ продовольственной нужды напоминаетъ прошедшіе 1891, 1898 и 1906 годы, которые крестьяне пережили при помощи правительственной ссуды. Послѣ тѣхъ неурожаевъ уменьшился скотъ и развилась огромная задолженность. Послѣ такихъ неурожаевъ поправляться надо въ продолженіе 10-ти лѣтъ хорошихъ урожаевъ. Настоящій годъ убилъ всѣ крестьянскія надежды на поправку нуждъ, оставшихся еще отъ прежнихъ неурожаевъ". „Крестьяне теперь говорятъ,—пишетъ учитель изъ Буинскаго уѣзда,—что 1911-ый годъ—голодный, что онъ не оставитъ у крестьянъ ни скота, ни избушки. Засѣяли поля, и осталось по полпуда хлѣба на семью въ 7—12 человѣкъ, и этимъ хлѣбомъ должны питаться весь годъ".

Изъ Уфы телеграфируютъ въ „Рѣчь", 14-го октября: „Въ губерніи быстро распространяется брюшной тифъ. Всего въ губерніи 871 больной. Болѣе всего больныхъ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ: 258. Главный разсадникъ болѣзни — голодъ". Той же газетѣ телеграфируютъ изъ

Самары: „По свѣдѣніямъ губернской управы, въ селѣ Пестравкѣ, Николаевскаго уѣзда, было около сорока случаевъ цынготныхъ заболѣваній, носящихъ, повидимому, эпидемическій характеръ. Высылаются спеціальные эпидемическіе отряды. Столь ранніе случаи цынготныхъ и тифозныхъ заболѣваній, начинавшихся въ прежнія голодовки въ ноябрѣ и декабрѣ, свидѣтельствуютъ о большой нуждѣ". „Русскому Слову" кратко телеграфируютъ изъ Оренбурга: „Оффиціально установленъ голодъ въ Троицкомъ уѣздѣ". А вотъ особый штрихъ той же картины. Изъ Сердобска, Саратовской губ., сообщаютъ „Русскому Слову": „Въ связи съ постигшимъ уѣздъ неурожаемъ число учащихся въ школахъ повысилось на 40 проц. Это отрадное при другихъ условіяхъ явленіе объясняется въ данномъ случаѣ полнымъ разстройствомъ крестьянскаго хозяйства, въ которомъ младшіе члены семьи, обыкновенно помогающіе въ общей работѣ, становятся „лишними ртами", и крестьяне шлютъ въ школу своихъ голодныхъ ребятъ, въ надеждѣ, что тамъ ихъ, быть можетъ, будутъ кормить".

Нѣтъ возможности привести здѣсь всѣ появляющіяся въ газетахъ извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, громадная часть этихъ мѣстъ еще ускользаетъ отъ наблюденія прессы, за неимѣніемъ въ деревняхъ достаточно грамотныхъ и достаточно отзывчивыхъ людей. Но слѣдуетъ только представить себѣ, что 12 губерній внутренней Россіи и значительная часть Сибири,—т. е. свыше 30 милліоновъ крестьянскаго населенія, — омрачены надвинувшейся тѣнью голодовки, чтобы ужаснуться тому большому горю, которое должна пережить Россія въ теченіе длинной зимы. Потребуется энергичный напоръ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ силъ, чтобы хоть нѣсколько ослабить эту всенародную бѣду. И очень печально, что всѣ принятыя до настоящаго времени мѣры отличаются слабостью и замедленностью. Въ грустномъ, напримѣръ, положеніи продовольственная помощь въ Самарской губерніи. „Чрезвычайное губернское земское собраніе, — сообщаетъ самарскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей",—обсуждая мѣропріятія по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, опредѣлило размѣръ продовольственной нужды, исчисленной губернской управой въ суммѣ 25 милл. 800 тыс. рублей, уменьшивъ ее на 20 проц. При этомъ было постановлено ходатайствовать объ отпускѣ: 1) необходимыхъ средствъ, не указывая размѣра, въ распоряженіе уѣздныхъ погорѣльческихъ комитетовъ для оказанія помощи погорѣльцамъ, какъ находящимся въ особо-исключительныхъ тяжкихъ условіяхъ; 2) 600,000 рублей въ видѣ безвозвратной ссуды на открытіе школьныхъ столовыхъ и молочно-питательныхъ пунктовъ; 3) 100,000 руб. въ распоряженіе бузулукскаго уѣзднаго земства на покупку хлѣба для продажи по заготовительной цѣнѣ; 4) 2,431,000 рублей

въ распоряженіе самарскаго, бузулукскаго и бугурусланскаго земствъ на покупку грубыхъ кормовъ для раздачи населенію въ ссуду на 10 лѣтъ; 5) безвозвратно 400,000 руб. на борьбу съ болѣзнями на почвѣ недоѣданія". На всѣ эти ходатайства былъ полученъ отъ министерства внутр. дѣлъ отказъ, за исключеніемъ ассигнованія 100,000 руб. бузулукскому уѣздному земству на продажу населенію хлѣба по заготовительной цѣнѣ. Такимъ образомъ земство оказалось поневолѣ безпомощнымъ и бездѣятельнымъ передъ ожидающимъ немедленной помощи населеніемъ.

Нехорошо обстоитъ дѣло и съ общественными работами, которыя правительство и нѣкоторыя земства поставили на первомъ планѣ при организаціи продовольственной помощи. „Русскія Вѣдомости" подводятъ нѣкоторый итогъ общественнымъ работамъ въ Саратовской губерніи: „Цифры нуждающихся по отдѣльнымъ уѣздамъ колеблются отъ 90 тыс. (въ Сердобскомъ уѣздѣ) до 180 тыс. (въ Камышинскомъ уѣздѣ). Чтобы дать заработокъ, достаточный только для одного прокормленія, такой массѣ народа, необходимо было бы затратить на общественныя работы огромныя средства. Но такихъ средствъ не оказалось. Для всей губерніи пока отпущено 1,500,000 руб. Изъ этой суммы, напримѣръ, на Вольскій уѣздъ приходится 492,824 руб., что даетъ на одного домохозяина всего 7—8 руб. Для дѣйствительной же помощи, по подсчету уѣзднаго комитета по общественнымъ работамъ, требуется не менѣе 45 руб. на дворъ, т.-е. на весь уѣздъ около 3-хъ милліоновъ рублей. По подсчету члена уѣздной управы г. Панфилова, по Аткарскому уѣзду на каждаго нуждающагося въ среднемъ приходится 4 р. 50 коп., а по одной волости (Рельнской) даже только по 1 р. 50 коп. На Баландинскую волость этого же уѣзда отпущено 27,000 руб., степень же нужды опредѣляется въ 76 тыс. руб. Но и недостаточнымъ заработкомъ населеніе по различнымъ причинамъ не вездѣ и не всегда могло воспользоваться. Въ Воскресенской волости, Вольскаго уѣзда, было намѣчено, напримѣръ, устройство пруда въ казенномъ лѣсу въ 18—20 верстахъ отъ села. 36—40 верстъ ежедневнаго пути туда и обратно пѣшкомъ или на заморенной „скотинѣ" лишали населеніе возможности воспользоваться предоставленнымъ заработкомъ. Работы иногда намѣчались съ нарушеніемъ имущественныхъ интересовъ крестьянъ, и крестьяне отказывались выполнять ихъ. Такъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ комитетъ по общественнымъ работамъ рѣшилъ устроить дамбу, проходящую по лѣснымъ крестьянскимъ дачамъ. При проведеніи дамбы приходилось вырубать 4 десятины лѣса. Часто крестьяне отказывались идти на работы, опасаясь, что заработанныя деньги не попадутъ имъ въ руки, а цѣликомъ зачтутся за недоимки. Хотя имъ и разъясняли неосновательность такихъ опа-

сеній, но для нихъ, очевидно, были болѣе убѣдительны послѣдствія циркуляра губернатора о взысканіи податей. Количество занятаго общественными работами народа во всѣхъ уѣздахъ крайне незначительно. Только въ Камышинскомъ уѣздѣ число работающихъ достигаетъ 10,000 человѣкъ. Въ Саратовскомъ уѣздѣ къ 15-му сентября на общественныхъ работахъ состояло всего 1,745 человѣкъ; ихъ заработокъ къ указанному времени былъ равенъ 4.442 руб., т.-е. по 2 р. 50 к. на человѣка. Несоотвѣтствіе средствъ борьбы съ размѣрами бѣдствія опредѣлилось вполнѣ. Отовсюду приходятъ все новыя и новыя извѣстія о заболѣваніяхъ брюшнымъ тифомъ. Насколько быстро развивается эпидемія, можно судить по тому, что въ іюлѣ было по губерніи 378 заболѣваній, а въ августѣ—954. Сводки данныхъ за сентябрь пока нѣтъ, но на основаніи поступающихъ свѣдѣній надо думать, что число заболѣваній огромно. Эпидеміей охвачено уже семь уѣздовъ. Есть села, гдѣ больные встрѣчаются почти въ каждомъ домѣ. Въ деревнѣ Блинохватовкѣ, Балашовскаго уѣзда, имѣющей 34 двора, было зарегистрировано 30 больныхъ. Въ с. Воскресенскомъ, Вольскаго уѣзда, за недѣлю заболѣло свыше 20-ти человѣкъ. Въ с. Бѣгучахъ, Петровскаго уѣзда—57 больныхъ. Въ Кузнецкомъ уѣздѣ зарегистрированы случаи сыпного тифа. Въ Аткарскомъ уѣздѣ были уже заболѣванія цынгой. При отсутствіи широкой и своевременной помощи приближающаяся зима грозитъ населенію повтореніемъ чернаго 1891-го года".

Къ этой печальной картинѣ прибавляетъ штрихи „Саратовскій Вѣстникъ". „Изъ многихъ пунктовъ сообщаютъ объ отказѣ крестьянъ отъ общественныхъ работъ. Дѣло обстоитъ просто: крестьяне не идутъ на работы по извѣстнымъ причинамъ: 1) расцѣнка низка и трудно заработать на продовольствіе, 2) требуются лошадные, а большинство нуждающихся—безлошадные; мѣсто работъ слишкомъ удалено отъ мѣста жительства, и нѣтъ физической возможности во время попадать на работу. И все это возникло на почвѣ неподготовленности. Чтобы судить, какъ ведутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работы, достаточно указать на то, что часто на работы попадаютъ люди, вполнѣ обезпеченные. Эти лица пользуются безпомощнымъ положеніемъ голытьбы и нанимаютъ ее отъ себя за треть, а иногда за четверть цѣны противъ установленной расцѣнки; нуждающійся идетъ на эту комбинацію, такъ какъ у него нѣтъ лошади, а работы требуютъ, по большей части, лошадиной силы".

Положеніе осложняется тѣмъ, что мѣстная власть не только, повидимому, не склонна признавать очевидныхъ недостатковъ въ организаціи общественныхъ работъ, но даже стремится поддержать ихъ довольно странными мѣрами. „11-го октября,—сообщаетъ „Саратов-

скій Листокъ",—состоялось засѣданіе саратовскаго уѣзднаго комитета по общественнымъ работамъ. Была, между прочимъ, заслушана телеграмма непремѣннаго члена крестьянскаго банка Бундаса, сообщающаго, что на его работы уже двѣ недѣли населеніе не идетъ. Г. С. Кропотовъ сказалъ, что населеніе уклоняется отъ работъ, ожидая выдачи пайковъ. Въ этомъ виноваты сельскія власти, которыя не принимаютъ должныхъ мѣръ къ разсѣянію такихъ слуховъ. Земскимъ начальникамъ необходимо ихъ „вздрючить хорошенько", посадить сутокъ на семь, и тогда крестьяне пойдутъ на работы. Комитетъ вынесъ постановленіе, чтобы земскіе начальники понудили сельскихъ властей принять должныя мѣры къ посѣщенію нуждающимися общественныхъ работъ, разсѣявъ слухи о выдачѣ пайковъ".

Едва ли отъ подобныхъ мѣръ общественныя работы завоюютъ увеличенныя симпатіи въ населеніи. Въ сущности этотъ родъ помощи населенію настолько оказался повсемѣстно неудачнымъ, что въ верхахъ бюрократіи уже поколебалась увѣренность въ цѣлесообразности общественныхъ работъ, какъ исключительной, почти единственной помощи нуждающемуся населенію. И мѣстныя газеты уже спѣшатъ привѣтствовать это колебаніе. „Агентство передаетъ,—говоритъ „Саратовскій Вѣстникъ",—что совѣтъ министровъ, принимая во вниманіе, что помощь населенію организаціей общественныхъ работъ недостаточна, нашелъ необходимымъ на ряду съ общественными работами выдавать продовольственную ссуду на обычныхъ основаніяхъ. Теоретическія соображенія о деморализующемъ вліяніи „пайковъ" пришлось откинуть, ибо жизнь доказала непригодность новой системы, ставившей во главу угла принципъ трудовой помощи при отсутствіи необходимыхъ приспособленій, подспорныхъ орудій для работъ и провѣренныхъ на практикѣ пріемовъ". Въ такомъ же духѣ высказывается самарское „Волжское Слово": „Суровая дѣйствительность показала, что „новый курсъ" въ продовольственной кампаніи взятъ неправильно, что однѣми общественными работами не обойтись, что бѣдствіе огромно и требуетъ большихъ средствъ, а еще больше общественныхъ силъ. Но дѣло въ томъ, что выдача ссудъ явится значительно запоздалой; нужда уже разрослась, бороться съ ней, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ труднѣе".

Итакъ, сдѣлано мало, сдѣлано плохо, а уже пришла зима. Голодная нужда грозитъ развернуться въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. Тутъ бы ужъ не до партійныхъ споровъ, не до обиженныхъ самолюбій. Требуется всеобщее объединеніе — государственной власти, земскихъ силъ, всякихъ благотворительныхъ организацій и слабыхъ силъ отдѣльныхъ лицъ. Несомнѣнно, общество всколыхнется, когда вполнѣ пойметъ подкравшуюся бѣду, и можно ждать такого же есте-

ственнаго и прекраснаго подъема чувствъ, какъ это было въ прежнія голодовки. Лились тогда пожертвованія, сотни и тысячи людей бросали личныя дѣла и ѣхали въ глушь деревенской Россіи. То же будетъ и теперь, лишь бы не ставили ненужныхъ препятствій.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Обзоръ государственной дѣятельности П. А. Столыпина.—Былъ ли онъ успокоителемъ страны, устроителемъ государства, творцомъ новой, національной политики?—Домогательства правыхъ организацій. — Начало послѣдней сессіи третьей Государственной Думы.—Принятіе запросовъ, касающихся охраны.—Рѣчь деп. Тесленко.—Мѣстоименіе *ты*.

Мѣсяцъ тому назадъ близость трагической смерти П. А. Столыпина заставила насъ говорить не столько о немъ, сколько о его сторонникахъ, не столько о прошедшемъ, сколько о настоящемъ и будущемъ. Теперь, когда улеглось первое впечатлѣніе, ничто не мѣшаетъ оглянуться назадъ и подвести нѣкоторые итоги. Намъ поможетъ въ этомъ только что вышедшій въ свѣтъ сборникъ рѣчей покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ.

Панегиристы П. А. Столыпина — имъ же теперь нѣсть числа, — восхваляютъ его какъ успокоителя страны, какъ устроителя государства и, больше всего, какъ русскаго человѣка, выдвинувшаго Россію на путь истинно-національной политики и сослужившаго великую службу русскому народу. Чѣмъ обоснованы и въ какой мѣрѣ справедливы эти похвалы?

„Преобразованное по волѣ монарха отечество наше"—читаемъ мы въ декларацiи, съ которою П. А. Столыпинъ выступилъ, 6-го марта 1907-го года, во второй Государственной Думѣ, — „должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанности и не оградитъ права отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, т.-е. не будутъ прочно установлены". Говоря, дальше, объ общихъ всѣмъ правовымъ государствамъ началахъ, охраняющихъ неприкосновенность личности, ораторъ признавалъ уклоненіе отъ этихъ началъ допустимымъ лишь при введеніи, во время войны или народныхъ волненій, исключительнаго

положенія. Административную высылку въ опредѣленныя мѣста предполагалось, по его словамъ, совершенно упразднить.

Нѣсколько дней спустя, 13-го марта, П. А. Столыпинъ произнесъ рѣчь въ защиту и оправданіе временнаго закона о военно-полевыхъ судахъ. Онъ находилъ, что государство можетъ и обязано, въ моменты опасности, „принимать самые строгіе, самые исключительные законы, чтобы оградить себя отъ распада. Нѣтъ законодательства, которое не давало бы правительству права пріостанавливать теченіе закона, когда государственный организмъ потрясенъ до корней“. Это—состояніе необходимой обороны, доводящее иногда до диктатуры. Но—продолжалъ ораторъ — „такого рода временныя мѣры не могутъ пріобрѣтать постояннаго характера; когда онѣ становятся длительными, онѣ теряютъ свою силу и могутъ отразиться на самомъ народѣ, нравы котораго должны воспитываться закономъ. Временная мѣра — мѣра суровая; она должна сломить преступную волю, должна сломить уродливыя явленія и отойти въ вѣчность“. Находя, что цѣль учрежденія военно-полевыхъ судовъ еще не достигнута, предсѣдатель совѣта министровъ отказывался „сдѣлать гласную уступку революціи“ и не шелъ дальше обѣщанія „ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій“.

Съ измѣненіемъ, на почвѣ правилъ 3-го іюня, состава Государственной Думы измѣнился, въ значительной степени, тонъ обращенія правительства къ представительному собранію. И въ деклараціи, прочитанной премьеръ-министромъ въ засѣданіи третьей Думы 16-го ноября 1907-го года, признается „настоятельность возвращенія государства отъ положенія законовъ исключительныхъ къ обыденному порядку“; но рядомъ съ этимъ стоитъ заявленіе, что „разрушительному движенію, созданному крайними лѣвыми партіями и превратившемуся въ открытое разбойничество, можетъ быть противопоставлена только сила. Какія бы то ни было послабленія въ этой области правительство сочло бы за преступленіе, такъ какъ дерзости враговъ общества возможно положить конецъ лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты“. „Законныя средства защиты“ находятся, главнымъ образомъ, въ рукахъ суда—а суду въ то время кабинетъ Столыпина, по видимому, довѣрялъ не вполнѣ. Говоря о рѣшеніи правительства „всѣми мѣрами укрѣпить возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія“, ораторъ не отступилъ передъ выраженіемъ надежды, очень похожей на угрозу—надежды, что ему не придется внести въ законодательныя собранія „законопроектъ о временной пріостановкѣ судебной несмѣняемости“.

Такого законопроекта Столыпинымъ внесено не было—не потому, чтобы онъ убѣдился въ невозможности строить *„правильное* судебное

возмездіе" на страхѣ передъ отставкой, а потому, что въ судебномъ вѣдомствѣ очень скоро процвѣло и раньше проявлявшееся въ немъ умѣнье приспособляться къ требованіямъ власти. Нашлись, притомъ, средства удалять неугодныхъ ей судей и безъ формальной отмѣны судейской несмѣняемости. Ни съ точки зрѣнія быстроты, ни съ точки зрѣнія той „правильности", которая заключается въ готовности служить „орудіемъ власти", судебное возмездіе не оставляло желать ничего бо́льшаго. И всетаки его продолжали считать недостаточнымъ, всетаки оставались въ силѣ, не „отходили въ вѣчность" и едва смягчались „суровыя временныя мѣры". Чрезвычайная охрана и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ существовала цѣлыхъ четыре года; когда она уступила мѣсто усиленной охранѣ, въ положеніи вещей едва чувствовалась перемѣна, благодаря огромной сѣти обязательныхъ постановленій, широко раздвигавшей сферу административнаго усмотрѣнія. Не только не исполнялось обѣщаніе упразднить административную ссылку, но она достигала, по временамъ, небывалыхъ прежде размѣровъ, и за временнымъ пониженіемъ цифры сосланныхъ снова наступалъ колоссальный ростъ ея. Права русскихъ гражданъ по прежнему оставались „въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ" и учрежденій.

Попытка объяснить и, тѣмъ самымъ, оправдать противорѣчіе между словомъ и дѣломъ можетъ исходить отъ двухъ отправныхъ точекъ: можно указать на то, что законопроектъ объ исключительномъ положеніи, имѣющемъ замѣнить дѣйствующія правила объ экстраординарныхъ охранахъ, внесенъ въ Государственную Думу болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, и отвѣтственность за медленное его движеніе упадаетъ не на правительство, а на Думу—и можно утверждать, что не исчезла опасность, грозящая спокойствію и порядку, не миновала, слѣдовательно, потребность въ чрезвычайныхъ средствахъ государственной обороны. Но развѣ есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что, при нѣкоторой настойчивости со стороны министерства, ему легко было бы побудить третью Думу къ скорѣйшему разсмотрѣнію законопроекта о неприкосновенности личности и тѣсно связаннаго съ нимъ законопроекта объ исключительномъ положеніи? Развѣ трудно было найти необходимое для того время, при меньшей спѣшности въ проведеніи, напримѣръ, основныхъ началъ „общеимперскаго" законодательства или законопроекта о земствѣ въ Западномъ краѣ? И развѣ нельзя было отказаться отъ охранъ, предоставляя себѣ вернуться къ нимъ въ случаѣ крайней надобности [1])? Развѣ самый

[1]) Мы не касаемся здѣсь вопроса, сохраняется ли до сихъ поръ законная сила положенія 14-го августа 1881-го года — не касаемся потому, что министерствомъ Столыпина этотъ вопросъ несомнѣнно разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ, и

этотъ отказъ не заставилъ бы большинство Думы поторопиться съ изготовленіемъ новаго орудія власти, въ замѣнъ признаннаго устарѣлымъ и негоднымъ?.. Все сводится, поэтому, къ вопросу о существованіи или несуществованіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ, требующихъ примѣненія чрезвычайныхъ мѣръ. Краткое, но довольно точное опредѣленіе этихъ обстоятельствъ дано самимъ Столыпинымъ въ приведенной выше рѣчи: *война и народныя волненія.* О войнѣ за все время управленія Столыпина не было и рѣчи; имѣлись ли на лицо народныя волненія, имѣлась ли на лицо хотя бы ихъ вѣроятность? За исключеніемъ короткаго момента (іюль—августъ 1906-го года), когда какъ будто начиналось или готовилось нѣчто подобное — безусловно нѣтъ. Отдѣльные террористическіе акты, какъ бы часто они ни повторялись и какой бы остроты ни достигали, существенно отличны отъ стихійныхъ движеній толпы, отъ активныхъ проявленій массоваго недовольства, отъ открытыхъ столкновеній народной силы съ государственною властью. Даже положеніе 1881-го года обусловливаетъ объявленіе усиленной охраны не только „преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ", но и происшедшимъ отъ того „нарушеніемъ общественнаго спокойствія", а объявленіе чрезвычайной охраны—тревожнымъ состояніемъ населенія. Ни того, ни другого не было даже осенью и зимою 1906-го года, тѣмъ болѣе—въ послѣдующее затѣмъ время; не было, слѣдовательно, и того базиса, на которомъ строилъ свою охранительную теорію П. А. Столыпинъ. „Временныя" мѣры получали, подъ его рукою, именно тотъ „постоянный характеръ", который онъ признавалъ имъ несвойственнымъ; онѣ становились „длительными" и, слѣдовательно, „теряли свою силу". Сбывалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, то, что онъ самъ предвидѣлъ: дѣйствіе ихъ „отражалось на народѣ", нравы котораго „должны воспитываться закономъ", а въ дѣйствительности много лѣтъ сряду воспитывались необузданнымъ произволомъ. „Возвращеніе государства къ обыденному порядку", *настоятельность* котораго была признана Столыпинымъ при самомъ открытіи третьей Думы, до сихъ поръ не состоялось, и даже приготовительныхъ къ нему шаговъ сдѣлано не было.

Но развѣ—могутъ спросить насъ—борьба противъ „разрушительнаго движенія, обратившагося въ открытое разбойничество", мыслима безъ употребленія силы? Мы отвѣтимъ на это другимъ вопросомъ: а развѣ въ правовомъ государствѣ нѣтъ законовъ, предусматривающихъ употребленіе силы? Развѣ власть становится безсильной, какъ только

слѣдовательно ничто не мѣшало ему то останавливать, то возобновлять дѣйствіе положенія.

она отказывается отъ чрезвычайныхъ охранъ? Говорятъ о государственной оборонѣ; но развѣ она не существуетъ и при дѣйствіи „обыденнаго порядка", съ его полиціей, судами, тюрьмами, войскомъ? Величайшая ошибка—всецѣло переносить на государство понятіе о необходимой оборонѣ, выработанное уголовнымъ правомъ для отдѣльныхъ лицъ. Лишенный, въ данную минуту, защиты и поддержки государственныхъ установленій, вынужденный разсчитывать только на самого себя, поставленный лицомъ къ лицу съ опасностью, неотвратимою мирнымъ путемъ, человѣкъ въ правѣ пустить въ ходъ всѣ доступные ему способы самозащиты, и даже злоупотребленіе ими можетъ быть поставлено ему въ вину только какъ превышеніе обороны. Совершенно инымъ является положеніе правительства, всегда достаточно вооруженнаго, всегда имѣющаго на своей сторонѣ преимущество организаціи, дисциплины, привычки къ планомѣрному дѣйствію. За исключеніемъ немногихъ случаевъ и короткихъ промежутковъ времени, оно не нуждается въ расширеніи своихъ нормальныхъ полномочій. Оно допускаетъ „превышеніе необходимой обороны" не только тогда, когда доводитъ пользованіе „охраной" до крайнихъ предѣловъ, но и тогда, когда безъ надобности ее провозглашаетъ или удерживаетъ въ силѣ.

Пробнымъ камнемъ для политической системы служатъ ея результаты. Система охранъ, доведенная до nec plus ultra и обнимающая длинный рядъ годовъ, должна была, по словамъ Столыпина, „сломить преступную волю, сломить уродливыя явленія". Достигла ли она этой цѣли? Не знаменательно ли, что во время дѣйствія военно-полевыхъ судовъ — этого крайняго выраженія системы, — число политическихъ преступленій скорѣе возрасло, чѣмъ уменьшилось, и самое ихъ свойство отличалось особенною остротою (припомнимъ хотя бы вооруженный разбой на углу Екатерининскаго канала и Фонарнаго переулка)? Не ясно ли, что угрозою тяжелой и почти неминуемой кары нельзя „сломить преступную волю"? Да и позднѣе, когда смертные приговоры, въ медленно уменьшавшемся количествѣ, произносились не военно-полевыми, а обыкновенными военными судами, скоро ли понизилась политическая преступность? Какую роль въ ея уменьшеніи съиграли неуклонно продолжавшіяся репрессіи, какую — неизбѣжное пониженіе революціонной волны, никогда и нигдѣ долго не удерживающейся на одномъ и томъ же уровнѣ? Точный отвѣтъ на эти вопросы станетъ возможнымъ еще не скоро; но уже теперь можно утверждать, что не „сломлены уродливыя явленія", о которыхъ говорилъ Столыпинъ весною 1907-го года, не исчезли и едва ли ослабѣли настроенія, противъ которыхъ онъ боролся. Они менѣе замѣтны, рѣже даютъ знать о себѣ, но едва ли менѣе интенсивны, едва ли

даже менѣе распространены, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно одно: въ послѣдніе мѣсяцы жизни П. А. Столыпина политическій барометръ опять обнаружилъ сильныя колебанія. Раньше, чѣмъ закончилась оффиціальная реакція, опять стала повышаться общественная температура. Отсюда слѣдуетъ заключить, что многое, казавшееся искорененнымъ, было только отодвинуто на задній планъ... Къ Россіи примѣнима, быть можетъ, старинная медицинская формула, но только въ обратномъ порядкѣ ея составныхъ частей. Она гласитъ: quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat, ignis sanat — а мы скажемъ: чего не излечили огонь и желѣзо, то можетъ быть излечено глубокими, но мирными преобразованіями.

Правительство—читаемъ мы въ рѣчи, произнесенной П. А. Столыпинымъ 16-го ноября 1907-го года,—„надѣется обезпечить спокойствіе страны, что дастъ возможность всѣ силы законодательныхъ собраній и правительства обратить къ внутреннему ея устроенію". Въ этой мысли, короче выражаемой словами: „сперва успокоеніе, потомъ реформы", мы видимъ основную ошибку покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ. Слишкомъ растяжимо, во первыхъ, понятіе объ успокоеніи: мы старались уже показать, что спокойствіе, въ смыслѣ отсутствія широко распространенной смуты и „народныхъ волненій", наступило давно—а оффиціально страна все еще считалась неуспокоенною, и съ реформами, поэтому, признавалось нужнымъ погодить. Забота объ „успокоеніи" отразилась, во вторыхъ, и на послѣдовательности реформъ, и на ихъ содержаніи. Откладывались преобразованія политическаго характера, напримѣръ — укрѣпленіе и развитіе свободъ, обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября; въ другія вносилось стремленіе усилить консервативные элементы, въ ущербъ интересамъ народной массы. Особенно ярко это стремленіе выразилось въ судьбѣ законопроектовъ, касающихся земства и мѣстнаго суда.

Во второй Думѣ П. А. Столыпинъ заявилъ о намѣреніи министерства „построить земское представительство на принципѣ налоговаго ценза, расширяя этимъ путемъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ земской жизни". „На тѣхъ же общихъ основахъ, съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями", предполагалось ввести самоуправленіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ, „за выдѣленіемъ въ особую административную единицу мѣстностей, въ которыхъ сосредоточивается изстари чисто русское населеніе, имѣющее свои особые интересы". Менѣе неопредѣленно, но все же довольно ясно необходимость реформы мѣстнаго самоуправленія была признана П. А. Столыпинымъ и въ третьей Думѣ (въ ноябрѣ

1907 г.). Здѣсь онъ впервые выразилъ свое намѣреніе подвергнуть вопросы земской реформы предварительному разсмотрѣнію совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, утверждая, что это не вызоветъ задержки въ работахъ Государственной Думы. Дальше шла рѣчь о введеніи самоуправленія въ *нѣкоторыхъ окраинахъ*, съ оговоркой, что „при этомъ идея государственнаго единства и цѣлости будетъ для правительства руководящею".

Со времени произнесенія этой рѣчи прошло почти четыре года— и что же? Обсужденіе земской реформы въ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства не только задержало ходъ дѣла, до сихъ поръ стоящаго на одномъ мѣстѣ, но внесло существенныя перемѣны въ самое содержаніе законопроекта—перемѣны, очень мало способствующія „расширенію круга лицъ, участвующихъ въ мѣстной жизни". На первый планъ выдвинута забота о возможно большей неприкосновенности тѣхъ условій, при дѣйствіи которыхъ земство, за послѣдніе годы, обратилось въ орудіе застоя или регресса. Къ введенію земства въ прибалтійскомъ краѣ, въ царствѣ польскомъ, въ трехъ литовскихъ губерніяхъ не сдѣланы даже первые шаги. Распространеніе земскихъ учрежденій на Сибирь и нѣкоторыя губерніи восточной Россіи тормозилось Думой не безъ участія министерства. Какимъ образомъ и въ какомъ видѣ земство введено въ шести западныхъ губерніяхъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Вмѣсто „выдѣленія нѣкоторыхъ мѣстностей" выдѣлена цѣлая національность; вмѣсто „нѣкоторыхъ измѣненій, вызванныхъ мѣстными особенностями", создана цѣлая система, внушенная узко-политическими соображеніями. Къ идеѣ государственнаго единства и цѣлости присоединилась такъ называемая національная идея, къ которой мы еще возвратимся... Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ только одну черту, бросающую яркій свѣтъ на многое другое. Какъ ни мало симпатично обязательное предсѣдательство предводителей дворянства въ земскихъ собраніяхъ, все же въ его защиту, когда рѣчь идетъ о внутреннихъ губерніяхъ, можно сослаться на выборный характеръ этой должности. Въ западномъ краѣ предводители дворянства до сихъ поръ назначаются правительствомъ, хотя Высочайшимъ указомъ 1-го мая 1905-го года категорически предрѣшено возстановленіе тамъ дворянскихъ выборовъ. Очевидно, что введенію земства должно было предшествовать исполненіе этого указа. Онъ остался и остается, однако, мертвою буквой, хотя въ свое время повелѣно было дать ему ходъ „въ возможно непродолжительномъ времени", хотя за приведеніе его въ дѣйствіе высказалась еще въ 1908-мъ году Государственная Дума—третья Государственная Дума! Существовало опасеніе, прямо выраженное представителемъ министерства— опасеніе, что въ западномъ краѣ выборъ предводителей отдалъ бы

все мѣстное управленіе въ руки польскихъ помѣстныхъ классовъ,—и этого было достаточно, чтобы сохранить въ силѣ порядокъ, осужденный верховною властью и явно несовмѣстный съ призваніемъ земскихъ учрежденій. Какъ дѣйствовали многіе назначенные предводители во время выборовъ, происходившихъ въ западномъ краѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, объ этомъ нѣтъ надобности напоминать...

„Земскіе начальники упраздняются"—читаемъ мы въ деклараціи 6-го марта 1907-го года.—„Съ отмѣною учрежденія земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ необходимо создать мѣстный судъ, доступный, дешевый, скорый и близкій къ населенію". На самомъ дѣлѣ полное упраздненіе института земскихъ начальниковъ не было поставлено на очередь, но правительственный законопроектъ о мѣстномъ судѣ снималъ съ нихъ судейскія функціи и полагалъ конецъ существованію тѣсно связанныхъ съ ними сословныхъ волостныхъ судовъ. Принятый Государственою Думой, онъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ—но здѣсь ему былъ нанесенъ неожиданный ударъ: предсѣдатель совѣта министровъ и министръ юстиціи перешли на сторону защитниковъ волостного суда, подорвавъ, такимъ образомъ, одну изъ существеннѣйшихъ основъ подготовленной ими самими реформы. Болѣе того: они пошли въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ, состоявшимся еще при дѣйствіи прежняго государственнаго строя. Третьимъ пунктомъ Высочайшаго указа 12-го декабря 1904-го года признано было неотложнымъ „введеніе, въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, должнаго единства въ устройствѣ судебной части"—а съ такимъ единствомъ явно несовмѣстно сохраненіе сословнаго крестьянскаго суда. И этотъ шагъ назадъ былъ сдѣланъ въ интересѣ тѣхъ же темныхъ силъ, которымъ ненавистна мысль о широкой земской реформѣ, какъ и о всякой другой, вносящей свободу и свѣтъ въ народныя массы. Защитниками волостного суда въ Государственной Думѣ являлись именно тѣ крайніе правые, которые не хотятъ разстаться съ мечтой о возвращеніи къ выгодному для нихъ старому порядку—тѣ крайніе правые, въ чьихъ глазахъ даже П. А. Столыпинъ былъ повиненъ въ грѣхѣ либерализма. Подать имъ руку въ такомъ вопросѣ, какъ преобразованіе мѣстнаго суда, значило отказаться даже отъ того частичнаго, неполнаго, несовершеннаго *устроенія* страны, которое намѣчалось въ программной рѣчи П. А. Столыпина передъ третьей Думой. И дѣйствительно, „устроеніе" не только не закончено—оно даже не начато. Нѣтъ такой области государственной или народной жизни, которая была бы обновлена, приподнята, упорядочена усиліями покойнаго премьеръ-министра. Хаосъ учрежденій, законовъ, правительственныхъ актовъ теперь отнюдь не меньше, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что

онъ больше, такъ какъ къ наслѣдству до-конституціонной эпохи прибавились разъясненія Сената, распоряженія совѣта министровъ, обязательныя постановленія мѣстныхъ властелиновъ. Не похожими другъ на друга стали сосѣднія губерніи—до такой степени иногда различны господствующіе въ нихъ административные нравы. „Усмотрѣніе" губернатора оказывалось иногда сильнѣе предписаній министра. На почвѣ экстраординарныхъ охранъ создались привычки и пріемы, исключающіе возможность единства и гармоніи въ управленіи государствомъ.

Присмотримся поближе къ тремъ сферамъ, которыхъ, судя по раннимъ рѣчамъ П. А. Столыпина, должна была коснуться правительственная забота. Первая изъ нихъ обнимаетъ собою вѣроисповѣдные вопросы. „Правительство—говорилъ П. А. Столыпинъ въ мартѣ 1907-го года,—вмѣнило себѣ въ обязанность подвергнуть пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство и выяснить тѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласованія съ указами 17-го апрѣля и 17-го октября". Пересмотръ состоялся, въ Госуд. Думу былъ внесенъ цѣлый рядъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ; но какая ихъ постигла судьба? Одни изъ нихъ были взяты назадъ прежде ихъ разсмотрѣнія Думой; другіе прошли черезъ Думу, но напрасно ожидаютъ постановки на очередь въ Государственномъ Совѣтѣ; единственный законопроектъ (наименѣе важный—о лицахъ, переставшихъ принадлежать къ составу духовенства), принятый обѣими палатами, остался безъ утвержденія. Мы отмѣтили, въ свое время, полное безучастіе къ этому проекту, проявленное министерствомъ при обсужденіи его въ верхней палатѣ—безучастіе, позволявшее предвидѣть его дальнѣйшую судьбу... Въ концѣ-концовъ дѣло устроенія иновѣрцевъ и вообще все связанное съ провозглашеніемъ свободы совѣсти не подвинулось ни на шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что было достигнуто къ концу 1906-го года.

Въ мартѣ 1907-го года П. А. Столыпинъ признавалъ необходимость перестройки рабочаго законодательства, какъ „въ сторону оказанія рабочимъ положительной помощи, такъ и въ направленіи ограниченія административнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій". Какимъ образомъ законопроекты, имѣвшіе въ виду положительную помощь рабочимъ (страхованіе разныхъ видовъ, вознагражденіе за увѣчье и т. п.), „теряли должные размѣры и съ трескомъ пятились назадъ"—объ этомъ нѣсколько разъ подробно говорилось въ нашемъ журналѣ [1]). Извѣстна и печальная судьба, постигшая и по-

[1]) См. статью г. Пажитнова: „Новый курсъ политики по рабочему вопросу".

стигающая профессіональныя организаціи рабочихъ, въ противоположность процвѣтанію такихъ же организацій, образуемыхъ предпринимателями. Признаковъ „устроенія", за послѣднія пять лѣтъ, область рабочаго вопроса не представляетъ.

„Въ реформѣ высшей школы"—сказано въ той же программной рѣчи П. А. Столыпина,—„министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 27-го августа 1905-го года, и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными, на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ". Нѣсколько иначе звучитъ программная рѣчь, произнесенная въ третьей Думѣ. „Начала порядка, законности и внутренней дисциплины—читаемъ мы здѣсь, — должны быть внѣдрены и въ школѣ, и новый строй ея конечно не можетъ препятствовать правительству предъявлять соотвѣтственныя требованія къ педагогическому персоналу". И въ этихъ словахъ, однако, не взято назадъ обѣщаніе стремиться къ укрѣпленію основъ, намѣченныхъ въ августѣ 1905-го года. На почвѣ этихъ основъ стоялъ проектъ университетскаго устава, составленный П. М. фонъ-Кауфманомъ—но значительно отступилъ отъ нихъ уже проектъ, внесенный въ Думу А. Н. Шварцемъ; а на сколько согласенъ съ ними образъ дѣйствій нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія—это слишкомъ хорошо извѣстно. Отъ настоящаго „устроенія" наша высшая школа теперь столь же далека, какъ и въ 1906-мъ году.

Говоря о неудачѣ устроительныхъ попытокъ, не забываемъ ли мы, однако, объ одной отрасли правительственной дѣятельности, самое названіе которой какъ будто бы идетъ въ разрѣзъ съ нашей мыслью? Не забываемъ ли мы о томъ выдающемся мѣстѣ, которое П. А. Столыпинъ отводилъ *землеустроительству*? Не касаясь существа земельной политики, исходной точкою которой послужилъ указъ 9-го ноября 1906-го года—политики, много разъ подвергавшейся подробному разбору въ нашемъ журналѣ,—замѣтимъ только одно: каковъ бы ни былъ ея результатъ въ будущемъ, въ настоящемъ она не способствуетъ успокоенію, а слѣдовательно и „устроенію" крестьянства. Слишкомъ стремительно и прямолинейно она проводится въ жизнь, слишкомъ велика роль, которую играетъ въ ней „нажимъ" центральной власти на подчиненныхъ и вызываемый тѣмъ самымъ нажимъ послѣднихъ на населеніе. Припомнимъ рѣчь, произнесенную П. А. Столыпинымъ, въ началѣ 1909-го года, при открытіи съѣзда должностныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ землеустроительному дѣлу. „Вамъ въ руки былъ

въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1909 г. и статью г. В. Ш.: „Страхованіе рабочихъ и Государственная Дума" въ № 9 за 1911 г.

данъ ключъ—говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ,—и отъ вашего умѣнія зависѣло открыть имъ народу дверь къ лучшему будущему... Познайте, какая сила дѣйствія въ вашихъ рукахъ, и поймите, что *я не могу допустить неуспѣха*" [1]). Это былъ прямой призывъ къ обнаруженію все превозмогающаго усердія—и само собою разумѣется, что онъ не прошелъ безслѣдно... Въ значительной мѣрѣ, впрочемъ, способъ примѣненія указа 9-го ноября былъ предрѣшенъ самымъ порядкомъ его изданія. Ст. 87-ая основныхъ законовъ, послужившая для него формальной опорой, предусматриваетъ *чрезвычайныя обстоятельства*, вызывающія *необходимость* въ данной мѣрѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что подъ это опредѣленіе подходятъ только неожиданно возникшіе, существенно важные и грозные факты, требующіе *немедленнаго* принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, серьозныхъ замѣшательствъ въ государственной или народной жизни. Столь же несомнѣнно и то, что къ числу такихъ фактовъ давно существовавшія, закономъ опредѣленныя условія выхода крестьянъ изъ общины не принадлежали и принадлежать не могли. Въ поспѣшномъ ихъ измѣненіи не было и не могло быть никакой надобности; оно должно было быть проведено не иначе, какъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Обращеніемъ къ ст. 87-ой, съ явнымъ нарушеніемъ ея смысла, достигалась, въ данномъ случаѣ, только одна цѣль: поставить законодательныя собранія лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ—и тѣмъ самымъ сдѣлать для нихъ затруднительнымъ или даже невозможнымъ свободное отношеніе къ предначертаніямъ правительства. И указъ 9-го ноября сталъ, для П. А. Столыпина, прецедентомъ: однажды допущенное толкованіе ст. 87-ой привело къ такимъ, еще болѣе явнымъ ея нарушеніямъ, какъ мотивированное ею изданіе, 1-го января 1909-го года, временнаго учрежденія и временныхъ штатовъ министерства путей сообщенія, и, 14-го марта нынѣшняго года, указа о земствѣ въ западномъ краѣ. Припомнимъ, что въ первомъ изъ этихъ случаевъ силу закона, хотя и временнаго, получилъ законопроектъ, уже внесенный на разсмотрѣніе Госуд. Думы, а во второмъ случаѣ—законопроектъ, отклоненный Госуд. Совѣтомъ. Припомнимъ также, что указъ 1-го января состоялся въ короткій періодъ времени между до-рождественскими и послѣ-рождественскими засѣданіями Госуд. Думы, а указъ 14-го марта—во время *трехдневнаго*, ad hoc устроеннаго перерыва ея занятій.

Способъ примѣненія статьи 87-ой, введенный П. А. Столыпинымъ, бросаетъ, самъ по себѣ, достаточно яркій свѣтъ на „конституціонализмъ", который одни ставятъ въ заслугу, другіе—вмѣняютъ въ вину

[1]) См. внутреннее обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы" за 1909 г.

покойному министру. Еще знаменательнѣе, въ этомъ отношеніи, съ одной стороны—coup d'état 3-го іюня 1907-го года, съ другой—роль, сыгранная П. А. Столыпинымъ въ вопросѣ о штатахъ морского генеральнаго штаба. Мы не останавливаемся теперь на этихъ событіяхъ, подробно разсмотрѣнныхъ нами въ свое время [1]; напомнимъ только, что, оставаясь во главѣ министерства послѣ неутвержденія внесеннаго имъ законопроекта и послѣ изданія прямо противорѣчащихъ ему правилъ 24-го августа 1909-го года, П. А. Столыпинъ шелъ въ разрѣзъ не только съ большинствомъ обѣихъ палатъ, но и съ самимъ собою, съ своимъ собственнымъ образомъ дѣйствій. Не менѣе характерно отношеніе его къ Государственному Совѣту. Оно выразилось въ установленіи—или, по меньшей мѣрѣ, допущеніи—порядка, отмѣняющаго, de facto, несмѣняемость назначенныхъ членовъ верхней палаты [2]; оно выразилось еще яснѣе въ извѣстномъ эпизодѣ съ „отпускомъ“, который получили, въ мартѣ нынѣшняго года, гг. Дурново и Треповъ. Сопоставленное съ положеніемъ о выборахъ въ Госуд. Думу, обнародованнымъ 3-го іюня 1907-го года, внѣ-законное воздѣйствіе на Госуд. Совѣтъ представляется, конечно, сравнительно неважнымъ; но для характеристики П. А. Столыпина оно имѣетъ очень большое значеніе. Апологеты іюньскаго переворота могутъ сказать, что съ такой Думой, какую два раза далъ избирательный законъ 1905-го года, нельзя было управлять государствомъ, и отмѣны этого закона, хотя бы внѣ-легальнымъ способомъ, требовала извѣстная формула: salus publica suprema lex esto. Но кому и чему могло угрожать присутствіе въ Государственномъ Совѣтѣ нѣсколькихъ даже не оппозиціонныхъ, а просто неугодныхъ министерству членовъ? Во что должно обратиться законодательное собраніе, изъ котораго можно удалять на продолжительное время людей, лично непріятныхъ носителю власти? Первое условіе истиннаго конституціонализма—признаніе не только на словахъ, но и на дѣлѣ равноправности спорящихъ сторонъ, борьба съ противниками только доступными и для нихъ средствами, на почвѣ общаго для всѣхъ закона. Нужно ли прибавлять, что не менѣе важно другое условіе—обращеніе къ исключительнымъ мѣрамъ только при исключительныхъ обстоятельствахъ и только на самое короткое время? Ни тому, ни другому дѣятельность П. А. Столыпина не отвѣчаетъ. Буква конституціи нарушалась при немъ рѣдко, но духъ ея давно отлетѣлъ. Глубокаго смысла полно крылатое слово графа Витте: „въ новомъ обновленномъ строѣ сохранился лишь трупъ 17-го октября“.

---

[1]) См. внутреннія обозрѣнія въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1907-ой и въ №№ 5 и 10 за 1909-ый годъ.

[2]) См. внутреннее обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1908-ой годъ.

Главной заслугой П. А. Столыпина въ широкихъ кругахъ признается его національная политика. Въ первыхъ его рѣчахъ на нее нѣтъ даже и намека. Мы видѣли уже, что, говоря о введеніи мѣстнаго самоуправленія на западной окраинѣ Россіи, онъ признавалъ необходимымъ только „выдѣленіе мѣстностей, гдѣ изстари сосредоточивается чисто-русское населеніе, въ особыя административныя единицы“, а нѣсколько позже называлъ „руководящею“ для правительства „идею государственнаго единства и цѣлости“. Ничего не упоминалось тогда ни о введеніи въ Финляндіи общеимперскаго законодательства, ни о національныхъ куріяхъ, ни о выдѣленіи холмской губерніи изъ состава царства польскаго. Совершенно случайно, подъ вліяніемъ сдѣланныхъ въ верхней палатѣ заявленій о необходимости измѣнить порядокъ избранія членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній, рѣшено было ускорить разсмотрѣніе вопроса о введеніи въ этихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій—вопроса, который незадолго передъ тѣмъ отодвигался министерствомъ въ неопредѣленную даль будущаго [1]). Мы видимъ во всемъ этомъ доказательство тому, что „націоналистичной“ политика П. А. Столыпина была сначала отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ политика многихъ его предшественниковъ. Присущій уже трехчленной уваровской формулѣ, „національнализмъ“, не столько въ смыслѣ благопріятномъ для русской народности, сколько въ смыслѣ неблагопріятномъ для всѣхъ остальныхъ, неизмѣнно появлялся на сцену каждый разъ, когда подготовлялась, усиливалась или торжествовала реакція: въ семидесятыхъ годахъ, когда воздвигалось гоненіе противъ малорусской литературы; въ восьмидесятыхъ годахъ, когда ограничивались права евреевъ и обострялись попытки обрусенія поляковъ; въ девятидесятыхъ годахъ, когда дѣлались первые шаги къ устраненію различій между имперіей и великимъ княжествомъ финляндскимъ. Понятно, что при сходныхъ условіяхъ должны были получиться сходные результаты. По мѣрѣ того, какъ воскресали и крѣпли традиціи недавняго прошлаго, все ярче и ярче обрисовывался поворотъ къ узкому національнализму, все громче раздавался слишкомъ хорошо знакомый девизъ: „Россія для русскихъ“. Неудивительно, что къ этому девизу стало склоняться и министерство, сначала, какъ будто, намѣревавшееся замѣнить его другимъ, но скоро потерявшее вѣру не столько въ внутреннюю правду, сколько въ реальную силу новаго лозунга. Поддержка партіи, написавшей на своемъ знамени: 17-ое октября, но не замедлившей измѣнить завѣтамъ, связаннымъ съ этой датой, оказалась недостаточной — и точка опоры была передвинута направо, гдѣ именно въ то время образовалась партія національ-

[1]) Въ іюньскомъ внутреннемъ обозрѣніи „Вѣстника Европы“ за 1909-ый и въ апрѣльскомъ за 1911-ый годъ приведены подлинныя по этому поводу слова представленія, внесеннаго министерствомъ въ Государственную Думу.

листовъ. Кому принадлежитъ иниціатива обновленія старой клички—министерству или бывшимъ „умѣренно-правымъ“,—это выяснится въ будущемъ. Теперь можно сказать утвердительно лишь одно: новыми въ національной политикѣ П. А. Столыпина были только нѣкоторыя средства, но отнюдь не цѣли. Націонализмъ, въ своемъ послѣднемъ аватарѣ, остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при жизни В. С. Соловьева, и къ нему вполнѣ примѣнимы слова покойнаго философа-публициста, приведенныя нами въ одномъ изъ недавнихъ нашихъ обозрѣній: „чтобы стать христіанской, Россія должна отречься отъ новаго идолослуженія—отъ эпидемическаго безумія націонализма, толкающаго народы на поклоненіе своему собственному образу, вмѣсто высшаго и вселенскаго божества“.

Къ чему приводитъ послѣдовательный, ни передъ чѣмъ не отступающій націонализмъ—объ этомъ можно судить по докладной запискѣ, представленной недавно „національно-монархическими“ организаціями новому предсѣдателю совѣта министровъ. Въ той части записки, которая касается еврейскаго вопроса, на министерство П. А. Столыпина взводится цѣлый рядъ обвиненій. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Благодаря іудейскимъ кредитнымъ учрежденіямъ, широко поддерживаемымъ Госуд. Банкомъ, евреи пользуются широкимъ кредитомъ; борьба съ нашествіемъ іудеевъ на школу ведется мѣрами крайне робкими и недостаточными; переполненіе іудеями адвокатуры вызываетъ тѣмъ большее изумленіе, что допускъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ іудея зависитъ отъ министра юстиціи; консерваторія, а съ нею и все русское искусство совершенно захвачены іудеями; разнузданная іудейская печать не встрѣчаетъ никакихъ мѣръ воздѣйствія, ни судебныхъ, ни административныхъ“. По мнѣнію авторовъ записки, „наболѣвшими очередными вопросами являются лишеніе іудеевъ избирательныхъ правъ въ Госуд. Думу и недопущеніе ихъ въ армію“. Едва ли можно отрицать, что выйти на свѣтъ и вылиться въ категорическую, почти угрожающую форму, подобныя требованія могли только при обстановкѣ, созданной оффиціальнымъ поощреніемъ расовой вражды и племенного эгоизма. И нужно замѣтить, что хотя къ домогательствамъ авторовъ записки и не присоединились формально думскіе націоналисты, хотя нѣкоторые изъ нихъ даже отреклись отъ нея въ печати, но, по увѣренію одного изъ вліятельныхъ членовъ партіи, это произошло лишь потому, что ей не дана была возможность высказать свой взглядъ на дѣло; иначе „почти всѣ пункты записки были бы единодушно приняты націоналистами“ [1]. Въ этихъ словахъ не сдѣлано исключенія и для той части записки, которая касается Финляндіи и заканчивается

[1]) См. „Новое Время“, № 12762.

совѣтомъ „объявить великое княжество, при первомъ террористическомъ посягательствѣ, на военномъ положеніи, съ введеніемъ групповой отвѣтственности, военныхъ судовъ, ссылки подстрекателей и главарей революціи въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, военнаго постоя, временной пріостановки всѣхъ газетъ и журналовъ, обществъ, собраній и увеселеній". Въ этомъ стремленіи сдѣлать всѣхъ отвѣтственными за вину одного выразилась съ полною ясностью глубина, которой достигло нравственное паденіе крайнихъ правыхъ партій и ихъ газетныхъ подголосковъ.

Только что открылась пятая сессія Государственной Думы. Въ ея активъ можно поставить принятіе всѣхъ трехъ запросовъ, вызванныхъ убійствомъ П. А. Столыпина,—хотя одинъ изъ нихъ исходилъ отъ крайнихъ лѣвыхъ,—затѣмъ принятіе запроса и вопросовъ, касающихся продовольственной помощи голодающему населенію [1]), и въ особенности принятіе запроса, оспаривающаго законность примѣненія, въ настоящее время, положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Этотъ послѣдній запросъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны правыхъ—и всетаки за него высказалось большинство голосовъ (168 противъ 123, при 13 воздержавшихся отъ голосованія; къ оппозиціи присоединилась значительная часть центра). О характерѣ преній можно судить по рѣчи деп. Маркова 2-го. „Наивные люди"—воскликнулъ онъ,—„говорили тутъ о томъ, что конституціи въ сущности нѣтъ. Надо перестать повторять эти наивности: никогда ея не было, нѣтъ и не будетъ... Самъ папаша вашей конституціи, Сергѣй Юльевъ (!) Витте, и тотъ назвалъ ее живымъ трупомъ. Я долженъ сказать, что отъ этого трупа смердитъ. Пора убрать эти трупы и закопать ихъ туда, гдѣ имъ мѣсто [2])... Разъ послѣдовалъ Высочайшій указъ сенату, повелѣвающій продолжить охраны на годъ, то для насъ, вѣрныхъ присягѣ своему самодержцу, вопросъ исчерпанъ: повелѣно, и быть по сему,

---

[1]) Въ рѣчи своей по этому поводу депутатъ Шингаревъ напомнилъ слова, сказанныя П. А. Столыпинымъ во второй Думѣ: „Мы признаемъ недостатки продовольственнаго устава и вносимъ его на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій въ новомъ видѣ". Прошло почти пять лѣтъ—и уставъ, признанный негоднымъ, сохраняетъ свою силу, умножая число неисполненныхъ министерствомъ П. А. Столыпина обѣщаній.

[2]) Ссылку г. Маркова на слова графа Витте нельзя назвать удачной. *Живой трупъ* и трупъ настоящій, отъ котораго уже смердитъ и который необходимо закопать—это не одно и то же. *Живой* трупъ можетъ возвратиться къ жизни; закопать его было бы не мѣрой предосторожности, а убійствомъ. Конституція можетъ быть забываема, игнорируема, нарушаема—но это еще не значитъ, что она болѣе не существуетъ.

а кто противъ сего идетъ, тотъ преступникъ [1]), надлежитъ его въ тюрьму. Къ сожалѣнію, тѣхъ, кто идетъ противъ Высочайшихъ именныхъ указовъ, кто дерзаетъ называть ихъ нарушающими законъ, еще пока въ тюрьму не сажаютъ; я глубоко надѣюсь, что близокъ тотъ часъ, когда они сядутъ туда, куда имъ полагается сѣсть". Самый запросъ г. Марковъ назвалъ „безпримѣрною наглостью", которую „необходимо отшвырнуть пинкомъ ноги"...

Политическіе взгляды лидера правыхъ давно извѣстны, какъ извѣстна и форма, въ которую онъ ихъ обычно облекаетъ. Приводя отрывки изъ его рѣчи, мы имѣли въ виду подчеркнуть только одно: неизлечимую склонность крайнихъ правыхъ аргументировать не доводами, а угрозами, апеллировать не къ разуму, а къ физической силѣ. Висѣлица, ссылка, тюрьма—вотъ облюбованныя ими орудія борьбы; излишняя мягкость въ ихъ примѣненіи—вотъ единственный упрекъ, съ которымъ они дерзаютъ обращаться къ власти. Всѣ средства хороши, чтобы ускорить наступленіе желанныхъ для нихъ сверхъ-репрессій. По выраженію деп. Пуришкевича, надъ представителями крайнихъ лѣвыхъ теченій въ Госуд. Думѣ витаютъ „тѣнь смерти П. А. Столыпина и тѣнь Богрова". „Если мы будемъ докапываться",—читаемъ мы дальше въ рѣчи того же оратора,—„мы поймемъ, что нити (политическихъ убійствъ) идутъ изъ Государственной Думы и лѣваго крыла". „Вы такіе же поклонники и пособники убійцъ",—воскликнулъ г. Марковъ, обращаясь къ крайнимъ лѣвымъ,—„какъ самъ Мордко Богровъ". Къ болѣе умѣреннымъ лѣвымъ онъ не примѣнилъ этого обвиненія прямо, но довольно ясно намекнулъ на то, что они „нанимаютъ убійцъ, собираютъ деньги для посылки убійцъ". А между тѣмъ, г. Марковъ не можетъ не знать, что политическія убійства осуждаются не только конституціонной оппозиціей, но и соціалъ-демократами. Это еще разъ напомнилъ, въ засѣданіи 15-го октября, депутатъ Гегечкори. И вотъ что характерно: непосредственный поводъ къ такому напоминанію далъ не г. Марковъ, а г. Гучковъ, грозившій обратиться къ соціалъ-демократамъ „съ запросомъ относительно преступныхъ дѣйствій террористовъ". Удивляться этой угрозѣ нельзя: вѣдь въ деклараціи октябристовъ, обнародованной вскорѣ послѣ убійства П. А. Столыпина, отвѣтственность за него возлагалась на всю оппозицію!.. Не странно ли, однако, что лидеръ такъ называемаго центра прибѣгаетъ къ тѣмъ же пріемамъ, какими пользуется лидеръ крайнихъ правыхъ?

Въ третьей Государственной Думѣ можно безпрепятственно назы-

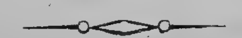
---

[1]) Въ другой рѣчи г. Марковъ назвалъ *преступниками* всѣхъ тѣхъ, кто въ данный моментъ говоритъ и будетъ говорить объ успокоеніи.

вать своихъ противниковъ преступниками, приписывать имъ наемъ убійцъ, но нельзя упоминать объ историческихъ фактахъ и приводить мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ, разъ что они непріятно дѣйствуютъ на слухъ большинства. Новымъ доказательствомъ этому служитъ эпизодъ съ рѣчью деп. Тесленко, въ засѣданіи 17-го октября. Къ кому обращался ораторъ съ словами, вызвавшими цѣлую бурю? Къ тѣмъ членамъ центра, которые, считая и называя себя конституціоналистами, признавали возможнымъ мириться съ продолженіемъ дѣйствія экстраординарныхъ охранъ въ порядкѣ управленія, а не закона. Ихъ, именно ихъ онъ хотѣлъ вразумить ссылкою на слова Іеллинека—и нужно было, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Тесленко въ своей оправдательной рѣчи, своеобразное чтеніе въ мысляхъ, чтобы придать его словамъ значеніе угрозы (или, по выраженію деп. Замысловскаго, значеніе призыва къ террору, къ революціи). Знаменательно, что противъ предложеннаго предсѣдателемъ исключенія деп. Тесленко на *пятнадцать* засѣданій (т.-е. на максимальный срокъ, установленный наказомъ) голосовалъ бывшій предсѣдатель Думы Н. А. Хомяковъ, къ которому примкнули еще нѣсколько октябристовъ. Меньшинство, вотировавшее противъ предложенія, оказалось вообще довольно внушительнымъ (108 противъ 144)—и было бы, по всей вѣроятности, еще больше, еслибы деп. Милюкову и другимъ позволено было говорить по мотивамъ голосованія, т.-е. осуществить то право, которымъ нѣсколько раньше, въ томъ же засѣданіи, воспользовался деп. Марковъ 2-ой...

Во время происходившаго на дняхъ съѣзда представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній обнаружилось одно любопытное обстоятельство: въ костромской колоніи ко всѣмъ воспитанникамъ, даже самымъ младшимъ, едва достигшимъ десятилѣтняго возраста, принято обращаться не иначе, какъ на *вы*. Директоръ колоніи, г. Севріановъ, объяснилъ этотъ обычай, между прочимъ, желаніемъ пріучить педагогическій персоналъ къ сдержанности. Читая объ этомъ въ газетахъ, мы подумали: какъ было бы хорошо, еслибы примѣръ костромской колоніи оказалъ вліяніе на нѣкоторыхъ членовъ Госуд. Думы! Крѣпостное право выработало привычку считать обращеніе на *вы* привилегіей высшихъ классовъ, обращеніе на *ты*—удѣломъ крестьянства. Въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ шла усиленная борьба съ этой привычкой, исходившая въ особенности отъ новыхъ судебныхъ учрежденій; но достигнутое въ то время было въ значительной степени потеряно, когда началась реакція противъ „великихъ реформъ". Въ практикѣ земскихъ начальниковъ опять стало играть большую роль мѣстоименіе *ты*, какъ наглядное выраженіе различія между людьми бѣлой и черной кости. И вотъ, эта практика переносится въ

Государственную Думу, находя примѣненіе, конечно, не въ рѣчахъ, произносимыхъ съ трибуны, но въ „перерывахъ съ мѣста", излюбленныхъ на правой сторонѣ. „Непріятнымъ" для этой стороны ораторамъ посылаются разные нелестные, иногда прямо грубые эпитеты; но когда такимъ ораторомъ является крестьянинъ, присяжные прерывальщики освобождаютъ себя отъ всякихъ стѣсненій и начинаютъ говорить тономъ плохо воспитаннаго *барина*, котораго разсердилъ *мужикъ*. Стоило только депутату Петрову 3-му (крестьянину Пермской губерніи) взойти на каѳедру и заявить, что онъ говоритъ отъ имени края, постигнутаго неурожаемъ, какъ по его адресу раздался крикъ г. Пуришкевича: „а рожа сытая". За этимъ послѣдовалъ обычный переходъ къ символическому мѣстоименію („А *ты* отдай жалованье свое и т. д.). Пора было бы понять, что вся тяжесть такого обращенія упадаетъ не на того, къ кому оно примѣняется, а на того, кто его употребляетъ; пора было бы поучиться приличію у тѣхъ самыхъ крестьянъ, которыхъ такъ охотно оскорбляетъ бессарабскій дворянинъ. И на этотъ разъ деп. Петровъ отвѣтилъ на грубость тонкою ироніей—но данный имъ урокъ прошелъ безслѣдно. Намъ кажется, что пріучить депутатовъ къ элементарной вѣжливости—обязанность президіума, въ весьма слабой степени исполнявшаяся предшественниками нынѣшняго предсѣдателя и, судя по засѣданію 17-го октября, не лучше исполняемая г. Родзянко.

„ЖИВОЙ ТРУПЪ"

Дѣятельность Л. Н. Толстого, какъ писателя, распадается на два періода, почти равныхъ по продолжительности, приблизительно по тридцати лѣтъ въ каждомъ. Въ первое тридцатилѣтіе онъ дарилъ Россіи и всему міру, одно за другимъ, художественныя произведенія, одно величественнѣе другого. Во второе тридцатилѣтіе онъ сурово осудилъ искусство, сталъ видѣть и въ собственномъ своемъ великомъ дарѣ нѣчто какъ бы развратное и развращающее, и всю неисчерпаемую энергію своего духа направилъ на проповѣдь моральную и публицистическую, съ безпощаднымъ аскетизмомъ борясь противъ того, что казалось ему соблазномъ, противъ порывовъ художественнаго вдохновенія. Но даже до тѣхъ, кто далеко стоялъ отъ интимной жизни Л. Н. Толстого, доносились отъ времени до времени

смутные слухи, что свѣтлый геній творчества все же посѣщаетъ иногда яснополянскаго подвижника и съ неотразимой силой овладѣваетъ его суровой душей; плоды этихъ посѣщеній Толстой скрываетъ отъ міра, какъ нѣчто ненужное, даже вредное, однако не дерзаетъ переступить черезъ какой-то для него самаго непонятный высшій запретъ, и предать ихъ истребленію. Когда въ Астаповѣ свершилось великое таинство и положило предѣлъ земнымъ бореніямъ великой души, всѣ уже доподлинно узнали, что и во вторую половину жизни творческій геній Толстого не оскудѣвалъ, и что насъ ждетъ небывалый даръ—получить заразъ плоды тридцатилѣтнихъ тайныхъ полетовъ могучаго генія. И съ невольной жутью вставалъ вопросъ: окажемся ли мы достойными этого дара? Сумѣемъ ли мы раскрыть передъ нимъ умы и сердца, сумѣемъ ли вмѣстить его? Или ограбимъ свои же души, забронировавъ ихъ неразсчетливымъ скептицизмомъ и вялымъ равнодушіемъ?

Сейчасъ уже приподнятъ одинъ уголокъ завѣсы, прикрывшей столь необычную тайну цѣлой половины художнической жизни геніальнаго писателя. Мы узнали „Живой Трупъ“. Онъ напечатанъ, онъ получилъ и сценическое воплощеніе, — прежде всего въ Московскомъ художественномъ театрѣ. И что же? Первые отклики прессы, за исключеніемъ превосходной статьи Н. Е. Ефроса въ „Рѣчи“, показали, какъ мало многіе изъ насъ подготовлены къ этому событію. „Отрывки“... „Недоработано“... „Черновики“... Нашли словечко, наклеили ярлыкъ, освободили себя тѣмъ самымъ отъ труда пытливаго вглядыванія въ пьесу, изученія ея и утвердились въ этомъ до того, что заговорили даже о кощунственномъ неуваженіи къ памяти Толстого со стороны театровъ, которые показали публикѣ эту драму. Какое прискорбное недоразумѣніе! Конечно, пьеса Толстого недоработана, но, во-первыхъ, самыя причины, по которымъ авторъ не далъ ей окончательной отдѣлки, глубоко знаменательны, а во-вторыхъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Живой Трупъ“ содержитъ прекрасныя цѣнности, художественныя и психологическія.

Въ основѣ драмы, какъ извѣстно, лежитъ житейскій случай, разыгравшійся среди людей самыхъ обыкновенныхъ, ровно ничѣмъ не выдающихся, отъ которыхъ, поэтому, и ожидать не приходилось какихъ-нибудь особо содержательныхъ, углубленныхъ и оригинальныхъ, въ смыслѣ творческомъ, настроеній или поступковъ. Обрусѣвшій французъ Гимеръ женился на молоденькой дѣвушкѣ, тоже обрусѣвшей француженкѣ, но, предпочитая семейному очагу и работѣ кабаки и притоны, скоро спился, бросилъ семью и опустился на дно. Жена, спасая отъ нищеты себя и сына, научилась акушерству и поступила въ фабричную больницу. Тутъ сблизилась съ хорошимъ человѣкомъ,

техникомъ, и, чтобы оформить свое положеніе, потребовала отъ мужа развода. Тотъ за деньги былъ согласенъ на все, но консисторія въ разводѣ отказала. Литература подсказала другой исходъ — симуляцію самоубійства. За извѣстную мзду супругъ пошелъ и на это, но, когда все было уже улажено, онъ, повидимому—изъ шантажныхъ соображеній, самъ донесъ на свою бывшую жену. Судъ вскрылъ всю эту исторію и расторгъ второй бракъ. Осужденные покорились, но потомъ исходатайствовали высочайшее помилованіе и благополучно продолжали свое существованіе: новые супруги—въ мирѣ и согласіи, а „живой трупъ"— въ привычной для него атмосферѣ трущобъ. Какъ видите, здѣсь не было никакого внутренняго трагизма, никакихъ психологическихъ сложностей: одни только внѣшнія препятствія и вытекающія изъ нихъ бѣды, правда—весьма тяжкія и жестокія въ своей нелѣпости.

Но творческая душа почуяла въ этомъ тяжеломъ житейскомъ анекдотѣ зародышъ высшихъ возможностей. Стоитъ только что-то измѣнить — и индивидуальный, внѣшній случай получитъ глубокое внутреннее и общее значеніе. И вотъ въ воображеніи Толстого начался процессъ, столь типичный для этого писателя, у котораго всегда первымъ толчкомъ и постояннымъ подспорьемъ для художественнаго творчества являлись конкретные факты, почерпнутые изъ жизни собственной, изъ жизни его семьи и его знакомыхъ, изъ жизни прошлыхъ поколѣній, возстановляемой путемъ широкихъ изученій. Переработка процесса Гимеровъ Толстымъ пошла въ двухъ направленіяхъ: морально-публицистическомъ и художественно-психологическомъ. Первое направленіе подсказывалось теоретическими взглядами Толстого послѣднихъ десятилѣтій; второе шло изъ безсознательныхъ глубинъ его геніальной натуры, таившихъ, какъ то и естественно, гораздо большія приближенія къ истинѣ, чѣмъ формулы и схемы его теоретическаго мышленія.

Морально-публицистическая точка зрѣнія заставила Толстого выдвинуть столкновеніе абсолютныхъ этическихъ требованій индивидуальнаго сознанія съ коренной анти-этичностью органовъ государственности, съ мерзостью консисторскаго бракоразводнаго процесса, съ бездушіемъ общихъ судовъ, которые, въ изображеніи Толстого, отдаютъ обвиненіе чуткихъ и чистыхъ людей въ руки ничтожнаго, мелочно куражащагося, грязноватаго слѣдователя, а защиту — въ руки столь же ничтожныхъ, эффектничающихъ адвокатовъ, цинически пренебрегающихъ душевной жизнью и сердечной болью своихъ подзащитныхъ.

Для того, чтобы эта антитеза выступила съ наибольшей рельефностью, надо было фабулу, взятую изъ жизни, подвергнуть существеннымъ измѣненіямъ, надо было жертвы мертваго закона вознести на возможную высоту нравственной чистоты. Для публицистической за-

дачи Толстого не годилась этически-разложившаяся личность Гимера; слабы были и готовые на всѣ компромиссы его жена и ея второй мужъ. Въ этихъ фигурахъ слишкомъ мало свѣта, чтобы достаточно рѣзко оттѣнить черноту оффиціальныхъ учрежденій. И вотъ, Толстой освобождаетъ ихъ отъ тѣней, отъ какихъ можно ихъ освободить не разрушая въ конецъ самаго зерна фабулы. Ѳедино пьянство и разрывъ съ женой получаютъ совершенно новую мотивировку, о которой рѣчь впереди. Далѣе Ѳедя не въ состояніи перешагнуть черезъ отвращеніе къ гнусной комедіи бракоразводнаго процесса; Лиза и Каренинъ ничего не знаютъ о симуляціи самоубійства, да и самъ Ѳедя въ этой симуляціи не играетъ активной роли: онъ только не мѣшаетъ другимъ все это устроить, охваченный въ тотъ моментъ, по совершенно исключительнымъ причинамъ, особымъ самозабвеніемъ. При такомъ оборотѣ дѣла многія конкретныя детали процесса Гимеровъ должны были въ драмѣ либо совсѣмъ исчезнуть, либо пріобрѣсти новое обоснованіе. И вотъ тутъ-то мы и встрѣчаемся въ „Живомъ Трупѣ“ съ слѣдами недоработанности по существу, гораздо болѣе важными, чѣмъ отмѣченныя неоднократно ошибки въ техникѣ судопроизводства. Вѣдь эти ошибки касаются только чисто внѣшнихъ подробностей и могли быть поправлены послѣ простой справки, ни іоты не мѣняя въ художественной или психологической ткани драмы. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, судятъ Ѳедю „присяжные засѣдатели“ или „сословные представители“, или то, что онъ убиваетъ себя во время простого перерыва, а не тогда, когда „присяжные совѣщаются“? Это—корректурные недосмотры, которые можетъ въ каждый данный моментъ поправить любой толковый корректоръ.

Иначе дѣло стоитъ съ тѣми слѣдами недоработанности, о которыхъ я теперь говорю. Нѣкоторые факты изъ реальнаго процесса органически слились съ характеристиками дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ. Письмо Ѳеди къ женѣ—не куплено, какъ у Гимера, а написано совершенно искренно. Полученіе имъ денегъ передъ симуляціей тоже находитъ естественное объясненіе въ психикѣ его жены—но только въ картинѣ 11-й, у слѣдователя: въ 8-й картинѣ, въ моментъ, когда Лиза и Каренинъ ожидаютъ отъ Ѳеди согласія на разводъ, мотивировка денежнаго посланія имѣетъ другой характеръ—это не Ѳедины деньги, которыя Лиза ему возвращаетъ, не желая ихъ сохранять у себя, а дѣйствительно субсидія на веденіе процесса, которую послалъ Ѳедѣ Каренинъ и за которую Лиза упрекаетъ его, какъ за нѣчто нетактичное. И вслѣдъ затѣмъ Ѳедя подчеркиваетъ эту нетактичность, отсылая деньги назадъ. Ясно, что тутъ концы съ концами не сведены: подкупъ мужа въ предпослѣдней картинѣ утратилъ свой нечистоплотный характеръ, а въ 8-й еще сохра-

нилъ этотъ налетъ, хотя и въ ослабленной степени. Конечно, въ дальнѣйшей работѣ Толстой снялъ бы это противорѣчіе, но вѣдь ясно, что если бы онъ, напримѣръ, поправилъ 8-ую картину сообразно съ тѣмъ, что сказано въ 11-й, то въ характеристикѣ Каренина, да отчасти и Лизы, исчезла бы любопытная черточка. Точно также изъ процесса Гимеровъ осталась въ драмѣ ежемѣсячная посылка Каренинымъ денегъ, которыя попадаютъ въ руки Ѳеди. Въ пьесѣ эта улика остается совершенно загадочной, виситъ на воздухѣ, и ея психологическаго смысла не объясняютъ намъ нимало ни трагическія всхлипыванія г. Аполлонскаго на Александринской сценѣ, ни полная достоинства и сдержанной силы игра И. М. Москвина въ Художественномъ Театрѣ. Еще неудовлетворительнѣе стоитъ дѣло съ зарожденіемъ идеи о симуляціи самоубійства. Что сѣренькіе люди, защемленные жизнью и готовые на все, лишь бы избавиться отъ боли, но лишенные творческой душевной глубины переживаній, которая могла бы подсказать какое-нибудь свое, выстраданное разрѣшеніе трагедіи, что такіе люди бросаются на литературное заимствованіе и разыгрываютъ его въ жизни—это понятно. Но для такихъ фигуръ, какъ Ѳедя и Маша, подобный плагіатъ психологически немыслимъ, и его надуманность въ данной обстановкѣ выдаетъ самъ Толстой, допуская чуть ли не единственный во всей пьесѣ безспорно безвкусный штрихъ: въ такую-то минуту Маша, цыганка, дикій звѣренышъ, воплощенный темпераментъ, обходящаяся всегда самыми краткими и примитивными словами и фразами—вдругъ занимается литературной критикой, опредѣляя романъ Чернышевскаго, какъ „скучный". Богатая, увлекательная картина яркихъ и сложныхъ психическихъ переживаній, которыми насыщаютъ этотъ моментъ А. Г. Коонецъ (великолѣпная Маша) и И. М. Москвинъ на Московской сценѣ, позволяетъ зрителю отмахнуться отъ неудачнаго текста, какъ отъ случайной, неважной мелочи. Это такой увлекательный переходъ отъ только что пережитаго ужаса смерти и отчаянія безвыходности къ сіяющей веснѣ всепобѣждающей Машиной любви, къ радости жизни, внезапно среди сгустившагося мрака запѣвшей свой побѣдный гимнъ! Пусть черезъ минуту это окажется миражемъ. Но сейчасъ-то и Ѳедя, и Маша, и зрители до глубины души захвачены вѣрой въ то, что невозможное стало возможнымъ, и въ лучахъ этой вѣры таютъ какъ воскъ предъ лицомъ огня всѣ сомнѣнія и недоумѣнія. При другомъ исполненіи этотъ моментъ на сценѣ перебиваетъ настроеніе еще бо̀льшимъ диссонансомъ, чѣмъ въ чтеніи.

Есть недоразумѣнія и въ хронологіи пьесы. Протасовы были женаты 10 лѣтъ. Между мнимой смертью Ѳеди и сценой у судебнаго слѣдователя прошло менѣе года. Вотъ главныя цифровыя данныя, но

они плохо мирятся съ содержаніемъ пьесы. Прежде всего ребенокъ Протасовыхъ, грудной въ моментъ расхожденія его родителей, черезъ годъ выражается уже довольно сложными фразами. Это трудно, но еще возможно допустить. Труднѣе вдвинуть въ одинъ годъ то психологическое разстояніе, которое отдѣляетъ Ѳедю въ ресторанѣ отъ Ѳеди въ трактирѣ: такъ далекъ онъ отъ Маши, такъ сильно „опустился и оборвался“. Повидимому, Толстой не успѣлъ дойти до полной ясности концепціи и двигался въ томъ направленіи, чтобы уменьшить срокъ брачной жизни Протасовыхъ и увеличить періодъ брака Карениныхъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и весьма существенный вопросъ о возрастѣ дѣйствующихъ лицъ. Въ первоначальномъ набросkѣ помѣчено, что Лизѣ 30 лѣтъ, Каренину тоже 30 лѣтъ,—значитъ, столько же, или немногимъ больше, и Ѳедѣ, другу дѣтства Каренина. Между тѣмъ слѣдователю Ѳедя говоритъ, что ему 40 лѣтъ, Каренинъ показываетъ себѣ 38 лѣтъ, а мать Каренина остается въ возрастѣ 50 лѣтъ. Тутъ ужъ несомнѣнная сбивчивость, отъ того или другого выхода изъ которой сильно должна была измѣниться психологическая окраска всѣхъ событій и переживаній.

Какъ бы то ни было, но ясно, что переработка выхваченныхъ изъ жизни фактовъ и характеровъ, начавшаяся съ цѣлью выявить заключенный въ нихъ морально-общественный трагизмъ, ставила передъ Толстымъ рядъ уже чисто психологическихъ, художественныхъ задачъ. Надо было свободнымъ полетомъ творческой фантазіи, а не усиліемъ связанной теоретической мысли, создать новыхъ людей, новыя отношенія, новыя переживанія, — словомъ, призвать изъ глубинъ своей души къ бытію цѣлый новый міръ, похожій на реальную жизнь, но превосходящій ее сконцентрированностью переживаній и ясностью того внутренняго закона, который ими руководитъ, дѣлаетъ ихъ неизбѣжными и такими именно, а не иными. И Толстой отдался этой прекрасной творческой игрѣ, столь для него желанной—и столь ненавистной для его суровой догматики. И вотъ, въ привлекшей его картинѣ внѣшняго трагизма—столкновенія цѣнной личности съ несовершенствомъ общественнаго уклада жизни,—стали выступать контуры иной картины: внутренняго трагизма личности, отъ котораго не спасутъ ни соціальныя реформы, ни моральная проповѣдь.

Чтобы лучше уловить эти новые контуры, Толстой прежде всего перенесъ драму изъ среды „третьяго элемента“, гдѣ она разыгралась въ дѣйствительности, въ привычную для него среду „средне-высшаго круга“, который царитъ во всѣхъ его истинно художественныхъ произведеніяхъ, уступая по временамъ мѣсто только крестьянамъ, хорошо знакомымъ Толстому опять-таки по непосредственному наблюденію, а не городскимъ классамъ или интеллигенціи, чуждымъ

ему органически. Едва вошелъ Толстой въ эту родную атмосферу, какъ сейчасъ же его пьеса населилась цѣлымъ роемъ поразительно живыхъ и жизненныхъ образовъ: мать Лизы, мать Каренина, князь Абрезковъ, Афремовъ, Стаховъ, Буткевичъ, Коротковъ, старая няня, цыгане,—какія это все поразительныя художественныя созданія, какой твердой, ни разу не дрогнувшей рукой изваяны они, съ какой четкостью и мудрой скупостью художественныхъ средствъ даны исчерпывающія характеристики каждому изъ нихъ, иногда въ одной-двухъ фразахъ! На этихъ фигурахъ лежитъ та же печать неувядающей геніальности, что и на герояхъ великихъ романовъ Толстого, и для тѣхъ, кто способенъ радоваться проявленію несравненнаго мастерства, какъ такового, независимо отъ размѣровъ и такъ называемаго содержанія произведенія, созерцаніе этихъ второстепенныхъ лицъ „Живого трупа“ есть большая и высокая радость. Я вполнѣ понимаю истинныхъ артистовъ, которые, послѣ вялыхъ, хлипкихъ, расплывчатыхъ фигуръ нашей обычной драматургіи, съ восторгомъ бросились къ самымъ маленькимъ ролямъ изъ пьесы Толстого. Тутъ уже независимо ни отъ какихъ идей, обобщеній и построеній отдаешься радостному созерцанію конкретности, вглядываешься въ каждую подробность, какъ бы осязаешь ее и упиваешься ея неподражаемымъ совершенствомъ, ея гармоническимъ соотвѣтствіемъ со всѣми другими деталями. Охватываешь однимъ взглядомъ цѣлое, и опять бросаешься къ деталямъ, и не знаешь, и знать не желаешь, что лучше: все прекрасно, все совершенно. И насколько еще выростаетъ это наслажденіе, когда къ чисто литературному впечатлѣнію прибавляется сценическое воплощеніе, скажемъ, матери Каренина въ исполненіи М. Г. Савиной, придающей этому типу покоряющую задушевность, или безподобный образъ московской артистки М. П. Лилиной, безконечно изящной, какъ бы фарфоровой, въ своихъ сѣдѣющихъ кудряхъ, съ едва уловимыми отзвуками французской фонетики въ русской рѣчи, съ мягкой симфоніей изъ фіолетовыхъ тоновъ въ ея пріемной комнатѣ. А князь Абрезковъ-Станиславскій! Какой плѣнительный оттѣнокъ утомленія и грусти кладетъ на благородную и нѣжную душу этого человѣка покорная и почтительная любовь, заполнившая всю его жизнь и донесенная до сѣдинъ неизмѣнной, неувядаемой, хотя любимая женщина, раздѣляя это чувство, но вѣрная своему долгу, принудила и себя, и князя къ героической резиньяціи. Сколько тонкости, сдержанности и такта проявляютъ Лилина и Станиславскій въ передачѣ переживаній двухъ сѣдѣющихъ влюбленныхъ, когда они, говоря о романѣ Виктора, интимно переживаютъ свою собственную драму. А какіе тона находитъ Станиславскій для выраженія чуткости и сердечности князя въ разговорѣ съ Ѳедей!... Но

я никогда не кончу, если стану говорить о всемъ прекрасномъ, что есть въ второстепенныхъ фигурахъ драмы Толстого и въ ихъ воплощеніи у московскихъ художниковъ. Надо сосредоточиться на главныхъ лицахъ.

Въ центрѣ стоитъ, конечно, Ѳедя Протасовъ. Всѣ остальныя лица вращаются вокругъ него и служатъ для полнаго раскрытія его психики. Что же такое Ѳедя? Человѣкъ, прежде всего алчущій и жаждущій—чего? Онъ и самъ не сумѣетъ опредѣлить. Я бы сказалъ: абсолютной цѣльности и яркости переживаній и поступковъ, такъ чтобы они въ каждый данный моментъ захватывали, заполняли всю его душу безъ остатка, поднимали бы ее на предѣльную высоту, напрягали бы до полнаго проявленія скрытыя въ ней возможности. Чувствовать въ каждомъ своемъ дѣйствіи внутреннюю обоснованность, вытекающую изъ сокровеннѣйшей правды души, — вотъ чего надо ему, и все меньшее, всякій частичный интересъ, всякая частичная правда ощущается имъ уже какъ ложь, какъ стыдъ; онъ скорѣе погибнетъ откровенно, чѣмъ успокоится на какой-нибудь промежуточной возможности, хотя бы и достаточно удовлетворительной, чтобы успокоить душу, менѣе одаренную предчувствіемъ абсолютнаго и горѣніемъ къ нему. Между тѣмъ, по рожденію и воспитанію Ѳедя принадлежитъ къ средѣ, въ которой абсолютное безнадежно подмѣнено компромиссньмъ, безпредѣльность — рамками, существо — формой. И люди, съ которыми судьба связала Ѳедю, даже и не подозрѣваютъ этой подмѣны. Они служатъ предводителями, сидятъ въ банкахъ или канцеляріяхъ, — и видятъ въ этомъ свое жизненное назначеніе. А для Ѳеди ясно, что это либо жалкая мишура, либо зарабатываніе денегъ, которое, если становится самоцѣлью, то, конечно, есть „пакость“. Ѳедѣ нужна дѣятельность, которая подсказывалась бы его внутренней правдой и въ которую дѣйствительно можно было бы вложить всю душу. Ни въ канцеляріи, ни въ службѣ по дворянскимъ выборамъ такой дѣятельности не найдешь — а иныхъ путей Ѳедина среда не знаетъ и заставляетъ его втиснуться въ рамки предводительства или чиновничества. Ѳедя поддается этому принужденію, но свыкнуться со своимъ положеніемъ, заглушить голосъ внутренней правды не можетъ; ему стыдно передъ судомъ этой правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „не герой“, не творецъ новыхъ формъ жизни, хотя бы для себя лично. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это — уйти отъ „стыднаго“ дѣла въ бездѣлье, которое тоже, конечно, не даетъ удовлетворенія и потому—стыдно. Значитъ, остается только либо нести свой стыдъ, либо искать въ винѣ забвенія стыда.

Тоже самое и съ семейной жизнью Ѳеди. Онъ знаетъ, что въ интимномъ союзѣ двухъ душъ и двухъ тѣлъ могутъ быть величайшіе „восторги“, можетъ ощутиться и найти удовлетвореніе глубина и

правда души. Но въ Ѳединомъ бракѣ именно глубинной-то сліянности супруговъ и нѣтъ. Они съ Лизой не едина плоть и не единъ духъ. Лиза—прекрасная, чистая, нравственная женщина, по своему любящая мужа, но эта любовь—не единственная для нея возможная, не исчерпывающая ея души. Самаго важнаго въ Ѳединой личности она не понимаетъ абсолютно; тѣ глубины, которыхъ жаждетъ Ѳедя, ей чужды, ей роднѣе душа Каренина, тоже лишенная всякихъ глубинъ. Съ Ѳедей ей мучительно, съ Викторомъ спокойно; Ѳедя ее куда-то тянетъ, требуетъ отъ нея какихъ-то напряженій. Не словами, не приказомъ тянетъ и требуетъ, а фактомъ своего существованія и поведенія. Викторъ доволенъ и удовлетворенъ Лизой такой, какая она есть. Лиза и Викторъ—люди одного міра, одной плоскости, а Ѳедя—чужакъ въ ихъ средѣ, который только мутитъ ихъ жизнь, безсильный поднять эту жизнь на влекущую его самого высоту. Значитъ, и семья для Ѳеди не есть воплощеніе его внутренней правды; она такъ же далека отъ внутренней обоснованности, какъ и банковская служба, она должна вызывать такой же стыдъ, отъ нея тоже хочется и надо сбѣжать и забыться.

Именно надо, въ силу пониманія какой-то правды, болѣе высокой, чѣмъ столь привычная для Толстого правда нерасторжимости брака. Эту новую правду постигъ Ѳедя, когда ушелъ изъ дому; въ этой правдѣ его поддерживаетъ Маша, когда говоритъ: „Извѣстно, коли не любишь, такъ и не надо. Только любовь дорога“. Вотъ почему Ѳедя, житейски мягкій и неустойчивый, въ вопросѣ объ уходѣ изъ семьи обнаруживаетъ необычную для него твердость, неколебимо выдерживая мучительнѣйшія попытки міра, изъ котораго онъ ушелъ, снова втянуть его въ свои рамки. Стиснувъ зубы, онъ выноситъ пытку визитовъ Виктора и Саши и остается при своемъ рѣшеніи, ибо знаетъ, что *истиннаго* брака у него съ Лизой не было, хотя онъ ея мужъ и отецъ ея ребенка. Былъ бракъ формальный, психологически закрѣпленный только будничной, поверхностной привязанностью женщины къ мужчинѣ. Вотъ почему Лиза сначала рѣшитъ, что „все лучше, чѣмъ разстаться съ нимъ“, а черезъ двѣ недѣли будетъ смотрѣть на Виктора влюбленными глазами; узнавъ о смерти Ѳеди, закричитъ, что его одного любила, а при вѣсти о томъ, что онъ живъ, крикнетъ: „О, какъ я ненавижу его“; при видѣ застрѣлившагося Ѳеди придетъ въ отчаяніе, а затѣмъ будетъ опять счастлива въ новой семьѣ. Въ минуты высшаго трагизма сквозь густой туманъ обыденнаго и человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, и въ Лизину душу будетъ врываться молнія высшей правды, искалѣчившая жизнь Ѳеди; но пройдетъ мигъ просвѣтлѣнія—и мягкая тина порядка, внѣшней чистоты, уютности, тихихъ будничныхъ радостей снова затянетъ Лизу

въ свое царство, и потухнетъ въ Лизиной душѣ искорка лучшихъ возможностей, которая, разгорись только яркимъ пламенемъ, могла бы создать настоящую слiянность, настоящiй бракъ ея съ Ѳедей и показала бы ничтожность Каренина. Это все чувствуетъ Саша, но Лиза—не Саша, и бракъ ея съ Ѳедей только профанацiя истиннаго брака. Поддайся Ѳедя искушенiю жалости, остановись передъ мимолетной болью разрыва,—и онъ долженъ былъ бы вступить на путь сознательной лжи, компромисса. Но въ этомъ пунктѣ Ѳедя вѣренъ себѣ.

И Ѳедя бѣжитъ и забывается въ кутежѣ, у цыганъ. Но не одно забвенiе находитъ онъ тутъ. Въ цыганскомъ пѣнiи онъ слышитъ отзвуки тѣхъ самыхъ душевныхъ глубинъ, которыя забыты въ его средѣ, слышитъ голосъ той же богатой натуры, для которой нѣтъ исчерпывающаго выхода въ жизни. Эти дикiя, страстныя, то безудержно удалыя, то щемяще тоскующiя пѣсни созданы душами, родными для Ѳеди: это его собственная душа до конца развернула свою ширь и выплакала свой трагизмъ. „А тутъ еще милые черные глаза и улыбка", тутъ Маша съ той яркостью чувства, съ той полнотой самоотдачи, которыя и не снились Лизѣ. Казалось бы, вотъ уже и просвѣтъ для Ѳеди, прiютъ для его сердца—а въ праздникъ сердца „жизнь и энергiя" воскресаютъ. „Смотрю на тебя, такъ, кажется, все сдѣлаю". Но вѣдь Ѳедя „не герой". Цыганская пѣсня, Машина любовь могутъ дать ему лишь минутный подъемъ, минутный „восторгъ", когда невозможное кажется возможнымъ, даже свершившимся. Но минутка пройдетъ—„и чѣмъ это увлекательнѣе, тѣмъ послѣ еще стыднѣе". Потому-то Ѳедя и не беретъ Маши: онъ знаетъ, что передъ той полнотой чувства, которую внесла бы въ ихъ союзъ Маша, онъ оказался бы такимъ же банкротомъ, какимъ оказалась передъ нимъ самимъ Лиза.

Вотъ гдѣ, мнѣ кажется, основной стержень новой драмы Толстого. Ѳедя рожденъ въ мiрѣ повседневности и компромисса, но въ его душѣ ясны зовы, влекущiе въ иной мiръ,—мiръ красоты, абсолюта и восторга. Ясны, но не столь сильны, не столь дѣйственны, чтобы онъ могъ не то что другихъ вознести, а хотя бы самъ зажить жизнью этого иного мiра. Тутъ трагическiй разладъ между прозрѣнiемъ и исполненiемъ, между знанiемъ и волей. Путь ясенъ, но нѣтъ силы пойти по этому пути; небо близко, но нѣтъ крыльевъ. Да, Ѳедя не герой въ смыслѣ борьбы и достиженiя. Но онъ настоящiй герой трагедiи, обреченный на гибель неизбѣжную, но просвѣтленную и просвѣтляющую, потому что она есть мученическiй вѣнецъ на челѣ того, кто горѣлъ по высшей правдѣ и свидѣтельствовалъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, чего не хватало Ѳедѣ, чтобы занять въ средѣ Карениныхъ первое мѣсто? Онъ уменъ, благороденъ, обаятеленъ, даровитъ. Но ему не

хватаетъ тупости сердца и способности на компромиссы со своей совѣстью. Не хватаетъ пошлости. Онъ не войдетъ въ свѣтлый міръ, но онъ не принесетъ ни одной жертвы тинѣ житейской. Онъ нарушитъ внѣшніе законы и условности, въ этой тинѣ гнѣздящіеся, но онъ не перешагнетъ ни разу черезъ законы того свѣтлаго міра, которые на каждомъ шагу попираются лакированными башмаками и лакированными душами чадъ тины. Онъ не только не посягнетъ на Машу,—и не изъ жалости, о нѣтъ, а изъ чего-то гораздо болѣе высокаго, чѣмъ наша маленькая жалость: изъ-за „восторга" передъ этой свѣтлой дочерью свѣтлаго міра, для Ѳеди недоступнаго. Онъ даже изъ міра Карениныхъ уйдетъ, не запятнавъ души своей ни упрекомъ, ни обвиненіемъ противъ нихъ, не унизившись до презрѣнія къ нимъ или хотя бы безразличія. Всѣ вины и всѣ упреки онъ искренно приметъ на себя одного съ деликатностью избранной души, а имъ постарается всячески помочь устроить ихъ маленькое, компромиссное, муравьиное счастье. И уйдетъ онъ изъ жизни въ лохмотьяхъ и позорѣ внѣшнемъ, но на самомъ дѣлѣ чистый и лучезарный, и память о немъ будетъ святыней для всѣхъ, передъ кѣмъ онъ прошелъ.

Но когда Толстой, отдавшись своему художественному инстинкту, приблизился къ такой концепціи драмы, онъ не могъ не замѣтить, что становится въ противорѣчіе съ основными догматами своей моралистической проповѣди. Ему пришлось кутящаго, плотски безпорядочнаго Ѳедю вознести на недосягаемую высоту надъ плотски чистымъ и воздержнымъ Каренинымъ. Ему пришлось бросить на отношенія между мужчиной и женщиной и на бракъ совсѣмъ не тотъ свѣтъ, какой былъ бы естественъ въ фонарѣ автора „Крейцеровой Сонаты". Изъ аскетически подавляемыхъ глубинъ его геніальной души поднялись откровенія, идущія слишкомъ вразрѣзъ съ его проповѣдями—и передъ этимъ, роковымъ для него разладомъ Толстой не могъ не остановиться.

Въ флорентинскомъ музеѣ Барджело есть недоконченный бюстъ Брута, работы Микель Анджело, поразительный по силѣ экспрессіи. А на цоколѣ этого бюста рукой самого мастера высѣчена надпись, объясняющая, почему работа осталась незавершенной. Создавая ликъ Брута и углубляясь творческимъ воображеніемъ въ его психику, Микель Анджело въ собственной душѣ поднялъ такую бурю, которая его напугала,—и онъ оборвалъ работу на половинѣ. Не непосильная ли душевная буря заставила Толстого воздержаться отъ окончательной обработки „Живого Трупа"? Не почувствовалъ ли онъ, углубляясь въ психику Ѳеди, ту правду, которая черезъ десять лѣтъ заставила его самого вступить на путь изъ Ясной Поляны въ Аста-

пово? Не бросилъ ли онъ работы надъ пьесой потому, что она звала его къ подвигу, къ которому онъ былъ еще не готовъ?

Во всякомъ случаѣ, при чеканной работѣ второстепенныхъ фигуръ, при значительной воплощенности Ѳеди, мы не имѣемъ сколько-нибудь удовлетворяющей разработки лицъ, тѣсно и непосредственно связанныхъ съ центральной фигурой. Лиза и Каренинъ едва намѣчены, при томъ же штрихами мало характерными и несвободными отъ внутреннихъ противорѣчій. Правда, въ Московскомъ Театрѣ г-жа Германова и В. И. Качаловъ создаютъ изъ этихъ лицъ весьма жизненные, содержательные и цѣлостные образы; но они мнѣ представляются продуктомъ самостоятельнаго творчества этихъ недюжинныхъ художниковъ, и я не имѣю опоры для гаданій, насколько эти сценическіе образы вѣрно угадываютъ, что получилось бы у Толстого, еслибы онъ смогъ или захотѣлъ доработать Лизу и Виктора до конца. Я и не буду на нихъ останавливаться, потому что я пытался только разобраться въ „Живомъ Трупѣ“ какъ въ литературномъ произведеніи, о сценическомъ же его воплощеніи упоминалъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно помогало освѣтить эту задачу.

Но я не могу не констатировать того факта, что постановка „Живого Трупа“—новая заслуга Художественнаго театра передъ русскимъ искусствомъ. Невозможно себѣ представить болѣе тонкаго и чуткаго пониманія текста и болѣе совершеннаго сценическаго воплощенія его, болѣе богатой, гибкой и разнообразной музыки контрастовъ, нюансовъ, переходовъ и симфоническихъ аккордовъ. Съ одинаковою тщательностью разработаны и общая композиція, и мельчайшія детали, и игра артистовъ, и декоративная часть. Уже первыя двѣ картины захватываютъ зрителя яркой антитезой двухъ міровъ: съ одной стороны—наболѣвшая обыденность разрушающейся семьи, безсильныя, нудныя жалобы и слезы, рабья покорность и рабьи компромиссы; съ другой—безудержный порывъ, исполненный трагизма восторгъ, тоже слезы, но благодатныя, свѣтлыя слезы. А затѣмъ, какъ передана атмосфера всенощнаго кутежа, захватившаго часть дня, какъ великолѣпны свѣтлые лучи солнца, падающіе въ комнату черезъ яркую персидскую шаль, полузанавѣсившую окошко, и заставляющіе блѣднѣть огонь свѣчей, горящихъ на столѣ. Какимъ рѣзкимъ контрастомъ оказывается въ этой средѣ свѣтски-корректная, съ сильнымъ чиновничьимъ налетомъ, фигура Каренина, какъ жалка она тутъ и смѣшна своею растерянностью. Чары театра сразу и властно захватываютъ зрителя и ни на минуту не отпускаютъ его до конца спектакля. Счастливая Москва, которая смогла зародить и выростить въ своихъ нѣдрахъ такой театръ...

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Триполійскій вопросъ въ турецкомъ парламентѣ.—Военныя дѣйствія и великія державы.—Мнимыя задачи русской дипломатіи.—Британскія дѣла.—Китайская революція.

Международныя затрудненія, вызванныя итальянскою оккупаціею Триполи, значительно осложняются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Турціи существуетъ парламентъ и турецкіе министры обязаны теперь считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Въ былое время, при султанѣ Абдулъ-Гамидѣ, самые важные вопросы внѣшней политики разрѣшались келейно, въ нѣдрахъ небольшого кружка придворныхъ фаворитовъ и евнуховъ, при секретномъ содѣйствіи отдѣльныхъ иностранныхъ дипломатовъ, безъ вѣдома и участія какихъ бы то ни было постороннихъ элементовъ. Забота объ интересахъ имперіи не играла тогда никакой самостоятельной роли въ дѣлахъ турецкой дипломатіи. Представители Германіи или Австро-Венгріи легко добивались нужныхъ имъ результатовъ, и триполійскій вопросъ былъ бы быстро улаженъ личной волей султана, при помощи какой-нибудь выгодной финансовой комбинаціи. Теперь положеніе совершенно измѣнилось. Султанъ ничего не рѣшаетъ по собственному усмотрѣнію, а долженъ поневолѣ сообразоваться съ голосомъ народнаго представительства.

Подъ вліяніемъ оппозиціи въ парламентѣ и въ печати, великій визирь Хакки-паша вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ Саидъ-паша. Депутаты сѣверо-африканскихъ вилайетовъ представили обширный обвинительный актъ противъ бывшаго министерства и потребовали преданія его суду за то, что своею небрежностью и бездѣйствіемъ оно допустило потерю двухъ провинцій. Хакки-паша отозвалъ изъ Триполи значительную часть находившихся тамъ войскъ и перевелъ ихъ въ Іеменъ; крупные запасы оружія были перевезены оттуда въ Константинополь; по жалобамъ и домогательствамъ Италіи былъ отозванъ генералъ-губернаторъ Ибрагимъ-паша, безъ замѣщенія этой должности другимъ лицомъ; дивизіонный командиръ и комендантъ крѣпости были также въ отсутствіи, такъ что въ критическій моментъ Триполи оставленъ былъ безъ защиты; генералъ-губернатора замѣнялъ неопытный чиновникъ по счетной части, а командира—простой штабный офицеръ. Сверхъ того, по винѣ администраціи, не были своевременно приняты мѣры для доставленія продовольствія бѣдствую-

щей части населенія, хотя средства на это были ассигнованы палатою; вслѣдствіе того съ марта мѣсяца умерло 514 человѣкъ отъ голода. Предложеніе триполійскихъ депутатовъ кончается словами: „Такимъ образомъ Хакки-паша оставилъ наслѣдіе нашихъ предковъ, наше единственное африканское владѣніе, безъ солдатъ и оружія, безъ военныхъ припасовъ, безъ продовольствія, безъ офицеровъ, безъ губернатора, безъ командировъ, безъ денегъ". Такъ какъ пять членовъ бывшаго министерства вошло въ составъ кабинета Саида-паши, то выставленныя противъ прежнихъ министровъ обвиненія относились частью и къ новому министерству, и правительственный кризисъ не могъ считаться устраненнымъ.

Засѣданіе турецкаго парламента, 18 (5-го) октября имѣло бурный характеръ. Ораторы оппозиціи указывали на несостоятельность и безсиліе правительства въ данномъ его составѣ. Депутатъ Риза Тевфикъ старался опровергнуть мнѣніе, что Европа хочетъ уничтожить или ослабить Турцію, чтобы не дать ей превратиться въ конституціонное государство. Странѣ нужно такое министерство, которое пользовалось бы довѣріемъ не только палаты и націи, но и великихъ державъ. Депутаты-націоналисты духовнаго званія прервали рѣчь Тевфика словами: „Мы не нуждаемся въ Европѣ, насъ триста милліоновъ мусульманъ на земномъ шарѣ!" Бывшій министръ Эмрулла говорилъ о необходимости продолженія войны: „Если Европа хочетъ насъ погубить,—воскликнулъ онъ,—то мы оставимъ послѣ себя кладбище". Эссадъ-паша прочелъ депешу, посланную военнымъ министромъ коменданту Триполи непосредственно передъ объявленіемъ войны и предписывавшую не оказывать итальянцамъ никакого сопротивленія. Представители большинства находили эти нападки на министровъ несвоевременными и неумѣстными: „не слѣдуетъ заниматься личными спорами, когда дѣло идетъ о жизни или смерти націи, — нужно думать прежде всего объ оказаніи отпора гнусному нападенію Италіи". Депутатъ Сидки упрекалъ правительство за его унизительное обращеніе къ державамъ; онъ совѣтовалъ немедленно выслать изъ предѣловъ имперіи всѣхъ итальянцевъ и закрыть всѣ итальянскія учрежденія и фирмы.

Великій визирь Саидъ-паша отвѣчалъ на рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ въ умѣренномъ и успокоительномъ тонѣ. По его словамъ, Порта имѣетъ безспорное право высылки, но не можетъ обращаться съ итальянцами какъ съ военноплѣнными. Выслать итальянцевъ легко, но надо подумать, насколько эта мѣра способствовала бы достиженію предположенной цѣли. Французы также выслали нѣмцевъ въ 1870-мъ году, но должны были потомъ заплатить милліарды. Поэтому правительство временно отложило высылку и распорядилось только не до-

пускать дальнѣйшаго прибытія итальянцевъ. Относительно триполійскаго вопроса существуетъ, по мнѣнію Саида-паши, два пути—сопротивленіе или мирное рѣшеніе; но одинъ путь не исключаетъ другого. Правительство не упускаетъ и дипломатическихъ средствъ борьбы. Разумѣется само собою, что въ предѣлахъ человѣческой возможности оттоманы должны сопротивляться. На чей-то возгласъ: „до полнаго истощенія!"—великій визирь замѣтилъ, что цѣль заключается не въ истощеніи и смерти, а въ продолженіи жизни. Еслибы однако онъ убѣдился, что самое существованіе націи подвергается опасности, то онъ стоялъ бы за сопротивленіе до послѣдней крайности. Саидъ-паша возстаетъ противъ политики изолированія, связанной съ узкимъ націонализмомъ. „Какъ и другія державы, Турція нуждается въ союзахъ и соглашеніяхъ; но эти союзы должны основываться на взаимныхъ выгодахъ. Намъ не нужно союзовъ, вовлекающихъ страну въ какія-либо опасности; мы должны искать такія комбинаціи, которыя могутъ способствовать скорѣйшему разрѣшенію существующихъ затрудненій". Великій визирь намекнулъ, затѣмъ, на возможныя замѣшательства въ связи съ другими предпріятіями державъ. „Говорятъ, что нѣкоторыя страны дѣлаютъ военныя приготовленія; Италія имѣетъ свои броненосцы въ Архипелагѣ и даже у Дарданеллъ. Положеніе крайне щекотливо". Въ заключеніе Саидъ-паша призналъ себя солидарнымъ со всѣми министрами, особенно съ министрами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ, и заявилъ, что кабинетъ уступитъ мѣсто новымъ, болѣе способнымъ дѣятелямъ, если палата откажетъ ему въ своемъ довѣріи.

Послѣ перерыва засѣданія выступилъ умѣренно-либеральный депутатъ Лутфи-Фикри, по мнѣнію котораго министерство не заслуживаетъ довѣрія и поддержки со стороны оппозиціи: кабинетъ находится подъ посторонними вліяніями и не можетъ спасти страну отъ окружающихъ ее опасностей. Порта обязана была прежде всего потребовать соблюденія парижскаго и берлинскаго трактатовъ, чего она однако не сдѣлала. Противъ этихъ утвержденій вновь возражалъ великій визирь; онъ напомнилъ, что и по боснійскому вопросу состоялся компромиссъ на основѣ финансоваго вознагражденія и что съ нѣкоторыхъ сторонъ и теперь даются совѣты въ такомъ же родѣ. Конечно, высылка итальянцевъ льстила бы общественному мнѣнію, но Турція не можетъ отталкивать отъ себя великія державы. Саидъ-паша заключилъ свою послѣднюю рѣчь воззваніемъ къ „патріотизму депутатовъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба имперіи". Палатѣ предложена была на голосованіе слѣдующая резолюція, внесенная младотурками: „Полагаясь на объясненіе великаго визиря, что онъ употребитъ нужныя старанія для дѣйствительнаго обезпеченія націо-

нальной чести, верховныхъ правъ и интересовъ имперіи, палата выражаетъ кабинету свое довѣріе". Эта резолюція была принята большинствомъ 125 противъ 60 голосовъ.

Въ сущности вотированное палатою довѣріе относилось только лично къ Саиду-пашѣ, въ виду заявленій и обѣщаній, данныхъ имъ въ закрытомъ засѣданіи того же 18-го октября. Во-первыхъ, онъ призналъ свое министерство только временнымъ и предоставлялъ вождямъ партій вести переговоры объ образованіи новаго кабинета. Онъ не отрицалъ ошибокъ правительства Хакки-паши, но далъ понять, что причины его политической неудачи лежатъ глубже, чѣмъ думаютъ его обвинители. Во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ указаній и намековъ на возможную перемѣну въ международной политикѣ Турціи: Порта надѣется, по его словамъ, при помощи извѣстныхъ политическихъ, географическихъ и хозяйственныхъ уступокъ, заключить такія соглашенія, которыя помогутъ разрѣшить и триполійскій вопросъ безъ ущерба для интересовъ и правъ Оттоманской имперіи. Рѣчь идетъ о попыткѣ присоединенія Турціи къ группѣ державъ, связанныхъ между собою тройственнымъ соглашеніемъ—т.-е. къ Россіи, Англіи и Франціи. Подобныя попытки являются вполнѣ естественными послѣ испытаннаго турками разочарованія относительно державъ тройственнаго союза—Австро-Венгріи, Италіи и Германіи; но реальнаго значенія онѣ при настоящихъ обстоятельствахъ имѣть не могутъ. Ни Россія, ни Франція,—не говоря уже объ Англіи,— не станутъ вмѣшиваться въ ходъ событій, не затрагивающихъ ихъ непосредственно, особенно когда это вмѣшательство могло бы быть истолковано въ смыслѣ непріязненнаго шага по отношенію къ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи. Никакими спеціальными уступками нельзя уже достигнуть чьего-либо заступничества за Турцію въ ея борьбѣ съ Италіею: разсчитывать на что-нибудь подобное было бы слишкомъ наивно со стороны турецкой дипломатіи. Франція, съ которою мы связаны прямымъ союзомъ, заранѣе гарантировала итальянцамъ полную свободу дѣйствій по отношенію къ Триполи, въ видѣ компенсаціи за Марокко, и этимъ устраняются всякія сомнѣнія относительно политики Россіи и Англіи въ триполійскомъ вопросѣ.

Впрочемъ, какъ видно изъ приведеннаго нами отчета о парламентскихъ преніяхъ 18-го октября, турки не надѣются на Европу и сами не питаютъ къ ней хорошихъ чувствъ; въ то же время они требуютъ отъ своего правительства энергическихъ мѣръ обороны на театрѣ войны. Съ своей стороны, ослѣпленные патріоты и шовинисты Италіи успѣли возбудить противъ себя злобную вражду въ туземномъ мусульманскомъ населеніи, которое, заодно съ отступившими на первыхъ порахъ турецкими войсками, возобновило военныя дѣйствія съ

горячностью партизанской войны. Итальянцы вздумали разстрѣливать арабовъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ и не принадлежащихъ къ регулярной арміи; но эти мѣры устрашенія привели къ тому, что мѣстныя арабскія племена почти поголовно поднялись противъ пришлыхъ завоевателей. Телеграфныя извѣстія сообщали уже о серьезномъ пораженіи итальянцевъ послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя въ окрестностяхъ и внутри города Триполи, 28 (15)-го октября; эти извѣстія, правда, получаются изъ турецкихъ источниковъ и опровергаются депешами изъ Рима, но они соотвѣтствуютъ частнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ корреспондентами англійскихъ и французскихъ газетъ. Начинается тотъ тяжелый, кровавый періодъ борьбы съ вооруженными и возмущенными туземцами, котораго почему-то не предвидѣли самоувѣренные итальянскіе дѣятели. Такъ какъ Италія не можетъ уже остановиться въ своемъ предпріятіи, то за свои неудачи въ Африкѣ она вынуждена будетъ мстить туркамъ болѣе настойчивыми нападеніями на морѣ, и итальянскому флоту опять предстоитъ дѣйствовать въ европейскихъ водахъ, близъ Балканскаго полуострова, возбуждая неудовольствіе Австро-Венгріи. Останутся ли тогда спокойными на Балканахъ тѣ народности, которыя до сихъ поръ чувствуютъ на себѣ гнетъ старой, не тронутой еще реформами турецкой администраціи? Не воспользуются ли обстоятельствами турецкіе славяне и греки, чтобы попытаться сбросить съ себя владычество мусульманъ? Эти вопросы не могутъ не занимать дипломатовъ заинтересованныхъ державъ. Затянувшаяся война изъ-за Триполи вновь ставитъ, такимъ образомъ, на очередь балканскій или, вѣрнѣе, турецкій кризисъ во всемъ его объемѣ.

Въ нѣкоторой части нашей печати раздаются иногда голоса въ пользу самостоятельнаго выступленія русской дипломатіи для пріобрѣтенія какихъ-либо выгодъ при современномъ запутанномъ положеніи международныхъ дѣлъ въ Европѣ. Австро-Венгрія присоединила Боснію и Герцеговину, Франція взяла Марокко, Германія пріобрѣла часть французскаго Конго, Италія наложила руку на Триполи; почему же— спрашиваютъ любители высшей политики—одна Россія скромно молчитъ и ничего не беретъ себѣ при этомъ общемъ дѣлежѣ? Говорятъ, что мы должны непремѣнно добыть для русскаго военнаго флота право свободнаго прохода черезъ Босфоръ и Дарданеллы, ибо въ противномъ случаѣ мы не чувствуемъ себя хозяевами въ Черномъ морѣ и терпимъ обидныя стѣсненія, несовмѣстимыя съ ролью великой независимой державы.

Что касается колоніальныхъ пріобрѣтеній, желательныхъ будто бы

для Россіи, то мечтающіе о нихъ патріоты, къ сожалѣнію, не опредѣляютъ въ точности, гдѣ именно и для чего нужны намъ новыя земли, и настолько ли мы страдаемъ отъ избытка богатствъ, чтобы опять пуститься въ разорительныя авантюры, въ родѣ манчжурской и корейской. Предлагаемые намъ образцы, достойные будто бы, подражанія, должны скорѣе убѣдить насъ въ безплодности и опасности всякихъ пріобрѣтательныхъ аферъ въ чужихъ краяхъ. Много ли выиграла Францiя отъ оккупаціи Марокко, заставляющей ее тратить такую массу силъ и средствъ на безконечную возню съ мѣстными междоусобіями и волненіями, съ утомительнымъ и мелочнымъ соперничествомъ нѣмцевъ и испанцевъ? Стоило ли Германіи въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ волновать народы перспективою войны и причинять неисчислимые убытки своимъ собственнымъ капиталистамъ, биржевымъ и банковскимъ дѣльцамъ, чтобы въ концѣ-концовъ получить право называть своими какія-то пустынныя полосы земли въ западной Африкѣ? Относительно Триполи разсудительные итальянцы уже теперь начинаютъ сомнѣваться въ выгодахъ предпріятія, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже будетъ балансъ потерь и убытковъ, не возмѣщаемыхъ никакими преимуществами. Арабскія племена не дадутъ себя выжить изъ немногихъ оазисовъ, пригодныхъ для человѣческаго жилья; а песчаныя пустыни ничѣмъ не могутъ соблазнить итальянцевъ. Африканская экспедиція уже теперь обходится Италія дороже того, что можетъ принести со временемъ вся область Триполи и Киренаики, при неизбѣжности періодическихъ набѣговъ арабскихъ полчищъ на итальянскія поселенія. Не только чужіе примѣры, но и наши собственные неудачные опыты должны избавить насъ отъ завоевательныхъ плановъ, не оправдываемыхъ ни пространствомъ и предѣлами русской территоріи, ни потребностями ея населенія.

Другой вопросъ, часто возбуждаемый нашими патріотами,—объ открытіи Босфора и Дарданеллъ для русскаго флота—основанъ, какъ намъ кажется, на недоразумѣніи или даже на цѣломъ рядѣ недоразумѣній. Нѣкоторыя газеты, говоря о стѣсненіи заграничнаго вывоза нашего хлѣба вслѣдствіе принятыхъ Турціею ограничительныхъ мѣръ относительно прохода судовъ черезъ проливы, усматривали въ этомъ яркое доказательство необходимости отмѣны устарѣлыхъ правилъ, лишающихъ насъ свободы дѣйствій въ предѣлахъ нашего собственнаго отечества. На дипломатію возлагается, поэтому, обязанность обезпечить для насъ право свободнаго прохода черезъ Босфоръ и Дарданеллы путемъ соотвѣтственнаго международнаго акта, подобно тому какъ и ограниченіе установлено было международными трактатами. Въ чемъ же заключается ограниченіе и въ какомъ смыслѣ важна для насъ свобода проливовъ? Договорами 1856-го и 1871-го годовъ, под-

твержденными берлинскимъ трактатомъ 1878-го года, санкціонированъ принципъ закрытія проливовъ для *военныхъ* судовъ всѣхъ иностранныхъ державъ, въ интересахъ безопасности турецкой территоріи, въ составъ которой входятъ и Босфоръ, и Дарданеллы; для торговаго же судоходства всѣхъ національностей проливы остаются безусловно свободными. Турецкій султанъ, какъ оффиціальный хозяинъ проливовъ, можетъ, въ видѣ исключенія, открывать ихъ въ мирное время военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ томъ случаѣ, когда Порта признала бы это необходимымъ для огражденія неприкосновенности и независимости Оттоманской имперіи. Изъ этого видно, что установленныя трактатами правила о проливахъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ стѣснять хлѣбную или иную торговлю, и что для обезпеченія торговаго судоходства отъ этихъ стѣсненій нѣтъ надобности домогаться отмѣны какихъ бы то ни было договорныхъ правилъ. Если торговыя суда съ хлѣбнымъ грузомъ, направлявшіяся изъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ за границу, задерживались въ Босфорѣ турецкимъ правительствомъ, то это было лишь результатомъ неправильнаго толкованія правилъ о военной контрабандѣ, къ которой были отнесены и хлѣбные грузы, имѣвшіе своимъ назначеніемъ какой-либо изъ итальянскихъ портовъ. Чтобы устранить это неправильное толкованіе, подрывавшее интересы значительной части нашего хлѣбнаго экспорта, достаточно было русскому посольству въ Константинополѣ обратиться къ Портѣ съ надлежащими представленіями и поддержать ихъ съ подобающею настойчивостью. Можетъ быть, представленія были сдѣланы лишь послѣ нѣкотораго періода выжиданія или формулированы были слишкомъ вяло и поддержаны слабо, какъ это вообще свойственно нашимъ дипломатамъ и консуламъ за границею; но эти недостатки зависятъ уже не отъ иностранныхъ державъ и не отъ заключенныхъ съ ними трактатовъ.

Ограничительныя правила о проливахъ касаются исключительно военныхъ кораблей, и если слѣдовать совѣтамъ нѣкоторыхъ нашихъ патріотическихъ газетъ, то мы должны во что бы то ни стало домогаться открытія Босфора и Дарданеллъ для нашего военнаго флота— и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, для военныхъ флотовъ всѣхъ націй, въ силу принципа равенства правъ по существующимъ договорамъ. Ясно, что мы не можемъ требовать отъ другихъ державъ согласія на отмѣну даннаго ограниченія только для одной Россіи, и слѣдовательно это ограниченіе перестанетъ существовать для всѣхъ вообще державъ, такъ что ничто не помѣшаетъ Германіи или Австро-Венгріи въ любой моментъ ввести свои дредноуты въ Черное море и распорядиться тамъ по своему усмотрѣнію. Будетъ ли выгодна для насъ эта свобода проливовъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй? Допустимъ,

однако, что фактически проливы будутъ открыты въ этомъ отношеніи для одной Россіи и что другія государства не воспользуются этимъ правомъ или добровольно откажутся отъ него изъ уваженія къ русскому правительству. Мы получимъ тогда возможность выводить свой черноморскій флотъ въ Средиземное море и въ Атлантическій океанъ. Имѣемъ ли мы и можемъ ли мы когда-нибудь имѣть въ Черномъ морѣ такой военный флотъ, который стоило бы выпускать изъ спокойныхъ и безопасныхъ мѣстъ береговой обороны на широкій просторъ морей и океановъ? Въ мирное время такое плаваніе было бы вполнѣ безразлично и только безъ надобности увеличивало бы шансы частыхъ поврежденій нашихъ судовъ; а съ наступленіемъ войны оно соединялось бы съ опасностью безплодной гибели и противорѣчило бы прямому оборонительному назначенію этого флота въ предѣлахъ Чернаго моря. И такъ, какой смыслъ имѣли бы хлопоты нашей дипломатіи о правѣ свободнаго прохода военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы? Не слѣдуетъ ли намъ желать, на оборотъ, чтобы проливы и въ будущемъ оставались закрытыми для военныхъ кораблей всѣхъ иностранныхъ державъ?

Къ сожалѣнію, необдуманныя мнѣнія и требованія нѣкоторыхъ нашихъ газетъ принимаются на Западѣ за голосъ общественнаго мнѣнія и даютъ поводъ къ предположеніямъ объ отсутствіи у насъ сознательныхъ идей и цѣлей въ области международной политики. Такія предположенія вызывались въ свое время и стараніями А. П. Извольскаго, направленными къ достиженію свободы проливовъ для нашего черноморскаго военнаго флота, которому нечего было бы дѣлать внѣ Чернаго моря; но эти старанія объяснялись безотчетно сохранившеюся въ дипломатическомъ вѣдомствѣ традиціею объ утратѣ нами какого-то права по отношенію къ Босфору и Дарданелламъ.

Въ Англіи открытіе осенней парламентской сессіи, 25 (12-го) октября, сопровождалось обычными вступительными рѣчами премьера Асквита и вождя оппозиціи Бальфура. Глава правительства изложилъ свою програму законодательныхъ работъ, въ ряду которыхъ главное мѣсто отведенно биллю Ллойда-Джоржа о государственномъ страхованіи рабочихъ; этотъ обширный законопроектъ, первая часть котораго уже обсуждалась въ палатѣ общинъ, долженъ пройти всѣ стадіи парламентскаго разсмотрѣнія до конца года, а такъ какъ сверхъ того остаются еще не разсмотрѣнными семь законопроектовъ, въ томъ числѣ и бюджетный билль, то для ускоренія занятій будетъ примѣняться механическій пріемъ „гильотины“, т.-е. пренія по каждому биллю будутъ прекращаться въ точно установленные сроки, незави-

симо отъ сущности и значенія предлагаемыхъ поправокъ и возраженій. Глава оппозиціи, Бальфуръ, горячо возставалъ противъ этой системы, нарушающей будто бы свободу дѣйствій парламента; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на крайнюю обременительность или даже невозможность разсмотрѣнія такого количества важныхъ и сложныхъ законопроектовъ въ короткій двухмѣсячный срокъ до рождественскихъ вакацій. Тѣмъ не менѣе палата согласилась ограничить и обременить себя, по совѣту премьера, и приняла его предложеніе большинствомъ 273 противъ 145 голосовъ.

Консерваторы и уніонисты горько жаловались по этому поводу на безцеремонное пренебреженіе правительства къ правамъ меньшинства и къ голосу вліятельныхъ общественныхъ группъ; такія партіи, какъ рабочая и ирландская, могутъ вносить въ обсуждаемые законопроекты свои поправки и дополненія, съ безусловными шансами на успѣхъ, потому что эти партіи входятъ въ составъ большинства, поддерживающаго либеральное министерство, — а болѣе крупныя промышленныя и землевладѣльческія организаціи лишены законныхъ способовъ отстаивать свои интересы въ парламентѣ, такъ какъ онѣ принадлежатъ къ консервативному меньшинству. Эти жалобы производятъ странное впечатлѣніе, когда онѣ исходятъ отъ опытныхъ парламентскихъ дѣятелей, которые, подобно Бальфуру, сами имѣли много случаевъ проводить свои идеи и проекты вопреки доводамъ и протестамъ либеральнаго меньшинства. Соціальное законодательство, съ такою энергіею вырабатываемое и осуществляемое канцлеромъ казначейства Ллойдомъ-Джорджемъ, не можетъ, конечно, пользоваться симпатіями консерваторовъ, и это заранѣе всѣмъ хорошо извѣстно; всѣ возраженія оппозиціи повторялись безчисленное множество разъ въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ; каждый уже знаетъ, что соціальные законы „грабятъ богатыхъ въ пользу неимущихъ", „подрываютъ священное чувство собственности" промышленныхъ хозяевъ и капиталистовъ, возлагаютъ чрезмѣрную тягость на государственные финансы, въ ущербъ интересамъ зажиточныхъ классовъ и т. п. Если принимать во вниманіе всѣ эти аргументы, то надо отвергнуть всякіе вообще соціально-политическіе законы; а разъ эти законы признаются справедливыми и необходимыми, приходится по неволѣ довольствоваться одобреніемъ ихъ компетентными представителями передовыхъ либеральныхъ партій и рабочаго класса. Въ чемъ же тутъ нарушеніе правъ оппозиціи? Когда большинство палаты заранѣе сочувствуетъ извѣстнымъ реформамъ, то предоставить противникамъ безконечно затягивать пренія, съ цѣлью фактическаго провала обсуждаемыхъ законопроектовъ, было бы слишкомъ неразсчетливо—и съ этой точки

зрѣнія сторонники министерства защищаютъ суровую тактику Асквита, одобряемую и парламентомъ.

Въ составѣ кабинета произошли нѣкоторыя личныя перемѣны, не лишенныя значенія. Два министра, Черчилль и Макъ-Кенна, помѣнялись мѣстами: первый поставленъ во главѣ морского вѣдомства, а второй—внутреннихъ дѣлъ. Черчилль возбудилъ противъ себя неудовольствіе своими не всегда удачными мѣрами во время недавнихъ волненій рабочихъ. Макъ-Кенна—человѣкъ болѣе сдержанный и хладнокровный, и эти качества должны облегчить ему исполненіе трудныхъ и часто щекотливыхъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ въ такой конституціонно-демократической странѣ, какъ Англія. Съ другой стороны, Черчиллю приписываютъ склонность къ уступчивости въ вопросѣ о сокращеніи вооруженій, и при немъ могутъ быть предприняты въ этомъ направленіи соотвѣтственные шаги, отъ которыхъ, впрочемъ, трудно ожидать какихъ-либо положительныхъ результатовъ при извѣстномъ настроеніи правящихъ сферъ Германіи.

Общественное мнѣніе Англіи много занималось въ послѣднее время поучительными событіями и перемѣнами въ политической жизни Канады. Обширная страна, вполнѣ автономная и независимая въ дѣлахъ управленія и законодательства, хотя и управляемая номинально англійскимъ генералъ-губернаторомъ, обнаружила вдругъ желаніе укрѣпить свои политическія связи съ метрополіею, чтобы упрочить единство и могущество великой британской имперіи. Либеральное министерство сэра Вильфрида Лорье, управлявшее Канадою въ теченіе пятнадцати лѣтъ, заключило выгодный таможенный договоръ съ Соединенными Штатами на основѣ взаимности, и премьеръ не сомнѣвался, что парламентъ утвердитъ предположенную сдѣлку, чрезвычайно сочувственно принятую въ предѣлахъ сѣверо-американской республики и возвѣщенную уже президентомъ Тафтомъ какъ симптомъ сближенія двухъ родственныхъ сосѣднихъ странъ. Договоръ открывалъ для земледѣльческихъ продуктовъ Канады богатѣйшій, колоссальный и въ то же время замкнутый рынокъ, охраняемый протекціонизмомъ; но въ населеніи возникло безпокойство по поводу возможныхъ политическихъ послѣдствій трактата, полагающаго начало таможенному союзу съ Соединенными Штатами. Англичане не возражали противъ этого договора, въ виду явныхъ выгодъ его для Канады; совершенно не безпокоился о немъ и генералъ-губернаторъ графъ Грей, а сэръ Вильфридъ Лорье продолжалъ считаться и дѣйствительно оставался вѣрнымъ другомъ и поклонникомъ британской націи. Тѣмъ не менѣе въ канадскомъ народѣ возростало и усиливалось опасеніе, чтобы таможенный договоръ не повлекъ за собою политической близости, которая послужила бы началомъ превращенія

Канады въ новые штаты великой республики. Канадскіе жители, безъ различія происхожденія и національности, предпочитаютъ остаться подданными англійскаго короля, и они выразили эту рѣшимость на сентябрьскихъ парламентскихъ выборахъ, доставивъ значительное большинство консерваторамъ, сторонникамъ британскаго имперіализма. Сэръ Вильфридъ Лорье долженъ былъ выйти въ отставку, и мѣсто его занялъ предводитель консервативной оппозиціи, м-ръ Борденъ. Таможенное соглашеніе съ вашингтонскимъ правительствомъ не состоится, и Канада сильнѣе чѣмъ когда-либо сознаетъ себя частью великаго цѣлаго, объединяемаго не принужденіемъ или страхомъ, а чувствомъ культурнаго родства на почвѣ права и свободы.

На прощальномъ банкетѣ, данномъ лорду Грею въ Торонто передъ его отъѣздомъ въ Англію, произнесены были политическія рѣчи обоими премьерами, бывшимъ и настоящимъ, а также самимъ Греемъ. Бывшій генералъ-губернаторъ подчеркнулъ ту мысль, что полная самостоятельность въ дѣлахъ внутреннихъ есть условіе прочной связи Канады съ Великобританіею. Болѣе подробно высказался онъ по возвращеніи на родину, на устроенномъ въ его честь обѣдѣ 24-го октября. „Я всегда старался внушить канадскому народу при всякомъ удобномъ случаѣ,—заявилъ онъ, между прочимъ,—что имперія, въ которой Канада призвана со временемъ играть контролирующую роль, стоитъ не за безцѣльное, высокомѣрное, безцеремонное проявленіе силы, а за идеалы справедливости, свободы, долга и законности, и за добросовѣстное признаніе другихъ вполнѣ равноправными съ нами. Именно потому, что таковы благородные и возвышающіе идеалы британской имперіи, каждый канадецъ, подобно каждому британскому патріоту, въ какой бы части свѣта онъ ни былъ, считаетъ величайшимъ преимуществомъ право называть себя британскимъ гражданиномъ“. Такъ говоритъ генералъ-губернаторъ британскаго типа, и оттого и результаты получаются такіе, какъ въ Канадѣ и въ другихъ обширныхъ владѣніяхъ Британской имперіи.

Въ Китаѣ происходятъ событія, предвѣщающія крушеніе стараго монархическаго строя и коренное преобразованіе имперіи на новыхъ началахъ. Лицемѣрныя обѣщанія необходимыхъ реформъ много разъ повторялись отъ имени пекинскаго двора, но не приносили никакого опредѣленнаго результата; правительство не шло далѣе созыва совѣщательныхъ провинціальныхъ собраній, обреченныхъ на безсиліе, и не съумѣло пойти на встрѣчу патріотическимъ стремленіямъ соединеннаго національнаго собранія, тоже совѣщательнаго. Произволъ и продажность властей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, давно уже сдѣ-

лались нормальными принадлежностями китайскаго управленія. Народъ терпѣлъ цѣлые вѣка, пока сохранялись патріархальныя черты въ отношеніяхъ правительства къ населенію; но злоупотребленія усилились до того, что всякая нравственная связь между верховною властью и народомъ исчезла.

Богатѣйшія провинціи Серединнаго Китая, по теченію Ян-тце-Кіанга и его притоковъ, съ населеніемъ болѣе полутораста милліоновъ человѣкъ, охвачены возстаніемъ, которое, повидимому, нашло уже своего вождя, въ лицѣ генерала Ли, располагающаго значительною регулярною арміею. Пекинскій дворъ сначала грозилъ безпощадными карами, а потомъ сталъ опять давать щедрыя обѣщанія, которымъ никто уже не вѣритъ. Принцъ-регентъ обратился за содѣйствіемъ къ бывшему вице-королю Чжилійской провинціи, Юань-ши-каю, единственному авторитетному и популярному государственному человѣку современнаго Китая, находившемуся болѣе двухъ лѣтъ въ опалѣ и ссылкѣ. Юань-ши-кай подвергся изгнанію внезапно, безъ всякой видимой причины, въ началѣ 1909-го года, при чемъ въ оффиціальномъ приказѣ ему была приписана „болѣзнь ноги“, требующая строгаго леченія; теперь, призванный вновь къ власти, онъ прислалъ отвѣтъ, что не совсѣмъ еще оправился отъ „болѣзни ноги“ и не можетъ сразу приступить къ предназначенной ему дѣятельности. Только послѣ вторичнаго, крайне лестнаго предложенія онъ согласился принять на себя роль „спасителя трона“, съ полномочіями диктатора и съ званіемъ перваго министра. Какую роль дѣйствительно сыграетъ лукавый сановникъ—покажетъ ближайшее будущее; а пока, по имѣющимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ, приходится заключить, что положеніе монархіи въ Китаѣ представляется почти безнадежнымъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Трупъ-мумія, или трупъ, живущій особою жизнью?—Историческая дата.—Кто, какъ и чѣмъ ее помянули?—„Гражданинъ“ о пересмотрѣ дѣла А. А. Лопухина.—Охранныя разоблаченія и дѣло соціалъ-демократовъ второй Думы.—„Россія“, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и „Новое Время“ о „такъ называемыхъ“ родительскихъ комитетахъ.—Борьба съ общественной самодѣятельностью.—Отраженный ударъ по адвокатурѣ.—Дѣло члена первой Думы Жорданія.—В. Ѳ. Лугининъ †.

За двѣ недѣли до шестой годовщины манифеста 17 октября графъ Витте спрашивалъ А. И. Гучкова: „Въ чемъ сохранились начала

17 октября, воплощенныя во время моего премьерства въ законы, вслѣдъ затѣмъ опубликованные?" „Я утверждаю,—заявлялъ гр. Витте,—что въ новомъ обновленномъ строѣ сохранился лишь трупъ 17 октября".

Доказательствъ тому, что отъ манифеста 17 октября остался лишь трупъ, искать не приходится. Ими полна вся наша современная жизнь. Какіе вопросы стоятъ сейчасъ на очереди государственнаго „обновленія"? Чѣмъ занято общественное вниманіе? Кого шестилѣтняя практика русской конституціи выдвинула въ первые ряды людей, „дѣлающихъ политику"? Кто и какія предъявляетъ требованія отъ лица народа? Кто и чѣмъ чествовалъ день 17 октября? Чѣмъ ознаменовала его Государственная Дума?

Дума, исключеніемъ на пятнадцать засѣданій Н. В. Тесленко въ тотъ самый день, въ который шесть лѣтъ назадъ было возвѣщено дарованіе населенію свободы слова, громко объявила, что даже въ ея стѣнахъ слово не всегда свободно. Ни оффиціальная Россія, ни неоффиціальная, ни столицы, ни деревня, исторической даты не чествовали. Одни октябристы, съ участіемъ націоналистовъ, собирались въ Петербургѣ въ „клубѣ общественныхъ дѣятелей" и, какъ „общественные дѣятели" (!), привѣтствовали графа В. Бобринскаго, предложившаго лозунгъ: „Россія для русскихъ" замѣнить лозунгомъ: „русскіе для Россіи",—т.-е. такъ измѣнить систему преслѣдованія инородцевъ, чтобы въ нее легче укладывалось и преслѣдованіе „несогласно мыслящихъ" великороссовъ. При назначеніи первымъ министромъ В. Н. Коковцова, попытки воздѣйствія на политическій курсъ не дѣлали ни кадеты, ни мирнообновленцы, ни даже октябристы. Но національно-союзническія организаціи считали себя въ правѣ ее сдѣлать и сдѣлали. Представители этихъ организацій властно заявляли, что „всякое отступленіе отъ русскаго національнаго курса внутренней политики, въ смыслѣ уступки инородческимъ притязаніямъ, было бы поощреніемъ террора". Правда, ихъ записка не была чужда требованій полу-комическаго характера: трактуя о вопросахъ высшей политики, авторы ея почему-то особенно подчеркивали необходимость принятія мѣръ противъ виленскаго земельнаго банка. Однако, во всякомъ случаѣ, кромѣ нихъ, ни одна политическая группа къ В. Н. Коковцову, по крайней мѣрѣ открыто, не обращалась.

Земцы недавняго до-конституціоннаго прошлаго и публицисты того времени, отдававшіе всѣ силы служенію конституціонной идеѣ,—словомъ, всѣ тѣ, кому идейно обязана конституціонная современность,—современностью забыты. Первыя мѣста въ современности принадлежатъ именамъ и людямъ, которыхъ до манифеста 17 октября никто не зналъ. Чьими именами уже пять лѣтъ пестрятъ газетные столбцы? Кто не знаетъ въ 1911-мъ году Пуришкевича, Маркова, Во-

сторгова, Дубровина, изъ публицистовъ — Меньшикова? Это ли не кричащій показатель, что отъ 17 октября остался трупъ?.. И именно „остался", а не „сохранился", какъ говоритъ гр. Витте. Манифестъ 17 октября—не изъ тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые могутъ обращаться въ мумію. Разъ онъ не получилъ нормальной жизни, онъ сталъ трупомъ, но трупомъ живущимъ: живущимъ своеобразной жизнью. И прежде были Дегаевы и Судейкины. И прежде, до конституціи, сотрудничалъ Азефъ. Но то были молодые побѣги „шпіонократіи". Въ пышно разросшееся дерево со стволомъ, котораго не охватить, съ корнями, которыхъ не вырвать безъ неимовѣрныхъ усилій, съ листвой, которая все заслонила и заполонила,—„шпіонократія" обратилась послѣ 17 октября. Ее породила не революція. Ее породилъ тотъ возвратъ назадъ, который использовалъ обновленіе и новыя формы строя, какъ средство возврата. Когда бывало, чтобы всѣ общественные интересы были заслонены охранными разоблаченіями? И какіе голоса уже начинаютъ громко раздаваться послѣ того, какъ реакція стала оправляться отъ ошеломившаго ее факта убійства П. А. Столыпина „сотрудникомъ" охраны, еще за минуту до выстрѣла считавшагося вѣрнымъ агентомъ борьбы съ терроромъ? „Государство не можетъ не пользоваться политической провокаціей; правительство должно вести съ политической преступностью не только войну оборонительную, но и наступательную, а испытанное средство наступательной войны — провокація". Эти столь же дикія, сколь нелѣпыя мысли уже нашли для себя мѣсто въ „распространенной" газетѣ.

Изъ трупа 17 октября выросли готовыя реализоваться предположенія: отдѣлить отъ Финляндіи часть выборгской губерніи и отъ царства Польскаго—Холмщину. Долгіе десятки лѣтъ всѣ подобнаго рода мечты таились, боясь показаться на свѣтъ, въ глубинѣ несбыточныхъ надеждъ алчныхъ націоналистовъ-себялюбцевъ. Чтобы онѣ формулировались въ законопроекты, нужна была инсценированная воля народа. Эта воля инсценирована—и всѣ остатки политическаго стыда отброшены. „Дума-декорація" сдѣлала свое дѣло. А откуда выросла національзація кредита и многое другое? Человѣконенавистничествомъ, злобой и откровеннымъ цинизмомъ полны политическіе горизонты, раскрываемые какъ „обновленіе" и во имя „обновленія"...

Аще зерно не умретъ, оно не оживетъ... Среди ростковъ, вышедшихъ изъ трупа 17-го октября, есть ли такіе, которые позволяли бы не безнадежно относиться къ мрачной современности? Такіе ростки должны быть неизбѣжно, и они есть. Ихъ только не видно. На засоренной почвѣ прежде всего разростается бурьянъ, но онъ не долговѣченъ. Бурьянъ погибаетъ—и тогда медленно, но вѣрно, начинаютъ подниматься стебли пшеницы... Правда: „пока взойдетъ солнце, роса

выѣстъ очи". Но для оцѣнки историческихъ датъ, что значатъ шесть лѣтъ?.. Реакція нервничаетъ и спѣшитъ. Она торопится воплотить свое торжество въ незыблемыя каменныя формы. И въ то же время она не вѣритъ ни въ прочность торжества, ни въ безповоротность побѣды, ни въ незыблемость этихъ формъ. Возьмемъ другое. Явилась, какъ-то всѣхъ вдругъ охватившая, жажда возстановлять въ памяти детали событій и переговоровъ, связанныхъ съ 17-мъ октября 1905 года. Можетъ ли въ такой мѣрѣ фиксировать вниманіе трупъ-мумія? Споръ гр. Витте съ А. И. Гучковымъ, въ который одинъ за другимъ вовлекаются люди, близко стоявшіе къ памятнымъ событіямъ, развѣ онъ не знаменателенъ? Развѣ этотъ споръ и эти воспоминанія не говорятъ, что все переживаемое причинно и неразрывно связано съ днемъ, когда было сказано дѣйствительно „новое" слово?...

Лѣвые общественные элементы ни въ нынѣшнемъ году, ни въ прошломъ, ни въ позапрошломъ, намѣренно не отмѣчали 17-ое октября. Что чествовать, говорятъ они, что вспоминать? Что осталось отъ манифеста, возвѣщеннаго 17-го октября? Если не идти далѣе фактовъ переживаемой и переживавшейся въ ближайшіе годы минуты, то вѣрнѣе сказать еще бо̀льшее: на почвѣ манифеста выросло отрицаніе гражданской свободы, возводимое въ принципъ, отрицаніе права народа свободно выражать свою волю; раскрылась возможность громко требовать казней, усиленія административнаго всевластія. Если смотрѣть на манифестъ подъ угломъ зрѣнія сегодняшняго дня, то чествовать шестую годовщину его изданія надлежало даже не А. И. Гучкову или М. В. Родзянкѣ, а гг. Маркову, Пуришкевичу, Замысловскому, Булацелю. Но 17-ое октября — болѣе, чѣмъ трупъ-мумія. Сейчасъ 17-ое октября только историческая дата. Но такая дата, которая, какъ 19-ое февраля, переживетъ сегодняшній день. Забывать ее, какъ ни мраченъ сегодняшній день, нельзя...

23-го октября мы прочли въ „Гражданинѣ":

„Сопоставленіе.

„Однажды въ вагонъ I-го класса царскосельской желѣзной дороги вошелъ бойкій генералъ. Когда поѣздъ тронулся, онъ началъ громко, на весь вагонъ, разсказывать одному изъ своихъ знакомыхъ о свершенномъ имъ подвигѣ; подвигъ этотъ былъ—арестованіе и преданіе суду бывшаго директора департамента полиціи Лопухина за то, что онъ разоблачилъ приключеніе охраны съ Азефомъ.

„На вопросъ, задававшійся въ вагонѣ: кто этотъ генералъ?—шептали отвѣтъ: это новый товарищъ Столыпина, Курловъ.

„Прошло нѣсколько лѣтъ, и оказывается, что совершенно такое же

разоблаченіе приключеній охраны съ другимъ Азефомъ, Богровымъ, угрожалъ сдѣлать, будучи еще на службѣ, Курловъ, главный виновникъ кіевской драмы, въ своей бесѣдѣ съ газетнымъ репортеромъ!

„Если пощаженъ Курловъ, то при сопоставленіи этихъ двухъ фактовъ не рождается ли невольно мысль о пощадѣ Лопухина, который сдѣлалъ разоблаченіе, уже будучи въ отставкѣ? Вообще, кіевское дѣло измѣняетъ характеръ разоблаченія Лопухина настолько, что создается вопросъ: не было ли это разоблаченіе скорѣе предостереженіемъ отъ кіевскаго событія, чѣмъ преступленіемъ? И пересмотръ дѣла Лопухина не является ли дѣломъ правосудія?"

Послѣ всего того, что изъ тайнъ охраны стало явнымъ, самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы А. А. Лопухинъ былъ возвращенъ изъ ссылки.

Но „дѣломъ правосудія" является пересмотръ дѣла не одного Лопухина. Ссылку и каторгу отбываютъ соціалъ-демократы второй Государственной Думы. Они осуждены за то, что, вступивъ въ сношеніе съ военно-революціонной организаціей, подготовляли вооруженное возстаніе. Какъ конкретный фактъ, имъ инкриминированъ пріемъ депутаціи солдатъ. И оказывается, что преступнаго дѣянія, задуманнаго и осуществленнаго осужденными, не было, а было хитро задуманное и ловко разыгранное театральное представленіе: была простая провокація. Оказывается, что солдатская депутація — была дѣломъ рукъ охраны. „Охранники—сообщаютъ теперь газеты—принимали участіе не только въ выборѣ членовъ этой депутаціи, но и въ составленіи наказа съ солдатскими пожеланіями. Черновикъ наказа, прежде чѣмъ быть представленнымъ въ переписанномъ видѣ фракціи, попалъ для предварительной цензуры ген. Герасимову, который вполнѣ его одобрилъ". Солдаты были переодѣты въ штатское платье „на квартирѣ охранника".

Результатомъ этой провокаціи были роспускъ второй Думы, избирательный законъ 3-го іюня и судъ надъ десятками народныхъ представителей. Возстановить полномочія второй Думы нельзя. Для отмѣны закона 3-го іюня разоблаченія тайнъ охраны не могутъ служить основаніемъ: для этого должны служить основаніемъ и служатъ другія данныя, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Но приступить къ пересмотру судебнаго приговора власть и нравственно, и юридически обязана. Въ такомъ дѣяніи, какъ подготовка возстанія, завѣренная провокація есть вновь открывшееся обстоятельство, при наличности котораго обвинительный приговоръ, безъ явнаго нарушенія справедливости, не можетъ оставаться въ силѣ безповоротнаго судебнаго рѣшенія.

Циркуляръ о родительскихъ организаціяхъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, строго согласованный съ „указаніями опыта", далъ полный результатъ: организаціи умерли. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ на собранія не прибыло двухъ третей родителей, и потому выборы не могли быть произведены. Въ случаяхъ исключительныхъ, когда выборы могли состояться, „надлежащее" дѣйствіе возымѣли другія условія циркуляра: требованіе высшаго образовательнаго ценза для права быть предсѣдателемъ родительскаго комитета и утвержденіе избранныхъ попечителемъ учебнаго округа. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, насколько широко использовали попечители округовъ право утвержденія — вѣрнѣе, неутвержденія — состоявшихся выборовъ. Но нѣкоторый свѣтъ на это печатью пролитъ. Въ видѣ примѣра, можно привести двѣ послѣдовательныя телеграммы изъ Нижняго-Новгорода. Въ телеграммѣ отъ 11 октября сообщалось: „Выбранные мѣсяцъ тому назадъ родительскіе комитеты шести учебныхъ заведеній до сихъ поръ не утверждены учебной администраціей. Прежніе комитеты распущены, а новые не функціонируютъ". 19-го октября тотъ же корреспондентъ телеграфировалъ: „Пріѣхавшій на открытіе учительскаго института попечитель московскаго учебнаго округа занялся ознакомленіемъ (!) съ выборами родительскихъ комитетовъ. Попечитель не утвердилъ нѣкоторыхъ членовъ комитетовъ".

Въ конечномъ итогѣ, можно сказать съ увѣренностью, безъ малѣйшаго опасенія впасть въ ошибку, что изъ ста учебныхъ заведеній не болѣе, какъ въ одномъ или въ двухъ министерскому циркуляру не удалось уловить родительскія организаціи въ разставленныя для нихъ сѣти. Разъ законъ, призвавшій эти организаціи къ жизни, не отмѣненъ и сохраняетъ силу, то, казалось бы, и въ вѣдомствѣ просвѣщенія, и въ оффиціозной прессѣ фактъ смерти ихъ долженъ былъ встрѣтить все что угодно, но ужъ никакъ не ликованіе. Въ дѣйствительности же какъ „Россія" и „Новое Время", такъ равно директоръ департамента народнаго просвѣщенія г. Вильевъ, бесѣдовавшій съ сотрудникомъ „Русскаго Слова", именно ликуютъ. Но пусть бы они только ликовали надъ новымъ трупомъ изъ того, что было создано въ дни готовившагося обновленія! Съ безпримѣрной даже и для нынѣшняго безвременья откровенностью, ликующіе надъ трупомъ родительскихъ организацій переворачиваютъ вопросъ и утверждаютъ, что организаціи умерли безславной смертью по ихъ собственной винѣ, — что примѣненіе министерскаго циркуляра только доказало ихъ ненужность въ глазахъ самихъ родителей учащихся. Г. Вильевъ такъ прямо и говорилъ: „Вся исторія съ циркуляромъ, о которомъ теперь такъ много пишутъ, показываетъ, что родительскіе комитеты нужны лишь кучкѣ родителей, желающихъ играть роль въ общественной жизни. Существованіе же

вообще подобныхъ комитетовъ едва ли желательно". О томъ, что существованіе комитетовъ, которые должны существовать въ силу дѣйствующаго и не отмѣненнаго закона, „едва ли желательно", представитель министерства народнаго просвѣщенія заявлялъ не законодательнымъ учрежденіямъ, а газетному корреспонденту. И обоснованіемъ этого заявленія для него служили не соображенія о дѣятельности комитетовъ, а исключительно то, что родительскія организаціи не были въ силахъ преодолѣть препятствія къ ихъ образованію на текущій учебный годъ,—препятствія, выработанныя въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣми „указаніями опыта", которыя не оставляли сомнѣнія въ томъ, что родительскія организаціи ихъ не преодолѣютъ.

Еще 17-го сентября, когда имѣлись лишь первыя свѣдѣнія о несостоявшихся общихъ собраніяхъ родителей, „Россія" уже именовала родительскіе комитеты „такъ называемыми". „Казенныя перья" очевидно думали, что этой приставкой они „удачно" иронизируютъ надъ „лѣвыми листками" и надъ „кучкой родителей, желающихъ играть роль въ общественной жизни", и не замѣтили, что ихъ иронія оказалась направленной противъ термина, авторство котораго принадлежитъ закону. Такую же освѣдомленность газета обнаружила и въ сопоставленіи нынѣшнихъ несостоявшихся выборовъ съ выборами прежнихъ лѣтъ. „Если—писалъ оффиціозъ—въ этомъ году, когда заранѣе была объявлена выборная норма и когда не только комитеты, но и часть печати усиленно звали родителей на выборы, если, говоримъ, и въ этомъ году, напримѣръ, въ Петербургѣ, являлись 22 родителя при 500 ученикахъ, или 50 при 300, или 34 при 350, или 41 при 325, то легко себѣ представить, при какомъ ничтожномъ количествѣ собиравшихся происходили выборы раньше, когда никакой нормы установлено не было". И, приведя такіе уничтожающіе „факты", газета съ паѳосомъ восклицала: „Не показываетъ ли одно это, чѣмъ, въ дѣйствительности, являлись родительскіе комитеты!.." Конечно, было бы весьма странно, если бы родительскіе комитеты, въ составѣ 25—40 членовъ, формировались общимъ собраніемъ изъ 22 или еще того менѣе родителей. Но, во-первыхъ, приведенныя цифры составляютъ плодъ измышленія газеты, ибо по сообщенію полу-оффиціознаго „Новаго Времени" число родителей, присутствовавшихъ въ Петербургѣ на первыхъ собраніяхъ (вторыя собранія были еще болѣе многолюдны), колебалось отъ 60 до 120 и только на собраніи одиннадцатой гимназіи, при 300 учащихся, было 50. А, во-вторыхъ, „Россіи" надлежало бы знать, что еще съ осени 1906-го года, при гг. фонъ-Кауфманѣ и Шварцѣ, циркулярная норма дѣйствовала, именно въ одну пятую общаго числа родителей и опекуновъ. Правда, такова ужъ задача „казенныхъ перьевъ": писать въ оправданіе и въ

восхваленіе власть имущаго начальства. Но, всетаки, и для нихъ, думаемъ, обязательна хоть кое-какая справедливость въ отношеніи начальства, власть имѣвшаго, которому тѣ же перья недавно служили съ одинаковымъ усердіемъ.

Въ той же статьѣ „Россія", очевидно не успѣвшая сговориться съ г. Вильевымъ, писала: „Установленіе нормы не имѣетъ ни прямой, ни скрытой цѣли бороться противъ существованія комитетовъ, какъ въ томъ старается увѣрить часть печати. Наоборотъ: только такіе комитеты могутъ имѣть извѣстный авторитетъ, которые являются, дѣйствительно, выразителями мнѣній и стремленій значительнѣйшей части родителей. Съ этой точки зрѣнія введеніе нормы поднимаетъ, а вовсе не умаляетъ смыслъ и значеніе комитетовъ". Допустимъ, что „Россія" права и приложимъ ея разсужденія о прямомъ соотношеніи авторитета избранныхъ съ числомъ участниковъ ихъ избранія,—напримѣръ, къ закону 3-го іюня о государственномъ представительствѣ, или къ закону 14-го марта о земскомъ представительствѣ въ западныхъ губерніяхъ. Что̀ получится?.. Допустимъ, что „Россія" права и въ другомъ разсужденіи: „можно винить предшествующую дѣятельность комитетовъ, если родители поступили разумно (!), не явившись на выборы". Кого придется „винить", если вспомнить число избирателей, явившихся на послѣдніе выборы члена Государственной Думы отъ Петербурга по первой куріи?..

Г. Вильевъ винитъ, вмѣстѣ съ „предшествующей дѣятельностью родительскихъ комитетовъ", и всю массу родителей. Онъ винитъ ее, потому что родители не пришли въ количествѣ двухъ третей на общія собранія и потому, что они „своевременно" не просили г. Кассо объ отмѣнѣ циркуляра. Въ цитированную бесѣду занесены слѣдующія слова: „Въ министерство поступилъ цѣлый рядъ ходатайствъ объ отмѣнѣ циркуляра и о разрѣшеніи созыва новыхъ родительскихъ собраній тамъ, гдѣ эти собранія не состоялись. По моему мнѣнію, настоящія ходатайства являются нѣсколько запоздавшими. Учебный годъ уже начался. Комитеты должны были давно функціонировать. Если бы родители были менѣе индиферентны, они задолго до примѣненія циркуляра на практикѣ возбудили бы ходатайство объ его отмѣнѣ". Послѣдній упрекъ далеко оставляетъ позади себя все, что̀ говорилось оффиціально и оффиціозно по поводу циркуляра. Циркуляръ изданъ во время каникулъ. Какъ и гдѣ могли собраться родители, чтобы возбудить ходатайство? Наконецъ, если бы они собрались и ходатайство возбудили, неужели тотъ же г. Вильевъ не отвѣтилъ бы имъ вопросомъ: „почему вы знаете, что двѣ трети родителей не соберутся въ общія собранія"?..

Обязанности, воспринятыя на себя въ послѣднее время націона-

листической печатью, шире задачъ „Россіи“. Это отличіе полу-официозовъ отъ официоза характерно выразило „Новое Время“ въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ умершимъ родительскимъ организаціямъ. Въ заголовкѣ одной изъ нихъ (№ 12762) газета поставила вопросъ: „Что же дѣлать съ родительскими комитетами“? Прямого отвѣта въ статьѣ не дано, но „задача мысли министра и министерства народнаго просвѣщенія“ обнаружена. Она сводится къ тому, чтобы „устранить изъ родительскихъ комитетовъ разглагольствованія и вообще общественный элементъ и выдвинуть впередъ и къ силѣ элементъ бытовой, житейскій, домашній и профессіональный“. Пути дѣйствія для этого, единственно желательнаго и „серьезнаго“ семейнаго элемента—обращаться со всякой „болью семьи“, хотя бы и „невнятными“ словами, къ министру просвѣщенія, который „одной ногой стоитъ въ кабинетѣ министровъ, а другою ногой стоитъ въ домѣ серьезнаго обывателя“. Такъ рисуются, по мысли инспираторовъ статьи, взаимодѣйствіе семьи и школы и тѣ организаціи, которыми „непремѣнно“ должны быть замѣнены родительскіе комитеты. Въ нихъ не должно и тѣни остаться „общественнаго элемента“.

Два мѣсяца назадъ мы писали: „Судьба родительскихъ организацій при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, получившая разрѣшеніе въ новыхъ правилахъ о родительскихъ собраніяхъ и комитетахъ, заслуживаетъ вниманія не только сама по себѣ, но и какъ симптомъ, значеніе котораго далеко выходитъ за предѣлы того, что за время ихъ недолгаго существованія сдѣлали и могли сдѣлать эти организаціи“. Мы разумѣли тогда то самое „устраненіе общественнаго элемента“, которое и безъ интерпретаціи „Новаго Времени“ бросалось въ глаза при чтеніи циркуляра г. Кассо и которое составляетъ основную черту нашей внутренней политики съ момента наступленія „успокоенія“. Борьба съ общественностью во всѣхъ ея проявленіяхъ — съ общественной самодѣятельностью и инициативой—ведется по всей линіи. И энергія борьбы все болѣе и болѣе усиливается. Объектами борьбы уже перестала быть свобода собраній и союзовъ, ибо эти формы проявленія общественности „успокоеніе“ прикончило. Печать тоже перестала быть центромъ вниманія, ибо штрафы, конфискаціи, „просьбы“ по телефону не говорить о тревожащихъ администрацію вопросахъ и кары въ размѣрѣ годичнаго заключенія въ крѣпости въ достаточной мѣрѣ „ввели въ границы“ свободу печатнаго слова. Главными объектами борьбы теперь сдѣлались общественныя учрежденія, т. е. тѣ организаціи, которыя созданы и существуютъ во имя закона и которыя потому стоятъ внѣ мѣръ непосредственнаго „охраннаго“ воздѣй-

ствія. Для ихъ дѣятельности чинятся всевозможныя препятствія. Первымъ средствомъ къ тому служитъ розыскъ въ законахъ. Вторымъ, когда розыскъ самъ по себѣ не даетъ возможности „обуздать“ общественное учрежденіе,—„разъясненія“. Давно русская жизнь привыкла къ ограничительному толкованію тѣхъ нормъ закона, которыя раскрываютъ двери проявленіямъ общественности, и къ распространительному—тѣхъ, которыя трактуютъ о правѣ начальственнаго вмѣшательства. Но современность и въ этой области показываетъ все новые и новые горизонты.

Борьба съ присяжной адвокатурой вообще и съ сословнымъ ея самоуправленіемъ въ особенности ведется не со вчерашняго дня. Еще въ 1875 г. было пріостановлено образованіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ совѣты ранѣе не были образованы. Въ „дни свободъ“ это ограниченіе въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ было снято. Но затѣмъ дальнѣйшее образованіе совѣтовъ снова пріостановилось. Совѣты суть органы дисциплинарнаго надзора и суда надъ присяжными повѣренными, и въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность подробно регламентирована учрежденіемъ судебныхъ установленій. Что же касается общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, въ которыхъ ежегодно производится избраніе состава совѣта, то о нихъ говорится въ законѣ весьма кратко и схематично. Оставаясь внутри схемы закона, петербургская адвокатура выработала особый наказъ, на основаніи котораго и дѣйствовала въ теченіе многихъ лѣтъ. Согласно наказу, между прочимъ, созывались, кромѣ годового собранія, собранія очередныя и чрезвычайныя, на которыхъ разсматривались и обсуждались разнообразныя дѣла сословія. Такъ текла безпрепятственно жизнь сословія до зимы прошлаго года, когда инспекторъ зданія петербургскихъ судебныхъ установленій объявилъ, что никакихъ очередныхъ и чрезвычайныхъ общихъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ одного въ годъ для выбора совѣта, онъ не допуститъ, ибо законъ говоритъ объ общихъ собраніяхъ только какъ о способѣ образованія совѣта. И не допустилъ. Обращеніе къ министру юстиціи результата не дало. Обращавшіеся лишь выслушали упрекъ въ незнаніи закона и указаніе, что присяжнымъ повѣреннымъ никто и ничто не мѣшаетъ собираться въ предусмотрѣнныя ихъ наказомъ общія собранія внѣ зданія судебныхъ установленій,—конечно, въ порядкѣ закона 4-го марта 1906-го г., т. е. подъ условіемъ представленія программы занятій на усмотрѣніе градоначальника, въ присутствіи и подъ наблюденіемъ чиновника полиціи и т. д.

Въ сентябрѣ нынѣшняго года однородный розыскъ въ законахъ повлекъ за собою отмѣну выборовъ совѣта, произведенныхъ въ собраніи 1-го мая. По ст. 365 учрежд. суд. устан., для дѣйствитель-

ности общаго собранія требуется прибытіе не менѣе половины подвѣдомственныхъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Петербургскому совѣту подвѣдомственны не только присяжные повѣренные, имѣющіе постоянное жительство въ Петербургѣ и въ ближайшихъ городахъ, но равнымъ образомъ живущіе въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Витебскѣ,—словомъ во всемъ огромномъ раіонѣ, образующемъ округъ петербургской судебной палаты. Согласно буквѣ закона, всѣ они должны быть принимаемы во вниманіе при подсчетѣ числа прибывшихъ. Кромѣ того, буква закона не исключаетъ ни больныхъ, ни находящихся во временномъ отсутствіи по вызовамъ судебныхъ мѣстъ. При такихъ условіяхъ, соблюденіе буквы закона, особенно со времени введенія судебныхъ уставовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, создало затрудненія, граничащія съ невозможностью ежегоднаго обновленія петербургскаго совѣта, и практика выработала льготное толкованіе закона. Въ теченіе десятковъ лѣтъ число явившихся въ общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ учитывалось лишь въ отношеніи числа постоянно живущихъ въ Петербургѣ и за исключеніемъ больныхъ и находящихся въ отсутствіи вслѣдствіе исполненія профессіональныхъ обязанностей. Юридическимъ оправданіемъ такого толкованія служило, во-первыхъ, то, что составители судебныхъ уставовъ, предусматривая образованіе совѣта, если въ округѣ находится двадцать присяжныхъ повѣренныхъ, при установленіи нормъ имѣли въ виду не цифру, превышающую тысячу человѣкъ; во-вторыхъ, что дѣйствіе закона объ образованіи мѣстныхъ автономныхъ отдѣленій совѣта, которыя должны были, по мысли законодателя, облегчать и дѣятельность, и образованіе центральнаго на весь округъ совѣта, пріостановлено. Во всякомъ случаѣ, какъ ни относиться къ толкованію, оно ни для кого не составляло тайны, было извѣстно судебной палатѣ и ни разу не служило поводомъ кассаціи выборовъ.

Послѣ общаго собранія 1-го мая, какъ своевременно сообщалось въ печати, двадцать петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ „истинно-русской“ окраски обращались къ министру юстиціи съ просьбою о разрѣшеніи имъ образовать свой собственный совѣтъ. Эта ихъ просьба удовлетворена не была. Но жалобу одного изъ нихъ на незаконность состава собранія, при наличности 370 прибывшихъ, судебная палата уважила. Совѣтъ, избранный 1-го мая, вынужденъ былъ сложить полномочія и въ отправленіе обязанностей вступилъ совѣтъ избранія 1910-го года, такъ какъ, согласно 365 ст. учрежд. суд. устан., если, вслѣдствіе неприбытія въ общее собраніе половины присяжныхъ повѣренныхъ, выборы ни въ первый, ни во второй разъ не состоятся, то прежній совѣтъ остается „до слѣдующихъ выборовъ“. Создалось положеніе, при которомъ было полное основаніе опасаться, что со-

вѣту избранія 1910-го года—кстати сказать, образованному при еще меньшемъ кворумѣ (285 чел.), придется быть безсмѣннымъ органомъ самоуправленія петербургской присяжной адвокатуры. Опасенія увеличивались какъ въ виду общаго паденія тона общественнаго настроенія, такъ равно въ виду появившихся въ самой адвокатской средѣ сомнѣній: дѣйствительно ли присяжная адвокатура представляетъ собою сословіе, тѣсно связанное общностью профессіональныхъ интересовъ и единствомъ этическихъ требованій. „Мы не сословіе, мы—штучники". Эта зловѣщая фраза, принадлежащая одному изъ видныхъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, не выходила изъ памяти тѣхъ, кому дорога идея общественности и общественной самодѣятельности. Искусъ предстоялъ тяжелый. При 1032-хъ присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской палаты, необходимо было, чтобы въ собраніе 16-го октября прибыло не менѣе 516-ти. Обычно же собиралось въ годовыя собранія не болѣе 250—370.

Опасенія не оправдались. Петербургская адвокатура оказалась на высотѣ сознанія и пониманія сословныхъ обязанностей. Она блестяще показала, что адвокаты, при всемъ различіи ихъ политическихъ взглядовъ, при всей кажущейся отчужденности ихъ другъ отъ друга,—„не штучники". Они собрались въ числѣ 629. Они съ исключительнымъ единодушіемъ выбрали тѣхъ самыхъ—предсѣдателя, Д. В. Стасова, его товарища и членовъ совѣта, которые были избраны 1-го мая. Получившій наименьшее число избирательныхъ голосовъ имѣлъ въ правомъ ящикѣ 359 бѣлыхъ шаровъ. Изъ Риги, Ревеля, Петрозаводска, Юрьева и т. д. прибыли болѣе 50 человѣкъ. Пришелъ въ собраніе слѣпой присяжный повѣренный, котораго подъ руки подводили къ баллотировочнымъ ящикамъ. Были нарочно пріѣхавшіе изъ-за границы. Одинъ присяжный повѣренный, никого о томъ не предувѣдомляя, приготовилъ нѣсколько автомобилей, чтобы посылать за опоздавшими, если до кворума не будетъ хватать голосовъ. Но посылать ни за кѣмъ не пришлось: число явившихся на 113 человѣкъ превысило норму, требуемую буквой закона. Собраніе, не смотря на участіе въ немъ такой массы лицъ, не смотря на совершенную неприспособленность для того кулуаровъ суда—сводчатаго полутемнаго корридора съ каменнымъ поломъ и безъ всякой вентиляціи,—не смотря на присутствіе иниціатора отмѣны выборовъ, который грозилъ предсѣдателю безчисленными заявленіями и протестами, какъ бы нарочно стремясь вызвать противъ себя возбужденіе, — прошло въ полномъ порядкѣ. Присяжные повѣренные, подчинившись рѣшенію судебной палаты, пришли, чтобы вернуть въ нормальное русло теченіе сословной жизни, и превозмогли для того всѣ препятствія.

Такой отрадный фактъ, какъ общее собраніе петербургской присяжной адвокатуры 16-го октября, отмѣчать давно не случалось.

Если бы русская обще-политическая жизнь не была въ той полосѣ, въ которой она сейчасъ находится, то, заглядывая впередъ, мы, конечно, обязаны были бы говорить о необходимости измѣненія буквы того закона, который былъ написанъ почти пятьдесятъ лѣтъ назадъ и примѣненіе котораго вызываетъ затрудненія, столь блестяще превзойденныя, но путемъ огромной затраты и времени, и энергіи занятыхъ своимъ будничнымъ дѣломъ сотенъ людей. Но сейчасъ не этими мыслями занята голова. Если законъ создаетъ проявленіямъ общественности затрудненія, — все равно, въ области ли земскаго или городского самоуправленія, или въ области самоуправленія сословно-адвокатскаго, или въ области, касающейся свободы слова, собраній и союзовъ,—то можно ли въ данную минуту даже мечтать объ устраненіи этихъ затрудненій, какъ бы то ни казалось необходимо и объективно-справедливо? Такой законодательный шагъ знаменовалъ бы отказъ отъ борьбы съ общественностью, и ожидать его невозможно. По поводу общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ 16 октября въ голову приходятъ совершенно иныя мысли, относящіяся къ ближайшему и нѣсколько отдаленному будущему. Во-первыхъ, не будутъ ли выборы снова кассированы? Жалоба уже подана. Г. Алексѣевъ 3-ій, подававшій жалобу послѣ собранія 1 мая, расписываясь на листѣ при входѣ въ собраніе, написалъ: „сіи подписи считаю для кворума недѣйствительными". Онъ же требовалъ въ собраніи, чтобы немедленно по окончаніи выборовъ былъ составленъ протоколъ и чтобы этотъ протоколъ подписали всѣ 629 участниковъ собранія. Правда, эти заявленіе и требованіе ни малѣйшей опоры въ законѣ не имѣютъ. Правда, законъ говоритъ о томъ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, которое „прибудетъ" въ собраніе, а не о томъ, которое будетъ участвовать въ голосованіяхъ. Правда, весь кассированный составъ совѣта получилъ абсолютное большинство голосовъ даже въ отношеніи всего числа прибывшихъ въ собраніе. Но... развѣ судебныя палаты и сенатъ не завѣряли многократно возможности невозможнаго?.. Во-вторыхъ, что будетъ, если черезъ годъ не соберется половина всѣхъ подвѣдомственныхъ петербургскому совѣту адвокатовъ? Въ отношеніи этого вопроса нѣтъ надобности гадать о возможности невозможнаго и вообще строить предположенія. Отвѣтъ на него можно предсказать съ полной увѣренностью. Конечно, имъ скажутъ: „сами виноваты; вѣдь могли же собраться 16 октября въ „законномъ" составѣ"!...

Выше мы писали, что печать перестала быть центромъ вниманія, ибо свобода печатнаго слова „введена въ границы". Конечно, не быть центромъ вниманія для печати отнюдь не означаетъ прекращенія „зоркаго непрестаннаго наблюденія" и штрафовъ. Штрафы и аресты, въ случаѣ неуплаты штрафовъ, сыплются ничуть не меньше. Но печать силою необходимости „приспособилась" къ статьямъ уголовнаго уложенія, и привлеченіе къ суду авторовъ, редакторовъ и издателей за то, что появляется въ печати въ настоящее время, стало гораздо рѣже. Въ данную минуту, скорпіоны уголовнаго преслѣдованія уже служатъ не столько средствомъ обузданія печати современной, сколько средствомъ сведенія счетовъ за то время, когда „приспособленіе" еще не наступило. Намъ не разъ приходилось отмѣчать процессы о „преступленіяхъ", совершенныхъ посредствомъ печатнаго слова въ 1906-1907 гг., когда „виновные" еще на опытѣ не познали „должныхъ" границъ „свободнаго" выраженія мыслей. Общій характеръ этихъ процессовъ таковъ: была напечатана брошюра или статья; въ свое время она преслѣдованія не вызвала; прошло три-четыре года, ее случайно нашли при обыскѣ у лица, ничего не имѣющаго общаго съ авторомъ,—и процессъ, съ его неизбѣжнымъ результатомъ въ видѣ крѣпости, а то и ссылки на поселеніе, готовъ.

Объ одномъ новомъ подобнаго рода процессѣ недавно сообщилъ корреспондентъ „Рѣчи" изъ Кутаиса. Бывшій членъ первой Государственной Думы Жорданія въ 1907-мъ году написалъ на грузинскомъ языкѣ брошюру подъ заглавіемъ „Анархизмъ", въ которой выступилъ съ рѣшительной критикой анархизма, какъ антигосударственнаго ученія. Въ томъ же году, нѣкто Квицаридзе, издатель, представилъ въ тифлисскій комитетъ по дѣламъ печати установленное количество экземпляровъ брошюры, и она была 15 сентября 1907-го года внесена въ книгу комитета, какъ допущенная къ распространенію. Послѣ этого книжка Жорданія никакимъ судебнымъ преслѣдованіямъ не подвергалась. Въ концѣ 1909-го года въ Тифлисѣ случайно, при одномъ обыскѣ, были обнаружены двѣ рукописи на русскомъ языкѣ: „Анархизмъ" и „Анархизмъ и синдикализмъ". При сравненіи рукописей съ грузинской книжкой Жорданія оказалось, что рукописи составляютъ дословный переводъ работы Жорданія. Сейчасъ же послѣдовали изъятія изъ продажи грузинскаго изданія „Анархизмъ", а Ной Жорданія, какъ авторъ, и Квицаридзе, какъ издатель, были привлечены по 129 ст. за распространеніе преступнаго сочиненія.

Въ корреспонденціи говорилось, что дѣло ихъ должно было разсматриваться тифлисской судебной палатой 14 октября. Приговора мы не знаемъ, но мало надѣемся, что Жорданія и Квицаридзе были оправданы. Въ приведенныхъ фактическихъ обстоятельствахъ нельзя

не подчеркнуть, что авторъ былъ преданъ суду за распространеніе того ученія, на борьбу съ которымъ была направлена его работа, и что въ 1911 г. ему пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ за распространеніе брошюры, допущенной въ 1907 г. къ распространенію комитетомъ по дѣламъ печати. Если ему предстоитъ заключеніе въ крѣпости, сколько разъ онъ съ грустью будетъ вспоминать о предварительной цензурѣ и сколько разъ онъ будетъ укорять себя, что, повѣривъ „свободѣ", всталъ на защиту государственности противъ анархизма!?...

Быстро рѣдѣютъ ряды шестидесятниковъ. Не стало и Владиміра Ѳедоровича Лугинина, посылая котораго къ Тургеневу Герценъ писалъ: „онъ мнѣ понравился такъ, какъ давно молодой человѣкъ мнѣ не нравился: это благородное и дѣльное существо". В. Ѳ. родился въ 1834 г., въ Москвѣ. Окончивъ курсъ артиллерійскаго училища, онъ юношей попалъ въ Севастополь, гдѣ одно время жилъ вмѣстѣ съ другимъ молодымъ артиллеристомъ—Л. Н. Толстымъ. Послѣ войны В. Ѳ. поступилъ въ артиллерійскую академію, но вскорѣ вышелъ въ отставку, а затѣмъ вынужденъ былъ покинуть Петербургъ. Ему былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы. Онъ поселился въ Крыму, въ Никитскомъ саду, и здѣсь отдался занятіямъ химіей — занятіямъ, которыя впослѣдствіи дали ему широкую научную извѣстность. Въ 1860 г. онъ уѣхалъ за-границу: въ Гейдельбергъ—къ Бунзену и въ Лондонъ—къ Герцену. Будучи въ Гейдельбергѣ, онъ, по избранію мѣстной русской колоніи, долженъ былъ поступить волонтеромъ къ Гарибальди, но эта поѣздка не состоялась. Потомъ В. Ѳ. долго жилъ въ Парижѣ, работая въ области примѣненія точныхъ физическихъ пріемовъ къ задачамъ химіи. Только въ концѣ семидесятыхъ годовъ для него явилась возможность вернуться въ Россію. Но не надолго. Послѣ 1 марта 1881 г. его занятія химіей и особенно его лабораторія сдѣлались предметомъ столь усерднаго наблюденія, что онъ снова уѣхалъ въ Парижъ. Въ 1889 г. В. Ѳ. поселился въ Москвѣ и вскорѣ занялъ профессорскую каѳедру, на которой оставался до 1906 года. Какъ общественный дѣятель, В. Ѳ. тоже оставилъ по себѣ память. Онъ былъ щедрымъ жертвователемъ на нужды московскаго университета и основателемъ перваго въ Россіи сельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества. „Свободно владѣвшій четырьмя языками, много видавшій, многихъ на своемъ вѣку знавшій, онъ былъ типическій либеральный, прогрессивный европеецъ. Это, однако, не мѣшало ему быть горячо преданнымъ своей родинѣ и потому именно презирать тѣхъ, кто учитываетъ свой патріотизмъ на рынкѣ"... Такъ говоритъ въ посвященномъ памяти В. Ѳ. Лугинина некрологѣ К. А. Тимирязевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.

Въ пользу голодающихъ продаются 22 письма-автографа Л. Н. Толстого, по 50 р. за письмо. Въ вырученной суммѣ будетъ данъ отчетъ въ печати. Просятъ другіе журналы и газеты перепечатать. Адр.: *Почт. отд. Береговое, Черноморск. губ., И. Ф. Наживину.*

II.

Отъ Таганрогскаго Городского Управленія.

18-го іюня 1910-го года Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстнаго въ Имперіи сбора пожертвованій на постановку въ городѣ Таганрогѣ памятника А. П. Чехову.

Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять въ Таганрогскую Городскую Управу непосредственно или черезъ мѣстное Казначейство.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

Англійскія геліогравюры: М. В. ЛОМОНОСОВЪ и Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. А. Курчинскій. Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX-го и началѣ XX-го вѣка. (1870—1910). Спб., 1911. Цѣна 3 рубля.

Книга г. Курчинскаго появляется въ свѣтъ какъ нельзя болѣе своевременно. Вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ и, въ частности, городскихъ финансовъ поставленъ у насъ на очереди, а правильное разрѣшеніе его невозможно безъ ближайшаго знакомства съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается по этому предмету въ Западной Европѣ. Авторъ остановился на Пруссіи, потому что именно тамъ произведена сравнительно недавно (въ 1893 г.) коренная реформа мѣстныхъ финансовъ. Изученію этой реформы г. Курчинскій справедливо придаетъ особенную важность; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что вездѣ—не исключая и Россіи — возникающая мысль о необходимости привлечь къ обложенію незаслуженный приростъ цѣнности недвижимыхъ имуществъ въ Пруссіи уже получила практическое осуществленіе. Положеніе мѣстныхъ финансовъ въ Пруссіи, какъ и у насъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ политическою жизнью. Когда — замѣчаетъ авторъ — „изучаешь вліяніе трехклассной системы избирательнаго права и основанной на ней уродливаго строя городского управленія, или своекорыстной политики представителей городского домовладѣльческаго класса, хочется сказать: mutato nomine de te fabula narratur". И дѣйствительно, русскіе города испытали на себѣ, въ промежутокъ времени между 1870 и 1892 гг., всю прелесть трехклассной системы, а Петербургъ, при дѣйствіи положенія 1903-го года, и теперь испытываетъ гнетъ однородной съ нею двухразрядной системы. Русскимъ городамъ слишкомъ хорошо извѣстна и „своекорыстная политика городского домовладѣльческаго класса".

Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового судьи Н. А. Окунева за 1910 г. Спб., 1911. Цѣна 1 рубль.

Истинно добрымъ дѣломъ является учрежденіе въ Петербургѣ особаго суда о малолѣтнихъ. Возбужденное по иниціативѣ предсѣдателя спб. общества патроната, И. Я. Фойницкаго, оно не только не встрѣтило столь обычныхъ у насъ, въ подобныхъ случаяхъ, препятствій, но вызвало полное сочувствіе и со стороны городской думы, и со стороны мирового съѣзда. Бывшему предсѣдателю съѣзда, покойному М. П. Глѣбову, удалось доказать, что желанное нововведеніе можетъ быть осуществлено на почвѣ существующихъ законоположеній, и это позволило осуществить реформу въ теченіе года со времени постановки ея на очередь. Въ довершеніе удачи, найденъ былъ the right man for the right place; обязанности особаго судьи по дѣламъ о малолѣтнихъ возложены были съѣздомъ на мирового судью Н. А. Окунева, бывшаго земскаго дѣятеля, одного изъ лучшихъ представителей мирового института (замѣтимъ, мимоходомъ, что на выборахъ 1908-го года онъ былъ забаллотированъ думой въ участковые судьи и прошелъ только въ добавочные—конечно, по причинамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ оцѣнкой его судейской дѣятельности). Какъ онъ исполняетъ свою задачу—объ этомъ извѣстно изъ газетныхъ отзывовъ, замѣчательно единодушныхъ. Отчетъ его за 1910-ый годъ даетъ множество интересныхъ фактовъ. Удалось, по видимому, положить прочное начало институту безплатныхъ попечителей, безъ широкаго развитія котораго немыслимъ длительный успѣхъ новаго учрежденія; удалось найти и идейно преданныхъ дѣлу платныхъ попечителей, на которыхъ упадаетъ самая трудная и отвѣтственная часть работы; принимаются энергичныя мѣры къ открытію новыхъ и расширенію существующихъ пріютовъ, гдѣ могли бы найти пристанище малолѣтніе, брошенные на произволъ судьбы. Причинъ, развращающихъ дѣтвору въ большихъ городахъ, не можетъ, конечно, устранить никакой судъ, никакое попечительство; но безспорно крупное значеніе имѣютъ здѣсь и разумные палліативы, какимъ представляется учрежденіе особаго суда по дѣламъ о малолѣтнихъ.

Сюлли-Прюдомъ въ переводахъ русскихъ писателей. Спб., 1911. Цѣна 1 рубль.

Менѣе извѣстный у насъ въ Россіи, чѣмъ нѣкоторые современные ему поэты—напр. Леконтъ де-Лиль, Коппе, Верленъ, — Сюлли-Прюдомъ все же нерѣдко привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ переводчиковъ. Въ настоящемъ сборникѣ, кромѣ многочисленныхъ (55) стихотвореній, переведенныхъ — большею частью именно для него, — его составителемъ, П. И. Тхоржевскимъ, соединены переводы тринадцати писателей, въ томъ числѣ С. А. Андреевскаго, И. Ѳ. Анненскаго, А. Н. Апухтина, А. Н. Плещеева, К. Р., О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича. По словамъ предисловія, сборникъ обнимаетъ собою около трети лирическихъ стихотвореній Сюлли-Прюдома, взятыхъ изъ всѣхъ изданныхъ имъ сборниковъ. Къ изящно изданной книжкѣ приложены интересные отрывки изъ „поэтическаго завѣщанія" Сюлли-Прюдома.

Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1911—1912 академическій годъ. Годъ 4-ый. Москва, 1911.

Широко и прочно установилось прекрасное дѣло, задуманное покойнымъ А. Л. Шанявскимъ и исполненное московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Университетъ имѣетъ два отдѣленія — академическое и научно-популярное: первое служитъ распространенію высшаго научнаго образованія, второе—привлеченію симпатій народа къ наукѣ и знанію. Преимущество свободной организаціи выражается, между прочимъ, въ той легкости, съ которою расширяется кругъ преподаванія. Въ наступающемъ академическомъ году устраиваются, напримѣръ, краткосрочные курсы по мѣстному самоуправленію и по коопераціи. Каждый изъ нихъ будетъ продолжаться съ небольшимъ мѣсяцъ; чтеніе лекцій распредѣлено между спеціалистами, дополненіемъ къ нимъ будутъ служить бесѣды и экскурсіи. Благодаря краткосрочности этихъ курсовъ, ими могутъ пользоваться, пріѣхавъ изъ провинціи, мѣстные дѣятели, въ большинствѣ случаевъ не имѣющіе возможности оставить свои дѣла на продолжительный срокъ.

